
ВСЕЛЕННАЯ.

ВСЕЛЕННАЯ.

ВСЕЛЕННАЯ.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ФИЗИЧЕСКОЙ, МАТЕМАТИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ,

ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ ОТЪ 8 ДО 12 ЛѢТЪ,

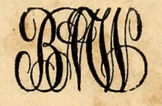
СОЧИНЕНІЕ

Ф. ГЕРШТЕКЕРА.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ф. РЕЗЕНЕРА.

СЪ 6 КАРТИНАМИ И 7 ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ КАРТАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1863.

Одобрено Цензурою.

С.-Петербургъ, 16 Августа, 1862 года

Печатано въ типографіи М. О. Вольфа.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА РОДИТЕЛЯМЪ.

Какъ ни богата наша литература дѣтскими книгами, но она еще крайне нуждается въ такихъ сочиненіяхъ, которыя сообщали бы свѣдѣнія въ занимательномъ разсказѣ.

Я вовсе не нахожу нужнымъ набивать головы дѣтей множествомъ сухихъ познаній и искренно сожалѣю о такъ называемыхъ ученыхъ дѣтяхъ; я вполнѣ убѣжденъ, что родители этихъ малютокъ, переполнивъ ихъ маленькій и нѣжный мозгъ, приняли на себя тяжелую отвѣтственность. Но съ другой стороны считаю высокою задачею: забавляя дѣтей, приготовить ихъ къ ученію серьозному.

Обыкновенно дѣтскія книги ограничиваются тѣмъ, что приводятъ примѣры злыхъ и добрыхъ дѣтей, съ цѣлью возбудить въ юныхъ сердцахъ теплоту и чувство справедливости. При этомъ дѣтямъ разсказываютъ разныя приключенія въ отдаленныхъ странахъ, объ индѣйцахъ и неграхъ, о дикаряхъ и умныхъ животныхъ, о слонахъ и верблюдахъ. Дѣти слышатъ о жаркихъ и холодныхъ странахъ, о моряхъ и корабляхъ, и все это составляетъ для нихъ міръ баснословный. Заду-

мываясь надъ неизвѣстными имъ вещами, о которыхъ имъ сообщаются только самыя поверхностныя свѣдѣнія, дѣти теряютъ изъ виду цѣль разсказа и наполняютъ себѣ голову спутанными и неясными понятіями и картинами.

Однимъ словомъ, имъ недостаетъ перехода изъ обыкновенной жизни въ тотъ новый міръ, который стоитъ внѣ круга ихъ зрѣнія; а многіе родители или не въ состояніи быть въ этомъ случаѣ руководителями, или не имѣютъ на то достаточнаго времени, а можетъ быть и охоты.

Въ предлагаемомъ опытѣ я хотѣлъ дать дѣтямъ отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ начальное понятіе о *земномъ шарѣ и его обитателяхъ*.

Такого рода книга, предназначенная для столь нѣжнаго возраста, должна находиться въ рукахъ матери или учителя, которые читали бы изъ нея дѣтямъ или слѣдили бы за ихъ собственнымъ чтеніемъ.

Стало быть, въ подобной книгѣ должно находиться только то, что ребенокъ можетъ понять безъ чужой помощи, или что можетъ быть ему растолковано каждою матерью при помощи той же книги. Но уча ребенка незамѣтнымъ образомъ, разсказъ долженъ быть и занимательнымъ.

Я не скрываю передъ собою трудностей этого предпріятія; часто главная задача будетъ состоять не въ выборѣ годнаго, а въ пропускѣ того, что можетъ воспрепятствовать достиженію цѣли. Но я считаю предпріятіе исполнимымъ, если строго держаться одного правила: приковывая вниманіе ребенка, не слишкомъ напрягать его умъ.

Я начну дѣйствительно съ начала: предположу извѣстными ребенку только самые обыденные предметы и буду подвигаться съ нимъ лишь мало по малу, пока онъ не начнетъ понимать разсказа.

Книга эта, разумѣется, не исчерпаетъ своего предмета: она должна вложить въ ребенка только основу знанія. Но дитя найдетъ въ ней много матеріала, и такъ какъ содержаніе соразмѣрено съ умомъ и способностями ребенка, то оно и должно удержаться въ его памяти.

Понятно, что столь обильный матеріалъ не долженъ быть сбиваемъ въ одну маленькую книжку. Ребенку не слѣдуетъ предлагать заразъ многаго; чтобъ обдумать познаваемое, дитяти нужно время.

Первая часть книжки должна служить какъ бы введеніемъ, основою для всѣхъ послѣдующихъ; она будетъ содержать въ себѣ то, что ребенку необходимо знать прежде всего, чтобы понять разсказъ, который переноситъ его за предѣлы близко знакомой мѣстности.

Я изложу въ первой книжкѣ все, что касается земли вообще; въ остальныхъ же книжкахъ буду отдѣльно разсматривать части свѣта, описывать ихъ жителей, звѣрей, растенія и т. п. Каждая послѣдующая часть будетъ составлять какъ бы отдѣльное цѣлое, тогда какъ первая послужитъ ключемъ, объясненіемъ для всѣхъ остальныхъ.

Избѣгая сухаго тона учебника, я намѣренъ, съ другой стороны, не допускать въ книгу невѣроятныхъ приключеній, такъ называемыхъ исторій. Ребенка нужно занять строгою истиной: онъ долженъ *учиться,* полагая, что *играетъ.*

Надѣюсь окончить предпріятіе успѣшно. По крайней мѣрѣ я принимаюсь за трудъ съ сильнымъ желаніемъ удачи и съ нѣкоторымъ навыкомъ снискивать расположеніе маленькихъ читателей.

Фридрихъ Герштекеръ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

ГЛАВА I.

ѲЕДЯ И МАША,

КОТОРЫМЪ ОТЕЦЪ ПОЯСНЯЕТЪ ТО, ЧТО ОНИ ВИДЯТЪ НА ЗЕМЛѢ.

Въ прекрасный майскій день, послѣ обѣда, отецъ съ двумя дѣтьми, Ѳедей и Машей, пошли гулять загородъ.

Погода была прекрасная. Небо было голубое и чистое и солнце разливало теплоту. Все радовалось чудному весеннему дню: люди шли толпой на поля, луга и въ лѣсъ, который только-что началъ одѣваться въ молоденькіе листочки; самые звѣри, казалось, радовались, что прошла суровая зима, и наслаждались живительными лучами солнца.

Жаворонки трепеща взлетали надъ полями и поднявшись высоко и прямо въ небо, звонко пѣли; ласточки летали изломанною линіей, ловили мухъ и собирали мохъ и соломенки, чтобы выстлать ими свои гнѣздышки.

На прилегавшій къ городу лугъ въ первый разъ былъ выпущенъ скотъ; телята прыгали и играли возлѣ коровъ, а подгоняемые пастухомъ на тотъ же лугъ ягнята почти танцовали отъ восторга и блея разбѣгались въ стороны, такъ что пастухъ съ собакой едва поспѣвали собирать ихъ въ кучу, на дорогу.

Ты само знаешь, милое дитя, какъ пріятно, просидѣвъ всю зиму въ комнатѣ, видѣть, что опять все зеленѣетъ, что распустятся цвѣты, начнутъ порхать ба-

бочки, а по вечерамъ станутъ жужжать въ воздухѣ большіе жуки.

Въ продолженіе зимы мы даже забыли о существованіи бабочекъ и жуковъ. Мы не видѣли и не слышали ихъ столько времени, что появленіе этихъ старыхъ знакомыхъ доставляетъ намъ истинное наслажденіе.

Ѳедя и Маша были точно такъ же веселы, какъ и ягнята. Съ веселыми восклицаніями прыгали они по дорогѣ передъ отцомъ и пытались ловить проворныхъ воробьевъ, которые подбирали оброненныя на землю зерна. Но воробьи были быстрѣе дѣтей: мигомъ улетали, садились на деревья и беззаботно чирикали, зная хорошо, что въ этомъ убѣжищѣ дѣти ихъ поймать не могутъ.

Дорога пролегала по большому прекрасному лугу, на которомъ пестрѣло много, много цвѣтовъ и по которому струился чистый ручей. Черезъ ручей перекинутъ былъ узенькій мостикъ; онъ велъ къ горѣ, поросшей большими тѣнистыми деревьями.

Путники наши взошли на гору. Дѣти стали подвигаться гораздо тише, потому что всходить очень скоро на гору нельзя. Маленькія ихъ ножки устали, и пришлось часто останавливаться, чтобы перевести духъ.

Наконецъ всѣ достигли вершины горы и нашли тамъ удобную, широкую дерновую скамью, на которой могли покойно отдохнуть; возлѣ скамьи пробивался изъ земли чистый, свѣтлый ручей, а на его берегу была прикрѣплена цѣпочкою кружка, чтобы люди, взобравшіеся на гору, могли утолить жажду.

Ѳедя хотѣлъ тотчасъ же напиться воды, потому что его мучила жажда. Но отецъ остановилъ мальчика. Ѳедѣ было жарко, и еслибъ онъ напился холодной воды, то легко могъ бы заболѣть.

Дѣти усѣлись возлѣ отца на скамейкѣ, чтобы от-

дохнуть и остыть, и смотрѣли на разстилавшуюся передъ ними картину.

Глубоко внизу зеленѣлъ пройденный ими лугъ; за нимъ, налѣво, возвышался городъ, въ которомъ они жили; направо стоялъ большой лѣсъ, а за лѣсомъ видны были высокія горы, которыя, на такомъ большомъ разстояніи, казались блѣдно-голубыми.

Ѳедѣ было восемь лѣтъ, Машѣ шесть; оба жили постоянно въ городѣ, и никогда не бывали дальше лѣса и этой горы, куда провожали иногда отца.

— Я бы желалъ когда нибудь перейти на ту сторону горы и посмотрѣть на землю, которая тамъ лежитъ, сказалъ Ѳедя: — она должна быть очень красива.

— Ты тамъ увидѣлъ бы то же, что и здѣсь, отвѣтилъ отецъ: луга и лѣса, и другія горы; а переправившись черезъ эти, усмотрѣлъ бы въ равномъ разстояніи почти такія же.

— А ты тамъ былъ, папаша?

— Да, дитя мое.

— Ну, а если перейти еще и черезъ тѣ горы?

— Тогда снова повторится то же самое, сказалъ отецъ, улыбаясь. Земля, на которой мы живемъ, очень велика и представляетъ вездѣ горы и равнины, лѣса и луга, поля и долины.

— Что это такое, *долина*? спросила Маша.

— Долиною, дитя мое, отвѣчалъ отецъ, называется мѣсто, лежащее между двумя горами. Мы теперь на горѣ, и, какъ видишь, недалеко отъ насъ лежитъ другая гора, на которой ты можешь различить свѣтленькіе домики, зеленые сады и кусты. Глубокое мѣсто между этими горами, по которому течетъ ручей, называется *долиною*. Поэтому, гдѣ нѣтъ горъ, тамъ не можетъ быть и долинъ.

— Развѣ есть земли, въ которыхъ вовсе нѣтъ горъ? спросилъ Ѳедя.

— Разумѣется. Естъ много странъ совершенно плоскихъ и ровныхъ; нѣкоторыя изъ этихъ мѣстностей, обыкновенно покрытыхъ лѣсомъ, или поросшихъ травой и дикимъ кустарникомъ, люди, распахавши, обратили въ поля. Но есть и земли, представляющія только огромныя горы, съ узкими между ними долинами. Здѣсь у насъ есть горы, долины и равнины, однѣ возлѣ другихъ, и такимъ образомъ онѣ размѣщены по всей землѣ. На горахъ растетъ много высокихъ деревьевъ, которыя даютъ землѣ тѣнь. Въ жаркое лѣто они препятствуютъ солнцу изсушить землю. Изъ тѣнистыхъ горъ вытекаютъ и бѣгутъ въ долины чистые ключи или источники, орошая луга и поля и давая жизнь растеніямъ, кормъ скоту и пищу людямъ.

— Для этого же не нужно источниковъ, сказалъ Ѳедя: внизу есть рѣки.

— А откуда берется рѣка? спросилъ отецъ.

— Да этого я не знаю, отвѣтилъ Ѳедя.

— Такъ слушай же, дитя мое. Ты вѣроятно обращалъ въ городѣ вниманіе на то, какъ послѣ дождя вода стекаетъ съ крышъ? На улицахъ подѣланы канавки, въ которыя сбѣгаетъ эта вода. Если изъ двухъ канавокъ вода соберется въ одну, то ея станетъ болѣе, и она потечетъ глубже и шире; чѣмъ изъ большаго числа канавокъ скопляется вода, тѣмъ потокъ становится значительнѣе.

Точно то же происходитъ и въ горахъ. Ты знаешь, что внизу, въ долинѣ, бѣжитъ ручей. Если ты пойдешь по теченію этого источника, то увидишь, что онъ впадаетъ въ ручей. Съ горъ, въ различныхъ направленіяхъ, стекаютъ другіе источники, которые всѣ собираются внизу; если ты будешь слѣдить за ручьемъ, то увидишь, что чѣмъ болѣе онъ принимаетъ въ себя источниковъ, тѣмъ дѣлается шире и глубже. Итакъ,

нѣсколько источниковъ составляютъ *ручей*, а впослѣдствіи нѣсколько ручьевъ образуютъ *рѣку*.

— Но какъ же это дѣлается, спросилъ Ѳедя, — что всѣ источники отъискиваютъ себѣ путь къ ручью, а потомъ сбѣгаются и ручьи? Еслибъ всѣ они текли одинъ возлѣ другаго, то мы никогда не видѣли бы рѣкъ.

— Источники, другъ мой, отвѣчалъ отецъ, — не собираются собственно къ ручью, но только стекаютъ въ болѣе глубокія мѣста. Вода не можетъ подыматься въ гору, а напротивъ стекаетъ внизъ; гдѣ самое глубокое мѣсто, тамъ и образуется ручей.

Рѣки протекаютъ болшею частью по долинамъ; если же текутъ по равнинѣ, то въ ней непремѣнно есть болѣе низменное мѣсто. Тамъ собирается вода ручьевъ и образуетъ рѣку.

Но если вода эта встрѣтитъ углубленіе въ землѣ, спросилъ Ѳедя, — то она вольется въ него и остановится?

— Да, отвѣтилъ отецъ, — пока не зальетъ углубленія.

Если ты нальешь воды на блюдо, то она не будетъ вытекать, пока блюдо не наполнится. Но все, что ты нальешь послѣ того, потечетъ черезъ край на землю. Если ручей или рѣка встрѣтятъ на своемъ пути такое углубленіе, то нальютъ его водою и образуютъ *озеро*. Когда же оно переполнится, то излишекъ воды потечетъ дальше, какъ изъ блюда.

Если вода, напримѣръ послѣ сильнаго дождя, скопится въ небольшое углубленіе и не находитъ стока, то должна высохнуть или испариться. Такія мѣста называются *лужами*.

Сбѣгающая съ горъ вода, пробираясь внизъ, прорываетъ на землѣ выемку, которую называютъ *русломъ*.
Итакъ русло рѣки есть выемка, въ которой течетъ рѣка; а земля по обѣимъ сторонамъ ея называется *берегами*.

— Но куда же текутъ рѣки? спросилъ Ѳедя.

— Какъ на землѣ встрѣчаются очень высокія горы, отвѣтилъ отецъ, точно такъ же есть очень большія мѣстности, лежащія гораздо ниже того слоя почвы, на которомъ мы живемъ. Рѣки текутъ далеко, далеко по землѣ, пока не достигнутъ наконецъ этихъ глубокихъ мѣстъ. Туда стекаетъ вся вода, — и ты можешь себѣ вообразить, сколько ея бываетъ. Эти мѣста, въ которыхъ вода останавливается, называются *морями*.

— Но если вода тамъ останавливается, сказалъ Ѳедя, то моря также лужи.

— Нѣтъ, дитя мое, лужами ихъ назвать нельзя. Вообрази себѣ только огромнѣйшее углубленіе, въ которое сотни и тысячи лѣтъ всѣ большія рѣки вливали свою воду, и ты поймешь, что образовавшійся водоемъ долженъ быть больше лужи.

— И развѣ эти углубленія еще не наполнились? спросила Маша.

— Давно наполнились, сказалъ отецъ; но вода не можетъ течь изъ нихъ черезъ край, потому что ея много *испаряется*. Я уже прежде сказалъ вамъ, что въ лужѣ вода, если не можетъ никуда стечь, постепенно высыхаетъ или испаряется. Такимъ-же образомъ испаряется очень много воды и изъ того большаго водоема, который называется моремъ и занимаетъ столь обширное пространство. Но такъ какъ въ этотъ водоемъ постоянно впадаютъ рѣки, то воды и не можетъ убавиться.

— Какъ же это, папаша, вода испаряется? спросилъ Ѳедя; — можно ли это видѣть?

— Въ большей части случаевъ нельзя, отвѣтилъ отецъ. Но не видѣлъ ли ты когда нибудь, какъ въ очень холодную погоду вода *дымится?*

— Да, воскликнулъ живо Ѳедя, — очень часто; это похоже на то, какъ поднимается *паръ отъ кипятку*.

— Вотъ видишь, дитя мое; малѣйшія частицы воды

поднимаются на воздухъ. Мы называемъ ихъ паромъ или *туманомъ*. Вверху туманъ скопляется въ тучи, и когда ихъ наберется много, то паръ снова упадаетъ на землю; это называется *дождемъ*. Вѣтеръ гонитъ тучи и черезъ такія мѣста, на которыхъ немного воды, и дождь падаетъ на поля, луга и лѣса и поддерживаетъ въ нихъ влажность. Только благодаря ему растенія могутъ прозябать и давать плодъ.

Но смотрите: тамъ изъ-за горы идутъ тучи, и такъ какъ онѣ кажутся темными, слѣдовательно очень густы, то, вѣроятно, сегодня вечеромъ у насъ будетъ дождь. Не лучше ли намъ отправиться домой? а то промокнемъ.

— Это не бѣда, сказалъ Ѳедя;—мы повѣсимъ наши платья въ кухнѣ, у огня, и они отлично высохнутъ.

— А знаешь ли ты, какимъ образомъ платья высохнутъ? спросилъ отецъ.

— Да, папаша! воскликнулъ Ѳедя, — вода изъ нихъ испарится.

— Вотъ видишь, дитя мое, сказалъ отецъ, улыбаясь; —ты сегодня кое-чему научился. Кромѣ того, вы уже остыли и отдохнули. Теперь пейте изъ этого источника, сколько хотите, а послѣ мы отправимся домой, чтобы не опоздать къ чаю. Бѣда будетъ, если чай, который вы такъ любите, также испарится.

ГЛАВА II.

ЗЕМЛЯ ЕСТЬ ШАРЪ.

Отецъ былъ правъ. Тучи собирались все гуще и гуще, и едва гулявшіе воротились домой, какъ пошелъ сильный дождь.

Онъ лилъ почти всю ночь, и на слѣдующее утро Ѳедя прилежно наблюдалъ, какъ въ уличныхъ канавкахъ наполнившая ихъ желто-грязная дождевая вода быстро уносила соръ и кусочки дерева.

— Смотри, Маша, воскликнулъ онъ, — тамъ изъ дождевыхъ трубъ текутъ источники, какъ намъ это вчера разсказывалъ папа; вотъ тамъ ручьи, а по сю сторону, гдѣ ихъ сошлось нѣсколько, течетъ рѣка. Смотри, какъ она быстро несется къ углу, вмѣстѣ съ той другой рѣкой. За угломъ вѣроятно море.

— Не пойти ли намъ туда, взглянуть на море? сказала Маша. Я никогда еще не видала моря.

— Тебѣ бы пришлось идти очень далеко, дитя мое, сказалъ приблизившійся къ нимъ отецъ. — Рѣки часто протекаютъ большія пространства, прежде чѣмъ достигаютъ моря, и ты бы очень устала, пока бы до него дошла.

— Знаешь что, папаша, сказалъ Ѳедя:—когда я выросту, я непремѣнно пойду къ морю. Но какъ мнѣ идти? Вѣрно все по теченію рѣки, не правда ли?

— Да, дитя мое, отвѣтилъ отецъ.—Если ты отправишься отъ источника, изъ котораго вчера пилъ, и пойдешь берегомъ, по теченію, то достигнешь наконецъ моря. Впрочемъ, ты можешь идти, какъ тебѣ угодно; но если будешь постоянно держаться прямаго направленія, то все-таки придешь наконецъ къ морю. Вся разница въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ достигнешь моря скорѣе, чѣмъ въ другомъ. Чтобы вамъ это сдѣлать болѣе понятнымъ, я отъискалъ карту, на которой изображена наша земля, съ находящимися на ней морями.

— Какой смѣшной рисунокъ, сказала Маша, живо садясь у стола, лишь только отецъ положилъ на него карту: голубой, съ красными, бѣлыми, черными и желтыми пятнами.

— Смотрите, дѣти, продолжалъ отецъ: — эта карта представляетъ всю нашу землю. Все, что означено голубой краской, это вода или море, которое мы называемъ также океаномъ. Вы видите, что море не скопилось въ одно мѣсто, но что между его частями лежитъ также и земля. Части эти, по своему положенію, отличаются одна отъ другой и получили разныя названія. Я скажу вамъ эти названія въ другой разъ Точно такъ и у означенныхъ краснымъ, бѣлымъ, желтымъ и черными пятнами земель есть свои названія.

— Какъ это хорошо! воскликнулъ Ѳедя, — точно, какъ у насъ. Меня зовутъ Ѳедей, а сестру Машей.

— Разумѣется, сказалъ отецъ; — еслибъ и тебя, и Машу звали Ѳедей, то вы бы не могли знать, котораго изъ васъ двоихъ зовутъ. По этому-то людямъ и предметамъ, въ отличіе, присвоены разныя названія.

— Но здѣсь два рисунка, замѣтила Маша; — развѣ двѣ земли?

— Нѣтъ, дитя мое, сказалъ отецъ;—каждый рисунокъ изображаетъ половину земли; рисунки помѣщены

рядомъ, чтобы сразу можно было видѣть обѣ половины. Я объясню вамъ это еще иначе. Ѳедя, принеси мнѣ яблоко, которое спрятала для васъ мамаша и которое она хотѣла между вами раздѣлить.

Ѳедя живо исполнилъ приказаніе отца.

— Смотрите, милыя дѣти, продолжалъ отецъ, взявъ въ руки яблоко;—земля вовсе не такая плоская, какою она представлена здѣсь на бумагѣ; она *круглая*, какъ это яблоко.

— Круглая! воскликнули дѣти.—Какъ это странно!

— Да, круглая. Мы не замѣчаемъ этого потому, что земля очень велика и выпуклость ея, на значительномъ пространствѣ, которое мы можемъ оглянуть, ничтожна.

— Какъ я радъ, что мы живемъ наверху, продолжалъ Ѳедя: — съ боку мы непремѣнно соскользнули бы внизъ.

— Однако этого не бываетъ, возразилъ отецъ.—Землю много разъ объѣзжали, и никто еще съ нея не падалъ. Изъ этого вы можете заключить, что она кругла и что съ земли ничто упасть не можетъ.

— Отчего же? спросилъ Ѳедя.

— Земля, какъ очень большое тѣло, притягиваетъ все, что находится на ней или вблизи. Я могу объяснить вамъ это примѣромъ. Прыгни-ка, Ѳедя.

— Куда, папаша?

— Вверхъ; такъ высоко, какъ можешь.

— И я хочу прыгать, сказала Маша.

— Хорошо, прыгайте вдвоемъ; только какъ можно выше.

Дѣти весело начали прыгать.

— Еще выше, сказалъ отецъ.

— Не могу, отвѣтилъ Ѳедя.

— Почему же?

— Не знаю, но не могу.

— Я тоже не могу, повторила Маша.

— Вамъ обоимъ, сказалъ отецъ, кажется, будто кто нибудь тянетъ васъ за ноги книзу.

— Да, папаша, сказалъ, смѣясь, Ѳедя,—право такъ. Я долженъ тотчасъ опускаться на землю.

— Вотъ видишь, сказалъ отецъ;—это и называется *притягательною силою* земли. Если ты бросишь на воздухъ камень, онъ непремѣнно опять упадетъ на землю. Чѣмъ большую силу ты употребишь при бросаніи, тѣмъ выше онъ поднимется; но все-таки долженъ воротиться назадъ.

— Но птицы могутъ подниматься на воздухъ такъ высоко, замѣтилъ Ѳедя,—что ихъ иногда почти не видно.

— Да, дитя мое, отвѣтилъ отецъ. — У нихъ легкія тѣла и сильныя крылья. Пока птицы опираются крыльями о воздухъ, онѣ не падаютъ. Но коль скоро птички сложатъ крылья и останутся въ бездѣйствіи, тотчасъ падаютъ внизъ, какъ камень.

Если охотникъ убьетъ птицу на воздухѣ, или ранитъ ее въ одно изъ крыльевъ, такъ что птичка не можетъ уже этимъ крыломъ дѣйствовать, то она должна упасть на землю.

Эта притягательная сила земнаго шара не позволяетъ намъ съ него упасть.

Такъ какъ я вамъ уже объяснилъ, что земля кругла, то вы, вѣроятно, понимаете, почему здѣсь, на бумагѣ, она представлена двумя рисунками. Если я держу передъ вами яблоко, то вы видите только ту сторону, которая обращена къ вамъ; противоположной же не можете видѣть. Но вотъ, я разрѣзываю яблоко на двѣ

половины и кладу ихъ плашмя на столъ. Это двѣ половины нашей Земли, и вы можете видѣть обѣ сразу.

Однако на сегодня довольно. Θедя долженъ готовить свои школьные уроки, доволенъ; а пока можете раздѣлить между собой этотъ земной шаръ. Ты, Θедя, возьми одну половину; ты, Маша, бери другую; очистите кожицу и кушайте на здоровье.

ГЛАВА III.

ЧАСТИ СВѢТА И МОРЯ.

Дѣти остались очень довольны этимъ раздѣленіемъ земли. Ѳедя занялся уроками, а Маша, которая не ходила въ школу и училась у матери читать, писать и шить, обставила стульями часть комнаты, называя огороженное мѣсто моремъ. Когда же Ѳедя освободился, то долженъ былъ представлять рѣку, которая впадала бы въ море.

Ѳедя исполнилъ это съ большимъ удовольствіемъ, но бросился въ море съ такой поспѣшностью, что опрокинулъ нѣсколько стульевъ. Маша разсердилась и сказала, что если онъ будетъ такъ неловко играть, то пускай лучше *испарится.*

Послѣ обѣда погода прояснилась, но земля была еще такъ сыра, что не было возможности идти гулять.

Тогда Ѳедя попросилъ мать снова вынуть ему и Машѣ карту; дѣти усѣлись за столъ и начали разсматривать землю и моря.

Они, однако, не знали, какъ положить карту. Маша нѣсколько разъ ее повертывала; но Ѳедя рѣшилъ, что карту слѣдуетъ положить такъ, чтобы можно было читать надписи. Когда мать подошла къ столу, дѣти просили ее объяснить имъ названія разныхъ земель.

— Милыя дѣти, говорила мать, — на земномъ шарѣ очень много разныхъ странъ, и еслибъ я вамъ назвала ихъ

всѣ, то вы бы многихъ именъ и не упомнили. Здѣсь на картѣ обозначены различными красками пять частей земной поверхности или свѣта, въ которыхъ, въ свою очередь, лежатъ отдѣльныя страны. Въ отдѣльныхъ земляхъ находятся города и деревни, въ нихъ стоятъ отдѣльные дома, а въ домахъ этихъ живутъ люди.

— Не правда ли, мамаша, что мы живемъ въ *Европѣ*, сказалъ Ѳедя; — ты намъ это говорила уже нѣсколько разъ, и на странѣ, которая оставлена на картѣ бѣлою, написано большими буквами „Европа."

— Да, Ѳедя, отвѣтила мать,—часть свѣта, въ которой мы живемъ, называется Европою; другая, желтая, направо, — это *Азія*. Здѣсь, ниже, большая черная земля—*Африка*; правѣе, еще ниже, лежитъ *Австралія*, а лежащая налѣво очень большая красная земля называется *Америкою*.

— Но что это за маленькія точки и пестрыя пятна обозначены еще на моряхъ? спросилъ Ѳедя.

— Это острова, объяснила имъ мать. — Маленькая часть суши, окруженная водою, называется *островомъ*.

— Въ такомъ случаѣ и вся остальная суша составляетъ острова, замѣтилъ Ѳедя, — потому что вездѣ вокругъ нея вода или море.

— Только *маленькія* части суши, окруженныя водою, называются островами, отвѣтила мать.—Части же суши, занимающія большія пространства, носятъ наименованіе *материковъ*. Итакъ, Европа составляетъ материкъ вмѣстѣ съ Азіей и Африкой, потому что, какъ ты видишь, между Европой и Азіей нѣтъ моря, а Африка соединяется съ ними вотъ этой узенькой полоской земли. Америка тоже материкъ; даже Австралія, со всѣхъ сторонъ омываемая моремъ, называется материкомъ, потому что очень велика. Всѣ остальныя части суши, которыя лежатъ отдѣльно отъ твердой земли,

острова; у каждой свое названіе, и на нихъ живутъ люди и звѣри, растутъ деревья и трава.

— Какъ же это, острова плаваютъ въ морѣ? спросила Маша.

— Нѣтъ, дитя мое, сказала мать,—они стоятъ твердо. Но вотъ и папаша возвращается домой; онъ вамъ все это объяснитъ, если хотите.

— Вотъ какъ! сказалъ отецъ, входя въ комнату и находя дѣтей за картой, — вы управились съ землей, которую я вамъ далъ, и желаете ознакомиться съ другой. Ну, говорите, что разсказывала вамъ мамаша?

— Мама разсказывала намъ про Европу и Америку, сказала Маша, — и я знаю, что мы живемъ въ Европѣ.

— Вотъ мы даже что знаемъ, сказалъ, улыбаясь, отецъ.

— Маша спрашивала, плаваютъ ли острова, продолжалъ Ѳедя; — но мамаша сказала, что нѣтъ, и мы хотѣли тебя просить, чтобъ ты разсказалъ намъ что-нибудь про острова.

— Знать, безъ этого не обойдется, сказалъ отецъ. — Почему же ты думала, Маша, что острова плаваютъ?

— Мамаша сказала, отвѣтила дѣвочка немного сконфузясь, — что острова лежатъ въ водѣ. Что лежитъ въ водѣ, того нельзя видѣть; но что плаваетъ по водѣ, то можно видѣть.

— Такъ вотъ почему. Ты права, но съ островами дѣло иначе. Какъ здѣсь, на твердой землѣ, есть высокія и низкія мѣстности, горы и долины, точно такъ же и въ морѣ. Дно его не такъ гладко, какъ дно блюда, и поэтому море не вездѣ одинаково глубоко. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дно отстоитъ отъ поверхности такъ далеко, что до сихъ поръ еще не знаютъ дѣйствительной глубины этихъ мѣстъ. Въ другихъ, на днѣ, возвышаются порядочныя горы, и гдѣ онѣ довольно высоки, чтобы подняться надъ поверхностью моря, тамъ обра-

зуются острова. Итакъ, маленькіе острова — это просто верхушки горъ, стоящихъ въ морѣ. Есть совершенно голые острова, состоящіе изъ однихъ скалъ и песку. Другіе покрыты почвой очень плодоносной и лѣсами, а нѣкоторые изъ нихъ поднимаются надъ поверхностью моря такъ высоко, что, въ свою очередь, представляютъ горы и долины и простираются на нѣсколько миль въ длину и ширину.

Ѳедя слушалъ отца со вниманіемъ; потомъ, посмотрѣвъ на карту и нарисованные на ней острова, сказалъ:

— Не правда ли, папаша, что на островъ иначе попасть нельзя, какъ на лодкѣ?

— Разумѣется, потому что вокругъ него вода. Многіе острова лежатъ такъ далеко въ морѣ, что ни одинъ человѣкъ не въ состояніи до нихъ доплыть, и даже въ лодкѣ или на кораблѣ приходится ѣхать къ нимъ много дней и недѣль.

— Но, папаша, сказалъ Ѳедя, — если я захочу изъ Европы отправиться въ Азію, то мнѣ не нужно переплывать моря; я могу преспокойно пройти по сушѣ?

— Да, дитя мое, отвѣтилъ отецъ. — Азія и Европа составляютъ одинъ материкъ и раздѣлены только цѣпью или рядомъ горъ. Но изъ Азіи, этой желтой земли, въ болѣе свѣтлую черную, то есть въ Африку, можно также пройти, не переѣзжая черезъ воду.

— Правда! воскликнулъ Ѳедя; — но эта узенькая полоска не шире нитки.

— Да, здѣсь на картѣ, возразилъ, улыбаясь, отецъ; — но въ дѣйствительности она будетъ и многимъ пошире. Тѣмъ не менѣе она остается узкой полосой, въ сравненіи съ соединяемыми ею двумя большими частями суши. Такая полоса называется *перешейкомъ*.

— Въ такомъ случаѣ вѣрно и это перешеекъ, въ красной-то землѣ, воскликнулъ Ѳедя, указывая на мѣсто пальцемъ.

— Дѣйствительно такъ, дитя мое, сказалъ отецъ.— Это тоже узенькая полоса земли, соединяющая двѣ половины части свѣта, именуемой Америкою, — слѣдовательно и это перешеекъ.

— И на морѣ, продолжалъ отецъ,—есть нѣчто подобное: узенькія полоски воды, которыя соединяютъ два большихъ водоема или два моря. Можешь ли ты мнѣ это найти на картѣ?

Ѳедя началъ разсматривать карту. Наконецъ онъ указалъ на одно мѣсто, налѣво отъ Америки, вверху, гдѣ желтое пятно, Азія, почти сходилось съ краснымъ, Америкой.

— Здѣсь почти такъ! воскликнулъ онъ.

— Да, другъ мой; эта полоска воды соединяетъ два водоема и называется *проливомъ.*

— Какъ хорошо, зимой, когда все замерзнетъ, кататься по морю въ саняхъ, сказала Маша.

— Правда! воскликнулъ Ѳедя.—Ахъ, папа! какъ бы я хотѣлъ отправиться туда съ коньками!

— Ты бы очень ошибся въ разсчетѣ, отвѣтилъ, смѣясь, отецъ.—Въ морѣ вода не такая, какъ въ нашихъ прудахъ и рѣкахъ; морская вода солена, а соленая вода не скоро замерзаетъ.

— Соленая! воскликнулъ Ѳедя съ удивленіемъ, — вся эта голубая вода, которая означена на картѣ?

— Да, вся эта голубая вода, повторилъ отецъ.—Кромѣ того, столь обширная водная поверхность не остается такою спокойною, какъ нашъ прудъ; она постоянно приводится въ движеніе, какъ вѣтромъ, такъ и разными теченіями, и поэтому не можетъ замерзнуть. Ты знаешь, что текучая вода замерзаетъ съ трудомъ.

— Почему же это? спросила Маша.

— Это очень просто, сказалъ Ѳедя.—Если зимой холодно и ты бѣжишь, то ты не мерзнешь, не правда ли?

— Да, отвѣтила Маша, — если я бѣгу, то не мерзну; но если стою, то мерзну.

— Вотъ видишь, продолжалъ отецъ.—Такъ какъ море никогда не бываетъ спокойно, да въ добавокъ еще солено, то обыкновенно не мерзнетъ.

— Но отчего же море солено? спросилъ Ѳедя. — Рѣки, которыя въ него впадаютъ, не солены. Развѣ въ самомъ морѣ есть соль?

— Милое дитя мое, сказалъ отецъ, — этого мы не знаемъ. Морская вода имѣетъ горько-соленый вкусъ, такъ что пить ее нельзя; но люди не могли открыть, отчего это происходитъ. Въ мірѣ мы очень многаго не понимаемъ. Мы видимъ, что растенія растутъ, покрываются листьями и цвѣтами, что деревья приносятъ плодъ; но не знаемъ, какъ это совершается.

— Однако, папаша, ты намъ еще не сказалъ названій морей. Мама сказала намъ названія частей свѣта, и мы ихъ теперь знаемъ.

— Я готовъ удовлетворить вашему любопытству. Этотъ большой водоемъ, который лежитъ между Европой и Африкой съ одной стороны и Америкой съ другой, называется *Атлантическимъ океаномъ*. Большой водоемъ, по ту сторону Америки, называется ***Тихимъ океаномъ*** или ***Великимъ***, а здѣсь, направо отъ Африки, ниже Азіи, лежитъ ***Индѣйскій океанъ***. Онъ названъ Индѣйскимъ потому, что сосѣдняя часть Азіи называется Индіей.

— Кромѣ океановъ есть еще много морей. Одно изъ нихъ, напримѣръ, лежитъ между Африкой и Европой, и проливъ соединяетъ его съ Атлантическимъ океаномъ. Можешь ли ты показать мнѣ на картѣ, о какомъ морѣ я говорю?

— Разумѣется, папаша, отвѣтилъ Ѳедя, и указалъ пальцемъ на море, лежащее между двумя, названными отцемъ, частями свѣта.

— Хорошо, сынъ мой. Море это называется *Средиземнымъ*, потому что лежитъ среди земли, то есть, окружено землею. А это море, которое ближе всего къ намъ, называется *Сѣвернымъ моремъ* *).

— Но эти моря, замѣтилъ Ѳедя, — гораздо меньше океановъ.

— Они дѣйствительно не такъ велики.

— Какъ же зовутъ то море, которое лежитъ надъ Европой, Азіей и Америкой?

— Это *Ледовитое море*, сказалъ отецъ, — и тамъ такъ холодно, что даже соленая морская вода замерзаетъ. Однако, милыя дѣти, я вамъ объясню это въ другой разъ. Сегодня вы узнали довольно много новаго. Завтра я увижу, хорошо ли вы помните имена частей свѣта и морей.

— И разскажешь намъ про Ледовитое море? спросилъ Ѳедя.

— Если это вамъ доставитъ удовольствіе, почему же нѣтъ? Карту я вамъ оставлю, чтобы вы могли отъискать на ней еще другіе перешейки и проливы.

---

*) Не забудьте, дѣти, что Ѳедя и Маша жили не въ Россіи, а въ Германіи. Моря, омывающія берега европейской Россіи, называются: Бѣлымъ, Балтійскимъ, Чернымъ и Азовскимъ.

ГЛАВА IV.

ВОСТОКЪ И ЗАПАДЪ. ДЕНЬ И НОЧЬ.

Послѣ обѣда, окончивъ свои уроки, дѣти принялись играть въ комнатѣ, и Ѳедя строилъ изъ стульевъ уже не море, а Африку и Европу, между которыми оставилъ такое узкое пространство, что Маша едва могла пройти черезъ воображаемый этотъ проливъ. Она потребовала пролива пошире, утверждая, что ей придется ѣздить по нему взадъ и впередъ. Но Ѳедя не соглашался, говоря, что если проливъ будетъ шире, то не будетъ походить на проливъ.

Маша захотѣла жить въ Африкѣ и ѣздить съ своей кукольной телѣгой къ брату. Ѳедя находилъ это неудобнымъ и предлагалъ Машѣ переселиться въ Азію. Если бы она жила въ Африкѣ, то ей нельзя бы было ѣздить черезъ воду и пришлось бы дѣлать большой кругъ. Живя же въ Азіи, она легко могла ѣздить къ брату, въ Европу, и съ куколкой телѣгой.

Маша въ этомъ убѣдилась, потому что дѣйствительно проходъ между стульями представлялъ воду. Дѣвочка пододвинула нѣсколько стульевъ; они должны были представлять Азію. Но Ѳедя все еще не былъ доволенъ.

— Ты не тамъ строишь Азію, сказалъ онъ:—Азія лежитъ направо; слѣдовательно тебѣ нужно переставить стулья туда.

Но Маша не соглашалась.

— Если я встану такъ, говорила она, — то Азія будетъ лежать направо; если же я повернусь, то Азія будетъ налѣво; и потому я могу строить Азію, гдѣ захочу.

— Но тебѣ не слѣдуетъ ворочаться, утверждалъ Ѳедя; — если ты стоишь передъ картой, вотъ такъ, то Азія вѣдь лежитъ направо?

— Да, отвѣтила Маша,—заходя съ другой стороны; но если я встану сюда, продолжала она, то Азія будетъ налѣво; а я становлюсь именно такъ.

— Да теперь ты не можешь читать, что написано на картѣ, воскликнулъ Ѳедя.

— Да мнѣ и не нужно читать, отвѣтила Маша,— я знаю все наизусть. Я знаю, что здѣсь лежитъ Европа, здѣсь Азія, здѣсь Африка, тамъ должна быть Австралія, тамъ длинная земля Америка, а здѣсь проливъ. Вотъ видишь! мнѣ и читать ничего не нужно.

— Что у васъ тутъ, дѣти? спросилъ отецъ, входя въ комнату. О—чемъ вы спорите?

— Не правда ли, папаша, воскликнулъ Ѳедя,—вѣдь Азія лежитъ направо отъ насъ?

— Это зависитъ отъ того, какъ ты стоишь, отвѣтилъ отецъ.

— Вотъ видишь, Ѳедя! воскликнула радостно Маша, ударяя въ ладоши; — я права и могу строить Азію, гдѣ хочу.

— Нѣтъ, дитя мое, сказалъ отецъ; — въ этомъ ты не права. Я вижу, здѣсь въ комнатѣ чуть не все стоитъ вверхъ ногами. Это вѣроятно должны быть части свѣта?

— Да, папаша, сказалъ Ѳедя.— Это Европа; здѣсь Африка; а это проливъ, который входитъ въ Средиземное море; Маша хотѣла поставить Азію тамъ; такимъ образомъ она очутилась бы въ Атлантическомъ океанѣ.

— Теперь ты правъ, и меня радуетъ, что ты со вниманіемъ слушалъ меня поутру.

— А если я повернусь такъ? спросила Маша, которая не могла понять, почему Азіи не лежатъ въ сторонѣ, которая была ей назначена сначала.

— Чтобы вамъ это объяснить, дѣти, я долженъ начать съ чего другаго, сказалъ отецъ. Итакъ уберите вашу Европу, Азію и Африку, а то я не могу пробраться черезъ вашъ проливъ, чтобы поставить шляпу на мѣсто. Увидимъ теперь, поймете ли вы меня.

— Ты съ нами останешься, папаша? воскликнулъ Ѳедя.

— Часъ, не больше: потомъ мнѣ нужно снова идти со двора. Но поставьте же по угламъ ваши части свѣта, и постараемся объяснить Машѣ, почему Азія должна лежать здѣсь, а не въ Атлантическомъ океанѣ.

Дѣти мигомъ привели все въ порядокъ и сѣли къ столу. Отецъ также придвинулъ себѣ стулъ, положилъ передъ собой карту и началъ:

— Вотъ видите, дѣти; въ маломъ пространствѣ легко найтись, если сказать: стулъ стоитъ направо, зеркало налѣво, столъ противъ меня, а диванъ за мной. Но и тутъ если я повернусь, то стулъ будетъ стоять налѣво, зеркало направо, столъ сзади, а диванъ противъ меня; повторится то, что у васъ выходило съ Азіей и Европой. Поэтому, когда нужно было описывать отдаленныя страны, то не знали какъ должно стать, чтобы обозначить дѣйствительное положеніе мѣста, то есть, сказать навѣрное, лежитъ ли страна направо, или налѣво.

Чтобы имѣть постоянное основаніе, замѣтили движеніе солнца, и я вамъ сейчасъ объясню, что это значитъ.

Вы знаете, что солнце всякое утро восходитъ въ одной и той же сторонѣ, не правда ли?

— Да, папаша, воскликнула Маша.—Всякое утро оно свѣтитъ въ эти окна; вечеромъ же, когда заходитъ, освѣщаетъ кухню.

— Хорошо; — сторона, въ которой солнце восходитъ, называется *востокомъ*, а та, въ которой оно заходитъ, *западомъ*.

Въ обыкновенномъ разговорѣ мы говоримъ: „солнце восходитъ“ или „заходитъ,“ но въ дѣйствительности солнце стоитъ на небѣ неподвижно.

— Какъ, солнце стоитъ неподвижно? воскликнулъ Ѳедя съ удивленіемъ; — но мы видимъ всякій день, какъ солнце поднимается все выше и выше и потомъ постепенно опускается, пока не спрячется совсѣмъ.

— Намъ это такъ кажется, продолжалъ отецъ, — и въ теченіе многихъ, многихъ лѣтъ, пока еще не знали, что земля кругла и что она движется, люди думали, какъ и ты теперь. Въ настоящее же время удостовѣрились, что солнце дѣйствительно стоитъ неподвижно и что только намъ, жителямъ земли, кажется, будто оно двигается. Чтобы я могъ это лучше объяснить, дай мнѣ, Ѳедя, твой резиновый мячъ и свѣчку. Я опущу сторы и зажгу свѣчку и тогда покажу вамъ мнимое восхожденіе и захожденіе солнца.

Отецъ заперъ внутренніе ставни и опустилъ сторы, такъ что въ комнатѣ сдѣлалось почти темно. Потомъ зажегъ свѣчку, которую ему принесъ Ѳедя, и взялъ въ руки мячъ.

— Теперь смотрите, говорилъ онъ.—Свѣча представляетъ солнце, а мячъ — землю. Вы видите, что солнце можетъ освѣщать только одну половину земнаго шара. Другая остается въ тѣни. На половинѣ, освѣщенной солнцемъ — *день*, на другой — *ночь*, а по чертѣ кругомъ мячика, гдѣ свѣтъ и тѣнь встрѣчаются — *сумерки*.

Вообразите себѣ, что мы живемъ здѣсь, вверху, въ тѣни; значитъ у насъ ночь. Теперь я начинаю понемногу повертывать мячъ, чтобъ онъ вращался какъ наша земля. Смотрите: теперь падаетъ уже немного свѣта на ту часть, на которой мы живемъ; слѣдовательно, мы переходимъ въ сумерки; теперь же, если будемъ съ земли смотрѣть прямо по направленію къ солнцу, мы увидимъ свѣтъ, то есть, самое солнце. Это точно такое же положеніе, какое бываетъ поутру, когда солнце, какъ мы выражаемся, восходитъ. Тогда намъ не нужно поднимать головы къ солнцу; мы можемъ видѣть его на *горизонтѣ.*

— А что такое горизонтъ? спросилъ поспѣшно Ѳедя.

— Горизонтъ, это ***кругъ нашего зрѣнія***, то есть, та маленькая часть земной поверхности, которую мы можемъ оглянуть съ занимаемаго нами мѣста. Если мы стоимъ на равнинѣ, то эта поверхность будетъ простираться до самыхъ отдаленныхъ точекъ, какія мы можемъ разсмотрѣть во всѣхъ направленіяхъ. А такъ какъ земля кругла и слѣдовательно во всѣхъ направленіяхъ отъ насъ понижается одинаково, то эти точки находятся отъ насъ въ равномъ разстояніи и горизонтъ составляетъ кругъ. Поэтому онъ называется также ***кругомъ зрѣнія.*** Горизонтомъ же называется и черта, по которой, какъ намъ кажется, небо соприкасается съ землею.

— Могу ли я видѣть эту черту, если отопру окно? спросила Маша.

— Нѣтъ, дитя мое, тебѣ помѣшаютъ стоящіе вокругъ дома. Черта эта, какъ окраина оглядываемой равнины, всегда должна лежать ниже твоихъ глазъ. Если тебѣ на что нибудь нужно смотрѣть вверхъ, будетъ ли то домъ или гора, то верхнюю окраину этихъ предметовъ нельзя назвать горизонтомъ.

Но возвратимся къ восходу солнца. Вообразите себѣ, что мы живемъ здѣсь и смотримъ прямо на гори-

зонтъ. Мы замѣтимъ на немъ появленіе солнца. Чѣмъ болѣе я стану повертывать мячикъ, тѣмъ дальше будетъ ложиться свѣтъ и тѣмъ выше будетъ подниматься солнце надъ горизонтомъ, потому что онъ лежитъ всегда на поверхности земли. Смотрите: на томъ мѣстѣ, гдѣ мы живемъ, теперь уже ясный день, и намъ кажется, будто солнце на большое разстояніе поднялось кверху. Въ дѣйствительности же мы опустились внизъ.

Отчего же, спросилъ Өедя, — мы не чувствуемъ движенія земли. Вѣдь когда я иду, или бѣгу, или ѣду, то вижу, что двигаюсь.

— Это потому, отвѣтилъ отецъ, что ты видишь вокругъ себя другіе предметы, которые остаются неподвижными. Если все, что ты видишь, начнетъ подвигаться вмѣстѣ съ тобой, оставаясь въ прежнемъ отъ тебя разстояніи, то ты не замѣтишь никакого движенія. Плывя въ лодкѣ по рѣкѣ, замѣчаешь свое движеніе потому, что берега, вдоль которыхъ ты проѣзжаешь, стоятъ неподвижно. Но кто ѣдетъ на кораблѣ, по морю, въ такомъ разстояніи отъ берега, что не видно земли, тотъ не можетъ видѣть, двигается ли корабль. Точно такъ же, смотря на землю, мы не вѣримъ своему движенію, потому что вмѣстѣ съ нами двигается все, насъ окружающее. Но глядя на солнце и помня, что оно стоитъ на мѣстѣ, мы убѣждаемся въ собственномъ движеніи.

Въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, земля одинъ разъ повертывается вокругъ самой себя, отчего происходитъ день и ночь. Половину этого времени, пока мы въ свѣту, продолжается день. Смотрите: я снова начну поворачивать мячикъ; солнце склоняется за нами, мы переходимъ въ сумерки, и теперь, когда горизонтъ нашъ подвинулся на столько, что заслонилъ отъ насъ солнце, наступитъ ночь. Мы столько же времени будемъ находиться въ тѣни, пока снова не перейдемъ въ

утренніе сумерки и не настанетъ день. Это очередованіе дня и ночи продолжается круглый годъ, съ тѣхъ поръ, какъ люди живутъ на землѣ.

— Но мнѣ все кажется, замѣтилъ Ѳедя, что мы должны бы чувствовать движеніе земли.

— Подожди же, дитя мое, сказалъ отецъ; завтра, если погода будетъ хорошая, я отправлюсь съ вами и съ мамашей на пруды, кататься, и надѣюсь еще болѣе пояснить вамъ то, что говорилъ сегодня. Теперь откроемъ ставни и потушимъ свѣчку; я скажу вамъ еще кое-что про страны свѣта.

Ставни были открыты, и сторы подняты; отецъ потушилъ свѣчку, и Ѳедя понесъ ее на мѣсто. Между тѣмъ Маша спросила отца, какъ называется то мѣсто, гдѣ восходитъ солнце?

— Мѣсто, дитя мое, говорилъ отецъ, гдѣ оно восходитъ (востекаетъ), называется востокомъ; слѣдовательно, все, что лежитъ въ этомъ направленіи, лежитъ по направленію къ востоку или просто на востокъ. Мѣсто, гдѣ солнце заходитъ, называютъ западомъ; слѣдовательно, все, лежащее въ этомъ направленіи, лежитъ на западъ. Чтобы вамъ снова не пришлось спорить, гдѣ лежитъ Азія, скажу еще какъ рисуются всѣ карты, частей ли свѣта или отдѣльныхъ земель. Если вы положите карту прямо передъ собой, такъ чтобы можно было читать надписи, то востокъ придется по правую руку, западъ по лѣвую. Теперь, можетъ быть, Маша съумѣетъ сказать мнѣ, гдѣ лежитъ Азія, въ отношеніи къ Европѣ?

— Подождите, папаша: дайте мнѣ сперва посмотрѣть на карту. Европа находится здѣсь, Азія направо; значитъ Азія лежитъ на востокъ, не правда ли?

— Дѣйствительно такъ: Азія лежитъ на востокъ. А скажи мнѣ, Ѳедя, что лежитъ на западъ отъ Европы?

— Атлантическій океанъ.

— Прекрасно, дѣти; это мнѣ доказываетъ, что вы слушали со вниманіемъ. Вы знаете теперь двѣ страны свѣта; но у насъ есть еще двѣ: представляемыя наверху карты и внизу. Сперва я вамъ скажу, какъ ихъ зовутъ, и уже въ другой разъ объясню, какъ ихъ отъискать. Страну свѣта, изображаемую наверху карты, называютъ — *сѣверомъ*, а представляемую внизу — *югомъ*. Поэтому, если я васъ поставлю такъ, что восходящее солнце будетъ у васъ по правую руку, то что будетъ передъ вами?

— Сѣверъ! сказалъ Ѳедя.

— Хорошо. А за вами?

— Югъ.

— А налѣво?

— Западъ.

— Очень хорошо. Кажется, вы теперь это знаете.— Но я съ вами заболтался, и мнѣ пора идти покончить еще кой-какія дѣла. Сегодня вечеромъ, послѣ чая, я вамъ объясню и эти двѣ страны свѣта, и вы уже будете въ состояніи отъискать дорогу на земномъ шарѣ.

Съ этими словами, отецъ вышелъ изъ комнаты, оставивъ дѣтей однихъ.

ГЛАВА V.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. ЗИМА И ЛѢТО.

Когда все наше маленькое семейство отпило вечерній чай, дѣти едва могли дождаться, чтобы убрали со стола посуду: съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали они разсказа отца.

Ѳедя отъискалъ на картѣ, внизу и вверху, два маленькіе полукруга, въ которыхъ было написано: „сѣверный полюсъ“ и „южный полюсъ“ — и очень желалъ знать ихъ значеніе.

— Все это, дѣти, вы узнаете сегодня, сказалъ отецъ, когда наконецъ скатерть была снята со стола и на немъ появилась карта, которую Ѳедя уже давно держалъ въ рукахъ. Однако, Ѳедя, мнѣ нуженъ твой мячъ, который представляетъ намъ земной шаръ.

Сегодня вечеромъ, дѣти, лампа эта замѣнитъ намъ солнце; она также неподвижно стоитъ на столѣ, какъ солнце на небѣ, и я начну снова вращать нашу землю.

Я вамъ уже говорилъ, какъ земля освѣщается солнцемъ, и вращаясь на востокъ, совершаетъ полный оборотъ въ двадцать четыре часа, и какъ отъ этого происходитъ день и ночь. Однако солнце изливаетъ на насъ не только свѣтъ, но и *теплоту*. Вы знаете, что въ воздухѣ гораздо теплѣе въ то время, когда солнце свѣтитъ, чѣмъ когда его не видно; лѣ-

томъ, когда солнце поднимается высоко, у насъ бываетъ даже очень жарко.

Постараюсь вамъ объяснить, какъ это происходитъ, хотя предугадываю, что вы поймете мой разсказъ, не такъ легко, какъ поняли явленіе дня и ночи. Поэтому будьте повнимательнѣе. Ты, Ѳедя, указывалъ мнѣ недавно на сѣверный и южный полюсы. Я означу ихъ на нашемъ мячикѣ чернилами, въ видѣ двухъ маленькихъ пятнышекъ. Одно изъ нихъ будетъ означать сѣверный полюсъ, а другое южный. Поперегъ мяча, въ равномъ разстояніи отъ этихъ точекъ, я проведу такую же черту, какая нарисована здѣсь на картѣ; значеніе ея я объясню вамъ послѣ. Надъ этой чертой и подъ нею, въ равныхъ разстояніяхъ, я проведу двѣ пунктирныя линіи, точно такія же, какія вы видите на картѣ. На мячикѣ онѣ не будутъ расходиться отъ средней черты, какъ это представлено на картѣ; для изображенія на плоской бумагѣ выпуклаго полушарія, края его пришлось расширить, а пунктирныя линіи удалить отъ средней; на мячикѣ же этого дѣлать незачѣмъ. Европа или часть свѣта, въ которой мы живемъ, лежитъ, примѣрно, здѣсь, то есть, почти на серединѣ между верхней чертой и сѣвернымъ полюсомъ; занимаемое ею мѣсто я означу кружечкомъ.

Теперь нашъ земной шаръ готовъ, и мы можемъ его вращать. Лампа будетъ нашимъ солнцемъ, точно такъ же, какъ сегодня поутру солнцемъ была свѣчка. Смотрите же, дѣти: земля обращается такъ, какъ я вамъ говорилъ, вокругъ самой себя или на своей оси. Если мы себѣ вообразимъ, что черезъ всю землю проткнута, отъ одного полюса до другаго, палка, то земля будетъ обращаться вокругъ этой палки, какъ колесо вокругъ своей оси.

Но земля обращается не только вокругъ своей оси, отчего у насъ бываетъ день и ночь, а она въ то же время движется еще вокругъ солнца, и на полный кругъ ей нуженъ цѣлый годъ. Можешь ли ты мнѣ сказать, Ѳедя, сколько разъ она обернется около оси, прежде чѣмъ окончитъ путь вокругъ солнца?

Ѳедя призадумался, но не зналъ, что отвѣчать.

— Нѣтъ, папаша, сказалъ онъ наконецъ; этого я еще не знаю.

Знаешь, возразилъ отецъ, но не можешь вспомнить. Сколько дней въ году?

— Триста-шестьдесятъ-пять, отвѣтилъ Ѳедя.

— А сколько дней въ году, столько же разъ земля должна обернуться вокругъ своей оси, пока окончитъ путь вокругъ солнца. При этомъ обращеніи земля никогда не повертывается къ солнцу полюсами, которыя я обозначилъ двумя черными пятнышками, и солнце никогда не свѣтитъ на эти точки сверху. Чѣмъ выше стоитъ надъ ними солнце и чѣмъ болѣе лучи его падаютъ на насъ сверху, тѣмъ болѣе они грѣютъ. Вы, вѣроятно, уже замѣтили, что поутру и вечеромъ солнце грѣетъ не такъ сильно, какъ въ полдень, когда его лучи падаютъ на насъ не съ боку, а сверху. Полюсовъ оно никогда такъ не освѣщаетъ; лучи его падаютъ на нихъ всегда съ боку, и по этой-то причинѣ тамъ никогда не бываетъ такъ жарко, какъ на той части земной поверхности, прямо надъ которой стоитъ солнце и черезъ которую я провелъ эту черную черту.

Смотрите, дѣти, какъ я держу мячъ, который представляетъ нашу землю. При обращеніи земли вокругъ солнца, черта эта постоянно находится подъ нимъ; поэтому вы догадываетесь, что на этой части земнаго шара бываетъ всего жарче.

Если бы земля обращаласъ такъ, что эта черта оставалась бы всегда прямо подъ солнцемъ, то на ней бы-

ло бы постоянно всего жарче. — Если мы сравнимъ такое раздѣленіе теплоты на земной поверхности съ разною теплотою временъ года, то можемъ сказать, что на этой чертѣ было бы постоянно самое жаркое время года, то есть лѣто. Мы живемъ, примѣрно, здѣсь; — вы видите точку, на которую я указываю; она лежитъ почти посрединѣ между верхней изъ трехъ черточекъ и полюсомъ. Слѣдовательно, у насъ была бы постоянно весна или осень, то есть умѣренно - тепло; у полюсовъ же, какъ болѣе всего отвращенныхъ отъ солнца, была бы постоянная зима.

Но этого не бываетъ. Во время движенія вокругъ солнца, земля, хотя немного, наклоняетъ ось къ кругу, по которому двигается. Для поясненія, станемъ двигать мячъ около верхней доски нашего круглаго стола. Сперва наклонимъ къ ней сѣверный полюсъ мячика; южный въ это время отъ нея удаляется. Теперь, сохраняя наклоненіе сѣвернаго полюса въ ту же сторону комнаты, мы передвинемъ мячикъ на четверть края доски. Вы видите, что полюсы отстоятъ отъ нея одинаково, и мячикъ, вращаясь, будетъ оборачиваться къ доскѣ средней черты. Подвинемъ мячикъ еще на четверть окружности. Сѣверный полюсъ будетъ отвращенъ отъ доски, а южный, напротивъ, наклоненъ къ ея нижней сторонѣ. Пусть мячикъ передвинется еще на четверть окружности. Опять полюсы будутъ отстоятъ отъ доски одинаково. Наконецъ, передвинувшись на прежнее мѣсто, мячикъ приметъ и прежнее положеніе. Замѣтьте еще, что удаляясь отъ края доски, полюсъ удалялся и отъ ея середины. Если мы будемъ двигать мячикъ такимъ же образомъ вокругъ лампы, то и относительно ея полюсы будутъ измѣнять свое положеніе, — какъ измѣняли относительно доски. Средняя черта, которую мы называемъ *экваторомъ*, не находится

постоянно подъ солнцемъ; земной шаръ подвертываетъ подъ солнце то одно, то другое разстояніе отъ экватора до пунктирныхъ линій, проведенныхъ мною повыше и пониже экватора. Въ теченіе почти половины времени, нужнаго землѣ, чтобы сдѣлать оборотъ вокругъ солнца, то есть, въ теченіе почти полугода, къ солнцу обращено разстояніе отъ экватора до сѣверной пунктирной линіи. Въ остальную половину года, къ солнцу обращена южная часть земнаго шара, но тоже лишь до пунктирной линіи; слѣдовательно, земля никогда не подвертываетъ полюсовъ подъ солнце. На той половинѣ земли, которая наклонила къ солнцу свой полюсъ, бываетъ лѣто, въ то время, когда на противоположной половинѣ бываетъ зима; когда же повернется къ солнцу другое полушаріе, то на немъ будетъ лѣто, а на противоположномъ зима. Линіи, которыя я провелъ на мячикѣ точками, и которыя точно также обозначены на картѣ, называются ***поворотными кругами***, потому что земля, подвернувъ подъ солнце часть сѣвернаго полушарія, до одной изъ этихъ линій, снова отводитъ его отъ солнца, чтобы мало по малу повернуться къ свѣтилу частью южнаго полушарія, до другой линіи.

Это наклоненіе полюсовъ къ солнцу или кажущееся движеніе солнца отъ одного поворотнаго круга къ другому сопровождается еще однимъ послѣдствіемъ, которое я долженъ вамъ объяснить. Послѣдствіе состоитъ въ томъ, что лѣтомъ дни у насъ бываютъ длиннѣе, чѣмъ зимой.

Чтобы это понять, обратите все ваше вниманіе на мячъ, который я опять держу такъ, что оба его полюса равно отстоятъ отъ нашего солнца, то есть отъ лампы. Вы видите, что свѣтъ падаетъ на цѣлое полушаріе земли — на этомъ полушаріи день, тогда какъ на

другомъ ночь. Пока земля будетъ подвертывать подъ солнце экваторъ, день и ночь будутъ совершенно равны, то есть, у насъ и на всей землѣ будетъ двѣнадцать часовъ дня и двѣнадцать часовъ ночи, потому что земля, вращаясь на востокъ, повертывается вокругъ оси одинъ разъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ. Но какъ скоро земля наклонитъ къ солнцу одинъ изъ полюсовъ, какъ теперь, тогда порядокъ этотъ измѣнится. Солнце продолжаетъ освѣщать половину земли, и если южный полюсъ отъ него немного отвернулся, то сѣверный на столько же наклонился къ солнцу. Если бы онъ всталъ прямо подъ солнце и земля продолжала вращаться вокругъ прежней оси, то, конечно, солнце долго освѣщало бы одно сѣверное полушаріе. Но и отъ одного наклоненія сѣвернаго полюса, въ его полушаріи солнце видно въ теченіе продолжительнѣйшаго времени, чѣмъ въ южномъ. Поэтому лѣтомъ солнце свѣтитъ гораздо дольше. Теперь въ сѣверной сторонѣ мяча болѣе свѣта и менѣе тѣни, а потому и болѣе теплоты.

Вблизи экватора это не составляетъ большой разницы. Но чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ лѣтній день бываетъ длиннѣе; когда земля подвертываетъ подъ солнце часть сѣвернаго полушарія до самаго поворотнаго круга, именно 10 іюня, то есть, когда у насъ самый длинный день, тогда на сѣверномъ полюсѣ солнце совсѣмъ не заходитъ: бываетъ видимо и днемъ, и ночью.

Въ то время лучи солнца падаютъ на сѣверное полушаріе уже не такъ косвенно, и у насъ бываетъ лѣто. Итакъ, 10 іюня солнце находится къ намъ всего ближе, то есть стоитъ прямо надъ сѣвернымъ поворотнымъ кругомъ или такъ далеко къ сѣверу, какъ только можетъ доходить.

Теперь я снова двигаю мячъ, такъ что солнце по-

немногу приближается къ экватору. Смотрите: освѣщенное мѣсто на сѣверномъ полюсѣ становится все меньше и меньше, день короче и короче, лучи солнца падаютъ на сѣверную половину все косвеннѣе, и тамъ, естественно, становится все холоднѣе и холоднѣе.

10 сентября, то есть три мѣсяца или четверть года послѣ самаго длиннаго дня, солнце снова стоитъ прямо надъ экваторомъ или; иначе, онъ подвертывается подъ солнце. Тогда день и ночь бываютъ у насъ и на всей землѣ равны. Вы видите, что когда я держу мячъ такъ, то солнце свѣтитъ на экваторѣ не дольше, чѣмъ направо и налѣво отъ экватора, даже вблизи полюсовъ. Чѣмъ болѣе южная половина земли будетъ поворачиваться къ солнцу, тѣмъ болѣе наша сѣверная будетъ отъ него отвращаться, тѣмъ косвеннѣе будутъ падать на насъ лучи солнца, тѣмъ дольше, при поворотѣ земли, будемъ мы находиться въ тѣни и тѣмъ у насъ будетъ холоднѣе. Тогда въ южной половинѣ земли будетъ лѣто, а у насъ зима. 10 декабря, южный поворотный кругъ стоитъ прямо подъ солнцемъ. Южный полюсъ весь освѣщенъ, а сѣверный находится въ глубокой темнотѣ. На южномъ полюсѣ теперь солнце постоянно видимо, тогда какъ на сѣверномъ цѣлые мѣсяцы продолжается ночь.

— Цѣлые мѣсяцы бываетъ ночь! воскликнули дѣти съ удивленіемъ, — что же дѣлаютъ тогда люди? Развѣ у нихъ солнце вовсе не восходитъ?

— Нѣтъ; на этомъ мячикѣ вы видите, что солнце не можетъ освѣщать сѣвернаго полюса земли, когда къ нему обращена ея южная половина. Точно то же происходитъ на южномъ полюсѣ, когда къ солнцу обращена сѣверная половина. Мы, живущіе не такъ близко къ полюсу, не лишаемся совершенно свѣта; но въ это время, 10 декабря, у насъ бываетъ самый короткій день и самая длинная ночь, и какъ, кромѣ того, лучи

солнца падаютъ на сѣверное полушаріе очень косвенно, то у насъ бываетъ холодъ или зима.

Достигнувъ южнаго поворотнаго круга, солнце снова начинаетъ возвращаться къ экватору. Чѣмъ болѣе оно къ нему приближается, тѣмъ день у насъ становится длиннѣе, пока, 9 марта, опять не подойдетъ подъ солнце экваторъ. Тогда у насъ день и ночь снова будутъ равны; лучи солнца не будутъ падать такъ косвенно; у насъ будетъ теплѣе — однимъ словомъ, весна.

Теперь вы понимаете, отчего происходятъ четыре времени года: весна, лѣто, осень и зима; вы знаете также, почему лѣтомъ дни бываютъ у насъ длиннѣе, чѣмъ зимой.

— Но, сказалъ Ѳедя, — какъ должно быть странно на сѣверномъ полюсѣ, когда солнце тамъ вовсе не заходитъ, или когда такъ долго продолжается ночь. Я бы не хотѣлъ тамъ жить.

— Конечно, это замѣчательная земля, отвѣтилъ отецъ; — и я надѣюсь со временемъ разсказать вамъ о ней много интереснаго.

— Если близъ полюса солнце такъ долго не свѣтитъ, замѣтила Маша, — то тамъ должно быть очень холодно.

— Разумѣется. Между поворотными кругами всего теплѣе. Настоящей зимы тамъ собственно не бываетъ, потому что экваторъ никогда далеко изъ-подъ солнца не удаляется.

На томъ же основаніи, что сѣверный и южный полюсы никогда подъ солнце не подходятъ, на этихъ точкахъ очень холодно. Мы, живущіе почти на серединѣ между экваторомъ и сѣвернымъ полюсомъ, то есть, въ странѣ ни холодной, ни жаркой, пользуемся *умѣреннымъ* климатомъ. Вблизи сѣвернаго полюса лѣто про-

должается очень недолго, то есть пока солнце стоитъ надъ сѣвернымъ поворотнымъ кругомъ. Во все остальное время года тамъ, можно сказать, зима и бываетъ страшно холодно. Поэтому на самомъ сѣверномъ полюсѣ нѣтъ ничего, кромѣ льда. То же самое представляетъ и южный полюсъ.

Такъ какъ я объяснилъ вамъ, кажется, все довольно ясно, то вы, вѣроятно, хорошо понимаете теперь положеніе сѣвера и юга. Маша, гдѣ лежитъ сѣверъ?

— Сѣверъ? отвѣтила Маша; — сѣверъ лежитъ, должно быть, тамъ, гдѣ сѣверный полюсъ.

— Разумѣется; но покажи мнѣ его на картѣ.

— Здѣсь, наверху, папаша.

— Хорошо, дитя мое. Ну, Ѳедя, а гдѣ лежитъ югъ?

— Югъ тамъ, гдѣ экваторъ, отвѣтилъ мальчикъ.

— Экваторъ лежитъ южнѣе насъ, это правда, сказалъ отецъ; — но онъ не показываетъ намъ точно южнаго направленія, потому что составляетъ линію, которая окружаетъ всю землю. Мы можемъ прійти къ экватору, хотя направимся и не прямо къ югу. Если бы мы даже уклонились нѣсколько направо или налѣво, то есть къ западу или востоку, то все-таки пришли бы къ экватору. Поэтому, чтобы точно обозначить югъ, тебѣ нужно указать точку, какъ это сдѣлала Маша.

— Такъ югъ будетъ тамъ, гдѣ южный полюсъ, сказалъ Ѳедя.

— Хорошо. Теперь я вамъ скажу еще, какъ мы можемъ отъискать югъ по солнцу. Вы знаете уже, что мы живемъ на сѣверномъ полушаріи, не правда ли? и что полюсъ никогда не подходитъ прямо подъ солнце. Изъ этого слѣдуетъ, что солнце стоитъ всегда южнѣе

насъ. Даже въ полдень солнце не находится прямо надъ нашими головами, какъ это бываетъ на экваторѣ или между поворотными кругами; оно всегда стоитъ немного южнѣе. А какъ земля обращается вокругъ оси очень равномѣрно и всегда въ теченіе одного и того же времени, то въ половинѣ дня солнце стоитъ у насъ всего выше и какъ-разъ на югѣ.

На основаніи этого устраиваются солнечные часы. Они состоятъ изъ желѣзнаго прута, вколоченнаго на какомъ нибудь мѣстѣ, которое обращено къ югу. Въ полдень солнце стоитъ прямо надъ прутомъ, и онъ не бросаетъ тѣни; тогда у насъ бываетъ половина дня, то есть двѣнадцать часовъ, полдень. До этого времени тѣнь падаетъ влѣво отъ прута, и чѣмъ раньше, тѣмъ лѣвѣе; послѣ полудня тѣнь отходитъ направо.

Такимъ образомъ я вамъ объяснилъ, какъ распознать три страны свѣта, а именно: ***востокъ*** — по восхожденію солнца, ***западъ*** — по его захожденію и ***югъ*** — по тому мѣсту, гдѣ солнце стоитъ всего выше, въ полдень. Оттого-то страны свѣта обозначаются еще иначе; говорятъ: на ***восходъ***, на ***закатъ***, на ***полдень*** и на ***полночь.***

Теперь намъ нужно еще отъискать четвертую страну свѣта, сѣверъ, и я вамъ опишу придуманный съ этою цѣлью, очень простой инструментъ.

Знаете ли вы, что такое магнитъ?

— Да, папаша, сказалъ Ѳедя, — у тебя вѣдь есть магнитъ, похожій на подкову, который притягиваетъ желѣзо.

— И у меня есть магнитъ, замѣтила Маша; — онъ красный, и когда я пущу на воду моихъ рыбокъ или мой корабликъ, то мнѣ стоитъ только водить передъ ними магнитъ, чтобы они поплыли, куда я захочу; они даже

такъ крѣпко пристаютъ къ нему, что я могу магнитомъ ихъ вытащить.

— Слѣдовательно, вы знаете, о чемъ я говорю, продолжалъ отецъ; — однако, Маша, магнитъ не красный; только твой выкрашенъ этой краской. Отчего магнитъ притягиваетъ желѣзо, мы не знаемъ, какъ и причины многихъ другихъ явленій въ природѣ. Мы ихъ только замѣчаемъ.

На сѣверномъ полюсѣ, или по крайней мѣрѣ вблизи его, находится необъясненная нами сила, притягивающая магнитъ. Разумѣется, она не такъ сильна, чтобы, на огромномъ разстояніи до насъ, сдвинуть нашъ магнитъ съ мѣста. Но если иголку, которая концомъ была терта о конецъ магнита и такимъ образомъ пріобрѣла его свойства, насадить серединою на другую иголку, какъ я, напримѣръ, кладу карандашъ на палецъ, то одинъ конецъ намагниченной иглы обращается всегда къ сѣверу.

Гдѣ бы на землѣ мы ни находились, еслибъ мы даже отъѣхали отъ сѣвернаго полюса такъ далеко, какъ это только возможно, то есть, къ южному полюсу, — конецъ намагниченной иглы постоянно будетъ обращаться къ сѣверу.

Чтобы пользоваться этимъ для отъисканія сѣвера, придумали маленькій инструментъ, называемый *компасомъ*; я вамъ его сейчасъ покажу.

Говоря это, отецъ пошелъ къ своему письменному столу и вскорѣ вернулся, держа въ рукахъ мѣдную коробочку.

— Смотрите, дѣти, продолжалъ онъ; — это такъ называемый компасъ; онъ состоитъ изъ мѣдной чашки, покрытой стекломъ. Въ дно чашки вставлена прямо острая игла; на ней свободно поворачивается стрѣлка. Острый конецъ ея постоянно указываетъ въ одну сторону, то есть, на сѣверъ, какъ бы я ни ставилъ ком-

паса. При помощи этого инструмента, я всегда могу отъискать сѣверъ, и зная, гдѣ эта страна свѣта, мнѣ легко найти и остальныя. Можешь ли ты, Ѳедя, сказать мнѣ, какъ это сдѣлать?

— Да, папаша, отвѣтилъ Ѳедя. — Если я знаю, гдѣ сѣверъ, то мнѣ легко узнать, гдѣ югъ: онъ долженъ быть противъ сѣвера.

— Совершенно такъ, дитя мое. Другой конецъ иглы всегда показываетъ югъ. Какъ я уже сказалъ вамъ, всѣ карты нарисованы такъ, что сѣверъ изображается наверху; слѣдовательно, югъ долженъ быть внизу, не правда ли?

— Разумѣется.

— А гдѣ же будетъ востокъ?

— Востокъ направо, воскликнула Маша; — тамъ, гдѣ Азія.

— Хорошо, дитя мое.

— А западъ лежитъ налѣво, гдѣ Атлантическій океанъ, воскликнулъ, въ свою очередь, Ѳедя.

— Вотъ видите, дѣти; при помощи этого маленькаго инструмента, вы находите всѣ четыре страны свѣта. Итакъ, если вы въ полдень обернетесь лицомъ къ солнцу, тогда за вами, разумѣется, будетъ сѣверъ. Но гдѣ же будетъ востокъ?

— Тамъ, гдѣ солнце восходитъ, сказалъ Ѳедя, то есть, налѣво.

— Справедливо; западъ, слѣдовательно, будетъ лежать направо.

— А если я повернусь лицемъ къ востоку, сказала Маша, — то у меня направо будетъ югъ, а налѣво сѣверъ.

— Прекрасно, милочка; ты, я вижу, слушала меня со вниманіемъ. А ты, Ѳедя, скажи мнѣ, что у тебя бу-

детъ направо, если ты повернешься въ сторону, гдѣ солнце заходитъ, то есть, къ западу?

— Направо будетъ сѣверъ, сказалъ Ѳедя.

— Надѣюсь, что вы этого не забудете, продолжалъ отецъ радостно;— теперь вы, вѣроятно, легко поймете то, что мнѣ прійдется вамъ еще объяснить.

Два главныя направленія, указываемыя компасомъ, суть—сѣверъ, къ которому оборачивается остріе стрѣлки, и противоположная сторона, то есть, югъ; направо будетъ востокъ, налѣво западъ. Но между сѣверомъ и востокомъ или сѣверомъ и западомъ, а также между востокомъ и югомъ или западомъ и югомъ, лежатъ еще очень большія пространства. Направленія къ нимъ называются, по двумъ главнымъ направленіямъ, между которыми идутъ. На картѣ, напримѣръ, сѣверъ изображенъ наверху, а востокъ направо; если бы мы хотѣли указать направленіе отъ середины карты къ верхнему правому углу, лежащему между сѣверомъ и востокомъ, то сторону эту слѣдовало бы назвать *сѣверо-востокомъ.* Если такимъ образомъ сторона этого праваго угла называется сѣверо-востокомъ, то какъ ты, Ѳедя, назовешь лѣвый уголъ, лежащій между западомъ и сѣверомъ?

— Западо-сѣверъ, отвѣтилъ Ѳедя.

— Не совсѣмъ такъ, возразилъ отецъ, — потому что названія двухъ главныхъ странъ свѣта, сѣвера и юга, мы ставимъ всегда впереди. Поэтому, вмѣсто „западо-сѣверъ" слѣдуетъ сказать „*сѣверо-западъ*". Какъ же ты назовешь теперь сторону нижняго лѣваго угла, лежащаго между западомъ и югомъ?

Ѳедя призадумался немного и сказалъ:

— *Юго-западомъ.*

— Хорошо. А сторону другаго нижняго угла, Маша?

— *Юго-востокомъ*, папаша, отвѣтила маленькая дѣвочка.

— Прекрасно; только смотрите, дѣти, не забывайте нашего сегоднишняго разговора. Помните всегда, что на картѣ сѣверъ всегда изображается наверху. Тогда вы легко найдете всякое направленіе.

Однако уже поздно, и вамъ пора ложиться спать. Когда завтра солнце встанетъ на востокѣ, вставайте и вы; а когда оно дойдетъ до полудня или юга, мы вмѣстѣ отправимся гулять.

ГЛАВА VI.

КАТАНІЕ ПО РѢКѢ И ПРУДУ.

Слѣдующій день былъ свѣтлый и теплый. Послѣ обѣда отецъ и мать начали приготовляться къ обѣщанной прогулкѣ, и дѣти громко изъявляли свою радость. Они живо одѣлись и весело побѣжали впереди родителей, по улицѣ, которая вела къ ближайшей заставѣ.

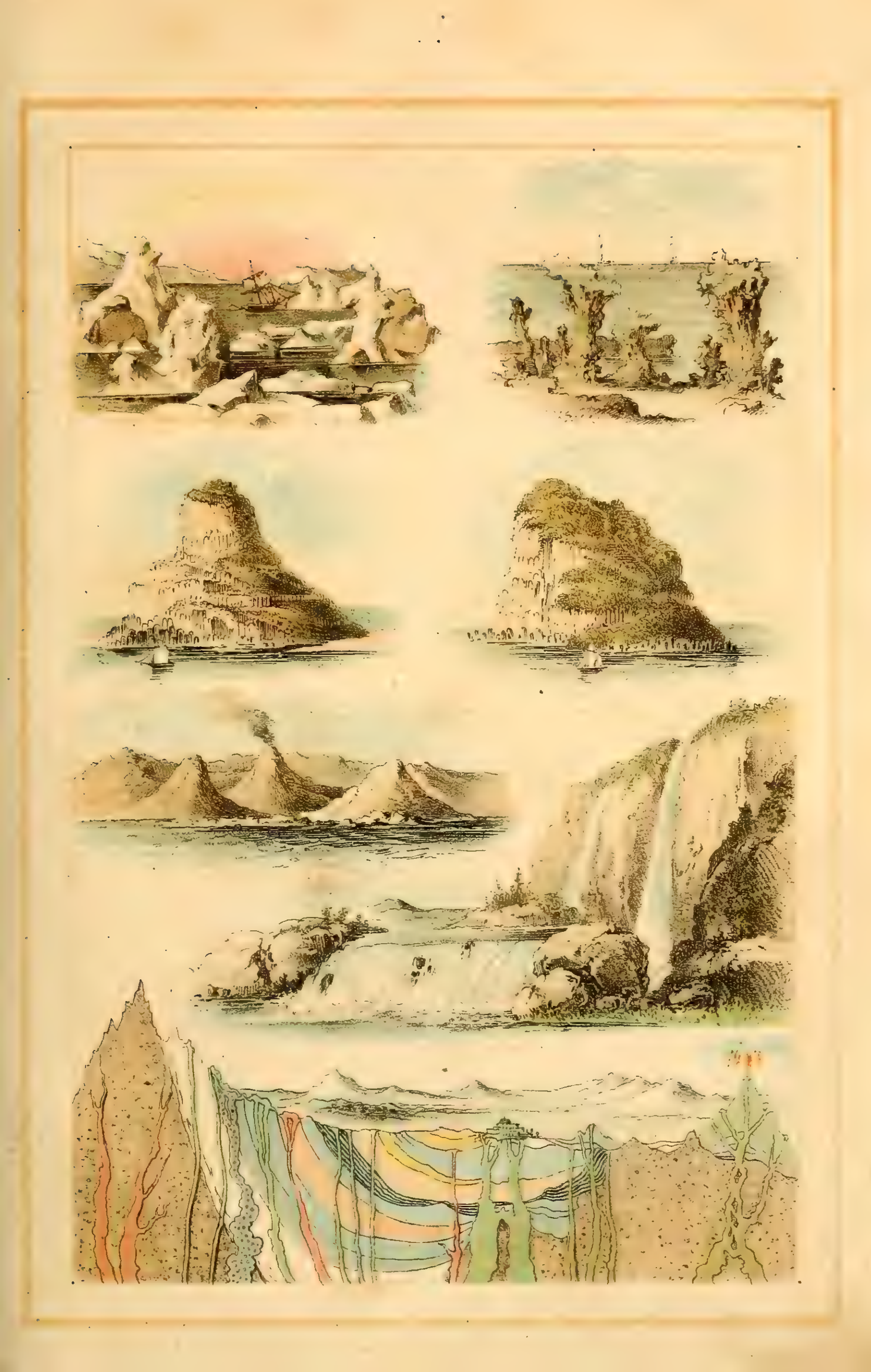
Миновавъ ее, семья свернула съ широкой дороги и пошла по направленію къ протекавшей близъ города рѣкѣ.

— Я думалъ, папаша, что мы пойдемъ къ пруду, сказалъ Ѳедя, который уже опасался, чтобы отецъ не забылъ своего обѣщанія.

— Мы это и сдѣлаемъ, отвѣтилъ отецъ. — Но какъ прудъ лежитъ на разстояніи, по крайней мѣрѣ, часа ходьбы, а для твоей матери и Маши было бы трудно идти пѣшкомъ туда и назадъ, то внизъ по рѣкѣ мы поѣдемъ. Такимъ образомъ, обратный путь будетъ намъ легокъ, и никто изъ насъ не устанетъ.

Это рѣшеніе дѣтямъ очень понравилось. Они еще никогда не катались по рѣкѣ, и теперь не могли дождаться той минуты, когда усядутся въ лодку.

До рѣки было не далеко, и тамъ скоро найденъ былъ рыбакъ, который, за неболшую плату, взялся довести маленькое семейство до самаго пруда.

Рѣка была не широка, но довольно быстра. Выѣхавши, рыбакъ пустилъ лодку по теченію и только отъ времени до времени направлялъ ее весломъ.

Послѣ минутнаго молчанія отецъ началъ такъ:

— Помните ли, дѣти, я говорилъ вамъ вчера, что мы не замѣчаемъ движенія земнаго шара потому, что вмѣстѣ съ нами движется все окружающее?

— Помнимъ, папаша, отвѣтилъ Ѳедя; — но здѣсь мы можемъ ясно видѣть, что движемся; не правда ли?

— Дѣйствительно такъ, но это потому, что берега, съ обѣихъ сторонъ, не двигаются вмѣстѣ съ нами.

— Мнѣ теперь кажется, сказала Маша, — будто мы стоимъ на одномъ мѣстѣ, а деревья и берега бѣгутъ мимо насъ. Какъ это странно!

— Не правда ли? возразилъ отецъ. — Точно то же происходитъ и при нашемъ движеніи вмѣстѣ съ землей. Движемся мы сами, а намъ кажется, что бѣжитъ солнце, потому что оно единственный видимый нами предметъ, который стоитъ на мѣстѣ. Но мы знаемъ что эти деревья крѣпко сидятъ корнями въ землѣ и двигаться не могутъ; слѣдовательно двигаемся мы. Нѣчто подобное представляетъ намъ луна. Когда она свѣтитъ, и отъ сильнаго вѣтра быстро несутся мимо нея прозрачныя тучи, намъ часто кажется, что онѣ стоятъ неподвижно, а что мчится луна, которая на самомъ дѣлѣ подвигается очень тихо. Теперь попробуйте закрыть глаза. Можете вы что нибудь видѣть?

— Нѣтъ, папаша, отвѣтили дѣти.

— Чувствуете ли вы теперь, что мы двигаемся?

— Нѣтъ — теперь мы остановились, сказалъ Ѳедя.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнулъ отецъ, смѣясь. Ну, такъ взгляни; мы ѣдемъ такъ же скоро, какъ и прежде.

— Да; а когда я закрываю глаза, то не чувствую рѣшительно ничего, замѣтилъ Ѳедя.

— Потому именно, сказалъ отецъ,—что не видишь никакого предмета, по которому бы могъ замѣтить наше движеніе. Обращеніе же земли ты можешь замѣтить по кажущемуся движенію солнца, о которомъ мы знаемъ, что оно неподвижно.

Въ это время рыбакъ принялся усердно за весла, и лодка понеслась такъ быстро, что на нее взбѣгала пѣна.

— Какъ мы несемся! радостно воскликнулъ Ѳедя.—Какъ бы пришлось бѣжать по берегу тому, кто захотѣлъ бы поспѣть за нами! Какъ деревья-то летятъ! Маша права; оно совершенно такъ кажется. Вода брызжетъ, и лодка оставляетъ на ней борозды. Смотри, папа, съ боку лодки вода поднимается. Какъ это красиво!

— Когда вода такъ поднимается, то говорятъ, что она волнуется, сказала мать.—Здѣсь волны очень малы; на морѣ онѣ несравненно больше.

— А ты, мамочка, была когда нибудь на морѣ? спросила Маша.

— Да, дружокъ мой, отвѣтила мать.—Когда ты была еще очень мала, я ѣздила съ твоимъ отцомъ на островъ, который называется Гельголандомъ.

— Папаша, гдѣ лежитъ Гельголандъ? спросилъ Ѳедя.

— Гельголандъ, отвѣтилъ отецъ,—лежитъ отъ насъ*) на сѣверъ. Можетъ быть ты и самъ мнѣ скажешь, въ какомъ это должно быть морѣ?

— Къ сѣверу отъ насъ? повторилъ Ѳедя, задумавшись. — Вѣдь не въ Ледовитомъ же морѣ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ отецъ,—не такъ далеко. Тамъ бы намъ пришлось мерзнуть; гораздо ближе. Островъ этотъ

*) Отъ западной Германіи.

лежитъ въ первомъ морѣ, которое мы встрѣтили бы, идя къ сѣверу.

— Значитъ, въ Сѣверномъ морѣ, сказалъ Ѳедя.

— Теперь ты угадалъ.

— Ты ѣздила на такой же маленькой лодкѣ? спросила Маша.

— Нѣтъ, дитя мое, отвѣтила мать;—наша лодка была несравненно больше. Но это отецъ объяснитъ вамъ въ другой разъ. Теперь мы скоро подъѣдемъ къ пруду. Видите ли вы между зеленью красную крышу? Это такъ называемая «Рыбацкая», которая стоитъ у самаго пруда. Тамъ мы будемъ пить кофе съ булочками.

— Какъ это хорошо! воскликнула Маша, ударяя радостно въ ладоши; — послѣ мы будемъ играть на берегу пруда, рвать цвѣты и искать раковины, а папаша достанетъ намъ этихъ хорошенькихъ бѣлыхъ и желтыхъ цвѣточковъ, которые растутъ въ водѣ.

Лодка между тѣмъ быстро спускалась по рѣкѣ и достигла мѣста, гдѣ въ крутомъ берегу устроены были, для всхода, ступеньки.

Такъ называемая Рыбацкая была любимымъ мѣстомъ прогулки жителей того города, въ которомъ жили родители Ѳеди и Маши. Въ хорошую погоду она была посѣщаема многочисленной публикой, которая собиралась сюда пить кофе и покататься по пруду. Рыбацкая отстояла на какихъ нибудь двѣсти шаговъ отъ наполнявшей прудъ рѣки.

Прежде, чѣмъ войти въ домъ, отецъ повелъ дѣтей къ тому мѣсту, гдѣ отъ рѣки проведена была въ прудъ канава. По ней вода впадала въ прудъ; излишекъ воды, другой канавой, возвращался опять въ рѣку,—какъ это отецъ уже раньше объяснилъ дѣтямъ.

Въ миленькомъ садикѣ, раскинутомъ передъ домомъ, сидѣло уже много семействъ за отдѣльными столиками. Толпа дѣтей бѣгала по саду и играла въ пятнашки и прятки. Ѳедя встрѣтилъ нѣсколькихъ школьныхъ товарищей и вмѣстѣ съ Машей попросилъ у отца позволенія играть съ ними.

Это было охотно разрѣшено, и дѣти цѣлый часъ играли. Разумѣется, они не забыли притомъ ни кофе, ни булочекъ, а въ Рыбацкой булочки были очень вкусны.

Отецъ и мать между тѣмъ встали и смотрѣли на игры дѣтей, пока тѣ не отправились на берегъ пруда сбирать раковины и рвать цвѣты. Дѣвочки начали вить вѣнки, а мальчики бѣгали вперегонку, и кто добѣгалъ скорѣе до назначеннаго мѣста, тому надѣвали на голову вѣнокъ.

Ѳедя бѣгалъ очень скоро, получилъ великолѣпный вѣнокъ и очень имъ гордился. Онъ его добылъ, а все, что мы добываемъ сами, доставляетъ намъ гораздо больше удовольствія, чѣмъ какой бы то ни было подарокъ.

Между тѣмъ многія семейства наняли лодки и начали кататься по пруду. Отецъ Ѳеди и Маши зналъ, что катаніе доставитъ дѣтямъ много удовольствія, и нанялъ лодку.

Ѳедя и Маша были въ восторгѣ, тѣмъ болѣе, что могли, катаясь по водѣ, рвать красивые бѣлые и желтые цвѣты. Вскорѣ у каждаго изъ нихъ было въ рукахъ по громадному букету. Но рвать цвѣты нужно было очень осторожно, потому что они росли на очень крѣпкихъ, длинныхъ стебляхъ. Срывая ихъ, Ѳедя едва не упалъ изъ лодки въ воду. Маша очень испугалась, и всякій разъ, какъ онъ снова нагибался черезъ край

лодки и протягивалъ руку за цвѣткомъ, она сзади придерживала его крѣпко за куртку.

Нарвавши довольно цвѣтовъ, Ѳедя захотѣлъ грести. Рыбакъ съ удовольствіемъ передалъ ему весла, но Ѳедя не сразу приноровился ими управлять. Грести казалось такъ легко, и рыбакъ гребъ безъ всякаго напряженія; въ рукахъ же Ѳеди весла вдругъ стали непослушны.

Многія работы, на первый взглядъ, кажутся очень легкими; а между тѣмъ, для исполненія ихъ необходимо искусство, или по крайней мѣрѣ нуженъ извѣстный навыкъ. Пріобрѣвши его, можно исполнить и работу; но усвоить снаровку нельзя иначе, какъ трудомъ.

Это испыталъ въ настоящемъ случаѣ и Ѳедя. Долго смотрѣвши на рыбака, онъ вообразилъ себѣ, что съумѣетъ грести не хуже его. Но взявши весла въ руки, не могъ съ ними справиться; рыбакъ долженъ былъ нѣсколько разъ показать ему, какъ слѣдуетъ держать весла и какъ ими двигать. Только послѣ нѣсколькихъ опытовъ получилъ онъ понятіе о вещи и убѣдился, что не все такъ легко, какъ кажется сначала.

— Теперь ты понимаешь, сказалъ отецъ, — какъ при помощи веселъ можно подвигать лодку. Мы дѣйствуемъ веслами подобно тому, какъ плавающій человѣкъ дѣйствуетъ руками. Весла, опускаясь въ воду и двигаясь въ ней острымъ краемъ, легко прорѣзаютъ воду и почти не встрѣчаютъ сопротивленія; напирая же на воду широкой стороной, они встрѣчаютъ сопротивленіе нераздающейся воды, двигаются медленнѣе, но зато подвигаютъ лодку.

Теперь поди ко мнѣ: я покажу тебѣ, какъ управляютъ лодкой при помощи руля.

— Какъ же это дѣлается? спросилъ Ѳедя.

— Править рулемъ значитъ давать лодкѣ извѣстное направленіе. Маленькой лодкой, какова эта, можно

управлять при помощи веселъ; но это дѣлается гораздо легче посредствомъ небольшой двигающейся дощечки, насаженной на заднемъ концѣ лодки и называемой *ру-лемъ*. Люди переняли этотъ способъ управлять движеніемъ отъ рыбъ, которымъ ихъ широкій хвостъ служитъ также рулемъ. Подвигаясь впередъ боковыми плавниками, онѣ сгибаютъ хвостъ направо или налѣво и тѣмъ направляютъ свое движеніе.

Смотри: когда я поверну дощечку руля налѣво, вода должна на нее напирать, не правда ли? Она задерживаетъ дощечку, слѣдовательно и лѣвый бокъ лодки, позволяетъ ей двигаться только правымъ бокомъ и такимъ образомъ направляетъ ее влѣво. При поворачиваніи же руля направо, вода, задерживая правый бокъ, позволяетъ двигаться одному лѣвому и направляетъ переднюю часть вправо. Итакъ, если я склоню руль налѣво, то и лодка пойдетъ налѣво; склоню я его направо, и лодка пойдетъ направо. Напротивъ того, если я буду держать руль совершенно прямо, такъ что лодка не будетъ встрѣчать сопротивленія ни съ которой стороны, то естественно она пойдетъ прямо.

Такимъ образомъ лодка построена на подобіе рыбы: длинная, она спереди заострена, чтобы легче могла рѣзать воду; весла — это боковые плавники рыбы, а руль служитъ вмѣсто хвоста.

— Однако, дѣти, пора подумать и о возвращеніи домой, сказала мать. Солнце опустилось довольно низко, а передъ нами еще далекій путь.

Дѣти съ удовольствіемъ бы еще покатались по водѣ. Но родители, старавшіеся въ теченіе дня доставить имъ удовольствіе, позаботились теперь и о томъ, чтобы вечерній сырой воздухъ не могъ повредить дѣтямъ.

Отецъ приказалъ Ѳедѣ пристать къ берегу; маль-

чикъ выбралъ даже мѣсто, гдѣ причалить; но онъ направлялъ лодку то слишкомъ вправо, то слишкомъ влѣво, такъ что отецъ долженъ былъ ему помочь.

Наконецъ семейство наше достигло мѣста, гдѣ намѣрено было выйти на берегъ; отецъ заплатилъ рыбаку за трудъ, и небольшая семья отправилась по широкой дорогѣ домой, въ городъ.

ГЛАВА VI.

БОЛЬШІЕ КОРАБЛИ, И КАКЪ НА НИХЪ ПЛАВАЮТЪ.

Дѣти весело шли впереди родителей. Пока солнце не зашло, еще летали бабочки, и Ѳедя и Маша не могли насмотрѣться на ихъ красивые и яркіе цвѣта. Но лишь только закатилось солнце, какъ всѣ денныя бабочки вдругъ пропали, пріискавъ себѣ, вѣроятно, постельки на какомъ нибудь цвѣточкѣ, или на деревѣ, или наконецъ въ травѣ; только сумеречники носились вокругъ тополей и играли въ прятки, какъ это дѣлали Ѳедя и Маша въ саду Рыбацкой.

Иногда жужжа, перелеталь съ одного дерева на другое майскій жукъ.

Люди, насладившись прогулкой на свѣжемъ воздухѣ, возвращались въ городъ, въ свои дома, къ своему очагу. Лишь изрѣдка попадались навстрѣчу крестьяне, жившіе, вѣроятно, въ ближайшихъ деревняхъ и побывавшіе въ городѣ по дѣламъ; но и они торопились домой.

Въ это время семейство наше встрѣтило человѣка, тащившаго небольшую телѣжку. На ней были уложены разные домашніе пожитки, сложенные тюфяки и одѣяла, а наверху, между двумя подушками, сидѣла маленькая дѣвочка, лѣтъ двухъ. Возлѣ телѣжки шла

женщина, съ крошечнымъ ребенкомъ на рукахъ, а позади ея еще двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, почти однихъ лѣтъ съ Ѳедей и Машей. Дѣти были чисто, но бѣдно одѣты, держались за руки, но не прыгали впереди родителей, какъ Ѳедя и Маша, а напротивъ, шли за телѣгой, которую тащилъ ихъ отецъ и на которой сидѣла ихъ сестричка.

Поровнявшись съ нашими путниками, они ласково кивнули головками. Когда Ѳедя и Маша, остановившись, оглянулись, чтобы проводить ихъ глазами, человѣкъ, везшій телѣжку, тоже пріостановился, досталъ изъ кармана платокъ и вытеръ имъ лице, покрытое потомъ. Телѣжка, вѣроятно, была очень тяжела, и бѣдный порядкомъ измучился.

Тѣмъ временемъ подошли къ этой группѣ отецъ и мать Ѳеди и Маши, поздоровались съ путешественниками и спросили, куда тѣ отправляются такъ поздно съ маленькими дѣтьми?

— Мы идемъ въ ближайшую деревню, сказалъ мужчина.—Въ городѣ, по гостинницамъ такъ дорого; въ деревнѣ мы можемъ переночевать гораздо дешевле.

— Развѣ вы живете не здѣсь, въ деревнѣ? спросилъ отецъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ со вздохомъ путешественникъ,— мы теперь нигдѣ не живемъ: идемъ издалека, а отправляемся еще дальше: въ Америку.

— Въ Америку! воскликнула мать Ѳеди и Маши съ состраданіемъ.—Боже милостивый! и съ маленькими дѣтьми?

— Трудно, сказала женщина, — да что жъ дѣлать: нужно. Богъ насъ не оставитъ.

— Но почему же вы не поѣхали по желѣзной дорогѣ? спросилъ отецъ Ѳеди и Маши;—путешествіе пѣшкомъ слишкомъ тяжело для дѣтей, да и для васъ.

— Правда, отвѣтилъ мужчина;— но ѣхать по желѣзной дорогѣ слишкомъ дорого, а перейдя черезъ горы, мы сократили путь. То немногое, что у насъ есть, мы должны сберечь на покупку земли въ Америкѣ. Но уже поздно, прибавилъ онъ, и намъ надо спѣшить, чтобы пріютить дѣтей.

Отецъ Ѳеди и Маши досталъ изъ кармана монету и хотѣлъ отдать ее путешественнику, но тотъ отодвинулъ свою руку и сказалъ:

— Благодаримъ васъ: мы не хотимъ просить милостыни. У насъ, правда, очень немного; но потрудившись, какъ нибудь выпутаемся.

— Это съ вашей стороны прекрасно, ласково сказалъ отецъ Ѳеди и Маши;— но позвольте мнѣ дать эту бездѣлицу дѣтямъ, чтобы они купили себѣ что-нибудь по пріѣздѣ въ Америку. Вы мнѣ этимъ доставите истинное удовольствіе.

Онъ всунулъ монету въ руку дѣвочкѣ и сказалъ:

— Желаю вамъ благополучнаго пути, и да пребудетъ съ вами Господь!

Мужчина хотѣлъ благодарить, но родители Ѳеди и Маши привѣтливо ему поклонились и живо пошли съ дѣтьми по направленію къ городу.

— Папочка, спросила Маша, когда они удалились немного отъ телѣги; развѣ люди эти могутъ въ повозкѣ переѣхать черезъ море въ Америку?

— Нѣтъ, дитя мое, отвѣтилъ отецъ;— по морю нельзя ѣздить въ телѣжкѣ. Они доберутся сухимъ путемъ до ближайшаго ***портоваго города*** и тамъ сядутъ на большой корабль, который перевезетъ ихъ въ Америку.

— Что такое портовый городъ?

— ***Портомъ***, сказалъ отецъ,— называется удобное для стоянки кораблей мѣсто у моря, гдѣ или море вливается далеко въ сушу, или рѣка впадаетъ въ море. Если въ

такомъ мѣстѣ построенъ городъ, то онъ называется *портовымъ городомъ*.

— Но теперь, дѣти, мы пойдемъ по узкимъ улицамъ, по которымъ много ѣзды; остерегайтесь. Вечеромъ, послѣ чая, я съ удовольствіемъ разскажу вамъ о томъ, что вы захотите знать.

Дѣти едва могли дождаться того времени, когда отецъ начнетъ свой обѣщанный разсказъ: все, что они слышали о морскомъ путешествіи и о большихъ корабляхъ, въ высшей степени возбудило ихъ любопытство. Имъ хотѣлось знать, какимъ образомъ бѣдные люди съ маленькимъ ребенкомъ такъ долго будутъ оставаться на кораблѣ, пока не пріѣдутъ въ Америку, и нужно ли будетъ отцу грести, а мальчику править. Ѳедя зналъ теперь по опыту, что править не такъ-то легко; а мальчикъ, отправлявшійся въ Америку, былъ не старше его.

— Ну, дружокъ, обратился къ Ѳедѣ отецъ, когда, послѣ чая, было убрано со стола; — о чемъ ты хотѣлъ еще узнать отъ меня и что тебѣ нужно объяснить?

— Да, папаша, отвѣтилъ Ѳедя, — ты намъ говорилъ, что море очень, очень велико и что Америка такъ далека. Значитъ, человѣкъ, котораго мы встрѣтили, долженъ грести всю дорогу. А гдѣ же будутъ спать ночью дѣти, и что они будутъ дѣлать на кораблѣ, когда пойдетъ дождь?

— Ты не воображай, дружочекъ, отвѣтилъ отецъ, — что корабль, переплывающій море, похожъ на лодку, въ которой мы ѣздили сегодня. Есть корабли величиною съ домъ и вмѣщающіе въ себя большое число людей.

— Величиною съ домъ? воскликнулъ Ѳедя, съ удивленіемъ. — А есть ли на нихъ крыши?

— Да; только разумѣется не изъ черепицы, а изъ дерева. Крѣпкія доски сколачиваются такъ плотно, что между ними не остается щелей, сквозь которыя могла

бы проходить вода; подобная крыша называется *палубой* корабля.

— Да кто же можетъ грести веслами на такомъ кораблѣ? спросила Маша.

— На кораблѣ веслами не гребутъ, дитя мое, отвѣтилъ отецъ; корабль двигается впередъ при помощи *вѣтра*. Чтобы вамъ это лучше объяснить, попросимъ у мамаши большое блюдо съ водой, а я вамъ пока приготовлю корабль.

— Ахъ, какъ я рада! воскликнула Маша, всплеснувъ руками; мы сядемъ на этотъ корабль и поѣдемъ въ Америку.

— На блюдѣ, не правда ли? сказалъ Ѳедя, смѣясь отъ души; — не далеко же ты доѣдешь.

Между тѣмъ мать поставила на столъ блюдо, вполовину наполненное водой, а отецъ, вмѣсто обѣщаннаго корабля, принесъ половину скорлупы грецкаго орѣха и пустилъ это судно на воду.

— Да это, папаша, вовсе не большой корабль, сказала Маша.

— Конечно не корабль, отвѣтилъ, смѣясь, отецъ; — но подумай, можно ли поставить на это блюдо большой корабль? Однако при помощи этой орѣховой скорлупы я вамъ объясню многое.

Вы сегодня сами видѣли, что лодку можно двигать при помощи веселъ. Если корабль такъ великъ, что вмѣщаетъ въ себя большой грузъ и много людей, то веслами его уже трудно сдвинуть съ мѣста. Поэтому нужно было прибѣгнуть къ другому средству, и какъ воду заставили держать на себѣ суда, такъ старались употребить воздухъ или вѣтеръ, чтобы приводить корабли въ движеніе.

Вы вѣроятно уже замѣтили, что вѣтеръ подвигаетъ впередъ все плавающее на поверхности воды.

— Да, папаша, сказалъ Ѳедя; — возлѣ нашего училища есть маленькій прудъ, и вѣтеръ часто пригоняетъ обратно къ берегу всѣ стружки и кусочки дерева, которые мы бросаемъ въ воду.

— Однако, дѣти, такое движеніе очень медленно, и при слабомъ вѣтрѣ корабль или подвигался бы впередъ незамѣтно, или даже оставался бы на мѣстѣ. Нужно было придумать, какъ воспользоваться малѣйшимъ вѣтромъ для усиленія хода корабля. Съ этою цѣлью натягиваютъ на немъ большіе куски холста, называемые *парусами*. Я вамъ покажу, какъ это дѣлается. Въ корабль вставляютъ большой шестъ, какъ я укрѣпляю въ скорлупѣ эту спичку; къ шесту прибиваютъ длинные поперечные шесты, а на нихъ уже вѣшаютъ холстъ, какъ я приклеиваю къ спичкѣ вотъ этотъ кусочекъ бумажки. Теперь подуй на этотъ нарусъ, Ѳедя, и ты увидишь, какъ корабль скоро пойдетъ!

Ѳедя дунулъ на бумагу, представлявшую парусъ, но дунулъ такъ сильно, что орѣховая скорлупа опрокинулась.

— Ахъ, Ѳедя! Ѳедя! воскликнула Маша, — ты затопилъ нашъ корабль!

— Ничего, дитя мое, сказалъ отецъ, выливая изъ скорлупы воду. То же можетъ случиться въ морѣ съ кораблемъ, если на него подуетъ сильный вѣтеръ. Нашъ корабликъ слишкомъ легокъ, а шестъ, который на кораблѣ называется *мачтою*, и его парусъ слишкомъ тяжелы. Поэтому они и перевѣсили.

Чтобы предупредить такой случай, въ низъ корабля, выходящаго въ море, кладутъ тяжесть или грузъ; онъ сдерживаетъ корабль въ то время, когда вѣтеръ дуетъ въ паруса; тяжесть эта называется *баластомъ*. Каждый корабль, выходя въ море, кладетъ тяжелѣйшую часть груза внизъ; если же нѣтъ груза, то всетаки должно взять какой нибудь баластъ, напримѣръ

камни, чтобы не быть опрокинутымъ вѣтромъ. Посмотрите, я положу баластъ, и нашъ корабликъ пойдетъ гораздо лучше.

Отецъ взялъ дюжину зеренъ крупной дроби, которою стрѣляютъ птицъ и зайцевъ, положилъ дробинки въ орѣховую скорлупу и велѣлъ Ѳедѣ подуть. Скорлупа нагнулась немного въ сторону, но не опрокинулась и благополучно доплыла до противоположнаго края блюда. Тамъ сидѣла Маша, и когда корабликъ дошелъ до нея, она подула въ парусъ и погнала скорлупу снова къ Ѳедѣ; дѣти отъ души радовались этому плаванію.

— Видите, дѣти, продолжалъ отецъ, — какимъ образомъ, при помощи вѣтра, каждое судно можетъ быть приводимо въ движеніе. Корабли строятся очень искусно, снабжаются двумя, а иногда тремя мачтами и, при помощи многихъ поперечинъ, большимъ числомъ парусовъ. Вы вѣроятно замѣтили, что орѣховая скорлупа, пока вы на нее дули, вертѣлась. Точно то же случилось бы и съ большимъ кораблемъ, если бы не были приняты мѣры двигать его въ прямомъ направленіи. Съ этою цѣлью къ каждому кораблю придѣлываютъ *руль*, подобный тому, какой вы видѣли сегодня у лодки; разумѣется, руль корабля гораздо больше, и при помощи его можно вести корабль въ прямомъ направленіи. Кромѣ того, опуская и поднимая паруса, то съ одной, то съ другой стороны корабля и пользуясь рулемъ, можно своарачиватъ — то вправо, то влѣво, только конечно не совершенно противъ вѣтра. Какъ это дѣлается, вы теперь не поймете. Пока вамъ довольно знать, что корабль двигается впередъ при помощи парусовъ, а управляется рулемъ.

— Сколько же часовъ нужно плыть кораблю, чтобы доѣхать до Америки? спросила Маша.

— Дитя мое, путешествіе это продолжается такъ долго, что для совершенія его нужны недѣли и мѣсяцы. Парусныя суда находятся въ дорогѣ около двухъ мѣ-

сяцевъ, иногда немного менѣе, смотря по тому, дуетъ ли *противный* или *попутный* вѣтеръ. Сколько же дней въ мѣсяцѣ, это ты знаешь.

— Да, папаша, въ мѣсяцѣ четыре недѣли, въ недѣлѣ семь дней. Мѣсяцъ продолжается тридцать дней.

— Итакъ, два раза тридцать дней путешественники находятся въ морѣ, прежде чѣмъ достигнутъ противоположнаго материка.

— Но откуда же берутъ они пищу? спросилъ Ѳедя.—Притомъ же, папаша, ты намъ говорилъ, что морская вода соленая и что ее пить нельзя.

— Дѣйствительно такъ; поэтому люди, отправляющіеся въ подобное путешествіе, запасаются на все время съѣстными припасами и водой. На каждомъ кораблѣ есть кухня, на которой готовятъ пищу. Ночью всѣ ложатся подъ крышу, называемую палубой, и имъ тепло и сухо.

— На ночь корабль вѣрно привязываютъ? спросилъ Ѳедя.

— Это можно сдѣлать въ рѣкѣ, отвѣтилъ отецъ, — гдѣ легко пристать къ одному или другому берегу, но въ морѣ это вещь невозможная. Не забывай, что море чрезвычайно глубоко. Величайшее дерево, — если бы деревья дѣйствительно росли на днѣ моря, — не могло бы своей вершиной достигнуть его поверхности. Поэтому люди ѣдутъ въ морѣ день и ночь.

— Такъ когда же они спятъ? спросили въ одинъ голосъ Ѳедя и Маша.

— На корабляхъ, продолжалъ отецъ, — есть люди, которыхъ единственная обязанность состоитъ въ томъ, чтобы управлять кораблемъ. Людей этихъ зовутъ *матросами*, и они чередуются на службѣ, то есть, когда одна часть устанетъ, то ложится спать и отдыхаетъ.

и въ это время работаютъ остальные матросы; потомъ эти ложатся, а первые берутся за дѣло.

— И маленькій мальчикъ, котораго мы сегодня видѣли, будетъ имъ помогать? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, отвѣтилъ отецъ, — онъ бы этого не съумѣлъ, потому что не знаетъ, какъ обращаться съ такимъ кораблемъ. За переѣздъ, въ Америку ли, или въ другую часть свѣта, платятся деньги владѣльцу корабля, который кормитъ и одѣваетъ матросовъ.

— Но, папаша, ты намъ сказалъ, что кто ѣдетъ на кораблѣ, тотъ долженъ брать съ собой на всю дорогу питье и ѣду. Если же налить воды въ корабль, то онъ потонетъ. Посмотри, я толкнулъ орѣховую скорлупу, она зачерпнула воды и пошла ко дну.

— Разумѣется, дитя мое; если бы корабль былъ наполненъ водой, то также пошелъ бы ко дну; но въ него кладутъ не болѣе груза, какъ сколько онъ можетъ нести.

— Однако, все тяжелое тонетъ, замѣтилъ Ѳедя.

— Дѣйствительно такъ, но корабль внутри пустъ, какъ эта орѣховая скорлупа; въ немъ много воздуха, который гораздо легче воды и не позволяетъ ему утонуть. Я вамъ объясню это примѣромъ. Принеси мнѣ, Ѳедя, чашку и ложечку.

Ѳедя поспѣшно принесъ эти предметы, и отецъ продолжалъ:

— Смотрите. Эта чашка сдѣлана изъ такъ-называемаго фарфора, обожженой глины, которая тяжела какъ камень. Если я опущу чашку, бокомъ и частью верхняго края, въ воду, то чашка тотчасъ же опустится на дно, потому что фарфоръ тяжелѣе воды. Теперь я опущу чашку на воду донышкомъ, чтобы вода не вытѣсняла воздуха. Смотрите, нашъ корабль плаваетъ почти такъ же легко, какъ орѣховая скорлупа. Попробую влить въ него нѣсколько ложекъ воды. Чашка опусти-

лась немного, но все еще плаваетъ довольно легко. Прибавлю въ нее ложку дроби — смотрите, чашка опустилась еще, но все-таки плаваетъ. Теперь вы можете себѣ вообразить, сколько разныхъ вещей можно положить въ настоящій корабль, не опасаясь, чтобы онъ утонулъ. Но если, по величинѣ корабля, грузъ будетъ слишкомъ тяжелъ, то судно пойдетъ ко дну. Это хорошо извѣстно людямъ, которые нагружаютъ корабль, и они кладутъ въ него не болѣе того, сколько онъ навѣрное снесетъ.

Сегодня, дѣти, я разсказалъ вамъ много новаго. Припомните то, что я вамъ сообщилъ, и если вы что нибудь не совсѣмъ понимаете, то спросите меня завтра: я объясню вамъ съ большимъ удовольствіемъ.

ГЛАВА VIII.

КАКЪ КОРАБЛИ ОТЪИСКИВАЮТЪ ВЪ МОРѢ ПУТЬ. ЛУНА.

На слѣдующій день у отца было столько дѣла, что онъ не могъ заняться съ дѣтьми. Но Ѳедя и Маша сами нашли себѣ занятіе: приготовивъ свои уроки, они попросили у матери блюдо, налили въ него воды, отъискали орѣховыя скорлупы, вклеили въ нихъ мачты, повѣсили паруса и принялись играть въ „кораблики."

Они нагружали свои корабли; неразъ судна тонули, пока Ѳедя не примѣнился къ тому, сколько можетъ нести орѣховая скорлупа. Наконецъ, однако, устроилось правильное мореплаваніе, и корабли стали ходить съ попутнымъ вѣтромъ черезъ Атлантическій океанъ.

Одна сторона блюда, у которой сидѣла Маша, представляла Европу; Ѳедя, по условію, жилъ въ Америкѣ. Когда корабли приходили въ Америку, ихъ разгружали, снабжали новымъ грузомъ, маленькими камешками, бобами и тому подобнымъ, и отправляли обратно въ Европу.

На краю блюда Ѳедя обозначилъ портъ, и Маша должна была гнать свои корабли туда. Это ей не всегда удавалось. Корабли попадали то вправо отъ порта, то

влѣво, и тогда Ѳедя утверждалъ, что у сестры дурные матросы, которые не умѣютъ править судномъ.

Маша обидѣлась и отвѣчала, что плывущій по морю не видитъ земли и потому не знаетъ, куда править, а долженъ ѣхать по направленію вѣтра.

Ѳедя съ этимъ не соглашался и возражалъ, что кто хочетъ знать, куда ему ѣхать, тотъ долженъ смотрѣть на солнце. Но находчивая Маша оправдывалась тѣмъ, что небо было покрыто тучами, что она не могла видѣть солнца и потому была принуждена идти съ вѣтромъ.

— Ну, дѣтки, сказалъ вечеромъ отецъ, посадивъ Машу къ себѣ на колѣни и глядя на Ѳедю, — какъ вы провели день? приготовили ли вы свои уроки?

— Да, папаша, отвѣтилъ Ѳедя, и послѣ того мы играли „въ корабли“ и ѣздили черезъ Атлантическій океанъ.

— Вотъ какъ!... хорошо.... и не потерпѣли кораблекрушенія?

— Кораблекрушенія? Что это такое? спросила Маша.

— ***Кораблекрушеніе*** случается, когда корабль, набѣжавъ на скалу, или сѣвъ на мель, или сильною бурею повредится до такой степени, что наполнится водой и пойдетъ ко дну, какъ было вчера вечеромъ съ нашей скорлупой.

— Развѣ въ морѣ есть скалы? спросилъ Ѳедя; — откуда онѣ берутся?

— Скалы, отвѣтилъ отецъ, — вершины горъ, поднимающихся со дна моря, но не довольно высокихъ, чтобы выступить изъ воды большою поверхностью и образовать острова. Многія скалы доходятъ лишь до поверхности моря или едва выставляются надъ нею, такъ что ихъ трудно замѣтить. Набѣжавъ на такую скалу или на мель, корабль, конечно, повреждается, наполняется иногда водой и тонетъ, и тогда говорятъ, что онъ потер-

пѣлъ кораблекрушеніе. —То же бываетъ и отъ поврежденія корабля бурею: если волны расшатаютъ части судна. Итакъ, если который нибудь изъ вашихъ кораблей сегодня утонулъ, то вы потерпѣли кораблекрушеніе.

— Нѣтъ, этого не случилось, отвѣтилъ Ѳедя; но Маша не хорошо правила своими кораблями: они шли то на сѣверъ, то на югъ.

— Вотъ какъ? отвѣтилъ, смѣясь, отецъ;—вѣроятно, на вашихъ корабляхъ не было хорошихъ компасовъ?

— Развѣ на корабляхъ есть компасы? живо спросила Маша.

— Разумѣется, дитя мое. При облачномъ небѣ, когда не видно солнца, а также ночью, люди, безъ компаса, не знали бы, куда имъ ѣхать.

— И морскіе компасы такіе же, какъ тотъ, который ты намъ показывалъ? спросилъ Ѳедя.

— Да, только немного больше и точнѣе. Какъ же безъ компаса можно бы было править кораблемъ въ открытомъ морѣ, когда земли не видно, солнце заслонено тучами или скрылось за землю? Поэтому-то мореплаватели всегда берутъ съ собой компасъ. Карты указываютъ морякамъ, гдѣ лежитъ та земля, къ которой они намѣрены плыть: на западѣ ли, или на сѣверо-западѣ, или на юго-западѣ. Компасъ указываетъ мореплавателямъ эту страну свѣта, и они не сбиваются съ дороги, даже въ самую темную ночь.

— Какъ это хорошо! воскликнулъ Ѳедя въ восхищеніи.—Если мнѣ случится ѣхать по морю, я непремѣнно возьму съ собой компасъ.

— Врядъ ли тебѣ представилась бы въ немъ надобность, возразилъ отецъ.—Компасъ нуженъ только человѣку, который правитъ рулемъ, и обыкновенно прикрѣпленъ такъ, чтобы рулевой могъ его видѣть.

— Но какъ же люди отъискивали дорогу въ морѣ, когда еще не было изобрѣтено компаса? спросилъ Ѳедя.

— Тогда, отвѣтилъ отецъ,—они рѣдко пускались въ открытое море и довольствовались путешествіемъ вдоль береговъ. Однако и теперь еще, въ отдаленныхъ частяхъ свѣта, есть дикія племена, которыя не знаютъ компаса и не смотря на это, ѣздятъ далеко въ море, отъ одного острова къ другому. Днемъ они направляютъ свое плаваніе по солнцу, а ночью по звѣздамъ.

— Какъ же они это дѣлаютъ, папаша? спросилъ Ѳедя.— Всѣ звѣзды похожи одна на другую; какъ же возможно узнавать по нимъ, гдѣ сѣверъ, а гдѣ югъ?

— Большая часть звѣздъ, подобно солнцу, неподвижны, то есть, одна звѣзда никогда не измѣняетъ своего положенія между другими звѣздами; кромѣ того, и блескъ ихъ не одинаковъ: однѣ свѣтятъ ярче, другія тусклѣе. Положеніе звѣзды между другими и степень ея яркости даютъ намъ возможность отличать эту звѣзду. Она, какъ и солнце, восходитъ и заходитъ въ извѣстной сторонѣ горизонта. Изъ этого вы видите, что, если можно направлять свое плаваніе по солнцу, то это можно дѣлать и по звѣздамъ.

— А луна тоже неподвижна? спросила Маша.

— Нѣтъ, дружокъ. Луна дѣйствительно движется вокругъ земли. Въ тоже время она, вмѣстѣ съ землею, обращается около солнца, отъ котораго получаетъ свой свѣтъ.

Вы видѣли уже, отчего происходитъ на земномъ шарѣ явленіе дня и ночи. На полушаріи, обращенномъ къ солнцу, день; на другомъ — ночь. Точно то же происходитъ и на лунѣ. Половина ея, обращенная къ солнцу — свѣтла; другая въ тѣни. Когда луна обращена и къ солнцу, и къ землѣ тою же стороною, мы видимъ всю ея свѣтлую половину и называемъ этотъ видъ луны *полнолуніемъ*. Но такъ какъ луна движется вокругъ земли, то понемногу обращаетъ къ ней и темную сторону; оттого,

въ равныхъ промежуткахъ, мы видимъ все мѐньшую и мѐньшую часть луны. Для поясненія, я еще разъ прибѣгну къ помощи мяча. Пусть онъ представляетъ намъ луну; лампа будетъ солнцемъ, а мы землей. Подойдите, дѣти, ко мнѣ. Я буду держать мячъ такъ, что мы, представляющіе землю, будемъ находиться между луной и солнцемъ. Смотрите: теперь солнце освѣщаетъ всю обращенную къ намъ половину луны, и она кажется кружкомъ. Но если я отведу мячъ немного въ сторону, то часть его будетъ уже темною. Часть луны, не освѣщенная солнцемъ, для насъ невидима. Когда луна подвинется еще ближе къ солнцу, то обратится къ намъ почти одною темною частью. Глазамъ нашимъ будетъ представляться только узенькая полоса, освѣщенная солнцемъ; а какъ луна кругла, то и полоска эта будетъ имѣть видъ серпа. Когда же луна подвинется еще дальше, то мы вовсе не будемъ ея видѣть, потому что освѣщенная часть будетъ обращена въ противоположную отъ насъ сторону. Это называется *полнолуніемъ*. Когда луна начнетъ снова двигаться отъ солнца за землю, то сперва покажетъ только узенькую полоску, потомъ полукружіе, то есть *первую четверть*, и наконецъ, когда мы снова очутимся между луной и солнцемъ, цѣлую половину, и у насъ будетъ *полнолуніе*. Затѣмъ, луна опять покажетъ намъ *послѣднюю четверть*.

— Но, папаша, сказалъ Ѳедя смѣясь, — теперь на луну падаетъ тѣнь отъ твоей головы, и потому полнолунія быть не можетъ.

— Ты правъ, отвѣтилъ отецъ; — въ такомъ случаѣ, у насъ *затмѣніе луны*.

— Затмѣніе луны? воскликнули дѣти съ удивленіемъ.

— Да. Пусть голова моя представляетъ землю; если земной шаръ находится на одной чертѣ между солнцемъ и луной, то тѣнь его падаетъ на луну, и она стано-

вится совершенно темною. Поэтому затмѣніе луны есть ничто иное, какъ паденіе на нее тѣни земли.

— А когда же бываетъ ***затмѣніе солнца?*** спросила Маша.

— Затмѣніе солнца проистекаетъ изъ той же причины, дитя мое. Когда луна, обѣгая вокругъ земли, станетъ прямо между ней и солнцемъ, заслонитъ его отъ насъ и солнце не будетъ уже бросать лучей своихъ на землю, тогда у насъ будетъ темно, то есть, солнечное затмѣніе. Но какъ небесное пространство очень велико, а для затмѣнія солнца — луна и земля должны стать по совершенно прямой чертѣ, то лунныя и солнечныя затмѣнія рѣдки.

— А что будетъ, спросила Маша, — если солнце станетъ между луной и землей?

— Этого не можетъ никогда случиться, дитя мое, отвѣтилъ отецъ, улыбаясь. — Солнце всегда отстоитъ отъ насъ гораздо дальше, чѣмъ луна, и потому не можетъ стать между нею и землею.

Вотъ все, что вамъ теперь нужно знать о лунѣ. Скажу еще, что она совершаетъ свой путь вокругъ земли въ четыре недѣли; въ теченіе времени отъ новолунія до полнолунія она постепенно растетъ, а потомъ уменьшается. Такъже правильно она восходитъ на востокѣ, а заходитъ на западѣ. Поэтому востокъ и западъ могутъ быть также опредѣляемы по лунѣ.

Итакъ, милыя дѣти, вы видите, что люди, которые плаваютъ по морямъ и называются оттого мореплавателями, имѣютъ разныя средства отъискать дорогу. Иныя моря такъ велики, что люди ѣдутъ по нимъ цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы, прежде чѣмъ увидятъ какую нибудь землю, а небо по нѣскольку дней сряду бываетъ покрыто тучами. Не смотря на это, моряки находятъ дорогу при помощи маленькаго компаса.

— Какъ, должно быть, уменъ былъ человѣкъ, кокорый первый придумалъ корабли! воскликнулъ Ѳедя.

— Корабль не вдругъ былъ изобрѣтенъ, отвѣтилъ отецъ; мореплаваніе же извѣстно почти съ тѣхъ поръ, какъ люди живутъ на землѣ; только въ началѣ они, должно быть, не умѣли сдѣлать даже порядочной лодки.

Люди, жившіе у воды, могли замѣтить, что падающія въ нее деревья всплываютъ, и первымъ судномъ былъ вѣроятно *плотъ*, то есть нѣсколько сколоченныхъ вмѣстѣ деревъ; на немъ люди спускались внизъ по рѣкѣ или переѣзжали на противоположный берегъ. Еще въ наше время нѣкоторыя дикія племена южной Америки употребляютъ подобные плоты и выѣзжаютъ на нихъ довольно далеко въ море.

Вы понимаете, что на такомъ плоту можно подвигаться впередъ лишь очень медленно и что имъ очень трудно управлять. Вѣроятно, очень многіе думали о томъ, какъ бы сдѣлать его поворотливѣе и легче. Неизвѣстно, кто первый попалъ на мысль выдолбить стволъ дерева и сдѣлать изъ него лодку. Но должно полагать, что таково было первое настоящее судно, которое начали употреблять· И теперь еще многія племена индѣйцевъ не знаютъ другихъ лодокъ и совершаютъ на своихъ челнокахъ далекія морскія путешествія.

— Кто это, индѣйцы? спросила Маша, слушавшая разсказъ отца съ большимъ вниманіемъ.

— Индѣйцами, милое дитя мое, отвѣчалъ отецъ, — называются природные обитатели Америки; они живутъ преимущественно въ лѣсахъ, занимаясь охотою и рыбною ловлею.

Воротимся однако къ нашимъ судамъ. Итакъ, сначала вѣроятно выдалбливали большіе стволы деревъ; эти челноки плавали по водѣ легче плотовъ. Ихъ постепенно совершенствовали, то естъ дѣлали больше, красивѣе и повозможности тоньше, чтобы они могли

и болѣе вмѣщать въ себѣ и быть легче. Сперва ихъ подвигали, можетъ быть, шестомъ, а въ глубокой водѣ и руками или кускомъ дерева. Но замѣтивъ, что вѣтеръ гонитъ передъ собою плавающія на водѣ тѣла тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большую они представляютъ поверхность, люди вѣроятно придумали воспользоваться вѣтромъ и начали употреблять что-либо въ родѣ паруса. Еще и теперь нѣкоторые народы плетутъ съ этою цѣлью изъ тростника, соломы и лыкъ тонкія рогожи или цыновки. Съ теченіемъ времени усовершенствовались и паруса. Одинъ человѣкъ придумывалъ одно, другой — другое, и что на опытѣ оказывалось хорошимъ, то заимствовалось и входило въ употребленіе.

Такимъ образомъ постепенно дошли до постройки большихъ судовъ и хорошихъ лодокъ. Однако люди не выѣзжали на нихъ въ море такъ далеко, чтобы терять изъ вида землю, пока наконецъ не была открыта сила магнитной иглы и не былъ изобрѣтенъ маленькій, но столь полезный инструментъ, называемый компасомъ.

Тогда мореплаватели могли ѣздить, куда хотѣли, потому что всегда знали, гдѣ сѣверъ, а слѣдовательно и гдѣ югъ, востокъ и западъ. Кромѣ того, къ судамъ придѣлывали руль, утверждали въ нихъ большія мачты, для прикрѣпленія парусовъ, и улучшали постройку, именно стали дѣлать суда гораздо длиннѣе и съ вострымъ носомъ, чтобы они легче пересѣкали воду и ходили скорѣе.

Но, кажется, про корабли я вамъ сказалъ уже довольно; вы знаете теперь, какъ люди переѣзжаютъ огромныя моря, отъ одной части свѣта къ другой.

ГЛАВА IX.

РАЗЛИЧНОЕ НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ ЗЕМНАГО ШАРА.

Каникулы Ѳеди близились къ окончанію, и онъ долженъ былъ приготовить еще нѣсколько заданныхъ ему уроковъ, такъ что въ теченіе дня былъ занятъ. Но однажды, въ свободное время, онъ сталъ внимательно разсматривать карту.

— Послушай-ка, Ѳедя, сказала Маша, которая живо къ нему подсѣла и начала путешествовать своимъ маленькимъ пальчикомъ по картѣ, — я теперь переѣхала изъ Европы въ Америку, и какъ на сѣверѣ стало холодно, то я спустилась на югъ, гдѣ теплѣе. А скажи мнѣ, Ѳедя, почему Африка черная, а Америка красная. Вѣдь въ Африкѣ не всегда же темно? Когда поутру взойдетъ солнце, въ Африкѣ должно быть свѣтло, и земля не можетъ быть черною!

Еслибъ Ѳедя могъ разрѣшить вопросъ сестры, то охотно бы это сдѣлалъ; но въ настоящемъ случаѣ, онъ затруднялся отвѣтомъ, потому что самъ не зналъ, отчего одна земля была представлена бѣлою, другая красною, двѣ черными и одна желтою. Дѣти порѣшили спросить объ этомъ отца, лишь только онъ воротится домой.

Отецъ душевно радовался желанію дѣтей учиться

и въ обыкновенное время, вечеромъ, когда всѣ усѣлись вокругъ стола, сказалъ имъ:

— Итакъ, дѣти, теперь васъ занимаютъ цвѣта различныхъ частей свѣта, не правда ли?

— Да, папочка, сказала Маша;—Ѳедя не зналъ, почему двѣ земли выкрашены въ черный цвѣтъ, а остальныя въ красный, желтый и бѣлый, и мы хотѣли спросить тебя.

— Мнѣ пріятно, продолжалъ отецъ,—что вы сами задаете этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ, я бы вамъ долженъ былъ объяснить это обстоятельство, потому что со временемъ мы будемъ совершать по этой картѣ большія путешествія.

Краски эти подобраны съ цѣлью: они должны дать вамъ понятіе о цвѣтѣ кожи, который представляютъ жители каждой части свѣта.

— О цвѣтѣ кожи? воскликнули дѣти съ удивленіемъ. — Развѣ есть люди желтые и красные?

— Есть и желтые, или по крайней мѣрѣ съ желтоватымъ цвѣтомъ кожи, и красные, или скорѣе темно-красные, такіе, какою представлена здѣсь Америка. Черныхъ людей вы, вѣроятно, уже видѣли: я помню, что во время послѣдней ярмарки сюда пріѣзжало нѣсколько человѣкъ черныхъ.

— Въ красной землѣ живутъ одни красные люди? спросила Маша.

— Въ настоящее время, отвѣчалъ отецъ, — въ этой землѣ много бѣлыхъ; напримѣръ, въ сѣверной Америкѣ гораздо больше бѣлыхъ, чѣмъ красныхъ. Но до прибытія бѣлыхъ людей, вся эта земля, отъ Сѣвернаго океана до самой южной оконечности, была заселена ***красными*** или темно-красными людьми, которыхъ называютъ ***индіянцами***.

Когда земля эта была открыта, то есть, когда отважные бѣлые люди въ первый разъ отправились на

корабляхъ далеко на западъ и плыли въ этомъ направленіи до тѣхъ поръ, пока не достигли невиданной еще земли, тогда они нашли по берегамъ, а позднѣе и внутри страны, однихъ краснокожихъ индіянцевъ.

Индіянцевъ называютъ еще туземцами или природными жителями Америки, а иногда и *дикими*, потому что они живутъ большею частью въ лѣсахъ, занимаются охотой и рыбной ловлей и не переняли еще обычаевъ просвѣщенныхъ людей.

Не смотря на то, дикари эти имѣли много хорошихъ качествъ. Они были очень гостепріимны, то есть, принимали чужихъ радушно, давали имъ ѣсть и пить и позволяли имъ спать въ своихъ домахъ; они были откровенны и благородны, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены правильно-составленныя общества.

Объ американскихъ индіянцахъ я вамъ разскажу въ другой разъ, потому что теперь хочу вамъ сообщить кое-что о другихъ земляхъ. Вы вѣроятно уже понимаете, почему Европа оставлена бѣлою?

— Потому, сказалъ живо Ѳедя, — что въ Европѣ живутъ *бѣлые* люди.

— Да я не бѣлая, возразила Маша; — у меня красныя щеки.

— Такъ, дитя мое, сказалъ, смѣясь, отецъ; — но хотя у европейцевъ щеки и бываютъ красны, однако цвѣтъ нашей кожи вообще бѣлый.

— А въ Африкѣ живутъ только черные люди? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, не одни черные, возразилъ отецъ. — Ты видишь, что и на картѣ Африка выкрашена неодинаково черно, а наверху свѣтлѣе, чѣмъ внизу. Внизу, въ южной части Африки, и въ срединѣ этой части свѣта живутъ почти одни совершенно черные люди, которыхъ мы обыкновенно называемъ *неграми*. Ближе къ сѣвер-

нымъ берегамъ Африки цвѣтъ кожи туземныхъ жителей гораздо свѣтлѣе, и они скорѣе буры, чѣмъ черны.

— Ну, а въ Австраліи всѣ жители черные? спросила Маша.

— Туземцы Австраліи дѣйствительно совершенно черны, хотя и разнятся немного отъ негровъ. Я объясню вамъ это подробнѣе въ другой разъ.

— Я бы хотѣла видѣть желтыхъ людей, которые живутъ въ Азіи, воскликнула Маша;—какъ они должны быть смѣшны!

— Они не всѣ желтаго цвѣта, сказалъ отецъ. — Въ Азіи живетъ также много людей желто-бурыхъ, а тамъ, гдѣ она примыкаетъ къ Европѣ, живутъ люди почти совершенно бѣлые и очень красивые. Но вообще господствующій цвѣтъ жителей этой части свѣта — желтоватый, и поэтому-то на картѣ она въ него и окрашена. Всякій разъ, когда вы взглянете на карту, вы будете вспоминать цвѣтъ тѣла туземцевъ, слѣдовательно вы не такъ скоро его забудете.

— А какого же цвѣта жители острововъ? спросилъ Ѳедя.

— Это довольно вѣрно обозначено на картѣ: большая часть островитянъ въ Тихомъ океанѣ мѣдно-краснаго цвѣта; только вблизи Австраліи есть острова съ чернымъ народонаселеніемъ. Въ Атлантическомъ океанѣ цвѣтъ жителей зависитъ отъ того, близъ какой части свѣта находятся ихъ острова. Такъ на островахъ, лежащихъ вблизи Европы, жители бѣлы.

— Всѣ черные, красные и желтые люди дикари, не правда ли? спросила Маша.

— Не всѣ, дитя мое. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ, подобно намъ, въ правильно-устроенныхъ обществахъ, подъ защитою законовъ. Другіе же дѣйствительно ведутъ совершенно дикую жизнь. Тамъ, гдѣ они живутъ, есть много замѣчательныхъ растеній и животныхъ, и

мнѣ придется разсказывать вамъ объ обитаемыхъ этими людьми странахъ много любопытнаго. Я бы могъ сказать вамъ имена разныхъ народовъ, населяющихъ земной шаръ, но вы не запомнили бы ихъ и перепутали бы то, что я хотѣлъ бы сообщить вамъ какъ можно яснѣе. Отложимъ это до времени, когда будемъ разсматривать отдѣльныя страны свѣта.

— Но почему же люди въ одной землѣ красные, въ другой черные, а у насъ бѣлые? спросилъ Ѳедя.

— На этотъ вопросъ отвѣчать трудно, сказалъ отецъ. — Конечно, большое вліяніе на цвѣтъ кожи людей оказываетъ солнце: и у васъ лица становятся гораздо темнѣе, если, лѣтомъ, вы много бѣгаете подъ солнечными лучами. Не смотря на то, въ Америкѣ, на самомъ сѣверѣ и на южной оконечности, есть люди, имѣющіе такой же темный цвѣтъ лица, какъ жители странъ между поворотными кругами и экваторомъ (вы знаете уже, что-такое поворотный кругъ). Ученые и умные люди, не смотря на всѣ разъисканія, не рѣшили еще положительно этого вопроса.

— Ты намъ говорилъ, папа, сказалъ Ѳедя, который въ особенности интересовался дикарями, — что дикіе, въ разныхъ странахъ міра, живутъ охотой и рыбною ловлей. Чѣмъ же они убиваютъ звѣрей? есть ли у нихъ такія ружья, какъ у насъ?

— Такихъ ружей у дикарей нѣтъ, отвѣтилъ отецъ, — развѣ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они сблизились съ народами образованными, преимущественно бѣлыми. Вооруженіе дикарей чрезвычайно различно, и вы не думайте, чтобы всѣ дикари были похожи другъ на друга. Въ разныхъ частяхъ свѣта у нихъ нетолько различный цвѣтъ кожи, но и различные нравы и обычаи, различное вооруженіе, различная пища и даже различный языкъ.

— Да какъ же они понимаютъ другъ друга? спросила Маша.

— Они должны или изучить непонятный имъ языкъ, или объясняться посредствомъ знаковъ, то есть, посредствомъ извѣстныхъ движеній рукъ и пальцевъ, хотя это не очень легко. Но чтобы видѣть и слышать, какъ объясняются люди, говорящіе различными языками, намъ не нужно ѣхать въ отдаленныя части свѣта, потому что въ самой Европѣ много различныхъ странъ и въ нихъ говорятъ столькими же разными языками.

Мы, напримѣръ, живемъ въ Германіи; но вы, дѣти, вѣроятно слышали уже о французахъ и англичанахъ, о русскихъ, испанцахъ, итальянцахъ и шведахъ, не правда ли? Хотя всѣ они сосѣди, живутъ въ Европѣ, сходны цвѣтомъ кожи, образованы, но все-таки говорятъ различными языками. Поэтому, чтобы понимать другъ друга, они должны изучать чужіе языки.

Такое же различіе представляютъ и другіе народы земнаго шара. Они отличаются другъ отъ друга языкомъ, обычаями и нравами, цвѣтомъ кожи, чертами лица и конечно имѣютъ неодинаковое вооруженіе. Одни употребляютъ лукъ и стрѣлы, другіе копья и пики, которыя кидаютъ, третьи пращи и арканы; есть дикари, которые убиваютъ употребляемую ими въ пищу дичь маленькими стрѣлами, выдуваемыми изъ трубокъ, и этимъ же оружіемъ защищаются отъ нападеній непріязненныхъ племенъ.

— А намъ они ничего не сдѣлаютъ, если къ нимъ пріѣхать? спросила Маша.

— Многія племена, отвѣтилъ отецъ, — очень добродушны и гостепріимны и живутъ съ европейцами въ мирѣ. Другія же смотрятъ на бѣлыхъ непріязненно. Этихъ нужно очень остерегаться.

— Но зачѣмъ же бѣлые къ нимъ ѣздятъ, папаша? спросила дѣвочка. — Если эти дикари такъ злы, то

пусть живутъ одни; мы ихъ знать не хотимъ; лишь бы они къ намъ не пріѣзжали.

— Мы къ нимъ ѣздимъ, говорилъ отецъ, — не воевать, а для торговли. Одинъ народъ, нуждаясь въ товарахъ, которыхъ у него нѣтъ, пріобрѣтаетъ ихъ отъ другаго народа: или покупаетъ на деньги, или вымѣниваетъ на товары. Послѣдній способъ называется мѣновымъ торгомъ. Мы, напримѣръ, нуждаемся въ кофе, чаѣ, рисѣ и многихъ другихъ вещахъ, которыя у насъ не произрастаютъ. Поэтому наши корабли ѣдутъ въ отдаленныя части свѣта, гдѣ могутъ получить эти товары, и взамѣнъ ихъ привозятъ туземцамъ сукна и другія шерстяныя и бумажныя ткани, ножи, зеркала и подобные предметы, которые бѣлые приготовляютъ гораздо искуснѣе.

Кромѣ кораблей, которые занимаются торговлей и потому называются купеческими, по морямъ ѣздятъ еще другіе, посѣщающіе отдаленныя земли и возящіе взадъ и впередъ письма. Вы знаете, какъ исправно почта уходитъ и приходитъ, возя путешественниковъ, посылки и письма. Назначенные для этого корабли замѣняютъ на морѣ почтовыя кареты и потому называются почтовыми кораблями.

Какъ на землѣ есть полиція, которая смотритъ за порядкомъ, и солдаты, защищающіе свое отечество отъ сосѣднихъ народовъ, такъ точно и на морѣ есть корабли съ пушками и солдатами, которые разъѣзжая по морямъ, защищаютъ купеческіе и почтовые корабли отъ нападеній чужихъ народовъ и морскихъ разбойниковъ и называются военными кораблями.

— Но какъ же на моряхъ могутъ быть разбойники? спросила Маша; гдѣ жъ они прячутся?

— Злые люди, дитя мое, есть вездѣ, во всѣхъ народахъ и племенахъ, какъ на землѣ, такъ и на водѣ. На водѣ имъ негдѣ прятаться: они, подобно другимъ,

должны ѣздить на корабляхъ. Но море очень велико, и завидя приближающееся издали военное судно, они стараются какъ можно скорѣе уйти.

— Да на морѣ нечего красть, сказалъ Ѳедя.

— Почему нечего? Тамъ ѣздятъ купеческіе корабли, которые часто нагружены дорогими товарами и на которыхъ есть и деньги. Разбойники могутъ эти корабли ограбить. Такіе злые люди возятъ также съ африканскихъ береговъ въ Америку негровъ и продаютъ ихъ тамъ какъ невольниковъ. Если военное судно встрѣтитъ корабль, нагруженный бѣдными, несчастными невольниками, то выпускаетъ ихъ на волю, а злыхъ людей отвозитъ на сушу, для суда и наказанія.

— Что такое невольники? спросилъ мальчикъ.

— Невольники — люди, у которыхъ отняли дарованную Богомъ свободу, которыхъ продаютъ другимъ людямъ, какъ животныхъ, и заставляютъ работать.

— Это дѣлаютъ дикіе? спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, дитя мое. Дикія племена, ведя войну, берутъ иногда въ плѣнъ людей и дѣлаютъ ихъ невольниками: но въ этомъ отношеніи бѣлые еще хуже дикихъ. Однако, это предметъ, который я позже объясню вамъ подробнѣе. Теперь пора спать: Маша засидѣлась слишкомъ долго. Дѣти должны рано ложиться, чтобы раньше и вставать, быть здоровѣе и веселѣе.

Говоря это, отецъ взялъ карту и положилъ ее въ свой письменный столъ. Ѳедя же всю ночь видѣлъ во снѣ военные корабли, преслѣдующіе морскихъ разбойниковъ.

ГЛАВА X.

ХОЛОДНЫЯ И ЖАРКІЯ СТРАНЫ ЗЕМНАГО ШАРА.

На слѣдующій день было воскресенье, и какъ погода не совсѣмъ благопріятствовала прогулкѣ, то родители остались съ дѣтьми дома.

Однако Ѳедя, полный вчерашнихъ разсказовъ отца, проводилъ время прекрасно. Большой столъ представлялъ океанъ, книги замѣняли части свѣта; Ѳедя сдѣлалъ изъ бумаги нѣсколько военныхъ кораблей, посадилъ на нихъ своихъ жестяныхъ солдатъ, а въ разныхъ частяхъ свѣта, вмѣсто негровъ, индіянцевъ и другихъ дикихъ, разсыпалъ черные и бурые бобы. Близъ африканскихъ береговъ разъѣзжали на орѣховыхъ скорлупахъ морскіе разбойники и крали черныхъ людей; военные корабли ихъ преслѣдовали, бросали въ море злыхъ разбойниковъ и возвращали въ отечество бѣдныхъ черныхъ.

Чтобы правильно расположить части свѣта, Ѳедя выпросилъ у отца карту. Корабли плавали большею частью между Африкой и Америкой. Одинъ изъ морскихъ разбойниковъ, намѣреваясь проникнуть въ Тихій океанъ, направился къ южной оконечности Америки.

При этомъ Ѳедя обратилъ вниманіе на красную землю, представленную въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ и

похожую на продолговатый островъ. Нѣкоторые изъ его военныхъ кораблей пристали тутъ къ берегу; но какъ Ѳедя не зналъ, что это за земля и кто на ней живетъ, то отправился къ занимавшемуся въ другой комнатѣ отцу и попросилъ его сказать, какая это страна и добрые ли въ ней жители?

Маша, игравшая съ братомъ, также прибѣжала выслушать отвѣтъ отца.

— Красная земля, сказалъ онъ, — лежащая близъ южнаго полюса, можетъ быть и островомъ, и частью материка. Такъ какъ ее всю еще не осмотрѣли, то это положительно не извѣстно. Какъ думаешь, Ѳедя, холодно тамъ или жарко?

— Разумѣется холодно, отвѣтилъ Ѳедя: — вѣдь страна эта находится близъ полюса, а ты намъ говорилъ, что на обоихъ полюсахъ очень холодно.

— Дѣйствительно такъ, дитя мое; тамъ находили одни ледяныя горы, и только въ послѣднее время убѣдились, что подо льдомъ во многихъ мѣстахъ есть твердая земля. Эта красная черта показываетъ только, что здѣсь предполагаютъ существованіе земли; но далѣе никто не пробирался. Кажется, людей тамъ вовсе нѣтъ; никто бы не могъ вынести тамошнихъ страшныхъ и постоянныхъ холодовъ.

— Зачѣмъ же туда ѣздятъ корабли, спросилъ Ѳедя? — Вымѣнить въ такой холодной странѣ они ничего не могутъ, и вѣроятно тамъ нѣтъ и морскихъ разбойниковъ.

— Военные корабли, отвѣтилъ отецъ, ѣздятъ отъ времени до времени въ разныя части [illegible]та, какъ говорятъ, для открытій, то есть для отъисканія неизвѣстныхъ земель. Достигнувъ такой страны, находящіеся на корабляхъ люди замѣчаютъ, гдѣ она находится, какіе на ней живутъ люди и звѣри, какія растутъ де-

ревья и травы, а по возвращеніи домой, все видѣнное изображаютъ на картахъ и описываютъ въ книгахъ.

— Какъ это хорошо! воскликнулъ Ѳедя. — Вотъ на такомъ кораблѣ хотѣлось бы поѣздить!

— Корабли эти, продолжалъ отецъ, — совершаютъ очень любопытныя и большія путешествія, видятъ много различныхъ странъ и народовъ, но за то часто многіе годы принуждены ѣздить по водѣ, претерпѣвать бури, переносить много лишеній и опасностей.

— Однако, замѣтила Маша, если дикимъ приходится побывать въ такой холодной странѣ, то они вѣрно надѣваютъ какое нибудь платье; иначе они должны бы были замерзнуть.

— Дикіе, которые вообще путешествуютъ мало, туда вовсе не ѣздятъ, сказалъ отецъ, — развѣ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, да и то на европейскихъ корабляхъ, гдѣ имъ даютъ теплое платье. Обитатели очень холодныхъ странъ не легко переносятъ жары, обыкновенные между поворотными кругами, тогда какъ люди, живущіе между этими кругами, еще болѣе боятся холода. Только мы, пользующіеся *умѣреннымъ* климатомъ, выносимъ и холодъ, и жаръ чужихъ странъ. Поэтому европейцы разбросаны по всему земному шару, встрѣчаются и подъ экваторомъ, и въ полярныхъ моряхъ, куда часто ѣздятъ для ловли китовъ.

— Только для ловли китовъ, папаша?

— Только за этимъ. Они вывариваютъ китовый жиръ и развозятъ его на корабляхъ въ Европу и другія страны, чтобы люди могли имѣть масло для лампъ.

— Но какъ же плаваютъ въ полярныхъ моряхъ корабли, когда эти моря замерзаютъ? спросилъ Ѳедя.

— Ты знаешь уже, что въ тѣхъ странахъ бываетъ лѣто, хотя очень короткое. Въ это время и тамъ земля покрывается зеленью и цвѣтами. Теплое время продолжается дѣйствительно не долго, но въ теченіе его рас-

таетъ много льду, и этимъ-то пользуются корабли. По наступленіи холодовъ, они какъ можно скорѣе возвращаются въ болѣе теплый климатъ.

— На ихъ мѣстѣ я сдѣлала бы то же, замѣтила Маша. — Зимой скверно: на дворѣ такъ холодно.

— Но развѣ зима не доставляетъ намъ и много удовольствій, дитя мое? спросилъ отецъ. — Развѣ ты не любишь кататься въ саняхъ? развѣ не прекрасна пелена бѣлаго снѣгу, покрывающая наши поля?

— Это правда, отвѣтила Маша; — но зимой на дворѣ такъ холодно; деревья стоятъ безъ листьевъ; нѣтъ ни зеленыхъ луговъ, ни бабочекъ. Весна гораздо лучше: все зеленѣетъ; появляются птички, красивенькія пѣвуньи.

— Я больше всего люблю весну, сказалъ Ѳедя, — потому что лѣтомъ бываетъ иногда слишкомъ жарко.

— Въ такомъ случаѣ, дѣти, возразилъ отецъ, — вы должны радоваться и зимѣ, потому что безъ зимы у насъ не было бы и весны.

— Развѣ въ жаркихъ странахъ не бываетъ весны? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, другъ мой, отвѣтилъ отецъ. — Весна можетъ быть только тамъ, гдѣ бываетъ зима и гдѣ на зиму деревья замираютъ. Весной они всасываютъ изъ земли новые соки и пускаютъ почки; корни и сѣмена травъ даютъ новые ростки; все покрывается свѣжей зеленью. Мы любимъ весну потому, что въ это время все оживаетъ и возвращаются птички, которыя осенью отъ насъ улетѣли. Во всю длинную зиму мы ихъ не видѣли, и оттого-то весною онѣ намъ такъ и милы. Еслибъ онѣ постоянно оставались у насъ на глазахъ, то, можетъ быть, и не нравились бы. Разсмотри внимательнѣе воробья, и ты замѣтишь, что онъ очень миленькая птичка; но мы на него и не смотримъ, потому что во-

робьи остаются у насъ круглый годъ. А какъ мы радуемся появленію ласточки!

Такія же впечатлѣнія производятъ на насъ деревья и травы. Въ жаркихъ странахъ деревья тоже очень хороши; на нихъ бываютъ великолѣпные листья и цвѣты; но тамъ люди не знаютъ той радости, какую мы ощущаемъ при появленіи первыхъ фіалокъ: жителямъ жаркихъ странъ цвѣты вещь слишкомъ обыкновенная, ежедневная.

Только лишенія научаютъ насъ цѣнить богатые дары природы. Только удрученный болѣзнью человѣкъ сознаетъ, какое великое благо здоровье. Такимъ же образомъ только по прошествіи длинной и холодной зимы мы чувствуемъ всю прелесть весны и цѣнимъ изобиліе лѣта и осени, дарящихъ насъ хлѣбами и фруктами. Поэтому, милыя дѣти, любите зиму, хотя она васъ и лишаетъ нѣкоторыхъ удовольствій: безъ нея не было бы и весны, которая насъ съ лихвою вознаграждаетъ за эти лишенія; безъ зимы и дары другихъ временъ года не имѣли бы для насъ цѣны.

— Папаша, сказалъ Ѳедя; — люди, которые живутъ въ жаркихъ странахъ, вѣроятно не имѣютъ и понятія о снѣгѣ и льдѣ? Воображаю себѣ, съ какимъ удивленіемъ они смотрѣли бы на нашу природу, еслибъ попали сюда зимою.

— И въ жаркихъ странахъ бываетъ снѣгъ, отвѣтилъ отецъ: — на очень высокихъ горахъ.

— Но въ этихъ странахъ солнце палитъ и снѣгъ вѣроятно тотчасъ же таетъ, замѣтила Маша.

— Только не на высокихъ горахъ, дитя мое.

— Отчего же, спросила Маша.

— Это я вамъ сейчасъ объясню. Что воздухъ, подобно другимъ тѣламъ, притягивается землею, слѣдовательно имѣетъ тяжесть и производитъ давленіе, вы уже знаете. Какъ онъ ни легокъ, но все-таки

имѣетъ вѣсъ, хотя и самый незначительный. Верхніе слои воздуха, давя на нижніе, сгущаютъ ихъ, дѣлаютъ плотнѣе. Слѣдовательно нижніе слои воздуха плотнѣе, а верхніе рѣже. Но вы вѣроятно уже замѣтили, что чѣмъ тѣло плотнѣе, тѣмъ больше оно нагрѣвается. Кусокъ дерева и такого же цвѣта плотный камень нагрѣваются на солнцѣ неодинаково: камень нагрѣется сильнѣе. По этой же причинѣ нижніе слои воздуха нагрѣваются больше, чѣмъ верхніе, и на высокихъ горахъ бываетъ очень холодно. На вершинахъ многихъ горъ, даже въ жаркое лѣто, постоянно лежитъ снѣгъ, и тамъ никогда не бываетъ такъ тепло, чтобы онъ весь растаялъ. Въ Европѣ есть страна, лежащая южнѣе насъ и называемая ***Швейцаріей.*** Въ ней возвышаются огромныя горы, ***Альпы***; на ихъ вершинахъ все лѣто лежитъ глубокій снѣгъ; нѣкоторыя же мѣста совершенно покрыты льдомъ и потому называются ледниками. Какъ бы ни грѣло солнце въ долинѣ, вершина горы можетъ быть покрыта снѣгомъ: онъ не можетъ растаять въ окружающемъ его рѣдкомъ и потому морозномъ воздухѣ.

— Такимъ образомъ въ серединѣ лѣта тамъ можно бродить въ снѣгу по колѣни, спросилъ Ѳедя.

— Да, другъ мой. Тамъ возможно съ зеленаго луга подняться въ снѣга и мгновенно воротиться назадъ. Это мѣста, гдѣ зима стоитъ возлѣ лѣта, не будучи отдѣлена отъ него весною и осенью. Черта кругомъ горы, выше которой уже такъ холодно, что снѣгъ не таетъ и лѣтомъ, называется *границею снѣга*.

— Такимъ образомъ и подъ самымъ экваторомъ можетъ лежать снѣгъ? спросилъ Ѳедя.

— Разумѣется: на чрезвычайно высокихъ горахъ. Граница снѣга, какъ вы вѣроятно догадываетесь, не во всѣхъ странахъ на одинаковой высотѣ. Въ странѣ, гдѣ

холодно и на низкихъ мѣстахъ, не нужно подниматься высоко, чтобы достигнуть вѣчныхъ снѣговъ. У полюсовъ граница снѣга сходитъ на низменности. Начерченные на картѣ круги, въ которыхъ написано: „сѣверный и южный полюсы,“ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ, и человѣкъ туда еще не заходилъ. Тамъ царствуетъ вѣчная зима, и мы даже не знаемъ, существуютъ ли тамъ какія нибудь животныя, или все мертво.

Слѣдовательно, тамъ, какъ я уже сказалъ, граница снѣга лежитъ на низменностяхъ. У насъ уже нужно подниматься на высоту семи или восьми тысячъ футовъ, чтобы достигнуть мѣста, съ котораго и лѣтомъ не сходитъ снѣгъ. Между поворотными кругами постоянный снѣгъ можно найти лишь на горахъ въ 15 или 16,000 футовъ.

Изъ этого вы видите, милыя дѣти, что холодъ или жаръ страны зависитъ не только отъ того, какъ падаютъ на нее лучи солнца, но и отъ *ея высоты* и *вообще положенія*. Я вамъ опишу впослѣдствіи находящіяся въ жаркихъ странахъ очень высокія горы. У ихъ подножья, какъ лежащаго между поворотными кругами, господствуютъ *тропическіе* жары; на половинѣ высоты замѣчается умѣренный климатъ и произрастаютъ свойственныя ему растенія, а на верхушкѣ лежитъ вѣчный снѣгъ.

— Подножье горы—это низъ горы? спросила Маша.

— Да, другъ мой. *Подножьемъ горы* называется мѣсто, съ котораго окружающая гору равнина начинаетъ возвышаться. Остальная поверхность горы называется *склономъ* или спускомъ; если онъ очень крутъ, то зовется обрывомъ, а самый высокій пунктъ горы — *вершиною*. Нѣсколько горъ, лежащихъ вблизи одна отъ другой, длиннымъ рядомъ, образуютъ *цѣпь горъ, горный хребетъ*, а если на такомъ хребтѣ лежитъ большое плоское пространство, то оно называется *плоскою возвышенностью*.

— Живутъ ли люди за границей снѣга? спросилъ Ѳедя. — Я думаю, даже ни одно животное не захочетъ тамъ остаться. Какая ему охота сидѣть въ снѣгу, когда оно въ короткое время можетъ спуститься въ зелень.

— За границей снѣга люди дѣйствительно не живутъ, отвѣтилъ отецъ, — хотя и есть на сѣверѣ дикія племена, пользующіяся весьма короткимъ лѣтомъ. Но звѣри живутъ въ горахъ и среди вѣчныхъ снѣговъ, потому что есть животныя, которыя легко переносятъ большіе холода и повидимому любятъ сидѣть въ снѣгу и льду. Такъ бѣлый медвѣдь, съ нѣкоторыми другими звѣрями, живетъ на отдаленномъ сѣверѣ между снѣгомъ и льдомъ, а въ швейцарскихъ Альпахъ бѣлая куропатка, очень красивая птица изъ породы куръ, почти не выходитъ изъ снѣга и выбираетъ по преимуществу мѣста, на которыхъ лежитъ снѣгъ.

Звѣри эти не оставляютъ указанныхъ имъ природою мѣстностей, и только немногіе изъ нихъ свыкаются съ болѣе умѣреннымъ климатомъ. Точно такъ же и животныя, привыкшія къ жаркому климату, не выносятъ холоднаго. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, люди имѣютъ передъ животными большія преимущества: въ особенности мы, живущіе въ умѣренной полосѣ, можемъ переносить почти каждый климатъ.

— Но зачѣмъ же люди живутъ такъ далеко на сѣверъ, гдѣ такъ холодно? спросилъ Ѳедя. — Еслибъ они подвинулись немного къ югу, то нашли бы климатъ гораздо умѣреннѣе, не правда ли?

— Дѣйствительно; они могли бы это сдѣлать, но не дѣлаютъ. А ты согласился бы оставить насъ, оставить нашъ домъ, нашъ садъ и уйти такъ далеко, чтобы тебѣ уже никогда нельзя было воротиться?

Ѳедя медлилъ отвѣтомъ и смотрѣлъ на отца. Этого вопроса онъ себѣ еще не задавалъ.

— Да, сказалъ онъ наконецъ,— если бы вы поѣхали со мной.

— Вотъ какъ! Но у твоей матери есть здѣсь еще родители, *твои* дѣдушка и бабушка, съ которыми она точно такъ же не захочетъ разстаться, какъ и ты съ нами.

— Въ такомъ случаѣ, пусть и они ѣдутъ, предложилъ Ѳедя.

— Но они уже стары и, можетъ быть, не перенесли бы такого дальняго путешествія. Кромѣ того, у твоей бабушки есть еще сестра, которую она неохотно оставила бы здѣсь одну. Такимъ образомъ, дитя мое, сердце наше привязывается ко многимъ людямъ, ко всему окружающему, даже къ мѣсту, въ которомъ мы родились. Мѣсто, гдѣ протечетъ ваше дѣтство, гдѣ вы проведете вашу юность, будетъ для васъ всегда дорого.

— Но люди, которыхъ мы недавно встрѣтили, папаша, отправлялись въ Америку и везли съ собой дѣтей.

— Да, дружокъ, это правда, и всякій годъ много людей переѣзжаетъ въ другія земли, пріискиваетъ себѣ новое отечество. Но кто можетъ сказать, какъ тяжело и горько было имъ рѣшиться на подобный шагъ. А въ чужой странѣ! Сколько разъ они вспомнятъ о всемъ томъ, что имъ здѣсь мило, что они оставили и чего, можетъ быть, никогда больше не увидятъ.

— Такъ почему же они уѣхали? спросила Маша.

— Вѣроятно потому, что человѣкъ этотъ не могъ заработать здѣсь столько, сколько было нужно для прокормленія семейства. Много бѣдныхъ людей принуждены работать въ потѣ лица; а если у нихъ большое семейство и они не хотятъ поступать безчестно, то какъ горько достается имъ насущный хлѣбъ! Въ отдаленныхъ странахъ, гдѣ земля не такъ дорога, а жизненные припасы дешевле, бѣдные люди надѣются легче добывать

хлѣбъ, поэтому-то они оставляютъ отечество и предпринимаютъ трудное и опасное путешествіе.

Другіе люди предпринимаютъ путешествія съ цѣлью видѣть и изучить природу; а что въ ней много удивительнаго, это вы легко угадаете.

Насъ занимаютъ нетолько люди другаго племени, съ ихъ обычаями и нравами, но и дикіе и ручные звѣри, ничтожную часть которыхъ вы видѣли въ звѣринцахъ: львы, тигры, слоны, обезьяны. Царство растительное также чрезвычайно разнообразно. Въ жаркихъ странахъ въ особенности растутъ великолѣпныя деревья, называемыя пальмами, съ высокими, стройными стволами, наверху которыхъ раскинутъ вѣнецъ изъ широкихъ, прекрасныхъ листьевъ; и между этими листьями висятъ иногда цѣлыя кисти сладкихъ, сочныхъ плодовъ. Тамъ есть огнедышащія горы, неизмѣримые лѣса и огромныя рѣки, пространныя долины, на которыхъ живутъ безчисленныя стада дикихъ звѣрей, и тысяча другихъ вещей, знакомство съ которыми доставитъ вамъ много удовольствія.

Сегодня, однако, уже некогда все это разсказывать. Но если то, что я говорилъ въ послѣдніе дни о земномъ шарѣ, вамъ понравилось, то я готовъ продолжать свои разсказы.

Теперь по крайней мѣрѣ вы имѣете общее понятіе о землѣ. Вы знаете, какъ расположены части суши и воды; вы знаете, почему въ однихъ странахъ бываетъ холодно, а въ другихъ жарко; вы знаете, какъ изъ одной части свѣта можно пробраться въ другую. Теперь мы можемъ начать разсматривать каждую изъ нихъ особо.

— И тогда, папаша, ты намъ разскажешь про Австралію и острова, не правда ли? спросилъ Ѳедя.

— Разскажу о всѣхъ странахъ земнаго шара, отвѣтилъ отецъ, — начиная съ части свѣта, въ которой мы живемъ: и которую вы еще такъ мало знаете съ Европы: потомъ буду говорить объ Америкѣ, Азіи, Африкѣ, Австраліи и островахъ: послѣ того о поворотныхъ кругахъ и Ледовитыхъ моряхъ, и вы узнаете тогда, какъ чудесно распредѣлились по земной поверхности люди, звѣри, растенія, сообразно необходимымъ для ихъ жизни условіямъ, — узнаете, гдѣ каждое изъ нихъ находится, растетъ и множится.

При помощи того, что я вамъ уже разсказалъ, вы лучше и легче поймете и остальное, и если вамъ это доставляетъ удовольствіе, то постепенно узнаете всю землю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЕВРОПА.

ЕВРОПА.
СѢВ. ЛЕДОВ. ОКЕАНЪ
АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ
СѢВ. ПОЛЯРНЫЙ КРУГЪ
ИСЛАНДІЯ
ИРЛАНДІЯ
ШОТЛАНДІЯ
АНГЛІЯ
Лондонъ
КАНАЛЪ
СѢВЕРНОЕ МОРЕ
НОРВЕГІЯ
ШВЕЦІЯ
Штокгольмъ
БОТНИЧЕСКІЙ ЗАЛИВЪ
ФИНСКІЙ ЗАЛИВЪ
С. Петербургъ
Ладожское озеро
ЗЕМЛЯ ЛОПАРЕЙ
БѢЛОЕ МОРЕ
САМОЕДЫ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
ДАНІЯ
ГЕРМАНІЯ
Берлинъ
Одеръ
Везеръ
Эльба
Рейнъ
Варшава
ПОЛЬША
РОССІЯ
Москва
Волга
Уралъ
ФРАНЦІЯ
Парижъ
Сена
Луара
Рона
ИСПАНІЯ
Мадридъ
ПОРТУГАЛІЯ
Лиссабонъ
ПРОЛИВЪ ГИБРАЛТАРСКІЙ
ШВЕЙЦАРІЯ
ВѢНА
ВЕНГРІЯ
ТРАНСИЛЬВАНІЯ
ГАЛИЦІЯ
ВАЛАХІЯ
МОЛДАВІЯ
Дунай
Днѣпръ
Донъ
ИТАЛІЯ
Генуя
КОРСИКА
САРДИНІЯ
Неаполь
СИЦИЛІЯ
Этна
МАЛЬТА
АДРІАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ІОНИЧЕСКІЕ ОСТРОВА
Аѳины
КАНДІЯ
ТУРЦІЯ
Константинополь
МРАМОРНОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КРЫМЪ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КАВКАЗЪ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
АФРИКА
АЗІЯ
Восточной долготы отъ Ферро
ИЗДАНІЕ М.О.ВОЛЬФА

ГЛАВА I.

ОТЕЦЪ РАЗСКАЗЫВАЕТЪ ѲЕДѢ И МАШѢ О ЕВРОПѢ.

Пришла осень, и отецъ, занятый разными дѣлами, не могъ посвятить дѣтямъ своимъ столько времени, какъ бы онъ того желалъ. Не смотря на то, маленькіе друзья наши изучали, по возможности, карту, и знали очень хорошо наружный видъ земли и гдѣ лежитъ какая часть свѣта.

Въ первый же вечеръ, когда все семейство собралось снова за чайнымъ столикомъ, Ѳедя напомнилъ отцу его обѣщаніе разсказать объ отдѣльныхъ странахъ земнаго шара. Отецъ отвѣтилъ, улыбаясь:

— Съ удовольствіемъ, дружокъ, тѣмъ болѣе, что, зная уже о существованіи нѣсколькихъ частей свѣта, вы вѣроятно захотите ознакомиться съ ними поближе.

— Болѣе всего я желалъ бы услышать что нибудь объ Америкѣ, воскликнулъ Ѳедя, — и о тѣхъ бѣдныхъ людяхъ, которые туда отправились прошедшей весной. Помнишь, папаша, того человѣка, котораго мы встрѣтили на дорогѣ съ телѣгой и дѣтьми?

— Помню, другъ мой, сказалъ отецъ; — но Америка очень обширна, и было бы весьма трудно узнать, куда именно отправился этотъ человѣкъ. Должно надѣяться, что дѣла его идутъ хорошо: онъ казался чест-

нымъ и порядочнымъ человѣкомъ, а честные и трудолюбивые люди вездѣ принимаются радушно и легче другихъ находятъ хлѣбъ.

— Но прежде, чѣмъ говорить объ Америкѣ, намъ нужно познакомиться поближе съ той частью свѣта, въ которой мы живемъ, а именно съ *Европой.* Узнавъ ее хорошо, мы можемъ предпринять путешествіе и въ Америку, хотя бы только на картѣ.

— Да Европу мы знаемъ, папа, воскликнула Маша; — съ той высокой горы мы видѣли ее далеко, далеко, до самыхъ голубыхъ горъ.

— Нѣтъ, дитя мое, отвѣтилъ, улыбаясь, отецъ; — то, что ты называешь высокой горой, даже не настоящая гора, а небольшой пригорокъ, въ сравненіи съ другими горами, возвышающимися въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. Все, что ты могла разсмотрѣть съ того пригорка, не составитъ и такой части Европы, какую ты вотъ на этой новой картѣ, представляющей одну Европу, можешь накрыть булавочной головкой; изъ этого ты легко заключишь, много ли ты видѣла Европы.

— Но вѣдь съ горъ такъ далеко видно! замѣтила Маша нерѣшительнѣе прежняго.

— Да, дитя мое, съ нихъ видно очень далеко, и еслибъ ты вздумала пройти пѣшкомъ до самаго далекаго изъ видѣнныхъ тобою предметовъ, то твои маленькія ножки очень бы устали. Не смотря на то, видѣнное тобою мѣсто, какъ я тебѣ уже сказалъ, можетъ быть закрыто на картѣ булавочной головкой. Теперь вы можете себѣ вообразить, какъ велика должна быть каждая часть свѣта; притомъ же Европа гораздо меньше Азіи, Америки, даже Африки; вы это, я думаю, замѣтили и на прежней картѣ.

— Впрочемъ, чтобы дать вамъ понятіе о величинѣ земли, я принесъ другую карту, на которой разныя части свѣта, находящіяся на нашемъ полушаріи, обве-

дены разноцвѣтными красками, а все полушаріе какъ будто покрыто прозрачною сѣткой.

— Да развѣ земля кажется такою? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, другъ мой, отвѣтилъ отецъ; линіи, проведенныя на этой картѣ, только ***воображаемыя***, — то есть, мы въ умѣ проводимъ по земной поверхности черты: одни, которыя сходятся на сѣверномъ и южномъ полюсахъ, и другія, которыя идутъ вокругъ земли отъ востока къ западу или наоборотъ.

Скажите, дѣти: что больше — разстояніе ли между однимъ полюсомъ и другимъ, по одну сторону земли, или экваторъ, который идетъ кругомъ земли?

— Конечно, экваторъ, отвѣтилъ Ѳедя.

— Такъ, другъ мой. А если поверхность какого нибудь предмета будетъ въ одну сторону простираться, протягиваться дальше, чѣмъ въ другую, то какое протяженіе мы будемъ называть длиной: большее, или меньшее?

— Большее, отвѣтилъ Ѳедя.

— Да. Слѣдовательно, какъ мы назовемъ разстояніе между полюсами? длиной или шириной?

— Шириной, воскликнули разомъ Ѳедя и Маша.

— А протяженіе земной поверхности, на западъ или на востокъ отъ какого нибудь мѣста, вокругъ земнаго шара?

— Длиной, опять отвѣтили дѣти.

— Относительно земли, поправилъ отецъ, ихъ называютъ широтой и долготой.

Линіи продольныя находятся одна отъ другой вездѣ на равномъ разстояніи. Напротивъ того, линіи поперечныя, которыя сходятся на сѣверномъ и южномъ полюсахъ, не могутъ вездѣ отстоять одна отъ другой одинаково. Разстояніе между ними, чѣмъ ближе къ полюсамъ, становится меньше. То же самое вы замѣчаете на

продольныхъ и поперечныхъ нитяхъ вашего оплетеннаго гарусомъ мячика. Каждая продольная линія дѣлится на 360 частей; слѣдовательно, половины этихъ линій, видимыя на картѣ нашего полушарія, а также поперечныя линіи, дѣлятся на 180 частей, называемыхъ градусами. Понятно, что градусы всѣхъ поперечныхъ линій вездѣ одинаковы, а также равны градусамъ экватора: вѣдь поперечныя линіи сами равны половинѣ экватора. Продольныя же линіи, приближаясь къ полюсамъ, становятся все меньше и меньше; вмѣстѣ съ тѣмъ должны уменьшаться и ихъ градусы. Градусы экватора и поперечныхъ линій содержатъ 15 нѣмецкихъ или географическихъ миль *). Ѳедя, сосчитай сегодня вечеромъ, сколько миль въ цѣломъ поперечномъ кругѣ или въ экваторѣ. Не забудь, что въ нихъ по 360 градусовъ, а въ каждомъ градусѣ по 15 миль. Исчисливъ же длину экватора, ты легко можешь найти и длину земной оси или другой линіи, которая проходитъ отъ одного бока земли до противоположнаго, сквозь ея середину. Обыкновенно принимаютъ, что въ кругломъ тѣлѣ такая линія равняется третьей части его окружности.

Эта маленькая карта представляетъ одну половину земнаго шара, одно полушаріе, и должна бы заключать въ себѣ 180 градусовъ долготы и 180 градусовъ широты. Каждый градусъ долготы слѣдовало бы отдѣлить поперечною чертою, а каждый градусъ широты продольною. Но какъ такое большое количество линій совершенно закрыло бы карту и на ней ничего больше не

*) Въ нѣмецкой или географической милѣ 7 русскихъ верстъ; слѣдовательно, въ 15 миляхъ 105 верстъ. Для того, чтобы представить себѣ хоть это разстояніе, которое составляетъ только трехсотъшестидесятую часть окружности земнаго шара, — припомните, дѣти, какое-либо разстояніе, о которомъ вамъ говорили, что оно равняется верстѣ, и попытайтесь приложить къ нему, въ умѣ, нѣсколько такихъ же разстояній.

было бы видно, то рисовавшій ее отдѣлилъ только каждый *десятый* градусъ. Вы видите: нумера градусовъ широты выставлены вокругъ полушарія, противъ линій, которыя ихъ отдѣляютъ, а именно, сѣвернѣе экватора отдѣлено 90 градусовъ и южнѣе экватора 90, что вмѣстѣ составляетъ 180. На экваторѣ, при пересѣченіи его поперечными линіями, поставлены нумера отдѣляемыхъ ими градусовъ долготы: 10, 20, 30 до 180. Такъ какъ каждый четыреугольный отрѣзокъ заключаетъ и въ длину, и въ ширину 10 градусовъ, а каждый градусъ широты равняется 15 милямъ, то величина каждаго отрѣзка, по широтѣ земли, составляетъ 150 нѣмецкихъ или географическихъ миль.

— Да вѣдь это ужасно много! воскликнулъ Ѳедя съ удивленіемъ: я и одной мили не пройду, а тутъ ихъ полтораста.

— Изъ этого ты можешь заключить, сколько составитъ поверхность одной нашей маленькой Европы.

— Однако, папа, зачѣмъ же придуманы всѣ эти линіи?

— А вотъ, дружокъ, зачѣмъ. Ты видишь: здѣсь на картѣ нарисовано множество острововъ, изъ которыхъ впрочемъ каждый имѣетъ свое названіе. Напримѣръ, въ Тихомъ океанѣ есть островъ, называемый ***Вандименовой Землей.*** Хотя бы даже при всѣхъ островахъ и выставлены были ихъ названія, какъ это дѣлается обыкновенно на большихъ картахъ, все-таки тебѣ пришлось бы долго искать какой-нибудь маленькій островъ, означенный крошечною точкой. Но если я тебѣ скажу, что напримѣръ Вандименова Земля лежитъ между 40-мъ и 50-мъ градусами южной широты и между 160-мъ и 170-мъ долготы, то тебѣ уже легко будетъ ее найти.

— А что значитъ ***южная*** широта? спросилъ Ѳедя.

— Я забылъ вамъ сказать, что для болѣе легкаго обозначенія градусы широты считаются въ обѣ стороны отъ экватора. Лежащіе сѣвернѣе экватора называются градусами *сѣверной* широты; лежащіе же южнѣе экватора — градусами *южной* широты. Начинаютъ считать отъ экватора, и вы видите, что противъ него стоитъ **0**; къ сѣверу и къ югу насчитывается **90** градусовъ, а два раза 90 составляетъ 180. Градусы же долготы считаютъ отъ лежащаго у западнаго берега Африки маленькаго острова Ферро. Проходящая чрезъ него поперечная линія означена на экваторѣ **0**; отъ нея-то и считаютъ градусы, на востокъ. На нашей картѣ они также отдѣлены по 10. Поищи же мнѣ теперь островъ, лежащій между **40**-мъ и **50**-мъ градусомъ южной широты и между **160**-мъ и **170** долготы.

Ѳедя началъ разсматривать со вниманіемъ маленькую карту и, разумѣется, легко нашелъ означенное отцомъ мѣсто.

— Это радѣленіе, продолжалъ отецъ,—имѣетъ еще гораздо важнѣйшее значеніе. Мореплаватели, находящіеся часто по нѣскольку мѣсяцевъ въ морѣ, не видя земли, были бы неоднократно вынуждены долго отъискивать то мѣсто, куда хотятъ приплыть, — напримѣръ, гавань или маленькій островъ, — если бы не имѣли хорошихъ картъ, на которыхъ, при помощи долготы и широты, ясно обозначено положеніе мѣста. Наблюденія надъ солнцемъ, луною и звѣздами говорятъ мореплавателямъ, гдѣ они находятся, а карта показываетъ направленіе, котораго они должны держаться.

Теперь вы видите, что раздѣленіе карты на градусы весьма важно и полезно.

Величину какого-либо края или занимаемую имъ часть земной поверхности по однимъ градусамъ исчислить нельзя. Если бъ мы вздумали, напримѣръ, опредѣ-

лить величину Европы, то тотчасъ же замѣтили бы, что въ этой части свѣта море во многихъ мѣстахъ вдается въ берега и они чрезвычайно извилисты, тогда какъ градусы идутъ всегда совершенно прямо. Чтобы узнать дѣйствительную величину какой-нибудь страны, нужно измѣрить всѣ ея части; тогда только можно сказать, сколько именно въ ней извѣстныхъ мѣръ, служащихъ для измѣренія поверхности, напримѣръ квадратныхъ миль. Это значитъ опредѣлить величину страны.

— Квадратныхъ миль? спросили дѣти. — Что это за мили?

— *Квадратною милею* земли называется часть ея поверхности, простирающаяся на одну милю въ длину и на одну милю въ ширину. Я вамъ объясню это наглядно. Принеси-ка мнѣ, Ѳедя, твою шахматную доску.

Мальчикъ исполнилъ желаніе отца.

— Вынуть шашки? спросила Маша.

— Нѣтъ, отвѣтилъ, улыбаясь, отецъ, — на этотъ разъ онѣ намъ не нужны. Я вамъ только хочу показать, какъ высчитываются квадратныя мили. Это очень просто.

Вы видите, что поверхность доски прямая; видите также эти желтые и черные четыреугольники? Въ каждомъ изъ нихъ около вершка въ длину и столько же въ ширину. Вотъ такая-то прямая поверхность, длиною и шириною въ вершокъ, называется *квадратнымъ вершкомъ.* Сколько же квадратныхъ вершковъ въ этой доскѣ?

— Восемь въ одну сторону и восемь въ другую, замѣтила Маша, — составляетъ шестнадцать.

— Куда же дѣвала ты остальные четыреугольники? спросилъ Ѳедя.—Если каждое поле составляетъ квадратный вершокъ, то нужно сосчитать всѣ поля.

— Ты совершенно правъ, сказалъ отецъ. — Въ этой доскѣ восемь полей или восемь вершковъ въ длину и

восемь вершковъ въ ширину; ее можно раздѣлить на восемь полосокъ, изъ которыхъ въ каждой восемь квадратныхъ вершковъ. Сколько же это составитъ квадратныхъ вершковъ?

— Восемью восемь — шестьдесятъ четыре, отвѣтилъ Ѳедя.

— Такъ. Если бы каждое изъ этихъ маленькихъ полей простиралось на милю въ длину и на милю въ ширину, то доска представляла бы пространство въ 64 квадратныя мили.

Вся Европа, про которую я вамъ хочу многое разсказать, заключаетъ въ себѣ **180,000** квадратныхъ миль. Это самая малая часть свѣта, исключая Австраліи, поверхность которой, приблизительно, на **20,000** □ миль меньше поверхности Европы. Африка втрое больше Европы, а Азія еще пространнѣе.

Европа, какъ вы видите на картѣ полушарія, составляетъ только часть большаго материка, окруженнаго сотнями острововъ и заключающаго въ себѣ, кромѣ Европы, и Азію, величайшую часть свѣта, и Африку. Можешь ли, Маша, показать мнѣ мѣста, гдѣ Европа соприкасается съ Азіей и гдѣ Азія соединяется съ Африкой?

Когда Маша это исполнила, отецъ продолжалъ:

— Мѣсто, гдѣ одна страна соприкасается съ другою, называется ихъ *границею*. Слѣдовательно, граница есть черта, окружающая какую-нибудь землю, потому что гдѣ страна кончается, тамъ и ея граница. На маленькой картѣ границы частей свѣта обозначены разноцвѣтными чертами: границы Азіи желтой, Африки сѣрой, а Европы розовой.

Границы бываютъ двухъ родовъ: *естественныя* и *искусственныя*. Многія земли отдѣлены одна отъ другой, напримѣръ, высокими горами, морями или большими рѣками. Это и называется границею естествен-

ною или обозначенною самой природой. Такъ напримѣръ, Европа отдѣляется отъ Азіи большою цѣпью горъ, которая на картѣ Европы обозначена тоненькими чертами; отъ Африки же Европу отдѣляетъ Средиземное море. На западъ и на сѣверъ ее омываютъ Атлантическій и сѣверный Ледовитый океаны. Поэтому, цѣпь горъ, которую я вамъ показалъ, Средиземное море и другія части Атлантическаго и сѣвернаго Ледовитаго океана составляютъ естественныя границы Европы.

— Что же такое искусственныя границы? спросилъ Ѳедя.

— Ихъ вы можете видѣть за городомъ, на поляхъ. Тамъ вы найдете, что одно поле засѣяно рожью, другое овсомъ. Одно такое, большею частью четыреугольное, поле принадлежитъ одному крестьянину, другое — другому. Чтобы ихъ отдѣлить, между ними проводятъ искусственную границу: оставляютъ узенькую незасѣянную полоску или кладутъ камни въ незначительномъ разстояніи одинъ отъ другаго, по прямой линіи.

На картѣ Европы вы видите различно-окрашенныя пространства, представляющія государства, на которыя дѣлится наша часть свѣта. Страны эти не вездѣ раздѣлены естественными границами, и во многихъ мѣстахъ поставлены, взамѣнъ этихъ границъ, другіе знаки или камни; это и называется границею искусственною.

— Скажи, папа, воскликнула Маша, со вниманіемъ разсматривавшая карту, — въ этихъ цвѣтныхъ земляхъ живутъ разноцвѣтные люди: голубые, зеленые?

— Нѣтъ, дружокъ мой, отвѣтилъ отецъ, невольно улыбаясь. — Ты знаешь, что на картѣ, которую я вамъ далъ въ прошломъ году, Европа была оставлена бѣлой, съ цѣлью показать, что цвѣтъ ея жителей бѣлый. Только лапландцы, на отдаленномъ сѣверѣ, представляютъ немного желтоватый цвѣтъ тѣла. На этихъ

же двухъ картахъ употреблены разныя краски затѣмъ, чтобы легко было отличать границы европейскихъ странъ. Но прежде чѣмъ описывать отдѣльныя земли Европы, я дамъ вамъ общее понятіе о всей части свѣта; это необходимо, чтобы вы впослѣдствіи могли понять описаніе порознь каждой страны.

Вы видите на этой картѣ, дѣти, что границы Европы чрезвычайно неправильны, то есть, что она не представляетъ такого сплошнаго материка, какъ, напримѣръ, Африка или даже Австралія. Вода, окружающая Европу съ трехъ сторонъ, съ сѣвера, запада и юга, вдаваясь въ ея берега, образуетъ вездѣ каналы, заливы и проливы. Англія съ Шотландіей и Ирландіей, — вы найдете эти имена на картѣ, — называемыя вмѣстѣ ***Великобританіей***, представляютъ два совершенные острова. Вверху Норвегія съ Швеціей и Данія, внизу Испанія съ Португаліей, Италія и Турція съ Греціей составляютъ полуострова, то есть земли, которыя только одной стороной примыкаютъ къ материку, а съ трехъ сторонъ граничатъ водой. При своемъ неправильномъ очертаніи берега Европы образуютъ также значительное число морей, заливовъ, бухтъ и проливовъ; вслѣдствіе того, въ Европѣ много безопасныхъ гаваней, въ которыхъ корабли могутъ останавливаться и находить убѣжище во время бури. Это обстоятельство дало европейскимъ народамъ возможность вступить другъ съ другомъ въ торговыя и другія сношенія. Изъ европейскихъ гаваней высылались экспедиціи въ другія части свѣта. Европейскіе мореплаватели открыли почти всѣ остальныя страны, перенесли туда искусства и познанія, вступили съ туземцами въ торговыя сношенія и, наконецъ, какъ вы впослѣдствіи узнаете, сами селились въ значительной части Азіи, во всей Америкѣ, въ Австраліи, въ части Африки, а равно и на остро-

вахъ Атлантическаго и Великаго океановъ. Продолжая трудиться, европейскіе народы болѣе и болѣе обогащались.

Кромѣ хорошихъ гаваней, европейское племя обязано этими успѣхами и климату, въ большей части Европы *умѣренному*. Такой климатъ способствуетъ развитію силъ и умственныхъ способностей человѣка; сверхъ того, живущіе въ немъ люди легко свыкаются съ каждымъ другимъ климатомъ.

Природный житель жаркой полосы не въ состояніи существовать на отдаленномъ сѣверѣ; такъ точно житель сѣвера не выноситъ очень жаркаго климата. У насъ же часто бываетъ довольно жаркое лѣто и очень холодная зима; такимъ образомъ мы съ дѣтства привыкаемъ и къ жару и къ холоду и легко сживаемся съ каждымъ климатомъ. Поэтому же европейцы встрѣчаются вездѣ, какъ подъ экваторомъ и между поворотными кругами, такъ равно и на самомъ отдаленномъ сѣверѣ, тогда какъ жители другихъ двухъ полосъ, холодной и жаркой, съ весьма малыми исключеніями, остаются на родинѣ. — Поэтому же Европа была страною, изъ которой просвѣщеніе распространилось по всему земному шару. Почти всѣ изобрѣтенія машинъ и почти всѣ открытія въ употребленіи силъ природы сдѣланы или европейцами, или людьми, происходившими отъ европейцевъ.

— Что такое силы природы, папа? спросила Маша.

— Силами природы, дитя мое, называются силы, сокрытыя въ самой природѣ и большею частью получающія для человѣка цѣну только тогда, когда онъ научается ими пользоваться. Такъ, напримѣръ, дѣйствія огня или воды суть силы природы. Когда человѣкъ, посредствомъ плотинъ и запрудъ, направляетъ воду та-

кимъ образомъ, что она падаетъ на мельничное колесо и тѣмъ заставляетъ его двигаться, то онъ пользуется силою природы. То же можно сказать и относительно пара. Когда вода кипитъ въ котлѣ и отъ нея начинаютъ подниматься пары, то можно замѣтить, что они по временамъ приподнимаютъ крышку котла. Слѣдовательно, пары имѣютъ силу: иначе они не могли бы поднять крышки. Этою-то силою пользуются люди, кипятя воду въ большихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ трубахъ или котлахъ, направляя отдѣляющійся паръ въ какое нибудь отверстіе и заставляя его приводить въ движеніе колеса или машины. Такъ устроены пароходы, паровозы и многое другое. Да и мама пользуется силою природы, варя, при помощи огня, кушанье.

Даже компасъ, который я вамъ показывалъ, представляетъ нѣчто подобное: необъясненная нами сила, источникъ которой долженъ находиться близъ сѣвернаго полюса, притягиваетъ конецъ иглы, тертой магнитомъ, такъ что этотъ конецъ всегда показываетъ на сѣверъ. Вѣшая такую иглу и заставляя ее постоянно показывать намъ это направленіе, мы также пользуемся силою природы.

— А что такое изобрѣтеніе? спросилъ Ѳедя.—Изобрѣсти значитъ найти что-нибудь, чего другіе еще не знали, — такъ, папа?

— Почти, улыбаясь отвѣтилъ отецъ:

— Изобрѣтать, значитъ отъискивать новое средство, новый способъ сдѣлать какую нибудь вещь или произвести какое нибудь явленіе, т. е. заставить что-либо случиться. Такъ, напримѣръ, устройство часовъ есть изобрѣтеніе, сдѣланное нѣмцемъ. Такъ и употребленіе силы паровъ есть изобрѣтеніе; этимъ же именемъ слѣдуетъ назвать и множество другихъ способовъ пользоваться силами природы. Кромѣ европейцевъ и сѣверо-

американцевъ, потомковъ выселившихся въ Америку европейцевъ, только одинъ народъ богатъ изобрѣтеніями — это китайцы, которые живутъ въ Азіи и о которыхъ я вамъ впослѣдствіи кое-что разскажу. Но и они живутъ ни въ жаркомъ, ни въ холодномъ климатѣ, а въ умѣренномъ, подобно намъ, европейцамъ.

Однако, мы хотѣли заняться картой Европы. Приглядитесь къ ней повнимательнѣе, а потомъ попробуйте нарисовать ея очертаніе на грифельной доскѣ или бумагѣ. Тебѣ, Маша, будетъ трудно запомнить это очертаніе; поэтому я скажу тебѣ, на что это очертаніе нѣсколько похоже. Положи карту такъ, чтобы сѣверъ былъ не наверху, а направо, западъ наверху, а югъ налѣво.

Маша живо это исполнила, и отецъ продолжалъ:

— Смотрите, дѣти, не походитъ ли теперь вся Европа на фигуру присѣвшей на землѣ женщины?

— Это голова! воскликнулъ Ѳедя, указывая пальцемъ страну наверху карты.

— А какъ называется эта земля?

Ѳедя придвинулъ къ себѣ немного карту и прочелъ: „*Испанія*“.

— Дѣйствительно такъ, а маленькая земля, покрытая коричневой краской и образующая волосы женщины, называется ***Португаліей***. Земли: ***Франція***, ***Германія***, ***Нидерланды и Швейцарія*** составляютъ тѣло, ***Италія*** — руку, ***Турція*** и ***Греція*** — колѣни, ***Англія*** — представляетъ развѣвающійся шейный платокъ, ***Россія*** изображаетъ землю, а ***Норвегія*** и ***Швеція*** походятъ на собачку, сидящую на заднихъ лапкахъ.

Право такъ, сказали дѣти.

— Если же вы перевернете карту сѣверомъ кверху, то Норвегія и Швеція будутъ похожи на льва, который бросается на маленькую землю, называемую *Даніей*, а Италія напоминаетъ сапогъ съ каблукомъ. Но на сегодня довольно. Завтра я буду продолжать разсказъ про Европу. Положите теперь карту на мѣсто, а ты, Ѳедя, не забудь мнѣ сосчитать, сколько миль въ ***окружности земли*** и сколько въ ея поперечникѣ.

ГЛАВА II.

ГРАНИЦЫ ЕВРОПЫ.

— Ну, Ѳедя, сказалъ на слѣдующій вечеръ отецъ, входя въ комнату, гдѣ семья ожидала его пить чай, — сосчиталъ ли ты, сколько миль въ окружности земли?

— Разумѣется, папа, отвѣтилъ, улыбаясь, мальчикъ; —это не трудно сдѣлать. На каждомъ полушаріи 180 градусовъ долготы; два раза 180 составляетъ 360; слѣдовательно, кругомъ земнаго шара 360 градусовъ, а 360 разъ 15 миль составляетъ 5,400 миль.

— Совершенно вѣрно; а какъ же длиненъ поперечникъ?

— Если поперечникъ равняется одной трети окружности, то въ немъ 1,800 миль.

— Длинный же нуженъ буравчикъ, чтобы просверлить землю, замѣтила, — смѣясь, Маша.

— Теперь, Ѳедя, ты можешь имѣть понятіе о величинѣ земнаго шара и обитаемой людьми поверхности, сказалъ отецъ.

— Однако, часть поверхности, занимаемая водой, возразилъ Ѳедя, гораздо больше части, которую занимаетъ земля.

— Да, другъ мой, и поверхность воды и земли сосчитаны довольно точно. Но если бы я и сказалъ вамъ занимаемое ими число квадратныхъ миль, вы бы его,

не запомнили. Поэтому, послѣ чая, я лучше буду вамъ говорить о томъ, что васъ болѣе заинтересуетъ, именно о Европѣ.

Сказано, сдѣлано. Тотчасъ послѣ чая Өедя принесъ обѣ карты, чтобы слѣдить по нимъ за разсказомъ отца.

— Одна изъ этихъ картъ намъ болѣе не нужна, сказалъ отецъ, — я ее приносилъ только затѣмъ, чтобы объяснить вамъ дѣленіе на градусы. Теперь возьмемъ ту, на которой изображена Европа съ смежною, западною частью Азіи и сѣверною частью Африки. Прежде всего, дѣти, намъ нужно хорошо познакомиться съ границами Европы. Она, какъ вы это хорошо видите, съ трехъ сторонъ граничитъ съ водою, а именно со вдающимися въ ея берега частями Атлантическаго океана, то есть различными морями и заливами.

Прежде всего взгляните на ближайшее къ намъ море, прирѣзываемое къ Европѣ вотъ этою землею, которая называется Великобританіей. Она состоитъ изъ двухъ очень большихъ и весьма плодоносныхъ острововъ, лежащихъ въ Атлантическомъ океанѣ, вблизи европейскаго материка. Часть океана, прирѣзываемая къ нашей части свѣта Великобританіей, замкнутая съ трехъ сторонъ землею и омывающая съ запада берега Англіи и Шотландіи, съ юга Бельгію, Голландію и Германію, съ востока берега Даніи и Норвегіи, называется *Сѣвернымъ* или Нѣмецкимъ моремъ.

Сѣверное море соединяется на югѣ съ Атлантическимъ океаномъ посредствомъ пролива, именуемаго просто *Каналомъ*, черезъ который обыкновенно проходятъ, съ восточнаго берега Англіи и другихъ сѣверныхъ береговъ, корабли, отправляющіеся въ Америку.

Восточнѣе Нѣмецкаго моря лежитъ *Балтійское*, почти замкнутое землею. Но еще сѣвернѣйшую границу Европы составляютъ не Сѣверное и Балтійское моря, а

Сѣверный Ледовитый или *Полярный* океанъ, въ который люди далеко не проникаютъ, такъ какъ далѣе на сѣверъ огромныя массы льду сначала затрудняютъ, а потомъ дѣлаютъ вовсе невозможнымъ всякое плаваніе. Далѣе 80-го градуса сѣверной широты не бывалъ еще ни одинъ человѣкъ, и достигнуть *полюса* вѣроятно невозможно.

— Слѣдовательно, тамъ не могутъ жить и звѣри? спросилъ Ѳедя; — чѣмъ же бы они могли существовать тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ льду?

— Звѣри, дитя мое, могутъ переносить гораздо большій холодъ, чѣмъ люди. Рыбы и земноводныя живутъ далеко на сѣверъ, гдѣ только можетъ быть свободная, то есть незамерзшая вода. А я вамъ уже говорилъ, что морская вода замерзаетъ труднѣе прѣсной, такъ какъ она соленая.

— Что такое земноводныя? спросила Маша.

— Я думалъ, что вы это знаете, отвѣтилъ отецъ.— Земноводныя—животныя, которыя могутъ жить на землѣ и въ водѣ, какъ, напримѣръ, лягушки.

— Слѣдовательно, утка тоже животное земноводное, не правда ли, папаша?

— Нѣтъ, дружокъ, отвѣтилъ отецъ. — Утка хорошо плаваетъ и не дурно переваливается на твердой землѣ съ ноги на ногу, но въ водѣ она не можетъ жить. Если она иногда и опускаетъ голову въ воду, для отъисканія себѣ корма, то должна тотчасъ же вынуть ее изъ воды, чтобы вздохнуть. Если бъ она не могла перевести духъ на воздухѣ, то захлебнулась бы, какъ и каждая птица. Утки и гуси, равно какъ и лебеди, только потому *птицы водныя*, что добываютъ себѣ пищу почти исключительно изъ воды и любятъ на ней оставаться.

Но кромѣ рыбъ и земноводныхъ, мы встрѣчаемъ на сѣверѣ много другихъ животныхъ, которымъ пріятно

находиться даже въ самой холодной водѣ. Тамъ живетъ, такъ далеко, какъ только заходилъ человѣкъ, большой и сильный бѣлый медвѣдь, котораго вы уже видѣли въ звѣринцѣ. Его шкура толста и масляниста, и онъ можетъ цѣлый день плавать въ холодной какъ ледъ водѣ. Кромѣ того, на сѣверѣ водятся тюлени и моржи, много водныхъ птицъ, какъ, напримѣръ, пингвины и гагары, съ которыхъ мы получаемъ отличныя и мягкія перья, такъ-называемый гагачій пухъ, а равно и огромный китъ, доставляющій жиръ для нашихъ лампъ. Всѣ эти звѣри не боятся холода. Изъ Европы и изъ Америки отправляется ежегодно много кораблей въ сѣверныя моря для ловли кита.

— Я думалъ, сказалъ Ѳедя,—что китъ очень, очень великъ. Развѣ у людей есть такіе большіе корабли, что они могутъ ловить огромныхъ китовъ?

— Ты не воображай, дитя мое, возразилъ отецъ,— что кита ловятъ сѣтью или на удочку. Его убиваютъ гарпунами, т. е. привязанными къ канату копьями, съ зазубринами на концахъ, потомъ притягиваютъ къ кораблю и пластаютъ; находящійся на немъ жиръ вырѣзаютъ, перетапливаютъ и сливаютъ въ бочки. Тюленей и моржей убиваютъ подобнымъ же образомъ; потомъ снимаютъ ихъ шкуру, вытапливаютъ жиръ и отправляютъ то и другое въ Европу, на продажу. Я разскажу вамъ все это подробнѣе, когда буду знакомить васъ ближе съ холодными или полярными странами.

Ледовитое море омываетъ берега сѣверныхъ странъ Европы—***Норвегіи*** и ***Россіи;*** къ Европѣ же причисляется и большой островъ, лежащій подъ 0 градусомъ долготы и 65 широты. Найдешь ли ты этотъ островъ, Ѳедя?

— Здѣсь, наверху, папаша? — Это ***Исландія***, не правда ли?

— Дѣйствительно такъ; Исландія лежитъ собственно ближе къ американскому, чѣмъ къ европейскому материку. Но какъ островъ этотъ былъ открытъ прежде, чѣмъ люди знали что-либо о существованіи Америки, то, очень естественно, его причислили къ Европѣ.

Если бы мы, сѣвъ на корабль въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, пустились на югъ, по Атлантическому, въ объѣздъ Европы, то приплыли бы къ очень узкому проливу, который ты мнѣ вѣроятно покажешь на картѣ. Объясни мнѣ притомъ, какія онъ соединяетъ воды.

— Это очень легко, отвѣтилъ Ѳедя: — онъ соединяетъ Атлантическій океанъ и Средиземное море.

— Хорошо; проливъ этотъ омываетъ на юго-западномъ концѣ Европы высокую скалу, на которой въ древнее время испанцы выстроили крѣпость, названную ***Гибралтаромъ***. По ней названы и скала, и проливъ. Англичане, во время войны съ испанцами, взяли приступомъ эту крѣпость и сохранили ее за собой по настоящее время, такъ что этотъ клочокъ земли принадлежитъ не испанскому королевству, а Великобританіи.

— Какъ же это терпятъ испанцы? спросилъ Ѳедя. — Имъ должно быть обидно, что англичане отняли у нихъ кусокъ земли.

— Они не могутъ этого измѣнить, отвѣтилъ отецъ. — Мѣсто прекрасно укрѣплено, и испанцы не въ состояніи его отнять. Кромѣ того, они живутъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Англіей, а страна эта, о которой мы послѣ поговоримъ подробнѣе, владѣетъ большимъ числомъ военныхъ кораблей и можетъ защищать однажды захваченное. Это укрѣпленіе можетъ вамъ всегда напоминать, что проливъ называется Гибралтарскимъ и соединяетъ Атлантическій океанъ съ Средиземнымъ моремъ

Если мы, проѣхавъ по проливу и войдя въ Средиземное море, будемъ плыть къ западу, то по правую руку или къ югу намъ будетъ видѣнъ африканскій материкъ, а налѣво или къ сѣверу — Европа; затѣмъ мы встрѣтимъ безчисленное множество острововъ, принадлежащихъ частью Испаніи, частью лежащей за ней Франціи и частью Италіи, странѣ, которая—помните—очертаніемъ напоминаетъ сапогъ. Далѣе, на юго-восточномъ углу Европы, мы встрѣтимъ ***Грецію***.

Здѣсь откроется передъ нами единственное въ своемъ родѣ море, совершенно усѣянное островами. Дно его, какъ вы можете себѣ вообразить, не глубоко, потому что вездѣ представляетъ возвышенности, образующія острова. Если мы проѣдемъ по этому морю, именуемому ***Архипелагомъ***, то путешествіе наше этимъ не кончится. Передъ нами откроется узкій проливъ, ***Дарданеллы***, отдѣляющій Азію отъ Европы, далѣе ***Мраморное*** море, а за нимъ ***Константинопольскій*** проливъ или ***Босфоръ***, которымъ мы можемъ въѣхать въ ***Черное*** море.

— Это море въ самомъ дѣлѣ черное? спросила Маша.

— Нѣтъ, другъ мой; оно не то, чтобы черное, но представляетъ, особенно въ бурную погоду, очень темный цвѣтъ; потому-то мореплаватели, вѣроятно, и дали ему названіе Чернаго. Такъ и многія другія моря могли получить наименованіе отъ случайнаго цвѣта водъ, напримѣръ: ***Красное*** море, ***Бѣлое*** и ***Желтое***.

Морская вода, налитая въ стаканъ, совершенно свѣтла и не имѣетъ рѣшительно никакого цвѣта, какъ и вода ключевая. Но если мы нальемъ морскою водою длинную трубочку и будемъ сквозь этотъ столбикъ воды смотрѣть на бѣлую бумагу, то вода представится намъ голубою. Въ очень глубокихъ мѣстахъ, — напримѣръ, въ моряхъ и океанѣ, гдѣ длиннѣйшей веревкой

нельзя достать дна, — цвѣтъ воды, если смотрѣть на нее сверху, чудный голубой. Причиной тому освѣщеніе воды солнечными лучами, отъ которыхъ зависитъ и цвѣтъ всѣхъ другихъ предметовъ: вѣдь въ темнотѣ всѣ предметы черны, и только подъ лучами свѣта они представляютъ различные цвѣта.

Вблизи береговъ, гдѣ море не такъ глубоко, вода получаетъ зеленый отливъ, вѣроятно потому, что сквозь прозрачную, но голубоватую воду виднѣется желтое дно. Два цвѣта, голубой и желтый, смѣшанные вмѣстѣ, даютъ зеленый. Рисуя красками, ты, Ѳедя, вѣроятно, уже въ этомъ убѣдился. Но цвѣтъ воды измѣняется по свойству дна и частицъ, отмываемыхъ отъ береговъ. Большія и быстрыя рѣки, противъ своего устья, грязнятъ море частицами земли, которыя несутъ.

Однако возвратимся къ границамъ Европы. Противъ входа въ Черное море, на противоположномъ берегу, возвышаются громадныя *Кавказскія* горы, отдѣляющія нашу часть свѣта отъ Азіи. Въ этихъ горахъ и окрестной странѣ живутъ самые красивые бѣлые люди. По сходству съ ними и все наше племя получило названіе *кавказскаго*. Жители этихъ горъ народъ храбрый и воинственный, съ давнихъ временъ воюющій съ обширной Россіей. Не смотря на то, что у Россіи гораздо больше солдатъ и пушекъ, горцы до послѣдняго времени боролись со своимъ сильнымъ сосѣдомъ.

— Но вѣдь Россія, воскликнулъ Ѳедя, — разъ въ тридцать больше Кавказа!

— Дѣйствительно, и даже больше; но кавказскія горы очень высоки и круты, и въ ихъ узкихъ ущеліяхъ жители легко могутъ защищаться.

Россія простирается до самаго Кавказа. Далѣе Россія, а вмѣстѣ съ ней и Европа, отдѣляются отъ Азіи *Каспійскимъ* моремъ. Если мы будемъ подвигаться впередъ по восточному берегу Каспійскаго моря, то есть по са-

мой границѣ Европы, то встрѣтимъ устье рѣки ***Урала***, вытекающей изъ ***Уральскихъ*** горъ и впадающей въ Каспійское море. Здѣсь достигнемъ мы восточной границы Европы, такъ какъ начиная съ Ледовитаго моря, почти до 52-го градуса широты, границу Европы составляетъ Уральскій хребетъ, а южнѣе его, до самаго Каспійскаго моря — рѣка Уралъ.

Такимъ образомъ, милыя дѣти, Европа замкнута со всѣхъ сторонъ естественными границами: морями, горами и рѣками. Постарайтесь ихъ запомнить и разсмотрите со вниманіемъ карту, чтобы завтра лучше понять то, что я хочу вамъ разсказать.

ГЛАВА III.

ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ. РОССІЯ, ШВЕЦІЯ И НОРВЕГІЯ.

Ѳедя и Маша почти весь день занимались картой Европы, и нѣсколько разъ ее объѣзжали, частью на кораблѣ, частью сухимъ путемъ. Между тѣмъ отецъ воротился домой, и какъ мальчика больше всего занимала борьба русскихъ съ черкесами, то онъ и пожелалъ узнать, кто оставался побѣдителемъ и сколько было убиваемо людей.

— И это все, что ты желаешь знать о Кавказѣ и Россіи? спросилъ, улыбаясь, отецъ. Но, можетъ быть, тебѣ жаль черкесовъ, какъ слабѣйшихъ, и хотѣлось бы узнать объ ихъ судьбѣ. Тогда ты правъ. Ты еще яснѣе поймешь неравенство силъ той и другой стороны, когда узнаешь, какъ громадна Россія.

Она занимаетъ почти половину Европы, потому что пространство европейской части Россіи равняется 75,000 квадратныхъ миль, а вся Европа заключаетъ въ себѣ 180,000. Кромѣ того, Россіи принадлежитъ третья часть Азіи, именно весь ея сѣверъ, и значительная страна въ сѣверо-западной Америкѣ. Государство это простирается отъ Сѣвернаго Ледовитаго моря до Китая и Татаріи, на востокъ до Тихаго океана и на западѣ граничитъ съ Германіей.

Все пространство Россійскаго государства вдвое болѣе всей Европы.

Россія не всегда была такъ велика и сильна, какъ теперь; завоеваніями она пріобрѣла много земель къ востоку, западу и югу. Поэтому-то ни одно государство не заключаетъ въ себѣ столькихъ народовъ и племенъ, отличающихся вѣроисповѣданіемъ, нравами и наружнымъ видомъ, какъ Россія. Большую часть ея народонаселенія составляетъ племя славянское, къ которому принадлежатъ какъ русскіе, такъ и поляки и литовцы, живущіе у западной границы Россіи. Кромѣ славянскаго, въ Россіи встрѣчаются еще племена: финское — у Балтійскаго моря, самоѣдское — у Сѣвернаго Ледовитаго океана и наконецъ татарское и монгольское — въ юго-восточной части европейской Россіи и въ Сибири.

Но былъ бы напрасный трудъ исчислять вамъ названія всѣхъ живущихъ въ Россіи народовъ, потому что вы бы ихъ вскорѣ перезабыли.

Столь обширная страна, какъ вы легко можете догадаться, представляетъ весьма разнообразный климатъ. Сѣверныя ея части простираются за полярный кругъ и кончаются тамъ, гдѣ, по причинѣ льдовъ, не могутъ жить ни люди, ни звѣри, тогда какъ южныя ея владѣнія, въ особенности полуостровъ *Крымъ*, который вы найдете въ Черномъ морѣ, изобилуетъ фруктами жаркой полосы, какъ-то: винными ягодами, оливками и виноградомъ. Изъ воздѣлываемыхъ въ Россіи въ несмѣтномъ количествѣ хлѣбныхъ растеній въ ней встрѣчаются рожь, пшеница, ячмень, овесъ, гречиха и картофель, а въ южныхъ мѣстностяхъ даже кукуруза и рисъ.

— И всѣ племена Россіи занимаются земледѣліемъ? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, дитя мое, отвѣтилъ отецъ. Вы яснѣе поймете распредѣленіе въ Россіи занятій, узнавъ, что тогда какъ остальная Европа гориста, Россія представляетъ низменность, которая на сѣверѣ склоняется къ Ледовитому океану. Этотъ склонъ, до 60 градуса сѣверной широты, холоденъ, болотистъ, покрытъ огромными лѣсами и заселенъ весьма рѣдко. Полоса между 60 и 55 градусами не отличается особеннымъ плодородіемъ почвы, то есть земли, но представляетъ климатъ болѣе умѣренный и заселена очень густо. Полоса между 55 и 50 градусами самая плодородная, по почвѣ и климату, и также хорошо населена. Наконецъ южный конецъ представляетъ большею частью пространные луга, удобные для разведенія скота, но не для земледѣлія, по недостатку населенія, а отчасти и потому, что жары слишкомъ сушатъ почву. Этими условіями объясняются и занятія жителей. Въ холодной полосѣ, далѣе на сѣверъ, нѣтъ возможности обрабатывать полей; болѣе къ югу урожай также очень бѣденъ, малъ. Поэтому жители этой полосы занимаются охотой и рыбной ловлей, особенно послѣднею. Вдоль береговъ Сѣвернаго океана, изобилующихъ заливами, водятся тюлени, моржи и огромное количество рыбы, которая заходитъ и во впадающіе въ океанъ рѣки; мѣстные жители ѣдятъ ее свѣжею, солятъ и либо высылаютъ въ другія части Россіи, либо продаютъ являющимся за рыбою торговцамъ.

Одну изъ самыхъ важныхъ отраслей этой торговли составляетъ *икра*, которую вы вѣроятно уже видѣли и даже ѣли. Икра — это *яички* рыбъ. У обыкновенной селедки вы можете видѣть, какое огромное количество этихъ яичекъ заключается въ каждой рыбѣ. Икру добываютъ, чистятъ и солятъ, укладываютъ въ боченки и также либо продаютъ на мѣстѣ, либо разсылаютъ.

Лѣса сѣверной полосы изобилуютъ дичью, которая служитъ мѣстнымъ жителямъ и пищею, и предметомъ торговли.

Но самый важный предметъ торга туземцевъ составляютъ мѣха, получаемые съ значительнаго числа дикихъ звѣрей, живущихъ на сѣверѣ и убиваемыхъ на охотѣ.

Чѣмъ холоднѣе страны, тѣмъ теплѣе мѣхъ животныхъ, которыя въ нихъ водятся, потому что иначе эти животныя должны бы были или погибнуть, или водиться южнѣе.

Самый знаменитый русскій мѣхъ — соболій. Соболя обыкновенно ловятъ силками или убиваютъ тупыми стрѣлами, чтобы не испортить мѣха. Это маленькій звѣрь прекраснаго темно-коричневаго цвѣта. На одну шубу нужно много шкурокъ, а соболь попадается рѣдко, и потому-то мѣхъ его очень дорогъ: шкурка соболя цѣнится до 10 рублей.

Горностай тоже весьма красивый и дорогой звѣрекъ, зимою бѣлый какъ снѣгъ, съ чернымъ концомъ хвоста. Мѣхъ его сшиваютъ такъ, чтобы черные хвостики лежали правильно на бѣломъ фонѣ.

Замѣчательно, что весьма многіе звѣри, живущіе на далекомъ сѣверѣ, въ снѣгахъ, или всегда бѣлы, или бѣлѣютъ зимой. При помощи этого обстоятельства слабые звѣри укрываются, на бѣломъ снѣжномъ покровѣ, гораздо легче отъ своихъ враговъ, а хищные звѣри, къ числу которыхъ принадлежитъ горностай, бѣлая лисица, называемая песцомъ, и бѣлый медвѣдь, могутъ незамѣтнѣе подбираться къ своей добычѣ.

— Хищные звѣри, напротивъ, не должны бы быть бѣлыми, воскликнулъ Ѳедя, — чтобы слабымъ животнымъ можно было легко различать ихъ издали и спастись.

— Въ такомъ случаѣ хищные звѣри давно перемерли бы съ голоду, отвѣтилъ отецъ.—Притомъ же, если они нападаютъ на другихъ звѣрей, то не изъ одной кровожадности, а для утоленія голода и поддержанія своей жизни.

— А развѣ хорошо, что злой волкъ съѣдаетъ бѣдныхъ овецъ? спросила Маша.

— Дитя мое, отвѣтилъ отецъ,—мы не должны быть такъ строги въ отношеніи къ звѣрямъ; человѣкъ самый хищный звѣрь на всей землѣ и убиваетъ не только потому, что его побуждаетъ голодъ, но очень часто для удобствъ, для удовлетворенія прихоти или по склонности къ роскоши. Посмотри на мясника: сколько тысячъ бѣдныхъ телятъ и овецъ убиваетъ онъ въ теченіе года. Самъ онъ съѣдаетъ немного мяса; остальное же продаетъ и на вырученныя деньги пріобрѣтаетъ другіе предметы. А можно ли его за это винить? онъ только беретъ на себя трудъ, который, иначе, намъ пришлось бы исполнять самимъ. Человѣкъ убиваетъ овецъ и ягнятъ изъ-за мяса и шерсти, кита — изъ-за жира и уса, птицъ — изъ-за перьевъ, рыбъ — изъ-за икры, хищныхъ звѣрей — изъ-за мѣху, слоновъ — изъ-за слоновой кости. Въ Индіи человѣкъ истребляетъ ежегодно милліоны бѣдныхъ насѣкомыхъ, живущую на кактусахъ кошениль, чтобы добыть содержащуюся въ этихъ насѣкомыхъ великолѣпную красную краску, и для этой цѣли ихъ собираютъ и сушатъ въ печахъ.

— Я никогда не убила ни одного животнаго, замѣтила Маша.

— Ни мухи, ни комара? спросилъ, улыбаясь, отецъ

— *Ихъ!* отвѣтила Маша, — они злы и кусаются.

— Дѣйствительно такъ, дитя мое; но комары кусаютъ не потому, чтобы хотѣли причинить тебѣ боль, а для того, чтобы высосать жаломъ твою кровь и

этимъ жить. Вообще, на свѣтѣ мало такихъ созданій, которыя бы не поддерживали своей жизни другими тварями.

Всѣ рыбы — если онѣ не пожираютъ другъ друга, какъ щуки и форели въ нашихъ водахъ, а акулы и тысячи другихъ рыбъ въ моряхъ, — питаются насѣкомыми и червями, слѣдовательно живыми существами, какъ бы они малы ни были. То же дѣлаютъ наши самыя кроткія птички-пѣвуньи, соловей и канарейка, не говоря уже о множествѣ другихъ. Только животныя вполнѣ травоядныя, то есть питающіяся растеніями, какъ то: коровы, лошади, овцы, козы, олени, зайцы не ѣдятъ ничего живаго.

— А вотъ курицы и голуби не ѣдятъ же другихъ животныхъ, сказала Маша.

— Ты ошибаешься, дитя мое, отвѣтилъ отецъ. — Курицы и голуби ѣдятъ червяковъ и насѣкомыхъ, которыхъ только могутъ поймать; даже твои красивые голубки лишаютъ жизни много разныхъ существъ чтобы поддержать свою собственную. Въ природѣ все, заботясь о собственномъ существованіи, служитъ въ то же время къ поддержанію другаго рода существъ и такимъ образомъ самою гибелью приноситъ пользу.

Но я слишкомъ отвлекся отъ моего разсказа, и намъ нужно воротиться въ забытую Россію.

Соболь и горностай попадаются рѣдко. Зато въ лѣсахъ сѣверной полосы много зайцевъ, бѣлокъ, лисицъ, волковъ и медвѣдей. Мѣха этихъ животныхъ составляютъ для жителей этой полосы источникъ прибыльной торговли.

Во второй съ сѣвера полосѣ, между 60 и 55 градусами, которая, какъ я вамъ сказалъ, не отличается особеннымъ плодородіемъ, но представляетъ климатъ

болѣе умѣренный и заселена очень густо, производимаго хлѣба не достаетъ для многочисленнаго населенія этой полосы, и жители занимаются изготовленіемъ разныхъ тканей, металлическихъ вещей, фарфора и проч. Восточная часть этой полосы очень лѣсиста, и жители ея приготовляютъ изъ дерева разную посуду, а изъ луба, т. е. находящейся подъ корою части, рогожи. Еще далѣе на востокъ, именно на Уральскихъ горахъ, мѣстное населеніе занимается обработкой желѣзной и мѣдной руды, т. е. желѣза и мѣди въ томъ видѣ, въ какомъ они встрѣчаются въ землѣ, и выкапываніемъ соли. Третья полоса, между 55 и 50 градусами сѣверной широты, отличается чрезвычайнымъ плодородіемъ почвы и довольно густо заселена, слѣдовательно представляетъ лучшія условія для земледѣлія. И дѣйствительно, эта полоса нетолько кормитъ всю Россію, но высылаетъ огромное количество хлѣба въ другія страны Европы. Наконецъ, четвертая, самая южная, полоса состоитъ изъ огромныхъ луговъ, частью удобныхъ для скотоводства, частью безплодныхъ. Безводность этой полосы, соленость почвы и частыя засухи препятствуютъ земледѣлію и потому жители занимаются скотоводствомъ.

Что касается до русскихъ вообще, то они очень добродушный и гостепріимный народъ, простой въ семейной жизни, храбрый на войнѣ и очень способный.

Въ Россіи много большихъ и красивыхъ городовъ, въ которыхъ процвѣтаютъ всякія занятія, науки и искусства. Россія снабжаетъ другія государства значительнымъ количествомъ благородныхъ и неблагородныхъ металловъ: золотомъ, серебромъ, платиной, мѣдью, желѣзомъ, а также мѣхами, кожею, хлѣбомъ, льномъ и пенькой. Въ странѣ этой начали въ послѣднее время строить много желѣзныхъ дорогъ, облегчающихъ и ускоряющихъ сообщеніе.

Не смотря на значительное протяженіе страны, въ ней производится довольно оживленная торговля, въ особенности зимой, на саняхъ.

— Въ Россіи много дикихъ лошадей? спросилъ Ѳедя.

— Дикихъ нигдѣ нѣтъ, кромѣ одной породы, водящейся въ средней Азіи. Всѣ остальныя произошли отъ бывшихъ домашними, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ юго-восточной Россіи и въ южной Америкѣ, лошади живутъ и въ дикомъ состояніи.

— Недавно, папаша, сказалъ Ѳедя, — я видѣлъ картинку, на которой множество волковъ преслѣдуютъ лошадь; одинъ изъ нихъ ухватилъ ее за горло. Это бываетъ въ Россіи?

— Вѣроятно, отвѣтилъ отецъ, — потому что въ большихъ степяхъ, гдѣ водятся дикія лошади, бываетъ много волковъ, которые зимой, съ голоду, дѣлаются очень злыми и забѣгаютъ даже въ деревни. Гдѣ только они встрѣтятъ живое существо, тотчасъ бросаются на него и разрываютъ въ куски. Другихъ животныхъ, не снабженныхъ такими острыми зубами, природа одарила смышленостью, и любопытно видѣть, какъ они защищаются отъ враговъ.

Лошади, напримѣръ, очень хорошо понимаютъ, что главная ихъ сила заключается въ заднихъ ногахъ, которыми они могутъ лягаться. Поэтому, когда косякъ лошадей замѣтитъ, что вблизи есть волки, то старыя лошади обступаютъ собравшихся во время тревоги въ кучу жеребятъ, не умѣющихъ еще защищаться, и становятся вокругъ нихъ, головами всередину. Какъ только волки начнутъ на нихъ нападать, лошади лягаются изо всѣхъ силъ и бѣда тому волку, въ кото-

раго онѣ попадутъ, потому что онѣ навѣрное переломаютъ ему кости.

У рогатаго скота вся сила заключается въ рогахъ и затылкѣ. Въ случаѣ нападенія волковъ, быки и коровы обступаютъ собравшихся телятъ и молодой скотъ, становятся въ кругъ, головами наружу, и принимаютъ волковъ на острые рога.

Только бѣдныя овцы сознаютъ, что не въ состояніи защищаться отъ столь сильнаго врага и при видѣ волка тѣснятся въ кучу и позволяютъ рвать себя на куски. Поэтому-то овецъ и стерегутъ гораздо тщательнѣе.

— Папаша, ты намъ еще ничего не разсказалъ о казакахъ, замѣтилъ Ѳедя; — о людяхъ, которые ѣздятъ на маленькихъ лошадкахъ, въ большихъ шапкахъ и съ длинными пиками.

— Гдѣ же ты ихъ видѣлъ?

— На картинкѣ; они сражались съ французскими солдатами.

— Казаки составляютъ значительную часть населенія южной Россіи, продолжалъ отецъ. — Прежде они были чѣмъ-то въ родѣ кочующаго народа; теперь же Россія составила изъ нихъ правильные военные отряды, весьма полезные въ военное время; лошадки ихъ малы, но очень быстры и сносны; главное вооруженіе казака состоитъ изъ длинной пики, съ заостреннымъ концомъ, которую онъ употребляетъ очень ловко. Казаки, по мѣсту жизни, называются черноморскими, уральскими и проч.

Россія такъ обширна, что въ составъ ея населенія входятъ, какъ я вамъ уже сказалъ, самыя разнородныя племена, частью еще полудикія, какъ, напримѣръ, на отдаленномъ сѣверѣ самоѣды и лопари.

Черезъ этихъ послѣднихъ мы переходимъ къ сосѣднимъ сѣвернымъ государствамъ, Швеціи и Норвегіи. Вы вѣроятно догадываетесь уже, о которой странѣ я хочу говорить.

— Да, воскликнулъ Ѳедя: — эта страна похожа на льва, который кидается вотъ на Данію.

— Дѣйствительно такъ. Самоѣды живутъ на сѣверѣ Россіи, а лопари частью въ ея сѣверо-западномъ углу, называемомъ Лапландіей, то есть страною лопарей, частью въ Швеціи; тѣ и другіе живутъ оленеводствомъ, рыболовствомъ и охотой.

Прежде вся земля лопарей, равно какъ и *Финляндія*, то есть земля финновъ, принадлежали Швеціи, и отдѣлялись отъ Россіи природными границами, состоявшими изъ Бѣлаго моря и цѣлой цѣпи озеръ. Но Россія покорила Финляндію, вмѣстѣ съ Лапландіей, какъ и многія другія страны, и лопари находятся теперь частью подъ властью русскихъ, частью въ подданствѣ Швеціи.

— Это у нихъ, папаша, водится сѣверный олень? спросилъ Ѳедя.

— Да, другъ мой. Сѣверный олень отличается отъ другихъ оленьихъ породъ вѣтвистыми и плоскими какъ лопата рогами; онъ не такъ строенъ и красивъ, какъ нашъ обыкновенный олень, ни такъ легокъ, какъ дикая коза; но для лопаря это лучшее на свѣтѣ животное, потому что оно его и кормитъ, и одѣваетъ, и служитъ ему для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ. Убивъ дикаго сѣвернаго оленя, лопарь употребляетъ его мясо въ пищу; изъ его шкуры дѣлаетъ себѣ платье и палатки; изъ роговъ, копытъ и костей приготовляетъ ложки, стаканы, иголки; изъ кишекъ нитки и тетиву для лука; ручнаго оленя онъ доитъ и закладываетъ въ сани, для ѣзды. Притомъ олень неприхотливъ на пищу: лѣтомъ кормится листьями ивы, березы и другихъ деревьевъ, а зимой древесной корой и мхомъ, который добываетъ себѣ съ

большимъ трудомъ изъ-подъ снѣга копытами или рогами.

— Если лопари дикіе, сказалъ Ѳедя: — то у нихъ вѣрно темный цвѣтъ кожи.

— Нѣтъ, другъ мой, отвѣтилъ отецъ. — Ты знаешь, что жители Европы всѣ бѣлые. Впрочемъ, цвѣтъ кожи лопарей немного желтоватый, что, вѣроятно, происходитъ оттого, что люди эти проводятъ всю зиму въ тѣсныхъ, дымныхъ шатрахъ, крытыхъ кожами. Еслибъ мы заперлись на всю зиму въ коптильню, то, вѣроятно, вышли бы изъ нея съ пожелтѣвшимъ тѣломъ.

Швецію и Норвегію называютъ часто *Скандинавіей* или большимъ Скандинавскимъ полуостровомъ. По обычаямъ, языку и происхожденію жителей, къ Скандинавіи причисляютъ и близлежащую маленькую Данію.

Швецію отдѣляютъ отъ Норвегіи довольно высокія горы, отличающіяся суровымъ климатомъ и какъ бы защищающія материкъ отъ бурныхъ волнъ сѣверной части Атлантическаго океана. Вы уже по картѣ видите, что въ Швеціи меньше горъ, что слѣдовательно она площе и лежитъ глубже, а потому должна быть и теплѣе Норвегіи; большое число озеръ и рѣкъ не скопляется въ высокой странѣ. Гдѣ вы увидите на картѣ много озеръ и особенно рѣкъ, тамъ должна быть страна плоская, а часто и болотистая.

И въ западной Европѣ есть подобная страна, которая и называется Нидерландами, то есть низменностью, или Голландіей. Далѣе плоскость обнимаетъ Бельгію и сѣверную часть Франціи. Англія же, Ирландія и Шотландія, подверженныя сильнымъ сѣверо-западнымъ бурямъ, представляютъ, въ этомъ направленіи, довольно высокія горы и скалы.

Данія, въ особенности же Ютландія, также плоская и болотистая страна. Вообще, всю Россію, сѣверную половину Германіи съ Даніей, Голландію, Бельгію и сѣвер-

ную часть Франціи мы можемъ причислить къ странамъ плоскимъ. Чѣмъ южнѣе мы будемъ спускаться во Францію или Германію, тѣмъ выше и гористѣе будетъ становиться земля, пока не приблизимся наконецъ къ могучимъ снѣговымъ Альпамъ, которыхъ нѣкоторыя вершины достигаютъ почти 15,000 футовъ высоты и какъ лѣтомъ, такъ и зимой покрыты вѣчнымъ снѣгомъ.

Но мы попали въ незнакомыя государства, а теперь уже поздно; поэтому я откладываю продолженіе моего разсказа до завтрешняго дня. Ты, Ѳедя, разсмотри, вмѣстѣ съ Машей, повнимательнѣе карту, чтобы хорошо запомнить земли, о которыхъ мы сегодня говорили. Завтра я тебя спрошу, какъ тебѣ пришлось бы ѣхать, если бы ты хотѣлъ совершить путешествіе изъ Швеціи въ Испанію, а изъ Испаніи въ Турцію.

— Я бы сѣла на корабль, сказала Маша, — и поѣхала бы вокругъ Европы.

— Это было бы недурно, возразилъ отецъ; — но Ѳедѣ нужно совершить путешествіе сухимъ путемъ, и корабль ему не понадобится. Слѣдовательно, выбери лучшій и кратчайшій путь и замѣть, чрезъ какія земли тебѣ придется проѣзжать.

ГЛАВА IV.

ДАНІЯ, ГЕРМАНІЯ, ФРАНЦІЯ, ИСПАНІЯ, ПОРТУГАЛІЯ.

На слѣдующій вечеръ дѣтямъ пришлось дожидаться отца дольше обыкновеннаго. Ѳедя уже два раза совершилъ свое путешествіе и передъ третьимъ спросилъ Машу, не хочетъ ли она ему сопутствовать. Но у Маши, казалось, не было къ тому охоты. Она отзывалась, что ей придется ѣхать слишкомъ далеко и что она устанетъ; но обѣщала, что если Ѳедя захочетъ объѣхать Европу водою, то ему не нужно будетъ ѣздить одному.

Въ это время пришелъ отецъ, и Ѳедя хотѣлъ ему тотчасъ же показать найденный путь въ Испанію и оттуда въ Турцію.

— Очень хорошо, возразилъ отецъ; — но мнѣ жаль, что намъ некогда заняться дольше Швеціей и Норвегіей; шведы и норвежцы прекрасный народъ, а въ отношеніи красоты дикихъ мѣстностей, едва ли какая страна можетъ сравняться съ этими двумя землями. Шведъ и норвежецъ трудолюбивы, честны, гостепріимны, и каждый иностранецъ находитъ ласковый пріемъ у этого красиваго, сильнаго и простаго народа. Въ южныхъ частяхъ этихъ странъ и климатъ довольно пріятный, хотя зима бываетъ продолжительна и сурова. Замѣчу еще, что сѣверная оконечность Норвегіи, такъ

называемый *Нордъ-капъ,* какъ вы видите на картѣ, вдается далеко за полярный кругъ и что это самый близкій отъ насъ пунктъ европейскаго материка, гдѣ солнце въ продолженіе нѣсколькихъ дней вовсе не заходитъ. — Въ полночь оно почти касается сѣверной части горизонта, но потомъ, двигаясь на востокъ, снова поднимается для совершенія дневнаго круга. Отчего это происходитъ, я вамъ уже объяснилъ. Однако, воротимся къ твоему путешествію, Ѳедя: какъ же ты намѣренъ отправиться изъ Швеціи, самымъ удобнымъ путемъ, въ Испанію?

— Я хотѣлъ сначала ѣхать черезъ Данію, потому что между Даніей и Швеціей находится только узкій проливъ; но въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы переѣзжать на кораблѣ отъ одного острова до другаго, пока я не добрался бы наконецъ до Ютландіи.

— Ты правъ, возразилъ отецъ, — Данія заключаетъ много острововъ, хотя большая ея часть — Ютландія примыкаетъ къ материку.

Въ древнее время населеніе Даніи было чрезвычайно воинственно; туземцы ея, разъѣзжая на корабляхъ, опустошали Англію, Германію и Францію или высаживались на берегъ и поселялись на захваченныхъ земляхъ. Теперь уже прошли тѣ времена, и еслибъ датчане вздумали предпринять что-нибудь подобное, то ихъ бы тотчасъ остановили. Обитатели Даніи германскаго происхожденія и, окруженные со всѣхъ сторонъ водою, отличные мореплаватели. Кромѣ того, въ городахъ процвѣтаютъ художества и науки, а поселяне занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, въ особенности послѣднимъ; датскій и голштинскій скотъ славится на всемъ материкѣ.

Отъ прежнихъ замѣчательныхъ морскихъ путешествій датчанамъ остались нѣкоторыя колоніи, которыя,

по пространству, гораздо больше отечества своихъ завоевателей. Датчанамъ принадлежатъ острова: ***Исландія***, къ которой я возвращусь послѣ, такъ какъ теперь она лежитъ намъ не по пути, — и ***Гренландія***, къ сѣверо-востоку отъ американскаго материка, заселенная гренландцами, живущими охотой и рыбной ловлей. Обѣ земли, однако, слишкомъ холодны, чтобы приносить Даніи значительный доходъ. Кромѣ того, датчанамъ принадлежитъ еще, близъ американскихъ береговъ, островъ ***св. Ѳомы***, съ котораго получаются кофе, сахаръ и другія произрастенія тропическихъ странъ.

Но возвратимся къ твоему путешествію, Ѳедя. Если бы проѣздъ черезъ Данію, по причинѣ многочисленныхъ островов, показался тебѣ неудобнымъ, что бы ты сдѣлалъ, чтобы добраться скорѣй до Испаніи?

— Я попросилъ бы какого нибудь шведскаго рыбака отвезти меня въ Германію, и онъ доставилъ бы меня туда.

— Прекрасно! Скажи мнѣ однако, — по какому морю пришлось бы тебѣ ѣхать, отправившись съ южнаго конца Швеціи?

— По Балтійскому морю.

— Вѣрно. А что бы ты сталъ дѣлать въ Германіи?

— Во-первыхъ, по почтѣ или по желѣзной дорогѣ, продолжалъ Ѳедя, — я пріѣхалъ бы сюда, отъискать васъ, маменьку и Машу.

Глазки Маши засверкали, когда она это услышала, и дѣвочка воскликнула:

— Умница! надѣюсь, что ты разсказалъ бы намъ многое про Швецію?

— Противъ твоего маршрута, то есть противъ избранной тобою дороги, я рѣшительно ничего сказать не могу, продолжалъ отецъ; — очень естественно, что ты посѣтишь насъ прежде всего, хотя и сдѣлаешь небольшой крюкъ. Но когда ты хорошенько отдохнешь

и разскажешь намъ все, что знаешь, то какъ же ты намѣренъ ѣхать дальше? Покажи мнѣ только направленіе, потому что лежащіе по пути города не обозначены на картѣ.

— Я проѣхалъ бы черезъ всю Германію, на юго-западъ, и достигъ бы Франціи.

— Хорошо; слѣдовательно, ты побывалъ бы въ самой серединѣ, въ самомъ сердцѣ Европы.

На это сердце, однако, мы должны обратить вниманіе, потому что изъ него Европа получала и населеніе, и просвѣщеніе, и потому что народа болѣе трудолюбиваго, чѣмъ нѣмцы, во всѣхъ отрасляхъ этого племени, трудно найти въ цѣломъ мірѣ.

Въ древнее время Германія была порабощена римлянами, народомъ, жившимъ въ Италіи; но мы давно освободились отъ ихъ ига. Тогда Римъ былъ главнымъ городомъ Италіи и средоточіемъ огромнаго государства, простиравшагося, черезъ всю Европу, даже въ Азію и Африку.

Германія, принадлежитъ къ самымъ образованнымъ странамъ земнаго шара; племя ея заселяетъ Голландію, Бельгію, Скандинавскій полуостровъ, Данію и Швейцарію, такъ что по многочисленности слѣдуетъ за славянскимъ. Англы и саксы, два германскіе народа, выселились за много сотенъ лѣтъ въ Англію и смѣшались впослѣдствіи съ норманами, прибывшими съ сѣверныхъ береговъ Франціи. Поэтому-то англійскій языкъ сохранилъ, по настоящее время, много сходства съ нѣмецкимъ, и мы въ немъ встрѣчаемъ нетолько слова, но цѣлые обороты рѣчи, взятые изъ нѣмецкаго

Нѣмцы уже очень давно вышли изъ состоянія народовъ пастушескихъ, то есть, занимающихся исключительно скотоводствомъ. И въ Германіи воспитываютъ много скота, но вмѣстѣ съ тѣмъ занимаются и земле-

дѣліемъ, и фабриками, и торговлей. Скотъ необходимъ для земледѣлія: его пометомъ удобряются поля. Германія производитъ очень мало сырыхъ произведеній, то есть такихъ, которыя снимаются съ земли, добываются изъ нея или доставляются животными, какъ-то: металловъ, зеренъ, деревъ, кожи, сала и проч. Напротивъ того, нѣмцы получаютъ сырыя произведенія изъ другихъ государствъ, перерабатываютъ ихъ въ своемъ отечествѣ и высылаютъ за границу какъ произведенія фабричныя. Тысячи такихъ произведеній развозятся по всѣмъ частямъ свѣта, и нѣмецкія полотна, нѣмецкія сукна и многія другія издѣлія отправляются въ Америку, Австралію и Азію.

Германія, какъ я вамъ уже говорилъ, на сѣверѣ совершенно плоска, такъ что тамъ земля образуетъ даже обширныя песчаныя степи, поросшія верескомъ и потому называемыя верещагами; однако по берегамъ рѣкъ находятся чрезвычайно плодородныя земли. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ страна становится выше и гористѣе.

Нидерланды, составляющіе западную границу Германіи и состоящіе изъ ***Голландіи*** и ***Бельгіи***, на всемъ своемъ протяженіи, исключая южной и восточной Бельгіи, совершенно плоская страна. Въ Голландіи многія мѣста лежатъ даже ниже уровня моря, такъ что для защиты ихъ отъ морскихъ волнъ, жители принуждены строить плотины.

Голландія вообще весьма замѣчательная страна; во всѣхъ направленіяхъ она прорѣзана каналами, и жители ея должны были отнимать у моря свою землю шагъ за шагомъ. Даже въ недавнее время выкачали паровыми машинами цѣлое озеро. Пока машины эти работали день и ночь, жители обработали прежнее дно и засѣяли его пшеницей и другими хлѣбами. Въ прежнее время голландцы были одними изъ первыхъ, если не первыми

мореходцами, и мы имъ обязаны весьма важными открытіями во всѣхъ частяхъ свѣта. Многимъ мѣстностямъ они дали имя; такъ главный островъ Австраліи и до сихъ поръ носитъ названіе *Новой Голландіи*. Мысъ *Доброй Надежды*, на южной оконечности Африки, также принадлежалъ голландцамъ, но былъ отнятъ у нихъ впослѣдствіи англичанами. Почти весь Остъ-индскій архипелагъ, въ особенности богатые острова, лежащіе къ югу отъ Азіи и между Азіей и Австраліей, и по настоящій день составляютъ собственность голландцевъ. Съ этими колоніями Голландія находится въ постоянныхъ и частыхъ сношеніяхъ, снабжая почти всю Европу кофеемъ, рисомъ, индиго, сахаромъ и пряными кореньями.

— Что такое колоніи? спросила Маша.

— Колоніей, дитя мое, называется земля, покоренная и заселенная какимъ-либо народомъ въ странѣ другаго и даже въ другой части свѣта. Колоніи доставляютъ странѣ, отъ которой зависятъ, разныя сырыя произведенія. Островъ Св. Ѳомы, о которомъ я уже вспоминалъ, — колонія Даніи, а Остъ-индскій архипелагъ — колонія Голландіи.

Однако, чтобы добраться до Испаніи, намъ должно двигаться впередъ. Куда же ты теперь намѣренъ направиться, Ѳедя?

— Прямо во Францію.

— Въ такомъ случаѣ тебѣ придется прежде выучиться пофранцузски, сказалъ отецъ.

— Развѣ тамъ никто не понимаетъ понѣмецки? спросила Маша.

— Нѣтъ, дитя мое, развѣ только на границѣ Германіи. Вообще, различіе языковъ представляетъ въ путешествіи большія затрудненія. Одинъ французскій языкъ считается общественнымъ языкомъ и распространенъ между образованными людьми всѣхъ европейскихъ

странъ. Кто его знаетъ, можетъ легко заставить себя понять во всѣхъ большихъ городахъ. Но жители деревень не хлопочутъ о знаніи чужихъ языковъ: они говорятъ на томъ языкѣ, къ которому привыкли съ дѣтства,—французскій ли это, греческій или нѣмецкій.

— Не говорятъ же крестьяне погречески! возразилъ Ѳедя.

— Почему же нѣтъ, сказалъ отецъ. — Въ Греціи, разумѣется, всѣ крестьяне говорятъ погречески, потому что тамъ онъ мѣстный языкъ и всѣ говорятъ на немъ съ дѣтства. Но языкъ этотъ новогреческій, а не тотъ старогреческій, которому, какъ ты можетъ быть слыхалъ, учатъ въ гимназіяхъ только тѣхъ мальчиковъ, которые хотятъ сдѣлаться учеными.

Что касается европейскихъ языковъ, то почти каждая страна имѣетъ свой собственный; однако, нѣкоторые народы говорятъ на языкахъ разныхъ, но сходныхъ, такъ что въ случаѣ нужды могутъ понять другъ друга.

Скандинавское нарѣчіе почти одно и то же у шведовъ, норвежцевъ и датчанъ. Языкъ голландцевъ и бельгійцевъ, равно какъ и швейцарцевъ, есть только измѣненный въ произношеніи нѣмецкій. Испанцы и португальцы могутъ понять другъ друга, хотя языкъ ихъ разнится. Онъ близокъ къ итальянскому или, вѣрнѣе сказать, къ латинскому, отъ котораго и происходитъ. Эти языки называются *романскими*. Къ нимъ же принадлежитъ и французскій; хотя произношеніе его очень измѣнилось, но большая часть коренныхъ словъ, то есть словъ, изъ которыхъ образуются другія, латинскаго происхожденія. Равнымъ же образомъ большое сходство существуетъ между языками: русскимъ и польскимъ; они носятъ названіе *славянскихъ*.

Во Франціи тебѣ вѣроятно очень понравится, потому что это прекрасная, плодородная страна, заселенная

способнымъ и трудолюбивымъ народомъ и пользующаяся въ южной своей части великолѣпнымъ климатомъ, дозволяющимъ воздѣлывать виноградъ и заниматься шелководствомъ.

— Шелководствомъ? воскликнула Маша, — которая не могла понять этого слова.

— Шелкъ, дитя мое, не пряжа человѣческихъ рукъ: люди не воздѣлываютъ шелкъ, какъ ленъ или бумагу, чтобы прясть изъ него нитки; гусеница извѣстной породы бабочекъ, прежде чѣмъ превратиться въ бабочку, завертывается въ такъ-называемый коконъ, — превращается, какъ говорятъ, въ куколку. Коконъ состоитъ изъ очень длинной и чрезвычайно тонкой паутинки. Открывъ это, люди начали воспитывать гусеницъ въ большомъ количествѣ, кормить ихъ тутовыми листьями, ихъ любимою пищею; гусеницы обращаются въ куколки; потомъ ихъ убиваютъ горячими парами и развиваютъ коконъ, изъ котораго приготовляютъ шелкъ. Климатъ Франціи весьма хорошъ для разведенія тутовыхъ деревьевъ и шелковичныхъ червей, и поэтому тамъ добывается множество сыраго шелка, изъ котораго потомъ приготовляютъ ленты и матеріи на платья.

Половину границъ Франціи составляютъ берега Атлантическаго океана и Средиземнаго моря, и поэтому она обладаетъ огромной морской силой. Французы весьма безпокойный народъ, воевавшій издавна съ разными государствами и основавшій колоніи въ разныхъ частяхъ свѣта. Позднѣйше пріобрѣтеніе Франціи въ другихъ частяхъ свѣта составляетъ Алжиръ, на сѣверномъ берегу Африки. Вооруженные корабли расположенныхъ по этому берегу маленькихъ государствъ, особенно Алжира, издавна занимались разбоемъ: силою захватывали чужія купеческія суда, со всѣми товарами и людьми, которыхъ предавали въ рабство. По этому поводу французскіе военные корабли подступили къ столицѣ ал-

жирскаго дея, какъ назывался тамошній государь, и стрѣляли по ней до тѣхъ поръ, пока дей не покорился. Теперь весь Алжиръ принадлежитъ французамъ и такимъ образомъ они владѣютъ на томъ берегу Средиземнаго моря, то есть въ Африкѣ, весьма важной колоніей.

Кромѣ того, имъ принадлежатъ еще колоніи на Антильскихъ островахъ и въ Тихомъ океанѣ. Эти колоніи мы узнаемъ впослѣдствіи, когда будемъ говорить о частяхъ свѣта, въ которыхъ онѣ находятся. Теперь же, чтобы легче продолжать наше путешествіе, намъ нужно взять въ руки крѣпкую палку.

— Это почему, папаша?

— Потому что между Франціей и Италіей возвышаются огромныя горы — Пиренеи, которыя, только подъ другимъ названіемъ, тянутся, по сѣверному берегу Испаніи, до самой сѣверо-западной ея оконечности.

Если вы разсмотрите со вниманіемъ карту, то увидите, что сѣверо-западный берегъ Испаніи, омываемый Атлантическимъ океаномъ, какъ-бы защищенъ отъ напора волнъ горами. Заливъ, образовавшійся между Франціей и Испаніей, и называемый ***Бискайскимъ*** моремъ, болѣе другихъ европейскихъ водоемовъ подверженъ бурямъ; поэтому сѣверный берегъ Испаніи, для мореплавателей, одинъ изъ опаснѣйшихъ въ Европѣ.

Испанія и Португалія принадлежатъ къ южнымъ государствамъ Европы, къ которымъ причисляются еще южная Франція, Италія и Турецкая имперія съ Греціей. Вездѣ, гдѣ природа, своей благотворной теплотой, помогаетъ человѣку, легко добывать средства къ жизни. Тамъ мы видимъ, что человѣческій духъ находится въ усыпленіи. Тамъ люди ведутъ жизнь праздную и посвящаютъ, сравнительно съ другими, меньше времени своему духовному образованію, ремесламъ и промысламъ. Это, можетъ быть, зависитъ отъ разслабляющаго дѣйствія

жаровъ и отъ того, что въ этомъ климатѣ человѣкъ можетъ и безъ труда обезпечить свое существованіе. Съ другой стороны, такъ какъ для умственнаго развитія необходимо общество другихъ людей, то на далекомъ сѣверѣ, чрезвычайно скудно населенномъ, жители — напримѣръ, лопари и самоѣды — заботятся только о своемъ пропитаніи. Имъ некогда подумать о чемъ-либо другомъ. Слѣдовательно, умственная жизнь сосредоточивается въ странахъ Европы, которыя составляютъ ея середину: во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи. Къ нимъ слѣдуетъ еще причислить Англію.

— Испанія полуостровъ, не правда ли, папаша? спросилъ Ѳедя.

— Да, дитя мое, — разумѣется, Испанія и Португалія вмѣстѣ, потому что государства эти раздѣлены даже не естественными, а большею частью искусственными границами. Обѣ страны вмѣстѣ носятъ названіе ***Пиренейскаго полуострова***.

Испанія чрезвычайно гористая страна, и нѣкоторые изъ ея хребтовъ, какъ-то Пиренеи и ***Сіерра - Невада*** (Снѣжныя горы), возвышаются за границу снѣга. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Разумѣется, папаша, воскликнулъ Ѳедя; — это значитъ, что горы эти возвышаются за линію, на которой снѣгъ никогда не таетъ.

— Такъ. Въ прежнее время испанцы, а съ ними и португальцы, были чрезвычайно предпріимчивыми мореплавателями. Они первые объѣхали южный конецъ Африки, Мысъ Доброй Надежды, и открыли такимъ образомъ морской путь въ Индію, то есть страны, лежащія на южномъ берегу Азіи. Испанцы предприняли и окончили самое важное открытіе, а именно открытіе ***Америки***. Корабли ихъ, подъ начальствомъ смѣлаго человѣка, Христофора Колумба, — первые пустились въ открытый океанъ, направляясь постоянно къ западу. От-

крывъ Новый свѣтъ и его несмѣтныя сокровища, человѣкъ этотъ далъ своему отечеству новую жизнь, такъ что Испанія считалась богатѣйшимъ и сильнѣйшимъ государствомъ въ свѣтѣ. Тогда говорили, что во владѣніяхъ короля испанскаго солнце никогда не заходитъ. Понимаете ли вы, что это значитъ?

— Я не понимаю, сказала Маша.

— А я такъ понимаю, восликнулъ Ѳедя: — когда солнце у насъ заходитъ, оно восходитъ въ Америкѣ, и на оборотъ; не правда ли, папа?

— Совершенно такъ: вѣдь Америка находится на другомъ полушаріи, чѣмъ Европа. Въ наше время можно сказать то же самое о Франціи, Англіи и Голландіи, въ особенности объ Англіи, которая владѣетъ колоніями во всѣхъ частяхъ свѣта.

— Но почему же у нѣмцевъ нѣтъ колоній? спросилъ Ѳедя.

— Потому что простираясь болѣе въ серединѣ суши, чѣмъ по берегу, Германія не обладаетъ морскою силою; можетъ быть еще и потому, что нѣмцы народъ не воинственный. Да послѣднее и лучше: они, по крайней мѣрѣ, не отнимаютъ землю у другихъ людей. Но въ послѣдующія столѣтія Испанія лишилась своего могущества. Въ прежнее время ей принадлежала почти вся Америка; теперь она владѣетъ тамъ только двумя островами изъ Антильскихъ; да сверхъ того, ей принадлежатъ группы острововъ въ Азіи, Австраліи и у береговъ Африки — Канарскіе. На этихъ-то послѣднихъ и водятся наши канарейки.

— Вотъ, отправиться бы туда, да поймать хоть одну пару! воскликнулъ Ѳедя.

— Если бы ты поѣхалъ только за этимъ, то канарейки обошлись бы слишкомъ дорого: — ихъ можно купить здѣсь гораздо дешевле. Но мы въ Испаніи, и пооглянемся прежде, чѣмъ отправиться дальше.

Испанія пользуется прекраснымъ климатомъ и плодородна, но мало обработана, и жители ея почти не занимаются ни земледѣліемъ, ни ремеслами и очень бѣдны. Страна торгуетъ только сырыми продуктами, и то въ незначительномъ количествѣ, отличными винами и фруктами и лучшей овечьей шерстью: испанскіе бараны, мериносы, извѣстны. Въ особенности Испанія страдаетъ отъ вѣчныхъ междоусобныхъ войнъ. Испанцы народъ безпокойный нетерпѣливый, и хотя въ домашней своей жизни просты и умѣренны, но пылки, мстительны и жестоки. Въ доказательство ихъ жестокости можно привести, что самымъ пріятнымъ препровожденіемъ времени для испанцевъ служатъ кровавыя травли быковъ: дикіе быки, выпущенные на огороженное мѣсто, убиваются въ забаву нѣсколькимъ тысячамъ людей, собравшихся на это зрѣлище.

Португалія пользуется еще пріятнѣйшимъ климатомъ, чѣмъ Испанія, и добываемое въ ней вино не уступаетъ никакому другому. Но и Португалія, которая нѣкогда владычествовала въ отдаленныхъ странахъ и которой безстрашные мореплаватели посѣщали дальніе берега, утратила прежнюю славу и ограничивается теперь небольшою страною въ Европѣ и немногими колоніями. Въ прежнее время во главѣ Европы стояли Испанія и Португалія; теперь самымъ могущественнымъ государствомъ слѣдуетъ назвать Англію. Поэтому, завтра же сядемъ на корабль и поѣдемъ въ Англію. Ты, Маша, можетъ быть, предпочтешь совершить это путешествіе сушей?

— Да какъ же туда добраться сушей, сказала Маша, — вѣдь Англія островъ?

— Ты права, дружокъ мой, и я хотѣлъ только видѣть, запомнила ли ты, что говорилось объ Англіи. Но теперь вамъ нужно отдохнуть: вѣдь не шутка совершить поѣздку изъ Швеціи въ Испанію. А завтра намъ предстоитъ еще далекое путешествіе: мы съѣздимъ не только въ Англію, но и въ Турцію и Грецію.

ГЛАВА V.

АНГЛІЯ, ШВЕЙЦАРІЯ, ИТАЛІЯ, ТУРЦІЯ, ГРЕЦІЯ И ВЕНГРІЯ.

На слѣдующій день Ѳедя и Маша со вниманіемъ разсмотрѣли карту, чтобы ознакомиться немного съ землями, про которыя отецъ обѣщалъ имъ разсказать. Внизу карты они нашли столько островов, такихъ разноцвѣтныхъ, что рѣшительно ничего не могли понять. Отецъ нашелъ ихъ еще за этимъ занятіемъ и молча присѣлъ къ нимъ.

— Почему, папаша, спросилъ наконецъ Ѳедя,—острова эти, которые лежатъ возлѣ Италіи и вѣроятно ей же принадлежатъ, выкрашены въ красный и синій цвѣта, тогда какъ Италія темножелтая. Это должно быть по ошибкѣ?

— Нѣтъ, дитя мое, отвѣтилъ отецъ, — острова эти окрашены въ одинаковый цвѣтъ съ землями, къ которымъ они принадлежатъ. Франціи принадлежитъ островъ ***Корсика***, на которомъ родился императоръ Наполеонъ I, тогда какъ Англіи принадлежитъ ***Мальта***, у южной оконечности Италіи, и ***Іоническіе*** острова, лежащіе по западному берегу Турціи и Греціи. Такія же красныя точки, — цвѣтъ Англіи на нашей картѣ, — вы встрѣтите по всему земному шару, потому что вездѣ Англія имѣетъ владѣнія. Такъ Норманнскіе острова, у

сѣверозападнаго берега Франціи, принадлежатъ Англіи. Ей же принадлежитъ *Гельголандъ*, маленькая скала на сѣверѣ Германіи, у самаго ея берега; Гибралтаръ въ Испаніи; обширныя колоніи на Антильскихъ островахъ; вся Остъ-Индія, исключая большей части островов, вся Австралія; вся сѣвернѣйшая часть Америки, отъ западнаго берега до восточнаго; южная оконечность Африки; наконецъ многіе острова по берегу Африки и Китая. Вездѣ англійскія колоніи, вездѣ разъѣзжаютъ англійскіе военные корабли.

Ни одна страна на земномъ шарѣ не представляетъ столькихъ удобствъ для мореплаванія, какъ Великобританнія со своими отличными бухтами. Нѣтъ народа болѣе трудолюбиваго и способнаго, чѣмъ англичане, которые отличаются не только въ искусствахъ и наукахъ, но и во всѣхъ ремеслахъ. Сырые продукты не вывозятся изъ Англіи, а напротивъ того ввозятся туда и переработываются на ея фабрикахъ. Вся страна изрѣзана желѣзными дорогами и усѣяна фабриками, приводимыми въ движеніе силою паровъ.

Великобританнія состоитъ изъ трехъ частей: Англіи, Шотландіи и Ирландіи, изъ которыхъ Англія самая дѣятельная и богатая. Въ ней, именно въ городѣ Лондонѣ, центръ правленія; Шотландія и Ирландія покорены Англіей.

Южная часть Шотландіи соприкасается съ Англіей и только на незначительномъ пространствѣ отдѣляется отъ нея естественною границей, рѣкой; сѣверная часть Шотландіи чрезвычайно гориста, и жители ея занимаются преимущественно скотоводствомъ.

Ирландія частью гористая, частью представляетъ огромныя торфяныя болота; въ ней преимущественно развито скотоводство, хотя земля во многихъ мѣстахъ очень способна къ земледѣлію. Тамъ въ особенности воз-

дѣлывается въ огромномъ количествѣ картофель, который и составляетъ почти единственную пищу бѣдныхъ, угнетенныхъ англичанами ирландцевъ.

Англія поддерживаетъ постоянныя сношенія съ цѣлымъ свѣтомъ: ея пароходы, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, отправляются въ сѣверную и южную Америку, въ Индію, Австралію и Африку, и можно сказать положительно, что торговля всего міра находится въ рукахъ Англіи, хотя французы, американцы и голландцы всячески стараются не отстать отъ нея.

Чтобы закончить картину Европы, намъ нужно еще познакомиться съ ея южною частью. Для этого, какъ я вамъ сказалъ вчера, мы отправимся изъ Испаніи сначала въ Италію. Какой же дорогой мы поѣдемъ, если захотимъ проѣхать сухимъ путемъ?

— Тогда намъ нужно воротиться обратно во Францію, отвѣтилъ Ѳедя.

— Поѣдемъ, тѣмъ болѣе, что въ Пиренеяхъ мы теперь уже не заблудимся и что намъ прійдется проѣхать по самой плодородной части Франціи и перебраться черезъ высочайшіе и прекраснѣйшіе во всей Европѣ горы, Альпы, граничащіе Италію съ Франціей, Швейцаріей и Германіей.

Швейцарія самая гористая часть Европы; Альпы тянутся по всему этому маленькому государству, и многія ихъ вершины и склоны покрыты вѣчными снѣгами. Долины Швейцаріи пользуются очень умѣреннымъ климатомъ; въ нихъ процвѣтаютъ промышленость и ремесла; на горахъ же, — конечно, когда лѣтомъ стаетъ снѣгъ на ихъ склонахъ, — многочисленныя стада находятъ вкусный кормъ. Трава на Альпахъ сочна, питательна и пахуча; швейцарскій скотъ здоровъ и даетъ такое прекрасное молоко, что приготовляемые изъ этого молока масло и сыръ считаются лучшими. Швейцарскій сыръ разсылается по всей Европѣ.

Швейцарія настоящая *внутренняя страна*, то есть замкнутая со всѣхъ сторонъ землями и нигдѣ не омываемая моремъ, точно такъ, какъ бываютъ моря, лежащія среди материка, напримѣръ *Каспійское* и называющіяся внутренними морями. Италія же, напротивъ того, соприкасающаяся своими сѣверными границами съ Швейцаріей, настоящій полуостровъ, съ многочисленными бухтами и весьма плодородной почвой. Апельсины и лимоны растутъ въ ней на открытомъ воздухѣ, равно какъ каштаны, винныя ягоды, оливки и много другихъ южныхъ плодовъ.

По всей Италіи тянется довольно высокій и суровый горный хребетъ который доходитъ до самой южной оконечности полуострова. Кажется, что и островъ *Сицилія*, за много тысячъ лѣтъ тому назадъ, составлялъ съ полуостровомъ одно цѣлое; объ этомъ можно догадываться по направленію горъ: онѣ тянутся отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, дѣлаютъ внизу поворотъ, подвигаются сперва къ югу, потомъ къ юго-западу и наконецъ прямо къ западу.

На этомъ островѣ Сициліи, который въ прежнее время, снабжая Италію, по своему плодородію, фруктами и хлѣбомъ, назывался садомъ и житницей Италіи, есть еще одно весьма замѣчательное явленіе природы, а именно огнедышащая гора *Этна*, возвышающаяся на 10,000 футовъ надъ поверхностью моря и извергающая по временамъ дымъ и пламя.

— Разскажи намъ объ этомъ, живо воскликнулъ Ѳедя.

— Въ Европѣ есть еще нѣсколько подобныхъ горъ, и одна изъ нихъ, Везувій, лежитъ на западномъ берегу Италіи, немного сѣвернѣе 40 градуса широты, близъ города Неаполя. Укажи мнѣ, Ѳедя, это мѣсто на картѣ.

Ѳедя, черезъ нѣсколько времени, нашелъ названный городъ.

— А Везувій тутъ не означенъ, сказалъ онъ.

— Да, другъ мой, потому что наша карта очень мала. Но если тебѣ случится имѣть карту Европы побольше, то ты найдешь на той картѣ Везувій, обозначенный кружкомъ съ лучами, какъ обыкновенно означаются отдѣльно стоящія горы. Везувій не такъ высокъ, какъ Этна: онъ въ три раза ниже ея.

— И тоже извергаетъ пламя? спросила Маша.

— Да, дитя мое, и очень часто; кромѣ того, горячую лаву и камни. Впрочемъ, завтра я хотѣлъ поговорить съ вами о горахъ Европы подробнѣе, и потому отложимъ этотъ разговоръ.

Италія была въ древнія времена очень могущественна, и ***Римъ***, лежащій на серединѣ западнаго берега, покорилъ почти весь извѣстный тогда міръ. Римляне были дикій, воинственный народъ, проникнувшій чрезъ всю Германію до самой Англіи, завоевавшій Францію, Испанію и Малую Азію, равно какъ и часть Африки. Теперь все это перемѣнилось; нынѣшніе римляне народъ изнѣженный; покоренныя Римомъ государства понемногу освободились; сама Италія раздробилась и подпала чужой власти. Только теперь она старается вновь соединиться и сбросить съ себя зависимость.

Итальянцы были въ свое время и знаменитыми мореплавателями; въ особенности венеціанцы совершали далекія путешествія и вели обширную торговлю съ ***Левантомъ*** или ***Востокомъ***, то есть, съ землями, лежащими на востокъ. Подъ именемъ Востока, римляне разумѣли преимущественно Малую Азію. Въ то время ***Константинополь*** (нынѣшняя столица Турецкой имперіи въ Европѣ) былъ главнымъ городомъ восточной части Римской имперіи, тогда какъ императоръ западной, об-

нимавшей Италію и провинціи, земли, лежавшія на западъ и сѣверъ, жилъ въ Римѣ.

Вы видите, что только узкій морской рукавъ отдѣляетъ Италію отъ нынѣшней Турецкой имперіи, и здѣсь мы уже вблизи Греціи, земли, которую можно назвать колыбелью просвѣщенія въ Европѣ.

Когда нибудь вы познакомитесь и съ исторіей греческаго народа, который также былъ силенъ и воинственнен, но котораго главная заслуга состоитъ въ томъ, что онъ распространилъ по Европѣ, а черезъ нее и по другимъ странамъ, науки и искусства.

Греки, правда, перемѣнились, какъ и италіянцы. Грецію завоевали сперва римляне, потомъ турки, и она составляетъ теперь маленькое, безсильное государство, обнимающее только южную оконечность прежней богатой и могущественной имперіи.

Но земля осталась чрезвычайно привлекательной и плодородной; она пользуется прекраснымъ для торговли положеніемъ и омывается множествомъ безопасныхъ и удобныхъ заливовъ; съ населеніемъ болѣе дѣятельнымъ, она легко могла бы вновь разбогатѣть и усилиться. Кажется, однако, что народъ объ этомъ не думаетъ.

— А эти маленькіе острова, лежащіе возлѣ Греціи, принадлежатъ Англіи? спросилъ Ѳедя.

— Это *Іоническіе острова*, дитя мое; — они не принадлежатъ Англіи, а находятся подъ ея покровительствомъ.

— Что же это значитъ, папа?

— А почти то же, что острова эти находятся въ зависимости отъ Англіи. Англичане не владѣютъ вполнѣ страной, то есть не располагаютъ землей по своему усмотрѣнію, не могутъ собирать въ свою пользу подати, но занимая острова своимъ войскомъ, чтобы за-

щищать ихъ въ случаѣ нападенія, управляютъ ими по своему усмотрѣнію.

— Да развѣ на острова кто-нибудь хочетъ напасть?

— Не думаю. Во всякомъ случаѣ жителямъ Іоническихъ острововъ гораздо лучше подъ англійскимъ, чѣмъ подъ прежнимъ, турецкимъ владычествомъ, а для англичанъ такія отношенія чрезвычайно удобны, потому что ихъ военные и торговые корабли, проходя Средиземнымъ моремъ, могутъ заѣзжать въ свои гавани, не нуждаясь въ чужихъ.

Греція въ прежнее время была, разумѣется, гораздо обширнѣе. Но задолго до нашего времени пришли изъ Малой Азіи турки и покорили всю страну; только малая часть ея впослѣдствіи освободилась. Турки продолжаютъ господствовать во всѣхъ земляхъ, лежащихъ между Греціей и Россіей, и ихъ султанъ властвуетъ надъ обширною и чрезвычайно плодородною страною, пользующеюся самымъ благорастворенным климатомъ; страна эта называется европейской Турціей и граничитъ къ западу съ Адріатическимъ моремъ, къ востоку съ Чернымъ моремъ, къ югу съ Мраморнымъ и Архипелагомъ, т. е. моремъ, наполненнымъ, какъ вы видите, островами.

— Турки идолопоклонники, не правда ли, папа? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, дитя мое, мы ихъ не можемъ назвать идолопоклонниками, потому что они, какъ и мы, вѣруютъ въ единаго Бога, котораго называютъ Аллахомъ. Но они не вѣруютъ въ божественность Іисуса Христа и даже какъ пророка чтутъ его ниже Магомета, установившаго ихъ религію. Вѣрованія ихъ изложены въ книгѣ, называемой кораномъ, какъ наши въ библіи. Религія ихъ называется исламизмомъ.

Сверхъ того, турки отличаются отъ христіанъ обычаями и нравами, принесенными изъ Азіи и родившимися въ болѣе жаркомъ климатѣ. Такъ, напримѣръ, турки брѣютъ всю голову и обвиваютъ ее длиннымъ кускомъ матеріи, называемымъ чалмой; они отпускаютъ бороду, носятъ широкія, легкія платья; религіознымъ знакомъ, соотвѣтствующимъ нашему распятію, служитъ полумѣсяцъ.

Произведенія европейской Турціи чрезвычайно разнообразны, потому что тамъ встрѣчаются всѣ южныя растенія. Въ сѣверныхъ провинціяхъ имперіи жмутъ вино, хотя религія турокъ запрещаетъ имъ его употребленіе; торгуя другимъ мѣстнымъ произведеніемъ, турки и пользуются имъ больше другихъ народовъ: они чрезвычайно любятъ табакъ и курятъ его въ большомъ количествѣ, изъ трубокъ съ очень длинными чубуками. Такъ же развилась торговля благовоніями: турки большіе до нихъ охотники и ради этой склонности цѣлыя поля засѣяны розами, изъ которыхъ добываютъ очень дорогое розовое масло, служащее предметомъ торговли.

— Развѣ въ розахъ есть масло? спросила Маша.

— Есть, другъ мой; но нужно много розъ, чтобы собрать нѣсколько капель этого масла. Масло добываютъ изъ розъ посредствомъ воды; настой розъ выставляютъ на воздухъ въ плоскихъ сосудахъ; масло поднимается мелкими капельками на поверхность воды, и его очень осторожно снимаютъ. Потомъ его переливаютъ въ крошечные пузырьки, хорошо закупоренные, и оно составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ торговли, не только внутренней, но и внѣшней.

Кромѣ того, здѣсь произрастаютъ различные хлѣба, каштаны, винныя ягоды, оливки, апельсины, финики, хлопчатникъ и тысячи другихъ растеній, которыя я не стану исчислять.

Черезъ Турцію мы пришли снова къ русской границѣ, и намъ осталось лишь взглянуть на нѣсколько земель, которыя должны быть отличены въ перечисленныхъ нами государствахъ либо потому, что представляютъ населеніе совершенно разное отъ остальныхъ жителей этихъ государствъ, либо потому, что стоятъ къ нимъ въ особыхъ отношеніяхъ. Земли эти суть: во-первыхъ, входящая въ составъ Россіи Польша; вовторыхъ, принадлежащія къ Австріи: ***Венгрія***, находящіяся къ югу отъ нея ***Славонія***, ***Далмація*** и ***Кроація***, находящаяся къ сѣверу ***Галиція*** и примыкающая къ Венгріи съ востока — ***Трансильванія***; наконецъ, состоящія подъ покровительствомъ Турціи, Романіи, то есть соединенныя княжества Валахія и Молдавія.

Польша, жители которой принадлежатъ къ славянскому племени, была въ прежнее время независимымъ королевствомъ. Вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и безпорядковъ, въ дѣла этого государства вмѣшались Россія, Пруссія и Австрія. Полагая, что поляки, оставаясь самостоятельными, не будутъ спокойными сосѣдями, три союзныя государства раздѣлили Польшу между собою. Съ того времени королевство перестало существовать, и только часть его, принадлежащая Россіи, сохранила прежнее названіе. Поляки же населяютъ и принадлежащую Австріи Галицію, лежащую между Россіей и Венгріей.

Далмація, Славонія и Кроація, какъ вы видите, узенькія полоски земли, которыя съ сѣвера и запада прилегаютъ къ Турціи; онѣ принадлежатъ къ Австрійской имперіи и населены славянами. Первая изъ нихъ, въ отношеніи климата и почвы, совершенно схожа съ Турціей, тогда какъ Славонія и Кроація подходятъ ближе къ Венгріи.

Въ древнее время Венгрія, по крайней мѣрѣ часть

ея, была покорена римлянами; впослѣдствіи ее занимали народы, прибывавшіе съ Востока, пока наконецъ въ ней не поселились венгерцы или маджьяры, которые, съ рѣдкою храбростью, защищались отъ нападеній турокъ. Откуда вышли венгры, достовѣрно не извѣстно. Народъ этотъ, воинственный и кровожадный, вторгался въ Германію, Италію и Францію, убивалъ и грабилъ. Въ исторіи Германіи вторженія маджьяровъ извѣстны подъименемъ нашествій гунновъ. Но наконецъ они были разбиты, покорены и даже выбрали себѣ короля изъ австрійскаго царственнаго дома, такъ что Венгрія вошла въ составъ австрійской имперіи.

Въ Венгріи, равно какъ и въ лежащей на востокъ отъ нея Трансильваніи, живетъ полудикій, кочевой народъ, который, по цвѣту кожи, обычаямъ и языку, принадлежитъ, кажется, другой части свѣта. Я говорю о *цыганахъ*. Цвѣтъ ихъ кожи темный. Они ведутъ кочевую жизнь, кормятся кузнечнымъ мастерствомъ, нищенствомъ, гаданіемъ, воровствомъ и грабежомъ. Этотъ красивый, крѣпкій народъ, не смотря ни на какія принужденія, не дѣлается осѣдлымъ. Чтобъ не оставаться на одномъ мѣстѣ и не трудиться постоянно, цыганъ отказывается отъ довольства, даже отъ крова, а иногда и пищи, и подвергается преслѣдованіямъ полиціи. Цыгане говорятъ, что они происходятъ изъ Египта, страны, лежащей въ сѣверной Африкѣ; но есть основаніе предполагать, что они въ древнее время пришли изъ азіатской Индіи. Теперь они скитаются по всѣмъ европейскимъ странамъ. Точно такъ же распространенъ по Европѣ другой народъ азіатскаго происхожденія, евреи, о которыхъ я вамъ еще буду имѣть случай разсказать.

Но возвратимся къ Венгріи. Климатъ и почва ея прекрасны, и хотя въ ней много болотъ и травянистыхъ степей, но послѣднія даютъ кормъ безчислен-

нымъ стадамъ скота и лошадей, тогда какъ на всей остальной плоскости произрастаютъ кукуруза и отличный табакъ, а на скатахъ горъ виноградъ.

Къ западу отъ Венгріи находятся: принадлежащая вмѣстѣ съ нею къ Австріи Трансильванія и находящіяся подъ покровительствомъ Турціи Молдавія и Валахія.—Всѣ три земли большею частью населены племенемъ романскимъ, которое родственно жителямъ Италіи.

Такимъ образомъ мы снова достигли русской границы и обозрѣли всю Европу, о которой мнѣ впрочемъ остается сказать еще многое. Если вамъ любопытно ближе ознакомиться со страною, въ которой мы живемъ, то я разскажу еще нѣсколько о ея горахъ и рѣкахъ, растеніяхъ и звѣряхъ. Но для сегоднешняго вечера довольно. Разсмотрите завтра утромъ карту и постарайтесь запомнить имена и положеніе разныхъ земель. Этого легче всего достигнуть, выбирая государства и, не смотря на карту, стараясь перечислить ихъ границы. Завтра я буду васъ спрашивать и увижу, со вниманіемъ ли вы меня слушали.

ГЛАВА VI.

ГОРЫ ЕВРОПЫ.

На слѣдующій день было воскресенье. Прекрасная осенняя погода вызвала многихъ за городъ, и отецъ Ѳеди и Маши условился съ матерью совершить подобную же прогулку.

Какъ великолѣпно свѣтило солнце, какъ чистъ и ясенъ, какъ свѣжъ и живителенъ былъ воздухъ, надушенный сосѣдствомъ темныхъ еловыхъ лѣсовъ. Дѣйствительно, въ природѣ нѣтъ ничего прекраснѣе свѣжаго, пахучаго осенняго дня, когда начинаютъ разцвѣчиваться листья, птички вылетаютъ со своими птенцами, а на скошенномъ лугу рѣзвится крѣпкій, молодой скотъ.

Правда, тогда ужъ близка и зима, суровая, злая гостья, съ непріятными снѣжными мятелями и жестокими морозами. Но прекрасный день заставляетъ насъ забыть о морозахъ, и мы наслаждаемся окружающей насъ природой; и какъ пріятно идти въ прохладный, свѣжій осенній день!

Дѣти были совершенно счастливы, что отецъ снова пошелъ съ ними гулять. До того времени нѣсколько недѣль стояла скверная, сырая погода. Теперь Ѳедя и Маша весело прыгали по тропинкѣ, ведшей черезъ лугъ къ ближайшимъ горамъ.

Вправо отъ дороги паслось большое стадо скота; телята играли, упирались другъ въ друга лбами, стояли нѣкоторое время, какъ бы въ размышленіи, и потомъ старались отодвинуть другъ друга и такимъ образомъ побѣдить; старыя же коровы стояли спокойно и только по временамъ потряхивали головой, какъ будто удивляясь шаловливости телятъ.

Влѣво пастухъ гналъ большое стадо овецъ; маленькіе барашки блеяли, часто становились на заднія ножки, — казалось, танцовали съ радости; а сзади шла большая черная мохнатая собака и наблюдала за порядкомъ. Правда, она имъ ничего не дѣлала, но лишь только барашекъ останавливался или сворачивалъ въ сторону, собака тотчасъ къ нему оборачивалась, и начинала лаять; бѣглецъ понималъ, въ чемъ дѣло, и возвращался на свое мѣсто.

Семейство наше достигло наконецъ подножія горы и стало подниматься вверхъ, къ извѣстнымъ намъ скамейкѣ и источнику. Тамъ всѣ немного отдохнули. Наконецъ отецъ зказалъ:

— Ну, дѣти, если вы не очень устали, то мы можемъ подняться сегодня повыше.

— Какъ выше? воскликнулъ Ѳедя; я думалъ, что мы на самомъ высокомъ мѣстѣ этой горы.

— Вѣроятно потому, что ты можешь смотрѣть въ три стороны внизъ, отвѣтилъ, улыбаясь отецъ.—Нѣтъ, дитя мое, этотъ пригорокъ только вѣтвь бо̀льшей горы, и если мы будемъ идти по скату, очень отлогому, на которомъ стоимъ, то ты увидишь, что вотъ тамъ онъ поворачиваетъ влѣво и сливается съ высокимъ горнымъ хребтомъ, на которомъ виднѣется вдали темный еловый лѣсъ.

— Слѣдовательно, вонъ та гора, на которой столько садовъ, составляетъ тоже вѣтвь большой горы? спросилъ Ѳедя.

— Да, другъ мой, и всѣ подобныя развѣтвленія принадлежатъ къ одному длинному хребту горъ и могутъ быть расположены по обѣ его стороны. — Если хребетъ такой тянется отъ востока къ западу, то всѣ развѣтвленія его съ одной стороны направляются къ югу, съ другой къ сѣверу. Пройдемся еще немного по этой отлогости, хотя до главнаго хребта мы все-таки не дойдемъ; вы всѣ слишкомъ бы устали.

Семейство наше стало медленно подвигаться въ гору, почти наудачу, потому что далѣе дороги не было проложено и нужно было искать въ лѣсу, на мшистомъ коврѣ, удобнѣйшей тропинки. Но Ѳедя и Маша были очень довольны: здѣсь росла во множествѣ ежевика, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже малина и черника; часть этихъ ягодъ они съѣдали сами, часть же, именно лучшіе пучки, приносили родителямъ, находя въ этомъ большое удовольствіе.

Наконецъ они достигли мѣста, гдѣ въ прежнее время былъ вырубленъ лѣсъ, а новый еще не выросъ. Гребень холма съуживался здѣсь до такой степени, что направо и налѣво былъ совершенно открытъ видъ на долину.

Тамъ, между обросшими мягкимъ мохомъ камнями, журчали ручьи; одни изъ нихъ сбѣгали по горѣ въ одну сторону, другіе въ противоположную. Отецъ съ матерью выбрали сухое мѣсто, сѣли и позвали къ себѣ дѣтей.

— Замѣчаете ли вы, сказалъ отецъ, — что одинъ источникъ течетъ внизъ направо, другой налѣво?

— Да, папа, воскликнулъ Ѳедя, — и вѣроятно далеко, далеко внизу они впадаютъ въ какія-нибудь рѣки?

— Дѣйствительно такъ, дитя мое; — ты видишь здѣсь,

въ маломъ, картину всѣхъ горъ и водъ земнаго шара; постараюсь вамъ это объяснить.

— Я вамъ уже прежде говорилъ, что отъ каждаго кряжа горъ бѣгутъ въ сторону отроги; но главный хребетъ идетъ, съ промежутками или непрерывно, по прямой или ломанной или кривой линіи и называется главнымъ кряжемъ. Оба ручья, которые стекаютъ здѣсь направо и налѣво въ долину, могутъ внизу соединиться, потому что они текутъ лишь съ горной отрасли, которая тянется не далеко. Иное происходитъ съ тѣми источниками, которые текутъ съ главнаго кряжа; онъ тянется такъ далеко, что ручьи, прежде чѣмъ обогнуть его, должны впасть въ другіе; притомъ же кряжъ такъ высокъ, что стекающія съ его склоновъ въ противоположныхъ направленіяхъ рѣки слишкомъ отъ него удаляются, чтобы могли встрѣтиться. Потому-то воды, стекающія напр. съ сѣвернаго склона, направляются на сѣверъ; тѣ же, которыя сбѣгаютъ съ южнаго, текутъ къ югу; очень часто противоположныя рѣки впадаютъ въ два совершенно различныя моря. Поэтому главный кряжъ называется еще водораздѣляющимъ, такъ какъ онъ раздѣляетъ воды, направляющіяся отъ него въ различныя стороны.

Самый замѣтный изъ такихъ горныхъ хребтовъ, на всемъ земномъ шарѣ, есть тотъ, который тянется черезъ всю Америку, отъ Ледовитаго моря на сѣверѣ, до самой южной оконечности материка, и даже высокимъ кряжемъ вдается въ море. Всѣ источники, которые вытекаютъ на восточномъ его склонѣ, впадаютъ въ Атлантическій океанъ; тѣ же, которые текутъ по западному склону, впадаютъ въ Тихій океанъ.

Подобный кряжъ, только, разумѣется, не столь длинный и высокій — въ американскомъ хребтѣ, есть вершины, достигающія 25,000 футовъ вышины, — вы найдете и въ Европѣ, напримѣръ между Швеціей и

Норвегіей. Вотъ, взгляните на карту. Вообще, гдѣ горы составляютъ границу какой-либо страны, тамъ границею считается водораздѣляющая черта. Такъ проводится по Пиренейскимъ горамъ граница между Испаніей и Франціей, а по главному ***Скандинавскому*** хребту граница между Швеціей и Норвегіей. Всѣ воды, текущія по его восточному склону, впадаютъ въ Ботническій заливъ, лежащій между Швеціей и Россіей и составляющій часть Балтійскаго моря, или въ самое это море; всѣ же воды, текущія по западному склону Скандинавскихъ горъ, впадаютъ въ Сѣверное или Нѣмецкое море, Атлантическій и Ледовитый океаны. Что касается Швеціи и Норвегіи, вамъ нечего запоминать другихъ, находящихся въ нихъ горъ, кромѣ главнаго хребта; всѣ остальныя составляютъ его отрасли, хотя и носятъ различныя названія.

Въ европейской Россіи есть два могучихъ хребта: одинъ на востокѣ — ***Уральскій*** хребетъ, отдѣляющій Европу отъ Азіи и изобилующій на восточномъ склонѣ благородными, а на западномъ другими металлами. Второй хребетъ тянется на югѣ — ***Кавказскій***.

— Что такое благородные металлы? спросила Маша.

— Подъ названіемъ ***благородныхъ*** металловъ, дитя мое, разумѣются нержавѣющія, золото и серебро. Въ Уральскихъ горахъ есть еще одинъ благородный металлъ, который прежде цѣнился наравнѣ съ золотомъ, теперь же немного упалъ въ цѣнѣ. Это платина, цвѣтомъ подобная серебру, но по тяжести и другимъ свойствамъ сходная съ золотомъ. Неблагородными металлами называютъ свинецъ, желѣзо, мѣдь, олово и много другихъ.

О Кавказѣ, Ѳедя, ты уже слышалъ: въ этой странѣ живутъ черкесы, которые сражаются съ рус-

скими: край этотъ примыкаетъ къ Россіи съ юга. Кавказскій хребетъ тянется отъ сѣверо-запада на юго-востокъ, между Каспійскимъ и Чернымъ морями.

Единственныя горы, находящіяся среди европейской Россіи, не служащія ей границей, лежатъ въ южной части Крымскаго или Таврическаго полуострова, въ Черномъ морѣ; онѣ называются *Крымскими* и не высоки: высшій пунктъ ихъ достигаетъ всего 4,700 футовъ.

Европейская Турція имѣетъ также ей собственно принадлежащія горы, прорѣзающія всю страну отъ запада къ востоку и называемыя *Балканскими* горами.

Сѣвернѣе ихъ лежатъ горы, которыхъ собственно цѣпью горъ назвать нельзя, потому что онѣ не представляютъ непрерывнаго кряжа и во многихъ мѣстахъ прорѣзаны долинами. Это *Карпатскія* горы; онѣ отдѣляютъ Молдавію и Валахію отъ Трансильваніи, далѣе Галицію отъ Венгріи. Отъ Карпатъ тянутся на западъ горы, отроги которыхъ возвышаютъ всю среднюю Германію и извѣстны подъ различными названіями; рѣки, стекающія съ нихъ на сѣверъ, впадаютъ въ Сѣверное и Балтійское моря; немногія же, текущія на югъ, вливаются въ Дунай, а съ нимъ вмѣстѣ въ Черное море. Съ противоположной, южной стороны впадаютъ въ Дунай рѣки, сбѣгающія съ Альпъ, которыя, безспорно, самыя замѣчательныя горы въ Европѣ, потому что вершины ихъ достигаютъ почти 15,000 футовъ вышины.

— Это очень высоко? спросила Маша.

— Да, дитя мое, это такъ высоко, что я не знаю, какъ тебѣ дать и понятіе о такой высотѣ.

— На какой высотѣ сидимъ мы здѣсь? спросилъ

Ѳедя, полагая, что находится очень высоко. — Сколько тысячъ футовъ мы сидимъ выше моря?

— Сколько тысячъ? повторилъ, смѣясь, отецъ; — другъ мой, тебѣ пришлось бы подняться еще на столько же, чтобы достигнуть одной тысячи футовъ, потому что пригорокъ, на которомъ мы находимся, возвышается только на 500 футовъ надъ поверхностью моря. Слѣдовательно, гора Монбланъ, высочайшая вершина Альпъ, имѣющая 15,000 футовъ вышины, ровно въ 30 разъ выше этого пригорка.

— Что за страшная вышина! воскликнула Маша.

— Не забывайте, что на свѣтѣ есть горы почти вдвое выше, чѣмъ Монбланъ. Самая высокая гора въ цѣломъ мірѣ, Кичинъ-Юнга, лежитъ въ Азіи и подымается на 28,000 футовъ.

На Альпахъ мы встрѣчаемъ ледники.

— Ледники? съ удивленіемъ спросила Маша.

— Да, дитя мое, продолжалъ отецъ; — это покрывающая высокія горы ледяная кора, никогда не тающая и часто очень толстая. Горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, находятся почти во всѣхъ частяхъ свѣта, исключая развѣ Австраліи, гдѣ земля не возвышается за снѣговую линію. Ледники же встрѣчаются почти исключительно въ Альпахъ. Можете себѣ представить, какой великолѣпный видъ представляетъ эта ледяная кора при восходѣ и закатѣ солнца.

Альпы тянутся дугою отъ самой Турціи, между Германіей и Италіей, черезъ всю Швейцарію, до предѣловъ Франціи, гдѣ спускаются къ Средиземному морю.

По Италіи тянется также цѣпь горъ. Ее, какъ и Скандинавскія, возвышающіяся между Швеціей и Норвегіей, можно назвать позвоночнымъ столбомъ страны;

это *Апеннины.* Этотъ хребетъ находится въ связи съ достигающимъ моря концомъ Альпъ, простирается черезъ всю Италію, по направленію къ югу, гдѣ — какъ я вамъ уже говорилъ — поворачиваетъ къ острову Сициліи и прерывается только узкимъ проливомъ.

Франція, въ сѣверной и западной своей части, почти плоска; на сѣверо-востокѣ встрѣчаемъ, вопервыхъ, ***Вогезы***, которыя тянутся по лѣвому берегу Рейна и заходятъ за границу Франціи; далѣе, границу Швейцаріи составляетъ ***Юра***, и, наконецъ, среди Франціи тянутся могучія ***Севеннскія*** горы, отъ сѣвера къ югу, гдѣ соединяются съ Пиренеями, отдѣляющими Францію отъ Испаніи. Между Севеннами и Альпами находится долина, по которой протекаетъ рѣка Рона, впадающая въ Средиземное море.

Испанія тоже очень гористая страна. Отрасли отдѣляющихъ ее отъ Франціи Пиренеевъ окаймляютъ берегъ Испаніи до самой сѣверо-западной его оконечности. Горы эти, удаляясь отъ французской границы, теряютъ названіе Пиренеевъ и именуются ***Астурійскими*** горами.

Испанію прорѣзаютъ еще четыре горныя цѣпи, по-испански ***сіерра***, всѣ по направленію отъ востока къ западу.

Ближайшія къ Астурійскимъ — ***Кастильскія*** горы; за ними слѣдуютъ ***Толедскія***, потомъ ***Андалузскія*** и наконецъ ***Сіерра-Невада*** или ***Снѣжныя*** горы, съ вершинами, достигающими 11,000 футовъ.

Изъ европейскихъ гористыхъ странъ намъ остается упомянуть еще о Шотландіи и о горахъ, отдѣляющихъ ее отъ Англіи. Впрочемъ, тамошнія горы не превышаютъ 4,000 футовъ. Находящіяся въ Ирландіи еще ниже.

— Ты обѣщалъ намъ, папа, разсказать объ огнедышащихъ горахъ, сказала Маша.

— Я именно намѣренъ теперь это сдѣлать, тѣмъ болѣе, что мы къ нимъ приблизились.

— Какъ такъ? спросилъ Ѳедя.

— Да, другъ мой. Самая замѣчательная огнедышащая гора находится на островѣ Исландіи, до которой отъ сѣверныхъ береговъ Шотландіи очень недалеко. Для этого намъ нужно однако сѣсть на корабль и ѣхать въ сѣверо-западномъ направленіи, пока мы наконецъ не достигнемъ холоднаго и весьма замѣчательнаго острова.

Исландія лежитъ между Европой и Америкой, ближе къ американскому материку. Весь островъ покрываютъ горы, скалы и вулканическія изверженія, то есть расплавленные огнемъ земля, камни и металлы; высочайшій пунктъ его достигаетъ 5,500 футовъ надъ поверхностью моря.

Здѣсь возвышается одна изъ нашихъ огнедышащихъ горъ, — я говорю нашихъ, потому что Исландія причисляется къ Европѣ и принадлежитъ Даніи. Эта огнедышащая гора называется *Геклой*. Прежде, однако, я долженъ вамъ объяснить, что это за горы.

Иногда часть земной поверхности колеблется. Бываютъ толчки столь сильные, что земная кора трескается и отъ этихъ сотрясеній разваливаются самыя крѣпкія строенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчаютъ медленное пониженіе и возвышеніе земной поверхности. Все это показываетъ, что земля не есть тѣло совершенно окрѣпшее. Кромѣ того, испытано, что чѣмъ больше мы опускаемся внутрь земли, тѣмъ высшую находимъ температуру, то есть, тѣмъ въ землѣ становится теплѣе. Наконецъ, изъ земли вырываются въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ расплавленные камни и металлы и кипящіе ключи. Все это доказываетъ намъ, что внутри земля находится въ расплавленномъ состояніи. Сверху она покрыта остывшей корой, но какъ толста эта кора, мы навѣрное знать не можемъ. Я говорилъ вамъ, что отъ одного бока земли до противоположнаго 1,800 миль, слѣдовательно до середины ея 900 миль. Люди опускались внутрь земли немного болѣе, чѣмъ на 1,000 футовъ, тогда какъ уже одна миля содержитъ 24½ тысячи футовъ. Поэтому намъ извѣстенъ только весьма тонкій верхній слой земли; о томъ же, что происходитъ ниже его, мы можемъ только догадываться.

Судя по тому, что мы видимъ, то есть, судя по огню, который иногда извергается, и по землетрясеніямъ, внутри земли долженъ быть сильнѣйшій жаръ, и огнедышащія горы ничто иное, какъ отдушины, которыя проложилъ себѣ внутренній огонь, для выбрасыванія накопившихся паровъ.

Вулканы разсѣяны по всей землѣ, и нѣкоторые изъ нихъ лежатъ въ отдаленныхъ океанахъ, на уединенныхъ островахъ. Огонь выбрасываетъ растопленныя части земли или лаву, раскаленные камни и горячій пепелъ, часто на разстояніе цѣлыхъ миль.

Въ Исландіи есть нѣсколько такихъ вулкановъ. Наибольшій изъ нихъ Гекла. Но на этомъ островѣ есть и вулканы, извергающіе горячую воду, такъ называемые гейзеры. Вѣроятно, въ вулканъ течетъ морская вода, и онъ выбрасываетъ ее кипящею. Вода поднимается иногда взрывами, на сто футовъ, но обыкновенно очень невысоко и спокойно стекаетъ. Огнедышащая гора Гекла и извергающій кипятокъ Гейзеръ замѣчательнѣйшія явленія на Исландіи и заставляютъ предполагать, что

островъ этотъ поднятъ внутреннимъ огнемъ земли, который дѣйствуетъ и по настоящее время.

Въ Европѣ есть еще два сильныхъ вулкана, оба въ Италіи: одинъ на материкѣ, другой на островѣ Сициліи. Первый называется *Везувіемъ*, второй *Этной*. Оба и въ наше время извергали пламя и производили землетрясенія. Въ древнія времена Везувій засыпалъ дождемъ горячаго пепла, продолжавшимся восемь дней и восемь ночей, два цѣлые города, Геркуланумъ и Помпею. Столь сильнаго изверженія съ тѣхъ поръ не было. Геркуланумъ былъ засыпанъ пепломъ и залитъ лавою на восемьдесятъ футовъ, а Помпея только на двадцать. Прошло много сотенъ лѣтъ, прежде чѣмъ подумали отрыть эти города, прежде чѣмъ ихъ даже нашли. Вы понимаете, что и вся окрестная страна была также засыпана пепломъ и залита лавой. Пепелъ ссѣлся, верхній слой лавы мало по малу испорошился; образовался пластъ земли и поросъ травой; на этомъ мѣстѣ поселились иные люди, и надъ прежними городами были построены новыя жилища.

Какая страшная сила дѣйствуетъ внутри земли, вы можете видѣть изъ того, на какомъ огромномъ пространствѣ бываетъ ощутительно землетрясеніе, почти въ одинъ и тотъ же часъ. Такъ, землетрясеніе, происшедшее 24 года тому назадъ въ Чили, въ Южной Америкѣ, было замѣчено въ одно и то же время на всемъ пространствѣ, заключающемся между 27-мъ и 40-мъ градусомъ южной широты, то есть на разстояніи 195 миль.

Самое страшное землетрясеніе, бывшее въ Европѣ, происходило въ Португаліи, 100 лѣтъ тому назадъ. Оно разрушило половину столицы государства, Лиссабона, и ощущалось въ Англіи, Шотландіи, Норвегіи,

Голландіи и Германіи. Во всѣхъ этихъ землетрясеніяхъ одно мѣсто бываетъ всегда какъ будто центромъ, на которомъ сосредоточивается вся подземная сила, и бѣда находящемуся на этомъ мѣстѣ поселенію.

Однако, дѣти, уже поздно; осенью не то, что лѣтомъ: вечера холодны, и намъ пора возвращаться домой.

ГЛАВА VII.

РѢКИ И ГОРОДА.

Слѣдующій день былъ не такъ хорошъ, какъ предъидущій. Осень ознаменовала себя туманомъ и холодомъ; притомъ у дѣтей было слишкомъ много занятій по школѣ, чтобы думать о продолжительной прогулкѣ. Однако Ѳедя непремѣнно желалъ знать, куда текли всѣ ручьи, которые онъ видѣлъ вокругъ города: направлялись ли они къ Сѣверному или Средиземному морямъ, или не былъ ли горный отрогъ, за которомъ они отдыхали, водораздѣляющимъ.

Поэтому, какъ только отецъ воротился вечеромъ домой, Ѳедя присталъ къ нему съ разспросами о рѣкахъ Европы. — Нѣтъ, дитя мое, наши горы не водораздѣляющія, хотя ими могутъ быть и не очень высокія. Напримѣръ внутри Россіи вовсе нѣтъ высокихъ горъ; однако малое возвышеніе страны недалеко отъ западной границы заставляетъ однѣ рѣки течь въ Балтійское море, а другія въ Черное и Каспійское.

— Впрочемъ, Европа, сказалъ отецъ, — слишкомъ мала, чтобы имѣть значительной величины рѣки, такъ какъ для этого нужны нетолько очень высокія горы съ многочисленными источниками, но и большое пространство для принятія другихъ рѣкъ.

Волга, въ Россіи, самая большая изъ всѣхъ европейскихъ рѣкъ. Она вытекаетъ въ сѣверной части Россіи, а впадаетъ въ Каспійское море на югѣ, пробѣжавъ такимъ образомъ почти все государство. Ширина ея близъ устья равняется 2,000 футовъ. На сѣверѣ она соединена, посредствомъ каналовъ, съ ***Невой***, на которой стоитъ столица государства, Петербургъ, и которая впадаетъ въ Финскій заливъ, такъ что отъ Балтійскаго моря до Каспійскаго, черезъ всю имперію, проложенъ водяной путь.

Нева рѣка небольшая; она вытекаетъ не изъ горъ, а изъ Ладожскаго озера, и соединяетъ его такимъ образомъ съ Балтійскимъ моремъ.

Въ Россіи, кромѣ того, еще много рѣкъ; самыя замѣчательныя послѣ Волги: ***Донъ***, отъ котораго получили названіе живущіе по его берегамъ донскіе казаки. Онъ вытекаетъ равнымъ образомъ изъ озера и впадаетъ въ Азовское море, лежащее къ сѣверу отъ Чернаго. Далѣе ***Днѣпръ***, впадающій въ это послѣднее.

Послѣ Волги, самая большая рѣка въ Европѣ ***Дунай***. Онъ вытекаетъ изъ юго-западной Германіи, течетъ вдоль Альпъ, принимаетъ въ себя почти всѣ рѣки сѣвернаго ихъ склона, прорѣзываетъ Венгрію, поворачиваетъ вдругъ къ югу, орошаетъ сѣверныя провинціи Турціи и впадаетъ въ Черное море.

Изъ рѣкъ Германіи назовемъ еще ***Рейнъ***, замѣчательный по судоходству, и по красотѣ береговъ, покрытыхъ виноградниками; онъ вытекаетъ изъ швейцарскихъ Альпъ, орошаетъ самыя плодородныя земли, протекаетъ черезъ прелестное Боденское озеро и, коснувшись Франціи, прорѣзываетъ Голландію и впадаетъ въ Сѣверное море. Разумѣется, по пути онъ принимаетъ въ себя много побочныхъ рѣкъ.

Я уже сказалъ вамъ, что горы средней Германіи составляютъ водораздѣлительную возвышенность; рѣки,

стекающія съ ея южнаго склона, впадаютъ въ Дунай, скопляющіяся же на сѣверномъ склонѣ — въ сѣверныя моря. Такимъ образомъ три рѣки, Одеръ, Эльба, Везеръ, текутъ почти въ одномъ направленіи съ орошающею Польшу Вислою и Рейномъ.

Въ Швейцаріи, разумѣется, мы находимъ только незначительные горные потоки, которые весной, съ таяніемъ снѣговъ, переполняются, а осенью бываютъ очень скудны.

Изъ рѣкъ Франціи, о Ронѣ, текущей между Севеннскими горами и Альпами и впадающей въ Средиземное море, мы уже говорили. На картѣ вы замѣтите еще Сену, текущую въ каналъ Ламаншъ, и Лоару, впадающую въ Бискайскій заливъ.

Многочисленныя горы Испаніи даютъ много источниковъ и потоковъ, которые всѣ стекаются въ четыре довольно значительныя рѣки, орошающія долины между разными сіерра.

Въ Италіи замѣтьте одну рѣку: *По.* Такъ какъ Апеннинскія горы проходятъ по странѣ и безъ того довольно узкой, то сбѣгающіе съ нихъ къ востоку и западу потоки тотчасъ изливаютъ воды свои въ море и, разумѣется, не могутъ образовать замѣчательныхъ рѣкъ. *По* гораздо больше остальныхъ: вытекаетъ изъ Альпъ, принимаетъ въ себя нѣсколько рѣчекъ, орошаетъ сѣверную Италію, подвигаясь то въ восточномъ, то въ южномъ направленіи, и впадаетъ въ Адріатическое море.

Въ Швеціи и Норвегіи, а равно и въ Даніи, не можетъ быть большихъ рѣкъ по той же причинѣ.

Въ Англіи обратите вниманіе на одну *Темзу*, которая становится значительною лишь при устьи. Она скопляется изъ нѣсколькихъ рѣчекъ и судоходна. У Лондона, столицы Англіи, еще въ десяти миляхъ отъ устья, по Темзѣ плаваютъ самые большіе корабли и пристаютъ къ берегу для нагрузки и выгрузки товаровъ.

Въ Турціи, кромѣ Дуная, нѣтъ замѣчательныхъ рѣкъ; въ маленькой Греціи онѣ не могутъ и образоваться.

Рѣки важны для насъ не сами по себѣ, а по вліянію на орошаемыя ими страны. Разсмотрите карту и скажите, не похожи ли рѣки на жилы, которыя расходятся во всѣ стороны. И это дѣйствительно жилы большаго тѣла — *земли*, которому онѣ даютъ жизнь. Какъ тѣло не можетъ быть безъ кровеносныхъ жилъ, такъ точно и земля не можетъ быть безъ ручьевъ и прудовъ, и гдѣ ихъ нѣтъ, — какъ въ нѣкоторыхъ африканскихъ пустыняхъ, — тамъ земля представляетъ песчаную, неплодородную степь, на которой не можетъ жить никакое существо и ни одно растеніе, ни даже простой мохъ.

Хорошо орошаемая страна, если только рѣки не образуютъ болотъ и топей, бываетъ обыкновенно плодородна и богата; избытокъ воды можетъ быть спущенъ каналами, какъ это мы видимъ въ Голландіи и Бельгіи.

Вода необходима для существованія людей, звѣрей и растеній. Гдѣ нѣтъ воды, не растутъ ни травы, ни кусты, ни деревья; гдѣ нѣтъ растеній, не могутъ жить ни травоядныя, ни другія животныя, а слѣдовательно и человѣкъ.

Въ древнія времена люди не знали поселеній. Они не обрабатывали полей и вели кочевую жизнь, кормясь охотой. Приручивъ нѣсколько животныхъ, они нашли возможность не подвергаться трудностямъ невѣрной охоты, а жить отъ стадъ, переходя, для отъисканія имъ корма съ мѣста на мѣсто, какъ это дѣлаютъ еще и теперь киргизы въ юго-восточной части Россіи, по Уралу. Увеличеніе населенія, въ особенности размноженіе стадъ, которыя не находили уже для себя въ одной мѣстности достаточно корму, заставляло нѣкото-

рыя племена переселяться даже въ другія страны. Разумѣется, племена эти выбирали такія мѣстности, гдѣ стада находили и воду.

Такимъ образомъ прежде всего заселились долины. Между тѣмъ люди научились разводить питательныя растенія, стали заниматься земледѣліемъ, а такъ какъ обработка новины, то есть новаго поля, представляетъ огромный трудъ, то они мало по малу отказались отъ кочеванія и сдѣлались осѣдлыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ люди выучились пользоваться рѣками — перевозить на нихъ свои произведенія. Это еще болѣе утвердило осѣдлость на берегахъ рѣкъ, и поселенія незамѣтно преобразовались въ *деревни* и *города*. Древніе города лежатъ большею частью по берегамъ рѣкъ. На Рейнѣ, напр., городъ почти соприкасается съ городомъ.

Съ заселеніемъ долинъ пастухи и охотники удалялись въ горы. Сила воды была изучаема болѣе и болѣе; на незначительныхъ горныхъ потокахъ строили мельницы, чтобы молоть хлѣбъ; пользовались наклоннымъ паденіемъ воды и для другихъ потребностей. По мѣрѣ истребленія дичи, охотники вынуждались искать другаго занятія; точно такъ же, съ бо́льшимъ заселеніемъ странъ, уменьшалось число свободныхъ пастбищъ, а слѣдовательно и возможность жить отъ стадъ. Кочевая жизнь мало по малу переходитъ въ осѣдлую, такъ что въ настоящее время мы уже находимъ весьма немного кочевыхъ народовъ. Люди живутъ или земледѣліемъ, или ремеслами, мѣняясь другъ съ другомъ своими произведеніями. И то, и другое занятіе требуетъ осѣдлости. Только рыбная ловля по берегамъ морей допускаетъ въ нѣкоторой степени жизнь кочевую; но она не даритъ человѣка тѣми удобствами жизни, какія онъ находитъ въ другихъ занятіяхъ.

Со временемъ населеніе земли стало такъ густо, что люди образовывали отдѣльныя общества, которыя защищали свои выгоды совокупными силами. Конечно, отдѣльность такихъ обществъ всего рѣзче выставляется въ замкнутыхъ природою странахъ. Примѣръ этого мы находимъ въ Англіи и Ирландіи, на ограниченномъ Пиренеями Иберійскомъ полуостровѣ, на Скандинавскомъ, въ Даніи, Италіи, Греціи. Понятно, что заселявшія ихъ племена, будучи одного происхожденія, говорили и однимъ языкомъ; но въ большей части странъ онъ былъ измѣненъ вторгшимися завоевателями.

Такъ образовались разныя государства. Неумѣніе примирять выгоды одной части населенія съ выгодами другой, а иногда и просто сила подчинили большую часть народовъ государямъ, которые носятъ различные титулы: императоровъ, королей и т. п. Городъ, служащій мѣстопребываніемъ главному управленію страны, называется столицей.

Столица Россіи *С. Петербургъ.* Городъ этотъ лежитъ на Невѣ, при самомъ устьи ея въ Финскій заливъ, подъ 60-мъ градусомъ сѣверной широты и 48 западной долготы. Отъищи мнѣ его, Ѳедя, на картѣ.

Ѳедя тотчасъ это исполнилъ, и отецъ продолжалъ:

— Въ прежнее время столицею Россіи была ***Москва***, лежащая въ самой серединѣ государства; городъ этотъ обозначенъ и на нашей картѣ.

Швеція и Норвегія составляютъ королевство, то есть ими управляетъ король. Онъ живетъ въ ***Стокгольмѣ;*** но кромѣ общаго короля, каждая изъ этихъ странъ имѣетъ особое управленіе. Стокгольмъ лежитъ почти подъ тѣмъ же градусомъ широты, какъ и Петербургъ, только немного южнѣе, на восточномъ берегу Швеціи.

Ѳедя отъискалъ и этотъ городъ.

Данія тоже королевство; главный его городъ, ***Копенгагенъ***, выстроенъ на островѣ Зеландіи, противъ западныхъ береговъ Швеціи.

Англія, или лучше, Великобританнія, состоящая изъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, — королевство, въ которомъ теперь царствуетъ ***королева***. Столица Великобританніи, ***Лондонъ***, лежитъ на Темзѣ, въ юговосточномъ углу страны; это величайшій городъ въ Европѣ, заключающій въ себѣ около 2½ милліоновъ жителей, тогда какъ въ Петербургѣ не многимъ болѣе полумилліона *)

Голландія и Бельгія имѣютъ каждая своего короля. Главный городъ Голландіи — ***Амстердамъ***, при заливѣ Зюйдеръ-Зе; столица Бельгіи — ***Брюссель***, лежитъ въ самой срединѣ страны.

Франція имперія, и столица ея ***Парижъ***. Онъ стоитъ на Сенѣ, важнѣйшей рѣкѣ Франціи, впадающей въ каналъ Ламаншъ. Вы легко найдете этотъ городъ на картѣ.

Испанія — королевство, въ которомъ, какъ и въ Англіи, царствуетъ королева. Главный городъ и резиденція, то есть мѣстопребываніе королевы, — ***Мадридъ***, лежитъ въ серединѣ страны. Онъ представляетъ ту особенность, что стоитъ на очень небольшой рѣкѣ, тогда какъ остальныя столицы находятся или на большихъ рѣкахъ, или на берегу моря.

Въ Португаліи господствуетъ король; главный городъ этой страны ***Лиссабонъ***, тотъ самый, который, сто лѣтъ тому назадъ, потерпѣлъ страшнѣйшее землетрясеніе. Онъ лежитъ на берегу Атлантическаго океана.

Греція тоже королевство, съ главнымъ городомъ ***Аѳинами***. Турціею управляетъ императоръ или ***султанъ***,

---

*) Милліономъ называется тысяча тысячъ.

живущій въ *Константинополь*, который стоитъ на узкомъ проливѣ, Босфорѣ, соединяющемъ Мраморное море съ Чернымъ.

Швейцарія республика; въ ней нѣтъ ни короля, ни императора; народъ избираетъ изъ среды своей людей, которые имъ управляютъ, то есть, наблюдаютъ за исполненіемъ законовъ, установляемыхъ также выборными людьми.

Въ серединѣ Италіи лежитъ ***Римъ.*** Городъ этотъ, съ окружностью, носитъ названіе ***Церковной области***, потому что надъ нею господствуетъ папа, глава католической церкви, то есть, верховный судья въ католической религіи.

Сѣверовосточная часть Апеннинскаго полуострова, Венеціанская область, принадлежитъ Австріи. Кромѣ этихъ двухъ областей, вся Италія, съ островами Сардиніей и Сициліей, образуетъ одно королевство, столица котораго Туринъ, на рѣкѣ По. Со временемъ, вѣроятно, Церковная и Венеціанская области войдутъ въ составъ Итальянскаго королевства, и столицею его будетъ Римъ.

Германія состоитъ изъ большаго числа отдѣльныхъ государствъ. Важнѣйшія изъ нихъ: имперія Австрія и королевство Пруссія.

Въ составъ Австріи входитъ большая часть восточныхъ и юговосточныхъ германскихъ земель: Венгрія, Галиція, Трансильванія, Кроація, Славонія, Далмація, а также, какъ вы помните, Венеціанская область, называемая и королевствомъ.

Столица Австріи—***Вѣна***, Пруссіи—***Берлинъ.*** Вотъ и вся Европа.

Чтобы лучше утвердить въ вашей памяти очертаніе и раздѣленіе Европы, а равно и направленіе рѣкъ

и горъ, я вамъ нарисую завтра такую карту Европы, на которой будутъ начерчены моря, рѣки, горы и города, но не будетъ надписей. Названія вы надпишете сами, по моимъ разсказамъ. Вы можете помогать другъ другу: что забылъ одинъ, то вспомнитъ другой. Но при этомъ не смотрите на эту печатанную карту; выставьте названія на память. Ошибки мы послѣ вмѣстѣ исправимъ.

ГЛАВА VIII.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ЕВРОПЫ.

На слѣдующій день отецъ нарисовалъ дѣтямъ обѣщанную карту; Ѳедя и Маша тотчасъ же принялись за дѣло и начали вписывать названія. Сначала они назвали важнѣйшія цѣпи горъ, Уральскій хребетъ, Скандинавскія горы, Альпы, Пиренеи, Апеннины, Балканъ, Кавказскія горы, наконецъ горы Испаніи, Франціи и Германіи. То, чего дѣти не могли вспомнить, отецъ имъ повторилъ.

Затѣмъ дѣти стали чертить рѣки: сперва Волгу и Дунай, какъ самыя большія, потомъ Донъ, Днѣпръ, Вислу, Рейнъ, Везеръ, Эльбу, Одеръ, Рону, Сену, Луару, Темзу и короткую, но широкую Неву. При этомъ отецъ также напоминалъ и названія, и теченіе рѣкъ.

Названія столицъ Маша запомнила хорошо. Названія морей, напротивъ, лучше удержались въ памяти Ѳеди. Съ заливами дѣло пошло труднѣе, и дѣти опять принуждены были прибѣгнуть къ помощи отца.

Когда карта была начерчена и названія надписаны, отецъ продолжалъ свой разсказъ.

— Теперь, дѣти, вы имѣете уже нѣкоторое понятіе о наружномъ видѣ Европы; вы замѣчали также, какіе у насъ растутъ травы, кусты и деревья, что на поляхъ стоятъ рожь, пшеница, ячмень, овесъ и прочее.

На свѣтѣ есть однако границы не только государствъ; и растенія, то есть каждая травка, кустъ или дерево имѣютъ свою полосу, въ которой могутъ произрастать въ дикомъ состояніи или по крайней мѣрѣ безъ особеннаго ухода.

Въ нашихъ оранжереяхъ или теплицахъ есть растенія, которыя мы находимъ обыкновенно только между поворотными кругами; но они могутъ держаться у насъ только при помощи *искусственной теплоты* и пропали бы въ первую холодную ночь, еслибъ ихъ посадили въ саду, подъ открытымъ небомъ. Слѣдовательно, и для растеній существуютъ границы, за которыми они не могутъ прозябать на открытомъ воздухѣ. Точно такъ же растенія нашей умѣренной полосы неминуемо засохли бы въ жаркой странѣ, подъ поворотными кругами.

Но поворотные круги служатъ границею растеніямъ нашей умѣренной полосы только на низменностяхъ; вы, вѣроятно, помните, что на возвышенныхъ мѣстностяхъ гораздо холоднѣе, чѣмъ въ долинахъ, такъ что и въ жаркихъ странахъ есть горы, покрытыя снѣгомъ даже въ лѣтнее время. Поэтому-то мы встрѣчаемъ иногда наши сѣверныя растенія на возвышенныхъ мѣстахъ и подъ поворотными кругами, между тѣмъ какъ у насъ нѣтъ такихъ теплыхъ мѣстъ, гдѣ бы могли произрастать южныя растенія.

Я вамъ уже говорилъ, что чѣмъ далѣе мы подвигаемся къ сѣверу, тѣмъ ниже спускается граница снѣга, такъ что вблизи сѣвернаго полюса она доходитъ до поверхности моря и покрываетъ всю страну вѣчнымъ льдомъ, вѣчнымъ снѣгомъ. Подъ экваторомъ она находится на 16 или 17,000 футовъ надъ поверхностью моря; въ Европѣ же южнѣе всего на Кавказскихъ горахъ, которыя весьма замѣчательны по разнообразію растительности.

У подножья этихъ горъ, въ особенности на южномъ ихъ склонѣ, прозябаютъ растенія южной Италіи, Греціи и южной Испаніи; на серединѣ склона находимъ наши деревья, дубъ и хвойныя, а выше — альпійскія растенія; вершины же Кавказскихъ горъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ.

Южныя растенія, даже пальмы жаркой полосы, мы находимъ у подножья огнедышащей горы Этны, съ вершины которой снѣгъ сходитъ весьма рѣдко.

Растенія произрастаютъ соотвѣтственно теплотѣ и холоду, господствующему на возвышенностяхъ; но гдѣ высшее или низшее положеніе мѣста не дѣлаетъ разницы, тамъ можно принять за положительное, что нашъ букъ можетъ расти до 52-го град. сѣверной широты. Далѣе онъ не размножается на открытомъ воздухѣ. На обыкновенной высотѣ почвы дубъ находятъ подъ 60-мъ градусомъ сѣверной широты. Еще сильнѣйшій холодъ могутъ переносить, изъ лиственныхъ деревьевъ, вязъ и липа: вязъ произрастаетъ до 62-го град., липа до 63-го. Сѣвернѣе этой широты, изъ лиственныхъ деревьевъ, растутъ только береза и ива. Лѣса между 63-мъ и 68-мъ град. состоятъ исключительно изъ березы, ивы и хвойныхъ деревъ, какъ-то: кедра, сосны, ели, пихты и лиственницы. Береза выдерживаетъ страшный холодъ и встрѣчается подъ 68-мъ, даже 70-мъ град.

Но на далекомъ сѣверѣ и береза не въ состояніи уже производить толстыхъ стволовъ. Чѣмъ дальше на сѣверъ, чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ она становится малорослѣе, пока не перерождается въ кустарникъ. Далѣе попадаются только альпійскія растенія, мохъ и лишаи; наконецъ и они пропадаютъ въ снѣгу.

Тамъ нѣтъ уже и травы. Сѣверный олень живетъ листьями березы и ивы, лишаями и мхомъ. Есть по-

рода послѣдняго, которую онъ очень любитъ и которая потому и называется оленьимъ мхомъ.

Подобную послѣдовательность представляютъ растенія на высокихъ горахъ: тѣ, которыя выносятъ сильнѣйшій холодъ, поднимаются на большую высоту; только, конечно, высота эта значительнѣе въ странахъ теплыхъ, чѣмъ въ холодныхъ. Напримѣръ, букъ и дубъ не встрѣчаются на сѣверѣ такъ высоко, какъ на Кавказскихъ, Апеннинскихъ или даже Карпатскихъ горахъ. А помнишь ли ты, Ѳедя, гдѣ лежатъ Карпатскія горы?

— Карпатскія горы?... между Галиціей и Венгріей.

— Хорошо. Хлѣба произрастаютъ также въ извѣстныхъ границахъ: сѣвернѣе другихъ встрѣчается ячмень, который переноситъ очень холодный климатъ. За нимъ слѣдуютъ: овесъ, рожь и пшеница. Маисъ или кукуруза и рисъ требуютъ климата болѣе теплаго и разводятся никакъ не далѣе 46-го или 48-го град.

Наши фруктовыя деревья встрѣчаются не далѣе 60-го град. широты и начиная съ 55-го, нуждаются въ защитѣ противъ сѣверныхъ вѣтровъ. Виноградъ растетъ собственно не далѣе 48-го или 50-го град. Виноградъ, табакъ и маисъ разводятся почти исключительно въ южной части Европы, а равно и просо, не переносящее большаго холода; южная Франція, Испанія и Португалія, а равно и Италія, Турція и Греція, снабжаютъ насъ апельсинами, лимонами, винными ягодами, персиками и другими нѣжными фруктами. Въ Греціи и южной Италіи, а равно и на южной оконечности Испаніи, растетъ на открытомъ воздухѣ финиковое дерево, хотя собственно отечествомъ его должно назвать сѣверную Африку и юго-западную Азію.

Пальмы, о которыхъ я вамъ буду говорить впослѣдствіи, принадлежатъ исключительно тропическому

климату, кромѣ развѣ финиковой пальмы. Плодъ ея чрезвычайно сладокъ и сытенъ, такъ что многія африканскія племена, внутри страны, живутъ почти исключительно финиками и молокомъ верблюда.

— Развѣ верблюдовъ можно доить? спросила Маша.

— Разумѣется; но объ этомъ мы поговоримъ послѣ. Верблюдъ не европейское животное, хотя въ настоящее время онъ живетъ и въ юго-восточной части Европы. Сегодня я вамъ хочу разсказать еще о пользѣ, приносимой разными растеніями, встрѣчающимися въ Европѣ, и я буду очень радъ, если вы выслушаете меня со вниманіемъ.

Что касается до деревьевъ, то въ сѣверной Европѣ нѣтъ такихъ, которыя, произрастая дико, приносили бы съѣдобные плоды. Дикія яблони и груши, растущія тамъ и сямъ, даютъ деревянистый и кислый плодъ. Дикія вишни годны развѣ только для приготовленія водки.

Плоды бука и знакомыя вамъ желуди дуба ѣдятъ охотно олени, козули и свиньи; человѣкъ не употребляетъ ихъ въ сыромъ видѣ, хотя приготовляетъ изъ желудей кофе, а изъ плодовъ бука выжимаетъ масло. Жители сѣверной Европы лакомятся только лѣсными ягодами, которыми она изобилуетъ, напр. черникой, брусникой, земляникой и проч.

Но полезнѣйшій плодъ сѣверной Европы — картофель, привезенный изъ южной Америки и растущій тамъ въ дикомъ состояніи. Для жителей многихъ странъ это истинная благодать. Въ гористыхъ странахъ картофель произрастаетъ легче всѣхъ хлѣбовъ. Но жителямъ равнинъ выгоднѣе было бы разводить стручковыя растенія, какъ-то горохъ, чечевицу, бобы: они гораздо питательнѣе картофеля и притомъ не такъ легко подвергаются болѣзнямъ, гнилости.

Картофель приготовляется различнымъ образомъ въ пищу человѣку и служитъ для откармливанія скота; изъ него выгоняютъ и водку, впрочемъ весьма невкусную.

Вамъ извѣстны всѣ хлѣба, которые у насъ произрастаютъ, исключая развѣ маиса. Онъ растетъ на длинномъ стеблѣ, съ широкими, длинными листьями, и очень похожъ на гигантскую травинку; наверху колосъ съ твердыми, желтыми и бѣлыми зернами; молотыя, они даютъ вкусный и питательный хлѣбъ.

У насъ есть еще одинъ весьма полезный плодъ: это свекловица, которою прежде только откармливали скотъ; теперь открыли, что въ ней весьма много сахаристаго вещества, и изъ свекловицы выдѣлываютъ на заводахъ сахаръ, почти не хуже добываемаго изъ сахарнаго тростника.

Кромѣ того, въ Германіи, и особенно въ Россіи, воздѣлываютъ прекрасную коноплю; изъ ея длинныхъ и чрезвычайно крѣпкихъ волоконъ прядутъ веревки и канаты. Ленъ произрастаетъ отлично во всей Европѣ; помните, какъ онъ красивъ, покрытый голубенькими цвѣточками; изъ его тонкихъ, крѣпкихъ волоконъ ткутъ отличныя полотна. Голландія, Ирландія и Германія славятся своими полотнами.

Въ самыхъ южныхъ частяхъ Европы пробовали разводить хлопчатникъ, котораго сѣменныя коробочки, полныя тоненькихъ волосковъ, даютъ такъ-называемую хлопчатую бумагу; но климатъ нашъ слишкомъ суровъ для этого растенія.

Италія ведетъ весьма обширную торговлю фруктами; какъ только они поспѣваютъ, ихъ сбираютъ, укладываютъ, грузятъ на корабли и развозятъ во всѣ государства Европы, даже самыя отдаленныя: Россію, Норвегію и Швецію. Въ особенности высылаются въ огромномъ

количествѣ апельсины и лимоны, равно какъ и сушеныя винныя ягоды. Сладкіе каштаны вывозятся частью изъ Италіи, частью изъ южнаго Тироля.

Употребленіе деревьевъ, растущихъ даже на сѣверѣ, весьма разнообразно; преимущественно они служатъ какъ строительный матеріалъ и топливо. Кора дуба, а равно и ивы, содержитъ въ себѣ много дубильной кислоты, то есть вещества, которое дѣлаетъ кожу мягкою и гибкою, такъ что послѣ сырости она не ссыхается. Ива служитъ для плетенія самыхъ различныхъ вещей.

Мнѣ не-зачѣмъ вамъ говорить, какъ употребляемъ мы всѣ наши плоды; скажу только, что въ странахъ, гдѣ произрастаетъ много яблоковъ, изъ нихъ выжимаютъ сокъ и приготовляютъ яблочное вино, очень пріятный кислый напитокъ.

Кромѣ того, мы получаемъ изъ разныхъ полевыхъ плодовъ масло, какъ напр. изъ сѣмянъ мака, конопли, рапса или полевой рѣпы, равно и изъ плодовъ оливковаго дерева. Въ жаркихъ странахъ, въ Испаніи, Италіи и Греціи, гдѣ произрастаетъ это дерево, оливковое масло употребляется какъ коровье.

— Однако, папаша, прервалъ его Ѳедя, — ты забылъ, что обѣщалъ разсказать намъ многое о звѣряхъ Европы и о томъ, какъ на нихъ охотятся.

— Нѣтъ, другъ мой, не забылъ; но теперь уже поздно; ложитесь спать; завтра услышите отъ меня много весьма интереснаго.

ГЛАВА IX.

ЗВѢРИ И ОХОТА ВЪ ЕВРОПѢ.

На слѣдующій день погода была прекрасная, и хотя время года не позволяло уже совершить большую прогулку въ горы, но отецъ порѣшилъ отправиться съ дѣтьми недалеко за городъ, гдѣ косари начали уже косить вторую траву. Мать, занятая по хозяйству, осталась дома.

Пріятно было смотрѣть, какъ крестьяне, подвигаясь другъ за другомъ, ровно срѣзывали блестящими косами густую траву у самой земли, а женщины собирали сухое сѣно въ большія кучи, чтобы его легче было укладывать на телѣги и свезти домой.

Лугъ какъ будто зашевелился; ласточки сотнями рѣзали воздухъ. Другія птички весело носились въ вышинѣ, порхали съ мѣста на мѣсто, прятались въ раскидистые тополи и потомъ, вдругъ, какъ будто по командѣ, поднимались въ лазурное пространство.

— Посмотри, Ѳедя, какъ ласточки сегодня веселятся, сказала Маша, смотрѣвшая долго на птичекъ;— я никогда не видала ихъ столько.

— Это потому, отвѣтилъ отецъ, — что теперь вылетѣли и птенчики. До сихъ поръ они, не умѣя хорошо

летать, сидѣли въ гнѣздахъ, а матери и отцы ихъ показывались только для отъисканія корма. Теперь же птенцы выросли, оперились, научились летать, собираются въ стаи, упражняютъ свои крылышки и черезъ нѣсколько дней предпримутъ свое большое путешествіе на югъ, откуда воротятся весной, около половины апрѣля.

— Куда же это они улетаютъ, папа?

— Далеко, дитя мое, очень далеко; они перелетаютъ черезъ снѣжныя Альпы въ южную Италію, даже черезъ Средиземное море въ Африку, гдѣ и зимуютъ.

— Аистъ тоже улетитъ?

— Да, и онъ потянетъ на югъ; на будущую же весну онъ будетъ первымъ вѣстникомъ возвращенія теплой погоды. Бо̀льшая часть европейскихъ птицъ— перелетныя, то есть, такія, которыя боятся снѣга и льду и на время холодныхъ мѣсяцевъ улетаютъ въ теплѣйшій климатъ. Не всѣ проникаютъ дальше Средиземнаго моря: однѣ являются съ отдаленнаго сѣвера въ Россію и Германію, другія отправляются во Францію Испанію, Турцію; однимъ словомъ, птицы ищутъ теплыхъ, покойныхъ мѣстъ для зимовки, гдѣ бы имъ не приходилось голодать и мерзнуть. Такъ какъ онѣ очень живо разрѣзаютъ воздухъ и совершаютъ свой путь по прямому направленію, то имъ нужно, соразмѣрно, немного времени даже для очень отдаленнаго путешествія; онѣ держатся по возможности высоко, исключая развѣ случая, когда имъ угрожаетъ опасность при появленіи хищной птицы.

— Но какимъ же образомъ, спросилъ Ѳедя, — онѣ находятъ свой путь, когда нѣтъ солнца и небо покрывается тучами?

— Дитя мое, это вопросъ, который разбирали уже многіе люди, потому что точность, съ которою птицы

держатся своей дороги, дѣйствительно поразительна. Пробовали уже отмѣчать ласточекъ, напримѣръ, красными ленточками и удостовѣрились, что съ слѣдующей весной ласточки эти возвращались къ старому гнѣзду. Но люди находятъ для всего объясненіе и называютъ коротко *инстинктомъ* все то, что въ жизни животныхъ кажется имъ непонятнымъ.

— Инстинктъ? повторила Маша, — это что такое?

— Подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ въ звѣряхъ то, что привыкли въ людяхъ называть *умомъ*, то есть чувство, по которому звѣрь дѣйствуетъ, добываетъ себѣ пищу, избѣгаетъ опасности или же весной и осенью отъискиваетъ мѣста, въ которыхъ на югѣ не ощущалъ холоду, а на сѣверѣ свилъ гнѣздо. Въ послѣднее время люди приписали было увѣренность, съ которою птицы совершаютъ свои путешествія, такой же силѣ, какая заставляетъ магнитную иглу постоянно обращаться остріемъ къ сѣверному полюсу. Какъ бы то ни было, та и другая силы остаются для насъ необъясненными.

Отечествомъ всѣхъ этихъ перелетныхъ птицъ должно считать Европу, потому что здѣсь онѣ вьютъ свои гнѣзда, выводятъ птенцовъ. Другія же части свѣта, напримѣръ Африку, онѣ только навѣщаютъ, пребывая въ нихъ гостями.

— Вчера я обѣщалъ поговорить съ вами о животныхъ, водящихся въ Европѣ; отложимъ это до возвращенія домой. Теперь побѣгайте и попрыгайте немного по скошенному лугу; кто знаетъ, долго ли у насъ простоитъ хорошая погода, которая позволяетъ играть на воздухѣ.

Дѣти веселились отъ всего сердца; вечеромъ же, послѣ чая, отецъ расположился удобно въ уголку дивана, дѣти придвинулись къ нему поближе, чтобы не проронить ни одного слова, и онъ началъ такъ:

— Нетолько въ Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта, человѣкъ сдѣлалъ ручными множество животныхъ, которыя прежде жили по лѣсамъ и степямъ въ дикомъ состояніи, какъ нынѣ живутъ олень или волкъ. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать рогатый скотъ, самыхъ полезныхъ для насъ животныхъ; они даютъ намъ молоко, изъ котораго мы дѣлаемъ масло и сыръ, и служатъ для перевозки тяжестей; кромѣ того, мы ѣдимъ ихъ мясо и употребляемъ ихъ кожу на сапоги, ремни и другія вещи.

— Бываютъ ли еще дикія коровы? спросила Маша.

— Да; и порода, отъ которой, по всей вѣроятности, произошли наши стада, еще не вся истреблена. Напримѣръ, въ юго-западной части Россіи водится въ одномъ лѣсу весьма небольшое число зубровъ. Русское правительство воспретило охотиться на этихъ рѣдкихъ звѣрей; иначе ихъ бы давно истребили. Зубръ, можетъ быть, праотецъ нашего рогатаго скота, гораздо сильнѣе и больше домашняго быка, чрезвычайно проворенъ въ своихъ движеніяхъ и отличается преимущественно толстой кудрявой головой и короткими крѣпкими рогами. Легко предположить, что рогатый скотъ, находясь продолжительное время въ неволѣ и живя иначе, чѣмъ на свободѣ, могъ переродиться и притомъ въ различныхъ мѣстностяхъ неодинаково. Такъ, въ Венгріи порода маленькая, но бодрая, съ длинными выгнутыми рогами; въ Швейцаріи большая, дающая въ особенности отличное молоко; въ Испаніи также сильная, болѣе дикая, съ длинными острыми рогами.

Въ Азіи есть дикія стада скота, который, по величинѣ и формамъ, приближается къ нашему. Слѣдовательно, очень можетъ быть, что нашъ домашній скотъ произошелъ изъ Азіи, тѣмъ болѣе, что въ древнее время азіатскіе народы часто вторгались въ Европу. Но

въ продолжительной неволѣ породы животныхъ чрезвычайно измѣняются, и потому въ настоящее время о происхожденіи нашего рогатаго скота нельзя сказать ничего положительнаго.

Лошадь встрѣчается въ дикомъ состояніи только на возвышенности средней Азіи, и мы въ правѣ предположить, что Азія отечество лошади.

Самое вѣрное и самое привязанное къ человѣку животное собака, которой, какъ вы знаете, есть множество породъ. Въ строеніи тѣла она представляетъ много сходства съ волкомъ. Его удавалось сдѣлать ручнымъ и пріучить къ охотѣ; разумѣется, для этого нужно поймать маленькаго.

Волки встрѣчаются еще въ большомъ числѣ въ Европѣ, въ особенности въ пустынныхъ горахъ Испаніи и въ мало заселенныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Россіи, Польши, Венгріи. Разумѣется, этого злаго хищнаго звѣря повозможности всюду преслѣдуютъ. Волкъ бѣгаетъ чрезвычайно скоро и часто въ короткое время пробѣгаетъ такія пространства, которыя не успѣла бы въ тотъ же срокъ оставить за собою и лучшая лошадь. Гдѣ волкъ часто появляется, тамъ или ставятъ капканы, или роютъ глубокія ямы съ отвѣсными стѣнами. Эти ямы прикрываются слегка сучьями; надъ ними же вѣшаютъ кусокъ мяса. Волкъ, пытаясь достать мясо, падаетъ въ яму и не можетъ изъ нея выбраться.

Возвращаясь къ нашимъ домашнимъ животнымъ, я долженъ назвать еще осла, который происходитъ, вѣроятно, изъ Азіи и съ трудомъ переноситъ холодный климатъ. На сѣверѣ Европы онъ встрѣчается очень рѣдко.

Овцы, разведеніемъ которыхъ занимаются въ особенности въ Испаніи и Германіи, любятъ болѣе юж-

ный, чѣмъ сѣверный климатъ, не смотря на свою густую шерсть. Дикія породы козъ встрѣчаются равнымъ образомъ чаще въ среднихъ и южныхъ странахъ Европы, и такъ какъ онѣ отлично прыгаютъ и довольствуются незначительнымъ кормомъ, то болѣе свойственны крутымъ обрывамъ горъ, на которыхъ коровы не могутъ ходить съ безопасностью. Стада дикихъ козъ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Азіи. Козы чрезвычайно легко дичаютъ. Нѣкоторые мореплаватели оставляли козъ на необитаемыхъ островахъ, и онѣ скоро размножались, но дѣлались дикими, какъ нашъ олень.

— Робинзонъ Крузоэ нашелъ же на своемъ острову дикихъ козъ, замѣтилъ Ѳедя.

— Да, но и онѣ были тамъ оставлены мореплавателями. Такъ какъ козы скоро дѣлаются ручными, то стали домашними животными почти по всему свѣту. Впрочемъ, и многія изъ нашихъ домашнихъ животныхъ, привезенныя изъ другихъ частей свѣта, живутъ на родинѣ, по настоящее время, въ дикомъ состояніи, какъ напр. наша домашняя курица — въ Остъ-Индіи, индѣйка — въ сѣверной Америкѣ, цесарка — въ Африкѣ. О жизни ихъ въ дикомъ состояніи я поговорю съ вами, когда дойдетъ очередь до этихъ земель, а жизнь этихъ птицъ у насъ вы знаете.

Къ числу нашихъ самыхъ полезныхъ животныхъ слѣдуетъ отнести еще свинью, которая происходитъ отъ часто встрѣчаемой и теперь дикою. Въ лѣсу кабанъ весьма опасный звѣрь, и, по моему мнѣнію, это самое смѣлое изъ всѣхъ четвероногихъ. Левъ и тигръ, если только не принуждаетъ ихъ къ тому голодъ, рѣдко нападаютъ на человѣка и всегда бросаются на него изъ засады. Кабанъ же, напротивъ, съ рѣдкими исключеніями, едва завидитъ человѣка, тотчасъ щелкаетъ своими острыми клыками, приходитъ въ такую ярость,

что даже у его рыла показывается пѣна, опускаетъ голову внизъ и стремглавъ бросается на своего врага.

— А можетъ ли кабанъ причинить вредъ человѣку? спросилъ Ѳедя.

— Разумѣется, отвѣтилъ отецъ, — если только онъ его настигнетъ. Клыки кабана — длинные зубы, которые изъ нижней челюсти торчатъ одинъ направо, другой налѣво, — чрезвычайно остры, и какъ звѣрь этотъ страшно силенъ, то можетъ ранить человѣка смертельно. Онъ иногда однимъ взмахомъ распарываетъ собакѣ животъ. Люди пріучили собакъ, называемыхъ меделянскими, хватать кабана такъ, чтобы онъ не могъ причинить имъ вреда, и онѣ весьма ловко это дѣлаютъ. Собака бросается на кабана сзади, хватаетъ звѣря за одно ухо и, не выпуская его, перепрыгиваетъ черезъ врага. Этимъ она повертываетъ ему голову такъ, что онъ уже не можетъ достать ее клыками; между тѣмъ прибѣгаютъ охотники и прикалываютъ его копьями. Кто не боится кабана, тотъ выходитъ на него и одинъ, безъ собаки. Завидѣвъ животное, охотникъ начинаетъ кричать изо всѣхъ силъ; другое животное, испугавшись, убѣжало бы; кабанъ, напротивъ того, приходитъ въ ярость, щелкаетъ клыками, такъ что звукъ этотъ далеко слышенъ, и бросается на охотника. У того въ рукахъ короткое копье съ поперечникомъ, препятствующимъ острію войти въ тѣло звѣря глубже, чѣмъ нужно. Когда кабанъ, бѣгущій всегда прямо на охотника, стоитъ уже передъ нимъ и хочетъ его ударить клыками, тотъ дѣлаетъ скачекъ въ сторону и вонзаетъ копье за переднею ногою звѣря, за его лопаткой, прямо въ сердце.

— А если и кабанъ также быстро повернетъ въ сторону? спросилъ Ѳедя.

— Кабанъ скорѣе неуклюжее, чѣмъ проворное животное и, разбѣжавшись, не можетъ такъ скоро повернуть; слѣдовательно, охотникъ, который смѣлъ и сохраняетъ присутствіе духа, легко можетъ его убить.

Дикій кабанъ собственно не хищное животное, потому что хищными звѣрями мы называемъ тѣхъ, которые питаются исключительно или, по крайней мѣрѣ, преимущественно мясомъ, слѣдовательно для поддержанія собственной жизни должны истреблять другихъ животныхъ. Главную часть пищи кабана составляютъ корни, которые онъ вырываетъ рыломъ изъ земли, желуди и плоды бука. Если дикія свиньи набредутъ на павшую или издыхающую дичь, то съѣдаютъ и ее.

Самый большой хищный звѣрь, водящійся въ Европѣ, медвѣдь, но и онъ не питается исключительно мясомъ, какъ напр. волкъ, а охотно ѣстъ и лѣсныя ягоды, и другіе плоды, зерновой хлѣбъ и тому подобное. Медвѣдь любитъ лакомиться, особенно медомъ, но это угощеніе достается ему не легко. Дикія пчелы строятъ свои улья охотнѣе всего въ дуплахъ деревьевъ и обыкновенно въ такихъ, къ которымъ ведетъ маленькое отверстіе, напримѣръ послѣ выпавшаго сука. Поэтому до улья медвѣдю добраться трудно: хотя онъ очень силенъ, однако не въ состояніи сломать дерева. Онъ влѣзаетъ на пень, но пчелы жалятъ его въ морду, и какъ ни нечувствительна шкура медвѣдя, но ужаленія, напримѣръ, въ носъ онъ не можетъ перетерпѣть. Разсказываютъ бездну исторій, какъ люди подымаются на хитрости, чтобы поймать медвѣдя; напримѣръ, какъ они подвѣшиваютъ передъ ульемъ брев-но, которое медвѣдь сталкиваетъ съ дороги и которое, раскачиваясь, бьетъ его по головѣ, пока не ошеломитъ, не свалитъ и не сдѣлаетъ легкою добычей; но все это выдумки, — правда, очень забавныя, но неправдоподобныя.

Въ Европѣ медвѣдь водится въ густыхъ лѣсахъ Россіи, Польши и Венгріи и въ самыхъ дикихъ и лѣсистыхъ горахъ другихъ странъ, гдѣ никто его не безпокоитъ. Зимой онъ прячется въ валежникъ или образовавшіяся подъ корнями деревъ ямы и спитъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Въ это время онъ не принимаетъ пищи и не пьетъ, и многіе полагаютъ, что онъ питается собственнымъ жиромъ, который высасываетъ изъ лапы. Но и это отчасти выдумка: во время спячки вся жизнь медвѣдя ослабѣваетъ; слѣдовательно, онъ и не нуждается въ такомъ же количествѣ пищи, какое употребляетъ въ другое время; притомъ же, передъ тѣмъ, какъ предаться спячкѣ, медвѣдь ищетъ преимущественно сладкой пищи, которая даетъ ему много жиру; имъто и питается тѣло медвѣдя; но для того звѣрю вовсе не нужно сосать лапу; дѣлаетъ же онъ это, можетъ быть, по потребности, чтобъ не пересыхала пасть.

На медвѣдя сильно охотятся; безстрашные русскіе и норвежскіе крестьяне убиваютъ его вилами или топоромъ, не употребляя даже огнестрѣльнаго оружія.

Въ Германіи, Великобританіи, Нидерландахъ, Даніи давно уже нѣтъ медвѣдей; въ горахъ Испаніи, Франціи и Швейцаріи они попадаются очень рѣдко.

Россія по преимуществу страна богатая пушнымъ звѣремъ; она ведетъ богатый торгъ мѣхами соболя, горностая, куницы и многихъ другихъ животныхъ.

Самый распространенный хищный звѣрь въ Европѣ, безъ сомнѣнія, лисица; она водится какъ на самомъ отдаленномъ сѣверѣ, такъ и въ южныхъ странахъ нашей части свѣта. Нѣтъ болѣе лукаваго и хитраго вора куръ и гусей, какъ лисица; она даже ловитъ на поляхъ зайцевъ и кроликовъ и только въ крайности довольствуется мышами. Гдѣ есть хоть малѣйшая возможность стащить какую-либо домашнюю птицу, лисица непремѣнно

къ ней подберется; на мѣстѣ она пожираетъ краденое только въ случаѣ сильнаго голода; но и тогда несетъ часть добычи домой, либо въ запасъ себѣ, либо для своего семейства. Иногда она тащитъ, въ теченіе часа, съ большою легкостью, огромную утку. По этому случаю разсказываютъ самыя смѣшныя проказы лисицы, и хотя они, можетъ быть, не вполнѣ достовѣрны, но все-таки доказываютъ, до какой степени этотъ звѣрь лукавъ и какъ трудно съ нимъ совладать. Въ капканы онъ рѣдко попадается: если въ нихъ положенъ какой-нибудь лакомый кусокъ, до котораго дотронулась голая человѣческая рука, то лисица это тотчасъ пронюхаетъ и ужъ ни за что не поддастся обману.

Легче всего стрѣлять лисицу, устроивши облаву. Охотники окружаютъ часть лѣса, а загонщики входятъ въ середину и производятъ тамъ по возможности болѣе шуму. Это лисицѣ не нравится; она бросается бѣжать, иногда прямо на одного изъ охотниковъ, который ее и убиваетъ. Въ Англіи довольно много лисицъ; но тамъ ихъ никогда не стрѣляютъ, а только преслѣдуютъ собаками, за которыми охотники ѣдутъ верхомъ. На волка нельзя охотиться подобнымъ образомъ, потому что онъ бѣжитъ чрезвычайно быстро и всегда по прямому направленію. Лисица же скоро устаетъ и не охотно оставляетъ мѣсто, въ которомъ живетъ. Поэтому, слыша за собой погоню, старается обмануть своихъ враговъ хитростью: бросается то въ одну, то въ другую сторону, иногда даже въ воду, чтобы сбить собакъ со слѣда, и сдѣлавъ обыкновенно большой полукругъ, возвращается къ мѣсту, съ котораго ее спугнули. Въ большей части случаевъ собаки ее догоняютъ, и тогда бѣда лисицѣ: онѣ ее закусаютъ.

Еще болѣе вредный хищный звѣрь, — это маленькая ласка, не выше крысы, съ длиннымъ тонкимъ тѣломъ.

— Что можетъ сдѣлать такой маленькій звѣрекъ? спросилъ Ѳедя. — Его можно задавить рукой.

— Да, если онъ не станетъ кусаться, отвѣтилъ, смѣясь, отецъ. — Если бы ласка была такъ велика, какъ волкъ или медвѣдь и сохранила бы свою кровожадность и смѣлость, то люди не были бы безопасны отъ нея и въ городахъ. Этотъ маленькій звѣрь бросается на утокъ, куръ, голубей, ловитъ даже зайцевъ, которые гораздо больше его. Онъ вскакиваетъ на нихъ и прежде, чѣмъ тѣ успѣютъ его стряхнуть, онъ, своими острыми зубами, прокусываетъ имъ горло или затылокъ.

Изъ кошачьихъ породъ, которыя всѣ хищны, — въ Европѣ водятся только три: домашняя кошка, дикая и рысь.

Дикая кошка живетъ въ лѣсахъ, именно въ норахъ и дуплахъ деревьевъ, гораздо больше и сильнѣе нашей домашней и имѣетъ короткій хвостъ. Она бываетъ обыкновенно полосатая, темно-сѣрая или бурая.

Рысь водится на сѣверѣ Европы; на югѣ же только въ мѣстахъ гористыхъ, напр. въ Швейцаріи. Величиною онъ съ лягавую собаку, только шире и коренастѣе ея и отличается отъ остальныхъ кошекъ недостающимъ до земли хвостомъ и тѣмъ, что уши его оканчиваются кисточками. Въ Россіи рысь попадается довольно часто.

Самый красивый звѣрь въ Европѣ, едва ли не самый красивый во всемъ свѣтѣ, — нашъ олень, водящійся еще въ большей части южной Европы. Въ прежнее время олени встрѣчались въ нашихъ лѣсахъ стадами, но они почти истреблены охотой.

Козуля попадается въ Европѣ довольно часто. Заяцъ водится почти по всей Европѣ, въ особенности же въ Германіи, которой климатъ и пространныя обработанныя поля доставляютъ ему болѣе способовъ къ жизни.

Серна или дикая коза, весьма красивый звѣрь, принадлежитъ исключительно Европѣ, живетъ на Альпахъ и отлично скачетъ по ихъ самымъ высокимъ отрогамъ. Раздвоенное ея копыто представляетъ твердый роговой край; при помощи его серна можетъ удержаться за малѣйшую неровность скалы, за каждый корешекъ. Иногда она карабкается стадами отъ пятидесяти до шестидесяти штукъ по самому гребню горъ, отъискивая растущую на нихъ сладкую и сочную траву.

Жизнью и привычками серна весьма сходна съ козой; но она гораздо красивѣе. У самца и самки на головѣ короткіе, загнутые назадъ крючкомъ рога.

Охота на серну чрезвычайно трудна и опасна, потому что пугливый звѣрь, чующій человѣка или опасность издали, карабкается по самымъ обрывистымъ скаламъ, гдѣ смерть угрожаетъ человѣку на каждомъ шагу. Кто подверженъ головокруженію или не очень ловокъ, тому не слѣдуетъ предпринимать подобной охоты.

Мясо серны чрезвычайно вкусно; изъ ея кожи, какъ и изъ кожи козы, дѣлаютъ прекрасную замшу, употребляемую на перчатки и тому подобныя издѣлія.

— Но, вѣроятно, серна не можетъ прыгать по глетчерамъ, замѣтилъ Ѳедя.

— На льду сернамъ нечего дѣлать, отвѣтилъ отецъ: гдѣ голый ледъ, тамъ нѣтъ и травы. Иногда однако серны несутся по ледянымъ полямъ, или отъискивая мѣста, поросшія травой, или спасаясь отъ охотника. Нѣкоторые писатели разсказываютъ, что на ледяныхъ поляхъ охотникамъ приходится снимать сапоги и надрѣзывать себѣ кожу подошвъ, чтобы окровавленныя ноги не скользили по льду, такъ какъ, поскользнувшись, можно скатиться въ пропасть. Но подобный способъ едва ли кѣмъ-нибудь употребляется: онъ подвергаетъ

охотника опасности не выбраться изъ горъ, погибнуть съ голоду.

На выдающихся скалахъ или высокихъ мѣстностяхъ, съ которыхъ можетъ быть обозрѣваема вся окрестность, серны ставятъ обыкновенно своего часоваго; почуявъ опасность отъ охотника или хищнаго звѣря, онъ издаетъ громкій свистъ, и все стадо несется прочь.

Въ снѣжныхъ Альпахъ водится еще какъ-бы созданная для нихъ бѣлая куропатка, изъ породы куръ.

Можно подумать, что природа дала ей бѣлый цвѣтъ для ей же безопасности, потому что иначе на открытыхъ снѣжныхъ горахъ бѣдная птица постоянно подвергалась бы опасности отъ хищныхъ орла и коршуна. Бѣлый же цвѣтъ ее спасаетъ. Точно такъ же сохраняется на Альпахъ и въ Россіи порода зайцевъ-бѣляковъ. Лѣтомъ сѣровато-бурые, они зимою совершенно бѣлѣютъ и укрываются отъ тѣхъ же враговъ, какъ и снѣжныя куропатки.

— Какое это животное, коршунъ? спросила Маша.

— Коршунъ одна изъ самыхъ большихъ хищныхъ птицъ, встрѣчаемыхъ въ Европѣ. Но величайшая и опаснѣйшая изъ нихъ—это ягнятникъ; длина его распущенныхъ крыльевъ, отъ одного конца до другаго, равняется десяти футамъ. Спина у ягнятника темно-коричневая, грудь рыжая; когти и клювъ остры и загнуты, какъ у всѣхъ хищныхъ птицъ, что даетъ имъ возможность легко разрывать добычу. У ягнятника подъ клювомъ пучекъ черныхъ щетинистыхъ перьевъ, похожій на бороду, почему ягнятника называютъ бородатымъ. Онъ такъ силенъ, что съ легкостью поднимаетъ на воздухъ серну или козу; даже бывали примѣры, что онъ уносилъ дѣтей, двухъ, трехъ лѣтъ. Въ Швейцаріи, гдѣ онъ живетъ попреимуществу, его очень опасаются и истребляютъ всевозможными средствами.

Орелъ карагужъ поменьше ягнятника, но все-таки въ состоянiи унести маленькую серну.

Въ Альпахъ водится еще въ высшей степени замѣчательное, но къ сожалѣнiю почти истребленное животное—тамошнiй козелъ; онъ встрѣчается иногда въ средней части Альпъ. Цвѣтомъ альпiйскiй козелъ похожъ на серну; но онъ гораздо больше и сильнѣе ея и отличается въ особенности длинными, толстыми и узловатыми рогами. Одни рога его вѣсятъ до восемнадцати фунтовъ. Не смотря на свою тяжесть, козелъ этотъ прыгаетъ по горамъ еще лучше серны, живетъ охотнѣе всего на самыхъ крутыхъ склонахъ и неприступныхъ вышинахъ; поэтому-то охота на него, какъ вы вѣроятно догадываетесь, страшно опасна. Почуявъ врага, альпiйскiй козелъ, подобно592 сернѣ, свищетъ и скрывается немедленно въ ущелiяхъ и разсѣлинахъ ледниковъ. Австрiйскiй императоръ и прежнiй король сардинскiй, нынѣшнiй король Италiи, издали законъ, воспрещающiй, подъ строжайшимъ наказанiемъ, убивать этихъ животныхъ; можно надѣяться, что такимъ образомъ они снова размножатся. Къ сожалѣнiю, многiе охотники не обращаютъ вниманiя на подобныя запрещенiя. На Кавказѣ водится сходный съ альпiйскимъ козломъ туръ.

Взаключенiе я вамъ разскажу о маленькомъ миломъ животномъ, которое встрѣчается исключительно въ Европѣ, между прочимъ также на Альпахъ; — это сурокъ.

— Знаемъ, знаемъ! воскликнули дѣти вмѣстѣ,—мы его недавно видѣли. Одинъ маленькiй мальчикъ приносилъ къ намъ сурка, привязаннаго на цѣпочкѣ. Такой ласковый и смѣшной звѣрекъ!

— Дѣйствительно такъ, продолжалъ отецъ, — это маленькiй сѣрый звѣрекъ, съ толстой головой, длинными волосами на мордѣ и выступающими передними зубами,

рѣзцами, показывающими, что онъ принадлежитъ къ грызунамъ, то есть животнымъ, которыя грызутъ растительную пищу. Сурокъ водится также въ Альпахъ, въ особенности на ихъ южномъ скатѣ, склоняющемся въ Италію, большими семействами, въ ямахъ, которыя онъ самъ роетъ на отлогихъ мѣстахъ. Питается онъ растеніями и ихъ корнями; чтобы съѣсть найденное, онъ садится на заднія лапки, а передними подноситъ къ мордочкѣ пищу. Замѣчательно, что въ извѣстное время они производятъ настоящій сѣнокосъ. Въ теченіе зимы звѣрекъ этотъ, какъ медвѣдь, барсукъ и многіе другіе звѣри, спитъ въ своей норѣ, ни разу не просыпается и не принимаетъ никакой пищи. Но для этого сна сурокъ заранѣе готовитъ себѣ ложе, постель. Когда наступаетъ хорошая осенняя погода, что́ острое чутье звѣрей угадываетъ лучше человѣка, сурки подгрызаютъ вокругъ своихъ жилищъ большое количество травы и оставляютъ ее сохнуть на солнцѣ, какъ это дѣлаютъ люди. Когда сѣно готово, они переносятъ его, въ мордочкахъ, въ свои ямы, приготовляютъ себѣ мягкую и теплую постель, на которой спокойно проводятъ всю зиму.

Когда сурки гуляютъ, и одинъ изъ нихъ замѣтитъ опасность отъ человѣка или хищнаго звѣря, то испускаетъ пронзительный свистъ, слышный въ горахъ на далекое разстояніе, и въ одно мгновеніе все общество сурковъ прячется по норкамъ.

Кто хочетъ на нихъ охотиться, тотъ долженъ подкрасться очень осторожно и въ особенности съ большимъ терпѣніемъ подкарауливать ихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Лишь только сурки замѣтятъ близость врага, они сидятъ въ норахъ по цѣлымъ днямъ, даже голодая. Звѣрекъ этотъ скорѣе попадается въ ловушки, потому что чутье его не такъ тонко, какъ у лисицы.

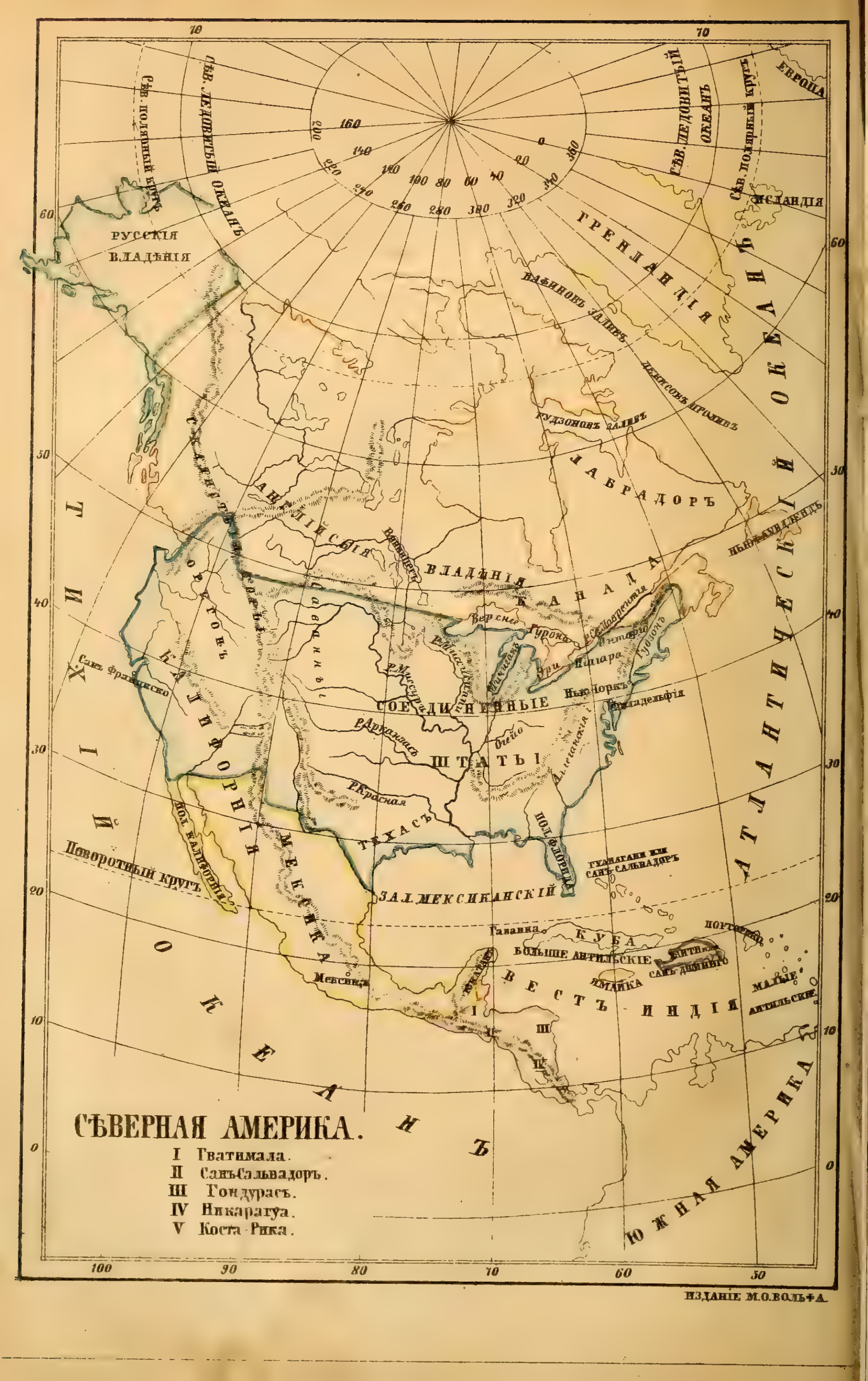
Теперь, дѣти, вы знаете замѣчательнѣйшія породы животныхъ, водящихся въ нашей части свѣта, знакомы и съ ея поверхностью и растительностью,—однимъ словомъ, имѣете о Европѣ хотя нѣкоторое понятіе; составляющія ее государства вы изучите впослѣдствіи.

— Однако, папаша, ты не сказалъ намъ еще ничего, о томъ, какъ европейцы открыли Америку и вовсе не описывалъ намъ этой новой части свѣта.

— Да, другъ мой, я вамъ ничего не говорилъ объ Америкѣ, потому что это не касается Европы. Черезъ нѣсколько дней у васъ начнутся каникулы, вы будете гораздо свободнѣе, и, если желаете, я разскажу вамъ тогда и объ Америкѣ. Но до того времени изучайте хорошенько карту Европы: пока вы не пріучитесь запоминать разсказываемое, поѣздка наша въ Америку не принесетъ вамъ большой пользы. А будете знать Европу, тогда мы отправимся вмѣстѣ въ Америку,—сперва въ сѣверную ея часть.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СѢВЕРНАЯ АМЕРИКА.

СѢВЕРНАЯ АМЕРИКА.
I Гватимала.
II СанъСальвадоръ.
III Гондурасъ.
IV Никарагуа.
V Коста-Рика.
РУССКІЯ ВЛАДѢНІЯ
ГРЕНЛАНДІЯ
ИСЛАНДІЯ
ЕВРОПА
ЛАБРАДОРЪ
КАНАДА
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ
ТЕХАСЪ
ЗАЛ. МЕКСИКАНСКІЙ
МЕКСИКА
Мексика
КУБА
Гавана
ЯМАЙКА
ВЕСТЪ ИНДІЯ
ЮЖНАЯ АМЕРИКА
Поворотный кругъ
Санъ Франциско
Нью Іоркъ
Филадельфія
Гудзоновъ заливъ
Баффиновъ заливъ
АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ
ТИХІЙ ОКЕАНЪ
Сѣв. Ледовитый океанъ
Сѣв. полярный кругъ
Р. Миссури
Р. Арканзасъ
Р. Красная
Онтаріо
Гуронъ
Эри
ИЗДАНІЕ М.О.ВОЛЬФА.

ГЛАВА I.

ОТКРЫТІЕ АМЕРИКИ.

Недѣли двѣ отецъ Ѳеди и Маши не могъ заняться съ дѣтьми. Ѳедя готовился къ экзамену, а Маша заболѣла и слишкомъ недѣлю пролежала въ кроваткѣ. Но она скоро поправилась, и когда у Ѳеди начались каникулы, дѣти напомнили отцу его обѣщаніе поговорить съ ними объ Америкѣ, въ которую, какъ они слышали, переѣзжаетъ столько людей.

Ѳедя былъ увѣренъ, что будетъ въ состояніи править кораблемъ; онъ хотѣлъ взять съ собою компасъ отца и просилъ мамашу приготовить на всю дорогу провизіи.

— Все это лишнее, другъ мой, сказалъ отецъ, — потому что теперь во всѣхъ портахъ Германіи и остальной Европы ты можешь всегда найти готовые къ отплытію корабли, на которыхъ, за извѣстную плату, ты можешь переѣхать въ какую угодно часть Америки и во время пути найти нужное продовольствіе. Въ настоящее время не трудно переѣхать въ Америку, хотя путешествіе продолжается иногда довольно долго. У насъ есть отличныя карты, какъ Новаго Свѣта, такъ и всего Атлантическаго океана, и мы почти можемъ опредѣлить день, въ который пріѣдемъ въ Америку. Но подумай, сколько нужно было имѣть смѣлой рѣшитель-

ности и презрѣнія къ смерти, чтобы отправиться въ море отъискивать какую-то землю, не зная навѣрное, существуетъ ли она еще.

— Какъ же Колумбъ попалъ на эту мысль? спросилъ Ѳедя.

— Это легко объяснить, отвѣтилъ отецъ, — не уменьшая ни въ чемъ славы безстрашнаго и предпріимчиваго человѣка. Вы должны знать, дѣти, что почти до временъ Колумба большая часть земли была еще неизвѣстна. Войны и торговля познакомили солдатъ и купцовъ съ большею частью Европы, сѣверными берегами Африки и даже значительнымъ пространствомъ Азіи; напримѣръ, была извѣстна Индія; но о южной части Африки, о цѣлой Америкѣ, о сѣверовосточной Европѣ и сѣверной Азіи, а равно объ Австраліи, не знали рѣшительно ничего; полагали, что извѣстную въ то время землю окружаетъ океанъ, и къ предѣламъ его ни одинъ человѣкъ не осмѣливался приблизиться. Вы можете вообразить, какія басни разсказывали о концѣ свѣта.

Колумбъ, родомъ итальянецъ, былъ почти воспитанъ на водѣ, совершилъ въ юности многократныя путешествія по извѣстнымъ тогда морямъ, поселился въ Португаліи, жители которой были въ то время лучшими мореплавателями, женился на дочери человѣка, слѣдившаго за открытіями въ морѣ и оставившаго послѣ себя богатое собраніе морскихъ картъ, снискивалъ себѣ пропитаніе срисовываніемъ ихъ и уже потому долженъ былъ и самъ слѣдить за открытіями. Разсказы объ отдаленныхъ странахъ, особенно о богатой Индіи, составляющей южную часть Азіи, возбудили въ Колумбѣ желаніе проѣхать въ эту страну ближайшимъ путемъ, направляясь не вокругъ Африки, а на западъ.

Всѣ уже знали, что земля кругла. По этому Колумбъ, не зная о существованіи Америки, находилъ воз-

можнымъ достичь Азіи въ западномъ направленіи, тѣмъ болѣе, что считалъ разстояніе до нея гораздо меньшимъ дѣйствительнаго.

Въ разное время прибивало волнами къ берегамъ Португаліи разные предметы, доказывавшіе близость къ западу земли: обдѣланные куски дерева, неизвѣстный тростникъ и стволы незнакомыхъ деревъ, наконецъ даже трупы невиданныхъ людей. Все это сильнѣе и сильнѣе подстрекало Колумба пуститься въ прямомъ направленіи на западъ, для отъисканія пути въ баснословно-богатую Индію и обращенія тамошнихъ жителей въ христіанство.

Не имѣя средствъ къ исполненію своего намѣренія, онъ обратился за содѣйствіемъ сперва къ португальскому правительству, а потомъ къ своему отечеству, городу Генуѣ, на сѣверо-восточномъ берегу Италіи. Но обѣ попытки не имѣли успѣха. Его предположеніе сочли неправдоподобнымъ. Та же участь постигла его и въ Испаніи. Кромѣ того, испанцы вели тогда ожесточенную войну съ маврами, народомъ, вторгшимся изъ Африки и покорившимъ половину Испаніи.

Колумбъ не зналъ, что дѣлать; но чѣмъ болѣе онъ встрѣчалъ затрудненій, тѣмъ упорнѣе стремился къ осуществленію своей мысли, и хотѣлъ уже переѣхать въ Англію, чтобы предложить свой планъ англичанамъ. Къ счастію, въ это время испанцы побѣдили мавровъ въ рѣшительной битвѣ, прогнали ихъ за Средиземное море въ Африку и король одобрилъ проектъ Колумба. Онъ принялъ на себя большую часть расходовъ по снаряженію экспедиціи и предоставилъ въ его распоряженіе два корабля. Третье судно Колумбъ снарядилъ на собственный счетъ, при помощи одного изъ своихъ друзей, опытнаго моряка. Корабли эти, маленькія суда, ничтожныя для столь громаднаго предпріятія,

были снабжены провіантомъ на двѣнадцать мѣсяцевъ, и въ августѣ 1492 г. смѣлые мореходцы отправились въ море.

— Съ какою радостью я поѣхалъ бы съ нимъ! воскликнулъ Ѳедя. Какъ должно быть весело отправляться въ отдаленныя моря для открытій.

Тебѣ хорошо такъ говорить, дитя мое, и въ наше время подобное предпріятіе можетъ показаться легкимъ. Но если вспомнимъ, какъ мало люди знали весь остальной міръ, какими страшными красками они рисовали себѣ ужасы отдаленнаго океана, то мы признаемъ эту экспедицію самою великою и самою дерзкою, какую предпринялъ и исполнилъ когда-либо человѣкъ. Спутники Колумба пали духомъ, когда увидѣли вокругъ себя одно небо и воду; если бы экспедиція зависѣла отъ нихъ, то они, по прошествіи первыхъ же восьми дней, повернули бы кораблъ и воротились домой.

Въ особенности пугалъ этихъ людей постоянный сѣверо-восточный вѣтеръ, который дулъ непрерывно съ тѣхъ поръ, какъ они оставили Канарскіе острова; Колумбъ былъ первый мореходецъ, плывшій съ *пассатными* вѣтрами, о которыхъ прежде не имѣли понятія.

— Что это за вѣтры? спросила Маша.

— Пассатнымъ вѣтромъ называется такой, который дуетъ постоянно, между поворотными кругами, на Атлантическомъ и Тихомъ океанахъ, сѣвернѣе экватора — съ сѣверо-востока, южнѣе экватора — съ юго-востока; на самомъ же экваторѣ и нѣсколькими градусами сѣвернѣе и южнѣе его часто наступаетъ, напротивъ того, *штиль*, то есть совершенное безвѣтріе, въ теченіе котораго парусныя суда принуждены стоять на мѣстѣ. Между 4-мъ и 25-мъ градусами сѣверной широты дуетъ почти постоянно такъ - называемый сѣверо - восточный пассатъ, тогда какъ болѣе на сѣверъ господствуютъ

западные вѣтры. Одно это открытіе чрезвычайно важно для мореплаванія, потому что корабли, идущіе изъ Европы въ Америку, могутъ держаться попутнаго имъ пассата, а кораблямъ, возвращающимся изъ Америки въ Европу, стоитъ только подняться немного сѣвернѣе, чтобы совершить путешествіе также съ попутнымъ вѣтромъ. Еслибъ Колумбъ и не открылъ дѣйствительно Америки, то одно это открытіе заслуживаетъ уже величайшей благодарности.

— А почему же тамъ вѣтры дуютъ постоянно съ востока? спросилъ Ѳедя.

— Объяснить это легко, отвѣтилъ отецъ.—Ты знаешь, что земля обращается вокругъ своей оси, — значитъ, по направленію параллельныхъ линій, и именно къ востоку. Изъ этихъ параллелей экваторъ больше остальныхъ; слѣдовательно, мѣста, лежащія подъ нимъ, вращаются быстрѣе и притомъ такъ скоро, что стоящій надъ ними воздухъ не можетъ слѣдовать, а постоянно отстаетъ, отходитъ отъ прежняго мѣста на западъ. Это и составляетъ причину дующихъ съ востока пассатныхъ вѣтровъ.

— Но ты сказалъ намъ, возразилъ Ѳедя, — что на самомъ экваторѣ бываетъ часто совершенное безвѣтріе, а восточные вѣтры дуютъ сѣвернѣе и южнѣе экватора.

— Да, другъ мой. На экваторѣ бываетъ безвѣтріе потому, что тамъ воздухъ всего сильнѣе нагрѣвается солнцемъ и поднимается вверхъ, какъ всякій нагрѣтый воздухъ. Вы, вѣрно, замѣчали, что воздухъ изъ натопленной и закрытой печи, когда вы откроете заслонку, поднимается непремѣнно вверхъ. Безвѣтріе на экваторѣ смѣняется иногда страшными бурями. Пассаты же дуютъ, въ открытомъ морѣ, гдѣ ихъ не останавливаютъ материки, круглый годъ въ одномъ и томъ же направленіи.

Не трудно понять, что подобное явленіе сильно озабочивало людей, не имѣвшихъ даже вѣрнаго понятія о предпріятіи, въ которое они пустились; вѣтеръ, дувшій непрерывно со стороны ихъ отечества, отнималъ у нихъ надежду увидѣть его когда-либо. Колумбъ, въ твердой увѣренности, что плыветъ къ своей цѣли, не раздѣлялъ ихъ унынія, поддерживалъ въ нихъ смѣлость и шелъ впередъ съ пассатнымъ вѣтромъ, въ западномъ направленіи.

Но дни проходили за днями, недѣли за недѣлями, а желанная земля не являлась; напротивъ того, моряки думали, что чѣмъ болѣе они пробираются впередъ въ этомъ безконечномъ океанѣ, тѣмъ труднѣе имъ будетъ воротиться, и уныніе бѣдныхъ людей дошло наконецъ до такого отчаянія, что они составили заговоръ противъ своего предводителя, Колумба. Оставивъ южные берега Испаніи 3-го августа, они до 10 октября не встрѣтили никакой земли и теперь хотѣли принудить Колумба повернуть корабли и возвратиться на родину. Но Колумбъ догадывался по нѣкоторымъ признакамъ, что какая-нибудь земля должна находиться вблизи; многіе предметы, плывшіе по водѣ, какъ-то: куски обрѣзаннаго дерева, даже кустъ съ ягодами и тому подобныя вещи, сильно подтверждали его надежды. Встрѣчались и вовсе неизвѣстныя экипажу птицы, повидимому живущія на твердой землѣ. Желая воодушевить робкихъ матросовъ еще на нѣкоторое время, онъ обѣщалъ имъ воротиться, если въ теченіе трехъ дней они будутъ плыть навстрѣчу пролетавшимъ птицамъ.

Но и въ третій разъ закатилось солнце, а земли еще не было видно. Экипажъ взбунтовался. Тогда Колумбъ объявилъ, что онъ дѣйствуетъ по повелѣнію короля и, не достигнувъ земли, не возвратится.

Уступи Колумбъ взбунтовавшемуся экипажу, корабли, безъ сомнѣнія, повернули бы у самыхъ береговъ Аме-

рики. Но великій человѣкѣ не ошибался въ своемъ разсчетѣ и на слѣдующее утро на мачтѣ одного изъ кораблей раздался давно желанный крикъ: ***земля!***

Нѣтъ возможности описать впечатлѣнія, какое произвелъ этотъ крикъ на малодушныхъ товарищей Колумба. Хотя уже два раза случилось имъ принимать за землю стоявшія на горизонтѣ облака, но на этотъ разъ всѣ скоро убѣдились, что показавшаяся вдали синеватая полоска дѣйствительно земля: по мѣрѣ приближенія, она все выше и выше поднималась изъ воды, и наконецъ можно было отличать и горы, и деревья. Радость экипажа была безпредѣльна. Матросы бросились къ ногамъ Колумба и просили прощенія въ оказанномъ непослушаніи. Колумбъ, обрадованный болѣе ихъ всѣхъ, охотно обѣщалъ забыть прошедшее.

12 октября 1492 г. знаменитый мореходецъ присталъ къ одному изъ нынѣшнихъ Антильскихъ острововъ, совершивъ самое важное изъ всѣхъ извѣстныхъ открытій. Колумбъ полагалъ, что достигъ Индіи или, по крайней мѣрѣ, страны, находящейся въ связи съ Индіей. Но чтобы достигнуть ея, экспедиціи пришлось бы, какъ вы въ этомъ можете убѣдиться на картѣ двухъ полушарій, совершить еще большій переѣздъ. Итакъ, относительно окружности земнаго шара и отдаленности Индіи, Колумбъ очень ошибался. Однако, это не уменьшаетъ его заслуги и славы.

Мореплаватели были счастливы. Цѣль ихъ путешествія была достигнута; совершивъ трудный переѣздъ, они вступили на землю, и какую чудную землю! То былъ островъ Гуанагани, лежащій сѣвернѣе большаго острова Кубы и на разстояніи 110 миль къ востоку отъ южной оконечности Флориды, ближайшаго пункта твердой земли. Колумбъ назвалъ островъ, на который они высадились, островомъ Санъ-Сальвадоръ; моряки водру-

зили на берегу знамя съ крестомъ и вступили во владѣніе страной, именемъ короля испанскаго.

— Развѣ на острову не было жителей? спросилъ Ѳедя.

— Были, но въ Европѣ съ незапамятныхъ временъ установилось правило, что государство, открывающее какую-либо страну, которой жители еще не просвѣщены и не христіане, то есть, не вѣруютъ въ единаго Бога и Христа Спасителя, вступаетъ во владѣніе этой страной и удерживаетъ ее за собою.

— А какъ же поступаютъ съ туземцами? спросила Маша.

— Они остаются въ своей странѣ, но дѣлаются подданными государя, котораго народъ ихъ открылъ.

— А если они этого не захотятъ? спросилъ Ѳедя; если у нихъ уже есть король, и они имъ довольны?

— Ихъ мнѣнія не спрашиваютъ, отвѣтилъ отецъ; ихъ заставляютъ повиноваться и въ случаѣ сопротивленія губятъ тысячами.

— Какъ это не хорошо со стороны европейцевъ, воскликнула Маша; Колумбъ, вѣроятно, этого не сдѣлалъ!

— Дитя мое, для Европы, въ особенности же для испанцевъ, которые первые должны были воспользоваться открытіемъ Америки, событіе это было счастливое. Но для бѣдныхъ жителей прекрасной страны оно было источникомъ страшныхъ бѣдствій и гибели. Европейцы, прибывшіе въ Америку, были, большею частью, честолюбивые или, что еще хуже, алчные люди, которые хотѣли поскорѣе обогатиться и для этой цѣли готовы были пожертвовать индіянцами, какъ они назвали туземцевъ. Колумбъ былъ еще лучше остальныхъ, хотя и онъ впослѣдствіи позволилъ себѣ въ отношеніи къ индіянцамъ много несправедливаго. Подчиненные же его пустились въ путь или по принужденію правитель-

ствомъ или въ надеждѣ обогатиться. Они переносили опасности путешествія единственно изъ страсти къ сокровищамъ, которыя ожидали найти въ Америкѣ. Увидѣвъ на туземцахъ золотыя украшенія и узнавъ, что оно добывается далѣе на югъ, Колумбъ и его спутники не могли дождаться времени, когда имъ можно будетъ набрать этого металла поболѣе.

Индіянцы, которые не подозрѣвали, что прибытіе иностранцевъ грозитъ имъ гибелью, приняли ихъ очень гостепріимно. Не зная о существованіи на востокѣ земли, они сочли пришельцевъ, бѣлыхъ, бородатыхъ, сверхъ-естественными существами, слетѣвшими, въ крылатыхъ домахъ, съ неба. Въ этой мысли туземцы утвердились еще болѣе, когда испанцы начали стрѣлять изъ пушекъ — разумѣется, однимъ порохомъ. Люди, возившіе съ собой громъ и молнію, должны были быть, по мнѣнію дикарей, высшими существами. Туземцы охотно промѣняли все бывшее у нихъ золото на самыя пустыя вещи, какъ-то: бубеньчики, погремушки, зеркальца, гвозди, стеклянныя бусы, которыя въ Испаніи не имѣли почти никакой цѣны.

Еслибъ я принялся разсказывать вамъ теперь всѣ послѣдовавшія затѣмъ событія, то о самой Америкѣ, особенно нынѣшней, вы узнали бы весьма мало. Кромѣ того, путешествіе Колумба и похожденія его и спутниковъ въ Америкѣ прекрасно описано въ книгахъ, которыя я дамъ вамъ читать зимой. Изъ нихъ вы увидите, какъ жестоко пострадали бѣдные индіянцы, принявшіе бѣлыхъ съ чрезвычайнымъ радушіемъ. Теперь скажу вамъ только, что Колумбъ изъ Санъ-Сальвадора отправился къ югу, для отъисканія острова, съ котораго, по указанію туземцевъ, они получали золото; то былъ, думалъ онъ, островъ Куба. Колумбъ открылъ еще нѣсколько острововъ, напр. Гаити, потерялъ, во время бури,

на скалахъ, одинъ изъ своихъ кораблей и, оставивъ часть экипажа въ укрѣпленіи построенномъ при помощи туземцевъ, возвратился въ Европу, донести испанскому королю объ успѣшномъ окончаніи экспедиціи и снарядить новый флотъ.

Открытіе Колумба надѣлало въ Европѣ страшнаго шуму, а привезенныя изъ Америки сокровища побудили большое число испанцевъ и другіе народы отправляться въ Новый Свѣтъ. Не смотря на это, онъ долго оставался почти неизвѣстнымъ. Только въ 1496 году два итальянца, Каботы, отецъ и сынъ, открыли часть сѣверной Америки, занимаемую нынѣ Соединенными Штатами. Лишь въ 1528 г. испанецъ Мальдонадо объѣхалъ американскій материкъ вокругъ южной оконечности, Капъ-Горна, и по западному берегу дошелъ почти до Ледовитаго моря.

Сначала думали, что черезъ Америку долженъ пролегать морской путь, и многіе испанскіе мореплаватели старались его открыть; но, разумѣется, поиски ихъ были безуспѣшны, потому что горы, возвышающіяся на американскомъ материкѣ, тянутся безпрерывною цѣпью отъ сѣверной его оконечности до самой южной.

Между тѣмъ число открытій увеличивалось, частью самимъ Колумбомъ, который ѣздилъ въ Америку четыре раза, частью другими мореплавателями. Наконецъ услышали отъ туземцевъ, что по ту сторону земли лежитъ другое большое море. Его достигли только въ 1513 г., когда одинъ смѣлый испанецъ, Бальбоа, перешелъ съ шайкой вооруженныхъ людей черезъ горы, съ цѣлью завоевать лежавшую за ними страну, которую онъ считалъ полною несмѣтныхъ сокровищъ. Бальбоа овладѣлъ, отъ имени короля испанскаго, западными берегами Америки, какъ это сдѣлалъ Колумбъ на части восточныхъ, въ южной Америкѣ.

Это открытіе и послѣдовавшее за нимъ путешествіе Мальдонадо (1528 г.) дало европейцамъ хотя поверхностное понятіе о границахъ Новаго Свѣта. Они узнали, что онъ не принадлежитъ къ Индіи, но составляетъ отдѣльный материкъ, и что его можно объѣхать только съ юга. Затѣмъ стали извѣстны и составляющія его отдѣльныя страны, и населявшіе ихъ народы. Испанцы, французы, англичане, португальцы и голландцы стали въ немъ селиться, и бѣдные индіянцы, которые, наконецъ, стали сопротивляться, были частью истреблены, частью обращены въ невольниковъ. Теперь въ однихъ мѣстахъ они совершенно исчезли, въ другихъ вытѣснены бѣлыми изъ прежнихъ своихъ владѣній.

Я вамъ разсказалъ все, что необходимо знать объ открытіи Америки для изученія самой страны. Завтра мы поговоримъ и объ ней, и вы увидите, въ какомъ изобиліи одаренъ этотъ материкъ всевозможными богатствами природы.

ГЛАВА II.

СѢВЕРНАЯ АМЕРИКА.

На слѣдующій день, вечеромъ, отецъ принесъ съ собой карту и положилъ ее на столъ. Маша, начавшая ее внимательно разсматривать, вдругъ воскликнула:

— Папаша, здѣсь недостаетъ цѣлаго куска! На картѣ, которую ты намъ прежде показывалъ, Америка была совсѣмъ не такая.

— Какъ же это могло случиться? отвѣтилъ отецъ, смѣясь; — не уничтожилась ли эта часть Америки отъ времени?

— Да это только сѣверная половина Америки, сказалъ въ свою очередь Ѳедя; — а объ ней-то папаша именно и хотѣлъ разсказывать. Когда мы эту часть узнаемъ хорошо, то, вѣроятно, найдется и южная половина. Не правда ли?

— Дѣйствительно такъ, дитя мое. Сперва я намѣренъ познакомить васъ съ сѣверною половиною материка, тѣмъ болѣе, что и о ней можно разсказать вамъ много новаго и интереснаго.

— Скажи, папаша: эту страну открылъ Колумбъ; почему же она называется *Америкой?* Не называли ли ее такъ прежде туземцы?

— Нѣтъ, дитя мое. Туземцы не были мореплавателями и потому не знали даже, что обитаемыя ими

страны составляютъ материкъ: имъ были извѣстны исключительно страны, сосѣднія съ ихъ мѣстомъ жительства. Колумбъ дѣйствительно заслуживалъ, чтобы открытая имъ часть свѣта была названа по его имени. На свѣтѣ бываетъ однако очень часто, что награду получаетъ тотъ, который менѣе ее заслужилъ. Такъ точно было и съ наименованіемъ ново-открытой части свѣта. Въ то время жилъ одинъ итальянскій дворянинъ, по имени Америкъ Веспуцій, который, ***послѣ*** открытія страны, предпринялъ въ нее путешествіе. Описаніе этого путешествія онъ издалъ въ 1497 г., то есть пять лѣтъ спустя послѣ открытія, и приложилъ къ своему сочиненію, кажется, первую карту Америки. Это сдѣлало землю болѣе извѣстною, и какъ прежде ее называли просто „Новымъ Свѣтомъ,“ такъ по изданіи сочиненія стали называть ее ***Америкой***, по имени перваго описателя.

Сѣверо-американцы старались поправить эту ошибку, насколько отъ нихъ зависѣло. Они назвали ***Колумбіей*** хотя небольшую, но самую важную свою провинцію, въ которой лежитъ ихъ главный городъ, Вашингтонъ, а также и самую большую рѣку, вытекающую изъ Скалистыхъ горъ и впадающую въ Тихій океанъ. Въ южной Америкѣ находилось за нѣсколько лѣтъ до настоящаго времени еще государство Колумбія, которое теперь называется иначе; но весь материкъ никогда не носилъ имени того, который его открылъ.

Воротимся къ сѣверной Америкѣ. Мы имѣемъ дѣло не съ такой страной, которая, подобно Европѣ, лежала бы почти исключительно въ одной полосѣ. Европа лежитъ въ умѣренной, исключая сѣверной части, которая заходитъ за полярный кругъ. Америка простирается отъ полюса, черезъ экваторъ, почти до южнаго полярнаго круга. Узкій перешеекъ, соединяющій сѣверную и

южную Америки, составляетъ явственную границу между обѣими частями.

Тамъ, слѣдовательно, гдѣ земля болѣе всего съуживается, мы проводимъ линію, и даемъ одной части Америки названіе *сѣверной*, а другой *южной*, хотя на югѣ сѣверной Америки бываетъ почти такъ же жарко, какъ въ тропической полосѣ южной половины.

— Папаша, сказалъ Ѳедя, — на этой картѣ опять встрѣчаются тѣ градусы долготы, которые были на картѣ Европы; только здѣсь градусы эти считаются влѣво, тогда какъ на картѣ Европы они считались вправо. Напримѣръ, я помню, что подъ 50-мъ градусомъ долготы въ Европѣ лежало Черное море, тогда какъ здѣсь подъ этимъ градусомъ, на той же высотѣ, лежатъ берега сѣверной Америки.

— Я очень радъ, другъ мой, что ты это замѣтилъ, и постараюсь объяснить тебѣ счетъ градусовъ. Помнишь ли ты, сколько всѣхъ градусовъ долготы?

— Дай вспомнить. Кажется, кругомъ земли 360 градусовъ.

— Такъ. Градусы эти нужно было начать считать съ какого-нибудь мѣста, а съ котораго именно, это было совершенно все равно, лишь бы только вокругъ шара выходило то же самое число. Тогда приняли за исходный пунктъ этого счета маленькій островъ, сквозь который земной шаръ былъ раздѣленъ на двѣ ровныя половины на первой картѣ, которую я вамъ показывалъ. Одна половина заключала въ себѣ Европу, Азію, Африку и Австралію; другая — Американскій материкъ. Островъ этотъ, какъ я вамъ говорилъ, называютъ *Ферро*, и лежитъ онъ у западнаго берега Африки, подъ 28-мъ градусомъ сѣверной широты и, конечно, подъ 0 градусовъ долготы. Теперь нужно было кругомъ земли отдѣлить 360 градусовъ; чтобы не повторять большихъ чиселъ, это дѣленіе упростили слѣдующимъ образомъ: градусы

долготы раздѣлили на двѣ половины, какъ это дѣлается съ градусами широты, и начали считать отъ острова Ферро вправо и влѣво, то есть на востокъ, и на западъ, по 180 градусовъ. Послѣднiй, 180-й градусъ отдѣляется той и другой сторонѣ къ востоку отъ Австралiи. Чтобы при этомъ не вышло никакого недоразумѣнiя, градусы долготы, идущiе къ западу, назвали градусами западной долготы; идущiе же къ востоку — градусами восточной долготы. Такимъ образомъ, если бы ты захотѣлъ опредѣлить съ точностью, до какой точки простирается южный конецъ сѣверной Америки, тебѣ пришлось бы сказать: южная оконечность сѣверной Америки, то есть Панамскiй перешеекъ, — такъ называется эта узенькая полоска земли, — лежитъ подъ 8-мъ градусомъ сѣверной широты и подъ 62-мъ градусомъ *западной* долготы по меридiану Ферро; тогда ошибка дѣлается невѣроятною и дается возможность опредѣлить съ достовѣрностью на картѣ нетолько малѣйшiе острова, но и отдѣльныя, стоящiя въ морѣ скалы, что и дѣлается обыкновенно на морскихъ картахъ, которыя очень большаго размѣра.

— Зачѣмъ же прибавлять *по меридiану Ферро?* спросилъ Ѳедя. Если градусы долготы считаютъ отъ этого острова, то ошибиться уже нельзя.

— Если бы всѣ народы согласились считать отъ Ферро, то, разумѣется, выраженiе это было бы излишнимъ. Ферро былъ въ прежнее время западнѣйшимъ изъ извѣстныхъ острововъ, а потому чрезъ него и провели первый меридiанъ, то есть линiю, отъ которой считали градусы долготы. На нѣмецкихъ картахъ это продолжается и до сихъ поръ; но моряки, въ томъ числѣ и нѣмецкiе, давно уже считаютъ совершенно иначе. Въ Англiи, которая съ давняго времени первенствуетъ въ мореходствѣ, главная *обсерваторiя*, то есть башня, съ которой на-

блюдаютъ теченіе звѣздъ, находится въ Гриничѣ, городѣ, лежащемъ близъ Лондона. Вотъ чрезъ Гриничъ-то англичане и проводятъ первый меридіанъ и отъ него считаютъ восточную и западную долготу. Французы считаютъ долготу отъ Парижа; американцы Соединенныхъ Штатовъ Америки отъ своего главнаго города Вашингтона. Ты видишь, слѣдовательно, что, не согласившись въ меридіанѣ, необходимо прибавлять: долгота по меридіану Ферро или по меридіану Парижа или Гринича или Вашингтона; иначе можетъ произойти важная ошибка. Нѣмецкіе мореплаватели, равно какъ и голландскіе, шведскіе и датскіе, привыкли считать долготу отъ Гринича, потому что тамъ составляются лучшія морскія карты, которыми, принимая другой меридіанъ, затруднительно было бы пользоваться.

Теперь вы, вѣроятно, понимаете, почему на американскомъ полушаріи мы считаемъ градусы долготы къ западу, на нашемъ же къ востоку, и не впадете въ ошибку, если встрѣтите на какой-либо картѣ градусы долготы, несогласные съ тѣми, которые вамъ извѣстны. Если вамъ, напримѣръ, попадетъ въ руки карта, на которой градусы означены по гриничскому меридіану, и вы захотите перевести ихъ на градусы отъ острова Ферро, то вамъ стоитъ только къ числу градусовъ восточной долготы отъ Гринича прибавить $17^3/_4$ градуса— разстояніе отъ меридіана чрезъ Гриничъ до меридіана чрезъ Ферро, — а исчисляя западную долготу, отнять то же число градусовъ.

Теперь скажу вамъ еще нѣсколько словъ о границахъ сѣверной Америки и ея общемъ характерѣ.

Границы сѣверной Америки: на востокѣ и юго-востокѣ — Атлантическій океанъ, со вдающимся подъ ея южный берегъ Мексиканскимъ заливомъ, на западѣ и юго-западѣ — Тихій океанъ; остальную часть южной границы,

находящейся подъ поворотнымъ кругомъ, составляетъ соединяющая обѣ половины Америки узкая полоса земли, называемая часто средней Америкой. На сѣверѣ материкъ граничитъ съ вѣчными льдами Полярнаго моря, въ которое пробираются только смѣлые мореплаватели и безстрашные охотники.

Въ странахъ сѣверной Америки, лежащихъ въ одной широтѣ съ Европой, зима гораздо суровѣе, чѣмъ у насъ. Можно бы думать, что земли, лежащія подъ одними и тѣми же градусами широты, представляютъ одинаковую степень тепла, если только одни изъ нихъ не лежатъ гораздо выше надъ моремъ. Однако мы видимъ иное. — Тогда какъ въ южной Испаніи, южной Италіи и Греціи дозрѣваетъ множество южныхъ плодовъ, даже финики, — въ сѣверной Америкѣ, на полосѣ, лежащей подъ тѣми же градусами широты, эти плоды не созрѣваютъ на воздухѣ, а зимой, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, горы и долины покрыты глубокимъ снѣгомъ. Въ Неаполѣ почти не знаютъ холодовъ, а въ лежащемъ даже южнѣе Нью-Іоркѣ бываетъ зима такая же суровая, какъ въ Швеціи и Норвегіи, хотя продолжается не столько времени.

Причина такой разницы лежитъ въ огромной равнинѣ, которою сѣверная Америка склоняется къ Полярному океану, покрытому вѣчными льдами. Холодный воздухъ океана стремится замѣстить поднимающійся съ тропическихъ странъ теплый и, не встрѣчая горъ, движется къ югу. Подобное явленіе вы можете замѣтить зимою, открывъ дверь изъ жилья на дворъ. Холодный воздухъ будетъ стлаться по полу бѣлымъ паромъ.

Сѣверный Полярный океанъ былъ посѣщаемъ въ новѣйшее время многими мореплавателями; они хотѣли изслѣдовать, простирается ли материкъ до сѣвернаго полюса и соединяется ли онъ съ Гренландіей, или же

между этими землями существуетъ проходъ въ Тихій океанъ, — проходъ, котораго Колумбъ напрасно искалъ въ средней Америкѣ. Англичане и американцы снаряжали, въ теченіе многихъ лѣтъ, корабли для опаснаго путешествія между плавающими льдами сѣвера, и всегда находились неустрашимые люди, готовые бороться съ ужасными затрудненіями и ежеминутной опасностью быть затертыми льдомъ.

— Если тамъ столько льду, папаша, то на что же могъ пригодиться проходъ, хоть бы его и отъискали?

— Ты совершенно правъ: пользы отъ этого прохода нѣтъ; но открытіе его расширяетъ наши свѣдѣнія о земномъ шарѣ, еще очень неполныя. Вы впослѣдствіи узнаете, что на землѣ есть много мѣстъ, о которыхъ мы или знаемъ очень мало, или почти ничего не знаемъ, и мы должны быть очень благодарны смѣлымъ и предпріимчивымъ людямъ, жертвующимъ даже своею жизнью, чтобы насъ съ ними познакомить. Всѣ предпріятія не могутъ быть такъ успѣшны, какъ предпріятіе Колумба. Еще недавно одинъ изъ такихъ людей, отправившись въ Полярное море, вѣроятно, погибъ въ немъ съ кораблями и бывшемъ на нихъ экипажемъ, потому что не былъ отъисканъ. То былъ Франклинъ, англичанинъ, уже до того времени совершившій нѣсколько путешествій въ Ледовитое море. Многія государства высылали туда корабли для отъисканія бѣдныхъ людей, пропавшихъ безъ вѣсти въ снѣгу и льду; но напрасно. Путешественники должны были, не достигнувъ цѣли, возвратиться, чтобы не увеличить собою, безъ пользы, числа погибшихъ въ океанѣ *).

*) Жена Франклина снарядила въ 1858 г. экспедицію, подъ начальствомъ капитана Макъ-Кляйнтона, для отъисканія слѣдовъ ея мужа. Изъ доставленныхъ этимъ мореплавателемъ свѣдѣній видно, что Франклинъ умеръ во время экспедиціи, въ 1847 г.; въ разныхъ мѣстахъ отъисканы вещи, принадлежавшія экипажу, и много человѣческихъ

Всѣ эти предпріятія привели однако къ важному результату: одинъ изъ отправившихся туда кораблей отъискалъ, дѣйствительно, проходъ между Гренландіей и твердой землей, вдоль американскаго материка, до самаго Тихаго океана.

— Слѣдовательно, изъ Атлантическаго океана можно къ сѣверу отъ Америки, проѣхать въ Тихій океанъ? спросилъ Ѳедя.

— Да, это доказано; но открытымъ проходомъ, заваленнымъ постоянно льдами, по всей вѣроятности, никогда не будутъ пользоваться, потому что опасность погибнуть или даже перезимовать во льдахъ заставитъ каждый корабль предпочесть этому пути продолжительное путешествіе вокругъ Капъ-Горна, какъ называется южная оконечность Америки.

Что касается собственно сѣвернаго полюса, то мы должны отказаться отъ ближайшаго его изслѣдованія, потому что по причинѣ страшныхъ холодовъ, непроходимаго снѣга и льда пребываніе на полюсѣ и даже вблизи его невозможно. Мы можемъ довольствоваться описаніемъ тѣхъ странъ, гдѣ могутъ жить люди, то есть не сѣвернѣе 80-го градуса.

Америка была открыта и взята во владѣніе европейцами; найденныя въ ней племена были покорены, и въ настоящее время вся она, отъ сѣвернаго полюса до самой южной оконечности, за исключеніемъ

скелетовъ. — Родителямъ, желающимъ дать дѣтямъ старшаго возраста полное понятіе о сѣверныхъ странахъ, мы рекомендуемъ весьма интересную и поучительную книгу доктора Кена, подъ заглавіемъ: «Путешествія и открытія второй Гринельской экспедиціи».

Прим. переводчика.

незначительныхъ странъ, находится подъ властью европейцевъ или ихъ потомковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно тамъ, гдѣ туземцамъ некуда было удалиться, именно на островахъ, они совершенно истреблены; изъ другихъ мѣстностей они изгнаны и удалились въ неизмѣримыя степи и горы внутри страны; нѣкоторые изъ ихъ потомковъ остались среди бѣлыхъ, но влачатъ жизнь въ постоянной нуждѣ и стали слугами и рабами тѣхъ, которыхъ предки ихъ видѣли прибывшими къ берегамъ Америки на нѣсколькихъ корабляхъ и приняли такъ гостепріимно.

Испанія, которая собственно открыла Америку и называла въ прежнее время своей большую часть этого материка, потеряла въ свою очередь почти все, за исключеніемъ нѣсколькихъ острововъ въ Вестъ-Индскомъ архипелагѣ, — архипелагомъ мы называемъ скопленіе острововъ; часть у нея отняли англичане и французы, часть же потомки прежнихъ колонистовъ, которые возстали и отложились отъ Испаніи.

Впослѣдствіи времени англичане владѣли большею частью Сѣверной Америки; но и тутъ колонисты взялись за оружіе и принудили признать ихъ независимость. Однако Англія оставила за собою большую часть сѣвера; сѣверо-восточная оконечность Америки, Гренландія, принадлежитъ датчанамъ, сѣверо-западная русскимъ. Вы это можете различить на картѣ по краскамъ.

Англійскія владѣнія граничатъ къ югу съ такъ-называемыми *американскими*, то есть Соединенными Штатами, которые прежде находились подъ англійскимъ владычествомъ. Далѣе къ югу лежитъ *Мексика;* она населена потомками европейскихъ испанцевъ, равно какъ и страны еще южнѣйшія Мексики, Средне-американскіе

Штаты, или, какъ ихъ еще называютъ, государства центральной Америки (ихъ пять); изъ Вестъ-Индскаго архипелага или Антильскихъ острововъ почти каждый европейскій народъ присвоилъ себѣ хотя незначительную часть.

Большой островъ Куба, на которомъ лежитъ городъ Гаванна, принадлежитъ Испаніи, съ нѣсколькими незначительными островами; это послѣдніе остатки ея владѣній въ Америкѣ; другими островами этого архипелага владѣютъ англичане, голландцы, французы, даже датчане и шведы; здѣсь же, на островѣ Гаити или Санъ-Доминго, находятся двѣ негритянскія республики, называющіяся этими же именами; это единственное мѣсто въ свѣтѣ, — кромѣ отечества негровъ, — гдѣ они имѣютъ независимое владѣніе.

Эти отдѣльныя части мы пересмотримъ одну за другой, потому что онѣ очень разнятся какъ климатомъ, такъ и произведеніями. Иначе и быть не можетъ съ страной, которая простирается отъ сѣвернаго полюса почти до экватора, — по крайней мѣрѣ, заходитъ далеко за поворотные круги, слѣдовательно заключаетъ въ себѣ всѣ три полосы: холодную, умѣренную и жаркую.

Чтобы всю эту огромную землю разсмотрѣть еще разъ въ цѣлости, замѣтьте, что Гренландія находится не въ большомъ разстояніи отъ Европы. На сѣверо-западѣ, подъ 67-мъ градусомъ сѣверной широты, Америка почти соприкасается съ Азіей, отъ которой отдѣляется весьма узкимъ проливомъ. Онъ носитъ названіе Берингова пролива и, какъ ни высоко лежитъ на сѣверѣ, посѣщаемъ множествомъ кораблей.

— Что же они тамъ могутъ дѣлать? спросилъ Ѳедя:—

Торговать тутъ не съ кѣмъ, да и морскихъ разбойниковъ вѣрно нѣтъ?

— Ты совершенно правъ,—продолжалъ отецъ: — корабли пріѣзжали сюда для ловли китовъ, которые въ этихъ моряхъ водятся въ большомъ числѣ. Въ особенности Германія и Америка высылаютъ много китолововъ, которые лѣтомъ бьютъ китовъ, тюленей и подобныхъ животныхъ, а къ зимѣ уѣзжаютъ на югъ. Наполнивъ привезенныя на корабляхъ бочки жиромъ, они возвращаются въ отечество, продаютъ свой товаръ и снаряжаются въ новое путешествіе, которое продолжается иногда три и четыре года. Американскіе берега вообще очень изобилуютъ рыбой, въ особенности сѣверо-восточный и сѣверо-западный, и много тысячъ людей существуютъ на нихъ одной рыбной ловлей.

Если мы обратимъ вниманіе на самый материкъ, то увидимъ, что по немъ, отъ сѣвера на югъ, тянется непрерывная цѣпь горъ; чѣмъ глубже подвигается она къ югу, тѣмъ дѣлается громаднѣе и могущественнѣе. Она проходитъ не по срединѣ страны, а придерживается постоянно западнаго берега, почему вообще западная половина Америки очень гориста, а страны, лежащія къ востоку, какъ въ сѣверной, такъ и въ южной Америкѣ, представляютъ обширныя равнины.

Я уже замѣтилъ вамъ, говоря о Европѣ, что для большой рѣки нужно большое пространство земли, а гдѣ его нѣтъ, тамъ рѣка не успѣваетъ принять въ себя значительнаго числа притоковъ и потому не можетъ сдѣлаться большою. Это подтверждается и въ Америкѣ: къ западу отъ этихъ горъ, которыя въ сѣверной Америкѣ носятъ названіе *Скалистыхъ*, мы находимъ одну только значительную рѣку въ сѣверо-американскихъ

владѣніяхъ, Колумбію. Вы знаете, что́ я называю сѣверо-американскими владѣніями?

— Знаемъ: это Соединенные Штаты, — отвѣтилъ Ѳедя.

— Да, дитя мое. Къ востоку отъ этихъ исполинскихъ горъ, мы находимъ, напротивъ того, громаднѣйшія рѣки, особенно въ южной Америкѣ, гдѣ протекаетъ величайшая рѣка въ свѣтѣ — Амазонская.

Въ Сѣверной Америкѣ находится еще одна особенность—величайшія внутреннія озера прѣсной, годной для питья, воды.

— Прѣсной воды? воскликнула вопросительно Маша.

— Для отличія отъ соленой воды, находящейся въ океанѣ и въ моряхъ, мы называемъ прѣсною воду нашихъ прудовъ и рѣкъ, а равно и большей части озеръ. Слѣдовательно, прѣсною мы называемъ воду, годную для питья. Хорошо, если вы будете замѣчать подобныя выраженія: ихъ часто случается слышать, и вамъ не нужно будетъ поминутно спрашивать, что значитъ то или другое слово.

Итакъ, въ Америкѣ много прѣсныхъ озеръ. Главнѣйшія изъ нихъ, лежащія къ югу отъ Гудзонова залива, составляютъ часть границы между англійскими владѣніями и американскими штатами. Ихъ пять; они соединяются другъ съ другомъ притоками и изливаютъ воды свои въ широкую, хотя и недлинную рѣку, впадающую въ Атлантическій океанъ.

Чтобы хорошо узнать всю страну, мы начнемъ съ сѣвера и переберемъ всѣ государства; я вамъ при этомъ разскажу все, что въ нихъ встрѣчается замѣчательнаго. Но на сегодня довольно: ужъ поздно, и вамъ пора ложиться спать.

— А есть ли на сѣверѣ индіянцы? спросилъ Ѳедя, который, какъ кажется, очень ими интересовался.

— И очень много: гораздо болѣе, чѣмъ на югѣ, потому что, по причинѣ холода, бѣлые мало заселили крайній сѣверъ Америки. Но подожди до завтрашняго дня: придетъ чередъ и индіянцамъ.

ГЛАВА III.

СѢВЕРНЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ И ИХЪ ЖИТЕЛИ.

На другой день дѣти едва могли дождаться прихода отца: имъ очень хотѣлось услышать поболѣе подробностей объ индіянцахъ. Сверхъ того, вся страна возбуждала въ нихъ крайнее любопытство: они слышали поминутно, что тотъ или другой отправился въ Америку, и не знали, какова она.

Отецъ сдержалъ слово и вечеромъ усѣлся съ дѣтьми на обыкновенное мѣсто; карту они уже положили на столъ. Замѣтивъ, съ какимъ нетерпѣніемъ дѣти ожидаютъ его разсказа, онъ сказалъ, улыбаясь:

— Съ чего же начать мнѣ сегодня?

— Разумѣется, съ индіянцевъ, папаша, отвѣчалъ Ѳедя: вѣдь вчера ты не успѣлъ объ нихъ разсказать.

— Съ индіянцевъ? извольте; туземцы, законные владѣльцы земли, заслуживаютъ того, чтобы начать съ нихъ.

Индіянцы не составляютъ исключительно туземнаго населенія Америки: по сѣвернымъ ея берегамъ живутъ эскимосы; но туземцы всей остальной Америки принадлежатъ къ одному племени, хотя и представляютъ замѣтныя различія, происшедшія отъ климата и пищи, и говорятъ на множествѣ нарѣчій. По наружности,

языку и обычаямъ эскимосовъ, нужно полагать, что они азіятскаго происхожденія и переселились въ Америку черезъ сѣверо-западную ея оконечность, гдѣ эта часть свѣта отдѣляется отъ Азіи лишь узкимъ Беринговымъ проливомъ.

Индіянцы Америки всѣ мѣднаго цвѣта; только живущіе на сѣверѣ немного свѣтлѣе тѣхъ, которые живутъ въ жаркой полосѣ; у всѣхъ длинные, жесткіе, черные волосы и темные глаза. Радушіе и гостепріимство, съ какимъ на всѣхъ берегахъ были встрѣчены первые бѣлые пришельцы, служатъ доказательствомъ доброты индіянцевъ; если же теперь народъ этотъ, въ сношеніяхъ съ европейцами, дикъ и свирѣпъ, то главною причиной тому поступки самихъ европейцевъ, которые вытѣсняли туземное племя съ принадлежащихъ ему земель и, съ намѣреніемъ его покорить, начали первыя непріязненныя дѣйствія. Въ положеніи индіянцевъ мы стали бы такими же: еслибъ въ наше отечество вторгся чужой народъ и сталъ опустошать наши поля, грабить наши дома, мы всѣ взялись бы за оружіе и старались бы прогнать или истребить врага. Индіянцы же народъ воинственный. Составляющія его племена воюютъ другъ съ другомъ теперь точно такъ же, какъ воевали во время открытія Америки, когда имѣли отдѣльныя правленія, старшинъ, которые наблюдали за исполненіемъ закона и предводительствовали племенами на войнѣ.

— Изъ-за чего же они начинаютъ войну? спросилъ Ѳедя.

— Дитя мое, нетолько индіянцы, но и народы, называющіеся образованными, до сихъ поръ считаютъ войну дѣйствіемъ позволительнымъ. Тѣмъ болѣе народы грубые, дикіе не умѣютъ защищать свои права иначе, какъ силою. То же было и съ индіянцами Америки:

хотя каждое племя занимало отдѣльную мѣстность, но часто между ними завязывался споръ и кончался кровопролитной войной. Къ опасностямъ войны и соединеннымъ съ нею лишеніямъ индіянцы привыкаютъ на охотѣ, хотя она уже не такъ опасна, какъ въ прежнее время, когда лѣса Америки были полны дикихъ звѣрей.

— А развѣ теперь тамъ нѣтъ болѣе дикихъ звѣрей? спросилъ Ѳедя.

— Есть, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно много; но количество ихъ нельзя сравнить съ тѣмъ, которое было прежде. Прибывшіе европейцы частью перебили, частью вытѣснили дичь, и это было новымъ несчастіемъ для индіянцевъ: у нихъ отнимали нетолько землю, родину, но средства къ существованію.

Индіянцы, живущіе на сѣверѣ и по берегамъ, различаются отъ живущихъ внутри страны. Первые меньше ростомъ, коренастѣе, притомъ спокойнѣе, миролюбивѣе, причина чего заключается, вѣроятно, въ климатѣ и пищѣ.

— Какъ же можетъ измѣнять людей пища? спросила Маша.

— Болѣе, чѣмъ ты воображаешь,—отвѣтилъ отецъ:— Пища сильно дѣйствуетъ на тѣло, слѣдовательно и на душу человѣка, которая находится въ связи съ тѣломъ. Люди, питающіеся исключительно или по преимуществу растеніями, какъ-то хлѣбомъ, овощами и фруктами (все это вмѣстѣ называется *растительною* пищею), напримѣръ земледѣльцы, большею частью добродушны и миролюбивы. Напротивъ, питающіеся исключительно или по преимуществу мясомъ (*животною* пищею), бываютъ большею частью характера раздражительнаго и страстнаго. Съ одной стороны, это явленіе можетъ происходить отъ дѣйствія самой пищи на тѣло, а съ другой и отъ различной жизни и обстановки людей, питающихся растеніями и питающихся мясомъ. Первые

живутъ въ деревняхъ, однообразно и мирно, въ семьѣ и кругу близкихъ; вторые же преимущественно въ неспокойныхъ городахъ, среди людей чужихъ, часто непріязненныхъ. Рыбная пища занимаетъ средину между мясною и растительною. Она не такъ питательна и горячитъ, какъ мясная, и превосходитъ въ этихъ качествахъ растительную. Люди, живущіе исключительно рыбой, рѣдко бываютъ кровожадны, а, напротивъ, большею частью, спокойны и миролюбивы. Жители сѣвернѣйшей части Америки рѣдко ведутъ войну; океанъ богатъ рыбой, и имъ довольно борьбы съ бурями и волнами.

Сѣверные народы, какъ-то: эскимосы, гренландцы, чукчи и другія меньшія племена, разнятся отъ индіянцевъ во многихъ отношеніяхъ. Они малаго роста, широкоплечи, съ маленькими глазами и выдающимися скулами.

Вообще, съ удаленіемъ на сѣверъ и ослабленіемъ растительности, уменьшается и ростъ человѣка. Естественно, что люди, живущіе большую часть года въ низкихъ землянкахъ, у дымящагося огня и питающіеся прогорклымъ рыбьимъ жиромъ, сухими рыбами и изрѣдка тюленьимъ мясомъ, не могутъ развиться какъ племена, которыя постоянно находятся на свѣжемъ воздухѣ, подъ умѣреннымъ климатомъ, въ великолѣпныхъ лѣсахъ.

— На которомъ изъ американскихъ береговъ живутъ эскимосы? спросилъ Ѳедя: — я всегда думалъ, что эскимосы живутъ въ Камчаткѣ?

— Всѣ жители полярныхъ странъ представляютъ большое сходство другъ съ другомъ, и кто не хорошо запомнитъ племена, тотъ легко можетъ ихъ перемѣшать. Замѣть, что *эскимосы* живутъ на сѣверо-восточномъ берегу Америки, къ югу отъ *гренландцевъ*. Камчаткой же называется сѣверо-восточная часть Азіи, и жители ея

извѣстны подъ именемъ *камчадаловъ.* Два другія племени, имѣющія съ ними большое сходство, живутъ, однако, оба въ сѣверной Европѣ: это *лапландцы*, на сѣверѣ Норвегіи, въ такъ называемой Лапландіи, и, къ востоку отъ нихъ, *самоѣды*, земли которыхъ простираются за Уралъ въ Азію, — слѣдовательно, находятся въ Россійской имперіи. *Чукчи* живутъ на сѣверо-западныхъ берегахъ Америки и сѣверо-восточныхъ Азіи, — по обѣимъ сторонамъ Берингова пролива, къ сѣверу отъ камчадаловъ. Не забывайте же этого и не смѣшивайте однихъ племенъ съ другими.

Всѣ названныя племена разсѣяны по сѣверному берегу Стараго и Новаго Свѣта и преимущественно занимаются рыболовствомъ: дикари эти отважные рыбаки и въ маленькихъ своихъ лодочкахъ смѣло бросаются въ бурное море. Эскимосы, гренландцы и чукчи строятъ лодки продолговатой формы, въ которыхъ ребра, изъ деревянныхъ брусьевъ, связаны расколотымъ китовымъ усомъ и обтянуты непромокаемой моржовой кожей. Лодки эти спереди и сзади очень остры, притомъ узки и наглухо закрыты, даже сверху; только въ серединѣ верхней площадки оставлено круглое отверстіе; рыбакъ влѣзаетъ въ него по поясъ и крѣпко стягиваетъ кожу, такъ что перескакивающая черезъ лодку волна не можетъ въ нее проникнуть.

Кожаная лодка до того легка, что одинъ человѣкъ безъ труда переноситъ ее на плечѣ. Въ такихъ-то лодкахъ смѣлые рыбаки преслѣдуютъ величайшее на земномъ шарѣ животное — кита. Настигнувъ звѣря, они бросаютъ въ него копья, сдѣланныя изъ костей или моржовыхъ зубовъ, стараясь попасть за ласты, такимъ образомъ убиваютъ кита и потомъ ждутъ, чтобы вѣтромъ или теченіемъ пригнало его къ берегу, или же призываютъ на помощь товарищей; тогда двадцать или

тридцать такихъ лодокъ тащатъ исполина морей къ берегу.

— Что же они съ нимъ дѣлаютъ? спросила Маша.

— Мясо ѣдятъ,— отвѣтилъ отецъ,—а жиръ или ворвань употребляютъ частью для лампъ, частью въ пищу.

— Жиръ! воскликнула дѣвочка съ удивленіемъ: — они ѣдятъ рыбій жиръ?

— Почему же нѣтъ? То, къ чему мы привыкли съ дѣтства, всегда для насъ вкусно, будетъ ли это сухой картофель, которымъ у насъ питается бѣдный народъ, или мясо дикихъ звѣрей, или даже рыбій жиръ, который употребляютъ всѣ жители сѣверныхъ странъ. У людей все дѣло привычки, и каждый думаетъ, что его вкусъ самый тонкій. Посади эскимоса за нашъ столъ, подай ему лучшія кушанья, и я держу пари, десять противъ одного, что если онъ и одобритъ наши блюда, то все-таки предпочтетъ лакомства своей родины. Впрочемъ, ты должна знать, что свѣжій рыбій жиръ не такъ отвратителенъ, какъ тотъ прогорклый, который мы получаемъ. Только-что добытый изъ животнаго, онъ не хуже оливковаго масла, и только со временемъ получаетъ непріятный и острый запахъ и вкусъ.

— Есть ли у этихъ бѣдныхъ людей лѣто? спросила Маша.

— Есть, и иногда очень жаркое, хотя и очень непродолжительное. Не смотря на то, земля успѣваетъ покрыться свѣжей травой и прелестными цвѣтами, большею частью альпійскими растеніями. Часть этихъ племенъ, живущая не слишкомъ далеко на сѣверъ, пользуется своимъ короткимъ лѣтомъ для полученія хотя небольшаго количества зерноваго хлѣба. Но за 60-мъ градусомъ не произрастаетъ даже ячмень, и туземцы принуждены довольствоваться рыбой или тѣмъ,

что имъ привозятъ иностранные корабли, для мѣновой торговли.

Вы можете теперь понять, что жители самыхъ сѣверныхъ странъ, по крайней мѣрѣ по нашему мнѣнію, должны вести очень грустную жизнь.

Сѣверо-западная часть Америки, вмѣстѣ съ идущею отъ ней къ Азіи цѣпью острововъ, называемыхъ Алеутскими, принадлежитъ Россіи, какъ вы это можете видѣть на картѣ по зеленой краскѣ, которой покрыты эти земли. Климатъ ихъ такъ суровъ, что не дозволяетъ хлѣбопашества. Поэтому, страна имѣетъ для Россіи значеніе только какъ рынокъ, на которомъ покупаются отъ туземцевъ, за дешевую цѣну, мѣха, сбываемые съ выгодою внутри имперіи и за границу. Главный складочный пунктъ русскихъ находится на островѣ *Ситхѣ*.

Гренландія, сѣверо-восточная оконечность Америки, принадлежитъ датчанамъ; она лежитъ также слишкомъ высоко на сѣверъ, чтобы приносить какую-либо пользу, исключая торговли мѣхомъ. Зима тамъ страшно сурова, лѣто очень непродолжительно; во время его только берега Гренландіи освобождаются отъ льдовъ. Внутренность гориста, покрыта снѣгомъ и ледяными полями и потому, конечно, не позволяетъ заниматься хлѣбопашествомъ.

Владѣнія англичанъ гораздо важнѣе. Они занимаютъ все пространство на картѣ, окрашенное въ красный цвѣтъ, вдаются значительно на югъ, въ умѣренный климатъ, и заключаютъ въ себѣ чрезвычайно плодородныя мѣстности. Англичане устроили далеко на сѣверъ стоянки для торговли мѣхомъ и большіе складочные пункты, для той же цѣли, на Тихомъ и Атлантическомъ океанахъ. Ихъ охоты, устроенныя на военную ногу, пробѣгаютъ всю страну въ извѣстное время года, не только для стрѣльбы пушнаго звѣря, но и для поддержанія торговли съ туземцами, у которыхъ англичане вымѣ-

ниваютъ мѣха на привозимые съ собой товары: разныя украшенія, табакъ, порохъ, пули и т. п.

— Есть ли у индіянцевъ ружья? спросилъ Ѳедя.

— Нѣкоторыя племена, находящіяся давно въ сношеніяхъ съ европейцами, знакомы съ выгодами огнестрѣльнаго оружія. Но самыя сѣверныя употребляютъ еще, большею частью, лукъ, изъ чрезвычайно крѣпкаго и упругаго дерева, оплетенный жилами, и длинныя стрѣлы, снабженныя остріями изъ кости или желѣза; они стрѣляютъ этими стрѣлами съ изумительной вѣрностью.

Англійскія владѣнія, которыя простираются почти отъ сѣвернаго полюса до 48-го град. широты, а тамъ, гдѣ границу составляютъ озера прѣсной воды, даже до 43-го град., заключаютъ на югѣ лѣсистыя и чрезвычайно плодородныя мѣстности, на которыхъ произрастаетъ даже маисъ и съ выгодою воздѣлываются рожь и картофель. Вообще страна, за исключеніемъ западной и южной частей, гористыхъ, плоска и покрыта сосновымъ лѣсомъ. Большая часть ея называется *Канадой*.

Въ прежнее время Канада принадлежала французамъ; да и теперь еще города заселены преимущественно французами и носятъ французскія названія. Для охотъ англичане пользуются помощью этихъ французовъ, которые соперничаютъ съ индіянцами въ ловкости и способности переносить трудъ и лишенія. Во время американской революціи, англичане успѣли отнять Канаду у французовъ и оставили ее за собой.

Канада, со своими неизмѣримыми равнинами и огромными озерами, очень богата рѣками; южныя текутъ въ рѣку Св. Лаврентія, которая, хотя коротка, но, навѣрное, одна изъ самыхъ глубокихъ и широкихъ на земномъ шарѣ; она вливаетъ въ океанъ воды нѣсколькихъ озеръ.

Величайшее изъ этихъ озеръ, ***Верхнее***, съ многочисленными большими островами, соединяется узкимъ проливомъ съ озеромъ ***Гуронъ***, которое, развѣтвившись въ другое озеро, ***Мичиганъ***, соединяется съ озеромъ ***Эри***; послѣднее, широкою, могущественною рѣкою Ніагарою, изливаетъ воды свои въ озеро ***Онтаріо***; изъ него вся огромная масса воды протекаетъ, рѣкою Св. Лаврентія, въ Атлантическій океанъ. Каждое изъ этихъ озеръ довольно глубоко, чтобы носить величайшіе корабли, а съ середины ихъ даже не видно береговъ, такъ что можно вообразить себя находящимся на океанѣ.

Великолѣпнѣйшее явленіе природы въ Канадѣ,—это огромнѣйшій Ніагарскій водопадъ, который, впрочемъ, наполовину принадлежитъ и Соединеннымъ Штатамъ Америки, составляя границу этихъ двухъ странъ. Онъ находится на рѣкѣ Ніагарѣ, которою, какъ я вамъ сказалъ, воды озера Эри вливаются въ озеро Онтаріо.

Озеро Эри лежитъ на нѣсколько сотъ футовъ выше озера Онтаріо, а рѣка Ніагара, долженствующая имѣть столько же паденія, течетъ на протяженіи не болѣе пяти нѣмецкихъ миль. Вмѣсто постепеннаго склоненія, почва, на самой рединѣ разстоянія между обоими озерами, падаетъ, поперегъ всей рѣки, громадною скалистою стѣною, которой ширина равняется нѣсколькимъ тысячамъ футовъ, а высота 180 фут.. Съ этого-то обрыва низвергается вся масса воды.

Это величайшій водопадъ во всемъ мірѣ; и вы можете себѣ вообразить, какой видъ представляетъ масса воды, низвергающаяся на скалы съ такой вышины. Пыль, то есть разбитыя капли воды, поднимается высоко на воздухъ и при блескѣ солнца сверкаетъ всѣми цвѣтами радуги. Шумъ паденія слышенъ за нѣсколько миль, и ниже по теченію, на сколько хватаетъ глазъ, потокъ, продолжая биться о скалы, представляется бѣлой полосой.

Дичи въ Канадѣ еще очень много, потому что въ сѣверной ея части слишкомъ холодно для постоянныхъ поселеній. Поэтому, охота какъ и рыбная ловля, весьма прибыльны.

На отдаленномъ сѣверѣ мы находимъ свойственное Америкѣ животное — лося, который встрѣчается еще, и то весьма рѣдко, на сѣверо-востокѣ Европы. Онъ принадлежитъ къ породѣ оленей, но бываетъ ростомъ съ самую большую корову, съ которой сходенъ и по неловкости движеній, и по строенію костей. У него огромные рога, широкіе, на подобіе лопатки; ими онъ зимой достаетъ изъ-подъ снѣга свою скудную пищу, мохъ.

Охотники убиваютъ лося зимой, когда снѣгъ покроетъ землю толстымъ слоемъ. Большое, тяжелое животное проваливается въ снѣгѣ и съ трудомъ подвигается впередъ, тогда какъ индіянцы и французы Канады надѣваютъ лыжи и при помощи ихъ легко бѣгаютъ по снѣгу.

— Что такое лыжи? спросили дѣти.

— Это просто плетенки изъ ивовыхъ прутьевъ или другаго дерева, покрытыя сѣтью изъ жилъ; онѣ длиною около четырехъ футовъ, а шириною до одного, и продолговатой формы, — слѣдовательно, напираютъ равномѣрно на довольно значительную площадь снѣга. Такимъ образомъ, снѣгъ выдерживаетъ тяжесть человѣка и не проваливается подъ нимъ. Лось же, напротивъ, опираясь на снѣгъ лишь острыми копытами, легко дѣлается добычею охотника, который убиваетъ его изъ ружья или стрѣлой, или небольшимъ топоромъ, который называется *томагавкомъ;* оружіе это индіянцы постоянно носятъ при себѣ.

Буйволы, огромныя стада которыхъ еще встрѣчаются во внутренней части страны, убиваются зимой подобнымъ же образомъ. Впрочемъ, мы объ этомъ пого-

воримъ завтра, чтобы намъ не перебить заразъ всѣхъ звѣрей.

— А нельзя ли мнѣ, папаша, сдѣлать себѣ такія лыжи? спросилъ Ѳедя; — онѣ мнѣ очень пригодятся зимой, ходить поутру въ школу.

— Сдѣлать-то можешь, но едва ли ты будешь въ состояніи ходить на нихъ, потому что это требуетъ немалаго упражненія. Такъ какъ лыжи должны быть довольно широки, то у тебя нога будетъ задѣвать за ногу; а потому лучше носи свои кожаные сапоги; лыжи же оставь индіянцамъ, которымъ они нужнѣе, чѣмъ тебѣ.

ГЛАВА IV.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИНДІЯНЦАХЪ И ИХЪ ОХОТѢ.

— Мы переходимъ теперь, началъ отецъ на слѣдующій вечеръ, — къ самой населенной полосѣ американскаго материка, съ которой, въ отношеніи плодородія, изобилія водъ и богатства произведеній, могутъ равняться весьма немногія страны въ свѣтѣ.

Соединенные Штаты занимаютъ огромное пространство, почти всю умѣренную полосу сѣверной Америки, на сѣверо-западѣ вдаются далеко въ англійскія владѣнія и предоставляютъ такимъ образомъ въ пользованіе жителей всю область рѣки Колумбіи и ея притоковъ. Колумбія, какъ я вамъ уже сказалъ, величайшая изъ рѣкъ къ западу отъ Утесистыхъ горъ.

Штаты простираются, съ востока на западъ, отъ Атлантическаго до Тихаго океана, на югъ же до мексиканской границы, то есть, почти до 30-го град. широты, за который, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходятъ. Полуостровъ Флорида, вдающійся въ Вестъ-Индскій архипелагъ, доходитъ даже до 25-го град. сѣверной широты, — слѣдовательно, почти до поворотнаго круга.

Это-то и есть земля, которую мы разумѣемъ, говоря: „тотъ или другой выселился въ Америку,“ потому что теперь подъ названіемъ Америки извѣстны преимущественно Соединенные Штаты.

Въ прежнее время все это огромное пространство было заселено разными индіянскими племенами, и первые европейцы, прибывшіе къ восточнымъ берегамъ, селились вдоль ихъ и занимались торговлей съ туземцами. Понемногу они подвигались во внутрь страны, или выпрашивая землю у индіянцевъ, или покупая ее за бездѣлицу, пока наконецъ не утвердились въ странѣ. Тогда они начали отнимать землю силой, строили укрѣпленія и уничтожали туземцевъ нетолько огнестрѣльнымъ оружіемъ, но почти еще болѣе водкой. Необразованные индіянцы предались употребленію ея съ дикой неумѣренностью.

Страсть къ водкѣ, которую они справедливо называютъ „огненной водой,“ дотого распространилась между дикарями, что они приносили европейцамъ все сколько-нибудь цѣнное, въ обмѣнъ на этотъ напитокъ, и подъ вліяніемъ его начинали между собой ссоры и войны.

Вы можете легко вообразить себѣ, какъ европейцы обманывали ихъ при подобной торговлѣ. О голландцахъ разсказывали, что при покупкѣ мѣховъ они клали на вѣсы, вмѣсто гирь, руку или ставили ногу. Рука шла за одинъ фунтъ, нога за два, тогда какъ рукой каждый могъ навѣрное поднять на противной сторонѣ вѣсовъ не менѣе 40, а ногой не менѣе 100 фунтовъ.

— Какъ же позволяли это индіянцы? спросилъ Ѳедя: — я думалъ, что они народъ воинственный.

— Дѣйствительно, они были воинственны, а отчасти сохранили отвагу и до сихъ поръ; но индіянскія племена были ослабляемы междоусобными раздорами.

Обитатели береговъ постоянно ссорились съ племенами, жившими внутри страны, и если сначала терпѣли европейцевъ, то дѣлали это для полученія огнестрѣльнаго оружія, чтобы тѣмъ вѣрнѣе побѣдить своихъ враговъ.

Вскорѣ туземцы замѣтили съ ужасомъ, что число прибывавшихъ изъ-за моря иностранцевъ постоянно увеличивается. Собственныя же силы мѣстнаго населенія значительно уменьшились. Когда у европейцевъ были уже мѣста, гдѣ корабли ихъ могли приставать безопасно, корабль за кораблемъ привозилъ вооруженныхъ людей, которые не довольствовались однимъ позволеніемъ жить въ странѣ, но хотѣли владѣть землей и обогатиться на счетъ туземцевъ; они поступали такъ несправедливо, что индіянцы схватились за оружіе, чтобы изгнать незваныхъ гостей. Но было поздно; бѣлые засѣли въ свои укрѣпленія и выстрѣлами изъ ружей и пушекъ принудили индіянцевъ отступить; наконецъ, увеличившись въ числѣ, они побѣждали ихъ и въ открытомъ полѣ и болѣе и болѣе оттѣсняли вовнутрь страны.

Тогда индіянцы сдѣлали то, съ чего должны были начать: они старались соединиться. Одинъ воинственный князь, по имени Текумза, пытался составить союзъ всѣхъ племенъ, уговаривая ихъ забыть прежнія несогласія, для изгнанія пришельцевъ. Многія племена присоединились къ этому союзу, другія отказались. Зависть и ревность, поддерживаемыя, разумѣется, бѣлыми, которые съумѣли привлечь на свою сторону нѣкоторыя племена, воспрепятствовали исполненію плана, и европейцы остались владѣльцами страны.

Тогда индіянцы начали такъ-называемую пограничную войну, нападали на уединенныя въ лѣсахъ поселенія, убивали женщинъ и дѣтей. Бѣлые, въ свою оче-

редь, начали мстить, и такъ какъ у нихъ солдатъ было уже много, то они бросались на индіянскія деревни, жгли ихъ и убивали жителей или прогоняли далѣе къ западу.

Годъ отъ году европейцы расширяли свои владѣнія, годъ отъ году прогоняли индіянцевъ дальше, такъ что у дикарей, наконецъ, остался небольшой, относительно, клочекъ земли, лежащій между поселеніями ихъ побѣдителей и западными берегами Америки.

— Но тамъ, по крайней мѣрѣ, ихъ оставятъ въ покоѣ? спросилъ Ѳедя.

— Сомнѣваюсь, отвѣтилъ отецъ. Впрочемъ, нѣкоторыя племена приняли обычаи бѣлыхъ, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, а ирокезы и хоктавы, два способныя и честныя племени, почти обращенныя въ христіанство, посылаютъ дѣтей своихъ въ школы европейцевъ и завели даже типографію, въ которой печатаютъ собственную газету. Но большая часть племенъ не хочетъ оставить прежней жизни и изъ-за отвращенія къ труду гибнетъ.

— Значитъ, они сами виноваты, замѣтилъ Ѳедя.

— По нашимъ понятіямъ о жизни ты правъ, другъ мой; но справедливы ли мы? Земля была нужна индіянцамъ не менѣе, чѣмъ европейцамъ, и не смотря ни на какія приводимыя извиненія, бѣлые не имѣли въ дѣйствительности никакого права отнимать ее у дикарей. Что они хотѣли обратить идолопоклонниковъ въ христіанство, было всегда только предлогомъ, потому что еслибъ эти идолопоклонники жили на безплодной землѣ, изъ которой нельзя бы было извлечь никакой пользы, то ихъ, вѣроятно, оставили бы въ покоѣ, ни мало не заботясь о томъ, христіяне ли они, или нѣтъ. Доказательствомъ могутъ служить многіе туземцы Австраліи, живущіе въ пустынныхъ, безводныхъ мѣстностяхъ и остающіеся въ идолопоклонствѣ. Почти доказано, что въ

прежнее время въ Америкѣ жило гораздо болѣе просвѣщенное племя, чѣмъ то, которое нашли первые переселенцы Европы. По крайней мѣрѣ, остатки ихъ городовъ и жилищъ найдены во многихъ мѣстахъ материка. Кто они были, и что съ ними сдѣлалось, осталось загадкой, потому что теперешніе индіянцы не имѣютъ объ нихъ никакихъ свѣдѣній. Они знаютъ только то, что имъ устно передавали ихъ родители, большею частью подробности о минувшихъ войнахъ, и эти-то извѣстія слушатели, въ свою очередь, пересказываютъ своимъ дѣтямъ. Очень можетъ быть, что ихъ праотцы пришли въ эту землю завоевателями. Въ такомъ случаѣ, потомки только искупили несправедливое дѣло предковъ.

Милліоны европейцевъ поселились на этой плодородной землѣ, которая теперь прекрасно обработана. Гдѣ прежде жили волки и медвѣди и лѣса оглашались воинственными криками индіянцевъ, тамъ теперь процвѣтаютъ искусства и науки, построены церкви и школы. Но туземное племя при этомъ гибнетъ, и сердце стѣсняется при мысли, что то же самое бываетъ вездѣ, гдѣ открываются новыя земли. Просвѣщенные народы научились истреблять, но не воспитывать.

Индіянцы красивый, сильный народъ, по цвѣту тѣла схожій со своими сѣверными сосѣдями, эскимосами, но во всемъ остальномъ стоящій далеко выше ихъ. Постоянная жизнь въ лѣсахъ, войны и охоты развили зрѣніе и слухъ индіянцевъ до непонятной для насъ степени: они могутъ найти слѣдъ человѣка или звѣря, даже на самой твердой землѣ, — тамъ, гдѣ мы, европейцы, не увидимъ рѣшительно ничего.

Религія ихъ чрезвычайно проста: они вѣруютъ въ единаго „великаго духа," котораго называютъ *Маниту*, и въ злое существо, которое у многихъ племенъ но-

ситъ названіе ***Нанабоцо;*** вѣруютъ, что по смерти они будутъ жить въ роскошныхъ мѣстностяхъ, полныхъ дичи, и проводить все время въ охотѣ. Поэтому-то они и не боятся смерти. Война ихъ бываетъ жестока, и они имѣютъ дикій, отвратительный обычай: побѣжденному врагу они срѣзаютъ съ головы верхнюю часть кожи, съ волосами, называя ее ***скальпомъ*** и сохраняя въ знакъ побѣды.

— Что за ужасъ! воскликнула Маша; — и индіянцы поднимаютъ этотъ кусокъ кожи?

— Мало того даже прикрѣпляютъ его за волосы къ кушаку; тотъ, кто обладаетъ большимъ числомъ такихъ знаковъ побѣды, пользуется между своими и бо̀льшимъ почетомъ. По принятому обычаю, индіянцы коротко обрѣзываютъ волосы на головѣ. Скальпъ снять трудно, и воины оставляютъ на макушкѣ длинный клочекъ волосъ, въ видѣ косы, какъ бы въ знакъ презрѣнія къ своимъ врагамъ; воинъ будто говоритъ: „возьми мой скальпъ, если сможешь.“

Индіянцы преимущественно охотники; но, хотя немного, занимаются земледѣліемъ, и первые европейцы нашли, что вблизи своихъ деревень туземцы лѣтомъ воздѣлывали иногда маисъ. Мужчины, какъ и во всѣхъ племенахъ, живущихъ охотой, не занимаются никакими работами: женщины обрабатываютъ пашню, выдѣлываютъ кожи звѣрей на одежу и обувь, приготовляютъ пищу и во время пути, въ случаѣ недостатка во вьючныхъ животныхъ, несутъ всю ношу.

— Это, однако, несправедливо, замѣтилъ Ѳедя; — мужчина гораздо сильнѣе женщины и долженъ бы заниматься самой тяжелой работой.

— По нашимъ понятіямъ оно неправильно; но у всѣхъ дикихъ племенъ существуетъ такой обычай. Онъ основывается, конечно, на бо̀льшей силѣ мужчинъ; однако, можетъ быть отчасти оправданъ. На мужчинѣ,

въ особенности зимой, лежитъ обязанность доставлять семьѣ пищу, и если онъ не убьетъ дичи, то всѣ голодаютъ. Но чтобы дикарь могъ во всякое время схватиться за оружіе, огнестрѣльное или лукъ, и выстрѣлъ былъ вѣренъ, руки охотника должны быть не заняты и совершенно спокойны. Еслибы мужчина несъ какую нибудь тяжесть, то онъ непремѣнно бы уставалъ, а рука его дрожала бы. По этому-то мужчины, чтобы имѣть возможность удовлетворять нуждамъ своего семейства, носятъ одно оружіе. Убивъ какого-либо звѣря, они несутъ его въ свой лагерь, передаютъ женамъ, а сами ложатся подъ деревомъ или у огня и болѣе ни объ чемъ не безпокоятся.

Восточная часть Соединенныхъ Штатовъ покрыта великолѣпнѣйшими лѣсами, какіе едвали можно встрѣтить въ другой части свѣта; по направленію къ западу лѣса исчезаютъ и начинаются обширныя равнины, на протяженіи многихъ сотъ миль, простирающіяся до самаго подножія Утесистыхъ горъ. Такія же огромныя равнины мы встрѣтимъ и въ южной Америкѣ, но только подъ другимъ названіемъ. Здѣшнія называются саваннами. Это огромные луга, покрытые весной яркими цвѣтами, лѣтомъ высокой травой; на нихъ, на протяженіи дня ѣзды, иногда нельзя встрѣтить ни одного дерева. Тутъ живутъ еще разныя индіянскія племена, которыхъ европейцы безпокоятъ только временно, появляясь на лугахъ для охоты; племена эти сохранили такимъ образомъ свою первобытную силу и дикость. Это отчаянные ѣздоки и смѣлые охотники, которые живутъ единственно охотой и, съ дикими стадами буйволовъ, лѣтомъ перекочевываютъ къ сѣверу, а зимой возвращаются на югъ.

— Со стадами? да развѣ буйволъ то же самое животное, что и нашъ рогатый скотъ?

— Да, только дикій. Во время переходовъ буйволы встрѣчаются стадами въ нѣсколько тысячъ штукъ. Они водятся преимущественно въ луговыхъ степяхъ, потому что вблизи поселеній ихъ давно уже истребили. Весной и лѣтомъ буйволы подвигаются на сѣверъ, гдѣ въ это время довольно травы; когда же осенью пойдетъ снѣгъ, и трава умираетъ, они, какъ наши ласточки, отправляются въ болѣе теплый климатъ. Холодъ буйволы могутъ переносить, потому что покрыты густой, плотной шерстью; но на сѣверѣ они не нашли бы корму и потому переселяются въ теплый климатъ, гдѣ находятъ траву въ изобиліи; они пробѣгаютъ иногда пространства въ нѣсколько тысячъ миль.

Индіянцы держатся постоянно вблизи стада буйволовъ, и когда оно достигаетъ страны, гдѣ проводитъ зиму или лѣто, индіянцы тутъ же раскидываютъ свои палатки изъ буйволовой кожи и остаются все время года, направляя отсюда свои охоты.

Во время этихъ путешествій, лошади для нихъ весьма полезны, потому что, какъ я вамъ уже говорилъ, жители луговъ отличные ѣздоки. Лошадь не природное въ Америкѣ животное: европейцы не нашли на материкѣ ни одной лошади, на всемъ протяженіи отъ сѣвера къ югу, и привезли ее изъ Испаніи. И климатъ, и пища оказались столь соотвѣтствующими этому животному, что лошади чрезвычайно быстро размножились и нынѣ на лугахъ встрѣчаются огромнѣйшіе табуны. Лошадей этихъ, въ дикимъ состояніи, очень трудно ловить; но индіянцы прибѣгаютъ къ различнымъ хитростямъ. Они привязываютъ пойманную лошадь на длинной веревкѣ къ дереву и гоняютъ ее вокругъ ствола до тѣхъ поръ, пока животное совершенно не выбьется изъ силъ. Потомъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ

дикарей вскакиваетъ лошади на спину, ее спускаютъ, и она еще нѣсколько часовъ носится со своимъ ѣздокомъ; животное, не будучи въ состояніи сбросить сѣдока, сознаетъ себя побѣжденнымъ и обыкновенно позволяетъ съ собой дѣлать, что угодно.

— Нападаютъ ли індіянцы до сихъ поръ на бѣлыхъ? спросилъ Өедя, — или они, наконецъ, убѣдились, что не могутъ сладить съ европейцами?

— Индіянцы, живущіе на лугахъ, еще очень дики и свирѣпы и если могутъ напасть на путешественника или охотника, то не замедлятъ это сдѣлать. Такъ какъ множество народу переѣзжаетъ по этимъ лугамъ и чрезъ Утесистыя горы изъ восточныхъ штатовъ къ берегамъ Тихаго океана, гдѣ лежитъ Калифорнія, то путешественники собираются обыкновенно въ большомъ числѣ и ѣдутъ караванами, чтобы въ случаѣ надобности защищать другъ друга. На ночь телѣги ставятъ одну возлѣ другой въ кругъ; въ серединѣ зажигаютъ огни, на которыхъ семьи готовятъ ужинъ. Вездѣ разставляютъ часовыхъ, чтобы индіянцы не могли напасть на караванъ врасплохъ, а лошадей и вьючный скотъ пускаютъ, на веревкахъ, пастись. Лишь только замѣтятъ близость врага, тотчасъ загоняютъ ихъ въ середину обоза, и случается очень рѣдко, чтобы индіянцы рѣшились напасть на хорошо защищенный караванъ.

— Калифорнія — это та земля, въ которой нашли такъ много золота? правда, папа? спросила Маша.

— Да, дитя мое, я поговорю съ вами и объ этой землѣ; но только не сегодня. Сегодня мы имѣли дѣло съ индіянцами, а завтра взглянемъ и на самую страну.

— Ты намъ однако забылъ сказать, какъ охотятся на буйволовъ?

— Вообще, я мало еще говорилъ объ охотѣ въ Америкѣ; но до другаго раза. Если я за одинъ разъ разскажу вамъ слишкомъ много, то вы все перезабудете, тогда какъ я желаю, напротивъ, чтобы вы помнили все хорошо.

ГЛАВА V.

ГОРЫ И РѢКИ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. ЦАРСТВО ЖИВОТНЫХЪ.

На слѣдующій день, съ самаго утра, дѣти просили отца показать имъ на картѣ мѣста, гдѣ живутъ индіянцы и гдѣ стада буйволовъ совершаютъ свои полугодичныя странствованія. Однако, отецъ отложилъ все до вечера, желая поговорить съ ними подробнѣе о самой странѣ и объ охотѣ. Связный разсказъ, говорилъ онъ, займетъ и утвердится въ памяти лучше, чѣмъ если будутъ указаны пальцемъ на картѣ отдѣльныя мѣстности.

Ѳедя и Маша съ сильнымъ нетерпѣніемъ дожидались вечера.

— Вотъ, дѣти, началъ отецъ, занявъ свое обычное мѣсто, — передъ вами вся страна съ ея горами и рѣками, и вамъ не трудно будетъ познакомиться съ ея положеніемъ, какъ она ни пространна. Вамъ придется запоминать не много горъ, но большое число рѣкъ, орошающихъ страну во всѣхъ направленіяхъ и такихъ огромныхъ и глубокихъ, что по большей части изъ нихъ могутъ плавать значительные корабли.

Главный водораздѣляющій хребетъ Америки составляютъ Утесистыя горы; воды ихъ западнаго склона впадаютъ въ Тихій океанъ, а восточнаго частью въ Мексиканскій заливъ, частью въ Атлантическій океанъ. Вы

видите, а по градусамъ можете и сосчитать, какое огромное пространство должны пробѣгать воды восточнаго склона, прежде чѣмъ достигнутъ океана, и это даетъ имъ возможность принять въ себя столько притоковъ и разрастись.

Кромѣ этой главной цѣпи, въ сѣверной Америкѣ, вдоль восточнаго берега, тянутся еще другія горы, незначительной вышины, называемыя Аллеганскими. Тѣ, которыя лежатъ ближе къ берегамъ, имѣютъ вліяніе и на внутреннія страны: ихъ западный склонъ высылаетъ рѣки на западъ; онѣ встрѣчаются съ рѣками, текущими съ востока и вмѣстѣ съ ними образуютъ главную рѣку сѣверной Америки, текущую съ сѣвера, изъ нѣсколькихъ озеръ на границѣ Канады, и впадающую въ Мексиканскій заливъ. Эта большая рѣка, ***Миссисиппи***, или, какъ называютъ ее индіянцы, „отецъ всѣхъ рѣкъ"; принявъ въ себя множество притоковъ, изливаетъ въ заливъ, семью устьями, огромную массу воды.

Миссисиппи, принимая въ себя много рѣкъ съ востока и запада, находится посредствомъ этихъ притоковъ въ сообщеніи со всѣми штатами и служитъ средоточіемъ всей западной торговлѣ. Главные его притоки вы можете видѣть на картѣ.

Замѣчательнѣе другихъ ***Миссури***, почти столь же широкая и глубокая рѣка, какъ и Миссисиппи.

Менѣе ***Арканзасъ*** и ***Красная***, названная такъ по цвѣту ея водъ, которыя во время разлива бываютъ почти кирпичнаго цвѣта, смывая съ береговъ красную землю.

Три эти рѣки вытекаютъ изъ Утесистыхъ горъ и направляются къ востоку; на верховьяхъ ихъ живутъ почти исключительно индіянцы, но не вплоть до Миссисиппи, потому что правый берегъ этой рѣки, на протяженіи 60 миль, воздѣланъ и покрытъ поселеніями бѣлыхъ.

— Вѣроятно, папаша, ты хотѣлъ сказать — „лѣвый берегъ,“ замѣтилъ Ѳедя, — а сказалъ правый; вѣдь правый берегъ на другой сторонѣ отъ этихъ притоковъ?

— Нѣтъ, дитя мое, правый берегъ въ одной сторонѣ съ ними: берегъ рѣки различается не по тому, какъ онъ намъ представляется на картѣ, а какъ бы представился плывущему по рѣкѣ или стоящему тамъ, откуда она вытекаетъ, лицемъ къ ея устью. Слѣдовательно, по которую сторону рѣки Миссисиппи ея главные притоки и Утесистыя горы?

— По правую.

— Да. Пространство между этой рѣкой и горами, самыя горы и ихъ долины служатъ главнымъ мѣстопребываніемъ индіянцевъ, между которыми самое многочисленное и могущественное племя павни или „волковъ“.

— Волковъ? спросили дѣти съ удивленіемъ.

— Слова этого не должно принимать въ настоящемъ его значеніи: это названіе, которое племя дало себѣ или получило отъ другихъ племенъ. Индіянцы съ удовольствіемъ даютъ себѣ прозвища смѣлыхъ, сильныхъ и быстрыхъ звѣрей, и нѣкоторые ихъ предводители, отличившіеся на охотѣ или войнѣ, извѣстны подъ прозваніями: „черный соколъ,“ „быстрый олень,“ „прыгающій барсъ“ и т. п.

Съ восточной стороны впадаетъ въ Миссисиппи одна только значительная рѣка: *Огейо*. Огейо, на языкѣ живущихъ по ея берегамъ индіянцевъ, значитъ „красивая рѣка,“ хотя по красотѣ преимущество должно отдать текущей съ сѣвера и впадающей въ Атлантическій океанъ рѣкѣ Гудзону, при устьѣ которой стоитъ большой городъ Нью-Іоркъ. Берега Огейо, покрытые лѣсистыми пригорками и прекрасно-воздѣланными долинами, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаютъ берега европейскаго Рейна.

На берега этой-то рѣки, до озеръ, отправляется большая часть нашихъ переселенцевъ. Земля тамъ еще не такъ дорога, какъ въ густо населенныхъ европейскихъ государствахъ, и на ней воздѣлываютъ маисъ, рожь, пшеницу, овесъ, ячмень, а въ новѣйшее время даже виноградъ.

Климатъ довольно схожъ съ нашимъ только лѣтомъ бываетъ жарче, а вблизи озеръ зимній холодъ иногда очень силенъ. Такого продолжительнаго холода, какой бываетъ въ Европѣ, тамъ не знаютъ; погода перемѣнчива: съ сѣвернымъ вѣтромъ наступаетъ холодъ, съ морскимъ — оттепель. Умѣренность климата въ особенности привлекла много нѣмецкихъ переселенцевъ, такъ что цѣлыя полосы земли заселены и обрабатываются ими.

Нигдѣ нѣтъ такой смѣси народностей, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ; всѣ безъ исключенія государства Европы имѣютъ тамъ своихъ представителей, и притомъ выбравшихъ себѣ климатъ по сходству съ отечественнымъ. Русскіе, шведы, датчане и норвежцы селятся преимущественно на сѣверѣ; англичане, шотландцы и ирландцы южнѣе; нѣмцы держатся вообще среднихъ штатовъ, а испанцы, португальцы и итальянцы самыхъ южныхъ. Одни французы встрѣчаются вездѣ, отъ сѣверныхъ частей Канады до Мексиканскаго залива; для нихъ, кажется, каждый климатъ хорошъ.

— И всѣ эти люди охотятся? спросилъ Ѳедя.

— Какъ кажется, сказалъ отецъ, улыбаясь, — придется прежде всего удовлетворить твое любопытство въ отношеніи охоты; иначе ты не прислушаешься ни къ чему другому. Тамъ, гдѣ есть поселенія, — разумѣется, трудно охотиться, потому что, гдѣ выстроены мызы, гдѣ постоянно рубятъ лѣсъ, гдѣ люди ходятъ взадъ и впередъ, тамъ звѣрю не спокойно и онъ не остается. Но къ западу отъ Миссисипи, въ южныхъ земляхъ,

есть еще большіе и густые лѣса и много болотъ, гдѣ встрѣчается мало поселеній, и тамъ водятся во множествѣ медвѣди, пантеры, волки, олени и дикія индѣйки.

— Дикія индѣйки?

— Да, другъ мой, индѣйки, которыя у насъ считаются домашнею птицею, живутъ въ сѣверной Америкѣ, или по крайней мѣрѣ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, въ дикомъ состояніи. Но кажется, что эти птицы только сдѣлавшись ручными принимаютъ различные и свѣтлые цвѣта. У насъ встрѣчаются индѣйки серебристо-сѣрыя и совершенно бѣлыя. Дикія же одноцвѣтны, какъ темнѣйшія изъ нашихъ: именно, перья у нихъ темно-коричневыя, съ тонкой бѣлой каймой; грудь желтоватая, золотистая. Индюки клохчутъ точно такъ, какъ и у насъ. Птица эта живетъ стаями отъ 30 до 40 и болѣе штукъ.

Охотники бьютъ ихъ обыкновенно изъ ружей, пулями, на очень высокихъ деревьяхъ, въ которыя индѣйки прячутся, особенно отъ собакъ. Впрочемъ, ихъ ловятъ и живыхъ, слѣдующимъ, весьма забавнымъ, образомъ. Ставятъ на землѣ курятникъ произвольной величины, но такой вышины, чтобы индѣйка могла въ немъ свободно выпрямиться. Съ боку дѣлаютъ низенькое отверстіе, которое позволяетъ птицѣ пройти въ курятникъ только нагнувшись. Вблизи клѣти разсыпаютъ маисъ, узкой полоской, по направленію къ отверстію и до самой середины клѣтки. Увидѣвъ маисъ, индѣйки его клюютъ и подвигаются, нагнувшись, въ самую середину курятника. Когда все зерно съѣдено, онѣ выпрямляются и, разумѣется, наравнѣ съ глазами не находятъ никакого отверстія. Индѣйки пугаются, начинаютъ биться, но это ни къ чему не служитъ. Дыра, въ которую онѣ вошли, все еще открыта; но ни одна изъ нихъ не догадается согнуться и выйти; такимъ образомъ ихъ ловятъ по семи и осьми штукъ.

— Это великолѣпно! воскликнулъ Ѳедя. — Однако, какая глупая птица, что не вздумаетъ нагнуться.

— Вообще, однако, индѣйки не такъ глупы, продолжалъ отецъ; — на свободѣ нѣтъ птицы умнѣе и осторожнѣе. Только будучи пойманы, онѣ совершенно теряются. Вѣдь почти то же бываетъ и съ людьми: когда ихъ постигаетъ неожиданная опасность, они не въ состоянiи сообразить своего положенiя, теряются и губятъ себя. Въ доказательство осторожности этихъ птицъ разскажу вамъ анекдотъ объ одномъ индiянцѣ. Онъ часто приносилъ одному торговцу, жившему вблизи луговыхъ степей, оленьи шкуры, оленье мясо и другую дичину, но очень рѣдко индѣекъ, которыя водятся болѣе въ лѣсахъ и на открытой равнинѣ видятъ охотника далеко. Къ оленямъ индiянцы подкрадываются весьма искусно. Они срѣзываютъ какой-нибудь кустъ и, увидя вдали оленя, держатъ кустъ передъ собой и ползутъ къ животному. Когда оно смотритъ въ сторону охотника, индiянецъ остается неподвижнымъ за своимъ кустомъ; но едва олень успокоится и начнетъ щипать траву, индiянецъ снова ползетъ, пока не приблизится къ оленю на столько, что можетъ убить его выстрѣломъ изъ ружья. Зная этотъ способъ охоты, купецъ, смѣясь надъ дикаремъ, вызывалъ его убивать такимъ же образомъ индѣекъ. Дикарь отвѣтилъ на ломанномъ англiйскомъ языкѣ.

„О, да! попробуй-ка самъ выйти въ степь и убей индѣйку. Когда индiянецъ идетъ на оленя съ кустомъ, олень видитъ кустъ, поднимаетъ голову и думаетъ: Хмъ, можетъ быть индiянецъ, а можетъ быть и кустъ, — и спокойно продолжаетъ ѣсть. Индiянецъ подвинется еще немного; олень видитъ кустъ и думаетъ: Хмъ, можетъ быть индiянецъ, а можетъ быть и кустъ, — и продолжаетъ ѣсть; и первая вещь, которую олень слышитъ,

это выстрѣлъ. Индѣйка, когда увидитъ на лугу кустъ, подниметъ голову и думаетъ: Хмъ, это непремѣнно проклятый индіянецъ, — и тотчасъ улетаетъ далеко въ степь. Попробуй-ка, купецъ, самъ выйти на луга и убей индѣйку!“

Дѣти много смѣялись разсказу индіянца. Отецъ продолжалъ:

— Въ прежнее время въ Америкѣ водилось множество медвѣдей; но ихъ дотого преслѣдовали, что если и не истребили совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, они стали рѣдкостью. Въ Америкѣ двѣ породы медвѣдей. Въ восточныхъ штатахъ встрѣчается небольшой черный медвѣдь, съ желтоватой мордой, довольно смирное животное, живущее почти исключительно кореньями, лѣсными плодами и ягодами и пробирающееся лѣтомъ въ поля, засѣянныя маисомъ. На людей этотъ медвѣдь бросается очень рѣдко, развѣ если разсерженъ, въ особенности продолжительнымъ преслѣдованіемъ собакъ.

Другой, совершенно мирный звѣрь, это енотъ или медвѣдь полоскунъ, не больше зайца, только немного толще. Въ сѣверной Америкѣ на него охотятся изъ-за мѣха; мѣха вообще лучше въ сѣверныхъ странахъ, чѣмъ въ южныхъ. Его называютъ медвѣдемъ только потому, что наружностью и привычками этотъ звѣрь напоминаетъ своего огромнаго теску; только хвостъ у него хватаетъ до земли; полоскуномъ же потому, что всякую пищу енотъ до ѣды полощетъ въ водѣ, если только она есть поблизости. Я не думаю, чтобы онъ дѣлалъ это изъ чистоплотности, — скорѣе, любя влажность. Въ звѣринцахъ ему случается полоскать и сахаръ и очень удивляться, когда сахаръ исчезаетъ. Енотъ питается, подобно медвѣдю, преимущественно плодами.

Въ Америкѣ есть весьма странное животное, двуутробка или опоссумъ. Построеніемъ тѣла оно похоже на крысу; тоже имѣетъ длинный голый хвостъ и короткія уши; только оно гораздо больше. Двуутробкой называютъ это животное потому, что оно носитъ своихъ дѣтей въ мѣшечкѣ, находящемся подъ животомъ. Если двуутробка гуляетъ съ ними въ лѣсу и почуетъ опасность, то издаетъ особенный крикъ; дѣти немедленно прячутся въ мѣшечекъ, и мать влѣзаетъ съ ними на дерево или прячется въ другомъ мѣстѣ, пока не пройдетъ опасность. Если ее застигнутъ врасплохъ собаки или охотникъ, такъ что ей негдѣ скрыться, она падаетъ на землю и притворяется мертвой: позволяетъ себя бить и щипать, не двигается съ мѣста, не шевельнетъ ни однимъ членомъ. Но лишь только охотникъ или собаки удалятся, двуутробка осторожно поднимаетъ голову, озирается и, если опасность миновала, вскакиваетъ и убѣгаетъ.

Тамошніе олени схожи съ содержимыми у насъ въ паркахъ ланями; только рога у нихъ болѣе наклонены впередъ; на этихъ животныхъ охотятся такъ же, какъ и у насъ.

Ты, Ѳедя, очень желалъ слышать объ охотѣ на буйволовъ. Когда индіянцы хотятъ охотиться на это огромное и сильное животное, которое гораздо больше нашего быка, они приближаются къ стаду на быстрыхъ лошадяхъ, гонятъ его по степи и стараются отдѣлить нѣсколько штукъ отъ всего стада и убить копьями или стрѣлами. Если это не удается, то индіянцы несутся подлѣ стада, выбираютъ нѣсколько буйволовъ, которые имъ кажутся пожирнѣе и пускаютъ въ нихъ стрѣлы до тѣхъ поръ, пока животныя, ослабленныя потерей крови, не падутъ.

— Какъ же индіянцы стрѣляютъ, сидя на лошади?

спросилъ Ѳедя; — вѣдь они одной рукой должны держать поводъ.

Они, какъ я вамъ уже сказалъ, очень искусные и смѣлые ѣздоки: скачутъ во весь духъ за добычей, не употребляя вовсе повода. Случается довольно часто, что разъяренный буйволъ обращается на охотника; тогда индіянецъ, сжимая ляжки, поворачиваетъ лошадь и несется прочь; буйволъ его преслѣдуетъ; между тѣмъ другіе охотники пускаютъ въ него свои стрѣлы, и животное падаетъ мертвымъ.

Во время охоты буйволовъ преслѣдуютъ еще цѣлыя стада волковъ; они стараются захватить буйволовъ поодиночкѣ, что имъ обыкновенно и удается, если индіянцы долго преслѣдовали стадо. Охотники всегда ранятъ нѣсколькихъ; тѣ пробѣгаютъ нѣкоторое пространство и, ища спасенія, стараются присоединиться къ стаду; но, ослабленные потерей крови, падаютъ, и волки разрываютъ ихъ въ куски, прежде, чѣмъ подоспѣютъ индіянцы.

Другой, свойственный сѣверной Америкѣ звѣрь, это пантера, изъ породы кошекъ, похожая на нашего рыся. Она величиной съ мясницкую собаку, ѣстъ всякихъ, попадающихся въ лѣсу животныхъ, нерѣдко нападаетъ даже на жеребятъ и телятъ; она темно-желтаго цвѣта, съ едва замѣтными, частью темными, частью свѣтлыми пятнами; убить пантеру очень трудно, потому что она выходитъ за добычей только ночью, развѣ побуждается къ противному голодомъ. На человѣка она не нападаетъ.

— Папаша, ты намъ сказалъ, что въ Америкѣ двѣ породы медвѣдей; черный и полоскунъ?

— Нѣтъ, дружокъ, тамъ водится еще сѣрый медвѣдь. Я именно объ этомъ хотѣлъ теперь сказать; но сѣрый медвѣдь не водится въ восточныхъ штатахъ, а въ Утесистыхъ горахъ и въ Калифорніи. Онъ ростомъ съ быка, темно-сѣраго цвѣта, очень силенъ и дикъ и

если, не будучи раздраженъ, не нападаетъ на людей, то и не бѣжитъ отъ нихъ. Всѣхъ другихъ животныхъ онъ убиваетъ однимъ ударомъ своей огромной лапы, и бѣда охотнику, который съ перваго выстрѣла только ранитъ его и не успѣетъ взлѣзть на дерево. Этотъ сѣрый медвѣдь не умѣетъ лазать по деревьямъ, чему препятствуютъ его когти, длиною въ нѣсколько дюймовъ. Бывали примѣры, что когда охотникъ взлѣзалъ на дерево, мстительный звѣрь сторожилъ его день и ночь, пока не былъ выгоняемъ изъ-подъ дерева голодомъ.

Въ луговыхъ степяхъ сѣверной Америки водится еще весьма большой родъ оленей, лось, величиною почти съ лошадь, съ огромными рогами. Животное это, однако, почти истреблено и въ настоящее время встрѣчается только въ одиночку.

Но самое интересное, хотя и не служащее предметомъ охоты, животное, водящееся исключительно на лугахъ сѣверной Америки, это маленькая дикая собака, по своей жизни и обычаямъ сходная съ европейскимъ суркомъ.

Дикія собаки, по виду болѣе похожія на хомяка, чѣмъ на собаку, живутъ огромными стадами, строя себѣ большія деревни и города. Сотни норъ расположены въ степи одна возлѣ другой, и только маленькія кучки земли обозначаютъ мѣста, служащія жилищемъ этому веселому и смирному животному. Тамъ, какъ кажется, дикія собаки живутъ настоящими семьями и собираются играть посреди своей деревни, на обширномъ и гладкомъ мѣстѣ, могущемъ представлять нашъ рынокъ. Лишь только онѣ почуютъ малѣйшую опасность, какъ издаютъ слабый лай и въ одно мгновеніе разбѣгаются по ямамъ.

Удивительнѣе всего, что эти маленькіе звѣрки, вообще столь пугливые, живутъ въ своихъ норахъ въ

очень опасномъ обществѣ, а между тѣмъ спокойно съ нимъ уживаются: именно, съ гремучей змѣей.

— Съ гремучей змѣей? воскликнулъ Ѳедя: — да вѣдь она ядовита?

— Да, другъ мой, эти змѣи ядовиты; но еще хуже, что онѣ часто съѣдаютъ дѣтенышей собакъ цѣликомъ; можетъ быть, собаки и не дорожатъ ихъ обществомъ, да не умѣютъ отъ него избавиться. Какъ бы то ни было, но гремучія змѣи, дикія собаки и совы живутъ вмѣстѣ и, сколько извѣстно, въ добромъ согласіи.

— Хорошо согласіе, замѣтилъ Ѳедя, — если одни съѣдаютъ дѣтей другихъ! Не такъ ли уживаются съ собаками и совы?

— Это пока остается еще тайной, отвѣтилъ, смѣясь, отецъ: — совы, вѣроятно, пріютились къ собакамъ потому, что сами не умѣютъ рыть норъ.

— Гремучія змѣи гремятъ, — да, папа? спросила Маша.

— Змѣи ежегодно мѣняютъ кожу; когда подъ ней образовалась новая, онѣ, ползая, сдвигаютъ старую къ концу хвоста; но съ этого мѣста она сходитъ у гремучей змѣи не такъ скоро, какъ съ остальнаго тѣла; она ссыхается въ видѣ колечекъ, которыя въ сухую погоду гремятъ. Чѣмъ больше змѣя, тѣмъ длиннѣе кожа и тѣмъ болѣе этихъ колецъ, такъ что встрѣчали гремучихъ змѣй съ двѣнадцатью и четырнадцатью такими кольцами. Когда змѣя разсержена, она начинаетъ быстро двигать хвостомъ, и кольца, ударяясь одно о другое, трещатъ. Этотъ трескъ предостерегаетъ отъ приближенія змѣи, и, услышавъ его, можно успѣть броситься въ сторону.

Гремучая змѣя очень ядовита, и укушеніе ея причиняетъ смерть въ 5—10 минутъ, такъ что укушен-

ный почти никогда не успѣваетъ прибѣгнуть къ противоядію. Разсказываютъ, будто змѣи, своимъ взглядомъ, обвораживаютъ птицъ и другихъ животныхъ, такъ что тѣ не смѣютъ двинуться съ мѣста и позволяютъ себя съѣсть. Но это выдумка; вообще, о животныхъ, надъ которыми трудно производить наблюденія, разсказываютъ много небылицъ.

Вотъ самыя замѣчательныя животныя сѣверной Америки. Говоря о южной, я познакомлю васъ еще съ другими; завтра же мы отправимся черезъ горы, въ Калифорнію.

ГЛАВА VI.

ОРЕГОНЪ И КАЛИФОРНІЯ.

— Утесистыя горы, началъ на слѣдующій вечеръ отецъ, — получили это названіе вслѣдствіе своего изломаннаго, дикаго и суроваго вида. Онѣ простираются во многихъ мѣстахъ цѣлыми гребнями за границу снѣга и представляютъ дикія и крутыя ущелія, изъ которыхъ вырываются въ долину шумные горные потоки. До сихъ поръ ни одинъ бѣлый не пробовалъ тамъ селиться, развѣ только на нѣкоторое время, для охоты; кромѣ того, пребываніе въ этихъ горахъ очень опасно, по причинѣ кочующихъ въ окрестностяхъ дикихъ, воинственныхъ индіанскихъ племенъ.

Не смотря на то, отъ времени до времени въ этихъ мѣстахъ появляются цѣлыя общества бѣлыхъ охотниковъ, для ловли водящихся здѣсь весьма дорогихъ пушныхъ звѣрей: бобра и выдры.

О бобрѣ вы, вѣроятно, уже слышали; онъ живетъ преимущественно въ чистыхъ, богатыхъ рыбой ручьяхъ. Бобръ строитъ себѣ, изъ всѣхъ четвероногихъ, самыя искусныя и самыя крѣпкія жилища: тогда какъ другія живутъ въ ямахъ, вырытыхъ въ землѣ, или въ дуплахъ деревьевъ, бобръ строитъ себѣ дома изъ бревенъ и глины. Онъ срѣзываетъ своими острыми зубами молодыя деревья, именно такой длины, какъ нужно, перетаски-

ваетъ ихъ къ водѣ, складываетъ по-возможности плотно, облѣпливаетъ толстымъ слоемъ крѣпкой глины, которую сбиваетъ своимъ широкимъ хвостомъ, и строитъ такимъ образомъ нетолько порядочный домъ, но даже плотину черезъ ручей, чтобы удобнѣе ловить плавающую взадъ и впередъ рыбу. Очень часто цѣлое общество бобровъ селится въ одномъ мѣстѣ, и ихъ довольно высокія постройки можно принять издали за такія же простыя хижины індіянцевъ.

Хотя бобровые мѣха очень дороги, но все-таки цѣна ихъ не соотвѣтствуетъ затрудненіямъ и опасностямъ, съ которыми сопряжена охота на этихъ животныхъ. Часто на охотниковъ нападаютъ кочующія толпы індіянцевъ, и бѣлые принуждены бываютъ бросать и мѣха, и ловушки, лишь бы спасти жизнь. Но эти смѣлые люди, почти столь же дикіе, какъ и індіянцы, не бросаютъ своего промысла, и, привыкнувъ къ подобной жизни, полной приключеній, постоянно къ ней возвращаются.

Къ западу отъ Утесистыхъ горъ лежитъ широкая полоса земли, прорѣзанная нѣсколькими цѣпями горъ; тамъ въ прежнее время англичане и американцы устроили торговыя конторы и склады товаровъ, частью для торговли съ індіянцами и бѣлыми охотниками, частью же какъ сборные пункты для охотничьихъ обществъ.

Одна только большая рѣка, какъ я вамъ уже говорилъ, протекаетъ съ западной стороны Утесистыхъ горъ, въ Тихій океанъ, хотя принимаетъ въ себя, съ горъ, много незначительныхъ притоковъ. Это рѣка ***Колумбія***, и округъ, черезъ который она протекаетъ, а равно и ея притоки, были долгое время спорными между Соединен. Штатами и Англіей: обѣ страны изъявляли на него притязанія. Наконецъ англичане уступили, и земля перешла къ американцамъ, которыхъ владѣнія распространяются такимъ образомъ до 54-го

град. сѣверной широты. Земля эта носитъ названіе *Орегона* и граничитъ къ югу съ прежней мексиканской провинціей *Калифорніей*.

Орегонъ представляетъ нѣсколько плодородныхъ долинъ, и въ немъ давно уже поселилось нѣсколько бѣлыхъ семействъ, для занятія земледѣліемъ и скотоводствомъ. Но страна въ такомъ разстояніи отъ остальныхъ поселеній въ Америкѣ и другихъ частей свѣта, и сообщенія съ ней такъ затруднительны, что переселенцы бѣдствовали и многіе изъ нихъ возвратились въ восточные штаты. Въ это время на востокѣ возникъ споръ между жителями Соединенныхъ Штатовъ и ихъ южными сосѣдями, мексиканцами; Соединенные Штаты послали въ Мексику войска, разбили мексиканцевъ и, въ видѣ вознагражденія за убытки отъ войны, выговорили себѣ Калифорнію, лежащую къ западу отъ Утесистыхъ горъ, на югъ отъ Орегона, до 33-го град. сѣв. широты.

До этого времени въ Калифорніи было то же, что и въ Орегонѣ: мексиканцы извлекали изъ этой провинціи не много пользы: небольшое число жителей занималось скотоводствомъ, а земледѣліемъ только для удовлетворенія своихъ собственныхъ нуждъ. Поэтому, изъ Калифорніи вывозилось только то, что давало скотоводство: невыдѣланныя кожи, рога и сало. Но подъ владычествомъ Соединенныхъ Штатовъ открыли случайно, что Калифорнія заключаетъ въ себѣ множество золота. Одинъ человѣкъ рылъ канаву для спуска воды изъ-подъ мельницы; послѣ того, какъ вода сбѣжала и снесла много земли, онъ увидѣлъ въ обмытыхъ берегахъ желтые, блестящіе кусочки тяжелаго металла и, разсмотрѣвши, призналъ въ нихъ золото.

Сначала мѣстные жители хотѣли скрыть находку и набрать прежде для себя по-возможности болѣе золота; но другіе, работавшіе по-сосѣдству, замѣтили, что

случилось нѣчто необыкновенное, и вскорѣ богатство земли перестало быть тайной.

Это произвело въ странѣ неимовѣрное волненіе; всѣ бросились на пріиски, желая поскорѣе обогатиться. Ни одинъ ремесленникъ не хотѣлъ болѣе работать; всѣ рыли золото, даже купцы, матросы съ находившихся у береговъ кораблей, — однимъ словомъ, всѣ, кто могъ поднять лопату или ломъ; всѣ стремглавъ кинулись за сокровищами.

— И это было, дѣйствительно, золото? спросила Маша.

— Да, дитя мое: золото найдено не въ рудѣ, то есть, не въ смѣси съ землями и камнями, а чистое, такъ называемое самородное, въ большихъ и меньшихъ кусочкахъ. Чтобы его добыть, нужно было только рыть землю, иногда, правда, на значительную глубину, класть нижній пластъ на сковороды и промывать водой. Золото тяжелѣе земли и скоро осѣдаетъ на дно; земля же и песчинки стекаютъ вмѣстѣ съ водой.

Нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей писали о находкѣ въ другія мѣста Америки и въ Европу, своимъ друзьямъ и роднымъ, чтобы они пріѣхали по-возможности скорѣе въ Калифорнію, добывать изъ земли золото; тѣ сообщили это извѣстіе другимъ, и не болѣе, какъ черезъ полгода, слухъ объ открытыхъ богатствахъ разнесся по всему свѣту. Люди бросали занятія и дѣла и спѣшили въ Калифорнію. У кого были товары, тотъ грузилъ ихъ на корабль, чтобы на золотыхъ пріискахъ обмѣнять ихъ на благородный металлъ. У кого ихъ не было, тотъ бралъ свои орудія и ѣхалъ туда, гдѣ надѣялся въ нѣсколько недѣль стать богачемъ. Со всѣхъ сторонъ свѣта прибывали корабли въ гавань Санъ-Франциско, которую вы найдете на картѣ подъ 37-мъ град. сѣв. широты. Люди стекались нетолько изъ восточныхъ штатовъ и южной Америки, но изъ всей Европы — Англіи,

Германіи, Франціи, Испаніи, — даже изъ Азіи и Австраліи, собирать золото; въ Калифорніи произошла страшная смѣсь населенія. Разумѣется, не всѣ нашли столько золота, сколько ожидали, и какъ притомъ работа была весьма тяжелая, приходилось рыть землю иногда на большую глубину, то многимъ это занятіе не понравилось и они обратились къ другимъ средствамъ добывать деньги. Купцы занялись прежними своими дѣлами, ремесленники своимъ мастерствомъ; начали открывать гостинницы, чтобы принимать тысячи ежедневно пріѣзжавшихъ иностранцевъ. Духовные собирали деньги и строили церкви, врачи пользовали больныхъ, адвокаты соглашали спорящихъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ маленькая деревня Санъ-Франциско, состоявшая изъ сотни мазанокъ, переродилась въ огромный городъ, со многими тысячами жителей.

Страна, простираясь на востокъ до водораздѣляющей линіи Утесистыхъ горъ, частью очень гориста, но во многихъ мѣстахъ прорѣзана большими равнинами и долинами, гдѣ прежде водилось множество дичи. Здѣсь и до сихъ поръ встрѣчается большой бурый медвѣдь, лось, олень и безчисленное количество водныхъ птицъ, какъ-то: дикихъ утокъ, гусей, а также бекасовъ и другихъ. Но народъ, посѣщавшій поминутно горы для добыванія золота, истребилъ почти всю дичь, а оставшаяся сдѣлалась дотого осторожною, что ее очень трудно бить.

— Есть ли въ Калифорніи индіянцы, папаша?

— Ихъ тамъ очень много, дитя мое; но они довольно мирны и добродушны и не имѣютъ сквернаго обычая сдирать скальпъ съ враговъ. Они живутъ большею частью лѣсными плодами и дичью, которую бьютъ изъ лука.

Главная ихъ пища желуди. Въ Калифорніи есть про-

долговатые и довольно сладкіе желуди, которые индіянки собираютъ осенью, сушатъ, шелушатъ и прячутъ на зиму. Потомъ онѣ толкутъ эти желуди въ каменныхъ ступахъ и варятъ въ вырытыхъ въ землѣ маленькихъ ямкахъ, при помощи накаленныхъ камней.

— Какъ же можно варить что-нибудь въ ямахъ? спросила маша.

— Очень легко, дитя мое, потому что можно вскипятить воду, не ставя ее вовсе на огонь. Надобно калить камни на сильномъ огнѣ и бросать ихъ въ воду; черезъ нѣсколько времени она закипитъ.

— Почему же индіянцы не варятъ пищи въ горшкахъ?

— По очень простой причинѣ: потому что у нихъ нѣтъ горшковъ. Они не умѣютъ приготовлять глиняной посуды и обходятся безъ нея; но зато они чрезвычайно искусны въ плетеніи корзинъ, сквозь которыя не просачивается вода; въ нихъ-то они ее и держатъ.

Въ калифорнскихъ лѣсахъ очень много плодовъ, какъ-то: земляники, крыжовнику, малины, орѣховъ, вишенъ, висящихъ, подобно винограду, кистями. Индіянцы собираютъ еще много другихъ предметовъ, которые имъ по вкусу и питательны, какъ напр. сѣмена разныхъ травъ, которыя, будучи изжарены, составляютъ весьма вкусное блюдо, и саранчу.

— Саранчу! воскликнули дѣти.

— Да, саранчу или травяныхъ кобылокъ, какъ мы ихъ называемъ. Они ихъ жарятъ на огнѣ, и, говорятъ, животное это очень вкусно. Ловля его составляетъ для индіянцевъ настоящій праздникъ.

Когда кобылокъ не очень много, индіянцы довольствуются тѣмъ, что осенью зажигаютъ часть своихъ луговъ и потомъ собираютъ жареныхъ животныхъ. Но

иногда саранча налетаетъ такими тучами, что затемняетъ солнце. Тогда дикари собираются цѣлымъ племенемъ, роютъ посреди поля яму, довольно глубокую для того, чтобы саранча не могла изъ нея выскочить, оцѣпляютъ лугъ и, вооружившись древесными вѣтвями, начинаютъ сходиться къ ямѣ, причемъ хлещутъ вѣтвями по землѣ и гонятъ предъ собою саранчу. Она скачетъ по направленію къ ямѣ, и чѣмъ тѣснѣе становится кругъ, тѣмъ болѣе саранчи и тѣмъ громче смѣются и кричатъ индіянцы, пока не сойдутся наконецъ къ ямѣ и не вгонятъ въ нее несмѣтное число животныхъ. Восторгъ дикарей при жареніи животныхъ невозможно описать, и празднество кончается пожраніемъ лакомой добычи.

— По крайней мѣрѣ, этимъ индіянцамъ бѣлые не причиняютъ вреда? спросилъ Ѳедя.

— Правда, отвѣтилъ отецъ, — бѣлые на нихъ не нападали и не воевали съ ними, но вторглись въ ихъ отечество, рубили ихъ деревья, истребляли и разгоняли дичь, раззоряли рыбныя ловли и такимъ образомъ вытѣснили индіянцевъ изъ земли, которая была ихъ родиной. Въ случаѣ сопротивленія, дикарей и убивали; здѣсь мы встрѣчаемъ ту же картину несправедливыхъ дѣйствій съ туземцами, какъ и въ другихъ странахъ, и даже безъ предлога обращенія дикарей въ христіанство, подъ которымъ дѣйствовали испанцы. Здѣсь никто не заботился о томъ, христіане ли туземцы или идолопоклонники; здѣсь желали только захватить ихъ землю, чтобы добыть изъ нея золото, и воздѣлать ее подъ хлѣбъ, и гдѣ дикари уступали, тамъ ихъ оставляли въ покоѣ.

— Это ужасно! воскликнула Маша.

— Это право сильнаго, дитя мое, которое мы замѣчаемъ у всѣхъ животныхъ, во всей природѣ. Сильнѣйшій звѣрь обижаетъ слабѣйшаго; просвѣщенный человѣкъ не долженъ бы слѣдовать этому примѣру; напро-

тивъ того, ему слѣдовало бы защищать слабаго отъ сильнаго. Къ сожалѣнію, жадность сильнѣе другихъ, лучшихъ чувствъ, которыя побуждаютъ человѣка къ добру, и какъ въ Калифорніи нашлись огромныя богатства, то никто не безпокоился о томъ, что будутъ дѣлать бѣдные индіянцы.

Калифорнія, дѣйствительно, очень богатая и плодородная страна, и американцы, получивъ эту землю, сдѣлали отличное пріобрѣтеніе. Тамъ они нашли нетолько золото, но и ртуть и много другихъ металловъ, которые будутъ добываться впослѣдствіи. Долины страны чрезвычайно способны къ земледѣлію, а въ южныхъ частяхъ воздѣлываютъ отличный виноградъ.

Главныя рѣки ея Сакраменто и Св. Іоахимъ; обѣ впадаютъ въ заливъ Санъ-Франциско; первая течетъ съ сѣвера, другая съ юга. Онѣ текутъ у самаго подножія золотоносной цѣпи холмовъ и принимаютъ въ себя всѣ рѣчки и ручьи, въ которыхъ находится въ такомъ изобиліи благородный металлъ.

Калифорнія славится еще громадностью своихъ деревьевъ, подобныхъ которымъ нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. Величайшія изъ нихъ суть сосны и кедры, самые гигантскіе представители растеній на всемъ земномъ шарѣ.

Недалеко въ горахъ нашли долину, гдѣ деревья достигаютъ особенной вышины. Одно изъ нихъ было срублено съ величайшимъ трудомъ, и пень его имѣлъ 75 футовъ въ окружности; отрѣзъ его такъ великъ, что на немъ могутъ танцовать шестнадцать паръ; пять человѣкъ пилили и рубили стволъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Другое дерево, котораго верхушка отломана, вышиною въ 300 футовъ; разрѣзъ его, на мѣстѣ отлома, представляетъ 14 футовъ въ поперечникѣ, такъ что должно предположить, что вышина этого дерева равнялась прежде 450 футамъ. Деревъ отъ 250 до 280

футовъ вышиною тамъ множество, и вы будете имѣть объ нихъ понятіе, когда узнаете, что высочайшія наши тополи рѣдко превышаютъ 80 или 90 футовъ.

Стволы лѣсныхъ гигантовъ Калифорніи голы, безъ вѣтвей, и нѣтъ въ царствѣ растеній ничего великолѣпнѣе этихъ хвойныхъ деревъ съ ихъ темною, вѣчною зеленью, на разстояніе 200 футовъ отъ земли. Но такъ какъ разговоръ вводитъ насъ въ цѣлое царство растеній, которое слишкомъ важно, чтобы съ нимъ покончить въ нѣсколькихъ словахъ, то отложимъ разсказъ на завтра.

ГЛАВА VII.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

— Соединенные Штаты сѣверной Америки, началъ на слѣдующій вечеръ отецъ, — къ которымъ, какъ вы видѣли, принадлежатъ и Орегонъ, и Калифорнія, занимаютъ такое обширное пространство и выдвигаются такъ далеко на сѣверъ и югъ, что представляютъ самыя разнообразныя произведенія растительнаго царства.

На сѣверѣ произрастаетъ маисъ, другіе хлѣба и картофель и дозрѣваютъ всѣ плоды сѣверной Европы. Однако главный продуктъ земледѣлія составляетъ маисъ; имъ засѣяны огромныя поля.

Вы видѣли это растеніе въ нашихъ садахъ, гдѣ его разводятъ скорѣе для украшенія, чѣмъ для пользы. Оно представляетъ высокій стебель съ длинными, широкими листьями, и похоже на огромную травинку; изъ него выходятъ двѣ, иногда три и болѣе головокъ, покрытыхъ зеленой оболочкой и заключающихъ въ себѣ маисовыя зерна. Зерна ѣдятъ частью свѣжія и зеленыя, какъ овощи, частью мелятъ совершенно спѣлыя и сухія на муку; маисъ употребляютъ и въ кормъ скоту; изъ него же гонятъ и водку.

Огромные лѣса, называемые первобытными, потому что ихъ никогда еще не вырубали и не садили вновь,

какъ это дѣлается у насъ, возвышаются во многихъ мѣстахъ, гдѣ земля еще не обработана; тамъ растутъ многія породы дуба, сосны, орѣшника, тутоваго дерева и другихъ, а также бездна всякихъ плодовъ, въ особенности дикаго винограда; они служатъ лакомствомъ медвѣдямъ, индѣйкамъ, енотамъ и проч.

Далѣе къ югу растительность получаетъ совершенно другой видъ, и хотя почва не плодороднѣе сѣверной, но теплѣйшій климатъ позволяетъ созрѣвать на воздухѣ всякимъ южнымъ фруктамъ, какъ-то: апельсинамъ, виннымъ ягодамъ, персикамъ. Тутъ и воздѣлываемыя на поляхъ растенія иныя; здѣсь мы встрѣчаемъ въ первый разъ хлопчатникъ, сахарный тростникъ и рисъ; здѣшній табакъ также гораздо лучше, чѣмъ на сѣверѣ.

Хлопчатую бумагу вы знаете; изъ нея ткутъ много разныхъ матерій, употребляемыхъ нами на одежду, и вамъ, вѣроятно, будетъ любопытно узнать, какъ растетъ хлопчатникъ и какъ изъ него приготовляютъ хлопчатую бумагу.

Хлопчатникъ не долголѣтнее растеніе, какъ напр. нашъ боярышникъ, который на зиму сбрасываетъ листья, а весной одѣвается новыми. Напротивъ, хлопчатникъ, достигнувъ восьми или десяти футовъ вышины, осенью совершенно умираетъ; тогда его выдергиваютъ и сожигаютъ на полѣ. Цвѣты этого растенія бѣлые и красные, съ весьма пріятнымъ запахомъ; къ нимъ слетаются бабочки и маленькія красивѣйшія птички, колибри или птички-мухи, и сосутъ сладкій медъ. Когда цвѣты спадутъ, на концѣ стеблей образуются сѣменныя коробочки, величиною съ грецкій орѣхъ и заключающія въ себѣ сѣмена, которыя лежатъ въ плотной оболочкѣ изъ тонкихъ бѣлыхъ нитей, называемыхъ нами хлопчатой бумагой. Одинъ кустъ приноситъ иногда до сотни такихъ коробочекъ, и когда сѣмена совершенно созрѣютъ,

слѣдовательно вполнѣ образуются и волокна, тогда высылаютъ въ поле работниковъ, которые вылущиваютъ хлопчатую бумагу изъ коробочекъ въ корзины; ее очищаютъ, на машинахъ, отъ круглыхъ сѣмянъ, изъ которыхъ жмутъ масло; затѣмъ хлопокъ укладываютъ въ тюки и высылаютъ на продажу.

Въ Соединенныхъ Штатахъ воздѣлываютъ и сахарный тростникъ, который съ виду очень похожъ на маисъ, имѣетъ такой же стебель и такіе же листья, только не приноситъ сѣменной головки. Стебель заключаетъ въ себѣ сахаристый сокъ; осенью стебли оголяютъ отъ листьевъ и перевозятъ на фабрики; тамъ изъ нихъ выжимаютъ машинами сокъ и варятъ его до такой густоты, что въ немъ осѣдаетъ сахаръ. Остатки образуютъ патоку. Изъ выжатыхъ стеблей, въ которыхъ все-таки еще много сахару, гонятъ ромъ.

Рисъ другое туземное хлѣбное растеніе, требующее теплаго климата и въ особенности сырости. Въ сѣверныхъ штатахъ сѣверной Америки произрастаетъ на водѣ большое количество дикаго рису, зерна котораго индіянки собираютъ осенью. Продаваемый у насъ рисъ, который вы кушали въ супѣ и въ молокѣ, сѣмена воднаго растенія, разводимаго на поляхъ, которыя стоятъ постоянно подъ водой. Его сажаютъ на низкихъ мѣстахъ, прорѣзанныхъ каналами и болѣе похожихъ на болото, чѣмъ на поле. Эти тинистыя мѣста также вспахиваютъ; когда рисъ поспѣетъ, стебли, похожіе на овсяные, срѣзаются и потомъ вымолачиваются.

Табакъ разводится въ южныхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ. Его впервые нашли на одномъ изъ острововъ западной Индіи, Табаго, принадлежавшемъ прежде испанцамъ, а нынѣ находящемся во власти англичанъ. Табакъ растетъ тамъ въ дикомъ состояніи, и туземцы называли „табаго“ трубку, изъ которой

его курили. Колумбъ первый видѣлъ употребленіе табаку: онъ нашелъ на одномъ изъ открытыхъ имъ острововъ *курящихъ* индіянцевъ. Впослѣдствіи убѣдились, что жители восточныхъ береговъ американскаго материка издавна знали табакъ и его употребленіе; на западные же берега Америки и въ Европу его завезли испанцы. Предметомъ торговли сдѣлали табакъ голландцы.

Воздѣлываніе табаку въ Америкѣ требуетъ большаго вниманія, потому что порода гусеницъ съѣдаетъ молодой листъ и его нужно очищать отъ нихъ по крайней мѣрѣ черезъ день. На югѣ это дѣлаютъ дѣти негровъ; на сѣверѣ же, гдѣ нѣтъ негровъ, для этого употребляютъ ручныхъ индѣекъ, которыя, какъ кажется, исполняютъ эту работу съ большимъ удовольствіемъ.

— Какъ же пріучаютъ къ тому индѣекъ? спросила Маша.

— Индѣйки ѣдятъ табачныхъ червей чрезвычайно охотно, и если ихъ ежедневно выгонять на табачное поле, не давая ничего ѣсть, то они вскорѣ находятъ червей и собираютъ ихъ очень искусно съ листочковъ. На нашихъ лугахъ вы можете иногда видѣть, какъ ловко домашнія индѣйки ловятъ кузнечиковъ. Онѣ двигаются по лугу длиннымъ рядомъ, гонятъ передъ собою кузнечиковъ, и чуть одинъ изъ нихъ прыгнетъ, живо бросаются впередъ и хватаютъ его клювомъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ скакнуть вторично. Почти такъ же индѣйки поступаютъ и на поляхъ, засаженныхъ табакомъ; только тутъ имъ не нужно такъ спѣшить, какъ за кузнечиками.

Табакъ садятъ длинными рядами, и индѣйкамъ не нужно бѣгать взадъ и впередъ, при чемъ онѣ могли бы пропустить не одно растеніе; каждая птица выбираетъ себѣ борозду, подвигается по ней тихо и серіозно, осма-

триваетъ каждый ростокъ, приподнимаетъ каждый листикъ и клюетъ находимыхъ гусеницъ.

— Папаша, ты сейчасъ упомянулъ о неграхъ, сказалъ Ѳедя; — я думалъ, что негры живутъ въ Африкѣ, а не въ Америкѣ.

— Оно такъ и есть, дитя мое; но, къ нашему стыду, европейцы, которые не хотѣли работать подъ жаркимъ небомъ, а между тѣмъ желали, чтобы поля ихъ были воздѣланы и приносили доходъ, крали въ Африкѣ этихъ несчастныхъ людей, возили ихъ въ свои колоніи и держали, а отчасти и теперь держатъ ихъ тамъ какъ невольниковъ. Черныхъ людей привозятъ на рынки и продаютъ какъ у насъ скотъ; братьевъ и сестеръ, дѣтей и матерей разлучаютъ безъ милосердія, если это обѣщаетъ выгоду торговцу невольниками.

— Какая мерзость! воскликнулъ Ѳедя; — какъ же позволяетъ это правительство? Вѣрно это дѣлается тайно и торговцы, пойманные на дѣлѣ, строго наказываются.

— Къ несчастію, нѣтъ, отвѣтилъ отецъ. — Правительства нѣкоторыхъ государствъ, а въ числѣ ихъ и многихъ Соединенныхъ Штатовъ, которые хвастаются тѣмъ, что въ ихъ городахъ болѣе всего христіанскихъ церквей, не воспрещаютъ невольничества, даже, напротивъ, обезпечиваютъ за владѣльцами право располагать неграми по произволу. Это позоръ государствамъ, которыя называются просвѣщенными и допускаютъ подобную вещь. Вѣроятно, они и сознаютъ свою несправедливость, но ихъ соблазняетъ выгода, извлекаемая изъ подневольнаго труда негровъ.

— Бѣдныхъ черныхъ крадутъ въ Африкѣ? спросила Маша.

— Частью крадутъ, частью покупаютъ, но при такихъ обстоятельствахъ, что покупка не многимъ лучше

кражи. Маленькіе князьки и короли на африканскомъ берегу, слишкомъ лѣнивые, чтобы заняться устройствомъ страны и пользоваться произведеніями земледѣлія, нашли, что имъ гораздо легче добывать деньги, продавая собственныхъ своихъ подданныхъ. Когда населеніе ихъ страны истощается, они, подстрекаемые торговцами, начинаютъ войны съ сосѣдними племенами, лишь бы добыть военно-плѣнныхъ. Торговцы покупаютъ этихъ несчастныхъ, сажаютъ по нѣскольку сотенъ на корабль и увозятъ за море. Правда, въ дорогѣ многіе негры умираютъ; но въ Африкѣ торговцы платятъ такъ мало, что выручаютъ еще хорошіе барыши, если привозятъ въ Америку двѣ трети всей клажи.

Впрочемъ, большая часть правительствъ воспрещаетъ уже привозить негровъ изъ Африки, а законы невольничьихъ странъ только разрѣшаютъ владѣніе тѣми неграми, которые уже находятся въ неволѣ, и ихъ дѣтьми. Но уже достаточно гнусно разрѣшеніе держать людей въ неволѣ, истязать ихъ тяжкой работой и наказаніями и продавать подобно скоту.

Англичане, въ прежнее время, также имѣли въ своихъ колоніяхъ невольниковъ; къ чести ихъ должно однако сказать, что они нетолько освободили этихъ несчастныхъ, но пригласили всѣ правительства запретить привозъ негровъ изъ Африки. Нѣкоторые негодяи еще занимаются этой торговлей, но она почти уничтожена: вдоль африканскихъ береговъ плаваютъ военные корабли, въ особенности англійскіе, съ цѣлью воспрепятствовать торговлѣ неграми, и если увидятъ нагруженное ими судно, то берутъ его, негровъ освобождаютъ, а торговца наказываютъ.

Должно сознаться, что съ бѣлыми работниками, не выносящими въ столь жаркомъ климатѣ тяжелой работы, едва ли было бы возможно добывать столько са-

хару, табаку, хлопчатой бумаги, кофе, рису и другихъ продуктовъ, сколько нужно для Европы, и предметы эти были бы вчетверо дороже, еслибъ ихъ воздѣлывали европейцы. Но, кажется, лучше перенести неудобство, чѣмъ желать продолженія подобнаго позора для христіанства и просвѣщенія.

— Такъ невольники есть во всей Америкѣ? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, дитя мое, даже не во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, между которыми есть и невольничьи, и свободные. Къ сѣверу отъ большой рѣки, впадающей въ Миссисиппи съ востока.... помнишь ли, Ѳедя, какъ она называется?

— Огейо!

— Вѣрно; итакъ, къ сѣверу отъ Огейо лежатъ свободные штаты, въ которыхъ негры не могутъ содержаться въ неволѣ; къ югу лежатъ невольничьи штаты, въ которыхъ плантаціи хлопчатой бумаги, табаку, рису и сахару воздѣлываются несчастными черными, изъ-подъ страшнаго бича смотрителей.

Нѣкоторые прежніе и нѣкоторые вновь образовавшіеся штаты, какъ напр. Калифорнія, воспретили у себя невольничество. Въ настоящее время сѣверные штаты, свободные, ведутъ съ южными, невольничьими, войну, которая, по всей вѣроятности, окончится уничтоженіемъ рабства во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ и повлечетъ за собою освобожденіе негровъ и въ остальныхъ невольничьихъ государствахъ Америки.

Соединенные Штаты, заселенные англичанами, но отдѣлившіеся отъ Англіи въ концѣ прошедшаго столѣтія, составляютъ большую республику, находящуюся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; она имѣетъ огромные и многолюдные города, столь скоро воздвигнутые, что въ Европѣ объ этомъ нельзя себѣ составить и понятія.

Главный городъ Соединенныхъ Штатовъ ***Вашингтонъ***, названный такъ по имени перваго президента, то есть главы республики, предводительствовавшаго въ войнѣ за независимость Америки и отличавшагося благородствомъ и скромностью. Городъ самъ по себѣ не очень важенъ, потому что въ Америкѣ есть города гораздо большіе, съ отличными стоянками для кораблей. Болѣе замѣчательный изъ нихъ ***Нью-Іоркъ*** *), на восточномъ берегу, подъ 41° сѣверной широты. Недалеко отъ него лежатъ два другіе большіе города: ***Бостонъ*** и ***Филадельфія***, тогда какъ на югѣ, на Миссисипи, близъ устья рѣки, находится ***Новый-Орлеанъ***, важнѣйшій портъ.

И внутри страны находятся большіе города, какъ напр. ***Цинциннати***, на Огейо; онъ былъ основанъ, лѣтъ 70 тому назадъ, въ лѣсу, а нынѣ заключаетъ въ себѣ слишкомъ 130,000 жителей. На мѣстѣ многихъ важныхъ городовъ, лѣтъ 70 или 80 тому назадъ, индіянцы охотились на буйволовъ и медвѣдей. Правда, многія тысячи людей выѣзжаютъ ежегодно изъ Европы въ Америку, и такимъ образомъ не удивительно, что населеніе ея городовъ быстро возрастаетъ.

Однако, пора перейти въ тропическія страны. Въ Соединенныхъ Штатахъ, исключая развѣ южной оконечности полуострова Флориды, даже въ мѣстахъ, производящихъ сахарный тростникъ и хлопчатникъ, нигдѣ нѣтъ пальмъ, вѣрнаго и несомнѣннаго признака тропической растительности. Только могущественные кипарисы, достигающіе, на пространныхъ болотахъ, огромной вышины, и съ вѣтвей которыхъ спускаются часто, сѣрымъ покрываломъ, длинные лишаи, свидѣтельствуютъ о теплотѣ земли.

Здѣсь же, въ рѣкахъ и болотахъ, мы находимъ жи-

---

*) Нью значитъ по-англійски новый, а Іоркъ имя одного города въ Англіи

вотное жаркой полосы — крокодила. Это земноводное похоже съ виду на ящерицу, но отъ восьми до десяти, а иногда даже въ шестнадцать футовъ длиною, съ огромной пастью и ужасными зубами. Оно пожираетъ рыбъ, лягушекъ, крысъ, собакъ и свиней, входящихъ въ воду, — однимъ словомъ, всѣхъ животныхъ, которыхъ можетъ добыть. Людей оно, однако, боится и въ сѣверной Америкѣ знаютъ мало примѣровъ, чтобы оно нападало на людей. Зимой, которая на югѣ Соединенныхъ Штатовъ бываетъ очень умѣренная, такъ что снѣгъ очень рѣдокъ, крокодилъ прячется въ болотный илъ, впадая въ зимнюю спячку; весной же онъ выходитъ на берегъ и лежитъ на солнцѣ по нѣсколько часовъ, разинувъ темно-розовую пасть,—знаете, зачѣмъ? — чтобъ ловить мухъ.

— Мухъ? воскликнули дѣти, смѣясь.

— Да, мухъ, и почему же нѣтъ? Многіе люди, и не питаясь мухами, не находятъ лучшаго занятія. Пасть крокодила покрыта слизью, которая привлекаетъ мухъ. Онѣ слетаются въ пасть, и крокодилу остается только ее захлопнуть. Крокодилы не встрѣчаются сѣвернѣе Красной рѣки, вытекающей изъ Утесистыхъ горъ и впадающей въ Миссисиппи. На югѣ же мы встрѣтимъ гораздо большихъ и въ значительнѣйшемъ числѣ.

———∿∿∿∿∿———

ГЛАВА VIII.

МЕКСИКА.

Вы знаете, милыя дѣти, началъ на слѣдующій вечеръ отецъ, — что Колумбъ первый открылъ Америку или, вѣрнѣе сказать, острова, принадлежащіе къ этому материку. То было въ 1492 году. Четыре года спустя, были открыты сѣверные берега южной Америки, въ 1512 г. Флорида, а въ 1519 г. отправленъ съ острова Кубы на западъ Гернандецъ изъ Кордовы, для изслѣдованія, начинается ли на западѣ снова океанъ или находится твердая земля.

Гернандецу не пришлось ѣхать далеко; онъ вскорѣ достигъ полуострова, который простирается съ южной стороны Мексиканскаго залива и отстоитъ отъ острова Кубы лишь градуса на два долготы. Это былъ полуостровъ Юкатанъ, принадлежавшій потомъ къ Мексикѣ, отложившійся отъ нея и составляющій независимую республику. Воинственные туземцы приняли Гернандеца такъ враждебно, что онъ вскорѣ долженъ былъ сѣсть на корабли и возвратиться на Кубу, гдѣ и умеръ отъ ранъ. Вторая отправленная эскадра испытала ту же участь, и испанцы убѣдились, что имѣли дѣло съ гораздо болѣе воинственнымъ и образованнымъ племенемъ, чѣмъ островитяне Вестъ-Индскаго архипелага. Но губернаторъ Кубы, Веласкесъ, не хотѣлъ оставить

начатаго дѣла, вооружилъ новую эскадру, подъ начальствомъ молодаго, предпріимчиваго человѣка, Фердинанда Кортеса, и отправилъ ее для покоренія страны.

Я не буду, дѣти, описывать вамъ кровавыя битвы, происходившія между нѣсколькими сотнями испанцевъ и многими тысячами мексиканцевъ; скажу вамъ только, что Кортесъ былъ обязанъ побѣдою огнестрѣльному оружію и конницѣ; мексиканцы никогда не видали всадниковъ и принимали ѣздока и лошадь за одно страшное сверхестественное существо; Кортесъ овладѣлъ, наконецъ, главнымъ городомъ мексиканцевъ, называвшимся Технотитланъ. Побѣдители дозволили себѣ притомъ страшныя жестокости, и покореніе Мексики стоило много крови.

Испанская монархія увеличилась новымъ сильнымъ государствомъ и нашла въ немъ несмѣтныя богатства.

Мексика, какъ почти всѣ испанскія владѣнія въ Америкѣ, оставалась подъ испанскимъ владычествомъ нѣсколько сотъ лѣтъ, пока, наконецъ, не отложилась, вмѣстѣ съ другими сѣверо- и южно-американскими провинціями, между 1810 и 1821 годами; провинціи эти составили независимыя республики.

Индіянцы, занимавшіе прежде страну, почти всѣ истреблены. Только въ сѣверныхъ луговыхъ степяхъ и Утесистыхъ горахъ живутъ дикія и, частью, воинственныя племена, тогда какъ индіянцы, живущіе между потомками испанцевъ, теперешними мексиканцами, ведутъ рабскую и полную лишеній жизнь.

Испанскій языкъ и населеніе господствуютъ въ Мексикѣ, и народъ избираетъ правителя, который называется президентомъ. Но какъ всѣ честолюбивые люди желаютъ занять это мѣсто, то едва изберутъ одного президента, какъ уже другой возстаетъ противъ него, собираетъ шайку приверженцевъ и начинаетъ междо-

усобную войну, гибельную для страны. Соединенные Штаты отняли у мексиканцевъ на сѣверо-востокѣ огромную провинцію Техасъ, а на сѣверо-западѣ Калифорнію, за исключеніемъ Калифорнскаго полуострова. Юкатанъ, земля, лежащая на юго-востокѣ, также отложилась отъ Мексики, которая междоусобными войнами доведена до самаго бѣдственнаго положенія. А между тѣмъ она могла бы быть одною изъ богатѣйшихъ и счастливѣйшихъ странъ на землѣ, какъ теперь она одна изъ прекраснѣйшихъ.

Горы Мексики чрезвычайно богаты благородными и неблагородными металлами, и испанцы, вступивъ въ страну, нашли въ рукахъ ея повелителей, кациковъ, неимовѣрныя сокровища, состоявшія изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Въ прежнее время въ Мексикѣ было много серебряныхъ рудниковъ; теперь же они заброшены, и разработать богатства страны, вѣроятно, суждено позднѣйшимъ временамъ, когда жители устанутъ отъ междоусобныхъ войнъ.

Мнѣ бы понадобились мѣсяцы, еслибъ я захотѣлъ вамъ описывать мексиканскія усобицы; притомъ же, грустно разсказывать, какъ люди, изъ-за выгодъ, преслѣдуютъ и убиваютъ другъ друга. Какъ прежніе испанцы были храбры, такъ трусливы въ бою ихъ потомки, и не подлежитъ сомнѣнію, что когда-нибудь вся страна достанется ихъ сѣвернымъ сосѣдямъ, которые и такъ отрѣзали уже по хорошему ломтю со всѣхъ сторонъ.

Поговоримъ лучше о встрѣчающихся въ странѣ растеніяхъ и животныхъ; это васъ, вѣроятно, займетъ.

Тутъ растутъ цѣлые лѣса знакомаго вамъ краснаго дерева и другихъ цвѣтныхъ деревьевъ, снабжающихъ Европу, уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, красками. Красное дерево чрезвычайно тяжело и твердо, и для рубки его въ лѣсахъ южной Мексики, распили-

ванія на куски и доставленія къ мѣстамъ нагрузки, отправляются, въ извѣстное время года, тысячи рабочихъ.

— Развѣ нельзя рубить деревья во всякое время? спросилъ Өедя.

— Нѣтъ, дитя мое,--по крайней мѣрѣ, если желаютъ имѣть лѣсъ сухой и хорошій. И лѣсъ, который мы употребляемъ здѣсь на стройку и топку, рубится въ опредѣленное время, а именно зимой, когда дерево менѣе всего заключаетъ въ себѣ влажности. Весною деревья начинаютъ сосать корнями влагу изъ земли, и она подымается до самой вершинки и расходится по всѣмъ вѣтвямъ, приготовляя ростки и вырабатывая листья. Еслибъ деревья рубили въ это время, то лѣсъ высыхалъ бы съ трудомъ и началъ бы гнить.

Въ жаркихъ странахъ, какъ вы знаете, нѣтъ нашей снѣжной, холодной зимы, слѣдовательно нѣтъ весны, въ продолженіе которой влага подымалась бы въ деревья, но есть мокрое и сухое время года. Первое, называющееся временемъ дождей, заступаетъ мѣсто зимы, и пока у насъ растенія и деревья отдыхаютъ, тамъ они освѣжаются и набираютъ силы. Слѣдовательно, тамъ самое лучшее время года для рубки деревьевъ конецъ сухой поры, до начала дождей.

— Скажи, папаша! развѣ въ той странѣ дождь идетъ всю зиму безпрерывно? спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, дитя мое, это ложное понятіе, которое себѣ составили европейцы о тропическомъ дождливомъ времени. Дождь не идетъ безпрерывно; иногда цѣлую недѣлю не выпадаетъ его ни капли. Но обыкновенно къ двумъ или тремъ часамъ по полудни собирается гроза и ливень продолжается до вечера, который тогда, въ самыхъ жаркихъ странахъ, бываетъ такъ свѣжъ, какъ у насъ въ концѣ мая или въ началѣ іюня.

Изъ Мексики вывозится очень много красильныхъ деревъ, дающихъ голубую, желтую и красную краски; эти деревья привозятъ къ намъ въ колодахъ и распиливаютъ на мелкіе кусочки, которые потомъ вывариваютъ.

Говоря о краскахъ, я упомяну еще о маленькомъ животномъ, которое доставляетъ лучшую пунцовую краску и водится также въ Мексикѣ. Кажется, я вамъ уже называлъ его; не помните ли вы?

— Кошениль! воскликнулъ Ѳедя.

— Вѣрно, отвѣтилъ отецъ. — Кошениль маленькое насѣкомое бураго цвѣта, величиною съ чечевицу, живущее на кактусахъ. Желая развести кошениль, достаточно посадить кактусы; насѣкомое размножается очень быстро; въ извѣстное время года его собираютъ въ небольшіе сосуды, ставятъ въ жаркую печь и сушатъ; кошениль съеживается и походитъ на угловатое сѣмя голубовато-сѣраго цвѣта. Такою она поступаетъ въ продажу, подъ именемъ канцелярскаго сѣмени, и даетъ великолѣпную пунцовую краску.

Кромѣ того, здѣсь добывается много произведеній, которыя мы встрѣчаемъ въ нашемъ отечествѣ, не заботясь объ ихъ происхожденіи.

Я назову вамъ только два такихъ предмета: какао и индиго.

Шеколадъ вы пьете охотно; но подумали ли вы когда нибудь, какъ растетъ шеколадъ?

— Да развѣ шеколадъ растетъ, замѣтила Маша, смѣясь, — его продаютъ въ кандитерскихъ и другихъ лавкахъ.

— А откуда получаютъ его купцы? спросилъ Ѳедя.

— Этого я не знаю.

— Въ томъ-то и дѣло, дитя мое, продолжалъ отецъ. Вы видѣли, вѣроятно, въ лавкахъ какаовые бобы. Это

твердыя, темныя сѣмена, получаемыя изъ большаго, продолговато-круглаго, нѣсколько похожаго на дыню, плода шеколадника, небольшаго деревца; сѣмянъ этихъ въ каждомъ плодѣ до 30 штукъ, а иногда и болѣе. Сѣмена эти сидятъ на оси, подобно зернамъ кукурузы и, будучи обнажены отъ шелухи, похожи на почку.

Чтобы получить изъ бобовъ шеколадъ, ихъ сушатъ и растираютъ особенными машинами, а за неимѣніемъ машинъ толкутъ въ нагрѣтыхъ ступкахъ. Такъ какъ они очень маслянисты, то сначала разсыпаются, но потомъ отъ теплоты превращаются въ темное густое тѣсто, въ которое прибавляютъ сахару и пряностей. Послѣ того всю смѣсь кладутъ въ формы, сжимаютъ, остужаютъ, и шеколадъ готовъ.

— Такъ мы можемъ сами сдѣлать себѣ шеколадъ! воскликнулъ Ѳедя.

— Разумѣется, и на это понадобятся только какаовые бобы, сахаръ и ступка.

Индиго тоже вещъ интересная, потому что даетъ красивую голубую краску. Его добываютъ изъ листьевъ растенія, которые кладутся въ особенные чаны, поливаются водой и гніютъ. По истеченіи нѣкотораго времени листья вынимаютъ, спускаютъ воду, и индиго остается на днѣ; его выжимаютъ въ суконныхъ тряпкахъ, рѣжутъ, пока оно еще влажно, на маленькіе кусочки, сушатъ и укладываютъ. Встрѣчающіеся въ продажѣ куски прекраснаго голубаго цвѣта, въ изломѣ съ красноватымъ отливомъ. Во время приготовленія индиго сперва зеленаго цвѣта, но потомъ, отъ дѣйствія воздуха, оно дѣлается фіолетовымъ и темно-синимъ.

Мексика также страна фруктовъ. Ананасъ растетъ на поляхъ, какъ у насъ свекла. Апельсины поспѣваютъ на открытомъ воздухѣ; здѣсь же появляется впервые великолѣпная пальма, — признакъ тропическаго климата.

На болѣе высокихъ горахъ мы встрѣчаемъ букъ, дубъ и сосну, въ низменностяхъ же многіе роды пальмъ, бананы, тысячи другихъ тропическихъ растеній, изъ которыхъ, при огромной вышинѣ, поражаютъ своею странною формою принадлежащіе исключительно Америкѣ кактусы; здѣсь же находимъ и кофейное дерево.

Его сажаютъ рядами и коротко обрѣзываютъ, чтобы соки шли болѣе въ дерево, чѣмъ въ плодъ. Оно не переноситъ очень сильнаго солнечнаго жара и потому, въ странахъ, находящихся подъ экваторомъ, это растеніе сажаютъ между высокими деревьями, въ ихъ тѣни.

Плодъ кофейнаго дерева походитъ на вишню и, спѣлый, также красенъ, но вмѣсто косточки содержитъ въ себѣ двѣ кофеинки, сложенныя плоскими сторонами. Вишни эти собираютъ и ссыпаютъ въ большіе чаны или выложенныя камнемъ ямы; когда мякоть отмокнетъ, сѣмена вынимаютъ и сортируютъ, то есть дурные выкидываютъ, а хорошіе укладываютъ въ мѣшки; затѣмъ кофе высылаютъ во всѣ части свѣта.

Въ Мексикѣ добывается также ваниль, хотя собственно родина ея Бразилія и средняя Америка. Ваниль стручокъ одного вьющагося растенія.

Вмѣстѣ съ тропическими растеніями, мы встрѣчаемъ здѣсь уже и тропическихъ животныхъ, напримѣръ ягуара или американскаго тигра. Онъ гораздо меньше азіатскаго и далеко не такъ дикъ и опасенъ, но часто причиняетъ большой вредъ, нападая на стада.

Кажется, я вамъ далъ вкратцѣ понятіе о странѣ и ея произведеніяхъ; теперь замѣтьте это государство на картѣ.

Главный городъ, *Мексика*, лежитъ на плоской возвышенности, въ которую переходятъ здѣсь Кордильеры. Она не выше 8,000 футовъ, слѣдовательно гораздо ниже границы снѣга, но надъ нею воздымаются три громадныя

вершины: высшая достигаетъ 16,800 фут.; другую, нѣсколькими сотнями футовъ ниже, составляетъ вулканъ.

Вершины Утесистыхъ горъ не ниже этихъ, въ особенности на самомъ сѣверѣ, но онѣ не поражаютъ такъ, какъ три мексиканскія вершины, потому что не представляютъ такой противоположности съ окрестной страной.

Рѣкъ въ Мексикѣ мало, да онѣ и незначительны. Земля постепенно съуживается, разстояніе между горами и берегомъ уменьшается, а потому и не можетъ образоваться большая рѣка.

— На картѣ, возлѣ самаго Юкатана, есть красный кусочекъ; развѣ онъ принадлежитъ англичанамъ? спросила Маша.

— Да, дитя мое; этотъ кусочекъ, который заключаетъ въ себѣ, однако, 300 квадратн. миль, англичане, въ прошедшемъ столѣтіи, отняли у испанцевъ; они рубятъ покрывающіе эту мѣстность великолѣпные лѣса краснаго и кампешеваго дерева; послѣднее даетъ синій сандалъ.

Теперь мы перейдемъ къ средней Америкѣ, къ которой, по климату и мѣстоположенію, можно причислить и острова Западной Индіи. Но отложимъ разсказъ до завтра.

ГЛАВА IX.

СРЕДНЯЯ АМЕРИКА И ЗАПАДНАЯ ИНДІЯ.

— Въ сѣверной Америкѣ намъ остается еще, началъ на слѣдующій вечеръ отецъ, — южная ея оконечность, называемая иногда средней или центральной Америкой. Она принимаетъ совершенно отличное отъ остальной направленіе. Утесистыя горы въ сѣверной половинѣ материка и продолженіе хребта въ южной — Кордильеры, тянутся почти по прямому направленію отъ сѣвера къ югу, тогда какъ кряжъ, который соединяетъ эти горы безъ перерыва водораздѣляющей линіи и носитъ въ средней Америкѣ названіе Андовъ, уже въ южной части Мексики поворачиваетъ прямо на востокъ и образуетъ Мексиканскій заливъ.

Такимъ образомъ южная Америка почти на всю свою ширину передвигается къ востоку, до того, что, напримѣръ, 60-й градусъ долготы, на сѣверѣ, ложится на восточный берегъ материка и Атлантическій океанъ, на югѣ же приходится на западный берегъ и Тихій океанъ. На климатъ это, конечно, не имѣетъ вліянія, потому что, какъ вы знаете, разница въ климатѣ зависитъ отъ градусовъ широты, а не долготы.

Вся средняя Америка лежитъ въ жаркой полосѣ, и какъ ни мала страна, но, вслѣдствіе своего гористаго положенія, соединяетъ въ себѣ всѣ климаты, отъ хо-

лоднаго до жаркаго. Горы ея, впрочемъ, не достигаютъ границы снѣга, потому что самыя высокія ея вершины, образуемыя двумя вулканами, имѣютъ не болѣе 14,000 футовъ вышины, тогда какъ между поворотными кругами граница снѣга находится въ 16,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Не смотря на это, на самыхъ высокихъ горахъ выпадаетъ часто снѣгъ, и мы находимъ на склонахъ, на протяженіи нѣсколькихъ миль, альпійскую растительность и приземистый верескъ, а ниже громадное красное дерево и стройныя кокосовыя пальмы. На этомъ же небольшомъ разстояніи мы встрѣчаемъ хлѣбныя поля, напоминающія намъ нашу сѣверную родину, и плантаціи хлопчатника, табаку и сахарнаго тростника, кофейныхъ кустовъ, индиго и, еще ниже, ванили и маніока, клубни котораго, подобные клубнямъ картофеля и достигающіе въ тропическихъ странахъ 30 фунтовъ вѣса, даютъ весьма питательную муку.

Точно такъ же разнообразенъ и климатъ: на горахъ и плоскихъ возвышенностяхъ онъ чрезвычайно здоровый, на низменностяхъ же очень вредный, въ особенности для европейцевъ, по причинѣ господствующей тамъ опасной лихорадки. Ее называютъ *желтою* лихорадкою, потому что передъ смертью тѣло больнаго принимаетъ желтоватый цвѣтъ. Въ прежнее время эта зараза ограничивалась болотистыми мѣстностями жаркихъ странъ; въ новѣйшее же время проникла даже въ Соединенные Штаты и умѣренную полосу южной Америки. Она производитъ страшныя опустошенія и на островахъ Вестъ-индскаго архипелага, въ особенности же свирѣпствуетъ на Кубѣ.

Вся страна принадлежала прежде открывшимъ ее испанцамъ и вмѣстѣ съ Мексикой обозначалась именемъ Новой Испаніи. Впослѣдствіи она отдѣлилась и образовала пять маленькихъ республикъ, которыя ведутъ между собою постоянныя войны. Онѣ то соединяются, то

раздѣляются, и хотя говорили въ послѣднее время, что республики намѣрены составить одно сильное государство, но онѣ этого не исполнили.

Главныя республики: на сѣверо-западѣ, между Атлантическимъ и Тихимъ океанами, — ***Гватимала;*** къ юго-востоку, на Тихомъ океанѣ, — ***Санъ-Сальвадоръ***, и, на Атлантическомъ, — ***Гондурасъ***.

Восточную часть Гондураса составляетъ маленькая, но замѣчательная страна: земля Москитовъ. Жители ея индіянцы, которые до сихъ поръ сохранили свою независимость и не были даже покорены испанцами. Они и нѣкоторыя племена въ южной Америки единственные туземцы, которые сберегли свободу, не удаляясь съ приморья. Они ведутъ по настоящее время ту же дикую жизнь, какую вели при первомъ появленіи бѣлыхъ.

Южнѣе земли Москитовъ лежатъ остальныя двѣ республики: ***Никарагуа*** и ***Коста-Рика***. Онѣ заслуживаютъ вниманія потому, что, находясь близъ самой узкой части материка, могутъ посредничать въ сношеніяхъ европейцевъ съ народами по ту сторону Америки.

Въ Никарагуа обозначено на картѣ озеро, лежащее у подножія невысокихъ въ этомъ мѣстѣ Андовъ, и изливающее воды свои въ Атлантическій океанъ судоходною рѣкою Санъ-Жуанъ. Будучи подвезены на корабляхъ почти до самаго хребта горъ, товары могутъ быть переправлены черезъ него въ близлежащій Тихій океанъ на вьючныхъ скотахъ, безъ большихъ издержекъ. Но сравнительно съ морскою перевозкой доставка сухимъ путемъ всегда медленна и дорога. На большіе корабли можно положить множество клади; притомъ, они въ короткое время совершаютъ огромные переѣзды. Когда же товаръ выгружается съ кораблей и, по перевозкѣ сухимъ путемъ, вновь грузится на суда, хозяинъ его теряетъ много времени и несетъ большія издержки; ясно, что въ такомъ случаѣ товаръ

дорожаетъ и находитъ менѣе сбыта, то есть труднѣе и медленнѣе раскупается.

Поэтому-то англичане и американцы имѣли намѣреніе прорыть каналъ черезъ Кордильеры и соединить такимъ образомъ Атлантическій и Тихій океаны, чтобы корабли, идущіе прямо въ какую-нибудь гавань на западномъ берегу Америки, не должны были, какъ теперь, совершать переѣздъ вокругъ всего американскаго материка.

На картѣ подобный планъ кажется очень удобоисполнимымъ; но не такъ оно въ дѣйствительности: хотя во многихъ мѣстахъ горы не очень высоки, всетаки едва ли возможно прорыть ихъ. Предпріятіе это было оставлено и вмѣсто его построили желѣзную дорогу черезъ Панамскій перешеекъ, по которой товары и пассажиры въ нѣсколько часовъ доставляются съ Атлантическаго океана на Тихій. Дорога не длиннѣе шести миль, такъ какъ небольшая рѣка, впадающая въ Караибское море, позволяетъ кораблямъ проникать на нѣкоторое разстояніе вовнутрь страны.

Жители Соединенныхъ Штатовъ, которые очень желали бы завладѣть всѣмъ сѣверо-американскимъ материкомъ, всячески разжигали обоюдную вражду штатовъ средней Америки; мало того: разбойничьи шайки отправлялись изъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ для покоренія страны, не встрѣчая препятствій со стороны своего правительства. Въ послѣднее время, однако, англичане и благомыслящіе американцы убѣдились во вредѣ такого образа дѣйствій и стараются предохранить несчастную страну отъ междоусобной войны.

Произведенія средней Америки, или пяти маленькихъ республикъ, почти тѣ же, что и южной Мексики: кошениль, какао, табакъ, хлопчатая бумага, а равно и золото и серебро. Главное произведеніе кофе; растеніе

это въ особенности воздѣлываютъ въ Коста-Рикѣ; оттуда же вывозятъ много красильныхъ деревъ и краснаго.

Теперь остается намъ посѣтить еще одну часть Америки, именно открытую испанцами раньше другихъ,— архипелагъ, неправильно названный ими Индіей; гораздо вѣрнѣе и справедливѣе было бы назвать его Американскимъ архипелагомъ.

Здѣсь находимъ мы послѣдніе остатки прежнихъ испанскихъ владѣній, потому что на всемъ американскомъ материкѣ переселенцы сбросили тяжелое испанское иго. За испанцами осталось только нѣсколько острововъ: ***Куба***, съ близлежащими малыми островами, и ***Порторико***.

Почти вся Европа старалась пріобрѣсти владѣнія на этомъ архипелагѣ, и лишь только Испанія начинала войну съ какимъ-либо государствомъ, какъ тотчасъ корабли его отправлялись въ Западную Индію и покоряли, что можно было покорить. Такимъ образомъ, каждая морская держава имѣетъ здѣсь свои владѣнія; прежніе же хозяева острововъ, индіянцы, совершенно истреблены. Потомки ихъ сохранились только на немногихъ, лежащихъ по берегу южной Америки островахъ.

Но какъ европейцы не хотѣли производить тяжелыхъ полевыхъ работъ, то стали покупать для этой цѣли невольниковъ, и корабли перевозили сюда изъ Африки несчастныхъ негровъ. Англичане первые уничтожили невольничество и дали свободу всѣмъ своимъ неграмъ; этому примѣру послѣдовали шведы, и только голландцы, французы и испанцы держатъ еще невольниковъ; послѣдніе, гдѣ это можно дѣлать тайно, даже вывозятъ несчастныя жертвы и по настоящее время изъ Африки. Ближайшія подробности мы узнаемъ при изу-

ченіи каждаго острова архипелага, который носитъ также названіе *Антильскихъ* островов и раздѣляется на *Большіе* и *Малые*; къ сѣверу отъ первыхъ лежатъ еще *Багамскіе*.

Къ большимъ Антильскимъ островамъ принадлежатъ: *Куба*, *Санъ-Доминго*, *Ямайка* и *Порторико*. Всѣ остальные, по направленію къ южной Америкѣ, составляютъ группу малыхъ Антильскихъ.

Куба во всякомъ случаѣ главный островъ архипелага; столица его Гаванна. Отъ запада на востокъ онъ простирается на 160 миль, слѣдовательно слишкомъ на 10 град., тогда какъ ширина его едва равняется одному градусу. По всей длинѣ острова тянется покрытая лѣсомъ цѣпь горъ.

Жителей на островѣ слишкомъ милліонъ, въ томъ числѣ 450,000 негровъ-невольниковъ и множество свободныхъ, такъ что бѣлые составляютъ едва третью часть всего населенія.

Бѣлые, за исключеніемъ немногихъ иностранцевъ, большею частью креолы. Испанцы должны содержать здѣсь сильное войско и флотъ, чтобы держать въ повиновеніи негровъ и не дать имъ возмутиться, какъ они это сдѣлали на сосѣднемъ островѣ Гаити.

— Креолы, вѣроятно, индіянцы или ихъ потомки? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, дитя мое, такъ называютъ бѣлыхъ, родившихся въ тропическихъ странахъ Америки, преимущественно на Антильскихъ островахъ или въ южной части сѣверной Америки. Слѣдовательно, дѣти живущихъ тамъ испанцевъ, французовъ или англичанъ носятъ названіе креоловъ; если цвѣтъ тѣла ихъ немного темнѣе, чѣмъ у ихъ родителей, то причиной тому только палящее солнце.

Куба островъ чрезвычайно богатый; въ горахъ его находятъ золото и мѣдь, а отлично-обработан-

ныя поля доставляютъ множество цѣнныхъ произведеній. Ихъ извлекаетъ изъ земли принужденный трудъ невольниковъ, и испанцы, замучивъ на смерть миролюбивыхъ индіянцевъ, замѣнили ихъ болѣе выносливыми неграми. Теперь тамъ въ особенности разводится табакъ, и изъ Гаванны получаются самые лучшіе сорты этого растенія. Сверхъ того воздѣлываются: кофе, сахаръ, хлопчатая бумага, рисъ, какао, служащіе предметомъ выгодной торговли со всѣмъ свѣтомъ.

Гаванна главный городъ острова, хорошо укрѣпленный и съ одною изъ прекраснѣйшихъ гаваней въ мірѣ. Въ тамошнемъ главномъ соборѣ сложены останки Христофора Колумба.

Испанцамъ же принадлежитъ другой изъ большихъ Антильскихъ острововъ, Порторико, дающій тѣ же произведенія, что и Куба.

Теперь перейдемъ къ Гаити, второму, по величинѣ, острову всей группы, лежащему къ востоку отъ Кубы; исторія его весьма интересна.

Гаити земля, которая, послѣ открытія Америки, первая сдѣлалась жертвою жадности испанцевъ. Когда въ Гуанагани и въ Кубѣ они допрашивались о мѣстности, откуда индіянцы получаютъ золото, имъ постоянно указывали на востокъ; такимъ образомъ они достигли цвѣтущаго острова Гаити, богатѣйшей земли въ мірѣ, которую, по ея природной красотѣ, называютъ садомъ Антильскаго архипелага.

Здѣсь испанцы свирѣпствовали хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь; хотя Колумбъ, превосходившій благородствомъ всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ намѣстниковъ короля, которые были ничто иное, какъ разбойники, и останавливалъ испанцевъ, однако его преемники отличались такой кровожадностью, какой не позволяли себѣ даже дикія, языческія племена, воюя другъ съ другомъ. А испанцы называли себя христіанами.

Бѣдные туземцы были нетолько обращены въ рабовъ, но ихъ жгли и мучили, лишь бы поболѣе набрать сокровищъ; а когда индіянцевъ не стало, побѣдители, достойно продолжая начатое дѣло, ввели невольничество.

Испанцы сами сознаются, что на островѣ было *два* милліона туземцевъ, и *всѣ* они истреблены, хотя Колумбъ отзывался объ нихъ, какъ о спокойномъ, мирномъ и гостепріимномъ народѣ. Но тихій нравъ только ускорилъ ихъ гибель, потому что они попали въ руки людей, которые не знали ни жалости, ни состраданія. Исчислено, что, въ теченіе пятидесяти лѣтъ по открытіи Америки, войны, веденныя самими испанцами и возбужденныя ими между туземными племенами, погубили на островахъ и на материкѣ до двѣнадцати милліоновъ людей.

Колумбъ назвалъ теперешній островъ Гаити Испаньолой, оставилъ на немъ поселеніе и нѣсколько разъ его посѣщалъ; но чѣмъ дольше оставались на островѣ испанцы, тѣмъ дѣлались жаднѣе, тѣмъ болѣе притѣсняли и мучили туземцевъ, пока тѣ, доведенные до отчаянія, не взялись за оружіе. Само собой разумѣется, что они были побѣждены хорошо вооруженными испанцами, и съ этого времени собственно ихъ исторія прекращается.

Послѣ того испанцы начали ввозить негровъ, и въ такомъ числѣ, что, наконецъ, рабы почувствовали себя сильнѣе бѣлыхъ — и возстали. Въ это время островъ, по переходѣ изъ рукъ въ руки, принадлежалъ наполовину испанцамъ и наполовину французамъ, и негры возстали сперва противъ этихъ послѣднихъ, а потомъ и противъ испанцевъ, и овладѣли страной. Ихъ принудила къ тому лютость бѣлыхъ, и хотя возстаніе было сначала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подавлено, но распространялось съ быстротою молніи по всему острову и кончилось тѣмъ,

что черные остались побѣдителями. Они сохранили свою независимость и, среди французскихъ, англійскихъ и испанскихъ владѣній, основали негритянскую республику.

Четвертый островъ группы — Ямайка; по произведеніямъ, климату и растительности онъ сходенъ съ предъидущими и принадлежитъ англичанамъ.

Малые Антильскіе острова, называемые также Караибскими, принадлежатъ французамъ, голландцамъ и англичанамъ; даже шведы и датчане имѣютъ тамъ владѣнія.

Туземцы, караибы, были дикимъ, воинственнымъ племенемъ, предпринимавшимъ набѣги даже на Гаити. Своихъ военно-плѣнныхъ они съѣдали.

— Какъ! они были людоѣды? воскликнули дѣти съ испугомъ.

— Да, но со времени покоренія ихъ европейцами, ихъ отъ этого отъучили; притомъ же, теперь они всѣ обращены въ христіанство.

Большая часть этихъ острововъ вулканическаго происхожденія; на нихъ, равно какъ и въ южной Америкѣ, находится еще много дѣйствующихъ вулкановъ; вслѣдствіе того, эти страны подвержены частымъ землетрясеніямъ. Такъ, въ 1842 или 1843 году городъ Point à Pitre, лежащій на французскомъ островѣ Гваделупѣ, былъ почти весь разрушенъ землетрясеніемъ, причемъ погибло множество людей.

Вы видите, дѣти, что прекраснѣйшій климатъ, производящій лучшіе южные плоды, и земля, покрытая чудными пальмами, имѣютъ также и свою темную сторону. Жители подвержены страшнымъ повальнымъ болѣзнямъ и нападеніямъ кровожадныхъ и ядовитыхъ животныхъ, и хотя здѣсь въ Европѣ мы должны болѣе трудиться, чтобы поддержать нашу жизнь, зато пользуемся безопасностію и здоровымъ климатомъ.

— Не смотря на то, я очень желалъ бы взглянуть на эту прекрасную землю, сказалъ Ѳедя.

— Когда ты выростешь и чему-нибудь хорошо выучишься, это желаніе можетъ исполниться. Сообщеніе съ Америкой очень облегчено; множество кораблей ходитъ туда ежегодно; они везутъ наши фабричныя издѣлія и привозятъ тамошнія произведенія. Но прежде всего тебѣ должно учиться, потому что, благодаря Бога, прошло то время, когда искатели приключеній могли отправляться въ чужія страны единственно за тѣмъ, чтобы убивать бѣдныхъ туземцевъ и обогащаться ихъ сокровищами. Теперь человѣкъ добываетъ себѣ хлѣбъ и доставляетъ наслажденія только полезнымъ трудомъ.

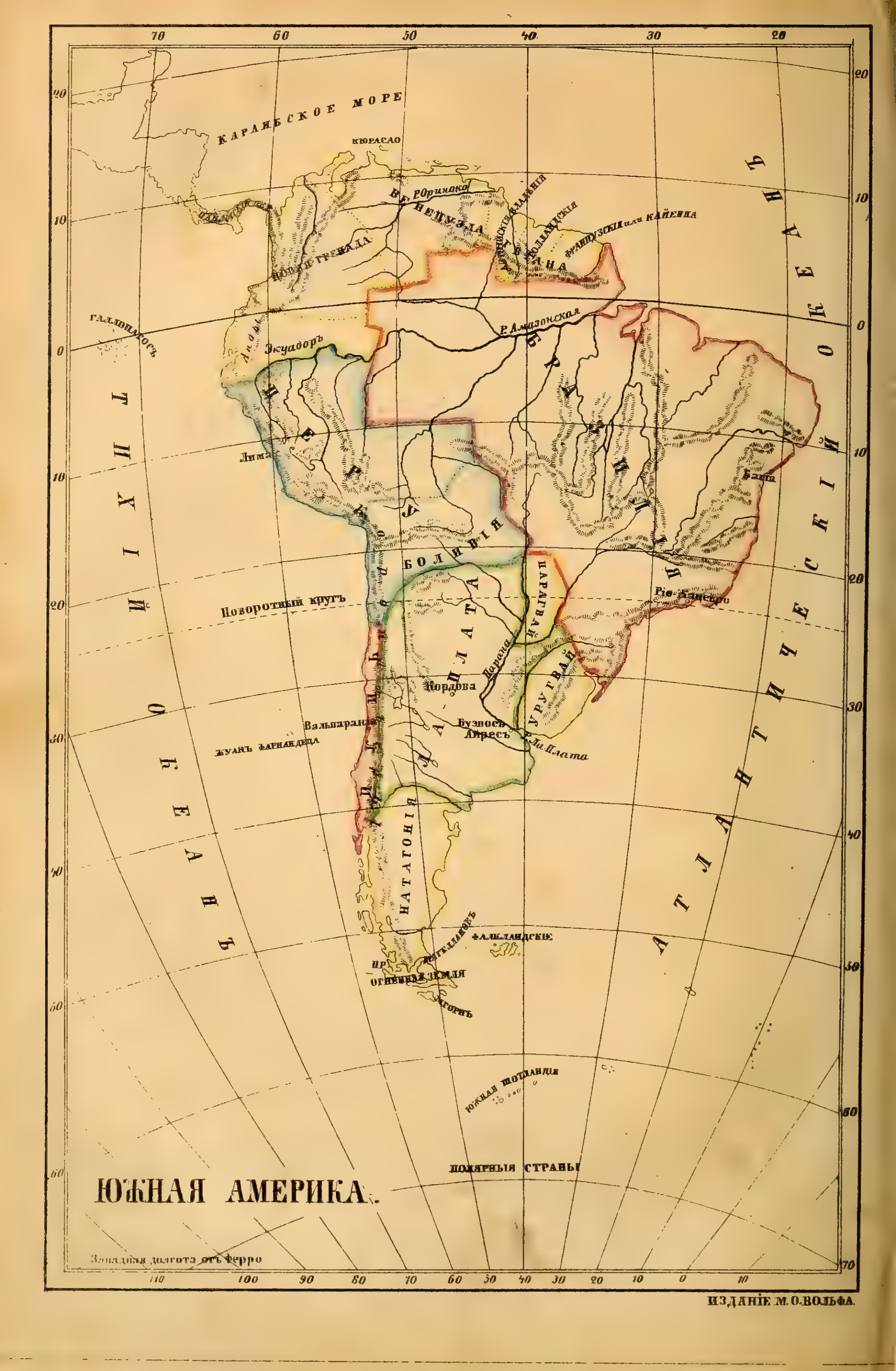
Съ сѣверной Америкой мы покончили, и я надѣюсь, что вы хорошо помните все разсказанное мною. Если вы думаете, что это доставитъ вамъ удовольствіе, то мы предпримемъ вскорѣ путешествіе въ южную Америку, и могу васъ увѣрить, что мы найдемъ тамъ много занимательнаго и поучительнаго.

— Бѣдные индіянцы и тамъ испытали тѣ же несчастія? спросилъ Ѳедя.

— Во многихъ мѣстахъ; въ другихъ же они сохранили свою прежнюю свободу. Но объ этомъ послѣ. Теперь, дѣти, обратите ваше вниманіе на очертанія земли, про которую мы говорили, и ты, Ѳедя, постарайся завтра нарисовать мнѣ ея карту наизусть. Горы и рѣки мы прибавимъ потомъ вмѣстѣ; если ты исполнишь это хорошо, то мы отправимся въ *Южную Америку.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА.
КАРАИБСКОЕ МОРЕ
КЮРАСАО
ВЕНЕЦУЭЛА
Р. Ориноко
НОВАЯ ГРЕНАДА
ГВИАНА
ФРАНЦУЗСКАЯ или КАЙЕННА
ГАЛЛОПАГОСЪ
Экуадоръ
Анды
Р. Амазонская
БРАЗИЛІЯ
ПЕРУ
Лима
БОЛИВІЯ
ПАРАГВАЙ
ЛА ПЛАТА
Поворотный кругъ
Ріо-Жанейро
Парана
УРУГВАЙ
Кордова
Вальпараисо
Буэносъ Айресъ
Ла Плата
ЖУАНЪ ФАРНАНДЕЦА
ЧИЛИ
ПАТАГОНІЯ
ФАЛКЛАНДСКІЕ
ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ
Горнъ
ЮЖНАЯ ШОТЛАНДІЯ
ПОЛЯРНЫЯ СТРАНЫ
ТИХІЙ ОКЕАНЪ
АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ
Западная долгота отъ Ферро
ИЗДАНІЕ М.О.ВОЛЬФА

ГЛАВА I.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА И ЕЯ ГОСУДАРСТВА.

Въ томъ году осень уступила мѣсто зимѣ гораздо ранѣе обыкновеннаго. Частые ночные морозы окрасили листья въ желтый цвѣтъ, и прежде, чѣмъ деревья успѣли обнажиться, снѣгъ покрылъ всю землю бѣлымъ, блестящимъ покровомъ.

Не смотря на то, міръ былъ прекрасенъ. Правда, зелень деревьевъ и луговъ пропала, и рѣка по берегамъ своимъ покрылась ледяными кристаллами; зато горы казались еще красивѣе, чѣмъ лѣтомъ, и темный хвойный лѣсъ выдавался еще великолѣпнѣе на бѣломъ, блестящемъ фонѣ. Только для прогулокъ время было не совсѣмъ хорошее.

Хотя ночью морозило, однако днемъ солнце еще такъ сильно пригрѣвало, что снѣгъ мочилъ ноги. Люди сидѣли дома, если отлучекъ не требовали обязанности и дѣла, а въ длинные вечера семейства собирались уже въ топленыхъ комнатахъ.

Наша семья усаживалась по вечерамъ вокругъ стола, и отецъ разсказывалъ дѣтямъ еще многое про сѣверную Америку, про войны за независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ отъ владычества англичанъ, про большія рѣки материка и въ особенности про ин-

діянцевъ, о которыхъ Ѳедя не могъ довольно наслышаться.

Въ то же время Ѳедя такъ хорошо ознакомился съ картой, что чертилъ наизусть, безъ большихъ ошибокъ, всю сѣверную Америку и умѣлъ очень вѣрно обозначить направленіе горъ и теченіе рѣкъ.

Но говоря постоянно о сѣверной Америкѣ, отецъ не могъ исполнить даннаго дѣтямъ обѣщанія познакомить ихъ съ южной половиной большаго матерuка. Онъ считалъ лучшимъ удовлетворить во всемъ ихъ любознательности и говорить о странѣ, пока это доставляло имъ удовольствіе. Все слушанное съ любопытствомъ, разумѣется, лучше утверждалось въ памяти дѣтей.

Однажды, вечеромъ, когда отецъ разсказывалъ что-то о Западной Индіи и о первомъ открытіи ея испанцами, и, повидимому, не думалъ кончать бесѣды, Ѳедя сказалъ:

— Папаша, не мѣшало бы намъ переѣхать въ южную Америку: мы теперь отъ нея очень близко.

— Я не имѣю противъ этого рѣшительно ничего, отвѣтилъ, смѣясь, отецъ, — если только мать поѣдетъ съ нами; одной ея мы не можемъ оставить дома.

— Не правда ли, мамочка, что и ты поѣдешь съ нами? воскликнули дѣти.

— Съ удовольствіемъ, сказала мать, — но какъ для такой поѣздки мы должны немного подкрѣпить свои силы и какъ теперь именно пора пить чай, то, надѣюсь, вы немного подождете. Гораздо лучше путешествовать, не ощущая голода.

Противъ этого нельзя было ничего возразить; чай отпили, и когда убрали посуду, отецъ отправился въ свою комнату и принесъ карту южной Америки, которую онъ давно уже приготовилъ. Давъ дѣтямъ время разсмотрѣть подробно очертаніе земли, онъ началъ такъ:

Вы видите, что весь материкъ походитъ на полуостровъ, соединяясь на сѣверѣ съ остальной Америкой только узенькимъ перешейкомъ. По этому перешейку проходитъ американская цѣпь горъ, извѣстная на сѣверѣ подъ названіемъ Утесистыхъ горъ, здѣсь же именуемая Андами. Она-то ставитъ непреодолимую преграду океанамъ.

Но и безъ соединенія съ сѣвернымъ материкомъ, южную Америку нельзя было бы считать островомъ: она для этого слишкомъ велика. Правда, она окружена со всѣхъ сторонъ водой, потому что на сѣверѣ, кромѣ мѣста, на которомъ Панамскій перешеекъ соединяетъ ее съ республиками средней Америки, ее омываютъ Караибское море и Атлантическій океанъ, на востокѣ тотъ же океанъ, а на западѣ Тихій.

— Папаша, ты намъ нѣсколько разъ говорилъ уже про республики. Ѳедя мнѣ сказалъ, что республикой называется страна, въ которой нѣтъ главнаго начальника. Правда ли это?

— Отчасти правда, отчасти же и нѣтъ. Глава въ республикѣ есть, но не такой, какъ въ монархіи, гдѣ сынъ наслѣдуетъ престолъ послѣ отца, такъ что власть остается постоянно въ рукахъ одного семейства.

Республики, какъ напр. Швейцарія въ Европѣ, избираютъ изъ среды своихъ согражданъ человѣка, котораго называютъ обыкновенно президентомъ. Ему помогаютъ въ правленіи выборные изъ разныхъ странъ государства, съ которыми онъ совѣщается о нуждахъ отечества. Онъ находится во главѣ правленія, но не имѣетъ такой власти, какъ монархъ. Его избираютъ обыкновенно на извѣстное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ народъ назначаетъ другаго президента. Въ сѣверной Америкѣ, напр., президента избираютъ всякіе четыре года.

— Есть ли у индіянцевъ короли? спросила Маша.

— У нѣкоторыхъ племенъ есть. Когда испанцы прибыли въ Мексику, они нашли въ немъ благоустроенное государство; во главѣ его стоялъ король, который назывался *инка*. Теперь же индіянскія племена живутъ разрозненно, повинуясь старшинамъ, избираемымъ изъ самыхъ храбрыхъ воиновъ; у нѣкоторыхъ племенъ званіе старшины наслѣдственно.

Вся сѣверная Америка, — исключая странъ, принадлежащихъ европейскимъ государствамъ, Россіи, Англіи и Даніи и вмѣстѣ съ ними подчиненныхъ монархическому правленію, то есть наслѣдственной власти одного семейства, — раздѣлена на республики. Въ южной Америкѣ мы встрѣчаемъ то же самое, если исключимъ Бразильскую имперію, самое обширное государство на всемъ материкѣ, обозначенное на картѣ красной краской, а также находящіяся на сѣверномъ берегу и называемыя Гвіаною владѣнія Англіи, Голландіи и Франціи.

Пространство, занимаемое этими республиками, до 1810 года составляло собственность Испаніи.

Испанцы, какъ вы, вѣроятно, помните изъ моихъ разсказовъ объ открытіи Америки, переправились съ Антильскихъ острововъ на близъ лежащій материкъ южной Америки, для посѣщенія Перу, о богатствахъ котораго они наслышались баснословныхъ вещей. Путешествіе было легкое: имъ пришлось проѣхать только черезъ довольно тихое Караибское море, и они увидѣли великолѣпнѣйшую страну, пространство и красота которой превосходили ихъ самыя пылкія мечты. Туземцы точно такъ же, какъ и мексиканцы, не были въ силахъ противиться иностранцамъ, вооруженнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; послѣдніе проникли далеко на западъ, и одинъ изъ нихъ, о которомъ я уже вамъ разсказывалъ, Бальбоа, перешелъ даже, съ отрядомъ солдатъ, черезъ Кордильеры

или Анды и былъ первымъ европейцемъ, увидѣвшимъ съ американскаго берега Тихій или Великій океанъ.

Онъ и слѣдовавшіе за нимъ искатели приключеній завладѣли, разумѣется, открытою частью южной Америки именемъ короля испанскаго. Земли эти находились подъ владычествомъ Испаніи до настоящаго столѣтія, когда поселенцы, выведенные изъ терпѣнія угнетеніями Испаніи, отъ нея отложились. Испанія, ведшая въ то время въ Европѣ войну съ французскимъ императоромъ Наполеономъ, не могла послать въ Америку столько солдатъ, сколько нужно было, чтобы покорить возмутившіяся колоніи, и онѣ освободились.

О пространствѣ владѣній, принадлежавшихъ нѣкогда Испаніи, вы будете имѣть понятіе, если я вамъ скажу, что они были въ 28-мь съ половиною разъ больше самой Испаніи, потому что кромѣ Мексики и Вестъ-Индскихъ острововъ, кромѣ Экуадора, Новой Гренады, Венесуэлы и Гвіаны, именно всѣхъ странъ, обозначенныхъ на картѣ желтой краской, ей принадлежали еще: Перу, Чили, Ла-Плата, Парагвай и Уругвай. Одна только Бразилія, вскорѣ послѣ открытія Америки, когда каждое европейское государство, владѣвшее флотомъ, хотѣло захватить часть добычи, была занята Португаліей.

Возстаніе въ испанскихъ провинціяхъ началось въ 1810 и 1811 годахъ, и только въ 1814 г., по окончаніи войны въ Европѣ, Испанія могла послать въ Америку войска. Съ того времени до 1824 г. во всѣхъ этихъ провинціяхъ велась самая кровопролитная война, но Испанія не могла удержать ихъ за собою. Она теряла одну страну за другой, такъ что наконецъ на всемъ материкѣ не осталось у ней ни одной пядени земли и изъ всѣхъ своихъ обширнѣйшихъ владѣній она сохранила только два острова. Ѳедя, не помнишь ли, какъ называются эти острова?

— Кажется, Куба и Порторико.

— Такъ. Слѣдовательно, земля, которую Испанія купила столькими потоками крови и для владѣнія которой ея подданные погубили столько тысячъ и тысячъ людей, была у нея отнята въ нѣсколько лѣтъ. Но жители, образовавшіе маленькія республики, до сихъ поръ не воспользовались еще, какъ слѣдуетъ, свободой, потому что постоянныя несогласія и войны не даютъ имъ покоя. Республики эти то соединяются, то снова раздѣляются; такимъ образомъ возникла и разрушилась состоявшая изъ Новой Гренады, Экуадора и Венесуэлы республика Колумбія. То же самое происходитъ и въ республикахъ, лежащихъ на югѣ, въ Перу, въ Ла-Платѣ, въ Уругваѣ и Парагваѣ, гдѣ ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать сегодня, кто завтра будетъ президентомъ. Одна только маленькая республика Чили, съ умѣреннымъ климатомъ и плодороднѣйшей почвой, пользовалась до настоящаго времени большимъ спокойствіемъ и, разумѣется, отъ этого выиграла. Вы найдете Чили на нашей картѣ, къ западу отъ Ла-Платы, обозначенною розовымъ цвѣтомъ.

Бразилія составляетъ одно обширное, замкнутое цѣлое; она была открыта и занята португальцами около 1500 г. Но имъ не суждено было пользоваться ею совершенно спокойно: богатая страна понравилась ихъ сосѣдямъ, испанцамъ, и они овладѣли ею безъ дальнихъ объясненій.

— Какъ же португальцы позволили это сдѣлать? спросилъ Ѳедя. — Бразилія не маленькое государство. Пусть бы испанцы попробовали придти туда при мнѣ!

— Не думайте, дѣти, продолжалъ, улыбнувшись, отецъ, — чтобы столь обширная, только-что открытая и завоеванная страна была такъ устроена, какъ напр. наше отечество. Португальцы успѣли только заселить и укрѣпить нѣкоторыя мѣста, а туземцы, жившіе внутри страны, мало о томъ безпокоились, кто одержитъ

верхъ: испанцы или португальцы. И тѣ, и другіе были для нихъ чужіе. Если бы война угрожала намъ, то правительству стоило бы только объявить объ этомъ и призвать гражданъ къ защитѣ родины: они собрались бы немедленно изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей; но тамъ никто изъ туземныхъ подданныхъ не безпокоился объ опасности, угрожавшей власти португальцевъ, и они должны были дѣйствовать своими собственными силами.

Испанцы однако не долго сохранили за собой это владѣніе; да и захватившіе его голландцы, въ свою очередь, вынуждены были возвратить Бразилію португальцамъ, за которыми она и осталась. Все-таки въ настоящее время Бразилія не находится болѣе подъ португальскимъ владычествомъ, потому что въ 1822 г. она объявила себя независимымъ и самостоятельнымъ государствомъ; на престолъ вступилъ однако португальскій принцъ и принялъ титулъ императора.

— А Патагонія, вотъ здѣсь, на югѣ, тоже республика? спросила Маша.

— Нѣтъ, дитя мое, Патагонія суровая страна, представлявшая весьма мало соблазнительнаго для европейцевъ, въ особенности въ сравненіи съ плодородными, обширными странами сѣвера; притомъ же, туземцы воинственный и храбрый народъ, а потому ихъ оставили въ спокойномъ обладаніи родиною. Въ южной части граничащей съ Патагоніей республики Чили живетъ также племя, вполнѣ сохранившее свою независимость, какъ отъ прежнихъ повелителей страны, испанцевъ, такъ и отъ республики. Это *араукосы*.

Патагонцы не признаютъ другихъ повелителей, кромѣ своихъ старшинъ. Южнѣе Патагоніи лежитъ страна, названная Огненной Землей, по причинѣ находящихся

въ ней многихъ огнедышащихъ горъ, и обитаемая пе-черегами. Въ этой дикой странѣ европейцы также не думали селиться, и туземцы живутъ въ ней, какъ жили за тысячи лѣтъ тому назадъ.

Давъ вамъ общее понятіе о всемъ южно-американскомъ материкѣ, я приступлю къ подробностямъ. Къ южной Америкѣ причисляются еще нѣкоторые острова. Напримѣръ: близъ республики Венесуэлы лежитъ маленькій островъ ***Курасао.*** Имя это часто произносится въ Европѣ, потому что имъ называется очень вкусный ликеръ, который привозятъ съ этого острова хозяева его, голландцы.

Южнѣе лежитъ Гвіана, принадлежащая частью голландцамъ, частью французамъ, частью англичанамъ. Владѣнія французовъ называются еще ***Кайенной.*** Это самая строгая исправительная колонія Франціи.

— ***Исправительная колонія?***

— Да. Такъ называется мѣсто, куда высылаютъ преступниковъ, которыхъ не хотятъ держать въ тюрьмѣ.

— Развѣ это наказаніе! воскликнулъ Ѳедя. Кайенна лежитъ между поворотными кругами; тамъ, вѣроятно, очень тепло, растутъ красивыя пальмы и всѣ сладкіе, дорогіе фрукты.

— Ты правъ, продолжалъ отецъ; — но, не смотря на то, высылаемые сюда преступники, которыхъ называютъ ссыльными, очень несчастны. Земля эта низменна и нездорова, климатъ очень жаркій, и какъ ссыльнымъ приходится работать подъ палящими лучами солнца, то многіе изъ нихъ умираютъ отъ лихорадокъ и другихъ опасныхъ болѣзней.

Далѣе къ югу мы встрѣчаемъ только маленькіе незначительные острова, которые даже не обозначены на нашей картѣ, и наконецъ достигаемъ ***Фалкландскихъ***

острововъ. И они, для насъ, европейцевъ, имѣютъ мало значенія; хотя многія державы пытались основать на нихъ колоніи, но должны были отказаться отъ предпріятія, по причинѣ зловреднаго климата и безплодной почвы. Недавно англичане устроили здѣсь складъ каменнаго угля для своихъ пароходовъ. Для подобной цѣли острова эти, пожалуй, могутъ пригодиться.

Впрочемъ, теперь тамъ водятся во множествѣ морскія птицы: альбатросы и пингвины избрали эти острова мѣстомъ для высиживанія яицъ.

Альбатросъ величайшая морская птица; размѣръ ея распущенныхъ крыльевъ, отъ одного конца до другаго, равняется иногда 14-ти или 15-ти футамъ. Она, а равно и пингвины, избираютъ для высиживанія яицъ и другіе необитаемые людьми острова холодной полосы; для каждаго гнѣзда какъ бы отводится четыреугольная площадка, и моряки разсказываютъ, что птицы эти строго смотрятъ за соблюденіемъ установленнаго порядка; онѣ поражаютъ и другою подробностью благоустройства: по ночамъ, для предостереженія отъ опасности, ставятся часовые.

— Какъ это должно быть забавно! воскликнули дѣти.

— Вообще, многія животныя, въ дикомъ состояніи, сохраняютъ извѣстный порядокъ, принимаютъ мѣры для своей безопасности и съ этою цѣлью подчиняютъ свою волю соображенію нѣкоторыхъ изъ своей среды; это доказываетъ, кажется, нѣчто большее инстинкта. Дикія лошади въ степяхъ подчиняются сильному и смѣлому предводителю, который бѣжитъ обыкновенно впереди табуна. Дикія водныя птицы: гуси, утки, цапли, журавли, летаютъ или вереницей или двумя расходящимися отъ предводителя линіями. Многіе другіе звѣри

живутъ благоустроенными колоніями и имѣютъ условные знаки и предостерегательные оклики, представляющіе начатки языка.

Но возвратимся къ нашему разсказу. Намъ не слѣдуетъ такъ долго оставаться на этихъ пустынныхъ островахъ, потому что мы должны совершить еще поѣздку вокругъ мыса Горна, южной оконечности Америки. Въ прежнее время путешествіе это было самое опасное, потому что море здѣсь почти круглый годъ бываетъ бурно, а берега утесисты. Многіе корабли погибли въ этомъ мѣстѣ. Однако въ послѣдніе двадцать лѣтъ мореходство очень улучшилось, пароходы не находятся болѣе въ зависимости отъ вѣтра и могутъ слѣдовать даже противъ него.

Мысъ Горнъ состоитъ изъ отрасли Кордильерскихъ горъ, въ которой, какъ я уже упоминалъ, находится много вулкановъ. Этими вулканами, вѣроятно, Огненная Земля была оторвана отъ Патагоніи; послѣдніе скаты горъ отвѣсно и круто возвышаются изъ океана, гнѣвно разбивающаго о нихъ свои бурныя волны.

Обошедъ мысъ Горнъ, мы можемъ направиться къ сѣверу, придерживаясь береговъ и разсчитывая на попутный вѣтеръ. Сперва встрѣчаемъ Чили, довольно длинную, но узкую полосу земли, примыкающую съ востока къ Кордильерамъ, и тутъ же встрѣчаемъ весьма интересную для васъ группу островoвъ. Знаете ли, кто здѣсь жилъ?

— Колумбъ! воскликнула Маша.

— Нѣтъ, дитя мое, Колумбъ никогда сюда не пріѣзжалъ; но здѣсь хозяйничалъ другой человѣкъ, который вамъ, вѣроятно, хорошо знакомъ: Робинзонъ Крузо.

— Это островъ Робинзона! воскликнули дѣти вмѣстѣ, живо бросаясь къ картѣ.

— Да, островъ *Жуанъ-Фернандецъ*. Здѣсь прожилъ въ уединеніи, много лѣтъ, одинъ шотландскій матросъ, пока, наконецъ, его не замѣтили съ шедшаго мимо корабля и не отвезли въ отечество.

— Но вмѣстѣ съ Пятницей, не правда ли? спросилъ Ѳедя.

— Не знаю, былъ ли при немъ дикарь, отвѣтилъ отецъ, улыбаясь, — но матроса звали не Робинзономъ, а Селькиркомъ, и одинъ умный человѣкъ описалъ впослѣдствіи всѣ его приключенія.

— Такъ не самъ Робинзонъ? воскликнулъ Ѳедя голосомъ, въ которомъ слышалось разочарованіе.

— Нѣтъ; но это вещь второстепенная; книга должна была описать только приключенія человѣка, заброшеннаго на пустынный островъ, и доказать вамъ, дѣти, какъ человѣкъ, если въ немъ есть рѣшительность и отвага и онъ не изнѣженъ недѣятельной жизнью, можетъ помочь себѣ въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Звали ли его Селькиркъ или Крузо, это совершенно все равно; дѣло въ лишеніяхъ и опасностяхъ, которымъ подвергался этотъ матросъ, и въ его спасеніи.

— Живутъ ли теперь на этомъ островѣ люди? спросила Маша.

— Нѣкоторое время на немъ пробовали селиться чилійцы, но пребываніе тамъ показалось имъ, должно быть, очень скучнымъ, и они вскорѣ возвратились въ отечество; теперь островъ этотъ служитъ мѣстомъ ссылки преступниковъ.

Далѣе къ сѣверу лежитъ небольшая группа *Черепашьихъ* острововъ или *Галапагосъ*. Ихъ двѣнадцать или четырнадцать, со множествомъ скалъ; одинъ изъ нихъ Экуадорская республика обратилась въ исправительную колонію; на другихъ селятся сѣверные американцы.

Для сегоднишняго вечера, дѣти, кажется, довольно. Теперь вамъ южный материкъ, въ общихъ чертахъ, извѣстенъ. Завтра поговоримъ о тамошнихъ растеніяхъ, звѣряхъ и жителяхъ.

А пока ознакомьтесь съ картой. Завтра, Ѳедя, я спрошу тебя, не замѣтилъ ли ты въ ней чего-нибудь особеннаго.

ГЛАВА II.

ГОРЫ И РѢКИ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ.

Ѳедя разсмотрѣлъ со вниманіемъ карту, и его въ особенности поразила большая рѣка, протекающая почти черезъ всю Бразилію; онъ сказалъ это отцу, когда тотъ пришелъ вечеромъ къ дѣтямъ.

— Ты совершенно правъ, другъ мой, отвѣтилъ отецъ; — это величайшая рѣка во всемъ мірѣ, не исключая ни одной.

Южная Америка, вообще, въ высшей степени интересная страна: какъ въ сѣверной находятся величайшія озера, такъ южная представляетъ величайшія рѣки, громадныя горы, и кромѣ того, пространнѣйшія равнины— равнины, изъ которыхъ нѣкоторыя омываются съ одной стороны Атлантическимъ океаномъ, а съ другой простираются до подножія Кордильеръ, возвышающихся весьма недалеко отъ Тихаго океана.

Горы южной Америки не высочайшія въ мірѣ, потому что многія вершины Азіи гораздо выше, но, не смотря на то, эти горы поражаютъ общей массой, громадностью цѣлаго хребта.

Вершина *Copama*, въ Перу, достигаетъ 25,400 футовъ. За нею слѣдуетъ цѣлая цѣпь вершинъ, высота которыхъ спускается до 16,000 футовъ; въ Чили самый низкій проходъ въ горахъ возвышается еще на

12,000 фут. надъ поверхностью моря; въ Перу есть даже озеро на той же высотѣ, Титикака.

Разумѣется, высочайшія вершины, даже вблизи экватора, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и представляютъ въ тропической странѣ великолѣпнѣйшую картину.

При такихъ горахъ, въ Америкѣ находятся обширнѣйшія равнины, и можно правдоподобно предполагать, что въ прежнее время онѣ были покрыты водою океана и только впослѣдствіи выдвинулись и осушились.

Почти треть всего пространства Бразиліи представляетъ сплошную возвышенность, хотя горы ея, въ сравненіи съ Кордильерами, могутъ быть названы только холмами. По сѣверному берегу материка также тянутся цѣпи горъ, вѣтвями своими соединяющіяся съ Кордильерами. Мѣстность, по которой протекаетъ ***Амазонская*** рѣка (индіянцы называютъ ее ***Мараньономъ***), безконечная равнина, и вы можете понять, какъ она способна для образованія громаднѣйшей рѣки.

На протяженіи нѣсколькихъ сотенъ миль къ востоку отъ Кордильерскихъ горъ земля наклоняется къ Атлантическому океану, и Амазонская рѣка, вытекая изъ нагорнаго озера Кордильеръ, принимаетъ въ себя притоки нетолько съ сѣверной стороны Бразильскихъ горъ, но и съ Кордильеръ и съ цѣпи горъ на сѣверномъ берегу материка, такъ что несетъ въ океанъ воды Бразиліи, Боливіи, Перу, Экуадора и южной части Новой-Гренады, Венесуэлы и Гвіаны. Къ сѣверу отъ Мараньона или Амазонской рѣки въ Атлантическій океанъ впадаетъ еще другая широкая и глубокая рѣка—***Ориноко***. Она принимаетъ въ себя большую часть водъ Новой-Гренады, Венесуэлы и Гвіаны и имѣетъ также весьма широкое устье, но не можетъ ни въ какомъ случаѣ равняться съ Амазонской рѣкой, на

серединѣ которой въ весьма значительномъ еще разстояніи отъ Атлантическаго океана, выстрѣлъ изъ пушки не былъ слышенъ ни на одномъ изъ береговъ. Можете себѣ вообразить, какое количество воды рѣка эта несетъ по Бразиліи и изливаетъ въ море.

Почти такъ же широко впадаетъ въ Атлантическій океанъ рѣка *Ла-Плата*, съ середины которой не видно голыхъ низменныхъ береговъ; она состоитъ изъ трехъ рѣкъ, ***Парагвая***, ***Параны*** и ***Уругвая***, и только при соединеніи ихъ получаетъ свое названіе. Ее скорѣе можно назвать заливомъ, чѣмъ рѣкой.

Въ южной Америкѣ есть еще много довольно значительныхъ рѣкъ, но въ сравненіи съ вышепоименованными онѣ кажутся малыми. Къ западу отъ Кордильеръ, которые тянутся почти по самому западному берегу материка, есть, разумѣется, только небольшіе горные потоки. Въ началѣ лѣта, отъ таянія снѣга, вода въ этихъ потокахъ быстро возвышается и уноситъ съ собой иногда цѣлыя скалы; осенью же и зимой они не превышаютъ обыкновенныхъ ручьевъ. Это подтверждаетъ уже сказанное мною, что большія рѣки могутъ образоваться только на большихъ равнинахъ, а гдѣ отъ источника до устья не болѣе двадцати или тридцати миль, тамъ, разумѣется, не можетъ скопиться много воды.

По берегамъ этихъ сѣверныхъ рѣкъ, въ особенности же по берегамъ Ориноко, стоятъ густые, почти непроходимые лѣса, полные дикихъ звѣрей, крокодиловъ и змѣй. Постоянныя испаренія, подымаемыя изъ воды жаркими лучами солнца, увлажаютъ близлежащія страны и позволяютъ растительности достигать непонятной для насъ силы. Проѣзжавшіе по этимъ рѣкамъ не могли во многихъ мѣстахъ высадиться на берегъ, потому что тростникъ, кустарникъ и деревья образо-

вали на немъ настоящую стѣну и были еще переплетены тысячами вьющихся растенiй.

Подальше отъ рѣкъ начинаются голыя равнины, на которыхъ нѣтъ деревьевъ и растетъ одна только высокая трава; онѣ простираются узкими полосами до самой Ла-Платы и по берегамъ Ориноко называются льяносами, а къ югу отъ Амазонки пампасами. Вся Ла-Плата, за исключенiемъ горъ Кордовы, представляетъ одну равнину, на которой растетъ только трава, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шиповникъ и вѣчно-зеленые, твердолистые кусты, въ особенности мирты.

— Вотъ тамъ косить бы сѣно! замѣтилъ Ѳедя.

— Однако тамъ мало косятъ травы, отвѣтилъ отецъ.

Страна еще слишкомъ дика; но туземцы держатъ многочисленныя стада, и миллiоны рогатаго скота и овецъ пасутся на этихъ необозримыхъ пространствахъ, служа, между прочимъ, пищею водящимся тутъ же, во множествѣ, дикимъ звѣрямъ.

— Разскажи намъ объ нихъ что нибудь! воскликнулъ Ѳедя.

— Придетъ и имъ чередъ, продолжалъ отецъ; но прежде вы должны ознакомиться съ самою страною; тогда услышите много новаго и интереснаго о тамошнихъ звѣряхъ и жителяхъ.

Какъ бѣдна Ла-Плата лѣсомъ и горами, такъ изобилуетъ ими Бразилiя, и только въ сѣверо-западной части ея тянется огромная равнина, по которой протекаетъ рѣка Амазонская.

Притомъ же, Бразилiя страна чрезвычайно богатая нетолько по плодородiю своей почвы, но и по сокровищамъ, замкнутымъ въ нѣдрахъ ея горъ. Изъ нихъ добываютъ чрезвычайно много золота; Бразилiя славится и алмазными копями, доставляющими ей много миллiоновъ дохода.

— Какъ же находятъ алмазы? спросила Маша. — Люди ищутъ ихъ по горамъ?

— Добываніе алмазовъ не такъ легко, продолжалъ отецъ. — Въ природномъ видѣ, не будучи ошлифованы, они не блестятъ какъ тѣ, которые ты видѣла, можетъ быть, въ какомъ нибудь кольцѣ или въ булавкѣ. Они находятся въ серединѣ простыхъ, грубыхъ камней, на днѣ маленькихъ ручьевъ, и отъискиваются съ трудомъ, старательною промывкой песку. Кромѣ того, правительство Бразиліи предоставило себѣ исключительное право или монополію отъискивать дорогіе камни. Этимъ занимаются, большею частью, негры-невольники, подъ строгимъ присмотромъ многочисленныхъ чиновниковъ и солдатъ, такъ какъ бывали случаи, что негръ, найдя большой алмазъ, пряталъ его и уносилъ. Разумѣется, если негра поймаютъ на такомъ воровствѣ, его очень строго наказываютъ; съ другой стороны, если невольникъ найдетъ большой драгоцѣнный камень, его обыкновенно отпускаютъ на волю, что бываетъ однако весьма рѣдко, потому что подобныхъ камней немного.

Кромѣ алмазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, Бразилія заключаетъ въ горахъ своихъ еще и золото, серебро и желѣзо. Золото попадается вездѣ: оно разбросано по всему материку; въ особенности имъ богаты Кордильеры, отъ самаго Орегона до Чили. Вы помните, какія сокровища найдены въ Калифорніи; то же самое происходитъ теперь въ Орегонѣ, даже сѣвернѣе Орегона, въ англійскихъ владѣніяхъ. Самыми же богатыми землями, даже до открытія Америки, были Перу и Боливія.

Золото было причиной быстраго открытія и покоренія Перу, потому что алчные испанцы, услыхавъ о неимовѣрно богатой странѣ, отправились овладѣть ею; иначе они не скоро рѣшились бы на затруднительное путеше-

ствіе въ отдаленную землю, лежащую на берегу Тихаго океана, особенно на переходъ черезъ Кордильеры.

— Бальбоа открылъ Перу? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, Бальбоа былъ первый европеецъ, увидѣвшій Тихій океанъ, и впослѣдствіи онъ намѣренъ былъ пробраться съ войскомъ въ Перу; но тогдашній губернаторъ страны, опасаясь его честолюбія, приказалъ тайно поймать его и отрубить ему голову.

— Отрубить голову! воскликнули дѣти съ испугомъ.

— Въ то время жизнь человѣка ставили ни во что, и испанцы, разоряя и убивая ежедневно множество туземцевъ, не считали важнымъ преступленіемъ и убійство одного европейца, въ особенности если онъ могъ въ чемъ-либо препятствовать планамъ какого-нибудь важнаго и сильнаго лица.

Въ числѣ товарищей Бальбоа, когда онъ увидѣлъ въ первый разъ Тихій океанъ, находился молодой человѣкъ, по имени Пизарро, который отличился впослѣдствіи предпріимчивымъ духомъ, смѣлостью, алчностью къ золоту и кровожадностью. Обладая пушками, ружьями, собаками и лошадьми, онъ напалъ на бѣдныхъ людей, принявшихъ его гостепріимно, перебилъ ихъ многія тысячи и опустошилъ прекрасную страну для того только, чтобы добыть по возможности болѣе золота. Объ ужасахъ этого похода вы не можете имѣть понятія, и хуже всего то, что они совершались подъ маской религіи. Эти люди выдавали себя за посланныхъ Богомъ для обращенія индіянцевъ въ христіанство, и если дикари не тотчасъ повиновались, то были безпощадно убиваемы и разоряемы. Однако Пизарро не избѣгъ заслуженнаго наказанія: покоривъ Перу, собравъ несмѣтныя сокровища, онъ былъ убитъ нѣсколькими людьми, которые не хотѣли выносить долѣе его произвола.

Послѣ Перу было открыто и Чили, и также занято испанцами. Путь въ Ла-Плату найденъ легко, а другіе люди, прибывавшіе съ Атлантическаго океана, завоевали богатыя страны Парагвай и Уругвай.

Такимъ образомъ испанскій король, сидя спокойно дома и забирая только сокровища, которыя привозились ему изъ-за океана, пріобрѣлъ почти цѣлую часть свѣта. Но люди, дѣйствовавшіе его именемъ, совершали преступленія за преступленіями, пока, наконецъ, не навлекли на Испанію достойнаго наказанія.

— Развѣ испанцы отсылали всѣ сокровища королю? спросилъ Ѳедя.— Я думалъ, что они ихъ оставляли себѣ.

— Они обязаны были дѣлиться съ королемъ; въ противномъ случаѣ король послалъ бы въ Америку другихъ людей, которые болѣе соблюдали бы его выгоду. Кромѣ того, существовалъ законъ, на основаніи котораго пятая часть всей военной добычи принадлежала королю. А сколько было въ той странѣ золота, вы поймете, если я вамъ скажу, что одинъ инка или князь, попавшись въ плѣнъ испанцамъ, обѣщалъ за свою свободу завалить золотомъ комнату въ 22 фута длиною и 16 футовъ шириною, на высоту, до которой онъ могъ достать руками. Какъ ни кажется это невѣроятнымъ, однако инка исполнилъ условіе. Слѣдовательно, какими несмѣтными сокровищами долженъ былъ обладать этотъ народъ!

Въ Чили находятъ также много благородныхъ металловъ. Кромѣ того, почва вездѣ чрезвычайно плодородна; прекрасные луга покрыты стадами скота и овецъ и гдѣ только начнутъ обработывать землю, тамъ все произрастаетъ превосходно.

Что касается климата южной Америки, то онъ во многихъ мѣстахъ очень здоровъ, даже для европейцевъ;

въ особенности отличаются въ этомъ отношеніи Чили и Ла-Плата, равно какъ и всѣ плоскія возвышенности. Но подвигаясь на сѣверъ, мы приближаемся къ экватору и вступаемъ въ жаркую полосу; тутъ, особенно въ сѣверо-восточной части, на низменныхъ болотистыхъ берегахъ большихъ рѣкъ и на плоскомъ морскомъ берегу, господствуютъ злокачественныя и опасныя для европейцевъ лихорадки, погубившія тысячи переселенцевъ.

— Могутъ ли въ этихъ нездоровыхъ мѣстахъ жить индіянцы? спросила Маша.

— Разумѣется; человѣкъ созданъ такъ, что онъ свыкается съ каждой мѣстностью, въ которой находится съ дѣтства. Если бы эскимосъ или гренландецъ попалъ на югъ, то онъ, вѣроятно, не вынесъ бы тамошняго климата съ его жаркимъ и иногда сырымъ воздухомъ; такъ точно и индіянецъ Гвіаны, Венецуэлы или Бразиліи умеръ бы или замерзъ, если бъ его перенесли вдругъ въ ледяныя страны сѣвера. Но гдѣ человѣкъ родился и воспитывался, тамъ ему обыкновенно бываетъ хорошо, если только онъ не боленъ отъ чего другаго; природа его привыкаетъ къ мѣстной пищѣ, тѣло къ климату, будетъ ли онъ жаркій или холодный; человѣкъ почти съ одинаковой легкостью вдыхаетъ въ себя рѣдкій горный воздухъ и тяжелыя болотистыя испаренія. Но если взросъ въ холодномъ климатѣ, то жаркій для него зловреденъ, и наоборотъ.

Только мы, живущіе въ умѣренной полосѣ, легко свыкаемся какъ съ жаркимъ, такъ и съ холоднымъ климатомъ, потому что у насъ бываютъ лѣтомъ очень жаркіе, а зимой очень холодные дни. Разумѣется, почва не должна быть очень болотистою, потому что въ такомъ случаѣ, при продолжительномъ пребываніи, умираетъ самый здоровый европеецъ.

— Однако, испанцы свыклись съ такимъ климатомъ, замѣтилъ Ѳедя.

— Многіе пали его жертвою, хотя, во-первыхъ, прибывали изъ довольно жаркой страны, а во-вторыхъ сначала оставались очень недолго на одномъ и томъ же мѣстѣ. Испанцы переходили въ новооткрытой части свѣта изъ одной страны въ другую, а для тѣла нѣтъ ничего полезнѣе путешествій, въ особенности если они не требуютъ излишнихъ усилій и сопряжены съ умѣренной, спокойной жизнью.

Ла-Плата, вообще пользуется роскошнымъ, здоровымъ климатомъ; столица государства, Буэносъ-Айресъ, получила отъ этого и свое названіе, потому что buenos ayres по испански и значитъ хорошій или здоровый воздухъ. Зима, которая къ югу отъ экватора, разумѣется, бываетъ въ то время, когда у насъ лѣто, рѣдко приноситъ немного снѣга; луга почти круглый годъ зелены, и скотъ не знаетъ стоилъ; только въ жаркое время пампасы подвержены засухамъ.

Чѣмъ дальше подвигаемся на югъ, тѣмъ климатъ становится суровѣе. Уже югъ Ла-Платы гораздо холоднѣе; далѣе, въ Патагоніи, бываетъ морозная зима, а на южной оконечности этой страны люди пользуются лишь очень короткимъ лѣтомъ и живутъ среди ледяныхъ и снѣжныхъ горъ.

— Однако, папаша, сказалъ Ѳедя,—южная оконечность Патагоніи лежитъ не очень близко къ полюсу.

— Да, немногимъ ближе Гамбурга или Копенгагена; но южный полюсъ значительно холоднѣе сѣвернаго, по преобладаніи трудно-нагрѣвающейся воды. Острова, находящіеся на самомъ югѣ, подъ 63-мъ или 64-мъ град. широты, и называемые Южной-Шотландіей, лежатъ только немногими градусами ближе къ полюсу, чѣмъ С.-Петербургъ, и находятся въ такомъ же разсто-

яніи отъ этой точки, какъ Исландія. Однако Исландія заселена, и на сѣверномъ полушаріи, даже за 70-мъ град., живутъ люди, тогда какъ Южная-Шотландія покрыта вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ, или, по крайней мѣрѣ, освобождается отъ нихъ на столь короткое время, что тамъ ни одинъ человѣкъ жить не можетъ и острова эти служатъ мѣстопребываніемъ только морскимъ птицамъ и тюленямъ.

— А на Огненной-Землѣ есть люди? спросила Маша.

— Есть: печереги. Но о людяхъ мы будемъ говорить завтра — сегодня уже поздно; однако, вы можете еще избрать себѣ мѣсто въ южной Америкѣ, въ которомъ поселились бы всего охотнѣе.

ГЛАВА III.

ТУЗЕМЦЫ ТРОПИЧЕСКОЙ ПОЛОСЫ.

— Ну, Өедя, сказалъ отецъ на слѣдующій вечеръ:— избралъ ли ты себѣ мѣсто, гдѣ бы желалъ поселиться въ южной Америкѣ?

— Да, папаша: въ Бразиліи, гдѣ столько алмазовъ.

— Вотъ какъ! А ты, Маша?

— Я вовсе не желаю отправляться въ южную Америку, отвѣтила дѣвочка; я хочу остаться съ вами въ Германіи; здѣсь гораздо лучше.

— Ты совершенно права, дитя мое, замѣтила мать;— пусть Өедя ѣдетъ одинъ: когда онъ наберетъ много алмазовъ, то воротится къ намъ.

— А если тамошній климатъ будетъ для него вреденъ? спросила Маша.

— То онъ воротится еще скорѣе, отвѣтилъ отецъ,— тѣмъ болѣе, что въ Бразиліи собственно ему нечего дѣлать.

— Одинъ я тоже не поѣду, сказалъ Өедя: — я думалъ, что мы отправимся всѣ вмѣстѣ.

— Вотъ видишь; слѣдовательно, мы и согласились, замѣтила мать, смѣясь. Гораздо лучше, если отецъ будетъ намъ разсказывать про чужія страны, чѣмъ намъ самимъ укладываться и ѣхать. Всего нѣтъ возможности видѣть; между тѣмъ, у насъ въ Германіи столько пре-

краснаго, нетолько между произведеніями искусства, но и въ природѣ, что южные американцы могли бы точно также пріѣзжать къ намъ, какъ европейцы ѣздятъ къ нимъ.

— Но если мы и рѣшились остаться дома, продолжалъ отецъ, — то это не должно останавливать насъ отъ знакомства съ другими странами. Начнемъ съ сѣверной части. О Панамскомъ перешейкѣ и сообщеніи Атлантическаго океана съ Тихимъ я вамъ уже говорилъ. Трудность прорыть каналъ сквозь цѣпь горъ, увеличиваемая недостаткомъ рабочихъ и очень нездоровымъ климатомъ, заставила проложить желѣзную дорогу, по которой товары и пассажиры переправляются съ одного океана на другой въ нѣсколько часовъ.

— Ты, папа, говоришь, что недоставало работниковъ, замѣтилъ Ѳедя. Отчего же не нанимали индіянцевъ?

— Индіянцы, другъ мой, непривычны къ тяжелой работѣ, особенно къ копанію земли, да и вообще избѣгаютъ правильнаго труда.

— Разскажи намъ сегодня про индіянцевъ.

— Хорошо; но вы должны понять, что страна чрезвычайно велика и, при разнородномъ климатѣ, при огромныхъ равнинахъ и высокихъ горахъ, населена совершенно разнородными жителями.

Въ прежнихъ испанскихъ владѣніяхъ живетъ смѣшанное населеніе и, относительно, между нимъ находится чрезвычайно мало природныхъ индіянцевъ. Полагаютъ, хотя въ этомъ отношеніи нельзя сказать ничего положительнаго, что во всѣхъ этихъ владѣніяхъ, занимающихъ такое огромное пространство, находится теперь до двухъ милліоновъ индіянцевъ; когда же Америка была открыта, то столько дикихъ найдено было на одномъ островѣ Гаити. Можно принять за достовѣрное, что испанцы, въ первое время владычества, частью

сами, частью черезъ вызванныя возстанія, истребили 12 милліоновъ туземцевъ, то есть, Маша, двѣнадцать разъ тысячу тысячъ; одни изъ дикарей были перебиты, другіе замучены непривычнымъ тяжелымъ трудомъ.

Отъ этого въ испанскихъ колоніяхъ составилось совершенно особое населеніе, состоящее изъ испанскихъ креоловъ и метисовъ; это-то населеніе возстало въ началѣ настоящаго столѣтія противъ испанскаго ига и, сбросивъ его, основало независимыя государства. Прежде, однако, я долженъ вамъ объяснить значеніе слова *метисъ*, потому что выраженіе *креолъ* вамъ уже извѣстно.

Многіе испанцы, по окончаніи войны, желая остаться въ Америкѣ навсегда, женились на индіянскихъ женщинахъ; вотъ, дѣти бѣлыхъ и индіянокъ и называются метисами, какъ дѣти бѣлыхъ, рожденныя въ Америкѣ, носятъ названіе креоловъ.

Креолы и метисы сохранили испанскій языкъ и христіанскую религію; но смѣшеніе племенъ въ метисахъ, жаркій климатъ и иной образъ жизни совершенно измѣнили европейцевъ, какъ мы это увидимъ по-преимуществу въ республикѣ Ла-Платѣ или, какъ она называется иначе, въ Аргентинскомъ союзѣ. По имени они оставались, правда, испанцами, но только по одному имени, потому что въ наружномъ видѣ, въ нравахъ и обычаяхъ они совершенно удалились отъ своихъ предковъ. Итакъ, нисколько не удивительно, что они не захотѣли и признавать верховной власти Испаніи.

Лишь только это случилось, и они, въ войнѣ за независимость, остались побѣдителями, — какъ настоящіе испанцы, то есть европейцы, пріѣзжавшіе изъ королевства Испаніи, сдѣлались предметомъ такой ненависти, что ихъ истребляли огнемъ и мечемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ американцы сбросили съ себя и имя испанцевъ. Въ Перу они стали называть себя перуанцами, въ Мекси-

кѣ—мексиканцами, въ Чили—чилійцами, и такъ далѣе, смотря по странѣ, въ которой жили.

Но участь туземныхъ индіянцевъ, имя которыхъ приняли такимъ образомъ испанцы, отъ этого не улучшилась: у нихъ оспáривали каждый клочекъ земли, и сами они подвергались неистовымъ преслѣдованіямъ. Если въ прежнее время, когда число ихъ считалось милліонами, они не въ состояніи были защитить своего отечества отъ горсти пришельцевъ, то теперь тѣмъ болѣе видѣли невозможность возстать и изгнать своихъ враговъ.

— Скажи, папаша, спросилъ Ѳедя, — не жаркій ли климатъ былъ причиной, что индіянцы не могли побѣдить пришельцевъ? Ты намъ, кажется, говорилъ прежде, что большіе жары ослабляютъ человѣка.

— Можетъ быть, отчасти виною тому былъ и климатъ. Многіе, живущіе въ холодной полосѣ, американскіе индіянцы воинственны и храбры, что мы видѣли уже въ сѣверной Америкѣ и увидимъ еще, когда сойдемъ болѣе къ югу. Но одну изъ самыхъ важныхъ причинъ пораженія составляло то, что индіянцы были разъединены и воевали другъ съ другомъ. Иначе первые высадившіеся европейцы были бы побиты на-голову, не смотря на ихъ огнестрѣльное оружіе. Но туземцы надѣялись, что вооруженные пришельцы будутъ помогать имъ въ войнахъ противъ сосѣдей. Та же самая причина дѣйствовала, напр., и въ Перу. Въ Мексикѣ нѣкоторыя племена помогали испанцамъ, а въ сѣверной Америкѣ значительное число индіянцевъ сражалось постоянно на сторонѣ европейцевъ, пока дикари не убѣдились, что помогаютъ своимъ врагамъ противъ тѣхъ, при помощи которыхъ могли бы спасти отечество.

Впрочемъ, не всегда жители жаркой полосы слишкомъ изнѣжены и слишкомъ трусливы для защиты своего отечества; и въ другихъ странахъ мы имѣемъ много

примѣровъ, что живущія подъ экваторомъ племена сражаются и по настоящій день противъ бѣлыхъ и храбро отстаиваютъ свою независимость. Въ Америкѣ же всѣ племена жаркой полосы были покорены и только нѣкоторыя, живущія въ Бразиліи, въ неизмѣримыхъ лѣсахъ и болотахъ, остаются свободными, и то потому, что бразильскіе португальцы по настоящее время не нуждались въ ихъ землѣ. Но когда наступитъ эта пора, и эти племена должны будутъ подчиниться.

Изъ числа независимыхъ племенъ Бразиліи ботокуды не приняли никакого просвѣщенія и, подобно своимъ праотцамъ, живутъ въ дремучихъ лѣсахъ, большею частью охотой.

Это дикое, разбойничье племя; вооруженіе ихъ состоитъ изъ лука въ шесть или семь футовъ длиною, которымъ, во время войны, они пускаютъ во врага отравленныя стрѣлы.

— Откуда же эти люди получаютъ ядъ? спросилъ Ѳедя.

— Его доставляютъ многія растенія; можетъ быть, дикари употребляютъ и ядъ змѣй; это еще положительно неизвѣстно. Ботокуды прибѣгаютъ къ нему очень часто, даже на охотѣ: стрѣляютъ отравленными стрѣлами изъ длинныхъ продувныхъ стволовъ или духовыхъ трубъ и убиваютъ такимъ образомъ большихъ звѣрей.

— Да тогда этихъ звѣрей нельзя ѣсть, замѣтила Маша.

— Напротивъ того, дитя мое, разные яды, въ особенности яды змѣй тогда только вредны человѣку, когда, не измѣнившись, примѣшиваются къ его крови, — то есть, когда попадаютъ въ открытую рану; мясо же звѣрей, убитыхъ подобными ядами, можно ѣсть безъ всякой опасности.

— Какимъ же образомъ можно бросать стрѣлы изъ продувнаго ствола? спросилъ Ѳедя.

— Стволы эти приготовляются индіянцами южной Америки изъ очень высокаго, прямо растущаго тростника и бываютъ иногда въ шестнадцать и двадцать футовъ длиною. Стрѣлы для этихъ стволовъ не снабжены на нижнемъ концѣ перьями, а сдѣланы обыкновенно изъ заостренной тростинки бамбука, не длиннѣе одного фута. Острый конецъ напитанъ ядомъ; противоположный же обматывается хлопкомъ, препятствующимъ воздуху проходить по бокамъ стрѣлы. Изъ такихъ стволовъ индіянцы стрѣляютъ очень далеко и мѣтко.

— Я попробую когда-нибудь такъ стрѣлять! воскликнулъ Ѳедя.

— Это довольно легко, продолжалъ отецъ; только стрѣлу нужно сдѣлать не изъ слишкомъ легкаго дерева: иначе она не полетитъ прямо, а будетъ вертѣться. Но самое опасное оружіе индіянцевъ — ихъ лукъ, потому что длинными своими стрѣлами они смертельно ранятъ и даже убиваютъ большихъ звѣрей. Сверхъ того, у нихъ есть еще палицы изъ тяжелаго дерева и длинныя пики. Это вооруженіе служитъ дикарямъ въ междоусобныхъ войнахъ. Португальцы называютъ ботокудовъ, для отличія отъ береговыхъ племенъ, indios bravos, то есть храбрыми индіянцами, хотя своею независимостью послѣдніе обязаны болѣе непроходимымъ лѣсамъ, въ которыхъ живутъ, чѣмъ своей храбрости. Еслибъ ихъ земля легко могла быть воздѣлана, то они давно были бы покорены.

Всѣ дикари, въ какой бы части свѣта они ни жили, отличаются страстью къ украшеніямъ и представляютъ въ этомъ отношеніи доказательства самаго страннаго вкуса. Такъ ботокуды прокалываютъ, напр., нижнюю губу и вставляютъ въ нее кусочекъ круглаго дерева, который постепенно замѣняютъ большимъ и большимъ,

пока наконецъ нижняя губа дѣлается неестественно растянутою и уродливою.

— Это должно быть отвратительно, сказала Маша.

Все дѣло моды, а мода находитъ красивымъ даже то, что безобразно и глупо. Кромѣ того, у дикарей есть украшеніе, которое намъ болѣе нравится и состоитъ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ птицъ, оживляющихъ бразильскіе лѣса. Ботокуды дѣлаютъ изъ перьевъ нетолько передники, но и головные уборы, въ которыхъ перья утверждены стоймя. Да еще эти дикари пріобрѣтаютъ отъ европейцевъ стеклянныя бусы и множество другихъ бездѣлицъ; но самое цѣнное для нихъ украшеніе составляютъ знаки побѣды, одержанной надъ звѣрями, какъ, напр., зубы ягуара или американскаго тигра и пумы или тамошняго льва; изъ этихъ зубовъ они дѣлаютъ себѣ ожерелья, которыхъ не отдаютъ ни за что.

Въ лѣсахъ индіянцы, конечно, не могутъ употреблять лошадей; но въ пространныхъ льяносахъ и пампасахъ лошади, привезенныя испанцами, чрезвычайно размножились; какъ индіянцы сначала ихъ боялись, такъ теперь умѣютъ ими хорошо пользоваться. Нѣкоторыя изъ степныхъ племенъ отличные ѣздоки; разумѣется, они ведутъ кочевую жизнь и кормятся, большею частью, охотой и стадами, которыя держатъ. Туземцы же, живущіе въ лѣсахъ, понемногу начинаютъ заниматься земледѣліемъ, хотя, конечно, ихъ способъ обработки земли еще очень простъ и грубъ.

Перуанскіе индіянцы, составлявшіе прежде столь могочисленный и сильный народъ, нынѣ совершенно покорены. Бѣлые обращаются съ ними совершенно какъ съ невольниками, хотя не продаютъ ихъ, какъ прежде негровъ, которые въ этой странѣ и другихъ южноамериканскихъ республикахъ — освобождены весьма недавно. Въ Бразиліи же, которая, какъ вы вѣроятно по-

мните, имперія, невольничество еще существуетъ, и невольниковъ употребляютъ нетолько для работы на поляхъ, но и въ горныхъ рудникахъ и въ алмазныхъ копяхъ. Бразильское правительство не позволяетъ привозить открыто негровъ изъ Африки, но тайно это еще дѣлается, потому что торговля несчастными черными приноситъ большой барышъ.

Въ огромной Бразиліи, на ея неизмѣримомъ пространствѣ, находится едва милліонъ европейцевъ и креоловъ, то есть людей европейскаго происхожденія, около трехъ милліоновъ негровъ-невольниковъ, около двухъ милліоновъ свободныхъ негровъ и почти милліонъ мулатовъ и другихъ людей смѣшаннаго происхожденія.

— Мулатовъ, папаша?

— ***Мулатами*** называются потомки негровъ и бѣлыхъ, какъ метисами потомки индіянцевъ и бѣлыхъ. Тѣло у мулатовъ не черное, но темно-желтое, волосы однако курчавые, какъ у негровъ, которыхъ они напоминаютъ и некрасивыми толстыми губами. Причислите къ этому населенію еще полъ-милліона индіянцевъ, разбросанныхъ по всему государству, и вы получите семь съ половиною милліоновъ жителей, въ странѣ, могущей прокормить по крайней мѣрѣ сорокъ милліоновъ. Столица государства, ***Ріо-Жанейро***, лежитъ на Атлантическомъ океанѣ и имѣетъ великолѣпную гавань. Въ Бразиліи есть еще нѣсколько другихъ замѣчательныхъ городовъ, лежащихъ, большею частью, по берегамъ моря, какъ напр., немного сѣвернѣе Ріо-Жанейро, цвѣтущій торговый городъ ***Багіа***.

Весь восточный берегъ Америки, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, гораздо удобнѣе для торговли, чѣмъ западный, потому что представляетъ болѣе гаваней, то есть мѣстъ, гдѣ корабли могутъ безопасно стоять на якорѣ. Западный берегъ, до самаго Ледовитаго моря, —

вѣроятно, вслѣдствіе близости Кордильеръ, гораздо суровѣе; крутыя горы тянутся почти по самому берегу, который, отъ этого отвѣсенъ, скалистъ и представляетъ очень мало безопасныхъ мѣстъ для стоянки. Но чѣмъ подобныя мѣста рѣже, тѣмъ скорѣе селились на нихъ люди, занимавшіеся торговлей, и такимъ образомъ возникли большіе цвѣтущіе города, въ которыхъ число жителей быстро увеличивалось, какъ напр. въ *Вальпараизо*, главномъ портовомъ городѣ Чили, въ *Лимѣ* — столицѣ Перу и *Санъ-Франциско* — важной гавани Калифорніи.

— Какою же охотою занимаются собственно индіянцы? спросилъ Ѳедя. — Ты намъ говорилъ, что тамъ много американскихъ тигровъ и львовъ; похожи они на африканскихъ?

— Не совсѣмъ. Но о звѣряхъ и растеніяхъ тропической Америки поговоримъ лучше завтра, потому что, если я вамъ начну разсказывать объ охотѣ, то вы захотите знать все болѣе и болѣе, тогда какъ сегодня уже поздно.

— Разскажи хоть что-нибудь, началъ просить Ѳедя.

— Нѣтъ, дитя мое, такъ поздно никто не выходитъ на охоту; пришлось бы охотиться при огнѣ, чего, сколько мнѣ извѣстно, въ южной Америкѣ не дѣлаютъ.

— Да мы-то можемъ. Какъ это дѣлается?

— Какъ скоро я проговорился, что и ночью можно охотиться, то, нечего дѣлать, приходится исполнить ваше желаніе. Въ сѣверной Америкѣ охотники ходятъ на оленей и ночью, со смоляными факелами или сковородами, на которыхъ поддерживаютъ огонь при помощи тонкихъ сосновыхъ лучинъ. Олени тамъ не боятся огня и привыкли къ нему, потому что часто старые полусгнившіе стволы деревъ загораются и тлѣютъ по цѣлымъ недѣлямъ. Подобная охота представляетъ

то удобство, что охотникъ, при помощи факела, видитъ глаза звѣря на далекомъ разстояніи. Вы сами можете въ этомъ убѣдиться: держа факелъ за собой, можно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ падаетъ тѣнь нашего тѣла, различить глаза звѣря, которые блестятъ, какъ два горящіе угля; а передвигаемый факелъ бросаетъ тѣнь головы охотника на какое угодно мѣсто. Охотникъ осторожно направляется въ ту сторону, гдѣ предполагаетъ дичь, стараясь не производить никакого шуму и идти не съ вѣтромъ, но противъ вѣтру, потому что иначе звѣрь почуетъ человѣка и убѣжитъ. Когда охотникъ подойдетъ довольно близко къ оленю, такъ что можетъ его видѣть, тогда кладетъ ружье на длинную палку факела и стрѣляетъ.

— Какъ же онъ можетъ попасть ночью? спросилъ Өедя.

— Свѣтъ факела падаетъ на стволъ ружья, и охотникъ можетъ прицѣлиться такъ же вѣрно,какъ днемъ.

— А олени развѣ стоятъ спокойно и ждутъ?

— Если они не слышатъ охотника, то, разумѣется, остаются на мѣстѣ. Другой способъ охотиться на оленя состоитъ въ томъ, что на солончакахъ ставятъ подмостки, зажигаютъ на нихъ огонь, а подъ нимъ садится охотникъ. Дичь, равно какъ и рогатый скотъ и овцы, любятъ соль, а въ лѣсахъ солончаки встрѣчаются часто. Тамъ олени собираются по ночамъ лизать землю. Охотникъ, сидящій подъ подмостками, на которыхъ горитъ огонь, находится совершенно въ тѣни; когда олень подойдетъ довольно близко, охотникъ выдвигаетъ ружье на столько, чтобы свѣтъ падалъ на конецъ ствола, прицѣливается и стрѣляетъ.

— Бѣдные звѣри, сказала Маша.

— Да, дитя мое, можетъ казаться довольно крово-

жаднымъ прятаться въ засаду и убивать бѣдную тварь, которая намъ не причинила никакого вреда. Но если человѣкъ убиваетъ звѣрей не для удовольствія, а только для поддержанія своей жизни, и убиваетъ не мучительнымъ для нихъ образомъ, то въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Если же онъ истребляетъ невинныхъ животныхъ исключительно изъ страсти къ разрушенію или для потѣхи, то, какъ бы эти звѣри ни были малы, совершаетъ преступленіе, и я надѣюсь, что въ подобной вещи вы никогда не будете виновными. Однако, нашъ факелъ погасъ, и охота кончилась; ложитесь, а завтра вечеромъ увидимъ, можно ли намъ еще будетъ поохотиться и на какого именно звѣря.

ГЛАВА IV.

ЗВѢРИ И ОХОТА ЖАРКОЙ ПОЛОСЫ.

— Ну, дѣти, сказалъ на слѣдующій вечеръ отецъ,— готовы ли ваши луки и стрѣлы и продувные стволы, чтобы намъ отправиться на охоту?

— Разумѣется, папаша, воскликнулъ Ѳедя, — я сегодня сдѣлалъ себѣ продувной стволъ и стрѣлы, и дѣло шло очень хорошо.

— Такъ хорошо, замѣтила мать, — что онъ въ кухнѣ разбилъ окóнное стекло.

— Вотъ какъ! а во что же ты стрѣлялъ, если можно спросить?

— Въ воробья, который сидѣлъ на крышѣ, отвѣтилъ Ѳедя, смущенный, — но вѣтеръ отнесъ стрѣлу.

— Что же тебѣ сдѣлалъ бѣдный воробей?

— Воробей? да они поѣдаютъ лѣтомъ вишни?

— Вотъ какъ! И каждый, дѣлающій это, совершаетъ страшное преступленіе, достойное смертной казни.

Ѳедя покраснѣлъ и сказалъ, запинаясь:

— Но я въ него не попалъ, папаша.

— Знаю это, но все-таки впредь выбирай иную цѣль для стрѣльбы; другое дѣло, когда ты будешь побольше и тебѣ можно будетъ ходить на охоту, съ цѣлью добывать пищу. А теперь помни нашъ вчерашній разговоръ. Если воробьи дѣйствительно такъ размножатся,

что будутъ причинять значительный вредъ и ихъ придется истреблять, то я не скажу противъ этого ни слова. Въ общей сложности воробьи болѣе полезны человѣку, чѣмъ вредны, потому что лѣтомъ поѣдаютъ несмѣтное число червяковъ, вредныхъ для деревьевъ. Притомъ же, зимой, когда насъ покинули почти всѣ птицы, воробьи хоть сколько-нибудь оживляютъ окружающую насъ мертвую картину. За это имъ можно подарить лѣтомъ нѣсколько вишень. Вспомни еще, какъ имъ иногда бываетъ трудно отъискать въ снѣгу хотя одно зернышко для поддержанія своей жизни, и ты не пожалѣешь вишень.

Но сегодня мы будемъ имѣть дѣло съ крупнымъ звѣремъ, и ни одна страна въ свѣтѣ не богата имъ въ такой степени, какъ тропическая часть южной Америки; даже еще въ Ла-Платѣ много дичи, но вездѣ лишь къ востоку отъ Кордильеръ, потому что въ узкой полосѣ земли на западномъ берегу ей трудно было удержаться.

Изъ хищныхъ звѣрей мы находимъ на равнинахъ восточной Америки мѣстнаго тигра, который, хотя уступаетъ азіатскому въ величинѣ и кровожадности, но все-таки долженъ считаться опаснымъ противникомъ. Съ виду онъ очень похожъ на азіатскаго тигра, но на одну треть меньше его и свѣтлѣе цвѣтомъ; въ нравѣ и образѣ жизни совершенно схожъ со своимъ сородичемъ. Не смотря на то, индіянцы смѣло нападаютъ на тигра съ весьма незатѣйливымъ оружіемъ, стрѣляютъ въ него отравленными стрѣлами и иногда даже выходятъ на него съ однимъ копьемъ.

За тигромъ слѣдуетъ американскій левъ, называемый еще пумою, который однако уступаетъ африканскому льву какъ въ силѣ, такъ и въ смѣлости. Американскій левъ не имѣетъ гривы и по виду и цвѣту похожъ болѣе на барса. Онъ буроватаго цвѣта, съ темными, едва

замѣтными круглыми пятнами; онъ, какъ и тигръ, самый опасный врагъ стадъ и меньшихъ лѣсныхъ звѣрей, почему его и преслѣдуютъ съ ожесточеніемъ. Охотники, нападая на слѣдъ льва, гонятъ его обыкновенно собаками, стараются загнать на дерево и тутъ уже стрѣляютъ.

Въ южной Америкѣ двѣ породы льва: большой — живущій въ тропическихъ и плоскихъ мѣстностяхъ, и маленькій горный левъ, который сторожитъ въ Кордильерахъ бѣдныхъ гуанако и ламъ.

— Ламъ, кажется, Робинсонъ нашелъ на Жуанъ-Фернандецѣ, воскликнулъ Ѳедя.

— Очень можетъ быть: по крайней мѣрѣ, животное это водится въ южной Америкѣ и по преимуществу въ Кордильерахъ. Изображенія ламы вы, вѣроятно, видѣли. Это большое красивое животное, немного меньше оленя, съ длинной шеей, густой, длинной, шелковистой шерстью, почти всегда коричневаго цвѣта. Оно ловко карабкается по горамъ, и тамъ его трудно настигнуть; но когда лама спускается въ горныя долины, тогда туземцы преслѣдуютъ ее собаками или на лошадяхъ и стараются забросить ей на шею петлю. Вообще, южные американцы плохіе стрѣлки и не умѣютъ обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

— Ѣдятъ ли ламъ? спросила Маша.

— Разумѣется, тѣмъ болѣе, что индіянцы ѣдятъ съ равнымъ апетитомъ и тигра, и оленя.

— Тигра? да вѣдь это хищный звѣрь, живетъ однимъ мясомъ, сказали дѣти.

— Тигръ дѣйствительно хищный звѣрь; но мясо его можно ѣсть, въ особенности, если кто голоденъ. Вообще, мясомъ питаются многія животныя, которыхъ мы однако не причисляемъ къ хищнымъ звѣрямъ и ѣдимъ съ большимъ удовольствіемъ: напримѣръ, свиньи.

— Свиньи? спросилъ Ѳедя съ удивленіемъ. Да развѣ онѣ жрутъ мясо?

— Да, другъ мой, дикія свиньи поступаютъ часто не лучше хищныхъ звѣрей и если встрѣтятъ въ лѣсу подстрѣленную дичь, то преслѣдуютъ ее, пока, наконецъ, не настигнутъ, раздираютъ на части и пожираютъ до костей.

— Я никогда не думала, чтобы свиньи были такъ злы, сказала Маша.

— Бывали даже случаи, что домашнія свиньи заѣдали положеннаго гдѣ-нибудь ребенка.

— Въ южной Америкѣ есть дикія свиньи? спросилъ Ѳедя.

— И очень много, въ особенности на низменностяхъ Амазонской рѣки и Ориноко. Въ тамошнихъ лѣсахъ водится еще животное, котораго вы видѣли уже въ звѣринцахъ, чрезвычайно проворное и забавное.

— Обезьяны! воскликнули дѣти.

— Вы отгадали, сказалъ съ улыбкой отецъ. — Въ южной Америкѣ, въ особенности въ Бразиліи, породы обезьянъ чрезвычайно многочисленны, и въ лѣсахъ ея мы встрѣчаемъ какъ большаго ревуна, такъ и маленькую красивую шелковистую игрунку.

— Я видѣлъ недавно на картинкѣ, сказалъ Ѳедя,— какъ обезьяны, уцѣпившись одна за другую, составляли какъ бы мостъ черезъ рѣку. Дѣлаютъ ли это обезьяны?

— Вообще, обезьяна животное чрезвычайно умное, умѣющее найтись во многихъ случаяхъ; но разсказы о томъ, будто обезьяны, спустившись цѣпью съ вершины дерева, раскачиваются и перекидываются на другой берегъ рѣки, просто вымыселъ какого-нибудь путешественника, можетъ быть даже не видѣвшаго обезьянъ въ дикомъ состояніи, но хотѣвшаго однако разсказать о нихъ что-нибудь. Маленькія рѣки дотого зарастаютъ деревьями, что обезьяны легко перепрыгиваютъ съ на-

висшаго надъ рѣкою дерева на другой берегъ; такія рѣки онѣ переходятъ и по камнямъ или, наконецъ, переплываютъ ихъ; большихъ же рѣкъ онѣ никогда не были въ состояніи увѣсить такими гирляндами. Какую силу должна бы была имѣть обезьяна, поддерживающая всю цѣпь въ то время, когда она качается изъ стороны въ сторону, и далеко ли перебросили бы себя обезьяны? Подобнымъ вещамъ не слѣдуетъ вѣрить; въ природѣ и безъ этихъ вымысловъ много удивительнаго.

Но положительно извѣстно, что обезьяны, опустошая, напр., сады и плантаціи, ставятъ часовыхъ, которые предостерегаютъ ихъ о приближеніи опасности: лишь-только часовой издастъ извѣстный свистъ или пискъ, всѣ тотчасъ убѣгаютъ въ лѣсъ. Иногда онѣ составляютъ цѣпь; передняя обезьяна залѣзаетъ въ огородъ и подаетъ добычу, которая переходитъ изъ рукъ въ руки до безопаснаго мѣста. Часовыхъ ставятъ и нѣкоторыя животныя въ Европѣ: дикія утки, драхвы, серны; эту предосторожность соблюдаютъ иногда даже вороны: пока онѣ заняты гдѣ-нибудь подъ деревомъ, одна сидитъ на немъ, и лишь только кто нибудь приблизится, извѣщаетъ о томъ другихъ карканьемъ.

Обезьяны, хотя вороваты, но не злы; онѣ въ высшей степени привязаны къ своимъ дѣтямъ. Мать носитъ ребенка такъ долго на рукахъ или на спинѣ, пока тотъ не выучится бѣгать и лазать; да и послѣ того, въ случаѣ опасности, подаетъ ему знакъ, мигомъ хватаетъ его на плечи и переноситъ въ безопасное мѣсто.

— Обезьянамъ индіянцы, вѣроятно, ничего не дѣлаютъ, сказала Маша.

— Когда индіянецъ голоденъ, дитя мое, онъ не разборчивъ въ пищѣ; а какъ онъ почти всегда голоденъ и какъ обезьянъ легче достать, чѣмъ другую дичь, то ди-

кари стрѣляютъ ихъ довольно часто, и путешественники увѣряютъ, что мясо обезьянъ очень вкусно.

— Я бы ихъ однако не стала ѣсть, сказала дѣвочка, качая головкой.

— Вѣрю тебѣ, и самъ не сталъ бы, уже потому, что строеніемъ тѣла обезьяны очень похожи на человѣка. Кромѣ того, говорятъ, что обезьяны, будучи ранены, мечутся и стонутъ подобно человѣку. Но индіянцы не такъ разборчивы, и еслибъ мы были на ихъ мѣстѣ, то дѣлали бы то же самое.

— По крайней мѣрѣ, не я! воскликнула Маша.

— Не говори этого, дитя мое; еслибъ ты была воспитана индіянцами и съ дѣтства знала только ихъ образъ жизни, то думала бы и поступала бы, какъ они. На первой степени развитія всѣ люди почти схожи; только дальнѣйшему образованію они обязаны понятіями и нравами, то есть тѣмъ, останутся ли дикими или усвоятъ знанія и нравы просвѣщенныхъ народовъ. Поэтому-то не упускайте и вы случая ихъ усвоить.

Возвращаясь къ звѣрямъ южной Америки, мы находимъ здѣсь въ высшей степени замѣчательное животное, также служащее предметомъ охоты, а именно самое большое въ южной Америкѣ, тапира, водящагося въ особенности по берегамъ Амазонской рѣки и Ориноко и вообще во всей Бразиліи и другихъ странахъ жаркой полосы, къ востоку отъ Кордильеръ.

Чтобы дать вамъ приблизительное понятіе о тапирѣ, я не могу сравнить его ни съ какимъ другимъ животнымъ, какъ съ бурой свиньей. Но тапиръ вдвое больше и длиннѣе свиньи и не такъ неуклюже сложенъ, какъ она. Ноги его снабжены копытами. Тапиръ смирное животное, никогда не нападающее на человѣка и только во время бѣгства опрокидывающее его рыломъ. Рыло у тапира настоящее свиное; имъ животное роетъ

сырую и болотистую землю, для отъисканія кореньевъ, какъ это дѣлаетъ и свинья. Тапиръ любитъ болѣе всего низменные берега рѣкъ и въ особенности болота, въ которыхъ онъ можетъ валяться въ грязи. Шкура его гладкая и не покрыта щетиной.

Туземцы охотятся на тапира большими обществами; они окружаютъ мѣсто, гдѣ онъ находится, бросаются на испуганное животное съ дикими криками и убиваютъ его копьями или стрѣлами.

Въ Бразиліи и вообще въ южной Америкѣ есть еще небольшой породы олень; но многочисленнѣе всего въ этихъ странахъ птицы, и о красотѣ ихъ перьевъ вы едва можете составить себѣ понятіе. Тамъ водится множество породъ попугаевъ и между прочими красивый, большой, разноцвѣтный арра, желтый, красный и голубой, съ длиннымъ хвостомъ; тамъ есть птицы отъ самыхъ маленькихъ до самыхъ большихъ.

— И страусъ, не правда ли, папаша?

— Есть реа, изъ породы страусовъ; мы съ нею ближе познакомимся въ Ла-Платѣ. Но американскій страусъ гораздо меньше африканскаго, и говоря о самой большой птицѣ, я думалъ не о реѣ, а о кондорѣ, исполинскомъ хищникѣ Кордильеръ, величиною превосходящемъ нашего ягнятника и столь сильномъ, что онъ поднимаетъ на воздухъ теленка.

Кондоръ бываетъ темно-бураго цвѣта. У него голова и шея голыя, на головѣ мясистый гребень; когти огромные; живетъ кондоръ по преимуществу на высокихъ горахъ, откуда бросается на животныхъ съ быстротою стрѣлы. Кондора видѣли парящимъ надъ высочайшими вершинами. Прочія птицы прячутся при его приближеніи.

Самая маленькая птица—колибри, съ чудными перьями, блестящими какъ золото и драгоцѣнные камни. Одна порода колибри такъ мала, что четыре птички не со-

ставятъ вѣса крапивника; маленькій желудокъ ихъ не выноситъ твердой пищи, и они, какъ пчелы и бабочки, сосутъ медъ изъ цвѣтовъ своимъ довольно длиннымъ клювомъ. Чрезвычайно красиво, когда крошечное существо это, блистая голубымъ, желтымъ, краснымъ и зеленымъ цвѣтами, не садясь на цвѣтокъ, трепещетъ надъ нимъ, быстро опускаетъ головку въ пахучую его чашу, высасываетъ медъ и исчезаетъ какъ мысль.

Въ Бразиліи еще множество другихъ птицъ; но я не въ состояніи ихъ даже перечислить. Назову вамъ только еще тукана или перцеѣда, отличающагося громаднымъ клювомъ, которымъ онъ производитъ иногда въ лѣсахъ странный шумъ.

Бразилія и вообще южная Америка богаты также красивыми жуками и бабочками. Въ особенности первые бываютъ тамъ безподобны; нѣкоторые роды какъ будто осыпаны брилліантами и изумрудами. Много также свѣтляковъ; особенно замѣчательна свѣтоноска, издающая ночью такой свѣтъ, какъ будто собрано двадцать или тридцать нашихъ ивановыхъ червячковъ. Можете себѣ вообразить, какъ это должно быть красиво въ темномъ лѣсу.

— Какая чудная страна! воскликнулъ Ѳедя;—еслибъ мнѣ можно было туда ѣхать!

— Дѣйствительно, прекрасная страна; этого нельзя отрицать; но, дитя мое, какъ и всѣ южныя земли, Бразилія имѣетъ и свою темную сторону. До сихъ поръ я вамъ описывалъ почти только одно красивое и хорошее этой отдаленной страны; но на мѣстѣ многое бы вамъ не понравилось, и жизнь тамъ показалась бы вамъ вовсе не такою привлекательною, какою она представляется вамъ теперь.

Во-первыхъ страна далеко не такъ здорова, какъ наше отечество. На большихъ болотистыхъ низменностяхъ господствуютъ постоянно зловредныя болѣзни, которыхъ европеецъ почти не избѣгаетъ; если онѣ его не убьютъ, то непремѣнно ослабятъ. Теперь даже и въ береговыхъ мѣстностяхъ появляется ежегодно желтая лихорадка и истребляетъ тысячи людей. Въ самыхъ красивыхъ лѣсахъ человѣкъ подверженъ нападенію множества пресмыкающихся и летающихъ враговъ, которые заставили бы васъ забыть и чудныхъ птицъ, и великолѣпныя растенія.

Къ нимъ принадлежитъ во-первыхъ большое число ядовитыхъ змѣй, которыя лежатъ подъ цвѣтущими кустарниками и въ одно мгновеніе наносятъ смертельную рану неосторожному путешественнику. Къ нимъ принадлежатъ водящіеся въ рѣкахъ и болотахъ отвратительные кайманы или аллигаторы, которыхъ такъ много, что въ жаркое время нѣтъ возможности выкупаться; къ нимъ принадлежатъ, наконецъ, милліоны жалящихъ мухъ и москитовъ, которые ни днемъ, ни ночью не даютъ покоя несчастному путешественнику. Все это способно отравить пребываніе въ самой красивой странѣ и доводитъ до убѣжденія, что нигдѣ не можетъ быть такъ хорошо, какъ на родинѣ.

— Какого вида москиты, папа? спросилъ Ѳедя.

— Они принадлежатъ къ одному роду съ нашими комарами. Комары мучатъ лѣтомъ какъ гренландца въ его снѣжныхъ горахъ и жителя Бразиліи, такъ и насъ, европейцевъ, въ низменныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ.

Эта повсемѣстность животнаго напоминаетъ еще одно насѣкомое, котораго мы прежде въ Европѣ не знали; оно завезено къ намъ изъ сѣверной Америки. Я говорю о клопахъ. Ихъ привезли съ строевымъ лѣсомъ

въ Англію, въ 1666 г., послѣ страшнаго пожара Лондона.

Этимъ мы можемъ заключить нашъ разсказъ о звѣряхъ; мы перешли отъ тигра до клопа. Сродства между ними нельзя отрицать: оба живутъ кровью, и еслибъ комаръ, при своей отвагѣ и настойчивости, былъ одаренъ силою тигра, то человѣчеству пришлось бы плохо. Но кровожадному комару природа дала возможность высасывать только по одной каплѣ крови.

Однако, пора кончить; ступайте спать, хотя, правда, не при блескѣ чудныхъ свѣтляковъ, но за-то и не опасаясь роя москитовъ, которые въ Бразиліи не дали бы вамъ ни сна, ни отдыха.

ГЛАВА V.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ.

— Я вамъ говорилъ вчера и третьяго дня, началъ на слѣдующій вечеръ отецъ, — о туземцахъ и звѣряхъ. Теперь время дать вамъ понятіе о растительности жаркой полосы южной Америки, — растительности, которая ни въ одной странѣ свѣта не бываетъ столь великолѣпна.

Правда, на многихъ неизмѣримыхъ равнинахъ деревьевъ нѣтъ вовсе: хотя во время дождей онѣ покрываются прекраснѣйшей и сочной травой, но въ жаркое представляютъ только выжженныя солнцемъ пространства. За-то въ большихъ лѣсахъ тѣнь деревьевъ поддерживаетъ въ землѣ сырость, и растительность тѣхъ мѣстъ такова, что мы, жители Европы, не можемъ составить себѣ о ней вѣрнаго понятія.

Тамъ растутъ весьма важныя для торговли деревья, какъ наприм. сандальное дерево, дающее отличныя краски, красное, розовое и много другихъ цѣнныхъ деревьевъ, производящихъ копай, смолу и камедь. Для туземцевъ самое важное дерево, конечно, пальма, которой въ южной Америкѣ множество породъ; между ними заслуживаетъ особеннаго вниманія вѣеролистная или маврикіева пальма. Она питаетъ, напримѣръ, всѣ племена, кочующія при болотистомъ устьи Ориноко. Стволъ маврикіи содержитъ въ себѣ весьма питательную сердце-

вину, которая даетъ саговую муку; сокъ этой пальмы, посредствомъ броженія, обращается въ прекрасное вино; яйцевидные плоды ея служатъ пищею; листьями индіянцы покрываютъ свои хижины, а изъ волоконъ листьевъ плетутъ канаты и койки.

Почти столь же полезна кокосовая пальма, о которой я вамъ буду говорить впослѣдствіи; въ этихъ же лѣсахъ встрѣчается много другихъ породъ, отличающихся или красивымъ ростомъ, или изобиліемъ и питательностью плодовъ.

У пальмы нѣтъ сучьевъ, а потому ботаники, — то есть, ученые люди, занимающіеся растеніями, причисляютъ ее къ *травамъ*. Но что за исполинская трава, которой стволъ, безъ листьевъ и вѣтвей, подымается на сто и на сто тридцать футовъ и только на вершинѣ окруженъ богатымъ вѣнкомъ листьевъ. На такихъ исполинскихъ стволахъ бываютъ и исполинскіе листья, числомъ не болѣе осьми или десяти, расходящіеся вѣеромъ и представляющіе, во время тихаго колебанія вѣтромъ, величественную картину. Цвѣты и плоды выходятъ между черешками листьевъ, изъ самаго ствола, висятъ, большею частью, пучками и очень красивы среди зелени листьевъ. Даже большіе кокосовые орѣхи растутъ пучками.

Кромѣ неисчислимыхъ плодовыхъ деревьевъ, какъ наприм. гуявы, куста, дающаго розовое, весьма сладкое яблоко и образующаго иногда непроходимую чащу, кромѣ апельсиновъ, которые нигдѣ не бываютъ столь велики и сладки, кромѣ лимоновъ и померанцевъ и множества другихъ плодовъ, которые я не въ состояніи вамъ даже перечислить, страна эта производитъ множество экономическихъ растеній, то есть таки съ которыя воздѣлываются на поляхъ, частью для употре-

бленія самими жителями, частью для торговли и вывоза.

Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ сахарный тростникъ и кофейный кустъ, произведенія которыхъ ежегодно вывозятся въ Европу на тысячахъ кораблей. Перу славится своимъ шеколадомъ, а хлопчатая бумага, табакъ, ваниль, индиго, перецъ, кошениль, маніокъ, рисъ, маисъ, вино, даже пшеница воздѣлываются здѣсь во множествѣ. Большую часть этихъ произрастеній мы встрѣтили уже въ южной и тропической части сѣверной Америки, и я вамъ описалъ ихъ по возможности, кромѣ маніока, корень котораго доставляетъ одно изъ важнѣйшихъ питательныхъ веществъ южно-американскимъ невольникамъ и индіянцамъ.

Мясистый корень маніока, который бываетъ толщиною въ человѣческую руку и вѣситъ нерѣдко до 30 фунтовъ, даетъ прекрасную муку. Она содержитъ ядовитый, убивающій по крайней мѣрѣ человѣка, сокъ, который однако удаляется изъ муки отжиманіемъ.

Южная Америка даетъ намъ еще два произведенія, весьма важныя для всего просвѣщеннаго міра. Первое привезъ въ Европу одинъ англійскій капитанъ корабля, второе, какъ думаютъ, священникъ ордена іезуитовъ. Можешь ли, Ѳедя, назвать мнѣ первое?

— Не картофель ли? сказалъ мальчикъ.

— Ты отгадалъ; отечество картофеля южная Америка, именно сѣверная, гористая ея часть. Человѣка, привезшаго картофель, звали Френсисомъ Дрекомъ, и по этому случаю говорили о немъ всевозможное добро. Хотя Дрекъ оказалъ намъ большую услугу, но онъ былъ въ дѣйствительности ничто иное, какъ одинъ изъ тѣхъ морскихъ разбойниковъ, которые посѣщали въ то время ново-открытый материкъ единственно съ цѣлью обогатиться. Они грабили и мучили туземцевъ,

позволяли себѣ всякаго рода притѣсненія, а по возвращеніи домой ожидали еще похвалъ и особеннаго вниманія своихъ согражданъ. Дрекъ былъ еще хуже другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и подобные люди могутъ дѣлать добро, въ особенности, если оно имъ ничего не стоитъ. Притомъ, Дрекъ, вѣроятно, и не подозрѣвалъ, какъ распространится привезенный имъ клубень.

Дикій картофель, въ своемъ отечествѣ, вовсе не похожъ на разводимый въ Европѣ; клубни его, употребляемые, впрочемъ, туземцами въ пищу, меньше, горьки и не такъ мучнисты. Картофель переродился вслѣдствіе обработки, какъ напр. наши яблоки и груши, которыя въ дикомъ состояніи малы и кислы, тогда какъ на хорошей почвѣ, пользуясь уходомъ, даютъ столь вкусный плодъ.

Картофель растеніе, которое мы употребляемъ въ пищу. Но мы получаемъ изъ Перу еще чрезвычайно сильное спасительное средство противъ перемежающейся лихорадки, именно хинную кору. Хининъ бѣлый легкій порошекъ, добываемый изъ коры растущаго въ Перу дерева и очень горкій. Вѣроятно, горкій вкусъ его первый навелъ на мысль о врачебномъ дѣйствіи этой коры, потому что, вообще, люди считаютъ здоровымъ многое именно потому, что оно невкусно. На этотъ разъ однако предположеніе оправдалось, и хининъ возвратилъ здоровье многимъ тысячамъ людей. Туземцы во многихъ частяхъ Перу знали спасительное его дѣйствіе еще раньше, но хининъ введенъ во всеобщее употребленіе только европейцами.

Я долженъ назвать вамъ еще два чрезвычайно важныя для южной Америки растенія. Одно изъ нихъ колючій кустъ, произрастающій въ Парагваѣ и ближайшихъ мѣстностяхъ, листья котораго употребляются во всей южной Америкѣ, исключая развѣ самаго сѣвера,

вмѣсто чая. Это такъ называемый парагвайскій чай. Листья, а для низшихъ сортовъ чая и стебли, собираются, сушатся, толкутся и завариваются горячей водой, подобно китайскому. Американцы пьютъ парагвайскій чай не изъ чашекъ, а изъ бутылочныхъ тыквъ, вставляя въ нихъ металлическія трубочки, чрезъ которыя втягиваютъ напитокъ въ ротъ. Разумѣется, трубочки эти скоро нагрѣваются, и кто не привыкъ къ ихъ употребленію, можетъ обжечь себѣ губы.

Всѣ питья, какъ чай, кофе, шеколадъ, заключаютъ въ себѣ нѣчто возбуждающее; многіе, не привыкшіе къ чаю, не могутъ послѣ него спать. Но человѣческое тѣло, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, кажется, требуетъ подобныхъ средствъ, и мы видимъ, что цѣлые народы предаются употребленію возбуждающихъ веществъ. Такъ табакъ распространенъ по всей землѣ, и это, можетъ быть, самое невинное изъ подобныхъ средствъ; гораздо опаснѣе опіумъ, о которомъ я вамъ разскажу впослѣдствіи и къ которому многіе люди привыкаютъ дотого, что не могутъ безъ него существовать. Этимъ они разстраиваютъ свое здоровье, хотя тихо, но вѣрно.

Перуанскіе индіянцы употребляютъ такое же возбуждающее растеніе, называемое ими кока, которое они разводятъ только потому, что жуютъ его листья. Это маленькій кустъ, съ овальными листьями, которые сушатъ и сохраняютъ впрокъ. Въ маломъ количествѣ они могутъ быть полезны для тѣла, въ особенности при сильномъ напряженіи; но употребляемые не въ мѣру, усыпляютъ силы и духъ и дѣлаютъ человѣка неспособнымъ къ занятіямъ.

То же самое производятъ излишества. Вино, употребляемое въ мѣру, укрѣпляетъ и живитъ, но если пить его въ излишнемъ количествѣ, то оно страшно вредно. Рюмка вина, во многихъ случаяхъ, можетъ служить

лекарствомъ, и человѣкъ, который исполняетъ тяжелую работу, поддерживаетъ себя умѣреннымъ его употребленіемъ; но нѣтъ ничего отвратительнѣе пьяницы, который, этимъ напиткомъ помрачаетъ свой разсудокъ, отнимаетъ силы у тѣла и, шатаясь, съ мутными глазами, по улицамъ или даже валяясь въ грязи, дѣлается хуже животнаго. Мы должны принимать умѣренно даже самую простую пищу; иначе непремѣнно поплотимся нашимъ здоровьемъ.

Кажется, я вамъ перечислилъ замѣчательнѣйшія растенія южно-американской жаркой полосы. Теперь я желалъ бы представить вамъ картину первобытнаго лѣса. По нашему лѣсу вы объ немъ судить не можете, потому что хотя у насъ есть большія деревья, въ особенности дубы и буки, но ихъ все-таки нельзя равнять съ исполинскими стволами, растущими на низменностяхъ подъ тропиками. Тамъ часто стволъ возвышается возлѣ ствола, простирая свои вѣтви лишь въ разстояніи ста и болѣе футовъ отъ земли и воздымая могучія вершины, а надъ ними высятся еще великолѣпныя пальмы, такъ что смотрящему на нихъ издали, въ особенности сверху, кажется, какъ будто лѣсъ стоитъ на лѣсѣ.

Въ таинственномъ мракѣ этихъ лѣсовъ растутъ самые сладкіе плоды, и широко-листыя растенія вездѣ поднимаютъ свою зелень на длинныхъ черешкахъ, тогда какъ вьющіяся растенія, ліаны, часто осыпанныя великолѣпнѣйшими цвѣтами, перевиваются со ствола на стволъ, съ вѣтви на вѣтвь.

Дѣйствительно, красивъ этотъ тропическій міръ, оживленный еще блестящими птицами, бабочками, жуками и множествомъ дикихъ звѣрей, но нашъ лѣсъ также красивъ, и если въ тропическомъ лѣсу мы даже не будемъ опасаться ядовитыхъ змѣй и насѣкомыхъ, каймановъ, ягуаровъ и пумъ, а равно и отравленныхъ стрѣлъ

туземцевъ, то ему все-таки недостаетъ одной ничѣмъ не замѣнимой прелести нашихъ лѣсовъ: весны.

Людямъ необходимо разнообразіе, и гдѣ его нѣтъ, тамъ имъ надоѣдаетъ наконецъ самое красивое, самое великолѣпное. Нельзя постоянно удивляться, и если мы видимъ вокругъ себя, изо дня въ день, безпрерывно одно и то же, то хотя бы это было самое прекрасное, мы невольно къ нему привыкаемъ, дѣлаемся равнодушными и ищемъ чего-нибудь другаго, попроще. Сладкое, да сладкое, станетъ хуже горькаго. То же бываетъ и въ наслажденіи природой. Пальмы безпрерывно сохраняютъ свои зеленые листья, свои цвѣты, свои плоды, потому что лишь-только спѣлые опадаютъ, на ихъ мѣстѣ завязываются уже новые. Жители тропическихъ странъ постоянно видятъ кругомъ себя цвѣты, птицъ, порхающихъ съ вѣтки на вѣтку, и ухо ихъ привыкаетъ къ голосу лѣсныхъ пѣвцовъ, глазъ къ блестящимъ краскамъ перьевъ, плодовъ и цвѣтовъ. Мы же не пресыщаемся.

Когда мы натѣшились лѣтомъ тѣнью могучаго лѣса, въ которомъ намъ нечего опасаться ядовитыхъ или кровожадныхъ животныхъ, листъ желтѣетъ и опадаетъ; наши пернатые гости отлетаютъ; бабочки и жуки пропадаютъ; на землю ложится снѣгъ и окутываетъ корни растеній мягкой и теплой шубкой. Но затѣмъ наступаетъ весна, и нечего говорить, какъ мы ею радуемся всякій годъ. Съ восторгомъ смотримъ мы сначала на каждую пробивающуюся травку, на каждую почку, и для насъ праздникъ, когда на деревьяхъ и кустахъ покажется первая зелень, когда къ намъ возвращается аистъ, а за нимъ и ласточка; мы ожидаемъ этихъ дней всю зиму, и они всегда одинаково наполняютъ наше сердце радостью.

Кто, слѣдовательно, съ дѣтства привыкъ къ нашему климату, къ нашей растительности, тотъ, можетъ быть, въ первый и второй годъ пребыванія подъ тропиками

забываетъ о нихъ, восхищаясь обиліемъ и великолѣпіемъ тамошней природы; но на третій годъ въ немъ непремѣнно пробудится желаніе увидѣть снова нашу весну, и онъ начинаетъ сильно тосковать по родинѣ.

Кромѣ того, мы дѣйствительно можемъ довольствоваться дарами, которыми природа надѣлила нашу полосу. Наши Альпы не уступятъ въ красотѣ ни однимъ горамъ въ свѣтѣ; наши цвѣты пахнутъ такъ чудно и прельщаютъ такими живыми красками, какихъ только можно желать; наши плоды сладки и сочны и получаются въ большомъ изобиліи; наши птицы, хотя и не имѣютъ такихъ яркихъ перьевъ, какъ бразильскія, зато превосходятъ ихъ пріятнымъ пѣніемъ. А во множествѣ кровожадныхъ звѣрей, ядовитыхъ змѣй и несносныхъ насѣкомыхъ мы, право, не станемъ завидовать тропическимъ странамъ; поэтому, намъ незачѣмъ спѣшить изъ дому; напротивъ, мы въ правѣ думать, что и наша родина прекрасна.

— Не смотря на то, папаша, я очень желалъ бы посѣтить иностранныя земли, сказалъ Ѳедя.

— Когда ты выростешь, выучишься чему-нибудь, будешь имѣть средства и не перемѣнишь намѣренія, тогда, разумѣется, никто не помѣшаетъ тебѣ путешествовать. Міръ прекрасенъ и, дѣйствительно, его стоитъ видѣть; но не забывай родины. Тогда подобное путешествіе принесетъ тебѣ много пользы. Однако, уже поздно; ступайте спать, тѣмъ болѣе, что завтра намъ придется ѣхать въ Ла-Плату. Тамъ, Ѳедя, тебѣ должно выучиться ѣздить верхомъ, потому что въ Ла-Платѣ пѣшкомъ почти никто не ходитъ. Все сидитъ на сѣдлѣ; даже пяти-лѣтнія дѣти умѣютъ править поводомъ.

— Вотъ это хорошо! воскликнулъ Ѳедя.

— Да, сказала Маша, — хорошо будетъ, когда ты свалишься съ лошади и начнешь плакать.

— Этому не бывать, воскликнулъ Ѳедя, нѣсколько обидѣвшись; — я буду держаться крѣпко; пусть лошадь бѣжитъ, какъ ей угодно.

— Со временемъ, замѣтилъ отецъ, — ты выучишься ѣздить верхомъ и, вѣроятно, не будешь падать съ лошади.

— А маленькихъ дѣвочекъ вѣдь не сажаютъ на лошадь? спросила Маша.

— Напротивъ того, тамъ ѣздятъ верхомъ и дѣвочки, и женщины, отвѣтилъ отецъ.

— Ну, а я не сяду ни на какую лошадь, сказала Маша и съ этимъ твердымъ намѣреніемъ отправилась въ спальню.

ГЛАВА IV.

ЗВѢРИ И ЖИТЕЛИ ЛА-ПЛАТЫ.

— Ну, дѣти, твердо ли вы сидите въ сѣдлѣ? спросилъ на слѣдующій вечеръ отецъ.

— Да у меня нѣтъ лошади! воскликнулъ Ѳедя.

— Твоя правда, и потому намъ не остается болѣе ничего, какъ выбрать въ многочисленныхъ стадахъ Ла-Платы нѣсколько хорошихъ животныхъ, къ чему мы не встрѣтимъ большихъ затрудненій, потому что лошади тамъ очень дешевы. За двадцать талеровъ*) мы можемъ купить четверку здоровыхъ и выѣзженныхъ лошадей.

— Четверку? спросилъ Ѳедя, смѣясь, — хороши же должны быть лошади!

— Тебѣ позволятъ ихъ выбрать изъ тысячи, замѣтилъ отецъ.

— Если лошади такъ дешевы въ Ла-Платѣ, почему же ихъ не привозятъ сюда?

— Дитя мое, еслибъ перевозка была такъ легка, то ею занялись бы многіе; но сосчитай, что будетъ стоить переѣздъ изъ Ла-Платы въ Европу. Во-первыхъ перевозка на кораблѣ чрезвычайно затруднительна, такъ какъ лошадь требуетъ значительнаго помѣщенія. По-

*) Талеръ стоитъ на русскія деньги немногимъ менѣе рубля серебромъ.

томъ, во время дороги животнымъ нуженъ кормъ и вода, которые должно брать съ собой на корабль. Сверхъ того, многія лошади не перенесутъ продолжительнаго путешествія и издохнутъ. Такимъ образомъ остальныя, по привозѣ, будутъ стоить едвали не дороже, чѣмъ за сколько лошади могутъ быть куплены у насъ. Оставимъ ихъ, слѣдовательно, на мѣстѣ, и будемъ скакать на нихъ мысленно по пространнымъ, великолѣпнымъ равнинамъ.

— Мысленно и я съ вами поѣду, сказала Маша,— но не иначе.

— При такой ѣздѣ тебя и лошадь не сброситъ, замѣтила мать. Держись только по-ближе ко мнѣ. Мы ужъ не отстанемъ.

Мы вступаемъ теперь въ обширную страну, продолжалъ отецъ, — совершенно отличную отъ тропической Америки, которая большей частью, покрыта великолѣпнѣйшими лѣсами. Правда, вдоль Амазонской рѣки, въ Новой Гренадѣ и въ Перу есть также огромныя равнины; но тамъ страна, вообще, болѣе снабжена водой и вслѣдствіе того лѣсистѣе, тогда какъ, достигнувъ настоящихъ пампасовъ, то есть равнинъ Ла-Платы, мы не встрѣчаемъ болѣе ни одного дерева и вся страна представляетъ безконечный лугъ, который тянется отъ Атлантическаго океана до подножія Кордильеръ. Только на сѣверо-западѣ Ла-Платы онъ прерывается горами ***Кордовы***. Эта равнина, на сотни миль въ длину и ширину, покрыта многочисленными стаями дикихъ звѣрей и многочисленными стадами почти столь же дикаго скота. Тамъ можно встрѣтить табуны въ триста и четыреста штукъ лошадей, стада во столько же тысячъ головъ рогатаго скота и стада овецъ, отъ которыхъ равнина бѣлѣетъ на огромныя разстоянія. Весь этотъ скотъ пасется на богатыхъ лугахъ, не зная ни стойла, ни привязи.

Все на свѣтѣ имѣетъ и свою дурную сторону. Пользуясь такой свободой, скотъ не находитъ уже въ человѣкѣ той защиты, которая въ нашемъ отечествѣ ограждаетъ стада его отъ враговъ, хищныхъ звѣрей; левъ и тигръ нерѣдко прокрадываются къ стадамъ и производятъ страшныя опустошенія; нерѣдко и сильныя хищныя птицы убиваютъ и пожираютъ молодыхъ ягнятъ или кружатся надъ больнымъ животнымъ, ожидая нетерпѣливо минуты, когда его можно будетъ разорвать. Кромѣ того, въ жаркое время года здѣсь настаетъ такая засуха, что рѣшительно вся растительность пропадаетъ и животныя изнемогаютъ. Мелкія рѣки и озера высыхаютъ вовсе, и вся огромная равнина отъ Буэносъ-Айреса до Кордильеръ представляетъ одну неизмѣримую массу пыли. Скотъ тысячами бросается въ быстроводную Парану, чтобы утолить изнуряющую его жажду, но силы его уже такъ ничтожны, что его уноситъ теченіемъ. Въ нѣкоторыхъ менѣе значительныхъ потокахъ дно русла совершенно усѣяно костями погибшихъ животныхъ. Да и въ самыхъ пампасахъ на каждомъ шагу попадаются обглоданныя лошадиныя, бычачьи или коровьи и овечьи кости.

— Кому же принадлежитъ весь этотъ скотъ? спросилъ Ѳедя.

— Разнымъ жителямъ пампасовъ и городовъ. Для того, чтобы отличить принадлежащій тому или другому хозяину скотъ, каждому животному выжигаютъ раскаленнымъ желѣзомъ букву на бедрѣ или плечѣ, и съ этимъ знакомъ скотъ пасется на свободѣ иногда цѣлые годы. Если послѣ того хозяинъ захочетъ продать часть своего скота или отвести на бойню въ ближайшій городъ, то садится на лошадь, ѣздитъ среди стада, выбираетъ, по знакамъ, принадлежащій ему скотъ, ловитъ его арканомъ и собираетъ въ одно мѣсто.

Въ пампасахъ пасется нетолько безчисленное множество домашняго скота, но и водится бездна всякой дичи, напримѣръ встрѣчается очень интересное животное: броненосецъ.

— Что это за звѣрь? спросилъ Ѳедя, который интересовался всѣмъ, что только касалось охоты и дичи.

— Броненосецъ или армадилъ, какъ его зовутъ испанцы, немногимъ больше барсука и покрытъ по всему тѣлу твердой чешуей. Это — смирное, безвредное животное, питающееся червями и насѣкомыми, а также плодами и кореньями. Его нѣжное мясо употребляется въ пищу, какъ индіянцами, такъ и бѣлыми.

Другое замѣчательное животное пампасовъ — водящійся небольшими стаями американскій страусъ, называемый реа. Онъ почти вдвое меньше извѣстнаго вамъ африканскаго страуса и рѣдко достигаетъ шести или семи футовъ. У него есть крылья, но маленькія, которыми это животное не можетъ поднять съ земли своего тяжелаго тѣла. Во время бѣга реа прорѣзаетъ ими воздухъ, чтобы скорѣе подвигаться впередъ и сохранить равновѣсіе. Птица эта бѣгаетъ такъ быстро, что лошади очень трудно ее догнать, и нѣтъ ничего страннѣе стаи реа, когда онѣ, испуганныя, бѣгутъ по степи, преслѣдуемыя всадниками.

— Да развѣ ихъ нельзя стрѣлять?

— Можно; но жители пампасовъ, вообще, плохіе стрѣлки и не умѣютъ обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Впрочемъ, я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ о самихъ жителяхъ.

Вы знаете, что Ла-Плата встарину принадлежала къ землямъ, которыя, послѣ открытія Америки, были заняты испанцами, и освободилась отъ ихъ владычества вмѣстѣ съ другими колоніями. Индіянцы, еще до возстанія, были вытѣснены съ прежнихъ мѣстъ поселенія, и испанцы, или, скорѣе, креолы присвоили себѣ лучшую

часть страны. Отвыкая понемногу отъ своихъ отечественныхъ нравовъ, перенимая отъ индіянцевъ охоту въ пампасахъ и ведя, по занятію скотоводствомъ, пастушескую жизнь, они представляютъ въ настоящее время нѣчто среднее между образованнымъ народомъ и дикарями.

Эти жители степей или пампасовъ называются *гаучосами*, тогда какъ остальное населеніе Ла-Платы или Аргентинской республики носитъ названіе аргентинцевъ.

Гаучосы исповѣдуютъ католическую религію и говорятъ поиспански, но ведутъ жизнь столь же дикую, какъ и индіянцы сѣверо-американскихъ степей, почти никогда не сходя съ лошади. Я не думаю, чтобы гаучосъ былъ въ состояніи пройти пѣшкомъ двѣ нѣмецкія мили, но верхомъ онъ можетъ скакать цѣлую недѣлю, сходя съ лошади только для сна. Знаете ли, что гаучосы приготовляютъ даже свой обѣдъ во время ѣзды?

— Да какъ же это возможно? спросила Маша, — развѣ они на лошади разводятъ огонь?

— Нѣтъ, этого сдѣлать нельзя, но я все-таки сказалъ вамъ правду. Когда гаучосамъ некогда останавливаться, они кладутъ кусокъ говядины на сѣдло, покрываютъ ее овечьей шкурой, садятся сверху и скачутъ весь день; къ вечеру мясо сопрѣло и мягко.

— Вѣрю, сказалъ Ѳедя, — да какъ же можно его послѣ этого ѣсть?

— Почему же нѣтъ? Гаучосы не находятъ его отвратительнымъ; они не избалованы: даже умываются рѣдко, развѣ въ большіе праздники. Поэтому, подобное жаркое, отъ котораго мы отвернулись бы съ омерзеніемъ, кажется имъ очень вкуснымъ, особенно, если, остановившись на ночь, имъ удастся бросить свой кусокъ мяса, на нѣсколько минутъ, на уголья. Они и не желаютъ другой пищи.

— Какъ же гаучосы должны быть грязны, замѣтила Маша.

— Зимой они боятся воды, утверждая, что отъ нея кожа лопается; это очень можетъ быть, потому что подобная неопрятность дѣлаетъ кожу ломкою. Лѣтомъ же гаучосы, можетъ быть, иногда и моются, и купаются, но, вообще, это дикій, неопрятный народъ. Весь день на сѣдлѣ, гоняясь за стадами, они не знаютъ удобствъ жизни и почти не знакомы съ семейнымъ бытомъ.

Настоящій гаучосъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы заняться, хотя бы только для себя, земледѣліемъ или огородничествомъ. Можетъ быть, онъ посадитъ иногда нѣсколько тыквъ, и то потому, что онѣ не требуютъ никакого ухода; но живетъ собственно мясомъ, мясомъ и мясомъ, составляющимъ его завтракъ, обѣдъ и ужинъ; у него недостаетъ даже дровъ, чтобы жарить это мясо.

Настоящіе пампасы совершенно безлѣсны. Можно даже сказать, что отъ Атлантическаго океана до Чили нѣтъ ни одного порядочнаго дерева, какія мы привыкли видѣть вездѣ. При устьѣ Ла-Платы, близъ Буэносъ-Айреса, встрѣчаются, правда, рѣдкія деревья, преимущественно плодовыя, но и здѣсь господствуетъ такой недостатокъ въ дровахъ, что крестьяне разводятъ для топлива персиковыя деревья, растущія очень скоро, и носятъ ихъ небольшими связками въ городъ, на продажу.

— Такъ лучше бы они продавали плоды, замѣтилъ Ѳедя.

— Они оставляютъ деревья и для плода; но топливо для нихъ необходимо, а потому все-равно, какое бы на него не шло дерево, лишь-бы оно росло скорѣе. Лѣсъ тамъ такъ дорогъ, что даже въ предмѣстьяхъ Буэносъ-Айреса сады не обносятся рѣшетками, а вокругъ дворовъ и садовъ сажаютъ, для огражденія ихъ отъ

скота и людей, привезенный сюда изъ Африки колючій алоэ или столь же колючій туземный кактусъ.

Алоэ въ особенности красивое растеніе, которое вы, вѣроятно, видѣли, если не въ садахъ, то въ горшкахъ, потому что оно должно зимовать въ комнатѣ или оранжереѣ. У него длинные, толстые, мясистые листья, усаженные по концамъ длинными острыми колючками; изъ расширяющагося во всѣ стороны пучка листьевъ поднимается иногда цвѣточный стебель съ великолѣпнѣйшимъ цвѣткомъ.

Кактусъ не такъ красивъ, но образуетъ еще лучшія изгороди, сквозь которыя ни человѣкъ, ни звѣрь не продерутся безнаказанно. Животныя тщательно ихъ избѣгаютъ. Въ пампасахъ же для изгородей нѣтъ ни кактусовъ, ни алоэ, и ихъ замѣняютъ кожи.

— Кожи? воскликнулъ Ѳедя, — хорошъ изъ нихъ долженъ быть заборъ!

— Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, продолжалъ отецъ, растетъ терновый кустъ; изъ него дѣлаютъ маленькіе столбики, рѣжутъ необдѣланную кожу на длинныя полоски, связываютъ ихъ и ремень этотъ протягиваютъ отъ одного столбика до другаго. Послѣ этого развѣ нельзя сказать, что у нихъ кожаные заборы? Но еще болѣе странныя изгороди находимъ мы близъ Буэносъ-Айреса. Тамъ находятся огромныя бойни, на которыхъ бьютъ ежегодно многія тысячи штукъ рогатаго скота и овецъ, для отправки въ другія страны, и даже части свѣта, кожъ, роговъ и сушенаго мяса. Черепа всѣхъ этихъ животныхъ, разумѣется, остаются, и чтобы ихъ какъ-нибудь употребить въ дѣло, частью ими выравниваютъ ямы на улицахъ, частью же воздвигаютъ изъ нихъ стѣны вокругъ садовъ. Такимъ образомъ можно видѣть иногда заборы въ четыре и пять футовъ вышиною, состоящіе изъ однихъ бычачьихъ или овечьихъ

череповъ, и тяжелые возы, которые приходятъ извнутри страны и сильно портятъ улицы, стучатъ иногда по получасу по костямъ убитыхъ звѣрей, вдавленнымъ въ мягкую землю.

Такимъ образомъ, дѣти, человѣкъ пользуется всѣмъ для своихъ цѣлей, и вы еще болѣе удивитесь, когда я вамъ скажу, на чемъ гаучосы въ пампасахъ варятъ обыкновенно свой супъ и жарятъ мясо.

— Да если у нихъ нѣтъ дровъ, такъ пусть они берутъ каменный уголь, сказала Маша.

— Они бы его съ удовольствіемъ взяли, еслибъ только могли достать. Но въ пампасахъ его нѣтъ вовсе; нѣтъ даже торфу, и гаучосы вынуждены и въ этомъ случаѣ прибѣгать къ средству, показывающему ихъ изобрѣтательность, но очень непривлекательному. Они берутъ высохшій коровій пометъ, который собираютъ на пампасахъ, кладутъ вокругъ него нѣсколько костей, чтобъ направлять жаръ въ середину кучи, и зажигаютъ ее.

— И на этомъ огнѣ они варятъ мясо?

— Да; а жаркое очень часто приготовляютъ и безъ горшка: кладутъ просто мясо на дымящійся и тлѣющій навозъ и такъ прожариваютъ. Эти люди не привыкли къ чистотѣ, а потому подобное приготовленіе пищи находятъ очень естественнымъ. Только посѣтившій ихъ горожанинъ или иностранецъ смотритъ на такую кухню съ отвращеніемъ и долженъ сильно проголодаться, прежде чѣмъ приметъ участіе въ подобной ѣдѣ.

Въ городахъ, однако, аргентинцы привыкли къ бóльшимъ удобствамъ. Необходимыя имъ вещи они вымѣниваютъ на мѣстныя произведенія; въ прибрежной же части страны, въ сѣверной и у подножья Кордильеръ, гдѣ хорошая и плодородная земля и прекрасный кли-

матъ, воздѣлывается много хлѣбовъ, овощей, плодовъ и даже винограда.

Насколько гаучосы мало способны къ осѣдлымъ занятіямъ, каковы земледѣліе и мастерства, настолько они сроднились съ собственною дикою жизнью: они стерегутъ стада и охотятся за звѣрями; они ловятъ ихъ при помощи петли, о которой я вамъ уже говорилъ и которая называется ими *лассо*.

Ни одинъ гаучосъ не выѣзжаетъ въ пампасы, не прикрѣпивъ такого лассо къ своему сѣдлу. За поясомъ, а во время ѣзды иногда за голенищемъ праваго сапога торчитъ у него длинный, острый ножъ. Вооружившись такимъ образомъ и сидя на хорошемъ, быстромъ конѣ, гаучосъ нагоняетъ и убиваетъ любаго звѣря пампасовъ.

Лассо, отъ двадцати до тридцати футовъ длиною, сплетенъ изъ узенькихъ полосокъ недубленой кожи; онъ тонокъ, пропитанъ жиромъ, удобно свертывается и въ рукахъ гаучоса составляетъ страшное оружіе. Одинъ его конецъ прикрѣпленъ къ сѣдлу, и лассо, свернутое, виситъ по правую сторону всадника, который всякую минуту можетъ ухватить его рукой. Желая поймать лошадь или быка изъ собственнаго стада или случайно попавшагося оленя или страуса, гаучосъ даетъ шпоры коню и несется во весь опоръ. Между тѣмъ онъ снимаетъ съ сѣдла лассо, конецъ котораго образуетъ петлю, размахиваетъ имъ разъ или два вокругъ головы и накидываетъ его на бѣгущаго звѣря. Гаучосы такъ ловки, что набрасываютъ петлю нетолько на шею животнаго, но даже на любую его ногу, разсчитавъ съ удивительною вѣрностью минуту, когда животное подниметъ эту ногу съ земли.

Да и лошадь гаучоса знаетъ свое дѣло, и когда всадникъ преслѣдуетъ большое животное, то лошадь, едва замѣтивъ, что петля брошена, быстро поворачиваетъ

назадъ и крѣпко упирается въ землю ногами, чтобы не быть опрокинутою.

Для преслѣдованія дикаго быка, который часто, лишь только почувствуетъ себя пойманнымъ, самъ бросается на охотника, обыкновенно отправляются два гаучоса вмѣстѣ. Они закидываютъ свои лассо на рога его въ одно время и бросаются одинъ направо, другой налѣво, такъ что быкъ оказывается между ними. Если онъ захочетъ броситься на одного изъ охотниковъ, то его останавливаетъ другой, и наоборотъ; это продолжается до тѣхъ поръ, когда, наконецъ, измученный быкъ не позволитъ вести себя куда угодно.

Легче всего ловятъ они американскаго страуса, хотя эта птица бѣгаетъ такъ скоро, что ее съ трудомъ можно догнать. Петля обхватываетъ ей длинную шею, гаучосъ поворачиваетъ лошадь и волочитъ птицу по землѣ; разумѣется, ей нѣтъ никакой возможности встать снова на ноги.

Кромѣ лассо, у гаучосовъ есть еще другое, подобное же оружіе, которое они тоже бросаютъ, но употребляютъ болѣе на войнѣ и противъ дикихъ звѣрей, чѣмъ противъ домашняго скота. Это такъ называемые *боласы*, то есть ядра, которыя я вамъ сейчасъ опишу.

Оружіе это состоитъ изъ трехъ полосокъ очень крѣпкой кожи, длиною не больше четырехъ футовъ, которыя на одномъ концѣ связаны вмѣстѣ. На другихъ концахъ находятся вшитые въ кожаные мѣшки куски свинца, а если нѣтъ свинца, то другаго металла или камни. Преслѣдуя звѣря, гаучосъ беретъ въ руку одинъ изъ этихъ камней, размахиваетъ другими вокругъ головы, чтобы придать имъ быстроты, и затѣмъ бросаетъ. Они летятъ гораздо дальше лассо, потому что тяжелы и не прикрѣплены къ сѣдлу. Боласы вращаются на лету подобно крыльямъ мельницы и, достигнувъ звѣря, охватываютъ его и

бьютъ такъ сильно, что онъ падаетъ какъ бы пронзенный пулею.

На войнѣ гаучосамъ служитъ оружіемъ тоже родъ боласовъ, ремни которыхъ не длиннѣе двухъ футовъ; иногда прибѣгаютъ также къ ремню, на концѣ котораго укрѣпленъ желѣзный шаръ. Противъ домашнихъ животныхъ гаучосы употребляютъ боласы только въ крайнихъ случаяхъ, а по преимуществу лассо, котораго ударъ такъ же вѣренъ, но менѣе опасенъ, потому что петля не можетъ причинить сильнаго вреда, тогда какъ боласы, ударивъ въ кость, обыкновенно ее раздробляютъ.

Однако, уже десять часовъ, дѣти, и вамъ пора въ постель.

— Да развѣ, папа, ты уже кончилъ? живо спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, дитя мое, мнѣ остается сообщить вамъ еще многое про пампасы; но отложимъ это на завтра; если вамъ разсказать все заразъ, то вы и утомитесь, и большую часть перемѣшаете и забудете.

ГЛАВА VI.

ЗВѢРИ И ЖИТЕЛИ ЛА-ПЛАТЫ.

(Продолженіе.)

— Если вы, началъ на слѣдующій вечеръ отецъ,— обратите вниманіе на карту штатовъ Ла-Платы, то увидите, что рѣка Парана, по впаденіи въ нее Парагвая и Уругвая, образуетъ короткую, но чрезвычайно широкую рѣку, называемую Ла-Платой. Тутъ лежитъ главный городъ страны — Буэносъ-Айресъ, съ многочисленными бойнями, но весьма незначительный другою промышленностью. Лавокъ тамъ, правда, много, но аргентинцы получаютъ все изъ чужихъ краевъ, вывозятъ же только сырые продукты, получаемые со скота. Горы, лежащія на сѣверѣ, богаты серебромъ, и въ прежнее время въ нихъ производились значительныя работы; но постоянныя революціи остановили горное дѣло. Во время междоусобныхъ войнъ, продолжавшихся весьма долго, многія проложенныя рудокопами галереи были засыпаны. Вѣроятно, позднѣйшимъ временамъ, болѣе спокойнымъ, предназначено возобновить эти работы.

Одежда городскихъ жителей аргентинской республики, какъ называются еще штаты Ла-Платы, занимаетъ середину между испанской и нашей. Вмѣсто плаща обыватели носятъ испанскій пончо, то есть че-

тыреугольный кусокъ матеріи, съ дырой посрединѣ, въ которую просовываютъ голову. Гаучосы одѣваются очень живописно: они носятъ тотъ же пончо, но пестрый, свѣтлые подштанники, а вмѣсто панталонъ большой платокъ, прикрѣпленный сзади къ кушаку, продѣтый между ногъ и снова поднятый къ поясу; они называютъ эту часть одежды черипа. Достойны замѣчанія ихъ сапоги, которые они дѣлаютъ самымъ незамысловатымъ образомъ. Они берутъ кожу съ лошадиной ноги, сбриваютъ съ этого рукава шерсть, смазываютъ его саломъ и вставляютъ туда свою собственную ступню. Мягкая кожа плотно обхватываетъ ногу и высыхаетъ. Настоящій гаучосъ снимаетъ свои сапоги только тогда, когда они протрутся по бокамъ, потому что подошва ихъ рѣдко прикасается къ землѣ и не можетъ быть протоптана.

Аргентинцы владѣютъ не всѣмъ пространствомъ штатовъ Ла-Платы. Въ южной части страны живутъ еще индіянцы, и хотя они временно и признавали верховную власть испанскаго племени, но поминутно бунтовались и дѣлали нападенія на поселенія бѣлыхъ, жгли и грабили.

По виду и цвѣту кожи индіянцы пампасовъ совершенно схожи съ индіянцами сѣверной Америки: они сильнаго тѣлосложенія, темно-мѣднаго цвѣта, съ длинными прямыми волосами. Дикари эти отличные ѣздоки. Подобно гаучосамъ, они употребляютъ лассо, боласы и, сверхъ того, копье, футовъ въ четырнадцать длиною, которое снабжаютъ по-возможности острымъ наконечникомъ. Въ ихъ рукахъ это страшное оружіе; они такъ быстро махаютъ имъ, при нападеніи, что почти нѣтъ возможности избѣжать его удара.

Разумѣется, это кочующее племя; оно живетъ скотоводствомъ и дичью. Когда тотъ и другой способъ ока-

жется недостаточнымъ, тогда индіянцы подымаются на сѣверъ и грабятъ.

Внутренняя часть пампасовъ, между Буэносъ-Айресомъ и Кордильерами, очень мало заселена, но у подножія послѣднихъ лежатъ широкія полосы плодородной и отлично воздѣланной земли, и между этою мѣстностью и Буэносъ-Айресомъ производится постоянная мѣновая торговля. Подгорные жители высылаютъ въ столицу виноградъ, изюмъ и пшеницу и получаютъ другіе товары.

Перевозка производится въ двуколесныхъ телѣгахъ, заложенныхъ каждая восемью или десятью волами. За каждой телѣгой привязанъ большой глиняный сосудъ съ прѣсной водой, а подъ телѣгой связка дровъ для варки пищи, потому что въ пампасахъ трудно найти какъ воду, такъ и дрова. Опасаясь нападенія індіянцевъ, которые всегда сторожатъ подобные караваны, въ надеждѣ на богатую добычу, купцы ѣздятъ обществами въ двадцать и тридцать телѣгъ. На ночь повозки ставятся въ тѣсный кружокъ, и хозяева ложатся въ середину, а скотъ пускаютъ подъ присмотромъ пастись. Въ случаѣ тревоги и скотъ загоняется въ середину, и такъ какъ при каждой повозкѣ имѣется ружье, то индіянцы рѣдко рѣшаются напасть на большой караванъ.

Возницы не употребляютъ кнута, но погоняютъ скотъ длинной бамбуковой тростью, съ острымъ наконечникомъ. Трость, висящая у телѣги на петлѣ, такъ длинна, что ею, при четверной упряжкѣ, легко можно достать первыхъ воловъ.

Я вамъ назвалъ уже главныхъ звѣрей пампасовъ. Кромѣ ихъ, тамъ множество водныхъ птицъ, особенно въ восточной части, и залетающіе далеко вглубь страны милліоны чаекъ съ крикомъ носятся надъ бойнями и постоянно кружатся надъ тѣлами мертвыхъ

животныхъ и выбрасываемыми кусками мяса. Гдѣ земля остается влажною послѣ дождя, собираются стаи дикихъ утокъ и бекасовъ; на маленькихъ рѣчкахъ бываетъ множество гусей и лебедей, а краснокрылы выстраиваются цѣлыми сотнями по окраинамъ большихъ лужъ.

— Что это за животныя? спросилъ Ѳедя.

— Краснокрылъ принадлежитъ къ семейству цаплей, имѣетъ очень длинныя ноги и такую же шею. Тѣло его не больше тѣла рослаго гуся, и, не смотря на это, есть краснокрылы въ пять футовъ вышиною. Въ Америкѣ водится ихъ двѣ породы: розовая, немного поменьше, и темно-красная съ черными пятнами; прогулка этихъ долговязыхъ красныхъ птицъ по зеленому лугу поражаетъ своею странностію.

По водящимся въ нихъ животнымъ пампасы сходствуютъ съ сѣверо-американскими саванными. Здѣсь, какъ и тамъ, живутъ, въ земляныхъ ямкахъ, одичалыя собаки и множество маленькихъ совъ, показывающихся днемъ только развѣ для того, чтобы просушиться, и вылетающихъ на добычу по ночамъ.

Далѣе въ глубь страны попадаются цѣлыя стаи большихъ и малыхъ попугаевъ; это зеленая порода, съ желтыми и красными пятнами у клюва.

Тутъ водится въ изобиліи небольшая порода рябчиковъ, которую гаучосы бьютъ особеннымъ образомъ, при помощи бича.

— Что же, они ихъ бьютъ, когда тѣ пролетаютъ мимо? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, другъ мой, подобнымъ способомъ гаучосы били бы мало рябчиковъ. Замѣтивъ стаю этихъ птицъ и мѣсто, куда она сѣла, гаучосы скачутъ туда во весь опоръ и, приблизившись, сворачиваютъ и объѣзжаютъ испуганную и приникнувшую къ землѣ дичь все тѣснѣй-

шимъ и тѣснѣйшимъ кругомъ; при этомъ они махаютъ по воздуху своими бичами, чтобъ птицы не рѣшились подняться, и наконецъ бросаются въ кучу рябчиковъ и иногда однимъ ударомъ бича убиваютъ до четырехъ штукъ.

Въ небольшихъ рѣкахъ попадаются выдры, а въ рѣкѣ Ла-Платѣ множество тюленей. Большой островъ на Ла-Платѣ названъ по нимъ Тюленьимъ, и въ иной годъ аргентинцы убивали тамъ тюленей тысячами.

— О тюленяхъ ты намъ, папаша, еще ничего не разсказывалъ, замѣтилъ Ѳедя.

— Правда, я объ нихъ только упоминалъ; впрочемъ, такъ какъ животныя эти часто попадаются и въ нашихъ водахъ, то я ихъ вамъ опишу. Тюлень смирное млекопитающее животное, опасное только для рыбъ; оно водится, стадами, въ моряхъ и прекрасно плаваетъ. На сушѣ тюлени очень неуклюжи, ползаютъ на брюхѣ, подталкиваясь задними ногами или ластами и легко нагоняются человѣкомъ. Они не защищаются, потому что хотя одарены острыми зубами, но не въ состояніи сдѣлать скораго движенія и настигнуть врага. Когда охотники увидятъ тюленей на берегу, на который эти животныя выходятъ для кормленія дѣтенышей, то преграждаютъ имъ путь къ водѣ и убиваютъ короткими, тяжелыми дубинами. Въ водѣ, какъ я вамъ сказалъ, тюлени очень ловки, быстро плаваютъ, на брюхѣ и на спинѣ, и отлично ныряютъ; но чтобы перевести духъ, тюлень долженъ, по истеченіи нѣкотораго времени, возвращаться на поверхность воды.

Нѣмцы называютъ его морской собакой, по сходству его головы съ головою собаки. Кто видитъ тюленей въ первый разъ, плавающими на водѣ, тотъ легко можетъ принять ихъ за собакъ.

Выдѣланныя тюленьи кожи вы, вѣроятно, уже ви-

дѣли; ихъ употребляютъ въ особенности на чемоданы и ранцы, потому что онѣ не пропускаютъ дождя.

Въ обширныхъ пампасахъ растительность, конечно, очень однообразна, и на протяженіи отъ Буэносъ-Айреса до Кордильеръ не встрѣчается почти ни одной породы деревъ. По восточнымъ берегамъ растетъ довольно большое дерево омбу, годное, впрочемъ, только для тѣни. Древесина его похожа на мокрую губку, такъ что ее почти можно выжать; дерево это иногда не имѣетъ ствола и растетъ изъ широкаго корня многими кривыми побѣгами, которые то соединяются, то раздѣляются и, наконецъ, наверху вѣтвятся и покрываются густою листвой, похожей на листву груши. Омбу даетъ маленькій, похожій на жолудь, мокрый и совершенно безполезный плодъ.

Въ западной сторонѣ пампасовъ появляются малые песчаные холмы, покрытые репейниковыми заростями, вѣчно зелеными иглистыми растеніями и миртами. Мирты, которыхъ тамъ встрѣчаются разные виды, всходятъ высоко на восточные побѣги Кордильеръ и покрываютъ ихъ склоны, какъ въ Альпахъ кривая сосна.

Главный же хребетъ Кордильеръ почти совершенно голъ.

Въ этихъ горахъ мы находимъ совершенно отличный животный міръ; такъ напр. у подножія ихъ встрѣчаемъ видъ ламъ, называемый гуанако и покрытый чудною шелковистою шерстью. Въ плоскихъ мѣстностяхъ на нихъ охотятся верхомъ, съ лассо или боласами, въ горахъ же преслѣдуютъ пріученными къ тому собаками. Мясо гуанако очень вкусно, но сладковато.

Бѣдное гуанако, столь же спокойное и безвредное животное, какъ наша козуля, преслѣдуется врагомъ, еще опаснѣйшимъ, чѣмъ человѣкъ, а именно малымъ южно-американскимъ горнымъ львомъ. Онъ меньше бразильскаго и, какъ кажется, не любитъ теплаго климата,

потому что слѣды его встрѣчаются чаще на высокихъ мѣстахъ, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ.

О кондорѣ, который паритъ надъ высочайшими вершинами Кордильеръ, я вамъ уже говорилъ. Бѣда той лисицѣ, которую онъ увидитъ на голыхъ горахъ! онъ стрѣлою бросается на нее, хватаетъ своими сильными когтями, убиваетъ клювомъ и уноситъ въ гнѣздо.

Въ Кордильерахъ мы достигаемъ и западнаго предѣла Ла-Платы, такъ какъ граница ея тянется именно по этому хребту горъ, отъ сѣвера къ югу. Самыя горы, которыхъ многія вершины высятся надъ снѣговою линіей, необитаемы ни на восточномъ, ни на западномъ склонѣ; только въ немногихъ мѣстахъ воздвигнуты маленькія каменныя строенія, могущія служить убѣжищемъ путешественникамъ. Лѣтомъ между Мендозой и республикой Чили, лежащей по ту сторону Кордильеръ, производится довольно оживленная торговля; главные предметы ея изюмъ и вино. Но чрезъ эти утесистыя горы нѣтъ возможности проѣхать въ телѣгѣ, потому что чрезъ нихъ ведутъ лишь очень узкія тропинки, пролегающія иногда, на цѣлые часы ѣзды, по краямъ страшныхъ пропастей. Поэтому, для переноски клажи употребляютъ муловъ, подымающихъ большія тяжести и имѣющихъ вѣрный шагъ.

Вино южные американцы перевозятъ способомъ, который покажется вамъ страннымъ. Такъ какъ у нихъ нѣтъ бочекъ, то они вливаютъ вино въ бурдюки, то есть въ животныя шкуры, и потомъ перевозятъ на мулахъ.

— И вино не вытекаетъ?

— Нѣтъ, дитя мое; шкуру рѣжутъ только кругомъ шеи и ногъ, затѣмъ снимаютъ цѣликомъ, а сдѣланныя на шеѣ и ногахъ отверстія крѣпко завязываютъ; такимъ образомъ вино можно сохранять въ теченіе многихъ

лѣтъ, какъ то дѣлали въ прежнее время древніе народы Европы.

Аргентинцы, вообще, за исключеніемъ жителей нѣкоторыхъ приморскихъ городовъ, кормятся скотоводствомъ. Стада доставляютъ этому народу нетолько пищу, но и множество другихъ нужныхъ предметовъ. Въ особенности важна для него кожа. Лассо и боласы, важнѣйшія оружія, безъ которыхъ ни одинъ гаучосъ не можетъ кормиться, сдѣланы изъ кожи; стулья покрыты кожами; на кроватяхъ, вмѣсто тюфяковъ, лежатъ шкуры. Бюрдюки служатъ для сбереженія вина. Вся лошадиная сбруя сдѣлана изъ недубленой кожи. Вчера я вамъ говорилъ, что гаучосы замѣняютъ ремнями изгороди. А гдѣ въ пампасахъ воздѣлываютъ немного хлѣба, тамъ шкуры употребляютъ для сохраненія зерна. Шкура надрѣзается на спинѣ скотины, сдирается, завязывается на мѣстѣ ногъ и распяливается на четыре кола. Зерно насыпается и прикрывается другой кожей. Желѣзныхъ петель на дверяхъ, замковъ, задвижекъ въ пампасахъ не знаютъ; все дѣлается изъ ремня, и даже большая часть избъ покрыта шкурами.

По переходѣ черезъ Кордильеры, мы вступаемъ въ совершенно другую страну; но ею мы займемся завтра.

ГЛАВА VIII.

ЧИЛИ И ЗАПАДНЫЕ БЕРЕГА.

— Не правда ли, папаша, спросилъ Ѳедя на слѣдующій вечеръ, — что съ вершины Кордильеръ можно видѣть Тихій и Атлантическій океанъ?

— Да, но только на Панамскомъ перешейкѣ, потому что тамъ полоса земли уже, чѣмъ горизонтъ вершинъ. Но ты долженъ помнить, что на югѣ Кордильеры отдѣляются отъ Атлантическаго океана пространствомъ въ нѣсколько сотъ миль и что по этому выпуклость земли скрываетъ этотъ океанъ отъ стоящаго на хребтѣ. Тихій же можно видѣть при ясной погодѣ, какъ равно и съ моря видны хорошо снѣгомъ покрытыя вершины Кордильеръ.

Подвигаясь къ западу, мы вступимъ на узкую полосу земли, которая тянется по берегу Тихаго океана и на сѣверѣ принадлежитъ къ Новой-Гренадѣ, Экуадору, Перу и Боливіи, ниже образуетъ Чили и даже въ Патагоніи отдѣляетъ горы отъ океана. Только на югѣ Боливіи, въ части Перу и на сѣверѣ Чили лежитъ безплодная, песчаная и соленая почва; на остальномъ же пространствѣ она вездѣ способна къ воздѣлыванію и по большой части уже и обработана.

Вступая въ Чили, мы тотчасъ замѣчаемъ разницу между восточной и западной стороной Кордильеръ, ви-

димъ, что отъ народа, занимающагося скотоводствомъ, перешли къ земледѣльческому. Почти вездѣ поля обведены межами, луга и пашни орошаются искусственно; вездѣ возвышаются обширные амбары, старательно разводятся плодовыя деревья, а равно и небольшіе сады.

Уже западный склонъ Кордильеръ отличается инымъ характеромъ, и хотя деревья находятся только въ немногихъ долинахъ, но исполинскіе кактусы вездѣ подымаютъ свои толстыя, колючія руки.

Разсматривая берегъ, вы догадаетесь, что не встрѣтите на немъ ни одной большой рѣки. Съ крутыхъ горъ спадаютъ небольшіе ручьи, не заслуживающіе зимой никакого вниманія; весной же и лѣтомъ, когда снѣгъ таетъ на горахъ, ручьи эти обращаются въ дикіе потоки, которые сносятъ иногда въ долину громадные обломки скалъ. Ни одинъ человѣкъ не въ состояніи черезъ нихъ переѣхать, и лишь въ немногихъ мѣстахъ была возможность перекинуть мосты, потому что эти потоки сносятъ все, что стѣсняетъ ихъ теченіе.

Лѣса встрѣчаются только въ немногихъ мѣстахъ, именно на югѣ Чили и далеко къ сѣверу, но и въ нихъ почти нѣтъ дичи, а въ Чили и вовсе нѣтъ, за исключеніемъ развѣ водныхъ птицъ.

Да и жители этихъ штатовъ рѣзко отличаются характеромъ отъ жителей восточнаго пространства, въ особенности Аргентинской республики. Аргентинецъ, питаясь однимъ мясомъ, дикъ и страстенъ; чиліецъ спокойнѣе, сердечнѣе.

Чили очень обильная страна, нетолько по плодородію почвы, производящей отличную пшеницу, картофель и садовые плоды, но и по богатѣйшимъ серебрянымъ и мѣднымъ рудникамъ. Иногда попадается и золото, но не въ такомъ количествѣ, какъ на сѣверѣ. Климатъ отличный, зимой не слишкомъ холодный, лѣтомъ не слишкомъ жаркій, потому что вѣтеръ, дую-

щій съ запада, освѣжается моремъ, а восточный — снѣгомъ, покрывающимъ Кордильеры.

Чилійцы отлично ѣздятъ верхомъ, но дорожатъ лошадьми, которыя у нихъ гораздо цѣннѣе, и не гоняютъ ихъ какъ аргентинцы. Подобно всѣмъ потомкамъ испанцевъ, они любятъ музыку, и трудно найти домъ, въ которомъ по вечерамъ не раздавалась бы по крайней мѣрѣ гитара. Даже нѣкоторые гаучосы играютъ на этомъ инструментѣ.

Одежда чилійцевъ очень схожа съ аргентинской, только они не носятъ черипы. Вообще, оба народа сходны во многихъ привычкахъ и обычаяхъ.

Чилійцы прекрасно владѣютъ лассо, и это не удивительно, потому что въ бросаніи его они упражняются съ дѣтства. Мальчики пяти или шести лѣтъ бѣгаютъ съ толстыми снурками по улицамъ, дѣлаютъ петли и закидываютъ ихъ на куръ и собакъ, а осьми или девятилѣтнимъ даютъ для упражненія настоящія лассо.

— Папа, сдѣлай мнѣ, пожалуйста, лассо. Я тоже попробую, сказалъ Ѳедя.

— Попробовать можешь, но я сомнѣваюсь, чтобы тебѣ удалось закинуть петлю. Веревка, изъ которой сдѣланъ лассо, должна быть не очень толста и не очень легка и имѣть на концѣ желѣзное кольцо. Посредствомъ его образуется петля, которую можно стянуть и распустить. Другой конецъ, вмѣстѣ со свернутой веревкой, держатъ въ лѣвой рукѣ, чтобы, во время бросанія, лассо могъ свободно развернуться; берутъ петлю въ правую руку, взмахиваютъ ею нѣсколько разъ вокругъ головы и движеніемъ правой руки бросаютъ такъ, чтобы петля не стянулась, а расширилась. Вотъ и вся наука; но на дѣлѣ ты увидишь, что въ ней не мало трудностей.

— Попробовать, однако, можно, сказалъ Ѳедя; — еслибъ только у меня былъ лассо.

— Попроси у мамаши веревку, на которой вѣшаютъ бѣлье; я прикрѣплю къ ней маленькое кольцо, и тогда, пожалуй, попытайся. Но большой ловкости въ метаніи ты не достигнешь, потому что каждое искусство, въ которомъ мы желаемъ достигнуть совершенства, требуетъ постояннаго упражненія, а проводить ежедневно нѣсколько часовъ въ бросаніи лассо тебѣ прискучитъ.

Въ Бразиліи мы видѣли уже индіянское племя, которое до сихъ поръ не подчинилось владычеству бѣлыхъ; этому способствовало положеніе страны, ея непроходимые лѣса, а равно и огромное пространство всей Бразиліи. Португальцы, вѣроятно, покорили бы ботокудовъ, если бы нуждались въ ихъ дикой, лѣсистой землѣ, въ которой нѣтъ ни дорогъ, ни тропинокъ. Пока, они оставляютъ это племя въ покоѣ. Но въ Чили мы находимъ свободное и независимое племя индіянцевъ въ мѣстности совершенно безлѣсной и открытой, въ мѣстности, которою чилійское правительство охотно бы завладѣло. И, однако, араукосы, по настоящее время, отражаютъ всѣ нападенія чилійцевъ и принуждаютъ ихъ къ миру.

Араукосы нетолько воинственный, но и умный народъ. Игу бѣлыхъ они не подчиняются, но переняли отъ нихъ то, что казалось удобнымъ: употребляютъ огнестрѣльное оружіе и отлично ѣздятъ верхомъ. Насколько возможно, они живутъ въ мирѣ со своими сосѣдями, чилійцами; но ни одинъ бѣлый, безъ позволенія старшины араукосовъ, не имѣетъ права переходить ихъ границу. Христіанскаго вѣроисповѣданія они не приняли и сохранили свое прежнее вѣрованіе. Но законы ихъ исполняются очень строго, и воровство и другіе проступки сурово преслѣдуются.

Это весьма малочисленное племя, и мы видимъ здѣсь, дѣти, какъ согласіе дѣлаетъ народъ сильнымъ. Еслибы

другія племена Америки дѣйствовали точно такъ же единодушно, то кто знаетъ, завладѣли ли бы европейцы въ Новомъ Свѣтѣ хотя однимъ клочкомъ земли.

Чили лежитъ въ умѣренной полосѣ; но сосѣдняя къ сѣверу земля находится уже въ тропическомъ поясѣ. Можешь ли ты, Ѳедя, показать мнѣ на картѣ, о какой землѣ я говорю?

— О Боливіи.

— Да. Нынѣ Боливія независимая и самостоятельная республика; прежде же, подъ испанскимъ владычествомъ, она принадлежала къ Перу, и здѣсь-то, при городѣ Потози, лежащемъ на высотѣ 12,000 футовъ,*) надъ поверхностью моря находятся знаменитые рудники серебра, доставившіе уже столько сокровищъ.

Все Перу и принадлежавшая къ нему Боливія прекрасныя страны. Правда, берега представляютъ мало занимательнаго: они голы и безплодны; но далѣе лежатъ богатые лѣса, и такъ какъ мѣстность, вообще, возвышенна, то климатъ не слишкомъ жаркій, здоровый. Произведенія принадлежатъ тропической полосѣ; главнѣйшія изъ нихъ: какао, сахаръ, кофе, хлопчатая бумага и хинная кора. Кромѣ того, воздѣлываются ленъ, пенька и маисъ; наконецъ, вы знаете, что здѣшнія плоскія возвышенности родина нашего картофеля.

Въ Перу, какъ и въ Чили, мало дичи; только лама часто встрѣчается на Кордильерахъ, дѣлается ручною и употребляется для перевозки тяжестей, въ особенности же товаровъ, слѣдующихъ черезъ горы. Ламы представляютъ сходство съ мулами въ томъ отношеніи, что впереди каравана обыкновенно идетъ одно животное, вожакъ, съ колокольчиками и пестрыми перьями, а остальныя слѣдуютъ за нимъ, не требуя поощренія плетью. Любопытно смотрѣть на подобную линію ламъ,

---

*) $3\frac{1}{2}$ версты.

украшенныхъ иногда разноцвѣтными коврами и слѣдующихъ по извилистымъ тропинкамъ Кордильеръ. Большой тяжести лама, однако, не выноситъ, и если грузъ ей не по силамъ, то она ложится и ее не поднять ни ударами, ни ласками.

Главный городъ Перу, бывшій столицею прежней провинціи, называется *Лимой*; ее основалъ Пизарро.

Въ Боливіи, отдѣляющей нынѣшнюю республику Перу отъ Чили и называемой иногда южнымъ Перу, живетъ еще много индіянцевъ прежняго перуанскаго племени, которое нѣкогда грабилъ и мучилъ Пизарро; но они давно потеряли свою независимость и съ прежнимъ идолопоклонничествомъ отказались и отъ своихъ древнихъ нравовъ и обычаевъ.

ГЛАВА IX.

ПАТАГОНІЯ И ЮЖНАЯ ОКОНЕЧНОСТЬ АМЕРИКИ.

— До сихъ поръ мы видѣли въ Америкѣ только такія страны, которыя или находятся еще подъ владычествомъ европейцевъ, какъ англійскія, русскія и датскія владѣнія на сѣверѣ, Вестъ-Индія, и, въ южной части материка, Гвіана, или такія, которыя образовали самостоятельныя государства, но съ преобладаніемъ потомковъ европейцевъ. Даже республика Гаити, въ которой господствуютъ не бѣлые, а черные люди, основана на могилахъ погибшихъ туземцевъ, и отцы нынѣшнихъ повелителей впервые вступили въ страну невольниками европейцевъ.

Чилійская республика изъявляетъ притязанія на повиновеніе араукосовъ и утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, что земли, на которыхъ они живутъ, принадлежатъ ей, хотя она и не можетъ подчинить араукосовъ своей волѣ. Только на самомъ югѣ Америки встрѣчаемъ народъ, который по настоящее время нетолько сохранилъ вполнѣ свою независимость, но и не знаетъ притязаній иноземцевъ на господство: это патагонцы. Ни одинъ народъ въ свѣтѣ не оспаривалъ еще у патагонцевъ ихъ страны. Испанцы пытались въ шестнадцатомъ столѣтіи, а именно въ 1572 г., основать тамъ колонію, но вскорѣ

отказались отъ этого намѣренія и избавили туземцевъ отъ своего сожительства.

— Ты, папа, сказалъ, „въ шестнадцатомъ столѣтіи,“ прервалъ Ѳедя, — какъ же это могло быть въ тысяча-пятисотыхъ годахъ?

— Если мы говоримъ про годъ послѣ тысяча-пятисотаго, то значитъ, что пятнадцать столѣтій уже истекло: съ 1501 года мы начинаемъ считать шестнадцатое. Такъ и теперь: не смотря на то, что мы пишемъ тысяча-восемьсотъ-такой-то годъ, мы находимся уже въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, и съ истеченіемъ 1900 года оно кончится и начнется двадцатое. Но возвратимся къ патагонцамъ, хотя они мало считаютъ и не умѣютъ ни читать, ни писать, а владѣютъ только лассо и боласами. Это вполнѣ свободный и дикій народъ, не заботящійся о томъ, что происходитъ въ остальномъ мірѣ.

Люди эти, какъ жили прежде, такъ живутъ и теперь, и изъ всѣхъ туземцевъ только имъ однимъ покореніе Америки испанцами принесло дѣйствительную пользу. Европейцы, какъ вы знаете, привезли тогда въ Америку первыхъ лошадей, которыя, въ нѣсколько сотъ лѣтъ, размножились дотого, что водятся стадами какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ. Теперь патагонцы, вмѣсто того, чтобы ходить пѣшкомъ, по примѣру праотцевъ, весь день проводятъ на лошади: это народъ кочевой.

Семейства ихъ живутъ въ хижинахъ изъ звѣриныхъ шкуръ, и когда приходится перекочевывать, укладываютъ все имущество на вьючныхъ животныхъ. Оружія араукосовъ: лассо, боласы, копье и праща, которою они владѣютъ также съ чрезвычайною ловкостью.

Патагонія, въ сущности, только продолженіе пампасовъ, и на большихъ равнинахъ ея пасется много одичалаго скота и лошадей. Въ совершенно дикомъ состояніи водятся и здѣсь реа, броненосецъ, гуанако и

южно-американскій олень. Вблизи Кордильеръ есть густые лѣса, простирающіеся до самой Огненной Земли.

— Кажется, папаша, я когда-то слышалъ, что патагонцы великаны.

— Это зависитъ оттого, кого мы будемъ называть великанами. Они высокое, красивое и сильное племя, но не рослѣе европейцевъ, а показались первымъ мореплавателямъ и дѣйствительно могутъ быть названы великанами только въ сравненіи съ жителями Огненной Земли — малорослыми печерегами. Патагонцы живутъ почти исключительно охотой, пользуются хотя холоднымъ, но здоровымъ климатомъ, находятся постоянно на воздухѣ и въ движеніи, и потому не мудрено, что тѣло ихъ и силы развились.

Южная оконечность всего американскаго материка, какъ вы видите на картѣ, образуетъ островъ.

Проливъ, отдѣляющій Огненную Землю отъ материка Америки, названъ по имени человѣка, который первый по нему проѣхалъ, *Магеллановымъ*, Этотъ мореплаватель доказалъ, что можно обойти всю Америку, минуя опасный мысъ Горнъ. Парусныя суда входятъ, однако, въ Магеллановъ проливъ неохотно и рѣдко, потому что между высокими его берегами господствуетъ часто безвѣтріе, при которомъ парусное судно не можетъ двигаться, тогда какъ пароходы идутъ въ тихой водѣ еще скорѣе.

Болѣе, чѣмъ правдоподобно, что Огненная Земля, за тысячи лѣтъ предъ симъ, составляла съ американскимъ материкомъ одно цѣлое, какъ это доказываетъ строеніе и направленіе горъ. Вулканическая сила, которая и нынѣ проявляется на островѣ въ огнедышащихъ горахъ, разорвала, вѣроятно, Кордильерскій хребетъ и дала свободный проходъ океану, такъ что Огненная Земля составляетъ теперь островъ.

Жители ея, хотя по наружности совершенно сход-

ны съ остальными американскими племенами индіянцевъ, но относительно умственныхъ способностей стоятъ гораздо ниже ихъ едвали не на послѣдней ступени человѣческаго рода.

Вдаваясь въ необъятный океанъ, доходящій до самаго полюса или, по крайней мѣрѣ, до земель, покрытыхъ вѣчными льдами, Огненная Земля, не смотря на значительное разстояніе отъ полюса, имѣетъ холодный и суровый климатъ. Горы покрыты, правда, лѣсомъ буковымъ, березовымъ и ивовымъ, но деревья достигаютъ лишь очень незначительной высоты; зима продолжительна и сурова, и бѣдные жители, въ теченіе девяти мѣсяцевъ въ году, сражаются съ бурями и непогодами, снѣгомъ и льдомъ.

Никто не задавалъ себѣ еще труда изучить ихъ языкъ, а равно обычаи и нравы. Только въ Магеллановомъ проливѣ экипажи немногихъ кораблей входили въ сношенія съ печерегами; они отзываются объ этомъ племени, какъ о народѣ тихомъ, добродушномъ, который, кормится рыболовствомъ и, можетъ быть, охотой. Эти южные эскимосы употребляютъ пращи, изъ которыхъ бросаютъ камни, и для ловли рыбы, деревянныя пики съ костяными зазубренными наконечниками. Ихъ лодки очень несовершенны и, повидимому, весьма хрупки: сдѣланы изъ древесной коры, сшитой китовымъ усомъ. Въ этихъ лодкахъ, они, съ боязливою заботливостью, поддерживаютъ на кучкѣ земли небольшой огонь. Предполагаютъ, что имъ очень трудно добыть его вновь.

Жилища ихъ сплетены изъ вѣтвей, обложены землей и представляютъ только небольшое отверстіе, въ которое люди вползаютъ и выползаютъ. Кромѣ этого отверстія, тепло выходитъ еще, вмѣстѣ съ дымомъ отъ разводимаго въ жильѣ огня, черезъ отверстіе въ крышѣ.

Привѣтствіе печереговъ при встрѣчѣ кажется европейцу, съ непривычки, весьма смѣшнымъ. Они дѣлаютъ

другъ передъ другомъ нѣсколько прыжковъ. Въ каждой странѣ особые обычаи, а такое привѣтствіе въ Огненной Землѣ даже полезно, потому что согрѣваетъ. Мы снимаемъ шляпу и наклоняемъ голову; жители Тихаго океана, въ видѣ сердечнаго привѣтствія, потираютъ носомъ чужой носъ; оба эти способа могутъ показаться печерегу очень забавными. Что край, то обычай!

Съ Огненной Землей мы достигли южной оконечности Америки и того исполинскаго хребта горъ, который тянется отъ Сѣвернаго Ледовитаго моря, черезъ жаркую полосу, почти до самаго южнаго полюса.

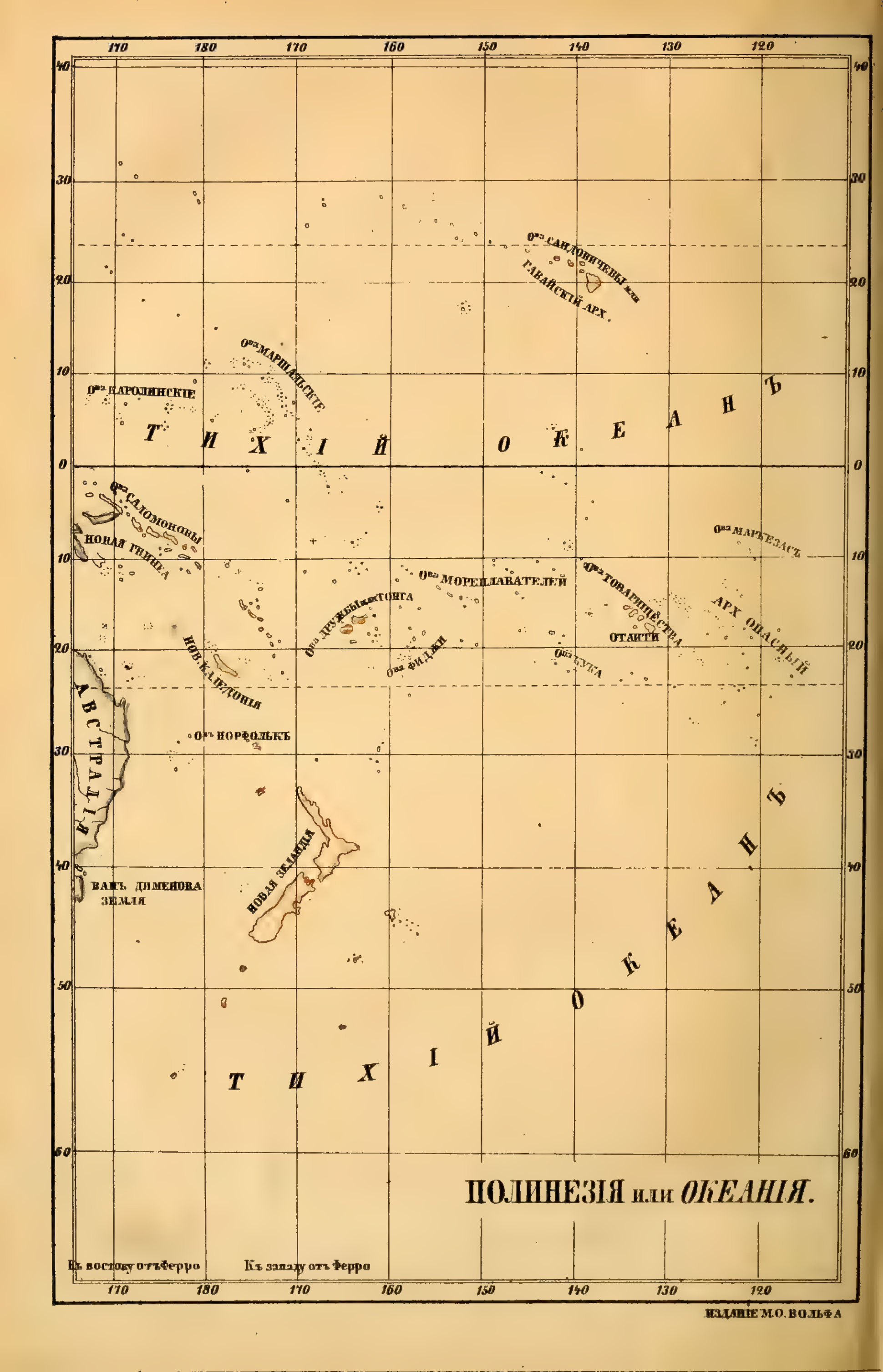
Если мы взглянемъ теперь на все полушаріе, то увидимъ на востокѣ огромный Атлантическій океанъ, отдѣляющій Америку отъ Европы и Африки, и почти не представляющій острововъ, тогда какъ на западѣ, въ Тихомъ океанѣ, даже въ весьма недалекомъ разстояніи отъ береговъ, передъ нами открываются многочисленныя группы острововъ. Это ***Полинезія***, съ ея рощами пальмъ и хлѣбныхъ деревьевъ, съ ея коралловыми рифами и тихими гостепріимными бухтами, которую уже первые видѣвшіе ее мореплаватели называли земнымъ раемъ. — Но объ этомъ, дѣти, поговоримъ въ другой разъ. Съ Огненной Земли туда довольно далеко; притомъ же, мы совершили переѣздъ черезъ весь американскій материкъ и прежде, чѣмъ предпримемъ новое путешествіе, должны немного отдохнуть.

— И ты будешь, папаша, разсказывать намъ про острова? спросили дѣти.

— Если это только доставитъ вамъ удовольствіе; обозрѣвъ ихъ, мы поѣдемъ дальше, въ Австралію, и воротимся домой, — впрочемъ, не по прямой линіи, а черезъ Азію и Африку.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ПОЛИНЕЗІЯ И АВСТРАЛІЯ.

ТИХІЙ ОКЕАНЪ
О-ва САНДОВИЧЕВЫ или ГАВАЙСКІЙ АРХ.
О-ва МАРШАЛЬСКІЕ
О-ва КАРОЛИНСКІЕ
О-ва САЛОМОНОВЫ
НОВАЯ ГВИНЕА
О-ва МАРКЕЗАСЪ
О-ва МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ
О-ва ТОВАРИЩЕСТВА
АРХ. ОПАСНЫЙ
О-ва ДРУЖБЫ или ТОНГА
О-ва ФИДЖИ
ОТАИТИ
О-ва КУКА
НОВ. КАЛЕДОНІЯ
АВСТРАЛІЯ
О-въ НОРФОЛЬКЪ
НОВАЯ ЗЕЛАНДІЯ
ВАНЪ ДИМЕНОВА ЗЕМЛЯ
ПОЛИНЕЗІЯ или ОКЕАНІЯ.
Къ востоку отъ Ферро
Къ западу отъ Ферро
ИЗДАНІЕ М.О. ВОЛЬФА

ГЛАВА I.

ПУТЕШЕСТВІЕ МЕЖДУ ОСТРОВАМИ.

Отецъ обѣщалъ дѣтямъ продолжать вскорѣ свои разсказы и сдержалъ слово.

— Мы приближаемся теперь, началъ онъ, — къ части свѣта прелестной и въ высшей степени своеобразной, состоящей изъ однихъ острововъ, разсѣянныхъ по всему Тихому океану. Чтобы до нея доѣхать, сядемъ на корабль въ Санъ-Франциско, главномъ городѣ Калифорніи, потому что оттуда легче всего достигнуть самыхъ сѣверныхъ острововъ.

Лишь только мы оставимъ гавань Санъ-Франциско, направо и налѣво откроются намъ голые калифорнскіе берега, представляющіе вѣрную картину всего западнаго американскаго берега, отъ Ледовитаго моря до мыса Горна. Цѣпь Кордильеръ, какъ вы видѣли на картѣ, лежитъ близъ западнаго берега и, какъ каждый главный хребетъ, даетъ съ правой и лѣвой стороны вѣтви; такимъ образомъ по всему западу американскаго материка тянутся такъ-называемыя береговыя горы, которыя часто, на разстояніи цѣлыхъ сотенъ миль, противопоставляютъ морю не прерываемую ни одной бухтой утесистую стѣну.

Берегъ вскорѣ остается за нами. Большія синія волны Тихаго океана качаютъ впервые нашъ корабль, и

море вдругъ оживляется множествомъ малыхъ китовъ, которые, при дыханіи, извергаютъ фонтаны воды и, играя, плаваютъ вокругъ насъ.

— Нельзя ли намъ поймать нѣсколькихъ? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, другъ мой. Корабли, предназначаемые для ловли китовъ, должны быть устроены особеннымъ образомъ: нетолько необходимо имѣть, при опытномъ экипажѣ, лодки и гарпуны, но судно должно представлять возможность вываривать жиръ и хранить его въ бочкахъ.

— А нельзя ли стрѣлять въ кита?

— Можно, ловко попавши въ одно изъ менѣе защищенныхъ мѣстъ, убить его даже пулей. Но, не приготовивъ какъ слѣдуетъ корабля, нельзя будетъ извлечь никакой пользы изъ убитой рыбы, а убивать для одного истребленія дозволяется только волка или тигра, которые намъ вредятъ, но не такое мирное животное, какъ китъ.

Корабль, на которомъ мы находимся, не китоловное судно, а простое купеческое, перевозящее черезъ Великій океанъ товары и пассажировъ. Поэтому, удовольствуемся однимъ наблюденіемъ китовъ. Они иногда до половины выскакиваютъ изъ воды, и падая, производятъ плескъ, высотою съ домъ; да и просто гоняясь другъ за другомъ, они оставляютъ за собою пѣнящуюся бѣлую полосу.

Выѣхавъ изъ Санъ-Франциско, корабль придерживается западо-юго-западнаго направленія. Вы понимаете, что это значитъ. Черезъ нѣсколько дней мы вступаемъ въ область пассатныхъ вѣтровъ, которые здѣсь, къ сѣверу отъ экватора, дуютъ круглый годъ отъ сѣверовостока къ юго-западу. Но путешествіе наше очень продолжительно и, при спокойномъ морѣ и однообразномъ

вѣтрѣ, начинаетъ намъ немного надоѣдать. Вдругъ вахтенный матросъ восклицаетъ: *земля!* и мы всѣ бросаемся на носъ корабля, чтобы видѣть то, что онъ намъ возвѣщаетъ. Какъ вы думаете, какого вида земля, открытая матросомъ?

— Разумѣется, отвѣтилъ Ѳедя, — она походитъ на выходящій изъ моря островъ, съ высокой горой и большими красивыми деревьями.

— А на деревьяхъ множество вкусныхъ плодовъ! воскликнула Маша.

— На берегу же, прибавилъ Ѳедя, — стоитъ толпа туземцевъ съ длинными пиками, большими луками и стрѣлами.

— Разувѣрьтесь, сказалъ отецъ. — Мы смотримъ со вниманіемъ во всѣ стороны, напрягаемъ зрѣніе и не видимъ ничего: ни горы, ни деревьевъ съ плодами, ни туземцевъ съ длинными пиками, луками и стрѣлами; — однимъ словомъ, мы видимъ лишь голубое небо и море.

— Но матросъ видѣлъ же землю, замѣтилъ Ѳедя.

— Онъ ее видитъ еще и теперь; но мы-то ея не видимъ, какъ ни напрягаемъ наше зрѣніе. Наконецъ, послѣ продолжительнаго ожиданія, на горизонтѣ, то есть на самомъ краю океана, въ направленіи, указываемомъ матросомъ, мы замѣчаемъ пятнышко голубоватаго цвѣта, не больше булавочной головки.

— И это островъ? воскликнулъ Ѳедя съ удивленіемъ.

— Да, островъ, отвѣтилъ отецъ. — Вы знаете, что наша земля имѣетъ видъ большаго шара: если вы смотрите на большой шаръ, то можете обозрѣть только то, что лежитъ на одной линіи съ вашими глазами, и это-то именно и составляетъ нашъ горизонтъ; вся остальная поверхность шара скрыта отъ нашихъ глазъ выпуклостью шара, лежитъ за горизонтомъ. Если на морѣ,

въ далекомъ отъ насъ разстояніи, находится корабль и идетъ по направленію къ намъ, то мы увидимъ сперва верхнюю часть его мачтъ, потомъ, когда онъ приблизится, всѣ мачты и, наконецъ, когда онъ войдетъ въ нашъ горизонтъ, весь корабль. Точно то же происходитъ и съ землей, къ которой мы приближаемся. Если она плоска, то мы увидимъ ее только тогда, когда совершенно къ ней приблизимся; если же это высокая гора, то мы усмотримъ сперва ея вершину, потомъ склоны, пока, наконецъ, не покажется и ея подошва и окружающая ее низменность.

Поэтому-то, въ морѣ, хотя можно видѣть землю, если она гориста, на большомъ разстояніи, но все-таки сперва она представляется нашимъ глазамъ точкой, потомъ тоненькой чертой, и нужно еще долго ѣхать, чтобы къ ней приблизиться. Мореплаватели считаютъ, что они находятся еще на разстояніи четырехъ миль отъ берега, если съ палубы корабля могутъ видѣть бурунъ, то есть собственно берегъ.

— Бурунъ, папаша?

— ***Буруномъ***, дитя мое, называются волны, которыя часто съ большой силой ударяютъ о берегъ и бѣлая пѣна которыхъ видна издали. Море не то, что наши маленькіе пруды и озера: вы можете себѣ вообразить, что такая неизмѣримая масса воды, какую содержитъ въ себѣ океанъ, никогда не можетъ быть въ совершенно спокойномъ состояніи. Во время сильнаго вѣтра, вода подымается громаднѣйшими волнами; но и при безвѣтріи, въ такъ-называемый штиль, движеніе никогда не прекращается; у береговъ же, состоятъ ли они изъ песку или скалъ, волны ударяются объ нихъ и разбиваются, и это-то называется буруномъ.

Здѣсь, на островахъ Великаго океана, бурунъ гораздо сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, вслѣдствіе въ высшей

степени удивительнаго строенія береговъ. Въ Тихомъ океанѣ, равно какъ и въ Индійскомъ, а также въ Средиземномъ морѣ, водятся весьма интересныя животныя, полипы, которымъ обязана своимъ существованіемъ большая часть острововъ Великаго океана. Нѣкоторые полипы состоятъ изъ прикрѣпляющагося къ какому-нибудь предмету мѣшечка съ отверстіемъ для принятія пищи.

Изъ этого отверстія животное выставляетъ наружу тоненькіе волоски, щупальцы, которыя сокращаются, какъ и самая кожа. Полипъ движетъ щупальцами, привлекаетъ тѣмъ ко рту плавающія въ водѣ мелкія частицы питательныхъ веществъ, потомъ прячетъ щупальцы, закрываетъ ротъ, перевариваетъ свою пищу, а твердыя вещества выбрасываетъ тѣмъ же отверстіемъ. Полипы этого рода живутъ отдѣльно и размножаются яичками. Но большая часть полиповъ размножаются почками, вырастающими на извѣстной части тѣла, такъ что желудокъ у цѣлаго поколѣнія животныхъ общій.

По мѣрѣ того, какъ полипы разрастаются, въ кожѣ нижнихъ отлагается изъ пищи известь, точно такъ же, какъ она отлагается у насъ въ костяхъ и зубахъ. Окаменѣвая, животныя, конечно, умираютъ. Но верхнія продолжаютъ плодиться и разрастаться. Такимъ образомъ полипы образуютъ какъ бы растенія и даже огромныя деревья, которыя достигаютъ 100 футовъ вышины и называются кораллами.

— Это кусочки коралловъ, — тѣ красивыя, красныя, зубчатыя палочки, — изъ которыхъ дѣлаютъ ожерелья? спросила Маша.

— Это, дѣйствительно, кораллы, отвѣтилъ отецъ; — но красные добываются преимущественно въ Средиземномъ морѣ, и они тамъ не такъ многочисленны, какъ обыкновенные бѣлые въ Тихомъ океанѣ.

Кораллы подымаются до поверхности моря, но далѣе расти не могутъ, по недостатку пищи. Тогда они разрастаются въ ширину на цѣлыя версты и образуютъ каменныя мели. Море наноситъ на нихъ морскія растенія, которыя гніютъ и образуютъ плотную почву. Случайно занесенное сюда водою или птицами сѣмя служитъ зачаткомъ растительности, а вскорѣ затѣмъ появляется на такихъ островахъ и человѣкъ.

Полипы по настоящее время образуютъ въ Тихомъ океанѣ новые острова. Замѣчательна форма этихъ построекъ. Часто полипы разрастаются вдоль берега обыкновенныхъ островавъ, въ разстояніи отъ него на 200 или 300 шаговъ. Такія плотины защищаютъ островъ и отъ волнъ, и отъ непріятелей, потому что корабли не могутъ приближаться къ этимъ *рифамъ*, подверженнымъ страшному прибою волнъ. Случается, что такой островъ, дѣйствіемъ подземнаго огня, опускается подъ воду; полипы продолжаютъ расти и образуютъ вокругъ того мѣста, гдѣ былъ островъ, родъ кольца, съ озеромъ внутри. Такой островъ называется *атолломъ*, а вода внутри его *лагуною*. Коралловая плотина атолла имѣетъ иногда версты двѣ ширины; съ той стороны, откуда дуетъ пассатъ, она разрастается сильнѣе, потому что вѣтеръ приноситъ полипамъ болѣе пищи. Съ противоположной же стороны, гдѣ пищи менѣе, она почти всегда представляетъ входъ въ лагуну. Этотъ входъ часто бываетъ достаточно глубокъ для прохода большихъ судовъ; лагуна же представляетъ прекрасную бухту, потому что покойна даже и тогда, когда волны въ морѣ поднимаются выше двухъ сажень, а шумъ ихъ бываетъ слышенъ на 10 и болѣе верстъ. Этотъ шумъ и сильное волненіе около атолловъ служатъ морякамъ вѣрнымъ признакомъ близости коралловыхъ островавъ, которыхъ, по ихъ низменности, какъ я вамъ сказалъ, видѣть издали нельзя.

Дно лагуны представляетъ великолѣпное зрѣлище. Сквозь прозрачную и гладкую ея поверхность можно видѣть коралловыя подводныя строенія. Сучья и вѣтки блестятъ самыми разнообразными цвѣтами. Между этими сучьями и вѣтвями плаваетъ множество разноцвѣтной рыбы. Если сидѣть въ лодкѣ посреди лагуны, гладкой какъ зеркало, и смотрѣть въ ея глубину, то невольно представляешь себя въ волшебномъ подводномъ царствѣ.

Иногда полипы застраиваютъ входъ въ лагуну, и тогда она называется запертою. Средина ея представляетъ тогда углубленіе, наполняющееся, отъ дождей, прѣсною водою, а она весьма важна для мореплавателей.

Наконецъ, рифы окружаютъ иногда кольцомъ очень высокій островъ или гору.

Однако, мы заболтались и не глядимъ на усмотрѣнную съ корабля землю. Чѣмъ ближе мы подходимъ, тѣмъ она подымается выше и выше. Теперь можно уже различить широкій конусъ горы, который, какъ намъ кажется при ходѣ корабля, отклоняется то влѣво, то вправо; потомъ дѣлаются явственными и пѣна буруна, и самый рифъ, поросшій кокосовыми пальмами и другими растеніями.

Острова, къ которымъ мы приближаемся, называются ***Сандвичевыми*** или ***Гавайскими***, по имени главнаго острова, Гаваи. Вся группа состоитъ изъ 11 острововъ, изъ которыхъ 8 обитаемы. Столица короля, вмѣстѣ съ тѣмъ и главный торговый городъ, лежитъ на маленькомъ островѣ ***Оагу*** и носитъ странно звучащее названіе ***Гонолулу*** или ***Гонорури***. Туземцы не различаютъ звуковъ ***р*** и ***л***, а равно ***к*** и ***т***, такъ что напр. слово ***таро***, названіе корня, составляющаго главную ихъ пищу, и

кало — означаютъ одно и то же и совершенно однозвучны для слуха островитянъ, которые говорятъ то *кало*, то *тало*, то *каро*.

Гаваи замѣчательный пунктъ въ историческомъ отношеніи: здѣсь былъ убитъ туземцами знаменитый мореплаватель Джемсъ Кукъ, который и открылъ эти острова.

— Значитъ, на Сандвичевыхъ островахъ живутъ очень злые люди, замѣтила Маша.

— Нѣтъ, дитя мое; туземцы приняли сначала бѣлыхъ весьма гостепріимно и даже считали ихъ сверхъестественными существами. Того же мнѣнія были и американскіе индіянцы, когда Колумбъ въ первый разъ высадился на ихъ землю. Но какъ испанцы въ Америкѣ, такъ и англичане на Сандвичевыхъ островахъ позволили себѣ многое, что было противно законамъ и обычаямъ туземцевъ, и тѣмъ ихъ раздражили. Наконецъ, когда по поводу украденной туземцами у англичанъ лодки, Кукъ хотѣлъ захватить короля и его двухъ сыновей, дикари напали на пріѣзжихъ и убили Кука. Это было въ 1779 году. Правда, англичане жестоко отомстили туземцамъ, но впослѣдствіи былъ заключенъ съ послѣдними миръ, и съ тѣхъ поръ, не будучи раздражаемы, они никогда не нападали на бѣлыхъ. На этихъ островахъ поселились теперь многіе европейцы и обратили жителей въ христіанство.

Сандвичевы острова, кажется, всѣ вулканическаго происхожденія, то есть подняты изъ моря силой внутренняго огня земли и увеличены изверженіями лавы. На Гаваи находится если не самый высокій, то самый большой вулканъ въ мірѣ, называемый Мауна-Роа.

Что вулканическія потрясенія могутъ поднимать поч-

ву на поверхность моря, тому мы имѣемъ во многихъ мѣстахъ доказательства. Даже въ Средиземномъ морѣ, не очень еще давно, среди огня и дыма показался островъ, но вскорѣ потомъ снова скрылся.

— Какъ же огонь и дымъ могутъ выходить изъ воды? Вѣдь огонь уже подъ водой долженъ потухнуть.

— Какъ я вамъ уже сказалъ, мы имѣемъ основаніе думать, что середина нашего земнаго шара состоитъ изъ расплавленной массы и что поверхность, на которой мы живемъ, только охладѣвшая кора. Эта масса отдѣляетъ газы, которые должны имѣть выходъ; иначе земной шаръ могъ бы лопнуть. Такими отверстіями служатъ вулканы, и гдѣ газы ищутъ себѣ новаго выхода, тамъ они, собственною силою и силою паровъ, тѣхъ же паровъ, которые приводятъ въ движеніе наши пароходы и паровозы,—производятъ страшный взрывъ, поднимающій цѣлыя горы. Если это происходитъ среди океана, то газы и пары, поднявъ почву, можетъ быть, до самой поверхности моря, раздвигаютъ воду и пробиваются наружу. При поднятіи острова на Средиземномъ морѣ, вода вблизи вулкана кипѣла и истребила множество рыбы.

На островѣ Гаваи туземцы замѣчаютъ, что вулканъ Мауна-Роа въ послѣдніе сто лѣтъ значительно возвысился или выросъ, а какъ великъ его кратеръ, вы можете заключить изъ того, что одно отверстіе его имѣетъ верстъ десять въ окружности. Оно представляетъ котелъ, со стѣнами въ 600 и 700 футовъ вышиною и моремъ вѣчно кипящей лавы. Внутри этого страшнаго котла постоянно подымаются новые кратеры, извергающіе сѣрные пары, золу и камни. Когда же приближается изверженіе главнаго кратера, лава начинаетъ волноваться, кипѣть, подымается все выше

и выше, наполняетъ до краевъ весь котелъ и, перекинѣвъ, изливается пламенными потоками въ долину.

До принятія христіанства туземцы думали, что въ горѣ живетъ страшная богиня огня, Пеле, и приносили ей въ жертву цвѣты и плоды.

На другихъ Гавайскихъ островахъ теперь нѣтъ дѣйствующихъ, то есть извергающихъ дымъ, огонь и лаву вулкановъ, но легко отличить вездѣ слѣды прежнихъ кратеровъ, и вершины горъ состоятъ изъ голой лавы. Ниже по склону горъ старая лава обратилась въ самую плодородную почву, и вслѣдствіе положенія острововъ подъ сѣвернымъ поворотнымъ кругомъ, здѣсь произрастаютъ нетолько произведенія тропической полосы, но съ успѣхомъ воздѣлываются картофель, рожь и виноградъ.

Лѣтъ шесть или семь тому назадъ было страшное изверженіе Мауна-Роа, и жители пришли въ ужасъ; но всю свою подземную силу вулканъ показалъ особенно въ 1837 году. 7-го ноября того года, передъ самымъ закатомъ солнца, островитяне частью сидѣли передъ своими хижинами, частью гуляли по берегу, пѣли и смѣялись. Дѣти играли въ коралловомъ песку и бѣгали, ища раковинъ.

Небо было чисто и безоблачно; съ востока дулъ свѣжій пассатъ. Съ закатомъ солнца онъ стихъ совершенно, и сдѣлалась духота какъ передъ бурей. Туземцевъ поразило слѣдующее зрѣлище. Вода, которая, съ отливомъ, достигла самаго низкаго положенія, быстро спала. Море отступило отъ земли, и въ нѣсколько секундъ очистило широкую полосу песку, котораго, со времени появленія острова, воздухъ, вѣроятно, еще никогда не касался.

Всѣ группы остановились въ безмолвномъ изумленіи и не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ.

Предостерегательный крикъ съ возвышенной части берега обратилъ первый ихъ вниманіе, и они увидѣли, какъ нѣкоторые мужчины поспѣшно дѣлали имъ знаки и кричали, чтобы они спасались. Отецъ двухъ маленькихъ дѣвочекъ, игравшихъ на берегу, бросился къ нимъ, схватилъ ихъ и въ дикомъ испугѣ поспѣшно потащилъ на болѣе возвышенное мѣсто; здѣсь и тамъ люди, безъ видимаго повода, бѣжали отъ берега, а за ними, скорѣе изъ предосторожности, чѣмъ въ сознаніи опасности, слѣдовали другіе. Бѣгство вскорѣ оправдалось: въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега вода подымалась все выше и выше, хрустальною горою, съ бѣлымъ пѣнящимся гребнемъ, походя на исполинское чудовище, готовое броситься на несчастную жертву и проглотить ее.

Водяная гора росла и близилась съ страшной быстротой, и бѣдные островитяне, которые, наконецъ, сознали опасность и хотѣли бѣжать, услышали позади себя и надъ собою громовый шумъ и черезъ минуту, безсильные и отчаянные, боролись съ волною, игравшею ими какъ своей бѣлоснѣжной пѣной. Прибой поднялся на пятнадцать или двадцать футовъ выше обыкновеннаго уровня воды, снесъ въ море людей, съ ихъ жилищами, лодками и сельско-хозяйственными орудіями, и если бы жители острова, мужчины, женщины и дѣти, не умѣли отлично плавать, то многія сотни ихъ нашли бы смерть въ волнахъ разъяреннаго океана.

Приливъ оставался на такой высотѣ только нѣсколько минутъ и отступилъ такъ же скоро, какъ набѣжалъ, захвативъ всѣхъ жителей, которымъ не удалось зацѣпиться за кустъ или дерево. Потомъ волна поднялась снова, но уже не такъ высоко и не такъ гнѣвно разлилась, снова опала, набѣжала въ третій разъ и долго потомъ билась о берегъ и металась во всѣ стороны.

Опасность прошла, и вторичнаго поднятія моря едва ли можно было ожидать, но на островѣ господствовало страшное смятеніе, и несчастные жители береговъ въ отчаяніи искали родныхъ, собираясь у разрушенныхъ хижинъ. Матери, ломая руки, бѣгали по берегу взадъ и впередъ и призывали своихъ дѣтей; дѣти плакали и звали родителей, жены искали мужей, мужья женъ; вопли и слезы отчаянія смѣшивались съ криками радости при встрѣчѣ со своими.

Къ счастію, въ бухтѣ стояло въ то время на якорѣ англійское китоловное судно „Адмиралъ Кокбурнъ“. Лишь только море немного успокоилось, капитанъ спустилъ свои лодки, для поданія помощи тѣмъ, которые боролись еще съ волнами, и такимъ образомъ было спасено двѣнадцать человѣкъ.

Только одиннадцать человѣкъ пропало въ волнахъ: они, вѣроятно, ударились о берегъ или деревья и лишились чувствъ.

— Извергала ли притомъ гора огонь? спросила Маша.

— Нѣтъ, дитя мое. Можетъ быть, лава кипѣла въ котлѣ, но въ то время наверху никого не было, а снизу огня не видѣли. Во всякомъ случаѣ, подземный огонь сперва опустилъ, а потомъ, можетъ быть, приподнялъ вблизи острова часть морскаго дна.

Этотъ приливъ и отливъ моря напоминаютъ мнѣ явленіе, происходящее не въ столь опасныхъ размѣрахъ, черезъ ровные промежутки времени, по всему земному шару. Въ теченіе шести часовъ морская вода, въ извѣстномъ мѣстѣ, прибываетъ, пока не достигнетъ высшей черты стоянія, и это называется приливомъ; слѣдующіе шесть часовъ она снова опадаетъ, также до извѣстной границы, и это называется отливомъ. Въ открытомъ морѣ приливы и отливы не замѣтны, но у береговъ они происходятъ совершенно явственно.

Приливъ не вездѣ достигаетъ одинаковой вышины; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ море поднимается на четыре, пять и шесть футовъ, въ другихъ, какъ напр. въ каналѣ Ла-Маншъ, отдѣляющемъ Францію отъ Англіи, приливъ доходитъ до сорока футовъ, а въ нѣкоторыхъ даже до 70, и вода, въ такомъ случаѣ, бьетъ о берегъ съ страшною силой. Такъ какъ приливъ бываетъ въ опредѣленное время, то жители морскихъ береговъ принимаютъ мѣры предосторожности противъ случайныхъ несчастій.

— На островахъ Тихаго океана есть также приливъ и отливъ?

— Разумѣется, какъ и вездѣ; здѣсь вода поднимается и опадаетъ только на шесть футовъ, и кораллы показываютъ ясно, до какихъ мѣстъ доходитъ приливъ.

— Отчего же происходятъ эти приливы и отливы? спросилъ Ѳедя.

— Ихъ объясняютъ притяженіемъ воды луною. Я уже говорилъ вамъ, дѣти, что большія тѣла притягиваютъ къ себѣ меньшія. Самымъ близкимъ примѣромъ тому можетъ вамъ служить земной шаръ. Почему ни одинъ предметъ, не смотря на вращеніе земли, не падаетъ съ ея поверхности? Потому что земля его притягиваетъ. Хотя луна и гораздо меньше земли, но все-таки она громадное тѣло, которое, находясь, въ сравненіи съ другими небесными тѣлами, на близкомъ отъ земли разстояніи, не можетъ не притягивать всѣхъ предметовъ на ея поверхности, какъ твердыхъ, такъ и жидкихъ, а равно и воздухообразныхъ. Но эти тѣла неодинаково подвижны. Вы можете наложить кучу песку, а кучу воды не наложите: вода разольется. И наоборотъ: суньте палочку въ воду и потомъ вынимайте ее осторожно, — вода будетъ тянуться за концомъ палочки; песокъ же не настолько подвиженъ. Вода волнуется; съ пескомъ этого не бываетъ, опять же по причинѣ

его меньшей подвижности. Кромѣ того, вы, вѣроятно, уже не разъ замѣчали, что тащить тѣло вверхъ по покатости гораздо легче, чѣмъ поднимать его на воздухъ. Теперь вообразите себѣ луну, стоящею сперва надъ сушею, а потомъ надъ воднымъ пространствомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ луна притягиваетъ нетолько тѣ частицы земли или воды, которыя лежатъ прямо подъ нею, но и окружающія. На лежащихъ прямо подъ луною частицахъ притяженіе ея можетъ выказаться лишь тѣмъ, что частицы эти оторвутся отъ земли и полетятъ къ лунѣ, а для этого притяженіе луны слишкомъ слабо: оно не можетъ преодолѣть притяженія земли, того, что мы называемъ тяжестью предметовъ; луна не можетъ приподнять земныхъ предметовъ. На частицы же, лежащія на земной поверхности не прямо подъ луною, а по сторонамъ, луна можетъ дѣйствовать и иначе. Она можетъ тянуть ихъ подъ себя, слѣдовательно все-таки ближе къ себѣ, поверхъ тѣхъ частицъ, которыя лежатъ прямо подъ нею. Въ этомъ случаѣ она будетъ уже не поднимать частицы на воздухъ, а тащить ихъ на другія, — то есть вверхъ по покатости, а это уже гораздо легче. Однако, частицы земли для того слишкомъ мало подвижны; частицы же воды, дѣйствительно, скопляются подъ луною и образуютъ такимъ образомъ возвышеніе, что и называется приливомъ. По мѣрѣ того, какъ луна движется по небосклону, движется кругомъ земли и приливъ.

— Значитъ, замѣтилъ Ѳедя, — въ каждомъ мѣстѣ на морѣ, надъ которымъ стоитъ луна, бываетъ приливъ, и онъ, въ теченіе сутокъ, обходитъ землю?

— Приливъ бываетъ, отвѣтилъ отецъ, — не только въ мѣстѣ, стоящемъ прямо подъ луною. Конечно, въ немъ онъ, вообще, сильнѣе; но вы поймете, что вода не можетъ подняться на сажень на небольшомъ простран-

ствѣ: не поддерживаемая съ боковъ, она бы разливалась; притомъ же, притяженіе луны дѣйствуетъ на всю освѣщаемую ею часть земной поверхности. Поэтому, приливъ бываетъ одновременъ на огромномъ пространствѣ, и только высшая его точка слѣдуетъ за луною.

— Да вѣдь такъ, папа, приливъ будетъ только разъ въ сутки. А ты сказалъ, что онъ бываетъ два раза и начинается снова черезъ каждые шесть часовъ отлива.

— Замѣчаніе твое, отвѣтилъ отецъ,—меня чрезвычайно радуетъ. Оно показываетъ, что ты внимательно слушалъ и соображаешь то, что слышишь. Дѣйствительно, приливъ бываетъ два раза въ сутки, продолжаясь шесть часовъ и смѣняясь шестью же часами отлива. Это происходитъ оттого, что вода поднимается одновременно и подъ луною и на противоположной сторонѣ земнаго шара. Вотъ теперь, дѣти, если вы не утомлены моими объясненіями и хотите имѣть вѣрное понятіе о приливахъ, прислушайтесь повнимательнѣе. Вы уже знаете, что частицы какъ воды, такъ и земли, которыя ближе къ лунѣ, она притягиваетъ сильнѣе, а тѣ, которыя дальше, слабѣе. Понятно, что частицы воды, которыя находятся на противоположной лунѣ поверхности земнаго шара, будутъ притягиваться луною слабѣе, чѣмъ остальная вода и земля. Если же однѣ частицы притягиваются сильнѣе, чѣмъ другія, то притягиваемыя слабѣе будутъ отставать. Такъ отстаютъ отъ другихъ частицъ земли и воды капли, находящіяся на противоположной лунѣ поверхности земли. Нѣчто похожее произошло бы тогда, когда бы вы стали резинковый мячикъ тянуть за одинъ бокъ, а противоположный удерживать. На обоихъ этихъ бокахъ образовались бы выпуклости. Такъ же поднимается вода на противоположныхъ сторонахъ земли, а гдѣ она поднимается, тамъ бываетъ приливъ; на мѣстахъ же, съ которыхъ вода приливаетъ, будетъ ея менѣе, то есть, произойдетъ от-

ливъ. Теперь ясно, что въ каждомъ приморскомъ мѣстѣ приливъ будетъ замѣчаемъ, въ теченіе сутокъ, два раза: когда это мѣсто будетъ подъ луною и когда оно будетъ на противоположной отъ нея сторонѣ. Поняли ли вы, дѣти?

— Я понялъ, отвѣчалъ Ѳедя и оборотился къ Машѣ. Та нѣсколько времени подумала и потомъ сказала:

— Если вода поднимается точно такъ же, какъ противоположные бока мячика, о которомъ ты говорилъ, то и я понимаю.

— Отчего же, спросилъ отецъ,—поднимается вода подъ луною?

— Оттого, что луна притягиваетъ воду со всего того мѣста, на которое свѣтитъ, и скопляетъ ее подъ собою.

— Совершенно вѣрно, дружочекъ. А отчего же происходитъ приливъ на противоположной сторонѣ земли? продолжалъ допытываться отецъ.

— Да оттого, что тамъ вода притягивается луною слабѣе и отстаетъ.

— Такъ. Значитъ, и ты поняла.

Люди, продолжалъ отецъ, пользуются приливомъ. На низкихъ берегахъ выкапываютъ не очень глубокія ямы, которыя, во время прилива, наполняются водою; отъ дѣйствія солнца вода эта испаряется и оставляетъ соль. Въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ берега бываютъ такъ мелки, что нагруженные корабли, которые глубоко сидятъ въ водѣ, могутъ подходить къ нимъ не иначе, какъ во время прилива. Точно такъ же бываютъ полезны и отливы: обнажая дно, они даютъ возможность вынимать опасные подводные камни, собирать раковины, оставшихся въ углубленіяхъ почвы животныхъ, служащихъ въ пищу, и другіе предметы.

— Папаша, не сойти ли намъ съ корабля на землю? спросилъ Ѳедя.

— Съ удовольствіемъ, дѣти; но какъ мы не дошли еще до рифа, а на островѣ ночные сторожа уже протрубили, то сегодня вечеромъ мы останемся въ морѣ.

— Развѣ на этихъ островахъ есть ночные сторожа? спросилъ, смѣясь, мальчикъ.

— Есть, отвѣтилъ отецъ; — вообще, здѣшніе туземцы народъ очень образованный. Пойдемъ спать, а завтра увидимъ, понравится ли намъ земля.

ГЛАВА II.

ГАВАЙСКІЕ ИЛИ САНДВИЧЕВЫ ОСТРОВА.

На слѣдующій вечеръ дѣти, смѣясь, просили отца, чтобы онъ разсказалъ имъ кое-что о ночныхъ сторожахъ Гаваи. Но отецъ увѣрялъ ихъ очень серіозно, что если не на Гаваи, то на островѣ Оагу есть ночные сторожа.

— Это острова, сказалъ отецъ, которые открыты только 80 лѣтъ тому назадъ и были населены тогда совершенно дикимъ народомъ. Онъ принадлежитъ къ племени *малайскому*, населяющему большую часть острововъ Индійскаго и Великаго океановъ. У малаевъ цвѣтъ кожи коричневый, голова продолговатая, какъ у европейцевъ, волоса черные, гладкіе, а не курчавые, глаза черные и живые, носъ правильный, борода не такъ густа, какъ у европейцевъ, а губы не такъ толсты, какъ у негровъ. Вообще наружность малаевъ красивая; они ближе другихъ племенъ подходятъ къ кавказской породѣ, даже и по своимъ умственнымъ способностямъ. Тѣлосложеніе ихъ крѣпкое, и во всѣхъ движеніяхъ они обнаруживаютъ чрезвычайную ловкость. О томъ, какъ они плаваютъ, я уже говорилъ. Что же касается ихъ умѣнья лазать, то нѣтъ пальмы такой высокой, чтобъ малаецъ не могъ на нее взобраться. Жители Гавайскаго архипелага, открытаго, какъ я вамъ сказалъ, 80 лѣтъ

тому назадъ, представляютъ теперь народъ почти просвѣщенный. Нынѣшній король Тамеамеа IV, потомокъ перваго короля этого имени, который, будучи государемъ одного острова, въ кровопролитныхъ войнахъ покорилъ себѣ всю группу. Пріѣзжіе миссіонеры обратили туземцевъ безъ большихъ затрудненій въ христіанство и просвѣтили самого короля; онъ, по справедливости, заслужилъ имя великаго преобразователя своего народа: всѣми силами старался распространить просвѣщеніе и торговлю, строилъ суда, завелъ регулярное войско. Нынѣшній король имѣетъ дворъ и министровъ, которые носятъ европейскій мундиръ; въ столицѣ его, Гоноруру, построенной на европейскій образецъ, есть даже полиція и другія учрежденія просвѣщенныхъ народовъ.

Гавайскіе острова стóятъ труда, чтобы ихъ посѣтить. Мы приближаемся къ городу Гоноруру черезъ рифы, представляющіе здѣсь широкій удобный проходъ, и выходимъ на отличную, построенную изъ коралловыхъ глыбъ и отесанную плотину. Вправо, подальше отъ города, среди нѣсколькихъ кокосовыхъ пальмъ, стоитъ большое каменное строеніе: это церковь. Противъ насъ другое строеніе, также каменное, таможня, а по сторонамъ повсюду разбросаны жилища европейцевъ. Между ними стоятъ жилища гавайскихъ туземцевъ, бѣдныя хижины изъ плетенаго ситовника, они построены широкими правильными улицами, обсаженными по большой части тюльпанными деревьями. На углахъ мѣстами прилѣплены большія объявленія, на гавайскомъ и англійскомъ языкахъ. Солдаты въ мундирахъ, хотя босоногіе и оборванные, расхаживаютъ по городу, а множество индіянцевъ сидятъ праздно на берегу. Тутъ же мы находимъ рынокъ, снабженный мясомъ, рыбою и овощами, а стройныя кокосовыя пальмы

и широколистые бананы составляютъ заднiй планъ картины.

Въ городѣ вы найдете кофейни съ бильярдами и кеглями, китайскихъ купцовъ и французскихъ парикмахеровъ, а по ночамъ ходятъ по улицамъ сторожа, для наблюденія за порядкомъ и тишиной. Изъ этого вы видите, какъ много заимствовала эта страна у болѣе просвѣщенныхъ народовъ, хотя до настоящаго времени на каждомъ шагу поражаютъ остатки дикости, да и самыя европейскія учрежденія не вошли еще въ привычку туземцевъ.

Но можно надѣяться, что черезъ нѣсколько поколѣній и эта противуположность между заимствованными учрежденіями и сохранившимися обычаями исчезнетъ, тѣмъ болѣе, что туземцы, дѣйствительно, стремятся къ просвѣщенію. Когда имъ дали понять, что посредствомъ письма можно передавать свои мысли отсутствующимъ, то это привело ихъ въ такой восторгъ, что всѣ они, и большіе, и малые, и старики, и дѣти, бросились въ школы и просто осаждали ихъ. То же было и съ первой типографіей.

На островахъ воздѣлывается въ особенности сахарный тростникъ, потомъ кофе, картофель, пшеница и индиго. На Гаваи много дикихъ стадъ, которыя, впрочемъ, принадлежатъ всѣ королю. Онъ продаетъ мясо, черезъ своихъ чиновниковъ, на приходящіе корабли.

Гавайскіе острова, прозванные англичанами Сандвичевыми, главная стоянка китоловныхъ судовъ. Суда эти могутъ отправляться въ Ледовитый океанъ на охоту только лѣтомъ; осенью они возвращаются къ Сандвичевымъ островамъ, запасаются свѣжей провизіей, картофелемъ, мясомъ и плодами, идутъ въ жаркія, экваторіальныя страны, для ловли кашалота, снова возвращаются къ Сандвичевымъ островамъ и приготовляются

къ новой лѣтней экспедиціи. Такимъ образомъ острова эти сдѣлались важнымъ торговымъ пунктомъ.

— Что такое кашалотъ? спросила Маша.

— Кашалотъ принадлежитъ къ одному отряду животныхъ съ китомъ, отвѣчалъ отецъ; черепъ его покрытъ огромнымъ количествомъ спермацета или жировоска, изъ котораго приготовляютъ свѣчи, а въ желудкѣ кашалота находится часто благовонное вещество, сѣрая амбра. Китъ, дающій китовый усъ и жиръ, водится по преимуществу въ холодныхъ странахъ, между горами льду. Кашалотъ же, напротивъ того, любитъ болѣе теплыя воды.

— Есть ли на этихъ островахъ хищные звѣри? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, дитя мое, хищныхъ звѣрей вовсе нѣтъ. Есть одичалые быки и козы; но какъ король Тамеамеа объявилъ всѣ стада принадлежащими ему, то никто, разумѣется, не смѣетъ на нихъ охотиться. Птицъ также очень мало. Изрѣдка попадаются дикія индѣйки, которыя, впрочемъ, происходятъ отъ завезенныхъ сюда домашнихъ; есть маленькая порода ястреба и нѣсколько лѣсныхъ пташекъ. Одна изъ нихъ, однако, имѣла для острова большое значеніе. Она темнаго цвѣта; но на концѣ ея хвоста и крыльевъ есть нѣсколько золотисто-желтыхъ и огненно-красныхъ перышекъ; эти-то перышки собирали на блестящіе плащи и головные уборы для королей и старшинъ. Можете себѣ вообразить, сколько тысячъ птицъ нужно было на одинъ такой плащъ. Чтобы не истребить совершенно этой породы птичекъ, ихъ стрѣляли тупыми стрѣлами, и онѣ падали оглушенными, нужныя перья вырывали изъ хвоста и крыльевъ, а птичекъ пускали на волю. Теперь, однако, когда туземцы получаютъ отъ бѣлыхъ множе-

ство яркихъ матерій, подобные плащи вышли изъ моды.

— Слѣдовательно, туземцы употребляютъ лукъ и стрѣлы, сказалъ Ѳедя.

— Прежде употребляли; но теперь, я думаю, не найти на Сандвичевыхъ островахъ ни одного лука. На охоту никто ходить не смѣетъ; войны вести не съ кѣмъ; что же дѣлать съ оружіемъ? Только солдаты носятъ старые мушкеты, и то болѣе для формы, чѣмъ для дѣйствительной надобности.

Что касается растительности этихъ острововъ, то во время нашего путешествія мы встрѣтимъ еще страны, надѣленныя гораздо роскошнѣйшею. Дикихъ плодовъ въ лѣсахъ здѣсь менѣе, чѣмъ можно бы было предполагать, и хотя почва во многихъ мѣстахъ, какъ вы знаете, покрыта лавою, которая, вывѣтрившись, образуетъ плодороднѣйшій пластъ земли, но здѣсь встрѣчается весьма мало различныхъ видовъ растеній. Въ прежнее время здѣсь произрастало дорогое пахучее сандальное дерево, которое европейцы покупали весьма охотно и вывозили по-преимуществу въ Китай, гдѣ оно употреблялось для куренія и шло на пахучія шкатулки. Дѣдъ нынѣшняго короля, имѣвшій нужду въ большомъ количествѣ денегъ для своего новаго двора, приказалъ повсюду срубить это драгоцѣнное дерево и продалъ его бѣлымъ; когда не осталось уже ни сучка для продажи, король замѣтилъ свою ошибку; но было поздно. Чтобы по возможности исправить ошибку, приказано не рубить въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ ни одного сучка сандальнаго дерева и такимъ образомъ дать корнямъ время пустить новые побѣги.

Сандальное дерево растетъ на горахъ; на низменностяхъ же большей части острововъ, въ обширныхъ плантаціяхъ, воздѣлываются другіе предметы вывоза.

Малаи Гавайскаго архипелага живутъ до сихъ поръ такъ же просто, какъ жили прежде; почти единственная ихъ пища состоитъ въ упомянутомъ уже мною корнѣ таро. Для покрытія расходовъ короля, они платятъ большіе налоги, а потому собственно для нихъ остается весьма немного.

Таро болотное растеніе, съ большими, широкими, стрѣльчатыми листьями. Поля, на которыхъ его сажаютъ, постоянно должны быть орошаемы, для чего на Сандвичевыхъ островахъ таро садится въ углубленіяхъ, слѣдующихъ одно за другимъ уступами, чтобъ воду можно было спускать изъ одного бассейна въ другой. Растеніе это даетъ толстый, мучнистый корень, который пекутъ, жарятъ на жиру, преимущественно же варятъ и потомъ толкутъ въ какомъ нибудь сосудѣ пестомъ или камнемъ, пока таро не обратится въ кашу. Тогда его поливаютъ водой и оставляютъ на сутки киснуть. Въ этомъ видѣ оно похоже на жидкій клейстеръ, остраго кислаго вкуса; свареное же имѣетъ вкусъ картофеля, только слаще его. Туземцы ѣдятъ эту кашу, называемую поэ, особеннымъ образомъ. Они наливаютъ ее въ выдѣланную изъ бутылочной тыквы чашку, опускаютъ въ нее третій палецъ, который потому и называется пальцемъ поэ, и потомъ его облизываютъ; это продолжается, пока чашка не опростается, и иногда нѣсколько дикарей ѣдятъ изъ одной посудины.

— Я не желала бы ѣсть вмѣстѣ съ ними, сказала Маша.

— Еслибъ ты не привыкла къ иному образу ѣды, то и при такомъ каша показалась бы тебѣ вкусною: все дѣло привычки.

Самое большое удовольствіе островитянъ бросаться въ бурунъ на узкой доскѣ отъ шести до осьми футовъ длиною и перескакивать, на волнахъ буруна, съ наруж-

ной стороны рифа, через его острые кораллы. Оплошность въ управленіи доскою подвергаетъ пловца опасности разбиться о кораллы. Однако, большіе и малые, даже дѣти шести и семи лѣтъ забавляются этою опасностью, и любопытно смотрѣть, когда на гребнѣ бѣлоснѣжнаго буруна покажется вдругъ двадцать или тридцать такихъ темныхъ фигуръ, покачаются мгновеніе на вершинѣ грохочущей волны, вмѣстѣ съ нею быстро скатятся внизъ и исчезнутъ въ бѣлой пѣнѣ. Но черезъ секунду они снова на поверхности воды, пользуются малѣйшимъ проходомъ между рифами, проплываютъ за нихъ и снова начинаютъ свою смѣлую игру.

Эти счастливые люди богато одарены природой: при прекрасномъ климатѣ и плодородной почвѣ, довольствуясь малымъ, они, покончивъ свои войны, ведутъ тихую и спокойную жизнь. Обработка таро требуетъ небольшаго труда; кромѣ того, въ лѣсахъ растутъ нѣкоторые дикіе плоды; въ рыболовствѣ туземцы весьма искусны, и, поэтому, единственный трудъ, который имъ приходится исполнять, — состоитъ въ изготовленіи для себя одежды.

Женщины и мужчины носили прежде только фартуки, которые подвязывали вокругъ бедеръ. Ткань, изъ которой дѣлались эти фартуки, свойственна островамъ Тихаго океана, и потому я хочу васъ съ нею ознакомить.

Приготовленіе ткани изъ добываемой мужчинами древесной коры предоставлено женщинамъ. Кора должна нѣкоторое время мокнуть въ водѣ; потомъ ее разстилаютъ на широкой, сглаженной острымъ камнемъ доскѣ. Вокругъ такихъ досокъ садятся женщины и дѣвушки; онѣ берутъ въ руки по двѣ четыреугольныя палки изъ твердаго дерева и въ ладъ припѣваемой пѣсни бьютъ по вязкой корѣ до тѣхъ поръ, пока она не

пріобрѣтетъ нужной тонины. Волокна коры соединяются такъ плотно, что образуютъ отличную матерію. Потомъ ее сушатъ и иногда бѣлятъ на солнцѣ. Она называется *тапа* и была предметомъ торговли между островами.

Кромѣ того, островитяне приготовляютъ еще красивыя и мягкія цыновки изъ ситовника, служащія имъ, между прочимъ, для украшенія жилищъ и вмѣсто постели.

Но чтобы ближе познакомиться съ малаями, посѣтимъ другія группы островoвъ. Вѣтеръ попутный, и мы можемъ скоро добраться до лежащихъ южнѣе.

— Да мы можемъ идти съ пассатнымъ вѣтромъ, замѣтилъ Ѳедя.

— Правда, другъ мой, и хорошо было бы, еслибъ мы могли идти съ этимъ вѣтромъ и ниже экватора; но ты знаешь, что сѣвернѣе экватора онъ дуетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, тогда какъ южнѣе экватора дуетъ отъ юго-востока къ сѣверо-западу. Слѣдовательно, еслибъ, перейдя экваторъ, мы вздумали пробраться къ Маркизскимъ островамъ, то встрѣтили бы совершенно противный вѣтеръ.

Самое лучшее, когда вѣтеръ дуетъ въ ту сторону, куда нужно плыть. Но еслибъ моряки, чтобы двинуться съ мѣста, всегда обжидали подобнаго вѣтра, то имъ не было бы никакой возможности совершать большія путешествія, потому что вѣтеръ не дуетъ по-заказу. Чтобы идти и съ другими вѣтрами, паруса на мачтахъ прикрѣпляются такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было поворачивать, смотря по тому, дуетъ ли вѣтеръ съ правой или лѣвой стороны. Если онъ дуетъ прямо съ правой или лѣвой стороны, то съ нимъ можно еще подвигаться впередъ, захватывая его парусомъ; если же вѣ-

теръ заходитъ еще немного спереди, то уже труднѣе ѣхать.

— А если вѣтеръ совершенно противный? спросилъ Ѳедя.

— Тогда приходится стоять, сказала Маша.

— Нѣтъ, дитя мое, въ открытомъ морѣ корабль не стоитъ, а пойдетъ назадъ. Если вѣтеръ противный, то плывутъ сперва направо, по возможности противъ вѣтра, потомъ переставляютъ паруса, поворачиваютъ корабль и плывутъ точно такъ же влѣво, чтобы хотя немного подвинуться впередъ или, по крайней мѣрѣ, не пойти назадъ; моряки называютъ это лавировать. Теперь, однако, лавируйте, дѣти, въ ваши кровати, а завтра посмотримъ, какіе острова намъ можно будетъ посѣтить.

ГЛАВА III.

ОПАСНЫЕ ОСТРОВА.

На слѣдующій вечеръ отецъ положилъ передъ дѣтьми маленькую карту, обращая вниманіе ихъ на то, что къ югу отъ экватора большая часть островозъ лежитъ тѣсными группами по направленію отъ востока къ западу и сѣверо-западу. Между группами лежатъ еще отдѣльно весьма небольшіе острова, не имѣющіе значенія и состоящіе, по большей части, изъ чистаго коралла или свѣтлаго песку; на многихъ изъ нихъ нѣтъ ни одного дерева, и они посѣщаются лишь черепахами и морскими чайками, для кладки яицъ.

— Одна изъ самыхъ красивыхъ группъ Великаго океана, началъ отецъ, — это лежащіе восточнѣе прочихъ ***Маркизскіе*** острова; туземцы называютъ ихъ ***Нукагива***, по имени самаго большаго острова. Эти дикари, по наружности, мало отличаются отъ жителей Сандвичевыхъ островозъ, развѣ только тѣмъ, что татуируютъ все тѣло.

— Татуируютъ? воскликнула Маша. Это что такое?

— Этотъ обычай, продолжалъ отецъ, — вѣроятно, васъ удивитъ: дѣйствительно, странное, причудливое украшеніе. Туземцы острымъ инструментомъ нарѣзаютъ на кожѣ правильныя черты и рисунки и посыпаютъ раны ѣдкимъ и красящимъ порошкомъ. На тѣлѣ обра-

зуются впослѣдствіи расположенные узорами струпья, которые и составляютъ главное украшеніе.

— Да это должно быть больно?

— Да, больно, но не очень, потому что надрѣзы не глубоки. Сверхъ того, островитяне слѣдуютъ въ этомъ модѣ, а чего не дѣлаютъ люди для моды? Для окраски надрѣзовъ дикари употребляютъ, между прочимъ, копоть отъ орѣха, который сжигаютъ и который дотого маслянистъ, что его употребляютъ иногда вмѣсто свѣчи. Рисунокъ татуажа или простой линейный, или представляетъ листья, цвѣты, деревья, рыбъ. Со времени знакомства съ европейцами, у которыхъ туземцы видѣли много новаго, рисунки ихъ сдѣлались гораздо разнообразнѣе. Напримѣръ, островитянамъ очень понравились ордена офицеровъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе не хотѣли отдавать ихъ при мѣновой торговлѣ.

Въ настоящее время Маркизскими островами владѣютъ французы, на такомъ же правѣ, на какомъ мы, выгнавъ сосѣда, могли бы владѣть его садомъ. Туземцы сопротивлялись сначала, но что могутъ сдѣлать бѣдные голые дикари противъ пушекъ и ружей европейцевъ.

Маркизскіе острова не окружены коралловыми рифами, какъ большая часть острововъ Великаго океана. Берега ихъ обрывисты и скалисты; внутри же встрѣчается много поросшихъ лѣсомъ горъ, съ прекрасными долинами. Если мы отправимся отсюда прямо на югъ, то встрѣтимъ весьма значительную группу большихъ и меньшихъ острововъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ исключительно кораллам. Острова эти извѣстны подъ именемъ *Опасныхъ*.

— Развѣ тамошніе дикари очень злы? спросилъ Ѳедя.

— О, нѣтъ, туземцы народъ очень миролюбивый; но въ этомъ архипелагѣ множество малыхъ острововъ и

скалъ, которые такъ низменны, что многіе не достигаютъ поверхности моря и незамѣтны; поэтому, идущіе корабли легко могутъ подвергнуться на нихъ крушенію. Измѣренія здѣсь ничего не помогутъ, потому что безпрерывно, съ наростаніемъ кораллов, образуются новыя подводныя скалы и новые острова.

— Да развѣ можно измѣрять море? спросилъ Ѳедя.

— Можно, дитя мое; только, разумѣется, измѣреніе это производится не такъ, какъ измѣреніе земли. Въ послѣднемъ случаѣ нужно знать, сколько извѣстная поверхность заключаетъ въ себѣ напр. квадратныхъ саженъ, верстъ или миль; въ морѣ же измѣряется глубина, что дѣлается при помощи длинной веревки, къ концу которой привязанъ тяжелый кусокъ свинцу; онъ быстро падаетъ на дно; къ веревкѣ прикрѣплены на извѣстныхъ разстояніяхъ разноцвѣтныя тряпки. Спускающій лотъ матросъ чувствуетъ, когда свинецъ достигъ дна, и, вытащивъ веревку, видитъ по значкамъ, какъ глубоко море въ измѣренномъ мѣстѣ.

— Да если глубина измѣнится, то придется снова измѣрять то же самое мѣсто, замѣтилъ Ѳедя.

— Между коралловыми рифами придется, потому, что тамъ глубина мѣняется годъ отъ году. Открывъ опасное мѣсто, можно его, какъ я вамъ уже говорилъ, обозначать на картѣ такъ же точно, какъ мѣста на сушѣ. Это, какъ вы знаете, дѣлается при помощи градусовъ долготы и широты, опредѣляемыхъ, посредствомъ разныхъ инструментовъ, по солнцу.

Итакъ, опасные острова почти всѣ построены полипами, а какъ кораллы не поднимаются высоко надъ поверхностью моря, то архипелагъ очень не высокъ. Поэтому его острова называются иногда и Низменными. Форма ихъ чрезвычайно разнообразна, смотря по тому, какъ разрослись полипы. Одни острова серповидны, другіе

кольцеобразны, съ углубленіемъ посрединѣ, наполненнымъ водой; нѣкоторые тянутся прямой полосой. Гдѣ скопилась на нихъ плодородная почва, тамъ встрѣчается множество деревъ и другихъ растеній, а опаденіе листьевъ, плодовъ и сучьевъ, а равно и гніеніе пней, постоянно возвышаетъ грунтъ.

Кокосовая пальма произрастаетъ на этихъ островахъ отлично, и безъ ней туземцы едва ли могли бы существовать. Такъ какъ кораллы дорастаютъ только до поверхности моря, то на образуемыхъ ими островахъ не можетъ быть горъ, слѣдовательно прѣсная вода можетъ скопляться только отъ дождей. Но на островахъ сплошныхъ она стекаетъ въ небольшія углубленія въ почвѣ и отъ жаровъ или испаряется, или загниваетъ. Рыть колодцы было бы безполезно, потому что они могли быт дать только морскую воду. Такимъ образомъ, острова Великаго океана, вообще, очень бѣдны прѣсной водой, и туземцы удовлетворяютъ жажду исключительно кокосовыми орѣхами.

Я не знаю, видѣли ли вы когда-нибудь кокосовый орѣхъ. Нѣтъ? Ну, такъ слушайте. Это орѣхъ съ весьма твердой скорлупой, величиною въ мои два сложенные кулака. Такое ядро окружено еще слоемъ лыкъ и шелухой. Пока орѣхъ еще зеленъ, ядро полно сладкаго прохладительнаго сока, котораго наберется въ немъ до двухъ стакановъ. Скорлупа ядра прорѣзается ножемъ, и сокъ служитъ островитянамъ для утоленія жажды. Когда же орѣхъ созрѣетъ, онъ отлагаетъ на внутренней сторонѣ скорлупы слой бѣлой мякоти, въ полдюйма толщиною; молока же остается весьма немного.

Кокосовая пальма самое полезное для островитянъ дерево. Изъ скорлупы орѣха они дѣлаютъ посуду, изъ окружающихъ ядро лыкъ — веревки; изъ большихъ листьевъ дерева плетутъ корзины; стволъ его идетъ на

балки и брусья для постройки хижинъ, а мякоть ядра островитяне употребляютъ въ пищу, частью же толкутъ и оставляютъ на солнцѣ, для вытапливанія масла, которое они или жгутъ сами, или продаютъ бѣлымъ. Изъ сока этого растенія приготовляется вино, а въ последнее время пытались даже вываривать сахаръ. Кокосовая пальма, въ теченіе всего года, даетъ плодъ, и человѣкъ можетъ жить прекрасно нѣсколькими такими деревьями. На нихъ безпрерывно висятъ цвѣты, полузрѣлые и зрѣлые плоды.

Другое, весьма драгоцѣнное для островитянъ растеніе, — это пизангъ или бананъ. Онъ имѣетъ большіе, широкіе листья и въ теченіе одного года образуетъ стволъ отъ 12 до 16 футовъ вышиною, очень мягкій. Растеніе это даетъ лишь одинъ пучокъ плодовъ, но исполинскій, потому что на одномъ стеблѣ виситъ отъ 60 до 80 продолговатыхъ плодовъ. На островахъ Тихаго океана и въ Бразиліи растеніе называютъ бананомъ, въ Остъ-Индіи пизангомъ. Плоды его чрезвычайно сытны, пріятнаго, сладкаго, но не приторнаго вкуса и очень любимы туземцами.

Кромѣ плодовъ, жители Низменнаго архипелага питаются преимущественно рыбой, которую ловятъ очень искусно, частью на удочки съ крючками, вытачиваемыми изъ раковинъ, частью сѣтями, которыя плетутъ одинаково съ нами, только изъ лыкъ. Замѣчательно, что всѣ безъ исключенія народы земнаго шара, дикіе австралійцы, эскимосы, жители Огненной Земли, африканцы, плетутъ сѣти одинаково, употребляя притомъ почти тѣ же орудія. Вѣроятно, всѣ народы нашли одинъ родъ узловъ наиболѣе прочнымъ. Кушанья свои островитяне приготовляютъ очень просто: большихъ рыбъ завертываютъ въ листья и пекутъ въ земляныхъ ямахъ, между накаленными камнями, прикрывая ихъ землей;

малыхъ же ѣдятъ сырыми съ морской водой и кокосовымъ молокомъ.

Для рыбной ловли и для переѣздовъ съ одного острова на другой они употребляютъ лодки, выдолбленныя изъ древесныхъ стволовъ. Въ лагунахъ плавать на такихъ лодкахъ безопасно; но въ открытомъ океанѣ онѣ легко могли бы быть опрокинуты. Для предупрежденія этого туземцы прибѣгли къ весьма остроумному средству. Они прикрѣпляютъ къ лодкѣ, при помощи двухъ привязанныхъ къ ней перекладинъ, закрытый чанъ, такъ, что онъ отстоитъ отъ лодки на три или на четыре фута и подвигается вмѣстѣ съ ней, лежа на водѣ; въ случаѣ, если волны слишкомъ наклоняютъ лодку въ ту сторону, съ которой прикрѣпленъ чанъ, онъ подпираетъ лодку; когда же волны нагибаютъ ее въ противную сторону отъ чана, онъ противится ихъ силѣ своею тяжестью, которая тѣмъ значительнѣе, что дѣйствуетъ на большомъ разстояніи: волны должны поднять чанъ, прикрѣпленный на длинныхъ шестахъ, а это не легко. Такимъ образомъ островитяне ѣздятъ на своихъ лодкахъ и въ непогоду; въ отдаленномъ путешествіи они употребляютъ и паруса.

Разъѣзжая по морю, островитяне ловятъ разныя породы рыбъ удивительно простымъ способомъ. Они дѣлаютъ изъ перламутра маленькую рыбу, къ хвосту которой прикрѣпляютъ крючекъ. Рыба эта привязана къ лодкѣ на длинной веревкѣ и движенія ея, а равно и игра перламутра обманываютъ вблизи плывущихъ рыбъ, и онѣ хватаютъ приманку. Только туземцы должны опасаться того, что на искусственную рыбу бросится акула: она оборветъ веревку и уйдетъ вмѣстѣ съ ней и приманкой.

— Акула? Не большая ли эта рыба, которая мо-

жетъ проглотить даже цѣлаго человѣка? спросилъ Ѳедя.

— Есть, дѣйствительно, акулы такой величины, хотя онѣ очень рѣдки; но и маленькія нападаютъ въ водѣ на человѣка, тащатъ его въ глубину и тамъ на досугѣ съѣдаютъ. Матросы ненавидятъ акулъ, какъ злѣйшаго своего врага, и если могутъ убить одну изъ этихъ рыбъ, то дѣлаютъ это съ величайшимъ наслажденіемъ.

Нѣкоторые европейскіе корабли ведутъ торговлю съ жителями Опасныхъ острововъ, покупаютъ у нихъ перламутровыя раковины и кокосовое масло; кромѣ этихъ предметовъ у бѣдныхъ туземцевъ нѣтъ товара.

Теперь намъ пора, однако, распустить снова паруса и съ совершенно попутнымъ вѣтромъ проѣхать къ западу, гдѣ мы найдемъ прелестную группу острововъ Товарищества. Слышали ли вы когда-нибудь про королеву Помаре?

— Какъ же, папаша! воскликнулъ Ѳедя; ты о ней хочешь разсказывать?

— Мы теперь приближаемся къ странѣ, въ которой она живетъ; но разсказъ о ней отложимъ до-завтра, потому что съ островами Товарищества мы сегодня не кончимъ. Итакъ, спокойной ночи.

ГЛАВА IV.

ОСТРОВА ТОВАРИЩЕСТВА И ИХЪ ЖИТЕЛИ.

— Почти соединяясь съ Низменными островами, началъ на слѣдующій вечеръ отецъ, — лежатъ, на сѣверо-западъ, острова *Товарищества*, и наибольшій изъ нихъ, *Таити*, представляетъ великолѣпнѣйшій ландшафтъ, какой только можно себѣ вообразить. Не даромъ онъ называется *царицей Тихаго океана*. Острова эти вулканическаго происхожденія, и Таити состоитъ изъ одной большой горы, которая прежде была вулканомъ, нынѣ же раздвоилась. Коралловые рифы окружаютъ весь островъ, но оставляютъ въ разныхъ мѣстахъ проходы, чрезъ которые даже большіе корабли могутъ проходить за рифы, образующіе безопасную стоянку.

Островъ Таити, представляющій одну пирамидальную гору, вышиною въ 8,000 футовъ, покрытъ, до самыхъ вершинъ, богатыми лѣсами. Здѣсь растетъ множество самыхъ разнородныхъ деревьевъ; особенно плодородна окружающая гору широкая полоса земли; на ней туземцы построили свои хижины и засадили поля сладкимъ картофелемъ.

— Сладкимъ картофелемъ? спросилъ Ѳедя, — развѣ онъ тамъ промерзаетъ, что становится сладкимъ?

— Нѣтъ, сладкій картофель или, иначе, бататъ совершенно отличное отъ нашего картофеля растеніе;

онъ точно такъ же мучнистъ, но пріятнаго сладкаго вкуса. Его можно ѣсть даже сырой; печеный же можетъ замѣнить пирожное.

— Тогда, пожалуй, и я бы его поѣла, сказала Маша.

— Не сомнѣваюсь, отвѣтилъ, смѣясь, отецъ. На островахъ Товарищества есть чрезвычайно полезныя растенія; многія перевезены сюда миссіонерами изъ Бразиліи, какъ напримѣръ гуява, которая на низменностяхъ почти заглушаетъ всякую другую растительность и изъ-подъ которой съ трудомъ пробивается кокосовая пальма; апельсинное дерево, растущее теперь цѣлыми лѣсами и приносящее плодъ, съ которымъ не могутъ сравняться ни одни апельсины въ свѣтѣ; миссіонеры же завезли сюда множество другихъ плодовъ, лимоны, померанцы, дикіе каштаны, орѣхи, дыни, такъ что островъ представляетъ сплошной фруктовый садъ. Прозрачные, чистые ручьи стекаютъ съ горъ. Бананъ дико растетъ на вершинахъ; богатые лѣса кокосовой пальмы — на низменныхъ мѣстахъ, а внутреннія воды кишатъ рыбой.

На Таити, въ первое посѣщеніе его, былъ найденъ дикій видъ сахарнаго тростника; отсюда онъ былъ перевезенъ въ Бразилію, и по настоящее время считается самымъ лучшимъ, самымъ сочнымъ изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ.

Какъ жители Сандвичевыхъ острововъ живутъ преимущественно корнями таро, такъ самую существенную часть пищи здѣшнихъ туземцевъ, а равно и жителей болѣе западныхъ группъ, составляетъ плодъ въ высшей степени замѣчательнаго дерева, именно хлѣбнаго. Оно достигаетъ иногда вышины отъ 6 до 7 саженъ; стволъ его распадается на нѣсколько главныхъ сучьевъ, пускающихъ кверху множество стоячихъ вѣтвей; онѣ заканчиваются пучками изъ 6 или 7 листьевъ,

похожихъ на раскрытую ладонь, и образуютъ великолѣпный зеленый шатеръ. Дерево это, въ теченіе 8 или 9 мѣсяцевъ въ году, даетъ обильные плоды, достигающіе иногда величины дѣтской головки; но и въ остальное время года туземцы питаются этими же плодами, заготовленными впрокъ. Пяти деревъ совершенно достаточно, чтобы прокормить человѣка. Плоды чрезвычайно мучнисты и хотя сырые не съѣдобны, но печеные очень вкусны. Туземцы приготовляютъ ихъ точно такъ же, какъ сандвичане таро: или пекутъ между раскаленными камнями, или квасятъ въ ямахъ. Печеное тѣсто можно сохранять по недѣлямъ, а сушеные ломтики плодовъ болѣе года. Плодъ этотъ имѣетъ пріятный хлѣбный вкусъ и составляетъ для островитянъ истинную благодать.

Туземцы держатъ свиней и куръ, только не употребляютъ въ пищу мяса рогатаго скота, хотя въ горахъ много дикихъ козъ. Онѣ, по всей вѣроятности, были оставлены заходившими сюда кораблями и, находя вездѣ обильный кормъ и не встрѣчая хищныхъ звѣрей, размножились чрезвычайно.

Мореплаватели посѣщаютъ эти плодородные острова чаще другихъ группъ; здѣшніе дикари давно уже обращены въ христіанство, и въ послѣднее время французы подчинили себѣ юго-восточную часть прекраснаго архипелага.

— Они всюду вмѣшаются! воскликнулъ Ѳедя.

— Французы поступаютъ не хуже англичанъ; имъ очень удобно имѣть здѣсь, среди Великаго океана, нѣсколько хорошихъ гаваней и склады каменнаго угля для пароходовъ, какъ своихъ, такъ и иностранныхъ, тѣмъ болѣе, что уголь этотъ они могутъ привозить сюда изъ другой своей колоніи, изобилующей имъ и лежащей на западъ, именно Новой Каледоніи. Кромѣ

того, на островахъ Товарищества можно всегда запасаться лучшими свѣжими съѣстными припасами и отличной водой.

— Да кто же далъ французамъ право подчинить себѣ эти острова?

— Другъ мой, кто далъ Колумбу право овладѣть Америкой? Это право сильнаго, а утвердившись однажды на островахъ, французы ихъ уже не уступятъ. Туземцы, хотя этого нельзя было ожидать, храбро защищали свою независимость и не разъ вступали съ французами, въ горахъ, въ кровопролитныя сраженія; но противъ пушекъ они не могли устоять и должны были покориться.

— Что же сталось съ королевой Помаре?

— Она, кажется, еще жива, но отказалась отъ власти въ пользу своихъ двухъ сыновей и дочери; они же въ дѣйствительности не имѣютъ значенія, а всѣмъ распоряжаются французы.

Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ европейцами, туземцы многое отъ нихъ переняли; но, вообще, сохранили прежнюю простоту въ жизни. Они не носятъ уже тапы, то есть куска матеріи изъ коры бумажной шелковицы, служащей въ Китаѣ и Японіи для выдѣлки бумаги, — куска съ дырою посрединѣ, сквозь которую продѣваютъ голову. Вмѣсто того, они носятъ пестрыя выбойки и легкія шерстяныя матеріи, но живутъ по прежнему въ бамбуковыхъ хижинахъ, питаясь плодами и рыбой. Вдали отъ поселеній французовъ они сохранили и прежніе обычаи и привычки, напр. добываніе огня посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева одного о другой. Это продолжается не такъ долго, какъ бы вы могли думать. Островитяне берутъ большой кусокъ совершенно сухаго дерева съ желобкомъ и палку съ заостреннымъ концомъ; послѣднимъ трутъ изо всей силы по желобку, на которомъ кладутъ су-

хихъ листьевъ. Тренiе отдѣляетъ отъ дерева чрезвычайно тонкую пыль, которая, отъ производимаго жара, скоро начинаетъ тлѣть, вспыхиваетъ и поджигаетъ траву. Чтобы добыть такимъ образомъ огня, туземцу нужно не болѣе трехъ или четырехъ минутъ.

Оружiя у нихъ вовсе не видно. Войнъ съ жителями другихъ острововъ они не ведутъ, а отъ борьбы съ французами отказались. Но работать они также не хотятъ: вѣдь природа даетъ имъ все, что нужно. За плоды, которые они продаютъ европейцамъ и которые растутъ безъ всякаго ухода, они легко прiобрѣтаютъ разноцвѣтную одежду; что же имъ остается добывать трудомъ? Однако, такая праздность имѣла дурныя послѣдствiя: европейцы выучили дикарей пить водку; неумѣренная, непривычная жизнь породила болѣзни, и смертность между туземцами увеличилась, въ особенности въ послѣднее время. Какъ на Сандвичевыхъ островахъ, они вымираютъ, и вскорѣ бѣлые безпрепятственно будутъ владѣть всею страною.

Къ островамъ Товарищества принадлежатъ, кромѣ Таити, еще многiе другiе, хотя не столь большiе, но все-таки значительные и столь же прекрасные и плодородные. Къ юго-западу отъ всего архипелага лежатъ острова *Кука*, названные по имени капитана Кука, открывшаго большую часть острововъ Тихаго океана. Они не отличаются почти ничѣмъ отъ предъидущихъ, производятъ тѣ же плоды и деревья; только жители, имѣя менѣе столкновенiй съ европейцами, гораздо проще и добродушнѣе; между ними много красивыхъ женщинъ и мужчинъ, съ открытыми, благородными лицами и умными глазами.

Прежде чѣмъ покинемъ Таити и отправимся далѣе на западъ, сядемъ въ лодку туземцевъ, пирогу, и прогуляемся по тихой лагунѣ.

Въ открытомъ морѣ, какъ я вамъ уже говорилъ, господствуетъ постоянно большее или меньшее волненіе. Но здѣсь, защищенная рифами, вода недвижна, какъ въ пруду, и сквозь ея ясныя струи можно даже видѣть дно морское. Оно состоитъ изъ коралловыхъ отмелей, а кораллы, какъ я вамъ уже говорилъ, растутъ наподобіе деревьевъ или кустовъ, со стволами, сучьями и вѣтвями.

Проѣзжая мѣсто, гдѣ вода довольно глубока, мы видимъ подъ собой только матовый блескъ съ зеленымъ отливомъ. Но коралловое дно, какъ и всякое другое, неровно, и гдѣ лагуна мельче, тамъ намъ кажется, какъ будто кораллы вдругъ подъ нами выростаютъ и каждое мгновеніе готовы выйти на поверхность. Это обманъ зрѣнія, подобный тому, который вы замѣтили уже на рѣкѣ, плывя въ лодкѣ, когда вамъ казалось, что деревья двигаются мимо васъ.

Передъ нашими глазами, въ морской глубинѣ, вдругъ открывается чудная картина. Мы видимъ на днѣ извилистыя, зубчатыя вѣтви коралловъ, и при мерцаніи, которое имъ сообщаетъ вода, намъ кажется, будто мы летимъ въ воздушномъ шарѣ, надъ далекими лѣсами и тѣнистыми долинами, надъ оврагами и ущельями, надъ лугами и равнинами. Иногда намъ представляется замокъ съ башнями, или сосновый лѣсъ, поваленный на землю бурей. Послѣ того опять проходитъ подъ нами глубокое мѣсто, какъ океанъ, кое-гдѣ усѣянный островами.

Картина постоянно мѣняется, потому что подъ нами то большая, то меньшая глубина; наконецъ зубчатыя вершины коралловыхъ деревьевъ появляются подъ самой лодкой; между ними сверкаетъ множество маленькихъ красивѣйшихъ рыбокъ, находящихъ здѣсь отличное убѣжище отъ большихъ хищныхъ рыбъ, которыя не могутъ преслѣдовать ихъ въ мелкихъ изви-

листыхъ ходахъ между кораллами. Тамъ плаваютъ взадъ и впередъ голубыя, желтыя, красныя, зеленыя, золотыя и всякія другія рыбки, а подлѣ красуются морскія звѣзды и всевозможныя раковины. Однимъ словомъ, картина восхитительная, въ особенности если къ тому прибавить богатую растительность берега и, въ ея тѣни, бамбуковыя хижины туземцевъ.

— Туда я бы охотно поѣхала! воскликнула Маша. —Это лучше, чѣмъ цѣлый день скакать на лошади по пампасамъ и ѣсть мясо, которое пролежало сутки подъ сѣдломъ.

— Вѣрю, дитя мое, сказалъ отецъ, улыбаясь; тебѣ особенно пришлись бы по вкусу сладкіе, сочные плоды, не правда ли?

— Есть ли у королевы Помаре дворецъ? спросилъ Ѳедя.

— Европейцы выстроили ей деревянный домъ, по образцу нашихъ; но она не хочетъ въ немъ жить и помѣщается въ простой бамбуковой хижинѣ, какъ и прочіе туземцы. Вообще, вы не должны себѣ воображать мѣстныхъ королевъ и королей подобными нашимъ, хотя короли Сандвичевыхъ острововъ устроили себѣ дворъ по европейскому образцу. Но какъ надъ иностранцами они не имѣютъ ни малѣйшей власти, а надъ своими собственными подданными очень мало, то послѣдніе въ неудовольствіи покачиваютъ головами, а первые посмѣиваются.

Королева Помаре живетъ и одѣвается очень просто: двора у нея нѣтъ, развѣ нѣсколько прислуживающихъ дѣвушекъ. Пищу ея составляютъ плоды хлѣбнаго дерева и рыба, а спитъ она на цыновкахъ изъ ситовника, положенныхъ на голой землѣ.

Продолжая идти на западъ, мы замѣчаемъ выплывающія изъ моря вправо и влѣво гористыя группы, которыя, въ отношеніи растительности и жителей, со-

вершенно сходны съ только-что нами оставленной, развѣ что туземцы находятся еще въ болѣе первобытномъ состояніи дикости. Изъ европейцевъ тамъ поселились одни миссіонеры и бѣжавшіе съ кораблей матросы.

— Миссіонеры священники? спросилъ Ѳедя.

— Обыкновенно; подъ именемъ миссіонеровъ разумѣютъ людей, которые отправляются въ отдаленныя страны для обращенія идолопоклонническихъ племенъ въ христіанство. Это дѣлаютъ однако иногда и не священники, а лица другихъ сословій, чувствующія къ тому призваніе. Обращенные въ христіанство и наставленные въ вѣрѣ дикари въ свою очередь часто дѣлаются миссіонерами.

Нѣкоторые острова по настоящее время сопротивляются распространенію христіанства и избѣгаютъ всякихъ сношеній съ бѣлыми, какъ напримѣръ острова ***Фиджи.*** Вы найдете ихъ подъ 165-мъ град. западной долготы и подъ одной широтой съ Таити. Архипелагъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ большихъ, плодородныхъ острововъ и обитаемъ очень воинственнымъ и дикимъ народомъ; говорятъ, что туземцы съѣдаютъ иногда своихъ военноплѣнныхъ.

— Такъ они людоѣды! воскликнула Маша.

— Они, правда, ѣдятъ людей, продолжалъ отецъ;— но ихъ нельзя назвать людоѣдами, потому что это случается очень рѣдко и по большей части въ раздраженіи и бѣшенствѣ сраженія. Впрочемъ, говорятъ, это люди довольно спокойные, которые только стараются по-возможности сохранить свою независимость. Они употребляютъ большіе луки, огромныя стрѣлы, на концѣ зазубренныя, и тяжелыя копья изъ твердаго дерева. Цвѣтомъ тѣла они отличаются немного отъ жителей лежащихъ къ востоку острововъ: они гораздо темнѣе, хотя такого же сложенія; обычаи и нравы у тѣхъ и другихъ сходные.

Чѣмъ болѣе мы подвигаемся на западъ и чѣмъ ближе подходимъ къ Австраліи, тѣмъ темнѣе туземцы, и наконецъ въ Австраліи мы встрѣчаемъ совершенно черныхъ, такъ называемыхъ австральскихъ негровъ. Всѣ западные океанійскіе острова представляютъ еще растительность Таити, что объясняется морскимъ теченіемъ, идущимъ отъ востока на западъ. Плоды и сѣмена несутся теченіемъ по тому же направленію и, найдя плодородную почву, размножаются.

Совершенно различна отъ этихъ островковъ, особенно въ отношеніи растительности и почвы, ***Новая-Зеландія,*** лежащая южнѣе, между 33-мъ и 46-мъ град. южной широты.

Она состоитъ изъ двухъ большихъ и одного маленькаго острова, не столь поздняго происхожденія, какъ прочіе острова Великаго океана, что видно изъ составляющихъ почву каменныхъ породъ. Растительность здѣсь также другая, потому что, какъ вы видите, Новая-Зеландія лежитъ не въ жаркой, а въ умѣренной полосѣ. Голая вулканическая цѣпь горъ тянется по главному направленію бо́льшихъ островковъ, и богатые лѣса покрываютъ ея долины; но деревья уже похожи на европейскія, и кокосовая пальма здѣсь уже не произрастаетъ. Всего чаще встрѣчается лѣсъ сосновый, употребляемый на мачты, разныя столярныя работы и постройку домовъ. Въ прежнее время служилъ предметомъ торговли новозеландскій ленъ; длинныя и широкія листья его даютъ волокна, изъ которыхъ туземцы приготовляютъ пряжу и ткани. Но ткани эти оказались весьма непрочными, и потому новозеландскій ленъ потерялъ въ глазахъ европейцевъ свою цѣну.

Туземцы очень воинственный народъ. Не смотря на то, англичане завладѣли большею частью острова, заключили союзъ съ нѣкоторыми племенами, обратили ихъ

черезъ миссіонеровъ въ христіанство и обработываютъ уже много земли. Въ послѣднее время найдено въ Новой Зеландіи золото, и для добыванія его многіе европейцы переѣхали сюда изъ Австраліи.

Замѣчательно, что туземцы Новой-Зеландіи гораздо болѣе похожи на индіянцевъ сѣверной Америки, чѣмъ на жителей островов Великаго океана. Они темно-мѣднаго цвѣта, съ черными, прямыми волосами, крѣпкаго тѣлосложенія и большею частью татуированы по всему тѣлу. Въ особенности лица разрисовываютъ они совершенно правильно темно-голубой краской, тогда какъ остальные островитяне Тихаго океана охотно татуируютъ тѣло, но рѣдко лицо. По положенію своему, Новая-Зеландія прямо противоположна Франціи, такъ что ея обитателей можно назвать ***антиподами*** французовъ.

— Я не понимаю, сказала Маша.

— Ты знаешь, что земля кругла. Предположи, что можно бы было сквозь всю землю прорыть отвѣсный колодезъ. На противоположномъ концѣ также можетъ быть суша и могутъ жить люди. Вотъ эти-то люди и были бы нашими антиподами, то есть, ихъ ноги были бы направлены къ нашимъ ногамъ.

— И живущіе тамъ люди стоятъ точно такъ же на своихъ ногахъ, какъ и мы здѣсь? спросила Маша съ недовѣріемъ.

— Да, дитя мое. Причиной этому, какъ я вамъ уже объяснялъ, притягательная сила земли. У нихъ небо точно такое же, какъ и у насъ, потому что безконечный голубой сводъ его окружаетъ землю со всѣхъ сторонъ.

Объ остальныхъ островахъ мнѣ не остается сказать вамъ ничего особеннаго. Вездѣ они составляютъ небольшія, моремъ замкнутыя, отдѣльныя государства, со своими законами, со своими, хотя сходными, религіею,

нравами и обычаями. По языку островитянъ Великаго океана можно раздѣлить на четыре большія группы: Сандвичевыхъ острововъ, острововъ Товарищества, Новой-Зеландіи и острововъ Фиджи. Кромѣ того, каждая большая группа распадается на меньшія, на которыхъ господствуютъ особыя нарѣчія; но между ними много сходства, такъ что разныя племена Тихаго океана могутъ понимать другъ друга.

Чѣмъ далѣе мы подвигаемся на западъ, тѣмъ туземцы становятся темнѣе, и тѣмъ замѣтнѣе, что они смѣшиваются съ черными племенами Австраліи; наконецъ, мы достигаемъ въ высшей степени замѣчательной и рѣзко отличающейся страны — Австраліи, гдѣ находимъ совершенно другихъ животныхъ, другія растенія, другихълюдей, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ свѣта. Но объ этомъ, дѣти, мы будемъ говорить завтра, когда вступимъ на землю Австраліи.

АВСТРАЛІЯ.
Къ востоку отъ Ферро
ИНДѢЙСКІЙ ОКЕАНЪ
ТИХІЙ ОКЕАНЪ
АВСТРАЛІЯ
или
НОВАЯ ГОЛЛАНДІЯ
НОВАЯ ГВИНЕЯ
ТОРРЕСОВЪ ПР.
М. ЙОРКЪ
ЗОНДСКІЕ ОСТРОВА
ЗЕМЛЯ АРНГЕМА
ЗАЛИВЪ КАРПЕНТАРІЯ
КАРПЕНТАРІЯ
ЗЕМЛЯ ДЕ-ВИТТА
ЗЕМЛЯ СОГЛАСІЯ
ЭДЕЛЕВА ЗЕМЛЯ
ЗАПАДНАЯ АВСТРАЛІЯ
Рѣка Лебяжья
ЗЕМЛЯ НАЙТА
ЮЖНАЯ АВСТРАЛІЯ
АВСТРАЛІЯ СЧАСТЛИВАЯ
НОВЫЙ ЮЖНЫЙ ВАЛИСЪ
Рифы
Поворотный кругъ
Дарлингъ
Мурре
Мерумбиджи
Аделаида
Синія горы
Сидней
Ботани-бе
АВСТРАЛІЙСКІЯ АЛЬПЫ
Мельбурнъ
ВАНЪ-ДИМЕНОВА ЗЕМЛЯ
ИЗДАНІЕ М.О.ВОЛЬФА.

ГЛАВА V.

АВСТРАЛІЯ.

На слѣдующій вечеръ отецъ положилъ передъ дѣтьми карту *Австраліи* и сказалъ:

— Вы видите передъ собою новую часть свѣта. Совершенно неправильно соединять въ одну часть Полинезію и Австралію. Послѣдняя составляетъ особое цѣлое: ея растенія, звѣри, жители не имѣютъ никакого сходства со встрѣчаемыми на островахъ, лежащихъ на востокъ, а потому она и не можетъ быть къ нимъ причислена.

При первомъ взглядѣ на карту вы можете замѣтить особенность страны: только заселенные европейцами берега южной и восточной частей, и то не глубоко вовнутрь, раздѣлены на округи. Середина же острова совершенно для насъ замкнута: она состоитъ, большею частью, изъ обширной, безводной, песчаной и соляной степи.

Не смотря на это, для насъ, европейцевъ, Австралія весьма интересна: она представляетъ совершенно особенную страну, въ чемъ вы убѣдитесь, когда ознакомитесь ближе съ ея растеніями и животными.

Страна открыта очень давно, въ началѣ 16-го вѣка, и названа тогда Австраліей, что значитъ Южный материкъ. Впослѣдствіи ее стали посѣщать голландцы и

наименовали Новой Голландіей. Но они не воспользовались ею. Въ 1770 г. восточный берегъ былъ изслѣдованъ капитаномъ Кукомъ, высадившимся въ первый разъ въ ***Ботани-Бей***. Заливъ этотъ получилъ названіе Ботаническаго потому, что на берегахъ его найдены были совершенно новые роды растеній. Хотя въ то время не знали еще всего протяженія страны, однако англичане понимали, что она довольно велика, что изъ нея можно извлечь выгоду, и положили основать тамъ исправительную колонію для преступниковъ, которыхъ не хотѣли держать въ Англіи.

Австралія, какъ каждый островъ, окружена водою, но пространство ея немногимъ меньше Европы, а потому Австралія признается третьимъ материкомъ.

Какъ вы видите на картѣ, поворотный кругъ дѣлитъ ее почти пополамъ: южная часть страны лежитъ въ умѣренной, а сѣверная въ жаркой полосѣ. Поворотный кругъ обозначаетъ и границу кралловъ: они окружаютъ всю сѣверную часть Австраліи и почти соединяютъ ее съ большимъ островомъ Новой Гвинеи; на югѣ же ихъ вовсе не видно, и океанъ безпрепятственно плещетъ о берега.

Вся земля дотого округлена, что за исключеніемъ южной части, вблизи ея находятся лишь самые незначительные острова; но скалъ тутъ очень много, и потому-то, а равно по причинѣ утесистыхъ береговъ, представляющихъ весьма мало безопасныхъ гаваней, плаваніе около Австраліи оченъ опасно.

Юго-восточная часть Австраліи возвышеннѣе прочихъ: Австралійскія Альпы поднимаются на 8,000 футовъ надъ поверхностью моря и хотя далеко не достигаютъ границы вѣчнаго снѣга, но бываютъ имъ покрыты большую часть года.

Съ этихъ горъ стекаютъ большія рѣки Австраліи; можно, однако, сказать, что въ ней собственно только

одна рѣка Мурре, стекающая съ горъ въ юго-восточномъ углу, направляющаяся сперва на западъ, а потомъ на югъ и впадающая въ океанъ.

Рѣка эта принимаетъ въ себя много притоковъ, которые, однако, снабжаютъ ее водой только во время дождей. Въ продолженіе лѣта они высыхаютъ и представляютъ лишь въ болѣе глубокихъ мѣстахъ лужи стоячей и понемногу испаряющейся воды.

Не смотря на это, юго-восточная часть Австраліи одарена природой богаче другихъ, а потому и болѣе заселена: плодородная, относительно другихъ частей, почва побудила европейцевъ заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ; наконецъ, въ горахъ было открыто золото, котораго добыто уже значительное количество. Равнымъ образомъ, найдены дорогіе камни, богатая мѣдная руда, и, кажется, есть и другіе цѣнные минералы. Но страна еще мало изслѣдована, и позднѣйшимъ временамъ предстоитъ сдѣлать въ ней много открытій.

Для добыванія золота рудокопы роютъ глубокія ямы, пока не достигнутъ скалъ, и потомъ находимую на нихъ почву промываютъ водой.

Въ остальной Австраліи растительность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь животныхъ поддерживаются только временными дождями, наполняющими рѣки, и освѣжающей ночной росой.

Климатъ въ умѣренной полосѣ Австраліи, особенно въ южной части, хотя очень сухой, но весьма здоровый; заразы и опасныя прилипчивыя болѣзни тамъ неизвѣстны. На сѣверѣ, напротивъ того, вслѣдствіе продолжительныхъ засухъ, жарче, чѣмъ во многихъ мѣстахъ, лежащихъ вблизи экватора, и эта сухая жара мучительна.

Внутренность страны, какъ я говорилъ, еще неизвѣстна, и немногіе смѣлые люди, старавшіеся пробрать-

ся въ среднія части Австраліи, поплатились за свою отвагу жизнью. Гораздо подробнѣе изслѣдованы даже сѣверные берега, такъ какъ это не было сопряжено съ большой опасностью: если, выйдя на землю, люди не находили прѣсной воды, то возвращались на суда и ѣхали дальше. Изслѣдованія эти привели къ тому заключенію, что сѣверные и западные берега необитаемы. Только у залива ***Карпентарія*** англичане пытались было основать колонію, но должны были ее оставить, по недостатку прѣсной воды.

Вся страна, кажется, какъ-бы пропитана солью. Между растеніями мы найдемъ такія, которыя имѣютъ совершенно соленый вкусъ, и даже въ округѣ Аделаиды, показанномъ на картѣ и считающемся одною изъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей, вся вода имѣетъ соленый вкусъ, хотя и едва замѣтный. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вкусъ соли такъ силенъ, что нѣтъ возможности рыть колодцы.

— Откуда же взялась эта соль? спросила Маша.

— Соль, дитя мое, такой же минералъ, — то есть, ископаемое вещество, какъ селитра, желѣзо и проч. Встрѣчается она въ морской водѣ потому, что легко растворяется. Морская же вода, испаряясь, осаждаетъ ее на поверхности земли. Припомните то, что я вамъ говорилъ о соли, осаждаемой приливами въ выкапываемыхъ на берегу моря ямахъ. Такъ какъ внутренность Австраліи гораздо ниже ея береговъ, то многіе думаютъ, что когда этотъ материкъ поднялся изъ океана, то посрединѣ его было море. Испаренія, не вознаграждаемыя притоками, осушили это море, и на днѣ углубленія оказался осадокъ соли. Нѣкоторыя мѣстности покрыты, какъ ледяной корой, пластомъ соли, толщиною вершка въ четыре и болѣе. Въ подобной странѣ копаніе колодцевъ совершенно безполезно, потому что, еслибы даже

вода и была найдена, то по причинѣ ея соленаго вкуса ни люди, ни звѣри не могли бы ее употреблять.

Въ юго-западномъ углу Австраліи вы найдете еще мѣсто, занятое англичанами. Здѣсь есть горы, хотя не столь высокія, какъ на юго-востокѣ, а потому есть и вода, необходимая для поселеній европейцевъ. Весь остальной западный и сѣверный берегъ, на протяженіи многихъ сотенъ миль, остается безъ всякаго употребленія и годится развѣ только какъ пастбище для овецъ.

Въ высшей степени интересенъ крайній сѣверъ Австраліи. Онъ, какъ вы видите, выдается узкой полосой къ Новой-Гвинеѣ. Море, лежащее между Австраліей и Новой-Гвинеей, совершенно усѣяно маленькими коралловыми и вулканическими островами и скалами, а подальше на востокъ тянется цѣлая стѣна коралловыхъ рифовъ, представляющая только въ немногихъ мѣстахъ узкіе каналы для прохода кораблей. Тихій океанъ разбиваетъ свои волны объ эти коралловые рифы, тогда какъ море между оконечностью Австраліи, называемою мысомъ *Іоркъ*, и Новой-Гвинеей, защищенное кораллами, гладко какъ зеркало и приходитъ въ движеніе только во время сильной бури.

Но въ этомъ морѣ такъ много острововъ и скалъ, что корабли могутъ идти только днемъ, а на ночь должны бросать якорь; глубина моря очень незначительна, въ рѣдкихъ мѣстахъ болѣе 40 или 50 футовъ. При большой глубинѣ корабль не можетъ стать на якорь, потому что якорь большой, тяжелый желѣзный крюкъ, висящій на длинной, очень крѣпкой цѣпи. Если вода не слишкомъ глубока для цѣпи и капитанъ корабля захочетъ остановиться, тогда матросы спускаютъ якорь, пока онъ не достигнетъ морскаго дна; тамъ крюкъ задѣваетъ за землю и держитъ корабль такъ, что ни теченіе, ни вѣтеръ не могутъ сдвинуть его съ мѣста. Когда же нужно продолжать путь, якорь поднимаютъ

вверхъ на утвержденныхъ на суднѣ крѣпкихъ воротахъ. Понятно, что на глубинѣ, превышающей длину цѣпи, якорь не можетъ задѣть за дно и остановить корабль.

Всѣ эти маленькіе острова необитаемы и лишь изрѣдка посѣщаются туземцами материка и большихъ островов для ловли рыбы, которой между кораллами водится множество.

Что касается границъ Австраліи, то ихъ легко замѣтить: съ востока ее омываетъ Тихій океанъ, съ сѣвера и запада Индійскій, съ юга Австралійскій заливъ, за которымъ простирается южный Ледовитый океанъ.

Раздѣленіе столь мало извѣстной страны, разумѣется, очень неполно; берега ея, большею частью, до сихъ поръ носятъ названія, данныя имъ при открытіи. Въ прежнее время на материкѣ была только одна колонія, именно англичанъ, ***Новый Южный Валисъ***, вдоль восточнаго берега; по мѣрѣ того, какъ стали прибывать новые переселенцы, обработываться новыя земли, число колоній увеличилось, такъ что англичанамъ принадлежитъ теперь въ Австраліи пять колоній. Всѣ онѣ означены на картѣ; колонія, лежащая на восточномъ берегу, простирающаяся до мыса Іоркъ, но не представляющая въ сѣверной половинѣ никакихъ селеній, носитъ по настоящее время названіе Новаго Южнаго Валиса. Западнѣе по южному берегу лежитъ Австралія ***Счастливая*** или округъ ***Мельбурнъ;*** за нимъ ***Южная Австралія***. Далѣе къ западу земля не принадлежитъ еще никому и всегда можетъ послужить или къ увеличенію прежнихъ колоній, или къ образованію новой. Въ юго-западномъ углу лежитъ колонія ***Западная Австралія***, а къ югу отъ материка очень плодородный и населенный исключительно бѣлыми островъ ***Ванъ-Дименова Земля*** составляетъ пятую и послѣднюю колонію англичанъ.

Чтобы облегчить наглядное знакомство со страною, берега̀, не занятые еще европейцами, обозначены черной краской, соотвѣтствующей цвѣту жителей. Мѣстности эти названы голландскими мореплавателями или собственными фамиліями, какъ-то: земли де-Витта, Эделева и Нуитса, или, по произношенію англичанъ Найта, или именами кораблей, какъ-то: земли Согласія и Арнгема.

Такимъ образомъ, дѣти, я вамъ далъ общее понятіе объ Австраліи; объ ея замѣчательныхъ животныхъ и растеніяхъ мы поговоримъ въ другой разъ. Рѣкъ и горъ въ Австраліи немного, и потому вы легко запомните ихъ названія.

ГЛАВА VI.

ТУЗЕМЦЫ АВСТРАЛІИ И БѢЛЫЕ КОЛОНИСТЫ.

— Какъ во всей Америкѣ, продолжалъ отецъ свой разсказъ, — мы нашли почти одно племя красно-коричневыхъ туземцевъ, съ длинными, прямыми, почти черными волосами, такъ точно въ Австраліи видимъ одинъ народъ, который, однако, не происходитъ, какъ многіе полагаютъ, отъ смѣшенія малайцевъ и негровъ, но составляетъ отдѣльное племя.

Австралійцы чернаго цвѣта, но не блестящаго, какъ африканскіе негры, а матоваго, сѣроватаго, почему называютъ себя *папу*, что на ихъ языкѣ значитъ темно-сѣрый. Папуанцы самое некрасивое племя: лобъ у нихъ низкій, сплюснутый, скулы выдавшіяся, глаза на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, впалые, неподвижные, черные съ желтоватыми бѣлками, носъ короткій и приплюснутый, съ огромными ноздрями, ротъ большой и раскрытый, губы толстыя, будто распухшія, челюсти выдавшіяся, зубы огромные, оскаленные, а на мѣстѣ двухъ верхнихъ рѣзцовъ, которые папуанцы имѣютъ обыкновеніе выбивать, — широкая дыра. Прибавьте къ этому черные, длинные и гладкіе или легко вьющіеся, но не курчавые волосы, смазанные глиною и вонючимъ жиромъ; наконецъ очень худое тѣло, особенно тощія

ноги и руки, со ступнями и кистями длинными и плоскими, какъ у обезьяны. Папуанки еще безобразнѣе и отъ тяжелой работы такъ худощавы, что похожи на скелеты; ихъ остриженная голова и лице покрыты струпьями, царапинами и синяками, слѣдами мужниныхъ побоевъ или изъявленія печали по умершихъ. Для взрослаго мужчины важное украшеніе составляетъ борода, безъ которой онъ не смѣетъ жениться. Раздраженный папуанецъ, для приданія себѣ грознаго вида, стискиваетъ конецъ бороды между оскаленными зубами и дѣйствительно страшенъ.

Что касается платья, то ни одно племя не употребляетъ такъ мало тканей, потому что лѣтомъ папуанцы ходятъ совершенно нагими и только зимой обитающіе на югѣ, то есть въ болѣе холодномъ климатѣ, носятъ плащи изъ мѣха опоссума, маленькаго лѣснаго животнаго.

Папуанцы въ полномъ смыслѣ дикій народъ. У нихъ нѣтъ почти религіи: они вѣруютъ только въ нѣсколькихъ злыхъ духовъ. Ихъ понятіе о будущей жизни очень грубо: они думаютъ, что звѣзды бивачные огни прежде умершихъ, а млечный путь дымъ отъ этихъ огней. Миссіонеры посѣщали австралійцевъ съ цѣлью обратить ихъ въ христіанство, но безъ малѣйшаго успѣха. Умственныя способности у папуанцевъ есть: дѣти, помѣщенныя бѣлыми въ школы, скоро выучивались англійскому языку, чистописанію, чтенію и ариѳметикѣ; они легко понимаютъ объясняемое и могли бы улучшить свое положеніе. Но они объ этомъ не заботятся. Ни одинъ австралійскій родъ не занимается земледѣліемъ; никому не приходитъ въ голову бросить въ землю хоть одно зерно, чтобы взростить какое-нибудь плодовое дерево, какъ это дѣлаютъ почти всѣ дикія племена. Папуанецъ живетъ тѣмъ, что находитъ

въ лѣсу и водѣ, какъ ни невѣренъ такой способъ пропитанія.

Папуанцы дотого лѣнивы, что даже не строятъ себѣ жилищъ. Они разводятъ огонь подъ первымъ попавшимся деревомъ и только во время дождей или при сильномъ вѣтрѣ, а можетъ быть и во время зимнихъ мятелей сдираютъ большіе куски древесной коры и составляютъ изъ нихъ весьма низенькіе шатры, которые подпираютъ палкой. Такіе шатры, въ которыхъ можно только лежать или сидѣть, дикари называютъ *гунія*.

Папуанцы и не помышляютъ ни о какихъ удобствахъ, спятъ на холодной землѣ, странствуютъ совершенно голые, подъ дождемъ и бурей, и питаются всѣмъ, что только можно разжевать и проглотить. Дичь и рыба принадлежатъ, разумѣется, къ изъисканнымъ кушаньямъ, потому что дикихъ плодовъ въ австралійскихъ лѣсахъ почти нѣтъ. Папуанцы ѣдятъ жуковъ, гусеницъ, червей, улитокъ или довольствуются мясистыми, сочными растеніями, а за неимѣніемъ ихъ и заболонью нѣкоторыхъ деревьевъ; древесная смола также любимая ихъ пища.

Оружіе папуанцевъ, большею частью, деревянное, и многія орудія приготовляются очень искусно и остроумно. Самое замѣчательное изъ нихъ такъ-называемый *бумерангъ*, кусокъ дерева, согнутый серпообразно, плоскій, длиною около $1^1/_2$ футовъ, который дикари бросаютъ въ своего врага или въ дичь, и который, въ случаѣ промаха, не касаясь земли, описываетъ въ воздухѣ дугу и возвращается къ бросавшему.

— Да какъ же это возможно! воскликнулъ Ѳедя; — какъ можетъ брошенная вещь, не ударившись ни обо что, возвратиться?

— Бумерангъ по своей согнутой и угловатой поверхности, встрѣтивъ сопротивленіе воздуха, перемѣ-

няетъ направленіе полета и можетъ бить вбокъ и возвратиться назадъ. Во время полета бумерангъ чрезвычайно быстро вращается и издаетъ пронзительный свистъ.

На охотѣ туземцы употребляютъ болѣе или менѣе длинныя метательныя копья, съ зазубринами или безъ нихъ, смотря по племени; но и полетъ копья они усиливаютъ особымъ способомъ. Они употребляютъ для того родъ деревяннаго рычага, длиною около трехъ футовъ, съ крючкомъ на концѣ. Копье представляетъ назади углубленіе; въ него вставляютъ крючокъ, приводятъ оружіе въ дрожащее движеніе и бросаютъ чрезвычайно вѣрно на разстояніе до 80 шаговъ.

Для ловли рыбъ австралійцы употребляютъ сѣти, сплетенныя точно такъ же, какъ и наши, крючки, получаемые отъ бѣлыхъ, и деревянные гарпуны съ прикрѣпленною къ концу острою рыбьею костью, служащею зазубриной. Во время войны они носятъ еще небольшіе щиты въ лѣвой рукѣ и короткіе, не длиннѣе двухъ футовъ, пеньки тяжелаго дерева, корень которыхъ служитъ булавою. Такая дубина довольно тяжела для того, чтобы раздробить черепъ.

Замѣчательно, что ни одно австралійское племя не употребляетъ лука и стрѣлъ, хотя на материкѣ есть пригодныя для этого деревья.

Войны между племенами почти не прерываются. Поэтому англичанамъ было очень легко овладѣть страною: ни одно племя не думало помочь сосѣднему. Напротивъ того, туземцы радовались, когда англичане истребляли часть населенія: дикари надѣялись такимъ образомъ имѣть менѣе враговъ. Ниодному племени не приходило въ голову, что очередь дойдетъ и до него. Папуанецъ не выходитъ за границы временныхъ участ-

ковъ своего племени, зная, что его ожидаетъ нападеніе и смерть; даже бѣлымъ угрожаетъ опасность, если они не имѣютъ при себѣ огнестрѣльнаго оружія.

Тамъ, гдѣ бѣлые живутъ большими колоніями, дикари не рѣшаются на нихъ нападать, зная, что наказаніе послѣдуетъ тотчасъ за преступленіемъ. Между собой они продолжаютъ воевать, и бѣда врагу, который попадется имъ въ руки: онъ погибъ. Полные суевѣрія, они убѣждены, что къ собственной своей силѣ прибавятъ силу убитаго врага, если натрутся его жиромъ. Поэтому они убиваютъ каждаго несчастнаго, съ которымъ могутъ сладить, разрѣзаютъ ему животъ, достаютъ почечный жиръ, намазываются имъ и гордятся своимъ злодѣяніемъ.

Туземцы не носятъ почти никакихъ украшеній. Но татуированіе ихъ не ограничивается простою разрисовкой или раскрашиваніемъ тѣла. Раковиной или острымъ кремнемъ они дѣлаютъ на плечѣ и груди глубокіе надрѣзы, которые, заживши, оставляютъ по себѣ высокіе и отвратительные рубцы. Это изуродованіе считается у нихъ украшеніемъ.

Лодки извѣстны почти исключительно лишь папуанцамъ сѣвернаго прибрежья, которые переѣзжаютъ на нихъ разливающіяся во время дождей рѣки и пускаются, для рыбной ловли, въ море. Но и суда свидѣтельствуютъ о низкой степени образованія этого племени. Всѣ народы стараются, чтобы ихъ суда были нетолько удобны и безопасны, но и красивы. Сѣверо-американскіе индіянцы очень ловко дѣлаютъ изъ бересты красивыя и легкія на ходу лодки. Островитане Тихаго океана выдалбливаютъ свои лодки изъ одного ствола, украшаютъ ихъ искусной рѣзьбой, а носъ и корму перьями. Одни австралійцы едва знакомы съ лодками и не думаютъ объ ихъ красотѣ.

Съ нѣкоторыхъ мѣстныхъ деревъ очень легко отдѣляется кора; дикари сдираютъ кусокъ такой величины, какой должна быть лодка; чтобы спереди и сзади не натекала вода, они замазываютъ концы или глиной, или сгустившимся сокомъ растеній, и лодка готова. Разумѣется, въ подобную лодку можетъ помѣститься не болѣе двухъ человѣкъ и при малѣйшемъ неловкомъ движеніи она опрокидывается. Но туземцамъ это нипочемъ; платье ихъ не мочится, деревянное вооруженіе вода не портитъ, а сами дикари кое-какъ выплываютъ на берегъ.

Нѣкоторыя изъ ихъ рѣчекъ очень богаты рыбой, въ особенности Муррей. Въ немъ водится множество самыхъ нѣжныхъ рыбъ, въ особенности морскихъ раковъ, составляющихъ любимую пищу дикарей. Они ихъ ловятъ удочками, если могутъ добыть крючки; въ противномъ случаѣ, вооружась короткимъ гарпуномъ, ныряютъ и ищутъ добычу подъ упавшими въ воду стволами деревъ и камнями. Австралійцы могутъ оставаться подъ водой невѣроятно долго; найдя рыбу или рака, они прокалываютъ ихъ ловко гарпуномъ и выносятъ на берегъ.

Правленія у нихъ нѣтъ почти никакого; наибольшимъ вліяніемъ и почетомъ пользуются старики; впрочемъ, особенныя права старшинъ ограничиваются тѣмъ, что они могутъ ѣсть все, что добудутъ. Мальчикамъ, дѣвушкамъ и женщинамъ нѣкоторые роды пищи воспрещены, въ особенности лучшіе куски дичи и всѣ лакомства. До мужчинъ же и особенно старцевъ подобныя запрещенія не касаются.

Достойно вниманія, что нѣкоторыя племена живутъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ ни одного источника прѣсной воды. Во время дождей этотъ недостатокъ не важенъ, потому что дождевая вода стекаетъ въ ямы и остается въ нихъ довольно долго. Но лѣтомъ па-

пуанцы принуждены довольствоваться водою, доставляемою однимъ кустарникомъ, которымъ природа надѣлила ихъ отечество. Кустъ этотъ, называемый *мелли*, растетъ на самой сухой почвѣ, имѣетъ узкіе, сухіе, смолистые листья и крѣпкіе, деревянистые отпрыски, изъ которыхъ туземцы дѣлаютъ свои метательныя копья. Но важнѣе другихъ частей растенія его корень, содержащій много сладкой, годной для питья жидкости.

Для полученія ея, туземцы вырываютъ нѣсколько корней, ломаютъ ихъ на куски и складываютъ въ свернутый чашкою кусокъ коры; черезъ нѣсколько времени начинаетъ вытекать изъ корня вода, составляющая хорошій напитокъ. Для того, чтобы умываться, воды, конечно, не хватаетъ; но папуанцы считаютъ лишнимъ умываться, мажутъ тѣло жиромъ и совершенно довольны.

Туземцамъ, живущимъ вблизи европейскихъ поселеній, воспрещается входить въ нихъ голыми: дикари должны являться туда въ рубашкѣ или кожаномъ плащѣ. Но они подчиняются этому порядку очень неохотно и сбрасываютъ несносное для нихъ платье тотчасъ по возвращеніи къ своимъ.

Между этимъ дикимъ, недоступнымъ никакому образованію народомъ поселились англичане, и, шагъ за шагомъ, оттѣсняли хозяевъ земли въ безплодную глубь материка. До сихъ поръ дикари кормились охотой, но бѣлые стали сами убивать дичь и несчастные сосѣдніе папуанцы, не отваживаясь перейти границы враждебнаго племени, которымъ были бы неминуемо истреблены, должны просить милостыню у своихъ бѣлыхъ враговъ. Теперь они не имѣютъ даже права рубить дрова для своихъ огней, съ земли, которая имъ нѣкогда принадлежала. Но для труда они слишкомъ лѣнивы; онъ противенъ ихъ природѣ, и они ско-

рѣе готовы умереть, чѣмъ обезпечить имъ свое существованіе.

Англичане съумѣли воспользоваться отнятой землей. Я вамъ говорилъ, что англійское правительство сначала основало здѣсь исправительную колонію. Сюда выслали множество преступниковъ, которые, однако, не содержались праздно въ заключеніи. По постройкѣ нужныхъ помѣщеній для правительственныхъ лицъ, полиціи и войска, тотчасъ проложили широкія и удобныя дороги къ мѣстностямъ плодороднымъ или удобнымъ для пастбищъ и такимъ образомъ приготовили способы къ существованію добровольныхъ и трудолюбивыхъ переселенцевъ. Само правительство старалось привлечь свободныхъ колонистовъ. Имъ были поручаемы преступники, которые, по переселеніи, вели себя хорошо, и польза этой мѣры оказалась вскорѣ.

До того времени всѣ необходимые для исправительной колоніи запасы приходилось перевозить изъ Европы; теперь это разомъ перемѣнилось. Начали воздѣлывать рожь и картофель, что удалось отлично. Стада быстро размножались, и колонисты убѣдились, что земля очень пригодна для овцеводства, тѣмъ болѣе, что разводимыя тамъ овцы даютъ прекрасную шерсть. Колонистовъ прибывало все болѣе и болѣе; они или подвигались вовнутрь страны, если находили воду, или отъискивали плодородныя мѣста по морскому берегу, въ обѣ стороны.

Такимъ образомъ основано поселеніе Мельбурнъ, которое вы найдете на югѣ Австраліи, и почва въ его окрестностяхъ оказалась столь превосходною, что поселеніе росло годъ отъ году и, наконецъ, образовало новую колонію, подъ названіемъ Австраліи Счастливой.

На западъ отъ Австраліи Счастливой также оказались хорошіе луга и мѣста для пашенъ, и тамъ осно-

валась третья колонія, Южная-Австралія, съ главнымъ городомъ *Аделаидъ*.

Въ этомъ округѣ найдена баснословно-богатая мѣдная руда, а равно и драгоцѣнные камни. На возвышенностяхъ оказались превосходныя пастбища, въ долинахъ пахатная земля, и колонисты начали переселяться туда въ большомъ числѣ, особенно нѣмцы.

Въ Западной-Австраліи селились очень немногіе, потому что мѣстность неудобна для земледѣлія и способна исключительно для скотоводства.

Не смотря на то, что Австралія заселена очень недавно, въ ней уже есть красивые и большіе города, и устройство колоній быстро измѣнялось. Чѣмъ болѣе стекалось сюда свободныхъ колонистовъ съ ихъ семействами, тѣмъ сильнѣе ощущалось неудобство жить въ странѣ, куда постоянно привозили новыхъ преступниковъ. Бывали случаи, что и жизнь, и имущество колонистовъ подвергались опасности. Многіе преступники, чтобы избавиться отъ суроваго обращенія своихъ надсмотрщиковъ и вырваться на волю, бѣжали въ лѣса *). Но они вскорѣ убѣждались, что тамъ имъ нечѣмъ существовать; дикихъ плодовъ нѣтъ, дичь попадалась очень рѣдко, и чтобы не умереть съ голоду, бѣглецы нападали на живущихъ уединенно колонистовъ, грабили оружіе, съѣстные припасы и платья, а встрѣчая сопротивленіе, даже убивали хозяевъ.

Правда, правительство высылало полицейскихъ и солдатъ для поимки бѣглыхъ, или, въ случаѣ отпора, для ихъ истребленія. У многихъ преступниковъ отнята такимъ образомъ возможность вредить, но другіе бѣжали вторично, и колонисты не могли ожидать безопасности, пока Австралія не перестала быть исправи-

*) Этихъ бѣжавшихъ преступниковъ англичане называютъ лѣсными людьми, бушменами.

тельною колоніею. Англійское правительство сначала рѣшительно отказало имъ въ требованіи, но, наконецъ, не могло противиться. Теперь уже въ Австралію не высылаютъ болѣе преступниковъ; самые опасные были перевезены на маленькій островъ Тихаго океана, ***Норфолкъ***, лежащій къ востоку отъ Австраліи, и только на Ванъ-Дименовой Землѣ и въ нѣсколькихъ темницахъ содержатся еще преступники, которые приговорены не къ пожизненному наказанію.

Съ тѣхъ поръ Австралія перестала быть исправительной колоніей, хотя въ странѣ много еще прежнихъ преступниковъ, которые или пережили время наказанія, или были помилованы вслѣдствіе хорошаго поведенія. Нѣкоторые изъ нихъ очень обогатились. Другіе ходятъ по колоніямъ и нанимаются въ работники или пастухи и рѣдко возвращаются къ прежнимъ преступленіямъ, потому что могутъ содержать себя честнымъ трудомъ и вынесли слишкомъ тяжелую жизнь, чтобы желать ея повторенія.

Между колонистами есть множество такихъ, которые занимаются не земледѣліемъ, а исключительно скотоводствомъ. Воздѣлывающіе землю должны селиться вблизи гаваней или, по крайней мѣрѣ, рѣкъ и дорогъ, по которымъ они могли бы доставлять свои произведенія на рынки. Занимающіеся скотоводствомъ обращаютъ на это менѣе вниманія, потому что могутъ прогонять свои стада и по сплошнымъ мѣстностямъ. Поэтому овцеводство оказалось самымъ прибыльнымъ занятіемъ.

Овца требуетъ очень мало воды; это весьма важное въ безводной странѣ обстоятельство позволило заводить овчарни даже тамъ, куда для самихъ пастуховъ приходилось привозить прѣсную воду на телѣгахъ. Но тамъ растетъ соленое растеніе, о которомъ я уже упоминалъ: *солоный кустъ*, съ толстыми, мясистыми, весь-

ма сочными листьями, составляющими любимую пищу овецъ. На самой сухой, песчаной почвѣ размножается тутъ же кактусъ, съ короткими, равно мясистыми и очень сочными листьями, имѣющими видъ треугольной пилки, и дающій осенью весьма вкусныя ягоды. Даже люди могутъ удовлетворять ими жажду. Индіянцы ѣдятъ ихъ съ жадностью, а овцы, найдя это растеніе, вовсе не нуждаются въ водѣ.

Овчари, живущіе обыкновенно по два, ведутъ самую уединенную жизнь и находятся постоянно въ опасности, что на нихъ нападутъ дикари, а на стада — дикія собаки.

— Развѣ въ Австраліи есть дикія собаки? спросилъ Ѳедя.

— Очень много, отвѣтилъ отецъ, — и притомъ туземныхъ, а не завезенныхъ европейцами и одичавшихъ. Мы поговоримъ объ нихъ завтра, потому что сегодня я хочу кончить разсказъ о жителяхъ Австраліи.

Овчари проводятъ круглый годъ или на паствѣ, или въ хижинахъ изъ древесной коры и живутъ хлѣбомъ, чаемъ и бараниной. Когда наступаетъ время стрижки овецъ, страну посѣщаетъ множество людей, нанимающихся въ эту работу и получающихъ за нее хорошее вознагражденіе. Шерсть отправляется потомъ на большихъ телѣгахъ, заложенныхъ волами, въ города, откуда, на тѣхъ же возахъ, привозятъ съѣстные припасы на весь годъ: чай, сахаръ, муку и табакъ.

Въ прежнее время въ Австраліи были только землепашцы и овцеводы; теперь же, со времени открытія въ горахъ золота, туда стекается множество рудокоповъ, которые роютъ горы, отъискиваютъ и промываютъ благородный металлъ. Пока люди эти находятъ золото въ значительномъ количествѣ, они остаются въ горахъ; въ

противномъ же случаѣ должны возвращаться въ города и наниматься въ качествѣ работниковъ.

Вотъ, дѣти, народонаселеніе этой большой части свѣта; оно состоитъ: частью изъ совершенно дикихъ туземцевъ, частью изъ трудолюбивыхъ, предпріимчивыхъ колонистовъ и овцеводовъ. Чѣмъ болѣе прибываетъ людей, тѣмъ болѣе обрабатывается земли. Стада подвигаются въ тоже время все дальше и дальше, и дикари принуждены отступать вовнутрь страны. Это ихъ судьба во всѣхъ частяхъ свѣта, и въ Австраліи недалеко то время, когда туземцы принуждены будутъ ограничиться только мѣстностями, гдѣ европейцы, за недостаткомъ воды, не могутъ существовать.

ГЛАВА VII.

ЗВѢРИ АВСТРАЛІИ.

Ѳедя еще наканунѣ просилъ отца разсказать, что за звѣри дикія собаки, и каковы онѣ съ виду. Но отецъ на это не согласился, утѣшая дѣтей тѣмъ, что на слѣдующій день онъ имъ разскажетъ подробно о звѣряхъ Австраліи, между которыми многія весьма замѣчательны. Дѣти должны были этимъ довольствоваться, но вечеромъ, еще задолго до прихода отца, сидѣли на своихъ мѣстахъ, ожидая интереснаго разсказа.

Наконецъ онъ пришелъ, притворяясь, будто совершенно забылъ о данномъ обѣщаніи. Но притворство вскорѣ раскрылось, всѣ немножко посмѣялись, и отецъ началъ разсказъ.

— Австралія, дѣйствительно, чудесная страна, началъ онъ,—и иногда можно подумать, что природа нарочно создала тамъ все иначе, чѣмъ въ другихъ частяхъ свѣта. Какъ въ царствѣ растеній, такъ и въ царствѣ животныхъ насъ поражаютъ особенности, которыхъ мы не привыкли встрѣчать у себя. Напр. въ Австраліи есть черные лебеди и черные попугаи, которыхъ нѣтъ ни въ одной части свѣта. Есть четвероногіе звѣри, которые не ходятъ на четырехъ лапахъ, а прыгаютъ на двухъ заднихъ, опираясь на хвостъ, и носятъ дѣтенышей въ мѣшкахъ. Есть животное, сред-

нее между уткой и кротомъ, четвероногое, но съ совершенно утинымъ клювомъ. Много и другихъ странностей. Обо всемъ этомъ я вамъ разскажу постепенно; теперь же начнемъ съ дикой собаки, динго, которая, кажется, интересуетъ васъ болѣе остальныхъ животныхъ.

Это единственный хищный звѣрь Австраліи, по крайней мѣрѣ ея умѣренной полосы, и изъ нашихъ четвероногихъ болѣе всего приближается къ лисицѣ, но значительно больше ея. Динго занимаетъ середину между волкомъ, лисицей и собакой, имѣетъ длинный пушистый хвостъ, острыя уши, умный взглядъ, цвѣтъ шерсти большею частью рыжій, иногда темнобурый.

Дикая собака настоящій хищный звѣрь, питается однимъ мясомъ, а потому очень опасна для овечьихъ стадъ. За добычей она выходитъ охотнѣе ночью. Стая динго впрыгиваетъ обыкновенно въ овечій загонъ, гдѣ запираютъ овецъ на ночь; испуганный скотъ бросается на плетень, опрокидываетъ его и ищетъ спасенія въ безумномъ бѣгствѣ. Тогда динго бросаются между овецъ и давятъ ихъ, каждое по нѣскольку штукъ.

Австралійскіе овчари нашли, однако, средство наказывать этихъ дерзкихъ хищниковъ и держатъ большихъ, крѣпкихъ собакъ, изъ породы гончихъ, но гораздо сильнѣе послѣднихъ, съ длинною, жесткою шерстью. Эти сторожа бѣгаютъ очень скоро и страшно кусаются, такъ что дикія собаки не могутъ съ ними справиться. При нѣсколькихъ такихъ сторожахъ, динго, показавшись вблизи овчарни, пропали.

Вы слышали уже, что англичане не стрѣляютъ лисицъ, но преслѣдуютъ ихъ верхомъ и травятъ собаками. Лисица не бѣжитъ долго по прямому направленію, зная, что въ такомъ случаѣ собаки ее догонятъ, и полагается болѣе на свою хитрость. Она бросается то вправо, то влѣво, старается обмануть преслѣдователей

и сбить ихъ со слѣда, что ей иногда и удается; большею же частью собаки ее настигаютъ и загрызаютъ.

Подобныя охоты предпринимаются австралійскими колонистами противъ динго. Охотники не берутъ ружей, но ѣдутъ съ собаками тихо по лѣсу, пока не попадутъ на слѣдъ динго; тогда начинается травля. Динго трусливъ и страшно боится сильныхъ овчарокъ, поэтому бѣжитъ изо всѣхъ силъ, стараясь, какъ лисица, обмануть преслѣдователей. Если динго достигнетъ чащи, то ему иногда удается спастись, но обыкновенно онъ падаетъ подъ зубами собакъ. Динго чрезвычайно живучъ, и, не будучи въ состояніи избѣгнуть погони, падаетъ на землю, притворяется мертвымъ, позволяетъ себя кусать и рвать и не шелохнется, а только-что охотники и ихъ собаки удалятся, тихо встаетъ и удираетъ. Но австралійскіе колонисты знаютъ уже эту продѣлку и дорѣзываютъ динго ножемъ или даже, для большей безопасности, отдѣляютъ ему голову.

Другое замѣчательное, встрѣчаемое исключительно въ Австраліи животное, это кэнгуру; оно четвероногое, но переднія лапы его дотого коротки, что для ходьбы и бѣга кэнгуру ихъ не употребляетъ. Онъ прыгаетъ на заднихъ лапахъ, длинныхъ, сильныхъ, мускулистыхъ, опираясь на длинный, толстый хвостъ и употребляя его притомъ вмѣсто руля, для направленія скачка.

Есть три породы кэнгуру. Одна, въ сидячемъ положеніи, ростомъ отъ пяти до шести футовъ. Другая, называемая веллобай, не болѣе трехъ футовъ, а самая маленькая порода, кэнгуру-крыса, не превышаетъ кролика и отличается болѣе длинными передними лапками. На бѣгу она опирается поперемѣнно то на правую, то на лѣвую, прыгая все-таки собственно на заднихъ лапахъ, какъ кэнгуру. Мясо всѣхъ трехъ породъ довольно вкус-

но, цвѣтъ шерсти у бо̀льшихъ красноватый, у мѐньшихъ коричневый или мышиный.

Эти три породы, подобно двуутробкѣ сѣверной Америки, носятъ дѣтей своихъ, пока они недостаточно развились и не могутъ еще какъ слѣдуетъ бѣгать, въ мѣшкѣ, находящемся на брюхѣ.— Лишь только мать почуетъ издали опасность, она тотчасъ подаетъ знакъ дѣтямъ; тѣ поспѣшно впрыгиваютъ въ мѣшокъ, и мать бѣжитъ съ ними, пока не минуетъ опасность. Поразительно, какіе скачки дѣлаетъ кэнгуру: въ три сажени длиною и около сажени въ вышину. Въ гору его не можетъ догнать самая быстрая лошадь; подъ гору же и на ровномъ мѣстѣ, поросшемъ кустарникомъ, ему труднѣе бѣжать и собаки и лошади его настигаютъ.

На кэнгуру колонисты охотятся такъ же, какъ на дикихъ собакъ; но кэнгуру, замѣтивъ, что ему не опередить враговъ, очень ловко защищается. Если кэнгуру удастся добѣжать до воды, то онъ въ нее впрыгиваетъ и ожидаетъ подплывающихъ къ нему собакъ, хватаетъ ихъ за голову передними своими лапами и старается утопить. Если же воды по близости нѣтъ, то усталый кэнгуру прислоняется спиной къ дереву, чтобы собаки не напали на него сзади, и бьетъ ихъ своими сильными и мускулистыми лапами такъ вѣрно, что однимъ ударомъ когтей распариваетъ иногда собакѣ брюхо.

Меньшая порода сумчатыхъ, опоссумъ, красивое животное, съ сѣрой шерстью и пушистымъ хвостомъ, особенно преслѣдуется австралійцами изъ-за мѣха, изъ котораго они дѣлаютъ себѣ зимніе плащи. Животное это водится, подобно бѣлкѣ, въ дуплахъ деревьевъ и прекрасно лазаетъ.

Въ Австраліи есть птица одной породы съ реа южно-американскихъ пампасовъ, называемая здѣсь эму. Она такъ же скоро бѣгаетъ и такъ же неспособна летать;

колонисты охотятся на нее какъ на динго и кэнгуру, верхами, съ собаками. Собаки должны быть однако очень осторожны, потому что преслѣдующихъ по пятамъ эму бьетъ ногами какъ лошадь, и бѣда собакѣ, которой достанется ударъ острыми, желѣзными когтями птицы.

Черные охотятся на всѣхъ этихъ животныхъ, составляющихъ главную ихъ пищу; но, за неимѣніемъ лошадей, они, разумѣется, или преслѣдуютъ добычу собаками, или подкрадываются къ ней на разстояніе, позволяющее убить ее копьемъ или бумерангомъ. Но дикую собаку, по причинѣ отвратительнаго запаха ея мяса, они убиваютъ лишь при крайнемъ недостаткѣ другой пищи.

Если измученный собаками дикарей опоссумъ не успѣетъ вовремя взобраться на дерево, то собаки очень часто, до прибытія хозяевъ, разрываютъ его на части и съѣдаютъ. Если же опоссумъ взлѣзъ на дерево, то онѣ лаютъ и воютъ до тѣхъ поръ, пока не придутъ дикари, которые сшибаютъ животное съ вѣтви; хотя собаки и тутъ его схватываютъ, но хозяева отнимаютъ у нихъ добычу. Днемъ опоссумъ, животное ночное, показывается рѣдко; онъ прячется въ дуплахъ. Однако и тамъ онъ не можетъ укрыться отъ зоркаго дикаря: небольшая царапина или дыра на стволѣ служитъ папуанцу примѣтой, а ударъ дубиною по дереву открываетъ, есть ли въ немъ пустота. Въ такомъ случаѣ дикарь дѣлаетъ въ стволѣ дыру, чтобы достать добычу или, вложивши въ отверстіе сухихъ листьевъ и зажегши ихъ, выгнать животное изъ дупла.

При этомъ я вспоминаю хитрость, служащую дикарямъ для добыванія пчелинаго меду. Замѣтивъ пчелу, дикарь беретъ бѣлую пушинку и, подкравшись къ насѣкомому, кладетъ эту мѣтку на его липкую спинку. Пчела поднимается на воздухъ и улетаетъ; но пухъ на

ея спинѣ виденъ на далекомъ разстояніи. Слѣдя за этою бѣлою точкою, дикарь, съ закинутою назадъ головою, бѣжитъ по лѣсу, прыгаетъ черезъ сучья и кусты, черезъ ямы и камни. Вотъ пушинка понижается и исчезаетъ въ дуплѣ дерева. Въ нѣсколько минутъ и дикарь уже на деревѣ, подлѣ дупла и выгребаетъ изъ него медъ.

Къ кэнгуру и эму туземцы подкрадываются со всевозможною осторожностью и чрезвычайно искусно, надѣвая на себя шкуру кэнгуру или привязывая къ головѣ пукъ травы или нѣсколько вѣтвей.

Иногда охота предпринимается цѣлымъ племенемъ, что составляетъ для туземцевъ величайшій праздникъ, потому что послѣ такой охоты всегда можно порядкомъ поѣсть, а это главное удовольствіе всѣхъ дикихъ народовъ.

Когда дикарю нечего ѣсть, онъ чрезвычайно долго выдерживаетъ голодъ и довольствуется иногда, безъ дурныхъ послѣдствій, древесной корой, смолой и чѣмъ попало. Но если случайно онъ добудетъ обильные съѣстные припасы, то съѣдаетъ ихъ заразъ въ неимовѣрномъ количествѣ и потомъ лежитъ на мѣстѣ до окончанія пищеваренія.

Когда охота предпринимается цѣлымъ племенемъ, то оно, безъ различія мужчинъ, женщинъ и дѣтей, собирается на условленномъ мѣстѣ, вблизи котораго водятся кэнгуру и эму. Заранѣе развѣданныя животныя безъ шуму и тщательно оцѣпляются. По данному знаку дикари выскакиваютъ изъ засады и съ страшнымъ крикомъ и воемъ начинаютъ сходиться.

Испуганныя животныя хотятъ бѣжать; но куда они не повернутся, вездѣ встрѣчаютъ враговъ, и пока дичь ищетъ выхода, кругъ черныхъ охотниковъ все съуживается. Наконецъ, кэнгуру или эму хотятъ прорвать

цѣнь; но тутъ-то и нападаютъ на нихъ охотники и бьютъ добычу съ непонятною вѣрностью, копьями, бумерангами и дубинами.

Между тѣмъ женщины, сдерживавшія собакъ, спускаютъ ихъ за раненною дичью. Охотники собираютъ всю добычу въ одно мѣсто, тутъ же строятъ хижины изъ древесной коры, разводятъ огни, и пиръ начинается.

Какъ у всѣхъ дикихъ племенъ, такъ и у папуанцевъ, женщины исполняютъ большую часть работъ. Лишь только поставлены хижины и разведены огни, мужчины ложатся на спину, а женщины начинаютъ сдирать шкуры и жарить мясо. Лучшіе и самые нѣжные куски получаютъ старшины, обыкновенно люди за сорокъ лѣтъ. На такомъ праздникѣ кормятъ и собакъ; въ другое же время онѣ должны сами промышлять себѣ пищу.

Ѣда продолжается до поздней ночи. Иногда начинаются танцы; но въ нихъ принимаютъ участіе исключительно молодые мужчины. Женщины бьютъ тактъ руками по сложеннымъ плащамъ изъ мѣха опоссума. Наконецъ, когда дикари *не могутъ* уже ѣсть, они ложатся спать, чтобы на слѣдующее утро снова обожраться, пока не останется ни куска мяса. До той поры никто не подумаетъ добыть новой пищи; когда же нѣтъ пищи, дикари хладнокровно голодаютъ.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ животныхъ Австраліи—это утконосъ. Онъ отъ 1 до 1½ футовъ длиною, темно-бураго цвѣта, похожъ на выдру и съ короткимъ, пушистымъ сверху и гладкимъ снизу хвостомъ, который служитъ вмѣсто руля, и короткими ногами, снабженными плавательною перепонкой. На заднихъ ногахъ, кромѣ 5 когтей, находится шпора съ канальцемъ внутри, чрезъ который выдѣляется какая-то жидкость. Одни говорятъ, что шпоры служатъ утконосу для защиты, но что жидкость въ нихъ не ядовита; другіе же увѣ-

ряютъ, будто шпорами онъ приглаживаетъ шерсть, а жидкостью ее намасливаетъ. Беззубое рыло утконоса оканчивается роговымъ наростомъ, которымъ это животное щелочетъ въ грязи, какъ утка, отъискивая червей и насѣкомыхъ, которыми питается.

Утконосъ живетъ почти исключительно въ водѣ, хотя выходитъ иногда на берегъ, и очень пугливъ, отчего охота на него весьма трудна. Если онъ и выставитъ голову надъ водой, то нырнетъ прежде, чѣмъ охотникъ успѣетъ поднять ружье. Дикари неутомимо его преслѣдуютъ изъ-за вкуснаго мяса, но убиваютъ рѣдко.

Этимъ, кажется, мы можемъ кончить обзоръ дичи умѣренной полосы Австраліи, потому что тамъ нѣтъ ни оленей, ни сернъ, ни зайцевъ, развѣ только родъ сумчатаго грызуна, такъ называемаго уомбата, водящагося въ земляныхъ норахъ.

Европейцы извлекаютъ мало пользы изъ охоты, потому что даже мясо кэнгуру слишкомъ жилисто: иначе животное не могло бы дѣлать такихъ скачковъ. Но изъ его шкуры выдѣлываютъ отличную кожу.

Въ мясѣ, разумѣется, не можетъ быть недостатка въ странѣ, гдѣ такъ развито скотоводство. Мясо овецъ скорѣе истребляется, чѣмъ идетъ впрокъ; въ разныхъ мѣстахъ, по всей странѣ, поставлены огромныя печи, въ которыхъ варятъ цѣлыя стада овецъ и скота, лишь для вытапливанія жира. Скотъ пригоняютъ и бьютъ; съ него снимаютъ шкуру, а мясо рѣжутъ на части и бросаютъ въ громадные котлы. Потомъ сало снимаютъ и сливаютъ въ бочки; застывши, оно разсылается. Вывареннымъ же мясомъ кормятъ свиней.

Разумѣется, это дѣлается только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стада, по пространству паствы, слишкомъ размножились, и во время засухъ, когда, по недостатку дождя, трава не растетъ и скотъ долженъ пропадать даромъ.

Воротимся еще къ кэнгуру. Это смирное животное, пойманное, легко дѣлается ручнымъ; но одомашнить его нѣтъ возможности. Какъ австралійцы, достигнувъ извѣстныхъ лѣтъ, рѣшительно не могутъ оставаться между бѣлыми, даже если воспитались у нихъ съ дѣтства, но сбрасываютъ платье и бѣгутъ въ лѣсъ, къ своимъ дикимъ соплеменникамъ, такъ бываетъ и съ кэнгуру. Маленькими, они остаются нѣкоторое время при жилищахъ овчарей внутри страны, но лишь-только подростутъ, тотчасъ скрываются въ лѣсъ, и на нихъ нужно потомъ охотиться, какъ на дикаго кэнгуру.

Совершенно иное происходитъ съ эму, какъ онъ ни пугливъ въ лѣсу и какъ ни избѣгаетъ человѣка. Молодой эму легко привыкаетъ къ домашней жизни, бѣгаетъ вокругъ жилища и не думаетъ возвращаться въ дикое состояніе. Но онъ представляетъ то же явленіе, что и медвѣжонокъ: лишь-только выростетъ, какъ дѣлается назойливъ и безстыденъ, и нѣтъ возможности его исправить. Онъ въ особенности дразнитъ собакъ, бѣгаетъ за ними, клюетъ своимъ острымъ клювомъ и кусаетъ за хвостъ, такъ что собаки его очень боятся. При этомъ онъ крадетъ какъ сорока. Лишь-только онъ увидитъ что-нибудь съѣстное на столѣ или въ кухнѣ, — а съ своей длинной шеей эму заглядываетъ всюду, — какъ обжидаетъ мгновеніе, когда человѣкъ повернется къ нему спиной, хватаетъ съѣстное и поспѣшно бѣжитъ въ кусты, такъ что ни одна лошадь его не догонитъ. Пожравъ украденное, эму возвращается, какъ ни въ чемъ не бывало и снова высматриваетъ добычу.

Нѣсколько времени тому назадъ разнесся слухъ, что въ Австраліи, въ особенности въ рѣкѣ Муррей и въ сосѣднихъ озерахъ, открыли какое-то баснословное чудовище: животное съ лошадиной головой и длинной гривой, страшными зубами, громаднымъ туловищемъ и острыми когтями, и сообщали про него самыя ужас-

ныя свѣдѣнія. Такъ какъ въ Австраліи много странныхъ звѣрей, то вещь не казалась неправдоподобною, и многіе путешественники, а равно и колонисты, всячески старались отъискать чудовище.

Въ особенности много говорили объ этомъ животномъ туземцы, называя его „дьяволъ-дьяволъ“ и утверждая, что днемъ оно лежитъ на глубинѣ рѣкъ Муррея и Мурумбиджи и озеръ, ночью же выходитъ на добычу, и что одно племя внутри страны бережетъ найденный черепъ такого чудовища. Но при ближайшемъ изслѣдованіи черепъ оказался лошадинымъ, а весь разсказъ о страшилищѣ пустымъ вымысломъ суевѣрныхъ черныхъ. Нигдѣ не найдено ни одного слѣда этого чудовища, который оно непремѣнно оставило бы на мягкомъ рѣчномъ илѣ.

ГЛАВА VIII.

ПТИЦЫ АВСТРАЛІИ.

— Изъ птицъ Австраліи я назвалъ вамъ уже самую большую, австралійскаго эму. Ни одна страна, не исключая даже Бразиліи, не представляетъ столь большаго числа красивыхъ птицъ. Особенно въ Австраліи безчисленное множество породъ попугаевъ и голубей.

Водныхъ птицъ также много, и въ числѣ ихъ первое мѣсто долженъ занять черный лебедь. Онъ очень похожъ на нашего, но съ черными, иногда черно-сѣрыми, блестящими перьями и краснымъ кольцомъ вокругъ глазъ, водится во множествѣ на рѣкахъ Лебяжьей, получившей отъ него и названіе, и Мурреѣ, и на сосѣднихъ озерахъ, но встрѣчается и въ другихъ колоніяхъ и, вообще, по всей Австраліи.

Дикихъ гусей въ Австраліи гибель, а равно и разныхъ породъ дикихъ утокъ, между которыми особенно замѣчательна большая пахучая утка, издающая сильный запахъ мускуса, такъ что о пролетѣ стаи этихъ утокъ охотнику легко догадаться.

Здѣсь водятся голуби, отъ большаго бронзоваго клиндуха, до маленькой, очень хорошенькой породы съ крапленными перьями, не больше овсянки. Красивѣе другихъ голубь-какаду, величиной съ нашего ин-

дійскаго голубя; у него маленькій султанъ на головѣ, который онъ можетъ по произволу поднимать и опускать.

Особенно многочисленны породы попугаевъ. Обыкновенные бѣлые какаду встрѣчаются здѣсь въ такомъ множествѣ, что иногда покрываютъ цѣлые лѣса какъ-будто снѣгомъ, летаютъ тысячами и, садясь на поля, причиняютъ хозяевамъ большой вредъ. Какъ наши ручные, такъ и дикіе попугаи страшно шумятъ; если выстрѣлъ попадетъ въ одного изъ нихъ, но не убьетъ его, такъ что попугай еще бьется, то крикъ ихъ становится оглушителенъ; при этомъ они бросаются на подходящаго къ раненной птицѣ охотника и кружатся надъ нею какъ бѣшеные. Но если въ нихъ послать второй выстрѣлъ, то они замѣчаютъ, что близость человѣка не безопасна, и улетаютъ въ лѣсъ.

Черные убиваютъ иногда попугаевъ бумерангами; мясо этихъ птицъ темнаго цвѣта, имѣетъ свойственный попугаямъ непріятный запахъ и жестко. Но колонисты говорятъ, что супъ изъ него очень вкусенъ.

Замѣчательное видоизмѣненіе бѣлаго какаду, котораго вы, вѣроятно, видѣли ручнымъ, это черный, — большая, красивая птица, съ темными, почти черными перьями, съ краснымъ или темно-желтымъ гребнемъ на головѣ и такою же, шириной въ палецъ, полоскою поперегъ хвоста. Эта порода попугая не такъ многочисленна, какъ бѣлая, чрезвычайно пуглива и ловится съ большимъ трудомъ.

Изъ другихъ породъ весьма красивы серебристо-сѣрые попугаи, съ розовой грудью. Кромѣ перечисленныхъ мною, на сѣверѣ Австраліи водятся еще зеленые, темно-зеленые, темно-красные и пестрые всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ.

Въ умѣренной полосѣ Австраліи заслуживаетъ осо-

беннаго вниманія птица, имѣющая сходство съ нашей индѣйкой; на рѣкѣ Мурреѣ туземцы называютъ ее марракоо; она имѣетъ странное обыкновеніе строить себѣ, изъ песку, листьевъ и вѣтокъ, для высиживанія яицъ, гнѣздо, въ видѣ холма. Самки и самцы работаютъ надъ нимъ вмѣстѣ; прежде всего они роютъ въ землѣ круглую яму, въ полтора фута шириною и отъ шести до семи вершковъ глубиною, и наполняютъ ее мягкими листьями. На нихъ кладутъ сухую траву, песокъ, листья и маленькія вѣтки, пока не образуется бугоръ въ три фута вышиною и отъ двѣнадцати до четырнадцати футовъ въ окружности. Послѣ того, наверху разгребаютъ углубленіе, въ которое самка кладетъ въ кружокъ, острыми концами внизъ, семь или восемь яицъ; все опрятно прикрывается листьями. Солнце и теплота сложенныхъ листьевъ развиваютъ выводокъ.

Другая забавная птица—это весельчакъ, называемый англичанами „смѣющимся осломъ". Она не велика, съ султаномъ на головѣ, довольно большимъ клювомъ и издаетъ весьма странные звуки, похожіе на смѣхъ человѣка. Иногда, въ лѣсу, стая этихъ весельчаковъ, сидя на вѣткахъ, просто заливается смѣхомъ.

Къ числу весьма красивыхъ птицъ принадлежитъ лирохвостъ, изъ породы куръ, называемая часто въ Австраліи фазаномъ. Самка, дѣйствительно, немного похожа на фазанью, но хвостъ у нея короче. У самца крайнія перья хвоста, широкія и красивыя, длиною отъ двухъ до трехъ футовъ, выгнутыя въ видѣ буквы S и представляютъ лиру, отчего птица получила и свое названіе.

Въ высшей степени полезное путешественнику, хотя и крошечное созданіе, это такъ-называемая „птица-колокольчикъ."

Австралія, какъ вы знаете, почти безводная страна,

въ особенности лѣтомъ: источниковъ очень мало, и вода стоитъ только въ нѣкоторыхъ болѣе глубокихъ мѣстахъ, которыя весьма трудно найти. Эта птичка водится всегда вблизи воды, и хотя она такъ мала, что на высокомъ деревѣ ее едва можно замѣтить, но издаетъ громкій звукъ, похожій на звонъ колокольчика. Путешественникъ, услышавъ въ лѣсу этотъ звукъ, можетъ идти по его направленію, въ твердой увѣренности, что найдетъ воду. Въ Австраліи люди пріучили даже скотъ узнавать по этому признаку близость воды, и онъ, едва услышитъ знакомый звонъ, бросается въ его сторону утолить жажду.

Къ воднымъ птицамъ, именно къ одному семейству съ нашей цаплей, принадлежитъ весьма красивое животное, такъ-называемый туземный спутникъ; птица эта легко дѣлается ручною и непокидаетъ дома, въ которомъ ее кормятъ. Она похожа на нашего аиста, достигаетъ четырехъ футовъ вышины и даже болѣе, покрыта блестящимъ сѣро-стальнымъ опереніемъ, съ чернымъ рисункомъ на головѣ и крыльяхъ.

Забавно видѣть, какъ важно эти птицы стоятъ иногда по окраинамъ озеръ и высматриваютъ рыбъ и лягушекъ, а потомъ, обыкновенно попарно, расхаживаютъ взадъ и впередъ по берегу. Издали ихъ можно принять за людей, которые, заложивъ руки за спину, прогуливаются послѣ сытнаго обѣда.

Дикари сильно преслѣдуютъ эту птицу и убиваютъ ее обыкновенно ударомъ бумеранга по шеѣ.

Изъ мелкой дичи находимъ въ Австраліи только перепелокъ, — впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ большомъ количествѣ.

До сихъ поръ я перечислялъ вамъ болѣе или менѣе полезныхъ животныхъ, но въ Австраліи еще много гадинъ, къ которымъ можно причислить змѣй. Ихъ много

породъ, но не длиннѣе шести футовъ; самая большая такъ-называемая черная змѣя, а самая опасная смерть-змѣя, ядъ которой убиваетъ въ нѣсколько минутъ.

Въ австралійскихъ лѣсахъ живетъ почти трехфутовая ящерица, такъ-называемая игуана. Она совершенно безвредна, но имѣетъ отвратительный видъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ туземцамъ пожирать ее съ большимъ апетитомъ.

Настоящая язва лѣсовъ, это мухи. Есть маленькій видъ, блестящечерный, не кусающій, но страшно неотвязчивый. Онѣ облѣпляютъ человѣку все лице и лѣзутъ въ ротъ, носъ и глаза; притомъ же ихъ нельзя смахнуть: на движеніе рукой онѣ не обращаютъ вниманія, а ихъ нужно убить или снять. Папуанцы, самый нечистоплотный народъ въ свѣтѣ, совершенно нечувствительны къ ихъ щекотанію, которое для европейцевъ составляетъ истинное мученіе. Можно иногда встрѣтить туземца, по лицу котораго ползаютъ сотни этихъ насѣкомыхъ, и европейцы утверждаютъ, что прежде мухи не были такъ неотвязчивы, но что ихъ избаловали черные. Эта неотвязчивость становится еще отвратительнѣе, когда подумаешь, что та же муха, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, гуляла, можетъ быть, по грязному лицу туземца.

Такимъ образомъ, дѣти, мы перебрали почти всѣхъ животныхъ умѣренной полосы австралійскаго материка; на жаркомъ сѣверѣ найдется не много другихъ. Но край этотъ, впрочемъ, еще не довольно изслѣдованъ, чтобы можно было сказать на этотъ счетъ что-нибудь достовѣрное. Однако, вблизи залива Карпентарія, водятся два животныхъ, которыхъ въ южной половинѣ Австраліи не встрѣчается: дикій буйволъ и крокодилъ.

На сѣверныхъ островахъ, въ Торресовомъ проливѣ, почти нѣтъ животныхъ, исключая немногихъ маленькихъ пѣвчихъ птицъ и красиваго бѣлаго голубя, съ

чернымъ рисункомъ. Онъ строитъ гнѣздо, на деревьяхъ, изъ нѣсколькихъ прутьевъ, такъ что снизу можно разсмотрѣть, есть ли въ гнѣздѣ яйца или нѣтъ. Вѣроятно, самка не высиживаетъ яицъ на своемъ воздушномъ гнѣздѣ, а предоставляетъ эту заботу солнцу.

Извѣстно, что такимъ образомъ избавляются отъ труда высиживанія водящіяся здѣсь во множествѣ чайки; онѣ складываютъ свои яйца въ коралловый песокъ очень правильно, сдвигая ихъ, по два, острыми концами и располагая ряды на разстояніи $^3/_4$ вершка одинъ отъ другаго.

Для сегоднешняго вечера, кажется, довольно; завтра поговоримъ о царствѣ растеній въ Австраліи, о которомъ я вамъ могу разсказать много занимательнаго.

ГЛАВА IX.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ АВСТРАЛИИ.

— Между растеніями Австраліи, началъ на слѣдующій вечеръ отецъ, мы найдемъ столь же много новаго и необыкновеннаго, сколько нашли уже между свойственными ей животными. Природа создала здѣсь все, кажется, наизнанку тому, что мы встрѣчаемъ въ другихъ частяхъ свѣта.

Не говорю уже, что когда у насъ день, тамъ ночь; когда у насъ зима, тамъ лѣто. Январь и февраль тамъ самые жаркіе мѣсяцы; іюль и августъ самые холодные. Сѣверный вѣтеръ, столь холодный на нашемъ полушаріи, тамъ самый жаркій, потому что дуетъ отъ экватора. Вслѣдствіе этихъ противоположностей, нѣкоторые люди подумали, что тамъ солнце встаетъ на западѣ и заходитъ на востокъ. Но это смѣшная ошибка: вы знаете, что земной шаръ обращаетъ поверхность вокругъ оси, къ востоку; слѣдовательно, всѣмъ странамъ, находящимся на земномъ шарѣ, лежатъ ли онѣ къ сѣверу или къ югу отъ экватора, солнце показывается сперва непремѣнно на востокѣ.

Точно такъ же и общая картина австралійской растительности поражаетъ насъ своею странностью: тамошніе лѣса такъ рѣдки, что по нимъ можно свободно ѣздить въ экипажѣ; рѣдкіе листья тверды какъ кожа и

расположены, въ сравненіи съ нашими, бокомъ или похожи на тростникъ, такъ что не даютъ тѣни; вслѣдствіе этого, тамъ въ лѣсу жарче, чѣмъ на охлаждаемой вѣтромъ равнинѣ.

Австралійскій климатъ весьма благопріятенъ для растительности, исключая мѣстъ безводныхъ. Завезенныя сюда изъ другихъ странъ растенія принялись отлично. При всемъ томъ, туземная австралійская растительность не богата и замѣчательна только тѣмъ, что состоитъ почти исключительно изъ породъ, которыхъ мы не встрѣчаемъ ни въ одной изъ остальныхъ частей свѣта.

Тамошнія деревья представляютъ много особенностей, къ которымъ мы не привыкли въ Европѣ. Такъ напр., они на зиму не скидаютъ листьевъ, какъ наши: нѣтъ, листъ не опадаетъ круглый годъ, но, вмѣсто его, деревья сбрасываютъ кору.

— Да развѣ это возможно? воскликнулъ Ѳедя.

— Возможно, другъ мой; деревья не сбрасываютъ всей коры до самой древесины, а только наружную, шероховатую часть, которая или виситъ на стволѣ лохмотьями, или падаетъ на землю и покрываетъ всю почву. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи такъназываемое дерево съ волокнистою корою; весьма легко отдѣляющуюся кору его черные употребляютъ на лодки и навѣсы; бѣлые колонисты кроютъ ею свои хижины. Дерево это принадлежитъ къ отличающейся упомянутымъ свойствомъ породѣ камедныхъ, эйкалиптовъ, о которыхъ можно сказать, что изъ нихъ состоятъ всѣ лѣса умѣренной полосы Австраліи: другія деревья попадаются, вообще, рѣдко. Камедныя называются такъ потому, что выдѣляютъ камедь, нѣкоторые роды которой туземцы употребляютъ въ пищу.

— Это, вѣроятно, такія же красивыя камедныя деревья, съ большими, темно-зелеными, блестящими листья-

ми, какъ тѣ два, которые растутъ у насъ въ горшкахъ? воскликнулъ Ѳедя.

— Нѣтъ, дитя мое, отвѣтилъ отецъ, — хотя и наши камедныя деревья также родомъ изъ Австраліи. Но для успѣшнаго росту они требуютъ болѣе теплаго климата и потому встрѣчаются только въ сѣверной Австраліи. Правда, ихъ разводятъ иногда и въ умѣренной полосѣ этой части свѣта, и они выростаютъ тамъ красивыми, толстыми стволами, съ раскидистыми вѣтвями, но въ умѣренной полосѣ это дерево не туземное.

— У нашихъ камедныхъ деревъ, однако, нѣтъ вѣтвей, а есть только листья по бокамъ, замѣтилъ Ѳедя.

— Потому что у насъ они рѣдко достигаютъ настоящей высоты; по мѣрѣ того, какъ дерево дѣлается старше и больше, оно пускаетъ вѣтви и у насъ.

Камедныя деревья Австраліи, хотя стволы ихъ достигаютъ часто чрезвычайной высоты и толщины, въ высшей степени мрачны и образуютъ лѣса скучные, однообразные. У нихъ маленькіе, сѣро-зеленые, продолговатые и заостренные листья, заключающіе въ себѣ острое, непріятнаго вкуса, масло, почему ни одно животное ихъ не обгрызаетъ. Они очень рѣдки и даютъ мало тѣни. При вѣтрѣ ихъ листья шумятъ гораздо рѣзче нашихъ мягкихъ листьевъ. По причинѣ ихъ матоваго цвѣта, лѣсъ не кажется никогда свѣжимъ и зеленымъ, а всегда сѣрый; между тѣмъ можно проѣхать сотни миль, не встрѣтивъ другаго лѣсу.

Замѣчательно, что кокосовая пальма не произрастаетъ въ Австраліи нигдѣ въ дикомъ состояніи, хотя на жаркомъ сѣверѣ она могла бы прозябать отлично. Теперь ее мѣстами разводятъ, напримѣръ къ сѣверу отъ округа Сидни, гдѣ англичане основали другую колонію, занимаются скотоводствомъ и намѣрены разводить тропическія произведенія другихъ частей свѣта, какъ-то: кофе, сахаръ и хлопчатую бумагу.

Изъ пальмъ въ Австраліи растетъ въ дикомъ состояніи только одна, да и та не даетъ плода. Это такъ-называемая капустная пальма, которой мякотная верхушка даетъ питательную овощь. Эта пальма вскорѣ будетъ истреблена: какъ черные дикари, такъ и бѣлые колонисты рубятъ ее для полученія этой верхушки и листьевъ, употребляемыхъ на плетенье соломенныхъ шляпъ и корзинъ. Притомъ же, она растетъ лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, въ особенности же къ югу отъ Сидни.

Камедное дерево чрезвычайно тяжело и въ водѣ идетъ ко дну. Его много породъ: синее, бѣлое, прежде названное камедное дерево съ волокнистой корой, груша, яблонь и нѣсколько другихъ, которыя различаются только цвѣтомъ, родомъ коры и, отчасти, расположеніемъ вѣтвей. Листья у всѣхъ одинаковы, даже и у куста мелли, который произрастаетъ на песчаной почвѣ вблизи рѣки Муррей и далѣе внутрь страны.

— Ты сказалъ, папаша, груша и яблонь, замѣтилъ Ѳедя; — а какъ же ты прежде говорилъ, что въ Австраліи нѣтъ плодовыхъ деревьевъ.

— Оно дѣйствительно такъ, отвѣтилъ отецъ; — одна порода камеднаго дерева получила названіе яблони только по сходству съ нею въ корѣ и расположеніи вѣтвей; она даетъ одни безполезныя сѣменныя коробочки. Грушевое дерево, хотя и производитъ плодъ наподобіе груши, но деревянный, а мы называемъ плодовыми деревьями такія, которыхъ плоды употребляются въ пищу.

— Деревянныя груши?

— Да, и притомъ онѣ изъ такого твердаго дерева, что самымъ острымъ ножемъ едва можно отрѣзать кусочекъ и, чтобы измелчить такую грушу, понадобилась бы особенная машина. Деревянные плоды эти покрыты

нѣжной какъ бархатъ кожей и, дозрѣвши, лопаются и выбрасываютъ маленькую твердую косточку.

Вообще, немногочисленные австралійскіе плоды самые странные. Внутри материка есть родъ малины, очень красивый, но сухой, какъ хлопокъ, а у маленькой водянистой австралійской вишни, растущей на хорошенькомъ деревцѣ, косточка сидитъ не внутри плода, какъ у насъ, а снаружи, на самомъ мясѣ.

— Да возможно ли это? воскликнула Маша.

— Это вѣрно, другъ мой. Плодъ выростаетъ на концѣ вѣточки, и въ видѣ коронки образуется косточка.

Въ тропической Австраліи, въ особенности на островахъ Торресова пролива и близъ-лежащемъ материкѣ, на великолѣпномъ деревѣ, съ темными. блестящими, вѣчнозелеными листьями, растетъ вкусный. сладкій плодъ. Онъ величиною со сливу, вкусомъ похожъ на финикъ и содержитъ неодинаковое число сѣмянъ: отъ одного до шести твердыхъ косточекъ.

Этимъ мы исчерпали всѣ туземные плоды, и вы, вѣроятно, сознаетесь, что Австралія не можетъ ими гордиться. Но почва и климатъ ея могутъ производить почти всѣ плоды жаркихъ странъ. Такъ посаженные здѣсь апельсины и померанцы родятся отлично; винноягодникъ (смоква) даетъ множество большихъ, сочныхъ плодовъ, равно какъ и оливковое дерево. Трудно также найти страну болѣе благопріятную для разведенія винограда, и теперь тамъ выдѣлываютъ вино, превосходящее по огню наше европейское; на сѣверѣ сажаютъ кокосовую и финиковую пальмы, бананъ, разводятъ ананасъ, сахарный тростникъ и кофе.

— О финиковой пальмѣ, папаша, ты намъ еще ничего не говорилъ, замѣтилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, потому что мы не дошли еще до странъ, признаваемыхъ за ея родину, до Азіи и Африки. Теперь

мы имѣемъ дѣло съ Австраліей и я долженъ упомянуть еще о растеніи, ей только свойственномъ, о травяномъ деревѣ, составляющемъ необходимую принадлежность каждаго австралійскаго ландшафта.

Травяное дерево въ высшей степени замѣчательное растеніе. У него короткій, толстый, губчатый стволъ, вышиною отъ четырехъ до осьми футовъ, а вмѣсто листьевъ большой пучекъ длинной, твердой травы, свѣшивающейся во всѣ стороны какъ вздутый парикъ. Изъ середины пучка торчитъ тонкій цвѣточный стебель, вышиною съ самое дерево, и издали кажется, будто дикарь, для шутки, воткнулъ въ пучекъ свое копье. Но на дѣлѣ выходитъ совершенно наоборотъ, потому что черные именно изъ этихъ цвѣточныхъ стеблей приготовляютъ свои метательныя копья. Травяное дерево растетъ прекрасно и на сухой, твердой почвѣ Австраліи.

Кромѣ камедныхъ деревъ, въ лѣсахъ Австраліи, на возвышенностяхъ, произрастаютъ еще акаціи, которыя весною, то есть въ сентябрѣ, покрываются золотисто желтыми гроздіями цвѣтовъ, издающими чудный запахъ. Вообще, насколько страна бѣдна разными видами деревъ, особенно плодовыхъ, настолько же она богата очень красивыми цвѣтами, издающими часто великолѣпный запахъ; они растутъ преимущественно на кустахъ и въ теченіе короткой весны превращаютъ лѣса въ настоящій садъ. Большая часть этихъ растеній принадлежатъ къ свойственнымъ исключительно Австраліи банксіямъ, въ цвѣтѣ и формѣ представляющимъ много разнообразія.

По берегамъ рѣкъ и, вообще, тамъ, гдѣ есть вода, растетъ казуаринъ, также замѣчательное дерево, котораго стволъ и кора походятъ на дубовые; дерево такъ же твердо, какъ дубъ. Его безлистыя вѣтви похожи на

нашъ хвощъ или на перья казуара. Растеніе это встрѣчается равномѣрно и на островахъ Тихаго океана.

Въ юговосточной части Австраліи границу между лѣсной страной и песчаными холмами составляетъ рѣка Муррей. По берегамъ ея растутъ еще исполинскія камедныя деревья, съ кустарникомъ, состоящимъ изъ остролистника и такъ-называемаго чайнаго куста.

— Его листья завариваютъ? спросили дѣти.

— На немъ почти нѣтъ листьевъ, продолжалъ отецъ; вѣтви его похожи на метлы, и колонисты, вѣроятно, сами не знаютъ, почему называютъ его чайнымъ. Этотъ сухой, голый, некрасивый кустъ образуетъ иногда заросли, сквозь которыя едва можно пробраться. Гдѣ растетъ камедное дерево, тамъ обыкновенно бываетъ сѣрая глинистая почва, простирающаяся почти по всей долинѣ Муррея. Далѣе тянутся холмы краснаго песку, придающіе мѣстности видъ моря, внезапно превратившагося въ песокъ. Во время дождей они покрываются сочной травой и дикой породой овса; въ сухую же пору стоятъ совершенно голые, обнаженные. На холмахъ этихъ растетъ только кустъ мелли, родъ очень красивой, маленькой сосны и такъ-называемая дикобразъ-трава, густые пучки которой состоятъ изъ твердыхъ, острыхъ стеблей. Гдѣ она находится, тамъ черные не ходятъ ночью въ кусты, потому что могутъ исколоть себѣ объ нее голыя ноги.

— Такъ этой травы и овцамъ нельзя ѣсть? спросила Маша.

— Онѣ ея не трогаютъ, отвѣчалъ отецъ. — Кэнгуру щиплетъ ее иногда, пока она молода, но воздерживается въ ней отъ прыжковъ. Только эму, со своими длинными роговыми ногами не боиться по ней бѣгать.

Листья куста мелли, какъ я вамъ говорилъ уже прежде, совершенно похожи на листья камеднаго дере-

ва, только болѣе живаго зеленаго цвѣта. Каждый кустъ состоитъ изъ двадцати или тридцати отростковъ, выходящихъ тѣсно изъ одного корня и расширяющихся вверху подобно букету. Вѣтви, на которыхъ сидятъ листья, блестящаго красноватаго цвѣта, и кустъ смотритъ очень привѣтливо среди свѣтло-зеленыхъ красивыхъ сосенъ и ихъ серебристо-сѣрыхъ стволовъ.

Здѣсь, между песчаными холмами и въ лѣсахъ, встрѣчаются часто солончаковыя равнины, представляющія отличныя пастбища для овецъ. Соляной кустъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ растенiй Австралiи, нетолько по своему соленому вкусу, но и по наружному виду. Его нѣсколько видовъ; но всѣ они съ мясистыми, сочными листьями и охотно поѣдаются овцами. У однихъ листья побольше, сѣро-зеленаго цвѣта, какъ у камеднаго дерева; у другихъ маленькiе, короткiе, темно-зеленые листочки, мягкiе, какъ бархатъ; наконецъ, нѣкоторые будто покрыты обсахаренными анисовыми зернами. Гдѣ много кустовъ этого послѣдняго вида, тамъ кажется, будто равнина покрыта легкой пеленой снѣга.

Странно, что всѣ эти сочныя растенiя лучше всего прозябаютъ на сухой почвѣ, и еслибъ мы не знали, что соль вбираетъ въ себя воду, то мы совершенно недоумѣвали бы, откуда они берутъ столько влаги.

Кажется, я вамъ называлъ всѣ главнѣйшiя растенiя Австралiи. Но колонистовъ они не могли бы обезпечить, и вся страна могла бы пригодиться только какъ пастбище для скота, еслибы туда не были перевезены хлѣбныя и другiя полезныя растенiя. Я вамъ говорилъ уже, что въ Австралiи они принимаются отлично. Въ округахъ Мельбурнъ и Аделаидъ есть уже прекрасно обработанныя поля, воздѣланныя, по большей части, выселившимися туда нѣмцами. Пшеница родится самаго лучшаго качества; также и картофель. Вездѣ разводятъ

виноградники и встрѣчаются богатѣйшіе сады съ апельсинными и оливковыми деревьями и смоквами.

Земледѣліе развивается, однако, только въ юго-восточномъ углу материка и притомъ на узкой прибрежной полосѣ, потому что, откуда ни пытались колонисты пробраться во внутрь страны, вездѣ были остановлены большой, сухой, песчаной степью, съ весьма тощей растительностью.

Нѣкоторое время предполагали, что въ серединѣ Австраліи находится большое озеро, и такъ какъ изъ него не вытекало ни одной рѣки, то думали, что, можетъ быть, рѣки въ него впадаютъ. Смѣлые люди, для изслѣдованія этой страны, отправлялись въ нее съ возами съѣстныхъ припасовъ и на лошадяхъ и бодро углублялись въ пустыню; но всѣ ихъ старанія достигнуть ядра материка остались безуспѣшны. Многіе изъ нихъ погибли: частью, вѣроятно убиты, непріязненными черными, частью замучены жаждой.

Сѣверо-восточная часть страны была, однако, изслѣдована. Нѣкто докторъ Лейхардъ прошелъ отъ восточнѣйшей части Австраліи, наискось, до залива Карпентарія, причемъ долженъ былъ бороться съ большими опасностями и затрудненіями. Предпринявъ впослѣдствіи второе путешествіе, онъ пропалъ безъ вѣсти со всѣми своими спутниками.

Въ изслѣдованной имъ мѣстности, то есть въ сѣверо-восточной части Австраліи, встрѣчались кое-гдѣ хорошіе луга, но путешественникамъ приходилось иногда слѣдовать по цѣлымъ днямъ, не находя ни капли воды, и дорѣзывать многихъ бывшихъ съ ними животныхъ, падавшихъ отъ изнуренія и жажды. Таковы условія жизни во всей тропической Австраліи: во многихъ мѣстахъ по берегамъ могли бы пастись стада, но для большаго ихъ числа недостаточно мѣста, а при маломъ ов-

чари находились бы въ постоянной опасности со стороны обитающихъ эти берега коварныхъ дикарей.

Тамъ, на сѣверѣ, какъ я вамъ уже говорилъ, найдены дикіе буйволы и крокодилы, которыхъ нѣтъ въ остальной части Австраліи. Крокодилы могли явиться изъ Новой-Гвинеи, переплывъ Торресовъ проливъ, потому что тамъ островъ лежитъ возлѣ острова и путешествіе, которое должны были совершить крокодилы, не очень затруднительно; но буйволы, вѣроятно, туземныя животныя, потому что они не были бы въ состояніи переплыть черезъ проливъ.

Изъ перваго стада, привезеннаго англичанами въ Австралію, нѣсколько штукъ скота отбилось, и прошло много лѣтъ, пока ихъ отъискали. Этимъ временемъ они совершенно одичали и чрезвычайно размножились, тѣмъ болѣе, что туземцы ихъ не безпокоили. Они боялись большихъ, рогатыхъ, никогда невиданныхъ звѣрей и бѣгали отъ нихъ. Но этотъ скотъ не могъ пробраться къ заливу Карпентарія, потому что ему пришлось бы пройти сотни миль по пустынной, безводной странѣ. Притомъ, буйволы, найденные у залива, принадлежатъ къ совершенно иной породѣ, а привезенный изъ Европы скотъ не могъ, въ столь короткое время, переродиться до такой степени.

Кромѣ этихъ двухъ животныхъ, на сѣверѣ не нашли замѣчательныхъ; но это еще не доказываетъ, чтобы ихъ тамъ и не было, потому что по настоящее время ни одинъ бѣлый не проникъ еще вовнутрь страны, заключающей въ себѣ много тысячъ квадратныхъ миль. Но вы видите, однако, что даже по царству животныхъ Австралія замѣчательная и исключительная земля и что во всѣхъ отношеніяхъ она разнится отъ другихъ частей свѣта.

Сперва обитаемая лишь дикими черными племенами, Австралія стала потомъ исправительной колоніей и на самыхъ плодородныхъ мѣстахъ была заселена одними преступниками; теперь же на всѣхъ доступныхъ мѣстностяхъ обитаема свободными европейцами, занимающимися землепашествомъ, винодѣліемъ, скотоводствомъ и горными промыслами. Однако, остальное обширное пространство находится, какъ и находилось за сотни лѣтъ до настоящаго времени, во власти черныхъ. Тамъ они охотятся на кэнгуру и эму, ведутъ другъ съ другомъ безпрерывныя кровавыя и безцѣльныя войны и дотого отдѣлены отъ европейцевъ, что многія тысячи ихъ еще ни разу не видали бѣлаго.

Туземцы, занимавшіе часть страны, которая казалась бѣлымъ пришельцамъ годною для поселеній или скотоводства, были оттѣснены или даже истреблены, какъ напримѣръ на пространной Ванъ-Дименовой землѣ. Тамъ прежде жили многочисленныя племена туземцевъ; теперь же скитается человѣкъ двадцать или двадцать пять черныхъ, живущихъ подаяніемъ бѣлыхъ. Въ округахъ Сидни и Мельбурнъ они почти совершенно истреблены или, по крайней мѣрѣ, оттѣснены на самую границу; даже въ округѣ Аделаидъ, въ сравненіи съ прежнимъ, осталось очень мало племенъ.

Вся страна, какъ вы видите на картѣ, представляетъ замкнутое цѣлое, особое племя туземцевъ, особыя растенія, особыхъ животныхъ, такъ что въ каждомъ отношеніи отличается отъ остальныхъ острововъ Тихаго океана, а потому и не можетъ быть зачисляема, вмѣстѣ съ ними, въ одну часть свѣта. Она составляетъ совершенно особый міръ. Вы въ этомъ убѣдитесь еще болѣе, когда мы переѣдемъ на сосѣдніе острова Остъ-Индскаго архипелага. Только южная часть Новой-Гвинеи, очень большаго острова, который вы най-

дете къ сѣверу отъ мыса Іорка, обозначеннымъ черной краской, можетъ быть причислена къ Австраліи. Сѣверная же часть его представляетъ уже азіатскій характеръ, съ которымъ вы ознакомитесь, перебравшись черезъ Торресовъ проливъ и коралловые рифы.

Проститесь, слѣдовательно, съ материкомъ Австраліи, и вы порадуетесь вмѣстѣ со мной, проникнувъ въ страну, гдѣ съ горъ текутъ свѣжіе ручьи и густые лѣса манятъ свѣжею зеленью.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

АЗІЯ.

ГЛАВА I.

ОТЪ ОДНОЙ ЧАСТИ СВѢТА КЪ ДРУГОЙ.

Прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ отецъ сталъ продолжать свой разсказъ о землѣ. Настали праздники Рождества, и елка принесла дѣтямъ хорошенькій глобусъ или земной шаръ, на которомъ были правильно нарисованы разныя части свѣта и моря, какъ они въ самомъ дѣлѣ расположены на землѣ.

Теперь Ѳедя и Маша могли держать и поворачивать глобусъ при свѣчкѣ и видѣть, какъ тѣнь подвигается съ материка на материкъ и свѣтъ распространяется по землѣ отъ востока къ западу.

Съ дѣтьми случилось то же, что обыкновенно бываетъ на свѣтѣ: начавъ чему-нибудь учиться, мы всегда желаемъ узнать еще болѣе. Ѳедя и Маша, изъ разсказовъ отца, познакомились уже съ большею частью глобуса; только два огромные материка, Азія и Африка, оставались для нихъ неизвѣстными, и дѣти очень желали ихъ узнать.

Ученіе какъ-то откладывалось. Притомъ же, у отца было мало времени. По прошествіи новаго года, когда и елка, и служившій ей подставкою столъ, были вынесены, когда подаренныя игрушки заняли опредѣленныя мѣста, тогда и новый глобусъ вступилъ въ свои права. Мать хотѣла было поставить и его съ прочими

вещами на шкафъ; но дѣти прибѣжали къ ней и сказали въ одинъ голосъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша, не переставляй. Отецъ обѣщалъ намъ въ скоромъ времени говорить объ Азіи, а если глобусъ будетъ стоять тамъ, наверху, то отецъ, можетъ быть, и не вспомнитъ объ этомъ обѣщаніи.

— Но, дѣти, сказалъ отецъ, который сидѣлъ на диванѣ и пилъ кофе, — я не полагалъ, чтобы вамъ хотѣлось меня послушать.

— Вотъ какъ! воскликнула Маша. Ѳедя уже цѣлый день ходитъ въ своихъ непромокаемыхъ сапогахъ, съ котомкой, тростью въ рукѣ и въ мѣховой шапкѣ, и говоритъ, что онъ отправляется черезъ Торресовъ проливъ въ Азію.

— Въ такомъ случаѣ ему, пока, нѣтъ надобности въ мѣховой шапкѣ, сказалъ, смѣясь, отецъ,—потому что въ странѣ, въ которую мы попадемъ, проѣхавъ Торресовъ проливъ, очень жарко, и мѣховая шапка только обременитъ голову.

— Такъ мы отправляемся за Торресовъ проливъ? спросили дѣти вмѣстѣ.

— Если вамъ это можетъ доставить удовольствіе, то почему же нѣтъ.

— И будемъ слѣдить по глобусу, да?

— Конечно: иначе, на что же онъ намъ? сказалъ отецъ.—Мы можемъ тотчасъ же начать, и, разсмотрѣвъ хорошо мѣстность, вы, вѣроятно, скажете мнѣ, какъ намъ легче всего туда добраться.

— Всего легче черезъ Россію, отвѣтила Маша, — потому что въ такомъ случаѣ намъ не нужно садиться на корабль.

— Да мы еще въ Австраліи! воскликнулъ Ѳедя, — развѣ ты это забыла? А сама разсказывала папѣ, что

АЗІЯ.

Сѣверный Ледовитый океанъ
Европа
Россія
Сибирь
Китай
Монголія
Туркестанъ
Персія
Аравія
Африка
Малая Азія
Кавказъ
Каспійское море
Черное море
Средиземное море
Красное море
Аравійское море
Индѣйскій океанъ
Тихій океанъ
Охотское море
Камчатское море
Японское море
Японія
Камчатка
Земля Чукчей
Беринговъ проливъ
Манчжурія
Корея
Желтое море
Китайское море
Индустанъ
Цейлонъ
Зал. Бенгальскій
Загангскій полуостровъ
Зал. Сіамскій
Малакка
Суматра
Борнео
Целебесъ
Филиппинскіе
Молуккскіе
Остиндскій архипелагъ
Н. Гвинея
Австралія
Торресовъ проливъ
Мадагаскаръ
Сѣв. полярный кругъ
Поворотный кругъ
Киргизскія степи
Афганистанъ
Белуджистанъ
Урал
Обь
Енисей
Лена
Оз. Байкалъ
Р. Желтая
Р. Брамапутра
Гангъ
Индъ
Евфратъ
Мекка
Мокка
Калькутта
Бомбай
Кантонъ
Лузонъ
Тиморъ
Бали
Ява

Восточная долгота отъ Ферро

ИЗДАНІЕ М.О.ВОЛЬФА.

я хочу переправиться черезъ Торресовъ проливъ. Да изъ Австраліи нельзя сухимъ путемъ проѣхать въ Азію.

— На этотъ разъ Ѳедя правъ, подтвердилъ отецъ.— Мы, конечно, еще въ Австраліи, и потому-то Ѳедя, вѣроятно, и надѣлъ свои непромокаемые сапоги, воображая, что при переѣздѣ черезъ Торресовъ проливъ они ему понадобятся.

— Да. Вѣдь ты намъ говорилъ, папаша, что тамъ множество островковъ и скалъ, вплоть до Новой-Гвинеи. Развѣ нельзя перепрыгивать съ одного островка на другой?

— Ты слушалъ, но не дослушалъ, дружочекъ, сказалъ отецъ: я тогда же добавилъ, что, не смотря на острова и скалы, черезъ проливъ могутъ проходить корабли. Еслибы скалы стояли такъ плотно одна возлѣ другой, что человѣкъ могъ бы по нимъ пробираться, то какъ же ходили бы тамъ корабли? Поэтому, дѣлать нечего, сядемъ опять на корабль. Но я обѣщаю вамъ, что морское путешествіе наше не будетъ продолжительно.

— Для него не нужно большаго корабля, не правда ли, папаша? Вѣдь небольшое разстояніе можно проѣхать и въ маленькой лодкѣ, замѣтилъ Ѳедя.

— Черезъ этотъ проливъ, дѣйствительно, можно, но не потому, что это пространство узко, а, главнымъ образомъ, потому, что оно защищено отъ высокихъ волнъ океана коралловыми рифами. Волны ударяются о стѣну, которая тянется отъ Австраліи до Новой - Гвинеи и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ проходы для кораблей; за коралловыми рифами вода не можетъ такъ волноваться, какъ въ открытомъ морѣ. Это самое мы уже видѣли на островахъ Тихаго океана, гдѣ подобные рифы огибаютъ цѣлые острова и образуютъ каналы, въ которыхъ вода почти неподвижна.

Въ Торресовомъ проливѣ дно не очень глубоко; вода

достигаетъ тамъ — разумѣется, гдѣ нѣтъ подводныхъ скалъ и мелей — лишь шестидесяти футовъ высоты, но все-таки налилась бы въ твои высокіе сапоги и даже въ карманы твоего сюртука. Тамъ разсѣяно множество островов, столь же безводныхъ, какъ и материкъ Австраліи, а потому ихъ посѣщаютъ только австралійскіе туземцы и моряки-малаи.

— Малаи? это жители страны, къ которой мы теперь приближаемся? спросилъ Ѳедя.

— Да. Малаи пріѣзжаютъ на эти острова только на время, для рыбной ловли, которая между скалами чрезвычайно обильна; они не безпокоятъ австралійцевъ, а, напротивъ, избѣгаютъ ихъ, тѣмъ болѣе, что у послѣднихъ нѣтъ ничего, что могло бы служить предметомъ мѣновой торговли.

Итакъ, переѣхавъ на лодкѣ Торресовъ проливъ, мы достигаемъ принадлежащей къ Азіи обширной группы острововъ, называемыхъ ***Остъ-Индскимъ*** архипелагомъ.

— Ахъ, папаша! воскликнулъ Ѳедя, — это, вѣроятно, та земля, въ которую хотѣлъ проѣхать Колумбъ, когда открылъ Америку.

— Онъ хотѣлъ проѣхать въ Индію, лежащую на сѣверо-западъ отъ этихъ острововъ и называемую Остъ-Индіей, то есть, Восточной Индіей. А знаете ли вы, почему она такъ называется?

— Потому что лежитъ къ востоку отъ Европы! воскликнулъ Ѳедя.

— Совершенно вѣрно.

— А Западная Индія, поспѣшила сказать Маша, — называется такъ потому, что лежитъ къ западу отъ Европы.

— Дѣйствительно такъ, замѣтилъ, улыбаясь, отецъ. Острова эти представляютъ тѣ же произведенія, какія мы находимъ въ Индіи, пользуются весьма схожимъ

климатомъ и населены племенемъ, встрѣчающимся и въ части Индіи, а потому на нихъ распространили ея названіе; но для отличія отъ твердой земли ихъ назвали Остъ-Индскимъ архипелагомъ.

Здѣсь, на всемъ югѣ, природную границу Азіи образуетъ ***Индійскій*** океанъ. Еслибъ мы поѣхали въ нашей лодкѣ — что, однако, слишкомъ опасно — отъ Остъ-Индскаго архипелага на сѣверъ, то встрѣтили бы новый архипелагъ, лежащій вдоль значительной части восточнаго берега. Это, какъ вы можете прочесть на картѣ, ***Японія***, омываемая съ востока могущественнымъ Тихимъ океаномъ.

Онъ образуетъ восточную границу всей Азіи и простирается, черезъ жаркую и умѣренную полосы, до Ледовитаго океана, составляющаго сѣверную границу обширнаго русскаго царства, потому что весь сѣверъ Азіи, какъ и весь востокъ Европы, принадлежатъ къ Россіи.

Здѣсь, Ѳедя, ты можешь надѣть свою мѣховую шапку, потому что за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ здѣсь царствуетъ жестокій холодъ. Азія простирается до 75-го град. сѣверной широты, а нѣкоторые мысы выдвигаетъ и далѣе къ сѣверному полюсу.

Проѣхавъ вдоль суроваго сѣвернаго берега этой части свѣта, что, впрочемъ, возможно только лѣтомъ, и желая прослѣдить западную границу Азіи, мы должны пробраться черезъ самую середину обширной русской имперіи; между ея европейскою и азіатскою частями тянутся Уральскія горы. Далѣе границу составляютъ: стекающая съ возвышенности этихъ горъ рѣка Уралъ, Каспійское море, Кавказъ, Черное море, Мраморное и Средиземное; потомъ слѣдуетъ замѣчательный перешеекъ, соединяющій Азію съ Африкой. Какъ его называютъ?

— ***Суэсскимъ***, сказали дѣти вмѣстѣ.

Отецъ дружески кивнулъ имъ головой и продолжалъ:

— Проѣхавъ неширокій перешеекъ, мы опять вступимъ въ море, а именно въ *Чермное*, которое вы, вѣроятно, знаете изъ священной исторіи. Проплывя это море и ограничивающій его съ юга проливъ, мы войдемъ.... въ какой океанъ?

— Въ Индійскій, сказалъ Ѳедя.

— Дѣйствительно такъ, продолжалъ отецъ; послѣднею частью нашего пути ходитъ изъ Европы въ Индію почта, называемая *сухопутною*, потому что она идетъ по Суэсскому перешейку; все остальное путешествіе совершается на пароходахъ; изъ Англіи, Франціи и Германіи пароходы отправляются по Средиземному морю, къ сѣверному берегу перешейка. Оттуда, черезъ весь перешеекъ, проложена желѣзная дорога, а въ Чермномъ морѣ ожидаютъ путешественниковъ и почту другіе пароходы, которые везутъ ихъ дальше. Такимъ образомъ путь изъ Европы въ Индію значительно сокращается.

— Какъ долго нужно туда ѣхать? спросила Маша.

— Считаютъ, отвѣчалъ отецъ, — шесть недѣль, чтобы проѣхать отъ одной изъ сѣверныхъ гаваней, напримѣръ Лондона или Гамбурга, до Явы, а островъ Ява лежитъ, какъ вы можете видѣть на картѣ, на самомъ югѣ Остъ-Индскаго архипелага, въ 1,500 миляхъ отъ названныхъ гаваней. Слѣдовательно, нужно шесть недѣль, чтобы совершить путешествіе въ 1,500 нѣмецкихъ миль. На каждые сутки приходится ихъ тридцать пять.

— А сколько миль можетъ проѣхать въ день быстрый корабль? спросилъ Ѳедя, — если онъ будетъ плыть, не останавливаясь.

— Останавливаться въ морѣ можно очень рѣдко. Если корабль проѣзжаетъ въ день четыре градуса, то

это очень быстрый ходъ, и немногіе корабли въ состояніи идти такъ скоро при продолжительномъ путешествіи. Я говорю о градусахъ или широты, или долготы вблизи экватора, гдѣ на одинъ градусъ приходится 15 географическихъ или нѣмецкихъ миль, потому что далѣе къ сѣверу или къ югу градусы долготы все съуживаются, такъ что на сѣверѣ корабль въ такой же промежутокъ времени проѣзжаетъ 25 градусовъ долготы, въ какой подъ экваторомъ проходитъ пять.

— Есть еще, папаша, англійскія мили, сказалъ Ѳедя: — я какъ-то недавно объ этомъ читалъ. Какъ онѣ велики?

— Счетъ на англійскія морскія мили очень простъ, потому что четыре англійскія мили составляютъ одну географическую. Вмѣсто того, слѣдовательно, чтобы считать градусъ въ 15 географическихъ миль, будемъ принимать его за 60 англійскихъ морскихъ миль.

— Сколько же дней потребовалось бы для хорошаго корабля, чтобы объѣхать всю землю? спросилъ Ѳедя.

— Это очень хорошая ариѳметическая задача для тебя самого, отвѣтилъ отецъ. — Сколько градусовъ въ земной окружности?

Ѳедя призадумался, потому что въ послѣднее время онъ забылъ о дѣленіи окружности на градусы.

— Подожди немного, папа, сказалъ онъ: — 180 градусовъ восточной и 180 градусовъ западной долготы; это составитъ вмѣстѣ 360 градусовъ.

— Прекрасно; а такъ какъ въ сутки можно пройти 4 градуса, то раздѣли все число градусовъ на 4.

— Получится 90; значитъ, чтобы объѣхать всю землю, корабль долженъ употребить 90 дней или три мѣсяца. Такъ, папа?

— Да, дружокъ. — Но плыть постоянно подъ парусами онъ не можетъ, потому что не всегда бываетъ

попутный и достаточно сильный вѣтеръ; итакъ, возьмемъ лучше пароходъ. Однако, и въ этомъ случаѣ нужны остановки, чтобы нагружать пароходъ угольями; иначе не будетъ пара, и судно станетъ. Кромѣ того, нельзя объѣхать всю землю по прямой линіи, и если ты отправишься на Панамскій перешеекъ.... ты знаешь, что это такое?

— Да, перешеекъ между сѣверной и южной Америкой.

— Да. Такъ если ты отправишься на этотъ перешеекъ, то потеряешь нѣсколько времени, чтобы пересѣсть на другой пароходъ. Точно такъ же по Чермному морю нужно проѣхать значительное разстояніе съ сѣвера на югъ, — слѣдовательно, отклониться отъ прямой дороги. Если на эти остановки положить мѣсяцъ или шесть недѣль, то путешественникъ, на быстромъ пароходѣ, можетъ совершить кругосвѣтное плаваніе, включая и переѣздъ двухъ узкихъ перешейковъ, въ четыре или четыре съ половиною мѣсяца. Парусное же судно, чтобы объѣхать всю землю, должно употребить, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать мѣсяцевъ, потому что оно не всегда можетъ плыть и не всегда идетъ по прямому направленію.

Но мы отклонились отъ того, о чемъ я хотѣлъ съ вами говорить, именно отъ Азіи, которой границы мы уже разсмотрѣли. Когда ты, Ѳедя, приглядишься къ этому материку на глобусѣ или на картѣ, то увидишь, что нарисовать карту Азіи не такъ легко, какъ карту Австраліи или даже Америки. Отчего бы это происходило?

— Оттого что въ Азіи много разбросанныхъ острововъ, отвѣтилъ Ѳедя, — и по берегамъ много извилинъ.

— Какъ же онѣ называются?

— Заливами и полуостровами. Кромѣ того, материкъ

очень великъ, тянется подъ множество градусовъ и раздѣленъ внутри на столько малыхъ частей.

— Да, дружокъ, въ этомъ отношеніи большое число заливовъ неудобно. Но для страны они чрезвычайно полезны, потому что нетолько удлинняютъ берегъ, но и образуютъ множество гаваней и безопасныхъ стоянокъ, гдѣ корабли, бросивъ якорь, укрываются отъ бури. Я помню, что уже говорилъ вамъ о пользѣ, какую приноситъ жителямъ извилистый берегъ страны.

Азіатцы, благопріятствуемые такими берегами, чрезвычайно дѣятельны въ мореплаваніи, и корабли ихъ объѣзжаютъ во всѣхъ направленіяхъ Индійскій океанъ и сосѣдніе моря и заливы.

— Есть ли у нихъ такіе же большіе корабли, какъ наши? спросила Маша.

— Нѣтъ, дитя мое; въ искусствѣ кораблестроенія они не зашли еще такъ далеко, какъ мы, потому что это искусство развивается вмѣстѣ съ другими и, вообще, съ образованностью народовъ.

Первыми судами были, просто, плоты или выдолбленные древесные стволы; потомъ ихъ улучшили, придѣлывая борты, чтобы волны не могли заливать суда, и постепенно искусство кораблестроенія развилось до такого совершенства, что теперъ возможно снарядить пароходъ, который перевозитъ разомъ до 10,000 человѣкъ. Англичане въ послѣднее время выстроили именно такое исполинское судно; оно самое художественное и величественное изъ всѣхъ извѣстныхъ.

Впрочемъ, азіатскіе народы не могли бы и употрелять такого большаго корабля: между ихъ островами, мелями и рифами должны ходить суда, не требующія глубокой воды. Поэтому, азіатцы заботятся лишь о томъ, чтобы быстро переѣзжать съ одного мѣста на другое, и удовлетворяютъ этой потребности

плоскодонными судами особенной постройки, которыя ходятъ на парусахъ, а при безвѣтріи на веслахъ. Такимъ образомъ они переѣзжаютъ съ одного острова на другой и производятъ значительную и выгодную торговлю разнородными и богатыми произведеніями тѣхъ странъ.

Торговля эта доставляетъ имъ много удобствъ въ жизни, которыхъ лишены другіе народы, не имѣющіе столь значительнаго числа бухтъ и заливовъ. Примѣръ послѣдняго мы видѣли въ Астраліи, гдѣ мало заливовъ и гаваней, а потому туземцы вовсе не занимаются мореплаваніемъ. Точно то же замѣчаемъ и по западному берегу всего американскаго материка, исключая Калифорніи, и встрѣтимъ по берегамъ Африки.

Такимъ образомъ, дѣти, мы, по крайней мѣрѣ, присмотрѣлись къ границамъ Азіи, которыя вы должны хорошо замѣтить. А это легче всего сдѣлать по глобусу, который прекрасно представляетъ относительное положеніе странъ.

ГЛАВА II.

ОБЗОРЪ АЗІИ.

Наканунѣ дѣти охотно послушали бы еще что-нибудь объ Азіи; но отецъ былъ занятъ и не могъ провести съ ними всего вечера; онъ посовѣтовалъ имъ вообразить себя на кораблѣ и объѣхать весь азіатскій берегъ.

Ѳедя и Маша послѣдовали совѣту отца, но попадáли въ такія мѣста, изъ которыхъ едва могли выбраться: тамъ было множество заливовъ, полуострововъ, острововъ и морей съ различными названіями.

Наконецъ, на слѣдующій вечеръ, отцу удалось освободиться и продолжать начатый разсказъ объ Азіи. Ѳедѣ хотѣлось тотчасъ же узнать, что означали разные цвѣта, въ которые была окрашена на глобусѣ Азія, и какимъ государствамъ или народамъ принадлежатъ ея берега. Но отецъ не отвѣчалъ тотчасъ на вопросъ и сказалъ:

— Прежде всего, другъ мой, намъ нужно оглянуть всю часть свѣта, а потомъ уже мы ознакомимся съ нею подробнѣе.

Азія тянется на огромномъ протяженіи съ востока на западъ, прорѣзана многими горами и орошается большими рѣками, хотя и не такими громадными, какія мы видѣли въ Америкѣ. Причина этому та, что хребты горъ, направляющіеся также съ востока на западъ, за-

нимаютъ середину части свѣта и оставляютъ по сторонамъ меньшія равнины, нежели орошаемыя рѣками Миссисиппи и Амазонской. Воды сѣвернаго склона азіатской возвышенности изливаются въ Полярное море, а воды южной — въ Индійскій океанъ.

Вообще, Азія чрезвычайно гористая страна, въ особенности на югѣ, и представляетъ въ возвышеніи почвы тотъ же характеръ, который мы замѣчаемъ въ Европѣ; только въ Азіи онъ выказывается въ большемъ видѣ.

Наиболѣе гористъ югъ страны, точно такъ же, какъ у насъ узелъ горъ находится въ Швейцаріи. Какъ въ Индіи *Гималайскій хребетъ* спадаетъ къ Индійскому океану, такъ у насъ Альпы спускаются уступами къ Средиземному морю.

Въ серединѣ Азіи, какъ у насъ, напр., на югѣ Германіи, встрѣтимъ обширныя плоскія возвышенности; сѣверъ же Франціи, Германіи и вся Россія представляютъ продолженіе сѣверо-азіатской равнины; все это доказываетъ, что характеръ материка, — конечно, съ промежутками — одинъ и тотъ же отъ Тихаго до Атлантическаго океана.

Нашимъ Альпамъ, какъ я вамъ сказалъ, соотвѣтствуетъ въ Азіи Гималайскій хребетъ, отдѣляющій Китайскую имперію отъ Индустана большую желтую землю отъ красной, и представляющій высочайшія вершины на земномъ шарѣ.

— Многимъ ли онѣ выше американскихъ? спросилъ Ѳедя.

— Правда, вершина Сората, въ Перу, возвышается на 25,000 футовъ надъ поверхностью моря; но въ Азіи *Кичинджинга*, *Чумалари* и *Давалагири* достигаютъ еще большей высоты: въ первой 28, во второй 27, а въ третьей 26 тысячъ футовъ.

— Значитъ, на этихъ горахъ вѣчный снѣгъ? спросила Маша.

— Да, дитя мое; какъ скоро гора возвышается надъ линіею вѣчнаго снѣга, то будетъ ли она находиться въ Сибири или подъ экваторомъ, вершина ея будетъ покрыта снѣгомъ постоянно, зимою и лѣтомъ. Вся разница въ этомъ отношеніи между холодною и жаркою страною — какъ я вамъ объяснялъ уже это прежде — состоитъ въ томъ, что въ холодныхъ странахъ граница снѣга сходитъ очень низко, въ полярныхъ находится почти на поверхности моря, тогда какъ подъ экваторомъ, чтобы достичь снѣговой линіи нужно подняться на 16 или 17,000 футовъ.

На Гималаѣ, между 25-мъ и 30-мъ град. сѣверной широты, линія эта находится на вышинѣ 15,000 футовъ, и вы можете себѣ вообразить, какая величественная должна быть картина, когда лѣтомъ нижняя половина горы покрыта зеленымъ лѣсомъ, кустарникомъ и травою, тогда какъ вся остальная часть, вышиною напримѣръ въ 13,000 футовъ, одѣта вѣчнымъ льдомъ и снѣгомъ.

Гималай, въ самомъ дѣлѣ, величественный хребетъ: проходы и дороги, на самыхъ доступныхъ и низкихъ мѣстахъ, лежатъ еще въ 14 и 15,000 футовъ надъ поверхностью моря, — слѣдовательно, выше, чѣмъ вершины значительнѣйшихъ горъ въ Европѣ.

Другая цѣпь горъ отдѣляетъ азіатскую Россію или Сибирь, какъ вы видите на картѣ, отъ Китая. Главныя части ея, отъ запада до Берингова пролива: ***Алтай***, ***Яблонный хребетъ*** и ***Становой хребетъ***. Та же цѣпь заворачиваетъ къ югу и тянется по Камчаткѣ, подъ именемъ ***Камчатскихъ горъ***. Пространство, ограниченное этими двумя цѣпями и горами восточнаго Китая, представляетъ огромную плоскую возвышенность, продолженіемъ которой служатъ два понижающіеся уступа: ***Иранская возвышенность***, занимаемая Авганистаномъ, Белуджистаномъ и Персіей, и Аравійская. Наконецъ,

Кавказскія горы и Уралъ вы уже знаете. Значительныя горныя отрасли тянутся по берегамъ до оконечности почти каждаго полуострова. Даже въ Остъ-Индскомъ архипелагѣ есть высокія горы, и вы можете прослѣдить на каждой большой картѣ, какъ горныя цѣпи тянутся, отъ самаго Гималайскаго кряжа, по Индустану, Загангскому полуострову, узкому полуострову *Малаккѣ* и острову *Суматрѣ*.

Внутренняя часть Суматры, значительнаго острова, черезъ который проходитъ экваторъ, еще не изслѣдована, а потому неизвѣстно, какъ высоки тамъ горы; онѣ идутъ, однако, отъ сѣверной до южной оконечности, а оттуда поворачиваютъ къ востоку, распространяясь по всѣмъ островамъ Остъ-Индскаго архипелага, которые вы найдете на картѣ. Въ этой части горъ есть даже много дѣйствующихъ вулкановъ, которые по настоящее время извергаютъ дымъ, пепелъ и лаву.

Вообще, вся Азія чрезвычайно гориста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изобилуетъ водой; рядомъ со скалистыми и высокими горными кряжами, она представляетъ плодородныя и богатыя долины. Климатъ Азіи, вслѣдствіе ея обширности, очень разнообразенъ. На сѣверѣ она простирается градусовъ на 10 за полярный кругъ, а на югѣ столько же за экваторъ; слѣдовательно, она заключаетъ въ себѣ всѣ три пояса сѣвернаго полушарія и даетъ произведенія всего міра. Въ Азіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей Австраліи и Африки, водятся даже почти всѣ извѣстныя животныя.

— Ты и о звѣряхъ будешь намъ разсказывать? спросили дѣти.

— Разумѣется, — только когда до нихъ дойдетъ очередь, потому что прежде, чѣмъ заниматься звѣрями, намъ нужно хорошо ознакомиться со страной.

Вопервыхъ вы должны знать, кому Азія принадлежитъ, и увидите, что въ ней повелителей болѣе, чѣмъ

въ Америкѣ. И на эту часть свѣта европейцы наложили руку; и въ Азіи они овладѣли значительными пространствами; это вамъ всего лучше покажутъ краски, которыми покрыты различныя страны.

Россія владѣетъ пространствомъ отъ Урала до Тихаго океана. Сибирь граничитъ на сѣверъ съ Ледовитымъ океаномъ, а на югъ съ Китаемъ и Туркестаномъ. Недавно Китай уступилъ Россіи свой сѣверовосточный конецъ, образующій теперь Амурскую область послѣдней; говорятъ, это чрезвычайно плодородная и богатая земля.

— Я думалъ, что вокругъ Китая воздвигнута большая и толстая стѣна, сказалъ Ѳедя, — такъ что никакого измѣненія границъ быть не можетъ.

— Подобная стѣна есть, отвѣтилъ отецъ, — но не на нынѣшней, а на прежней, и то лишь сѣверной, границѣ государства. Но объ этой стѣнѣ я поговорю съ вами въ другой разъ, а то мы уклонимся слишкомъ далеко отъ начатаго предмета.

Россія занимаетъ въ Азіи весь холодный и сѣверную часть умѣреннаго пояса, тогда какъ ***Китай*** и ***Японія*** составляютъ восточную половину умѣреннаго, а ***Туркестанъ***, ***Авганистанъ***, ***Белуджистанъ***, ***Персія*** и ***Азіатская Турція*** остальную его часть. Жаркій поясъ занимаютъ: ***Аравія***, ***Индустанъ***, ***Заганскій полуостровъ*** и ***Остъ-Индскій архипелагъ***, особенно изобилующій всѣми произведеніями тропическихъ странъ.

Я началъ говорить объ азіатскихъ владѣніяхъ европейцевъ и уже упомянулъ принадлежащую Россіи ***Сибирь***. Къ ней прилегаютъ на юго-западѣ также подвластныя Россіи ***Киргизскія степи***. Наконецъ, Россіи же принадлежитъ лежащая между Кавказскимъ хребтомъ, Персіей и Малой Азіей или Азіатской Турціей узкая полоса земли, ***Закавказскій край***. Всѣ эти земли окрашены въ темно-зеленый цвѣтъ, тогда какъ свѣтло-зе-

леный, какъ напр. въ Индіи, обозначаетъ земли независимыя.

Красный цвѣтъ означаетъ владѣнія Англіи, и, какъ видите, они очень значительны. Почти всѣ острова Остъ-Индскаго архипелага принадлежатъ голландцамъ; они покрыты голубой краской.

— Однако, папаша, на нѣкоторыхъ островахъ есть свѣтло-зеленыя и голубыя мѣста. Что это значитъ?

— Что голландцамъ принадлежитъ только часть острова, а въ остальной господствуютъ туземцы, точно такъ же, какъ на Загангскомъ полуостровѣ, на которомъ находятся государства: ***Бирма***, ***Сіамъ*** и ***Анамъ***.

— Страна, лежащая на сѣверо-западномъ концѣ Азіи, принадлежитъ тоже голландцамъ? спросилъ Ѳедя. Она выкрашена голубой краской.

— Нѣтъ, это ***Малая Азія*** или Азіатская Турція, принадлежащая государю Европейской Турціи, султану, живущему въ Константинополѣ. Султанъ считается еще верховнымъ владѣтелемъ Аравіи, хотя кочующія въ ней племена совершенно независимы. Коричневая страна — Персія, имѣющая своего собственнаго государя, шаха. Къ Персіи же принадлежали прежде отдѣлившіеся отъ нея въ прошедшемъ столѣтіи ***Авганистанъ*** и ***Белуджистанъ***. Сѣвернѣе Персіи и Авганистана лежитъ окрашенный также въ голубой цвѣтъ Туркестанъ, обитаемый независимыми татарскими племенами.

— А развѣ Японія не принадлежитъ къ Китаю? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, отвѣтилъ отецъ; — ты могъ бы объ этомъ догадаться и по различію красокъ. Правда, японцы представляютъ много сходства съ китайцами, какъ въ наружномъ видѣ, такъ и въ одеждѣ, языкѣ и правленіи. Однако это два совершенно различные и независимые одинъ отъ другаго народа, которые понынѣ дотого чуждались всѣхъ иностранцевъ, что не допу-

скали ихъ въ свое отечество. Только въ новѣйшее время европейцы открыли себѣ доступъ въ нѣсколько гаваней, и кажется, что Японія и Китай будутъ со временемъ открыты для всего міра. Но объ этомъ послѣ.

Я вамъ еще ничего не говорилъ о рѣкахъ Азіи, тогда какъ для полнаго обзора ея намъ нужно съ ними познакомиться.

Въ Азіи много рѣкъ, не столь большихъ, какъ въ Америкѣ, но прославленныхъ въ древней исторіи. Какъ въ Персіи есть гора *Араратъ*, на которой нѣкогда остановился ковчегъ Ноя, такъ точно въ Малой Азіи съ осѣняемой могучими кедрами горы *Ливана* стекаетъ рѣка *Іорданъ*, въ которой Іоаннъ крестилъ Спасителя. Рѣка эта впадаетъ въ Мертвое море, недалеко отъ Іерусалима.

Вблизи Аравійской границы текутъ *Тигръ* и *Евфратъ*, на берегахъ котораго лежатъ развалины древней столицы Вавилона.

Въ Индустанѣ и Китаѣ есть рѣки еще бо̀льшія, чѣмъ Евфратъ. Я назову вамъ изъ нихъ *Индъ*, священный для индусовъ *Гангъ* и огибающую Гималайскій хребетъ *Брамапутру*.

Гангъ и Брамапутра замѣчательны еще тѣмъ, что при впаденіи ихъ, множествомъ рукавовъ, въ Бенгальскій заливъ лежитъ плоская, болотистая мѣстность, чрезвычайно нездоровая.

Такимъ же большимъ числомъ рукавовъ впадаетъ въ Мексиканскій заливъ Миссисипи.

По Загангскому полуострову течетъ *Иравадди*, тоже впадающая многочисленными устьями въ Индійскій океанъ. Въ Китаѣ есть большія рѣки, но имена ихъ очень трудно запомнить.

— Назови которую-нибудь, папаша, просилъ Ѳедя.

— Изволь, попробуемъ. Самая большая изъ всѣхъ

рѣкъ Азіи — *Янсекіангъ;* за ней слѣдуетъ *Гоанго.* Какъ зовутъ первую?

— Я... янгъ..., бормоталъ Ѳедя.

— Вотъ, видишь ли, сказалъ, смѣясь, отецъ; — вы не учились по-китайски и, вѣроятно, легче запомните названія этихъ рѣкъ въ переводѣ: Янсекіангъ значитъ *Голубая*, Гоанго *Желтая* рѣка, по цвѣту воды, которую она несетъ въ окрашиваемое ею *Желтое* море.

Рѣки Сибири текутъ съ юга на сѣверъ и вливаются въ Ледовитый океанъ; — всѣ очень велики: длина *Оби* и *Енисея* не менѣе 3,000 верстъ, а длина *Лены* равняется даже 5,000. Но ни одна изъ нихъ не имѣетъ значенія въ торговомъ отношеніи, потому что океанъ этотъ, да и онѣ сами, только нѣсколько мѣсяцевъ въ году судоходны; наконецъ страна заселена рѣдко и слишкомъ мало обработана.

Что касается климата, о которомъ я вамъ еще ничего не говорилъ, то онъ, какъ вы понимаете, чрезвычайно разнообразенъ, потому что Азія нетолько простирается подъ всѣми поясами, но заключаетъ очень много высокихъ, а также плоскихъ и болотистыхъ мѣстностей.

Тщательныя наблюденія показали, что Азія, подъ одной и той же широтой, немного холоднѣе Европы и Африки. То же замѣчается и въ Америкѣ, и причина холода въ обѣихъ этихъ частяхъ свѣта одинакова: расширеніе и склоненіе материка къ сѣверному Ледовитому океану. Кромѣ того, въ Азіи дѣйствуетъ еще другая причина: преобладаніе въ южной части горъ, которыя задерживаютъ южные теплые вѣтры и охлаждаютъ ихъ своими снѣгами.

При низменныхъ устьяхъ рѣкъ въ Индіи жаркій и сырой климатъ чрезвычайно нездоровъ, и европейцы только при крайней осторожности могутъ къ нему при-

выкнуть. На возвышенныхъ же мѣстахъ онъ здоровѣе, и даже въ Остъ-Индскомъ архипелагѣ знаютъ объ опасныхъ, зависящихъ отъ климата, болѣзняхъ только на плоскихъ берегахъ.

Въ Азіи мы встрѣчаемъ нетолько, какъ я вамъ уже сказалъ, всѣхъ животныхъ земнаго шара, но и нѣсколько человѣческихъ племенъ, и породы растеній всѣхъ поясовъ, потому что каждая порода находитъ соотвѣтственный ей климатъ. Въ Азіи есть свои Альпы и ледники, свои знойныя, песчаныя и соляныя степи, свои травянистыя степи и дремучіе лѣса, плоскія возвышенности и болота, ледяныя горы и поляны на сѣверѣ и острова, производящіе пряности, на югѣ. Въ Азіи водятся бѣлый медвѣдь и слонъ, пингвинъ и райская птица, китъ и маленькая золотая рыбка; тогда какъ на сѣверѣ огромныя пространства представляютъ лишь скудный мохъ и малорослую кривую березу, на югѣ красуются кокосовая и финиковая пальмы. Все это мы разсмотримъ современемъ вблизи. Теперь же намъ нужно рѣшить, съ чего начать: съ сѣвера или съ юга.

— Да вѣдь мы, папаша, пріѣхали въ Азію черезъ Торресовъ проливъ, сказалъ Ѳедя.

— Правда; я объ этомъ не подумалъ; мы пріѣхали изъ Австраліи, — слѣдовательно, должны начать съ юга. Но кто, какъ мы, проскакалъ въ одинъ вечеръ по всей Азіи, видѣлъ ея горы и рѣки, тотъ, думаю, имѣетъ право немного отдохнуть. Завтра мы начнемъ съ самой прекрасной части огромнаго материка, и вы изумитесь, какая разница между Азіей и сосѣдней Австраліей.

Итакъ, покойной ночи; а завтра утромъ разсмотрите со вниманіемъ всю тѣсную группу острововъ, составляющихъ южную часть Азіи. Вы мнѣ скажете, какъ называются главнѣйшіе изъ нихъ.

ГЛАВА III.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ТРОПИЧЕСКАГО ПОЯСА АЗІИ.

На слѣдующій день дѣти долго занимались картой, и Ѳедя преусердно старался ее срисовать, но напрасно. Вопервыхъ, онъ не нанесъ на бумагу градусовъ, тогда какъ при черченіи карты это главное. Когда вѣрно нанесены градусы, остальное пустяки, и можно чертить карту по желанію, съ середины или съ какого бы то ни было мѣста, не впадая въ ошибки. Въ противномъ случаѣ не поможетъ ни самая тщательная рисовка, ни раскрашиваніе.

Такъ точно было и съ Ѳедей. Не нарисовавъ правильно градусовъ, онъ хотѣлъ начертить страны Азіи по глазомѣру; но, начавъ съ лѣвой стороны, то есть съ запада, съ Азіатской Турціи и Аравіи, и подвигаясь къ востоку, онъ не могъ умѣстить на картѣ и половины Китайской имперіи, не говоря уже о Японіи. Если же онъ начиналъ съ востока, то Передняя Индія приходилась на краю бумаги.

Отецъ показалъ, наконецъ, Ѳедѣ, какъ наносить градусы долготы и широты. Сперва онъ провелъ средній градусъ долготы, по прямой чертѣ, съ сѣвера на югъ; потомъ, вправо и влѣво отъ нея, началъ проводить другіе градусы долготы, причемъ ихъ немного изгибалъ, по направленію, въ какомъ представляются намъ нити

на клубкѣ, пересѣкающіяся на двухъ противоположныхъ точкахъ.

Окончивъ это, отецъ провелъ градусы широты, тоже немного выгнутые, но въ одинаковомъ разстояніи одинъ отъ другаго, подобные продольнымъ нитямъ на гарусномъ мячикѣ.

— Если ты и не нарисовалъ еще карты, началъ говорить отецъ, — то уже видишь, что группа островов, названная нами Остъ-Индскимъ архипелагомъ, должна лежать подъ проведеннымъ тобою экваторомъ, Гималайскій хребетъ подъ 30, а Сибирскія горы подъ 50 градусомъ широты, Уралъ между 70 и 80, а Беринговъ проливъ подъ 210 градусомъ восточной долготы. Два самые большіе острова Остъ-Индскаго архипелага, Суматру и Борнео, экваторъ прорѣзаетъ пополамъ; къ сѣверу же и къ югу отъ нихъ лежатъ густыя группы островов.

Архипелагъ этотъ, съ Передней и Задней Индіей и южной частью Аравіи, составляетъ тропическую часть Азіи и по плодородію и красотѣ не уступаетъ ни одной странѣ въ свѣтѣ. Поразительна необыкновенная разница, существующая между Новой Голландіей и ближайшимъ къ ней островомъ индійскаго архипелага, напр. Тиморомъ, отстоящимъ отъ Австраліи едва на пять градусовъ.

На Новой Гвинеѣ разница еще не такъ замѣтна, потому что, какъ я вамъ уже говорилъ, тамъ встрѣчаются еще австралійскія животныя и растенія и жители ея составляютъ переходъ отъ австралійскихъ черныхъ къ туземцамъ Индійскихъ острововъ.

Но между Австраліей и Тиморомъ разница такъ велика, какъ будто мы внезапно перенеслись изъ австралійскихъ пустынь въ бразильскіе лѣса, хотя раз-

стояніе между этими двумя землями хорошій корабль, при попутномъ вѣтрѣ, можетъ пройти въ 24 часа.

Австралія и причисляемая къ ней Новая Гвинея, представляютъ, какъ я упоминалъ прежде, особенный, имъ свойственный характеръ, который нигдѣ болѣе не встрѣчается, тогда какъ Остъ-Индскій архипелагъ, по климату и произведеніямъ, весьма схожъ съ островами Тихаго океана и тропическими странами южной Америки.

На югѣ Азіи мы не встрѣчаемъ безводныхъ, мертвыхъ солончаковъ, едва покрытыхъ кустарникомъ или вѣчно сѣрыми и сухими камедными деревьями; мы однимъ прыжкомъ переносимся въ страну, представляющую высокія горы и глубокія, тѣнистыя долины, орошаемыя свѣтлыми горными потоками,—въ страну, изобилующую дикими плодами, туземцы которой, какъ на спокойныхъ островахъ Тихаго океана, могли бы вести счастливую, беззаботную жизнь, еслибъ другіе люди не переносили вражду и ненависть изъ одной части свѣта въ другую.

Остъ-Индскій архипелагъ, особенно ***Молуккскіе*** острова, производятъ всѣ разнородныя пряности, какія можно получить въ нашихъ лавкахъ, и преимущественно перецъ; имъ засѣваютъ огромнѣйшія пространства; по сборѣ, его укладываютъ въ мѣшки и разсылаютъ на корабляхъ во всѣ части свѣта.

— Какъ растетъ перецъ, папаша? спросилъ Ѳедя;— вѣдь мы получаемъ только зерна?

— Да. Перецъ вьющееся растеніе съ бѣлыми цвѣтами; листья его похожи на бобовый листъ и имѣютъ немного острый вкусъ; плоды висятъ кистями, подобно нашей смородинѣ. Въ какомъ изобиліи онъ растетъ, вы можете заключить уже изъ того, какъ дешевъ у насъ черный перецъ, не смотря на отдаленную и продолжительную перевозку. Кромѣ перца, на Остъ-Инд-

скихъ островахъ произрастаютъ отлично и всѣ остальныя пряности. Тамъ найдете вы цѣлые лѣса коричнаго дерева, съ котораго употребляютъ только кору побѣговъ, какъ самую нѣжную и легко отдѣляющуюся. Тамъ же бездна плантацій мускатнаго орѣха, который доставляетъ намъ и мускатный цвѣтъ; кромѣ того, Молуккскіе острова родина гвоздики.

— Я видѣла сегодня мускатные цвѣты, сказала Маша; они вовсе не похожи на цвѣты.

— Да это, дѣйствительно, не цвѣты, отвѣчалъ отецъ,— а внутренняя оболочка плода; свѣжая, она ярко-огненнаго цвѣта. Мускатный орѣхъ растетъ въ шелухѣ, какъ нашъ лѣсной орѣхъ; когда орѣхъ созрѣетъ, шелуха лопается; съ нея сдираютъ внутреннюю мякоть, такъ называемый мускатный цвѣтъ, а орѣхъ сушатъ немного, чтобы онъ въ пути не загнивалъ.

Цѣлые корабли идутъ ежегодно съ этими пряностями въ Европу и Америку, даже въ сѣверную Азію, особенно въ Китай. Прежде вся торговля находилась въ рукахъ голландцевъ; бывали примѣры, что они жгли цѣлые корабельные грузы пряностей, лежавшіе въ складочныхъ домахъ, и истребляли самыя деревья на сосѣднихъ островахъ, для того только, чтобы, привезя, по случаю богатаго урожая, слишкомъ много пряностей, не понизить цѣны на этотъ товаръ; сами они ничего не теряли, потому что за одинъ пудъ пряностей брали то же самое, что иначе получили бы за десять. Но произведенная ими дороговизна заставила другіе народы разводить эти растенія, и, между прочимъ, англичане развели уже на островѣ Цейлонѣ огромныя плантаціи коричнаго дерева.

Кромѣ пряностей, на архипелагѣ разводится все, что произрастаетъ въ тропическомъ климатѣ: сахаръ, кофе, рисъ, кошениль, индиго, хлопчатая бумага, чай, табакъ

и тому подобное. Въ этихъ странахъ приготовляютъ также ромъ и аракъ, первый изъ вывареннаго сахарнаго тростника, второй изъ рису, какъ мы выдѣлываемъ здѣсь водку изъ картофеля и хлѣба.

Главное произведеніе Азіи — рисъ, который засѣвается въ огромномъ количествѣ и служитъ для туземцевъ главною пищею.

Я вамъ описалъ уже способъ воздѣлыванія всѣхъ этихъ растеній, исключая развѣ чая, о которомъ разскажу, говоря о Китаѣ; теперь мнѣ остается еще назвать вамъ двѣ вещи, свойственныя Остъ-Индскому архипелагу и Индіи, обѣ вывозимыя по преимуществу въ Китай. Это ласточьи гнѣзда и опій.

— Что же могутъ дѣлать съ ласточьими гнѣздами? спросила Маша.

— Ихъ ѣдятъ, дитя мое, продолжалъ отецъ; — и ты, вѣроятно, догадываешься, что тамошнія ласточки строятъ свои гнѣзда изъ другаго матеріала, чѣмъ наши.

— Мнѣ никогда не приходило въ голову, что можно ѣсть ласточьи гнѣзда, сказала Маша съ удивленіемъ.

— Отъ гнѣздъ нашихъ ласточекъ, ты, разумѣется, отказалась бы послѣ перваго же опыта, потому что онѣ строятъ свои гнѣзда преимущественно изъ глины. Тамошнія же ласточки, живущія преимущественно на морскомъ берегу и строящія свои гнѣзда въ природныхъ, находящихся въ немъ, пещерахъ, лѣпятъ эти гнѣзда изъ особенной студенистой слизи, которая на воздухѣ твердѣетъ и бѣлѣетъ. Изъ чего состоитъ эта слизь, еще неизвѣстно, не смотря на тщательныя наблюденія; очень можетъ быть, что ласточки находятъ ее гдѣ-нибудь на морѣ. Китайцы ѣдятъ ласточьи гнѣзда чрезвычайно охот-

но и платятъ за нихъ очень дорого, около гульдена за штуку *).

— Развѣ гнѣзда эти очень вкусны? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ. Въ оправданіе своего вкуса китайцы приводятъ, будто эти гнѣзда чрезвычайно здоровы и подкрѣпляютъ тѣло. Въ нихъ, собственно, нѣтъ вкуса, какъ въ отваренномъ въ водѣ саго; но китайцы прибавляютъ къ нимъ пряности.

Эти гнѣзда, находимыя особенно на островѣ *Явѣ*, лежащемъ къ юго-востоку отъ Суматры, составляютъ важный предметъ вывозной торговли въ Китай. Разумѣется, только достаточные китайцы могутъ позволять себѣ роскошь класть въ супъ ласточьи гнѣзда вмѣсто саго или рису, что, впрочемъ, было бы не менѣе питательно и дешевле.

— Но если у бѣдныхъ птичекъ берутъ ихъ гнѣзда, сказала Маша, — то онѣ не могутъ выводить птенцовъ.

— Это было бы такъ, еслибъ уничтожали всѣ гнѣзда; но гдѣ подобная вещь служитъ предметомъ торговли, тамъ сами купцы заботятся, чтобы она не истреблялась, хотя къ бѣднымъ ласточкамъ они не имѣли бы состраданія. Гнѣзда собираютъ только въ извѣстное время года, когда птенцы уже начинаютъ летать, и, кромѣ того, часть гнѣздъ не трогаютъ, чтобы птички не покинули мѣстности.

Это наслажденіе, которое позволяютъ себѣ китайцы, еще довольно невинно. Оно стоитъ, правда, дорого и не приноситъ пользы, но зато почти не причиняетъ и вреда. Другая же вещь, доставляемая преимущественно Индіею, ядъ, къ употребленію котораго китайцы пристрастились до такой степени, что поплачиваются за него нетолько деньгами, но и здоровьемъ. Это опій.

---

*) Около 60 коп. серебромъ

Опій отвердѣвшій и засохшій сокъ незрѣлыхъ головокъ тропическаго мака; онъ ядовитъ и, будучи принятъ въ большомъ количествѣ, почти мгновенно убиваетъ человѣка. Вы можете приготовить слабый опій сами, надрѣзывая неспѣлыя маковыя головки ножемъ или иглой; изъ поврежденныхъ мѣстъ будетъ вытекать очень горькій сокъ молочнаго цвѣта, темнѣющій на воздухѣ.

Опій китайцы и многіе индійскіе народы курятъ въ трубкахъ, вмѣстѣ съ табакомъ. Послѣ куренія люди впадаютъ въ похожее на сонъ опьянѣніе, сопровождающееся сумасбродными, часто пріятными видѣніями; но, просыпаясь, они чувствуютъ всѣ члены какъ-будто перебитыми, и, со временемъ, употребленіе этого опаснаго яда отнимаетъ у человѣка силы и здоровье.

— Зачѣмъ же они курятъ? спросилъ Ѳедя съ удивленіемъ.

— Дитя мое, это такъ же необъяснимо, какъ неумѣренное употребленіе въ нашемъ отечествѣ водки или вина. Люди знаютъ очень хорошо, что пьянство нетолько раззорительно, лишая возможности работать, но и крайне вредно для здоровья; но это не останавливаетъ ихъ напиваться водкой или виномъ, пока они не упадутъ въ безчувствіи, которое ставитъ ихъ гораздо ниже скотовъ. Люди эти извиняются тѣмъ, будто не могутъ избавиться отъ своей пагубной страсти. Точно то же происходитъ въ Азіи съ опіемъ. Куреніе опія усыпляетъ людей и возбуждаетъ въ нихъ пріятныя сновидѣнія, и какъ, въ добавокъ, въ Китаѣ опій строго воспрещенъ, то многіе стараются добыть его единственно изъ удальства.

Китайское правительство строго воспретило куреніе опія и привозъ этого яда. Но запрещеніе не препятствуетъ многимъ ввозить его въ страну тайно, вознаграждая себя за опасность дорогою цѣною товара. Англи-

чане, которымъ принадлежитъ Индія, воздѣлываютъ макъ и добываютъ опій въ огромномъ количествѣ, высылаютъ этотъ ядъ въ Китай и сосѣднія страны, гдѣ продаютъ его мелкимъ торговцамъ, которые уже сами ввозятъ его тайно отъ пограничной стражи, что называется заниматься контрабандой.

— Однако, это со стороны англичанъ гадко, замѣтилъ Ѳедя.

— Да, дитя мое, но въ жизни государствъ и народовъ дѣлаются такія вещи, которыя въ жизни отдѣльныхъ лицъ нетолько не одобряются, но воспрещены закономъ. Трудно повѣрить, что опій былъ причиной кровопролитной войны: англичане не хотѣли признать за китайцами права дозволять или воспрещать ввозъ въ свое отечество чего бы то ни было и требовали отъ нихъ свободы торговли. Китайцы воспротивились, и возникла война, въ которой много невинныхъ людей было раззорено, переранено и убито.

Индія даетъ, однако, много очень полезныхъ произведеній, къ которымъ, вопервыхъ, принадлежитъ кофе, хотя родина его въ Аравіи.

Въ юго-западномъ углу Аравіи, въ округѣ, называемомъ *Мокка*, воздѣлывается самый лучшій и самый знаменитый кофе. На островѣ Суматрѣ, въ Остъ-Индскомъ архипелагѣ, кофейное дерево растетъ въ лѣсахъ, какъ у насъ дикая вишня.

— Вотъ тамъ-то удобно пить кофе, замѣтила Маша.

— Твоя правда; но, страннымъ образомъ, жители не пьютъ кофе такъ, какъ мы: они собираютъ съ кофейнаго куста не плоды, а молодые листочки, сушатъ ихъ и дѣлаютъ чай.

— Странно, сказала, смѣясь, Маша, — дѣлать изъ кофе чай. Мы поступаемъ умнѣе.

— Дитя мое, о вкусѣ спорить нельзя; одному нравится то, отъ чего другой отвернется съ омерзѣніемъ,

и каждый убѣжденъ, что у него вкусъ лучше, чѣмъ у кого-либо другаго. Слѣдовательно, предоставь каждому руководиться собственнымъ вкусомъ.

Хлопчатая бумага добывается въ Индіи и въ сосѣднихъ земляхъ въ большомъ количествѣ, и туземцы приготовляли изъ нея въ прежнее время самыя тонкія и дорогія ткани. Но теперь европейцы и сѣверо-американцы, при помощи машинъ, ткутъ вывозимую изъ Индіи хлопчатую бумагу такъ хорошо и дешево, что индійцы не въ состояніи съ ними соперничать. Индію и сосѣдній архипелагъ можно назвать еще отечествомъ товара, который вы здѣсь часто видѣли и ѣли, не подумавъ, вѣроятно, спросить, откуда онъ происходитъ и какъ растетъ. Это саго.

Саго сердцевина пальмы, такая же мягкая, губчатая масса, какъ сердцевина бузины. Его вынимаютъ изъ дерева, сушатъ и разсылаютъ по всему міру. Саго даетъ самую питательную пищу.

— Да не вредитъ ли добываніе саго дереву? спросилъ Ѳедя.

— Разумѣется, вредитъ, отвѣчалъ отецъ; — растеніе или дерево, изъ котораго вынута сердцевина, не можетъ жить и должно засохнуть. Но растительность въ тѣхъ странахъ дотого быстра, срубленныя деревья такъ скоро замѣняются новыми, что тамъ нѣтъ надобности оберегать лѣсъ такъ старательно, какъ у насъ: истребленіе даже огромнаго количества саговыхъ пальмъ не истощаетъ этой породы.

Изъ одного вида пальмъ получается также сахаръ, безъ особеннаго поврежденія дерева. Съ пальмой поступаютъ, какъ въ сѣверной Америкѣ съ сахаристымъ кленомъ: сверлятъ отверстіе въ стволъ, вставляютъ въ него маленькую трубочку и даютъ сладкому соку дерева стекать въ подставленную посуду. Жидкій сыропъ

этотъ варятъ, пока онъ не сгустится и не обратится въ сахаръ.

Другой предметъ, который вы встрѣчаете вездѣ въ Германіи, не спрашивая, откуда онъ происходитъ, это такъ-называемый испанскій тростникъ; изъ него плетутъ, между прочимъ, сидѣнья нашихъ стульевъ, и, кромѣ того, онъ служитъ на тысячу другихъ надобностей.

— Развѣ тростникъ этотъ происходитъ не изъ Испаніи, папаша?

— Нѣтъ, отвѣтилъ отецъ; его называютъ испанскимъ только потому, что онъ былъ привезенъ въ первый разъ въ Европу на испанскихъ корабляхъ и вошелъ во всемірную торговлю черезъ Испанію. Индія еще задолго до открытія Америки была извѣстна европейцамъ, и Колумбъ, приставъ къ Антильскимъ островамъ, думалъ, что онъ достигъ именно этой страны. Вы можете разсчитать по картѣ, на сколько онъ тогда ошибся.

Изъ Индіи, называемой теперь Остъ-Индіей, испанцы и привезли тростникъ. Это крѣпкое, покрытое иглами вьющееся растеніе встрѣчается очень часто въ густыхъ лѣсахъ Остъ-Индіи и архипелага. Вы можете себѣ вообразить, какое это тамъ обыкновенное растеніе, если у насъ можно получать такъ дешево тростникъ, совершенно приготовленный и очищенный отъ иголъ. Его привозятъ къ намъ на корабляхъ не какъ товаръ, но матросы кладутъ его въ связанныхъ пучкахъ противъ стѣнъ корабля, чтобы можно было удобнѣе укладывать тюки съ кофе, рисомъ и пряностями. Тростникъ отъ этого не страдаетъ, потому что очень упругъ; такимъ образомъ онъ еще уменьшаетъ расходы при перевозкѣ товаровъ.

Въ тропической Азіи не одни растенія приносятъ

пользу трудолюбивому человѣку; онъ добываетъ еще сокровища изъ нѣдръ горъ и со дна моря.

— Какъ, со дна моря? спросила Маша,—вѣдь сверху стоитъ глубокая вода?

— Не смотря на то, смѣлый человѣкъ отваживается спускаться и на морское дно, продолжалъ отецъ. — Тамъ лежатъ драгоцѣнныя жемчужныя раковины; человѣкъ ныряетъ, достаетъ ихъ и выноситъ на берегъ, гдѣ ихъ ломаютъ и перебираютъ, потому что не въ каждой раковинѣ есть жемчугъ.

— Какъ же люди могутъ такъ долго оставаться подъ водой? спросилъ Ѳедя.

— Вопервыхъ, водолазы, какъ ихъ называютъ, привыкаютъ къ тому съ дѣтства и могутъ долго задерживать дыханіе. Кромѣ того, въ особенности тамъ, гдѣ ловлей жемчуга занимается правительство, водолазы спускаются на дно въ водолазныхъ колоколахъ, въ которыхъ заключается большое количество воздуха и изъ которыхъ можно осмотрѣть нѣкоторое пространство морскаго дна.

— Какъ же воздухъ можетъ оставаться подъ колоколомъ? спросила Маша: — когда колоколъ опускаютъ въ воду, она въ него натечетъ.

— Нѣтъ, другъ мой; колоколъ спускается на крѣпкихъ канатахъ, и такъ какъ онъ очень тяжелъ, то не можетъ опрокинуться. Когда его поставятъ на воду, она окружаетъ его края, и замкнутый въ немъ воздухъ не можетъ уже выйти. То же самое бываетъ, когда мы опускаемъ въ воду рюмку или стаканъ, отверстіемъ книзу; вода поднимется до одной трети сосуда; все же остальное пространство будетъ наполнено воздухомъ, который не находитъ выхода. Подъ большимъ колоколомъ, наполненнымъ воздухомъ, человѣкъ можетъ дышать и, слѣдовательно, жить нѣкоторое время.

Въ Азіи добывается много золота, между прочимъ и на островахъ Суматрѣ и Борнео. На Борнео оно служитъ и по настоящій день предметомъ мѣновой торговли съ довольно воинственными туземцами. Въ Индіи также есть золото, а Уралъ, составляющій границу Азіи и Европы, принадлежитъ, какъ извѣстно, къ самымъ богатымъ горамъ на земномъ шарѣ: онъ изобилуетъ золотыми розсыпями и рудниками платины и серебра, а равно мѣди и желѣза; кромѣ того, Индія богата копями драгоцѣнныхъ камней.

Изъ сказаннаго мною вы можете заключить, какъ богаты страны южной Азіи, лежащія въ жаркомъ поясѣ, и поймете, почему европейцы наперерывъ старались овладѣть ими. Кромѣ того, онѣ преисполнены красотъ природы, и я желалъ бы дать вамъ понятіе о великолѣпіи тамошнихъ лѣсовъ и громадности горъ.

Азія изобилуетъ вулканами или огнедышащими горами, изъ которыхъ многія лежатъ на островахъ архипелага и по настоящій день извергаютъ огонь, пламя и лаву. На одной Явѣ сорокъ вулкановъ, изъ которыхъ, однако, большая часть погасла или, по крайней мѣрѣ, съ давняго времени не производила изверженій.

Вступивъ на берегъ, мы, по всей вѣроятности, увидимъ рощи кокосовыхъ пальмъ, потому что дерево это любитъ плоскія, низменныя мѣста, преимущественно морскіе берега, на которыхъ иногда такъ близко подходитъ къ водѣ, что она омываетъ его корни.

Рядомъ съ кокосовой пальмой растутъ: панданъ, на сухой, песчаной почвѣ, и казуарины, которые стволомъ похожи на дубъ, а вмѣсто листьевъ какъ бы одѣты стеблями хвоща. Немного выше встрѣчается бамбукъ, необходимое для жителей тропиковъ дерево, изъ котораго они приговляютъ себѣ почти все, нужное въ домашней жизни. Возлѣ бамбука растутъ: сахарная, са-

говая, арековая, вѣеролистная и многія другія пальмы. Между ними стоятъ великолѣпнѣйшія плодовыя деревья, какія только можно себѣ вообразить, частью дико растущія, частью перевезенныя изъ другихъ странъ, въ особенности изъ Бразиліи.

Эти рощи перемежаются плантаціями рисовыми, сахарнаго тростника, хлопчатой бумаги, кактусовъ для кошенили, плантаціями индиго, цѣлыми полями ананасовъ и огромными рощами, между деревьями которыхъ разсаженъ кофейный кустъ. Еще выше начинаются горные лѣса, съ исполинскими дубами и другими лиственными породами; деревья переплетены иногда колючимъ испанскимъ тростникомъ, извѣстнымъ тамъ подъ именемъ раттана до такой степени, что представляютъ совершенно непроходимыя чащи.

Здѣсь, въ этомъ могущественномъ лѣсу, находимъ мы нашего стараго европейскаго знакомца; но вы его едва узнаете, такъ гордо и красиво смотритъ онъ подъ благодатнымъ тропическимъ климатомъ. Я говорю о папоротникѣ.

Онъ встрѣчается и на тропическихъ низменностяхъ; но тамъ, кажется, жары сдерживаютъ его ростъ столько же, сколько у насъ холода: по крайней мѣрѣ, стволъ его не длиннѣе, чѣмъ въ Германіи. Чѣмъ болѣе, однако, мы поднимаемся въ горы, тѣмъ выше становится папоротникъ. Вы вѣдь знаете это растеніе?

— Разумѣется, папаша! воскликнулъ Ѳедя, — оно растетъ по большей части въ лѣсу, въ тѣнистыхъ мѣстахъ, особенно въ оврагахъ; у него такіе красивые, перистые листья.

— Дѣйствительно такъ. Теперь вообразите себѣ большой кустъ длиннѣйшихъ листьевъ на стройномъ стволѣ, дюймовъ въ 6 или 8 въ разрѣзѣ и такой длины, что растеніе равняется съ нашими высочайшими ду-

бами, и вы будете имѣть понятіе о папоротникѣ, растущемъ въ тропическомъ климатѣ, на высотѣ осьми или девяти тысячъ футовъ надъ поверхностью моря. Вы едва можете себѣ вообразить красоту тамошнихъ лѣсовъ, тѣмъ болѣе, что на самыхъ разнородныхъ лѣсныхъ пняхъ, покрытыхъ большею частью мхомъ, растетъ множество такъ-называемыхъ воздушныхъ орхидныхъ растеній, которымъ не нужно опускать корни свои въ землю, но которыя вбираютъ пищу изъ воздуха, влажнаго мха и пней, на которыхъ растутъ. Они покрываются часто самыми красивыми, яркими цвѣтами. Широкіе, колеблющіеся листья дикаго пизанга или банана дополняютъ эту чудную картину.

— Ахъ, вотъ туда бы попасть! сказалъ со вздохомъ Ѳедя.

— Дитя мое, когда ты будешь постарше, то поѣздка въ эти страны составитъ только денежный вопросъ. Однако, помни, что я тебѣ уже прежде говорилъ о тропическихъ странахъ. Онѣ прекрасны, но имѣютъ свою темную сторону, которая незамѣтна только вдали. Къ ней принадлежатъ хищные звѣри, ядовитыя насѣкомыя и змѣи, страшные жары, часто вредныя болотныя испаренія и, наконецъ, то, что насъ въ началѣ именно такъ привлекаетъ: могучее растительное царство. Кто зайдетъ въ лѣсную чащу, въ особенности заросшую испанскимъ тростникомъ, покрытымъ длинными острыми иглами, тотъ переживетъ много непріятныхъ минутъ, прежде чѣмъ выберется оттуда съ разорваннымъ платьемъ, окровавленными руками и колѣнами; тогда онъ съ завистью вспомнитъ о нашихъ лѣсахъ, чрезъ которые часто проложены хорошія дороги. Поэтому, намъ нечего завидовать тамошнимъ жителямъ; напротивъ, они лишены многихъ удобствъ и наслажденій нашего отечества. Каждая страна одарена своими

благами. На первый взглядъ кажется, что одинъ народъ живетъ просто въ раю, тогда какъ другой обитаетъ степь или пустыню; но люди привязаны къ родинѣ и неохотно ее оставляютъ. Мы не понимаемъ, какъ можно существовать въ полярныхъ странахъ, и жители ихъ могли бы переселиться въ болѣе пріятный климатъ; однако, они не покинутъ родины, хотя бы ихъ перевозили даромъ на отличныхъ корабляхъ. Должно быть, ихъ отечество представляетъ много привлекательнаго, чего мы не можемъ замѣтить, и они имъ довольны.

Но, кажется, я вамъ сегодня разсказалъ заразъ слишкомъ много. Вы, пожалуй, всего и не упомните.

— Нѣтъ, папа, мы не забудемъ! воскликнули дѣти; разскажи еще что-нибудь.

— Завтра, друзья мои, сказалъ отецъ; — я тоже усталъ. Ступайте спать; завтра же мы поговоримъ о произведеніяхъ и особенностяхъ умѣреннаго пояса Азіи.

ГЛАВА IV.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ УМѢРЕННАГО ПОЯСА АЗІИ.

Въ этотъ день, пополудни, отецъ воротился домой только къ чаю и принесъ съ собой нѣсколько писемъ, которыя прежде хотѣлъ прочитать. Потомъ всѣ усѣлись, по обыкновенію, за чай, во время котораго говорили мало. Отпивъ чай, отецъ досталъ ложечкой изъ чайника нѣсколько размякшихъ листочковъ и, выкладывая ихъ на тарелку, сказалъ:

— Смотрите, дѣти, вотъ азіатское произведеніе, которое, впрочемъ, въ видѣ опыта, разводятъ въ Австраліи и Америкѣ; но нигдѣ оно не удается и не приготовляется такъ хорошо, какъ въ Китаѣ и, съ нѣкотораго времени, на горахъ Явы. Однако, изъ Китая вывозится наибольшее количество и самые лучшіе сорты, потому что тамъ не такъ жарко, какъ на Явѣ, а чайное растеніе требуетъ скорѣе умѣреннаго, чѣмъ жаркаго климата.

Разсмотрите этотъ листочекъ, дѣти, продолжалъ отецъ, и Ѳедя и Маша нагнулись къ тарелкѣ; онъ не великъ и очень правильно-зазубренъ. Для хорошаго чая выбираютъ самые молодые и самые нѣжные листочки, которые потомъ сушатъ, частью на солнцѣ, частью въ печи, на желѣзныхъ листахъ. Въ прежнее время ошибочно принимали различные сорты чая за листья

разныхъ растеній. Теперь, когда приготовленіе его въ Китаѣ не составляетъ уже тайны, дознано, что всѣ сорты состоятъ изъ листьевъ одного растенія, но разными способами высушенныхъ, отчего они и получаютъ разные цвѣта. Для зеленаго чая листья сушатся свѣжими; для черпаго ихъ предварительно или обдаютъ горячими парами, или просто опускаютъ на полминуты въ кипятокъ.

Въ Европу высылаютъ только эти два сорта. Кромѣ того, есть еще третій, самый низкій сортъ, который употребляютъ почти исключительно татары Средней Азіи и нѣкоторыя племена, живущія на границахъ Россіи. Для этого сорта сушатъ цѣлыя вѣтви и побѣги чайнаго куста, вмѣстѣ съ листьями, склеиваютъ ихъ липкою жидкостью, крѣпко сжимаютъ въ нечистыя лепешки и пекутъ. Такія лепешки называются кирпичнымъ чаемъ. Его приготовляютъ слѣдующимъ образомъ: отломивъ кусокъ чайнаго кирпича, его толкутъ и варятъ въ водѣ или молокѣ, съ прибавкою муки, соли и сала, приготовляя нѣчто въ родѣ супа.

— Какъ же можно пить чай съ солью и саломъ? воскликнула Маша, сдѣлавъ прекислую гримасу.

— Это тоже дѣло вкуса, продолжалъ отецъ. — Ты помнишь, вѣроятно, что твоя тетка, посѣщавшая насъ въ прошедшемъ году, ѣла дыни не съ сахаромъ, какъ мы, а съ перцомъ.

— Помню, папаша.

— Да вкусенъ ли этотъ чай? спросилъ Ѳедя.

— Люди, которые его пьютъ, находятъ его, вѣроятно, вкуснымъ; иначе они не стали бы его употреблять. Во всякомъ случаѣ, это такой же пріятный напитокъ, какъ нашъ нѣмецкій кофе, приготовляемый изъ цикорія и сушеной рѣпы или желудей. Татары средней Азіи состроили бы, вѣроятно, такую же гримасу, какъ это

только-что сдѣлала Маша, еслибъ имъ предложили, вмѣсто чая, нашъ доморощенный кофе. Что край, то обычай.

Умѣренный поясъ Азіи истинно-благословенная страна, и гдѣ почва хорошо орошена, она возвращаетъ сторицею то, что ей ввѣряютъ.

Но въ этомъ поясѣ Азіи много обширныхъ песчаныхъ степей. Онѣ посѣщаются только кочующими племенами, пригоняющими къ ихъ окраинамъ свой скотъ, въ умѣренное время года, когда, послѣ сильныхъ дождей, кое-гдѣ показывается трава. Но и эту скудную пищу скотъ находитъ здѣсь только, благодаря малому населенію страны. Подобныя пустыни занимаютъ всю середину Китая, откуда простираются въ Независимый Туркестанъ, внутрь Персіи и особенно въ Аравію, которая почти вся представляетъ песчаную равнину, перерѣзанную голыми утесами. Оттого внутренность южной половины Аравіи еще не изслѣдована, — по крайней мѣрѣ, европейскими путешественниками. Лишь небольшая югозападная часть Аравіи, по своему плодородію, съ древнѣйшихъ временъ называется Счастливою. Аравійская пустыня простирается и въ Малую Азію и называется здѣсь Сирійскою; но три четверти этой страны заключаютъ въ себѣ богатую, плодороднѣйшую почву, при самомъ чудномъ климатѣ, производящемъ много плодовъ, хлопчатой бумаги и шелку.

Между другими произведеніями Малой Азіи замѣчательны покрывающія огромныя поля розы, изъ которыхъ, какъ и въ Турціи, добывается розовое масло.

— И мы можемъ сдѣлать розовое масло изъ нашихъ розъ? спросила Маша.

— Нѣтъ, дитя мое: для этого у насъ ихъ слишкомъ мало.

— А еслибъ мы попробовали сажать розы на поляхъ? спросилъ Ѳедя.

— Это было бы слишкомъ убыточной забавой, отвѣчалъ отецъ, — мы должны сѣять на нашихъ поляхъ хлѣбъ, чтобы онъ не былъ слишкомъ дорогъ даже для бѣдняка. Уже пространства, засаженныя картофелемъ и свекловицей, для приготовленія водки и сахара, сильно уменьшаютъ количество земли, занятой хлѣбами; еслибъ мы начали сажать еще розы, то хотя поля наши были бы очень красивы, но не давали бы хлѣба: не могли бы удовлетворить потребности въ немъ жителей и даже не давали бы дохода хозяевамъ, потому что розы цвѣтутъ у насъ плохо и не такъ благовонны, какъ въ болѣе теплыхъ странахъ. Предоставъ, слѣдовательно, каждой странѣ производить то, что соотвѣтствуетъ ея почвѣ и ея климату; жители всегда могутъ обмѣнивать излишекъ своихъ произведеній на другія. Еслибъ мы начали разводить у себя кофе и пряности, а жители Остъ-Индскаго архипелага сажать картофель и сѣять рожь, то всѣмъ намъ пришлось бы умереть съ голоду.

Самая дѣятельная и трудолюбивая страна въ свѣтѣ, не исключая нашей просвѣщенной Европы, это Китай, о которомъ я вамъ уже говорилъ. Кромѣ чая, тамъ разводятъ, съ такимъ же стараніемъ и успѣхомъ, шелковичныхъ червей и необходимое для ихъ прокормленія тутовое дерево. О добываніи шелка я вамъ уже разсказывалъ, говоря о Франціи.

Китайцы приготовляютъ великолѣпную фарфоровую посуду и отличныя лакированныя издѣлія, хотя по двумъ этимъ статьямъ не могутъ сравняться съ японцами.

Японскій фарфоръ такъ легокъ, что дюжина чашекъ съ блюдечками и крышками вѣситъ нѣсколько лотовъ, и дотого тонокъ и эластиченъ, что его даже можно гнуть.

Точно такъ же японцы владѣютъ искусствомъ приготовлять лакъ, который напрасно старались поддѣлы-

вать нетолько въ Китаѣ, но и въ Европѣ. Это ихъ тайна, которую они умѣютъ сохранять; лакъ дотого хорошъ, что на него можно лить кипятокъ, вовсе его не повреждая. Онъ чрезвычайно тягучъ и блеститъ какъ зеркало.

Китайцы славятся въ особенности искусствомъ въ токарной и рѣзной работтѣ; изделія приготовляются изъ бамбука и слоновой кости. Въ недавнее еще время они представили работу, надъ которой европейцы напрасно ломали голову. Китайцы дѣлаютъ изъ одного куска слоновой кости шары, въ которыхъ заключается по шести, семи, иногда даже девяти шаровъ, одинъ въ другомъ; каждый изъ этихъ шаровъ сквозной и свободно обращается.

Изъ бамбуковаго тростника китайцы также рѣжутъ великолѣпныя вещи, а равно приготовляютъ очень красивыя плетенья.

Бамбукъ для жителей южнаго пояса столь необходимое растеніе, что безъ него они были бы лишены весьма многихъ удобствъ. Онъ растетъ колѣнцами, какъ нашъ камышъ, только несравненно выше и тверже его. Бамбукъ достигаетъ сорока и пятидесяти футовъ вышины, бываетъ толщиной отъ 5 до 6 вершковъ и при такомъ объемѣ дотого крѣпокъ, что можетъ быть употребляемъ вмѣсто балокъ при постройкѣ домовъ.

Бамбукъ ломается страшно трудно, но легко щепится на самыя тонкія продольныя волокна, которыя употребляются на множество издѣлій.

Жители жаркихъ странъ употребляютъ бамбукъ на плоты, такъ какъ онъ не идетъ на дно, по причинѣ многихъ закрытыхъ колѣнцъ, наполненныхъ воздухомъ; изъ бамбука строятъ мосты, ставя цѣлые стволы вмѣсто балокъ и столбовъ и кладя на поперечины грубыя, плетеныя изъ бамбука, маты, которые держатся весьма долго. Бамбукомъ покрываютъ крыши; изъ него же плетутъ

и стѣны домовъ; изъ колѣнцъ дѣлаютъ посуду, а изъ цѣлыхъ стволовъ водопроводныя трубы. Изъ этого растенія приготовляютъ всевозможные музыкальные инструменты, вырѣзаютъ стрѣлы и гарпуны, плетутъ шляпы и корзины, вьютъ канаты; однимъ словомъ, бамбукъ доставляетъ мѣстнымъ жителямъ все, даже пищу, потому что его молодые отростки, вареные, съѣдобны и имѣютъ вкусъ спаржи.

Въ Азіи, преимущественно на югѣ Китая, въ Японіи и на островѣ Суматрѣ, растетъ еще канфарное дерево, изъ породы лавроваго. Въ деревѣ заключается встрѣчаемая въ торговлѣ канфара. Ее находятъ иногда отложившеюся подъ корою дерева, но добываютъ и другимъ способомъ, именно вывариваютъ изъ свѣжихъ вѣтвей дерева.

Въ Китаѣ же растетъ такъ-называемое сальное дерево (стиллингія жироносная), изъ сѣменныхъ коробочекъ котораго, посредствомъ варки и выжиманія, получается хорошее и годное къ употребленію сало.

Вы видите, дѣти, что природѣ, для произведенія сала, не нуженъ даже скотъ: оно можетъ расти и на деревѣ. Точно такъ же есть восковое дерево, на которомъ насѣкомыя выдѣлываютъ воскъ, и родъ пальмы, въ сѣменныхъ коробочкахъ которой отлагается вещество похожее на слоновую кость, такъ что для полученія того и другаго намъ не нужно ни пчелъ, ни слоновъ. Но объ этихъ деревьяхъ мы поговоримъ, когда перейдемъ въ Африку, гдѣ вы найдете еще много замѣчательнаго.

— Что же разводятъ въ Россіи? спросилъ Ѳедя; или тамъ слишкомъ холодно?

— На крайнемъ сѣверѣ, дѣйствительно, такъ холодно, что нѣтъ возможности разводить ни рожь, ни картофель; тамъ съ трудомъ даже поспѣваетъ незначительное количество овса, и люди живутъ только рыбной ловлей и охотой. Тамъ водятся великолѣпнѣйшіе

пушные звѣри: соболь, горностай, разные виды лисицъ, выдра и множество другихъ. Правда, есть пушные звѣри и въ южныхъ странахъ, но тамъ мѣхъ ихъ не такъ хорошъ, обыкновенно рѣдокъ и скоро теряетъ волосъ, тогда какъ мѣхъ животныхъ холоднаго пояса отличается густотой и теплотой, а равно красивымъ цвѣтомъ и блескомъ.

Южная же Сибирь, за исключеніемъ нѣсколькихъ обширныхъ, холодныхъ степныхъ пространствъ, чрезвычайно плодородная страна, производящая всѣхъ родовъ хлѣба и плоды. Лучшую часть ея, такъ-называемую *Манджурію* или *Приамурскій край*, составлявшій прежде сѣверовосточный конецъ Китая, Россія пріобрѣла очень недавно, на основаніи договора съ китайскимъ правительствомъ. Однако, тамъ уже успѣли возникнуть начатки торговли и земледѣлія.

— Какіе же люди живутъ въ Азіи, папаша? спросилъ Ѳедя.

— Я еще ничего не говорилъ вамъ о жителяхъ Азіи, хотя она въ отношеніи народонаселенія земнаго шара самая важная и самая замѣчательная часть свѣта. Объ этомъ придется, однако, говорить долго: въ Азіи живетъ множество народовъ различныхъ племенъ и вѣроисповѣданій, народовъ, говорящихъ на множествѣ разныхъ языковъ, племенъ чрезвычайно образованныхъ, и, рядомъ съ ними, еще совершенно дикихъ. Поэтому, отложимъ разсказъ объ этомъ дозавтра.

ГЛАВА V.

ОБИТАТЕЛИ АЗІИ.

На слѣдующій вечеръ отецъ, положивъ передъ дѣтьми карту Азіи, сказалъ:

— Вы желали познакомиться съ обитателями этой части свѣта.

На земномъ шарѣ нѣтъ мѣстности, которая бы представляла болѣе смѣшанное народонаселеніе, чѣмъ Азія. До прибытія европейцевъ, Америка была населена однимъ человѣческимъ племенемъ. То же самое было въ Австраліи, то же мы видимъ и въ Европѣ. Азія, напротивъ того, заключаетъ въ себѣ различныя племена. Но прежде, чѣмъ ихъ назвать, я скажу вамъ нѣсколько словъ о раздѣленіи всего человѣческаго рода на племена.

Вы знаете уже, что на земномъ шарѣ есть люди различныхъ цвѣтовъ. Первая карта, которую я вамъ далъ, была окрашена въ эти цвѣта, а именно Европа была оставлена бѣлою, Африка и Австралія покрыты черной краской, Америка красной и Азія желтой.

Австралія, Америка и Европа, дѣйствительно, могли быть изображены одноцвѣтными. Но Азію и Африку слѣдовало бы покрыть различными красками, хотя большинство обитателей Азіи желтоватаго, а Африки чернаго цвѣта.

Разбросанные по всему свѣту народы, по различ-

ному цвѣту кожи и волосъ и различному устройству черепа, раздѣлены учеными людьми на пять главныхъ племенъ, такъ что каждый народъ причисляется къ тому или другому племени. Эти пять племенъ суть слѣдующія: *кавказское*, *монгольское*, *эѳіопское*, *американское* и *малайское*. Вотъ ихъ отличительные признаки:

Кавказское племя, къ которому принадлежимъ и мы, и которое перешло изъ южной Азіи, черезъ Кавказъ, въ Европу и распространилось по ней, представляетъ бѣлый цвѣтъ лица, мягкіе, длинные волосы на головѣ, густую бороду и болѣе округлый черепъ. Монгольское племя обитаетъ среднюю и сѣверную Азію; оно имѣетъ темный, желтоватый цвѣтъ тѣла, черепъ почти четыреугольный, выдающіяся скулы, узкіе, косо-разрѣзанные глаза, нѣсколько приплюснутый носъ, вздернутыя губы и черные, болѣе жесткіе, чѣмъ у европейцевъ, волосы. Къ этому племени принадлежатъ всѣ жители западной Азіи, Китая и Азіатской Россіи, до Берингова пролива, который отдѣляетъ Азію отъ Америки и по обѣимъ сторонамъ котораго, какъ вы, вѣроятно, помните, обитаетъ азіатское племя чукчей, родственное американскимъ эскимосамъ.

Американское племя живетъ, къ югу отъ эскимосовъ, исключительно на американскомъ материкѣ и близълежащихъ островахъ. Оно мѣдно-краснаго цвѣта, съ длинными, жесткими волосами и почти кавказскими чертами лица, только рѣдкой бородой и низкимъ лбомъ.

Эѳіопское или негрское племя обитаетъ Африку и представляетъ черную, бархатистую кожу, курчавые, вьющіеся мелкими кольцами волосы, широкій, вздернутый носъ, толстыя губы и сильно выдающуюся впередъ нижнюю челюсть. Наконецъ, малайское племя живетъ на югѣ Азіи и островахъ Индійскаго и Тихаго океановъ, и, отличаясь коричневымъ цвѣтомъ кожи, ближе другихъ

племенъ подходитъ къ кавказскому. При этомъ дѣленіи человѣчества на 5 племенъ жителей западнѣйшихъ острововъ Тихаго океана считаютъ потомками малаевъ и американцевъ, а обитателей Австраліи потомками малаевъ и эѳіопянъ.

Но послѣднее совершенно ложно: папуанцы составляютъ, какъ я вамъ уже объяснилъ, отдѣльное племя, *австралійское*: у нихъ нѣтъ ни бархатистой кожи и курчавыхъ волосъ негра, ни отличительныхъ признаковъ малая.

Гораздо основательнѣе можно отвергать самостоятельность малайскаго племени и признавать малаевъ потомками азіатовъ монгольскаго или кавказскаго племени, проникшихъ съ материка Азіи на острова и оттѣснившихъ природное населеніе этихъ острововъ въ лежащія внутри ихъ горы. Эта догадка опирается на существованіи внутри нѣкоторыхъ острововъ особаго племени, совершенно отличнаго отъ малайскаго и приближающагося болѣе къ австралійскому.

Кавказское племя превосходитъ другія умственными способностями и, по нашему мнѣнію, красотою.

— По нашему мнѣнію! повторилъ, смѣясь, Ѳедя; — вѣроятно, и скверные папуасы согласятся, что мы красивѣе ихъ.

— Ты можешь ошибаться, возразилъ отецъ. — Всякому свое милѣе. И между нами много уродливыхъ людей; но немногіе изъ нихъ сознаютъ свое безобразіе. Тѣмъ менѣе можно ожидать признанія нашей красоты со стороны иноплеменныхъ народовъ, которые не могутъ себѣ вообразить лица красивѣе тѣхъ людей, которыхъ они привыкли любить: родителей, братьевъ, сестеръ. Этотъ примѣръ можетъ насъ заставить спросить самихъ себя, не пристрастны ли мы къ нашему лицу? Впрочемъ, красота вещь второстепенная: будь только

человѣкъ добръ и честенъ, исполняй онъ свои обязанности и не дѣлай другому того, чего бы самъ не хотѣлъ испытать, — и совершенно все-равно, будутъ ли у него губы немного толще и скулы болѣе выдавшіяся, чѣмъ у другаго.

Кавказское племя проникло въ Европу черезъ Кавказъ, изъ Индіи. Къ нему принадлежатъ индусы, белуджи, авганы, персы, жители Кавказа и всѣ европейцы, за исключеніемъ турокъ, которые монгольскаго происхожденія, но которыхъ высшее сословіе представляетъ совершенно кавказскія черты лица, по существовавшему у него съ давнихъ поръ обыкновенію покупать женъ съ Кавказа. Къ малайскому племени причисляются въ Азіи жители полуострова Малакки и Остъ-Индскаго архипелага. Всѣ остальные народы Азіи принадлежатъ къ племени монгольскому.

Что касается вѣры этихъ племенъ, то весь югозападъ Азіи, то есть жители Кавказа, Азіатской Турціи, Аравіи, Персіи, Туркестана, Авганистана, Белуджистана, полуострова Малакки и нѣкоторыхъ Остъ-Индскихъ острововъ, исповѣдуетъ магометанскую религію, о которой я вамъ уже говорилъ; большая часть китайцевъ и японцевъ и жители Загангскаго полуострова привержены къ буддаизму, народы Индустана къ брамаизму, наконецъ, между кочевыми народами Сибири господствуетъ шаманство. О всѣхъ этихъ религіяхъ, кромѣ магометанской, можно сказать, что онѣ идолопоклонническія. Азіатская Турція находится подъ управленіемъ турецкаго султана. Онъ признаетъ подвластною себѣ и Аравію, хотя ея кочевые народы на дѣлѣ совершенно независимы. — Главное занятіе осѣдлыхъ жителей Малой Азіи, то есть имѣющихъ постоянное мѣсто жительства, состоитъ въ земледѣліи, которому способствуетъ чрезвычайное плодородіе почвы; ко-

чующее же населеніе занимается скотоводствомъ. Стада составляютъ главный источникъ пропитанія и аравитянъ, ведущихъ кочевую жизнь, подъ управленіемъ эмировъ и шейховъ.

Персіею управляетъ независимый шахъ. Господствующее въ ней исповѣданіе, какъ я вамъ сказалъ, магометанское, хотя здѣсь живетъ еще много парсовъ, остающихся вѣрными религіи своихъ предковъ. Предметъ ихъ поклоненія Богъ въ видѣ огня и его высшаго представителя, солнца; огонь, по мнѣнію парсовъ, чистѣйшая въ мірѣ стихія.

Не смотря на это, Персія, вмѣстѣ съ Малой Азіей, можетъ служить въ Азіи представительницей магометанской религіи, исламизма. Въ Персіи населеніе живетъ, большею частью, въ городахъ, занимаясь разными промыслами и торговлей, и въ деревняхъ, обрабатывая землю. Осѣдлые жители есть и въ сосѣднихъ государствахъ: независимомъ Туркестанѣ, Авганистанѣ и Белуджистанѣ. Но въ этихъ земляхъ преобладаетъ кочующее населеніе, переходящее со своими стадами, по мѣрѣ вытравленія пастбищъ, съ одного мѣста на другое. Многія изъ этихъ племенъ не признаютъ даже опредѣленныхъ границъ своимъ кочевьямъ Ими управляютъ независимые князья или ханы.

— Эти кочующія племена тоже магометанскаго исповѣданія? спросилъ Ѳедя.

— Не всѣ, дитя мое. Магометанская религія между ними преобладаетъ; но ты долженъ помнить, что страны эти граничатъ съ Россіей, Китаемъ и Индустаномъ, и на границахъ исповѣданія смѣшиваются. Между кочующими племенами можно найти христіанъ, магометанъ и даже поклонниковъ Будды. Въ западной Аравіи, близъ Чермнаго моря, живетъ, въ каменистой пустынѣ, многочисленное и воинственное кочующее племя рехаби-

товъ, принадлежащихъ къ еврейскому исповѣданію. Подобно другимъ аравійскимъ племенамъ, оно беретъ дань съ проходящихъ каравановъ, и рехабитовъ очень боятся.

— Я этого не понимаю, замѣтила Маша.

— Караваны, сказалъ Ѳедя: — это большіе поѣзды на вьючныхъ животныхъ; не правда ли, папаша?

— Да, другъ мой. Въ этихъ обширныхъ пустыняхъ, гдѣ путешественнику приходится проѣхать много миль по песку и между скалами, не встрѣчая человѣческаго жилья, не находя даже воды, одинокій странникъ подвергался бы большимъ опасностямъ. Поэтому, путешественники, преимущественно купцы, отправляющіеся въ одно мѣсто, условливаются съ вожаками поѣзда, навьючиваютъ свои товары и пожитки на множество верблюдовъ и ѣдутъ длинной вереницей, называемой караваномъ.

— Что же такое дань?

Данью называется плата извѣстной суммы, взъимаемая сильнѣйшимъ со слабѣйшаго, иногда подъ предлогомъ оказываемой ему защиты. Такъ, напр., многія кочующія племена Малой Азіи и Аравіи платятъ дань турецкому султáну, чѣмъ выражаютъ въ то же время, что они признаютъ его своимъ властителемъ; дань эта не всегда состоитъ изъ денегъ; она можетъ уплачиваться лошадьми, тканями, сельскими произведеніями и проч. Нѣкоторое сходство съ этимъ представляетъ дань, которую платятъ караваны; разница только въ томъ, что купцы не признаютъ надъ собою верховной власти кочующихъ племенъ. Это какъ бы шоссейная пошлина.

— Да тамъ нѣтъ шоссе! воскликнулъ Ѳедя.

— Нѣтъ, отвѣтилъ, смѣясь, отецъ, — развѣ если ты примешь за шоссе пустыню, простирающуюся часто на сотни миль. Но я употребилъ слова „шоссейная пошлина“ только потому, что кочующія племена считаютъ

себя хозяевами этихъ пустынь и взъимаютъ подать за проѣздъ; во всякомъ случаѣ сила на ихъ сторонѣ, и купцы едвали могли бы имъ противиться. Дань эта, слѣдовательно, только родъ выкупа отъ грозящей опасности. Однимъ словомъ, кочующія племена заставляютъ платить себѣ за то, что не нападаютъ на караваны и не грабятъ ихъ.

— Какъ же допускаетъ это правительство? спросилъ Ѳедя.

— Да податью пользуются сами начальники племенъ, иногда даже участвующіе въ грабежѣ. Сосѣднія же правительства не могутъ этого воспретить, потому что еслибы они даже послали и войско для покоренія этихъ племенъ, то разбойничьи шайки скрылись бы въ пустыню, гдѣ знаютъ каждое ущеліе, и войска не отважились бы ихъ преслѣдовать.

Такія кочующія племена заселяютъ нетолько Аравію, часть Персіи. Независимый Туркестанъ, Авганистанъ и Белуджистанъ, но и часть сѣвернаго Китая и и Азіатской Россіи.

Собственно Китай неимовѣрно многолюдная страна, жители которой занимаются хлѣбопашествомъ и разными ремеслами, но скотоводствомъ мало. Въ сѣверной части Китая живутъ монгольскія и татарскія орды, и противъ нихъ-то китайцы выстроили въ прежнее время ту замѣчательную стѣну, которую можно считать чудомъ свѣта.

Вы найдете эту стѣну на картѣ; она обозначена точками и проходитъ по горамъ и долинамъ, по глубокимъ ущельямъ и черезъ быстрыя рѣки и прежде была вездѣ одинаковой вышины, въ 26 футовъ, и такой ширины, что по ней могли ходить полки войска. Въ мѣстахъ, гдѣ скорѣе всего можно было ожидать вторженія вражьихъ племенъ, стѣна двойная и тройная; на

ней, въ извѣстномъ разстояніи, поставлены башни. Вся стѣна имѣетъ въ длину около 300 миль. Ею китайцы надѣялись удержать воинственныхъ татаръ отъ вторженія. Не смотря на то, послѣдніе вторглись и завладѣли всею имперіею; потомки ихъ вождей господствуютъ въ ней и по настоящее время. Въ послѣдніе годы вспыхнуло противъ нихъ возмущеніе, и междоусобная война продолжается съ ожесточеніемъ и до сихъ поръ.

Какъ велика китайская имперія, вы можете судить изъ того, что она на 100,000 □ миль обширнѣе Европы и заключаетъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, свыше 300 милліоновъ жителей. Съ достовѣрностью цифры этой нельзя опредѣлить, потому что китайцы не допускаютъ иностранцевъ внутрь страны и европейцы не могли ее ближе изслѣдовать.

Китайцы принадлежатъ къ монгольскому племени и имѣютъ желтоватый цвѣтъ тѣла. Это дѣятельный, предпріимчивый и способный народъ; многія изобрѣтенія, которыми мы обязаны только послѣднимъ временамъ, извѣстны имъ уже нѣсколько сотенъ лѣтъ. Я назову вамъ напр. порохъ и компасъ. Печатаніе также было имъ извѣстно гораздо раньше, чѣмъ намъ: игорныя карты печатаются у нихъ буквами и знаками съ отдаленнѣйшей древности.

Китай родина шелковичнаго червя, который отсюда вывезенъ въ другія страны; точно такъ же происходитъ изъ Китая чайное дерево и очень красивый цвѣтокъ, который нерѣдко можно видѣть въ комнатахъ и оранжереяхъ: камелія.

Какъ пустынны степи, лежащія на сѣверѣ страны, гдѣ живутъ кочующіе монголы, питаясь отъ своихъ стадъ, такъ густо населенъ собственно Китай, къ югу отъ большой стѣны. Тамъ пользуются каждымъ футомъ земли, даже таскаютъ землю, для посѣвовъ, на скалы, а вблизи большихъ городовъ, какъ напр. Кантона, про-

44*

изводящаго самую обширную торговлю съ иностранцами, тысячи людей живутъ на водѣ.

— На водѣ, папаша! воскликнули дѣти. — Что же, они постоянно ѣздятъ на корабляхъ?

— Они не ѣздятъ съ одного мѣста на другое, но помѣщаются въ широкихъ и плоскихъ большихъ лодкахъ, укрѣпленныхъ одна возлѣ другой и представляющихъ настоящія улицы. Живущіе тамъ люди занимаются или разными ремеслами, какъ на твердой землѣ, или рыболовствомъ. Нѣкоторые содержатъ безчисленныя стаи утокъ, совершенно ручныхъ, проводящихъ цѣлый день на водѣ, для отъисканія пищи, а ночь въ лодкахъ.

— Что же китайцы дѣлаютъ со всѣми этими утками? спросила Маша.

— То же самое, что и мы съ домашними гусями или курами: они продаютъ утокъ и яйца. Китайцы выводятъ птицъ посредствомъ искусственной теплоты, то есть въ умѣренно-нагрѣтыхъ печахъ. Вы знаете, что птицы высиживаютъ птенцовъ въ гнѣздахъ, сидя на яйцахъ и содержа ихъ такимъ образомъ въ постоянной теплотѣ. Черепахи и крокодилы кладутъ свои яйца въ песокъ и предоставляютъ выводъ ихъ солнцу. То же дѣлаютъ, напримѣръ, строусы и другія птицы. Смышленые китайцы замѣтили это и выводятъ искусственнымъ образомъ, въ нагрѣтыхъ печахъ, тысячи утокъ, фазановъ и другихъ птицъ.

— Значитъ, и маленькія дѣти живутъ на лодкахъ. А если они упадутъ въ воду? спросила Маша.

— Гдѣ дѣти съизмала привыкли къ водѣ, тамъ они учатся плавать почти въ то же время, когда начинаютъ ходить. Но чтобы очень маленькихъ дѣтей предохранить отъ опасности, родители подвязываютъ имъ свиные пузыри, и если ребенокъ упадетъ въ воду, то онъ только окунется, за то въ другой разъ будетъ осторож-

нѣе. Наполненные воздухомъ пузыри не позволяютъ дитяти идти ко дну, а отецъ или мать ребенка беретъ лежащій на готовѣ длинный крюкъ и вытаскиваетъ неосторожнаго.

— Я, однако, останусь охотнѣе на землѣ, сказала Маша; — должно быть не очень пріятно проводить всю жизнь въ узкой лодкѣ.

— Ты совершенно права, отвѣчалъ отецъ, — и мы во многихъ отношеніяхъ должны радоваться, что живемъ не въ Китаѣ и особенно не на водѣ.

— Но императоръ, вѣрно, не живетъ въ лодкѣ, замѣтилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, дитя мое. Китайскій императоръ живетъ въ *Пекинѣ*, столицѣ имперіи; отъищите мнѣ этотъ городъ на картѣ. ***Кантонъ*** и ***Нанкинъ***, два другіе очень большіе города, весьма населенные. Въ Пекинѣ, говорятъ, два милліона жителей.

— Нанкинъ? спросила Маша: — прошлое лѣто у меня было платьице изъ нанки.

— Издѣліе это, дѣйствительно, было сперва вывозимо изъ Нанкина въ Европу; это отличная бумажная матерія, составляющая и донынѣ важный предметъ торговли китайцевъ съ другими народами. Кромѣ того, китайцы занимаются производствомъ шелковыхъ матерій, фарфора, лакированныхъ товаровъ, туши и проч. Изъ всего сказаннаго вы видите, что это народъ весьма трудолюбивый. Для сегоднишняго дня, однако, довольно, а завтра посмотримъ, какіе народы живутъ въ остальной Азіи.

ГЛАВА VI.

ЖИТЕЛИ АЗІИ.

(Продолженіе.)

— Папаша, обратился на слѣдующій вечеръ Ѳедя къ отцу, когда тотъ взялъ карту и хотѣлъ продолжать начатый разсказъ: — індіянцы Азіи живутъ охотой?

— Въ Азіи, дитя мое, нѣтъ индіянцевъ. Тебя ввело въ заблужденіе слово Индія. Но жители азіатской или восточной Индіи называются не индіянцами, а *индійцами* или *индусами*.

Американскіе индіянцы совершенные дикари и, дѣйствительно, живутъ охотой. Жители же восточной или Остъ-Индіи почти всѣ занимаются земледѣліемъ, носятъ платья своего приготовленія, имѣютъ огромные города, жрецовъ и законоучителей, часто людей весьма свѣдущихъ. Вы видите, слѣдовательно, что между индусамии ндіянцами большая разница. Индійскіе владѣтельные князья живутъ въ великолѣпныхъ дворцахъ и окружаютъ себя блестящимъ дворомъ. Индусы-ремесленники весьма искусны, особенно ткачи и золотыхъ дѣлъ мастера; издѣлія послѣднихъ, самой нѣжной отдѣлки золотыя вещи, украшенныя брилліантами и другими драгоцѣнными камнями, въ Индіи въ большомъ употребленіи. Сословія разграничены у индусовъ еще строже, чѣмъ у насъ, и называются *кастами;* ихъ четыре: къ первой принадле-

жатъ жрецы, ко второй воины, къ третьей купцы и земледѣльцы; четвертую составляютъ слуги. Члены одного сословія не могутъ переходить въ другое, и люди низшей касты, называемые *судрами*, презрѣнныя твари для лицъ, стоящихъ выше. Судра долженъ питаться объѣдками своихъ господъ и одѣваться ихъ обносками. Ему запрещается пріобрѣтать что бы то ни было въ собственность; если судра оскорбитъ словесно человѣка второй или третьей касты, то ему вырѣзываютъ языкъ; за оскорбленіе же брамина грозитъ смертная казнь; даже если судра осмѣлится сѣсть подлѣ брамина или занять его мѣсто, то раскаленное желѣзо прикладывается къ болѣе виновной части тѣла слуги. Названіе судры есть бранное слово, и штрафъ за убіеніе этого несчастнаго не превышаетъ суммы, платимой за смерть неважнаго домашняго животнаго, напр. собаки или кошки. Но есть человѣческія существа еще ниже судръ: это *паріи*. Они отправляютъ самыя низкія работы: сдираютъ и обрабатываютъ, напримѣръ, кожу съ падали, питаясь ея мясомъ. Прикосновеніе ихъ и даже тѣнь отъ ихъ тѣла считаются оскверняющими. Они должны брать воду изъ особыхъ колодцевъ и живутъ внѣ городовъ, въ кварталахъ, окруженныхъ рвами и рогатками.

Вообще, въ Индіи мы встрѣчаемъ самые отвратительные обычаи: самоубійства, съ цѣлью заслужить рай, убіеніе для этого же другихъ людей, сожженіе вдовъ по смерти ихъ мужей. И обычаи эти, не смотря на старанія англичанъ, будутъ, вѣроятно, существовать еще очень долго.

— Большая часть страны означена красной краской, замѣтилъ Ѳедя; — не можетъ быть, чтобы вся эта земля принадлежала англичанамъ.

— Однако, на самомъ дѣлѣ оно такъ; вы видите, какъ обширны владѣнія этого предпріимчиваго народа нетоль-

ко въ Америкѣ и Австраліи, но и въ Азіи. Индустанъ составляетъ самую важную англійскую колонію, и отсюда производится обширнѣйшая торговля всѣми произведеніями этой богатой страны.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ индусы возстали противъ англичанъ и перебили много несчастныхъ англійскихъ семействъ. Но они скоро убѣдились, что жители сѣвера гораздо сильнѣе ихъ; англичане, не смотря на свою малочисленность въ Индіи, не оробѣли; корабль за кораблемъ приставалъ со свѣжими войсками, и возмутители были вездѣ побиты и должны были снова покориться прежнимъ своимъ повелителямъ.

— А если индусы не хотятъ допускать въ свое отечество иностранцевъ? спросила Маша.

— Мы возвращаемся, дитя мое, снова ко всегдашнему образу дѣйствія сильнѣйшей стороны. Сильнѣйшій беретъ то, что ему нужно или что ему нравится, и слабѣйшій долженъ уступить. Такъ поступили русскіе въ Сибири, татары въ Китаѣ, англичане въ Индіи, голландцы на Остъ-Индскомъ архипелагѣ, турки въ Европѣ, французы, какъ вы увидите, въ Африкѣ. По здравому понятію о справедливости этого не должно бы случаться; но кто можетъ передѣлать свѣтъ? Подобное насиліе искоренится только бо̀льшимъ просвѣщеніемъ народовъ, когда сердце будетъ внушать переселенцамъ жалость къ страданіямъ народовъ слабѣйшихъ.

— А означенный красной краской островъ подлѣ Китая — также принадлежитъ англичанамъ? спросила Маша.

— Да, другъ мой. Это островъ *Хонконгъ*, который англичане пріобрѣли по договору съ Китаемъ, состоявшемуся послѣ морскаго сраженія, въ которомъ ан-

гличане истребили цѣлую эскадру китайскихъ джонокъ.

— А кому принадлежатъ страны, покрытыя свѣтло зеленой краской?

— Туземцамъ. Напримѣръ, на Загангскомъ полуостровѣ есть, какъ я вамъ уже говорилъ, три большія государства: Бирма, Сіамъ и Анамъ, а туземцы полуострова Малакки также управляются многими независимыми князьями. Независимыя владѣнія туземныхъ жителей вы можете прослѣдить, по тому же цвѣту, и далѣе, въ архипелагѣ. Острова и берега, означенные голубой краской, принадлежатъ голландцамъ, имѣющимъ, вообще, чрезвычайно богатыя владѣнія въ этой части свѣта. Вся Ява составляетъ ихъ колонію; они овладѣли многими другими маленькими островами, а на большихъ островахъ, Суматрѣ, Борнео и Целебесѣ, берегами на значительномъ протяженіи. Далѣе къ сѣверу острова, означенные розовой краской, принадлежатъ Испаніи; впрочемъ, и здѣсь есть еще пространства, находящіяся во власти малаевъ.

Но и малаи не коренные жители этихъ островов.

Вся группа была обитаема прежде сильнымъ темнокожимъ племенемъ, представляющимъ сильное сходство съ папуасами. По всей вѣроятности, жители южныхъ береговъ Азіи, кавказскаго и монгольскаго племенъ, усвоивъ искусство мореплаванія, стали завоевателями. Смѣлые и предпріимчивые, они завладѣли, можетъ быть, Малаккой и сосѣдними островами, но селились только въ прибрежныхъ мѣстностяхъ, оттѣсняя коренныхъ жителей вглубь страны, въ горы. Отъ этого происходитъ, что мы на всѣхъ этихъ островахъ находимъ два племени туземцевъ: малаевъ по берегамъ, а природныхъ жителей страны, говорящихъ совсѣмъ другимъ языкомъ, въ горахъ.

Прибывшіе впослѣдствіи на эти острова европейцы покоряли только малаевъ, потому что не рѣшались удаляться отъ своихъ кораблей и проникнуть въ горы. Коренные же жители не подвергались ихъ нападеніямъ. Только на Явѣ голландцы покорили оба племени туземцевъ, имѣвшихъ своихъ раджъ, то есть государей, и разводятъ теперь въ горахъ кофе и рисъ.

На островахъ Борнео и Суматрѣ существуютъ еще, однако, коренные жители, которые до сего времени, за исключеніемъ нѣкоторыхъ береговъ, съумѣли защитить свою родину отъ нападеній европейцевъ. Многіе изъ нихъ занимаются земледѣліемъ, а также промывкой встрѣчающагося на островѣ Борнео золота, которое они продаютъ бѣлымъ. Другіе живутъ охотой, рыбной ловлей и, къ сожалѣнію, морскимъ разбоемъ.

— Этого голландцы не должны допускать, сказалъ Ѳедя.

— Они всѣми силами преслѣдуютъ пиратовъ, но со своими большими военными кораблями не могутъ проѣхать между маленькими островами, скалами и мелями. У морскихъ же разбойниковъ всегда есть убѣжища, куда они въ случаѣ нужды могутъ спрятаться; притомъ же, ихъ маленькія лодки были гребныя. Лишь только они замѣчали военный корабль и подозрѣвали, что онъ намѣренъ ихъ преслѣдовать, они тотчасъ начинали грести противъ вѣтра; а противъ вѣтра корабль не можетъ идти на парусахъ. Но какъ же пираты были наказаны голландцами, когда тѣ пріѣхали въ первый разъ въ архипелагъ на пароходѣ. Пароходы начали употребляться для отдаленныхъ морскихъ путешествій съ очень недавняго времени.

Морскіе разбойники замѣтили корабль, но спокойно продолжали грести къ находившемуся невдалекѣ убѣжищу. Вдругъ пароходъ повернулъ противъ нихъ, и они увидѣли съ испугомъ, что онъ идетъ противъ вѣ-

тра скорѣе, чѣмъ они могутъ грести. Не успѣли они достичь острова, какъ пароходъ преградилъ имъ путь и далъ по нимъ залпъ изъ своихъ пушекъ.

— И подѣломъ! воскликнулъ Ѳедя. — Вотъ при этомъ я желалъ бы быть!

— Дитя мое, по нашимъ понятіямъ о законности и справедливости, пираты злые люди, которые, грабя корабли для полученія добычи, лишили жизни не одного человѣка; не смотря на это, непріятно смотрѣть, какъ наказываютъ людей, и нечего спѣшить быть свидѣтелемъ насильственной смерти другаго человѣка.

— Да они не имѣли права нападать на чужіе корабли.

— Нѣтъ, и я вовсе не утверждаю, чтобы постигшее ихъ наказаніе не было вполнѣ заслуженнымъ. Притомъ же, преслѣдованіе морскихъ разбойниковъ, само по себѣ, было, вѣроятно, очень интересно: я понимаю, что тебѣ могло хотѣться его видѣть. Но у тебя сердце облилось бы кровью, еслибъ ты былъ свидѣтелемъ, какъ ядра бѣлыхъ падали между полунагихъ дикарей и убивали сотни людей, чуть не въ виду ихъ семействъ, которыя потомъ напрасно ожидали возвращенія погибшихъ. Кромѣ того, эти люди считали своею собственностью все, что плавало на водѣ, точно такъ, какъ европейцы считаютъ своею собственностью земли, лежащія въ другихъ частяхъ свѣта. И тѣ, и другіе неправы; но европейцы сильнѣе; еслибы, напротивъ, туземцы перебили или, по крайней мѣрѣ, прогнали завоевателей, приходившихъ отнять у нихъ отечество, то мы, вѣроятно, сказали бы, что они поступили и справедливо, и благородно.

Но какъ бы то ни было, всѣ мореходные и торговые народы должны быть благодарны голландцамъ, что они содержатъ въ тѣхъ водахъ родъ полиціи; иначе ни од-

но невооруженное купеческое судно не могло бы тамъ ходить безопасно.

Впрочемъ, эти дикари, принадлежащіе къ малайскому племени, гораздо образованнѣе американскихъ и австралійскихъ туземцевъ. Они знакомы со многими ремеслами, плавятъ и куютъ желѣзо и приготовляютъ изъ стали отличное оружіе. Почти всѣ носятъ искусно отдѣланные кинжалы, которые у людей богатыхъ украшены золотомъ и брилліантами, а во время войны дикари употребляютъ короткіе мечи, копья, луки и стрѣлы. На Борнео, а равно и на нѣкоторыхъ сосѣднихъ островахъ, какъ наприм. на маленькомъ островѣ Бали, лежащемъ къ востоку отъ Явы, туземцы употребляютъ еще *продувные* стволы, изъ твердаго дерева, длиной отъ пяти до шести футовъ, пуская изъ стволовъ короткія напитанныя ядомъ стрѣлы, подобно тому, какъ это дѣлаютъ, вы помните, туземцы южной Америки. Стрѣлы эти летятъ на разстояніе 60 и 80 шаговъ и глубоко впиваются въ тѣло. Жители Суматры и Явы очень воинственный народъ, и бѣлымъ не легко съ ними справляться. У одного независимаго племени на Суматрѣ сохранился обычай пожирать провинившихся въ извѣстныхъ преступленіяхъ и военноплѣнныхъ.

— Значитъ, и въ Азіи есть людоѣды, замѣтилъ Ѳедя.

— Да, другъ мой, — и всего ужаснѣе то, что обреченныхъ на съѣденіе пожираютъ живыми. Нѣкоторые писатели даже утверждаютъ, что это племя пожираетъ своихъ стариковъ, лишившихся силъ работать. Но эти звѣрскія пиршества не служатъ средствомъ утолять голодъ, а суть остатки прежнихъ обычаевъ. Вообще, я не думаю, чтобы въ настоящее время существовалъ народъ, который смотрѣлъ бы на человѣка какъ на пищу. Причиной людоѣдства должно, скорѣе, признать сохранившіеся обычаи, религіозныя вѣрованія, изсту-

пленіе противъ непріятеля, тѣмъ болѣе, что въ странахъ, гдѣ существуетъ этотъ обычай, природа изобильно даетъ человѣку все, что ему нужно: множество дичи и самые лучшіе плоды.

— Объ охотѣ въ Азіи ты намъ еще не говорилъ, папаша, сказалъ Өедя. — Я ужъ думалъ, что тамъ вовсе нѣтъ дичи.

— Напротивъ того: тамъ ея болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, за исключеніемъ развѣ Африки. Но намъ нужно прежде покончить съ обитателями страны.

— И про Россію ты намъ еще ничего не говорилъ! воскликнула Маша. Өедѣ бы только слушать разсказы про охоту!

— Теперь мы и отправимся въ Россію, отвѣчалъ отецъ. Но какой намъ выбрать путь, чтобы удобнѣе добраться до Сибири?

— Прямо черезъ Китай, отвѣтилъ Өедя.

— Ты забываешь, возразилъ отецъ, — что китайцы не пускаютъ чрезъ свое отечество иностранцевъ и что тамъ теперь свирѣпствуетъ кровавая революція. Намъ нужно отъискать другую дорогу.

— Такъ поѣдемъ моремъ, предложилъ Өедя: — вокругъ Амурской областли.

— Она также причисляется къ Сибири. Какимъ же моремъ мы къ ней подъѣдемъ.

— Великимъ океаномъ.

— Такъ; но ты видишь, что часть этого океана почти замкнута островами и носитъ другое названіе.

— Ахъ, да: это ***Охотское*** море.

— Прежде, чѣмъ добраться до Охотскаго моря, мы проѣдемъ мимо другой, еще значительнѣйшей гряды островов, составляющихъ Японскую имперію и замыкающихъ Японское море; самый большой изъ нихъ островъ ***Нипонъ***; на немъ находится столица свѣтскаго

императора Японіи, *Іеддо*; это лицо пользуется верховною властью, тогда какъ духовный императоръ, живущій въ городѣ Міако, на томъ же острову, облеченъ лишь почетомъ. Видомъ японцы совершенно схожи съ китайцами; они носятъ такую же одежду, ведутъ такой же образъ жизни, представляютъ тѣ же нравы и обычаи; наконецъ, и произведенія обѣихъ странъ одинаковы. И японцы не допускаютъ къ себѣ иностранцевъ, и только въ послѣднее время заключили торговый договоръ съ американцами, голландцами, французами, англичанами и русскими.

Японія лежитъ еще въ довольно умѣренномъ климатѣ, посѣщается снѣжной зимой, но пользуется и жаркимъ лѣтомъ. Теперь же мы переходимъ въ страну, которая простирается далеко за полярный кругъ, — то есть, въ ледовитый поясъ; она, большею частью, населена кочующими народами.

Азіатская Россія представляетъ обширнѣйшія равнины, по величинѣ подобныя тѣмъ, которыя мы встрѣчали уже въ Америкѣ: въ южной подъ названіемъ льяносовъ и пампасовъ, въ сѣверной же, подъ названіемъ саваннъ. Даже можно сказать, что вся западная Сибирь, до рѣки Енисея, и весь сѣверный берегъ представляютъ одну сплошную равнину. Но только незначительная часть ея состоитъ изъ луговъ; остальное пространство покрыто нескончаемыми лѣсами, болотами, непроходимыми лѣтомъ и называющимися здѣсь тундрами, и, наконецъ, солончаками.

Пустыни жаркихъ странъ опасны для путешественника: солнце жжетъ отвѣсно; на пространствѣ многихъ миль нѣтъ капли воды, и въ воздухѣ кружится мелкій песокъ. Но и сѣверныя степи грозятъ гибелью, когда въ нихъ бушуетъ суровый сѣверный вѣтеръ, подымая на воздухъ цѣлыя облака мелкаго снѣга. Въ са-

няхъ ли, верхомъ ли, путешественникъ нерѣдко бываетъ въ опасности быть заживо погребеннымъ.

Въ степяхъ этихъ, разумѣется, живутъ только кочующія племена, потому что въ суровую зиму трудно тамъ оставаться. Съ приближеніемъ ея они подвигаются со своими стадами къ югу, для того чтобы возвратиться на прежнія стоянки въ маѣ или іюнѣ, когда стаетъ снѣгъ и покажется трава.

— Вѣдь и сѣверо-американскіе индіянцы, замѣтилъ Ѳедя, — переходятъ съ дикими буйволами съ сѣвера на югъ и обратно.

— Такъ дѣлаютъ и сибирскіе кочующіе народы, дитя мое; въ сущности они такіе же дикари, хотя, побуждаемые суровымъ климатомъ, шьютъ себѣ изъ оленьихъ кожъ или приготовляютъ изъ овечьей и верблюжьей шерсти одежду: они живутъ тѣмъ, что имъ доставляютъ стада и охота. Эти народы часто только наружно подвластны Россіи.

Къ нимъ принадлежатъ: остяки, самоѣды, татары, киргизы, якуты, тунгусы, буряты, камчадалы, коряки чукчи и другіе.

Къ этой полудикой странѣ Россія присоединила въ новѣйшее время сѣверовосточный конецъ Манджуріи, весьма важный въ томъ отношеніи, что протекающая по этой области рѣка Амуръ представляетъ водное сообщеніе южной Сибири съ Тихимъ океаномъ.

Наконецъ, къ Россіи принадлежитъ, въ самой западной части Азіи, Закавказскій край, страна дотого гористая, что представляетъ всѣ климаты, отъ холоднаго до знойнаго, производящаго въ изобиліи виноградъ и допускающаго разведеніе шелковичнаго червя. Кромѣ шелководства и винодѣлія, жители, большею частью татары, грузины и армяне, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Они почти всѣ магометане.

Такимъ образомъ, отправившись съ Кавказа на юго-востокъ, — мы объѣхали всю Азію и возвратились къ тому же мѣсту съ сѣвера-востока. Обратите еще вниманіе на карту, потому что завтра....

— Ты намъ будешь разсказывать про звѣрей и охоту въ Азіи, не правда ли, папаша? прервалъ Ѳедя.

— Можетъ быть, продолжалъ отецъ: — но завтра ты долженъ показать мнѣ на картѣ всѣ государства Азіи и сказать, гдѣ господствуетъ какое исповѣданіе.

— Я этого не помню подробно, сказалъ Ѳедя.

— Подробно я вамъ и не говорилъ этого, потому что религіи очень смѣшаны. Разскажи мнѣ только, въ какихъ государствахъ какая религія господствующая.

ГЛАВА VII.

ЦАРСТВО ЖИВОТНЫХЪ ВЪ АЗІИ.

На слѣдующій день Ѳедя показалъ отцу всѣ государства Азіи; но распространеніе религій онъ забылъ и тщетно старался припомнить. Тогда отецъ сказалъ:— Весь западъ Азіи, до Оби, Китая и Индустана, можно считать магометанскимъ, равно какъ полуостровъ Малакку. Въ Индустанѣ господствуетъ брамаизмъ, въ Зангангскомъ полуостровѣ, Китаѣ и Японіи разныя отрасли буддаизма; наконецъ, между жителями Сибири, на востокъ отъ рѣки Оби, наиболѣе распространено шаманство.

— А какого исповѣданія малаи Остъ-Индскаго архипелага? спросилъ Ѳедя.

— Отчасти магометане, отчасти буддаисты различныхъ сектъ, и это также можетъ служить доказательствомъ, что они никогда не составляли отдѣльнаго, самостоятельнаго племени: они исповѣдуютъ ту вѣру, какую принесли съ собой изъ своей родины. Однако, поговоримъ о чемъ нибудь другомъ.

— Ахъ, да, папаша! о звѣряхъ Азіи! воскликнули дѣти.

— Извольте, тѣмъ болѣе, что передъ нами открывается обширное поле. На отдаленномъ сѣверѣ водятся въ значительномъ количествѣ драгоцѣнные пушные звѣ-

ри, не смотря на то, что ихъ много истребляютъ охотники. Тамъ есть соболь и горностай, множество лисицъ и волковъ; въ водахъ живетъ китъ, тюлень, моржъ, сѣверный медвѣдь. Въ степяхъ, внутри страны, ходятъ цѣлые табуны лошадей.

— Да, вѣдь Азія родина лошади, — замѣтилъ Ѳедя.

— Такъ, другъ мой, и, по всей вѣроятности, средняя Азія, хотя арабы и утверждаютъ, что лошадь создана для ихъ отечества; они правы настолько, что Аравія производитъ лучшую породу лошадей. По быстротѣ бѣга съ ними могутъ равняться, на незначительномъ разстояніи, англійскія лошади; но онѣ не выдерживаютъ продолжительной скачки, тогда какъ арабскія бѣгутъ съ одинаковой быстротой по нѣскольку часовъ. Я уже говорилъ вамъ о смышлености лошадей вообще, напримѣръ о томъ, какъ онѣ защищаются отъ волковъ. Арабскія лошади, отъ постоянной близости къ человѣку, стали еще смышленѣе. Притомъ, онѣ такъ кротки, что арабы безъ опасенія позволяютъ своимъ дѣтямъ играть чуть не подъ лошадьми.

Арабу, въ его песчаныхъ и каменистыхъ пустыняхъ, столько же нужна благородная лошадь, какъ и другое животное, котораго дѣйствительную цѣну мы узнаемъ, однако, только въ Африкѣ; это верблюдъ. Его двѣ породы: одна, двугорбая, водится только въ Азіи; другая съ однимъ горбомъ, дромадеръ, живетъ въ Африкѣ. Я поговорю съ вами объ этомъ животномъ подольше, когда мы перейдемъ въ эту часть свѣта.

Наконецъ, третье интересное вьючное животное Азіи — слонъ; онъ водится въ особенности въ Передней и Задней Индіи и на островахъ Цейлонѣ и Суматрѣ.

Слона можно назвать представителемъ водившихся въ прежнее время на землѣ исполинскихъ животныхъ. Еще теперь въ разныхъ странахъ, почти въ каждой части свѣта, находятъ кости, которыя принадлежали

исполинскимъ животнымъ, какъ напр. четвероногаго мастодонта, имѣвшаго, по всей вѣроятности, отъ 18 до 20 футовъ вышины. Точно такъ же находятъ остатки исполинскихъ драконовъ и ящерицъ, а на нѣкоторыхъ островахъ, напр. въ Новой-Зеландіи, близъ Австраліи, отрыли остатки исчезнувшихъ птицъ. Эти исполинскія животныя въ настоящее время не могутъ существовать, потому что температура земли значительно понизилась. Нѣкоторыя исполинскія породы — должно быть, меньшія — сохранились: напр. въ моряхъ китъ, въ рѣкахъ Африки и Азіи крокодилъ и бегемотъ, на твердой землѣ слонъ, носорогъ, камелеопардъ и птица страусъ.

— Папаша, ты долженъ разсказать намъ о всѣхъ этихъ животныхъ! воскликнулъ Ѳедя.

— Большую часть изъ нихъ мы найдемъ въ Африкѣ, гдѣ, вообще, множество дикихъ звѣрей. О слонѣ же я разскажу вамъ теперь, потому что азіатскій слонъ понятливѣе африканскаго и легче приручается.

— Какъ ловятъ этихъ большихъ и, вѣрно, сильныхъ животныхъ? спросила Маша.

— Обыкновенно это дѣлается при помощи другихъ, уже ручныхъ слоновъ. Загоняютъ часто цѣлыя стада, отъ 40 до 50 шкукъ, въ заранѣе огороженное мѣсто, гдѣ ихъ изъ одной ограды гонятъ въ другую, пока не соберутъ всѣхъ въ довольно тѣсномъ пространствѣ, откуда, не смотря на все бѣшенство, они не могутъ выйти. Разумѣется, ограда, въ которой держатъ цѣлое стадо слоновъ, должна быть крѣпко сдѣлана и обыкновенно складывается изъ цѣлыхъ древесныхъ стволовъ такой величины и толщины, что ихъ не можетъ сдвинуть съ мѣста даже этотъ исполинъ. Затѣмъ остается еще большой трудъ: доставать слоновъ изъ ограды по-одиначкѣ и учить. Ихъ умѣютъ заманивать въ боковые, узкіе ходы, гдѣ будущіе хозяева слоновъ заставляютъ ихъ

повиноваться частью посредствомъ голода и жажды, частью ласковыми словами и лакомствами.

Въ Индіи слона употребляютъ нетолько для носки и возки тяжестей, но и для паханія земли; преимущественно же на немъ ѣздятъ верхомъ и охотятся, особенно на тигра.

Сидя на спинѣ слона, на удобномъ сидѣньи, подъ навѣсомъ, охотникъ пользуется двойнымъ удобствомъ: вопервыхъ, со своего высокаго сидѣнья онъ можетъ хорошо разсмотрѣть тростниковый кустарникъ и попасть въ скрывающагося тамъ тигра; вовторыхъ, раненый тигръ для него не такъ опасенъ, потому что не легко вскочитъ на спину слона.

— Притомъ же тигръ, вѣрно, настолько догадливъ, что не рѣшится напасть на такое громадное животное, какъ слонъ, замѣтилъ Ѳедя.

— Не думай этого, дитя мое, отвѣчалъ отецъ, — въ такомъ случаѣ величина немного значитъ. Я вамъ разсказывалъ, какъ у насъ маленькая ластка вспрыгиваетъ на спину зайца, который въ десять разъ больше ея, и перегрызаетъ ему горло, прежде чѣмъ тотъ успѣетъ стряхнуть врага.

— Однако заяцъ и слонъ, — сказалъ Ѳедя.

— Правда, разница между ними огромна; но сообрази также разницу между тигромъ и ласткой. Если тигру удастся схватить хоботъ слона, тогда этотъ исполинъ лишенъ возможности защищаться, и потому иногда случается, что тигръ побѣждаетъ слона.

— Я бы желалъ поохотиться на слонѣ, сказалъ Ѳедя, — и еслибъ тигръ вспрыгнулъ на спину моего слона, то я бы его убилъ.

— Въ подобномъ случаѣ опасность угрожаетъ охотнику болѣе со стороны слона, чѣмъ со стороны тигра, продолжалъ отецъ, — потому что въ такую минуту слонъ рѣдко думаетъ о людяхъ, сидящихъ на его спи-

нѣ. Онъ бросается поспѣшно на землю, чтобы или задавить тигра, или какъ нибудь отъ него избавиться, и если люди не довольно проворны, чтобы скакнуть въ сторону, то подвергаются одной опасности съ тигромъ. Когда слонъ разсвирѣпѣетъ и схватитъ тигра хоботомъ, тогда онъ бросаетъ его съ страшной силой о землю и либо топчетъ громадными ногами, напирая всею тяжестью своего тѣла, либо вонзаетъ ему въ животъ свои острые бивни.

Подобное слону животное — по крайней мѣрѣ, по огромности и неуклюжему виду—носорогъ, встрѣчаемый въ Азіи и въ Африкѣ: въ Африкѣ съ двумя рогами, въ Азіи съ однимъ; они торчатъ надъ самымъ носомъ.

— Мы видѣли изображеніе этого животнаго, сказала Маша.

— Можно ли его сдѣлать ручнымъ? спросилъ Ѳедя.

— До сихъ поръ это не удавалось, потому что носорогъ дикое, даже злое животное, бросающееся иногда на человѣка безъ всякой причины. При исполинской силѣ и при вѣсѣ въ нѣсколько тысячъ фунтовъ, носорогъ топчетъ все, что попадется ему на дорогѣ, и сражается часто съ бо̀льшимъ его и сильнѣйшимъ слономъ. Носорогъ, какъ и слонъ, питается растеніями. Слонъ особенно любитъ рисъ и плоды, и вообразите, какое опустошеніе можетъ произвести въ рисовомъ полѣ стадо въ какихъ-нибудь сорокъ слоновъ. Я говорю „слоновъ,“ потому что носорогъ не водится стадами, а ходитъ всегда одинъ, рѣдко вдвоемъ. Обыкновенно онъ пугливъ, но, раненный, приходитъ въ бѣшенство, и бѣда охотнику, если носорогъ его настигнетъ.

Носорогъ темно-коричневаго цвѣта; слонъ темно-сѣраго, но на островѣ Цейлонѣ встрѣчаются иногда — впрочемъ, очень рѣдко — бѣлые слоны, которымъ цѣна весьма высока.

Носорогъ совершенно безполезное для человѣка животное: мясо его не вкусно, а кожа не довольно цѣнна, чтобы могла вознаградить за опасность охоты. На слона люди охотятся часто, потому что его бивни доставляютъ дорогую слоновую кость.

Кромѣ этихъ исполиновъ, въ Азіи водятся въ дикомъ состояніи животныя, которыхъ вы могли видѣть только ручными. Вопервыхъ, изъ западной Азіи происходитъ оселъ, живущій тамъ большими стадами; въ дикомъ состояніи онъ вовсе не такое смирное животное, какимъ знаемъ его мы. Дикій оселъ, дѣйствительно, дикая, упрямая тварь; будучи пойманъ, онъ золъ, лукавъ, кусается и ловко бьетъ задними ногами каждаго, кто къ нему приблизится. Вообще, оселъ не такъ глупъ, какимъ его обыкновенно считаютъ и описываютъ. Упрямство же его происходитъ отъ худаго обращенія. Онъ понятливъ, трудолюбивъ и притомъ довольствуется самой незатѣйливой и скудной пищей.

Изъ Азіи происходитъ не одинъ оселъ; по всей вѣроятности оттуда же родомъ и нашъ рогатый скотъ: тамъ еще до сихъ поръ водится дикая порода скота, совершенно схожая съ нашей. Малаи зовутъ ее бантингъ. Но какъ я вамъ уже говорилъ, порода могла, отъ вліянія климата, совершенно измѣниться, и вопросъ о происхожденіи нашего скота рѣшить трудно.

— По крайней мѣрѣ, оселъ родомъ изъ Азіи. Теперь я буду смотрѣть на него съ большимъ уваженіемъ, сказалъ Ѳедя.

— Ты поступишь неправильно, дитя мое: въ эту ошибку люди впадаютъ часто, предпочитая своему все то, что происходитъ изъ чужихъ странъ или издалека. Вещи дѣйствительно полезной мы не должны отказывать во вниманіи, хотя бы она вышла изъ нашей среды. Это примѣнимо къ растеніямъ, животнымъ и людямъ. Человѣкъ заслуживаетъ или не заслуживаетъ вниманія

по своимъ качествамъ, а не по тому, что онъ издалека. Если онъ ни къ чему не годенъ, то пусть бы лучше оставался на родинѣ, чѣмъ ѣздить по свѣту, показывать себя.

Да и кромѣ нашего рогатаго скота и осла есть много животныхъ, къ которымъ мы дотого привыкли, что и не подозрѣваемъ ихъ отдаленнаго происхожденія. Къ нимъ принадлежатъ и наши куры, которыя и до сихъ поръ водятся въ дикомъ состояніи въ Индіи. Вообще, животныя, привыкшія къ жаркому климату, не легко у насъ размножаются и требуютъ частаго обновленія. Но пѣтухъ и курица совершенно привыкли къ новой обстановкѣ, и въ то время, какъ громкое кукуреку раздается каждое утро въ индійскихъ лѣсахъ, нашъ пѣтухъ привѣтствуетъ солнце, выходя изъ удобнаго курятника, гдѣ онъ спокойно проспалъ всю ночь.

— Понравилось ли бы нашимъ курамъ, еслибы имъ пришлось возвратиться опять въ дикое состояніе? спросилъ Ѳедя.

— Вѣроятно, нѣтъ, сказала Маша; — онѣ, конечно, охотно вернулись бы на птичій дворъ, гдѣ имъ каждое утро даютъ такой вкусный кормъ.

— Можетъ быть, замѣтилъ отецъ, потому, что онѣ отвыкли отъ жизни на волѣ: свобода великое благо.

Кромѣ этихъ животныхъ, родомъ изъ Азіи еще слѣдующія: павлинъ происходитъ изъ Индіи, а ***золотой*** и ***серебристый*** фазаны изъ Китая. Въ Индіи, особенно въ Остъ-Индскомъ архипелагѣ, на островѣ Бали, есть чрезвычайно красивый видъ павлина, совершенно бѣлый, съ бѣлыми же атласистыми очками на перьяхъ.

Китай родина маленькой золотой рыбки, которая водится, однако, и въ Индіи, но тамъ значительно больше и нѣжнѣе; вкусомъ она похожа на карпа.

— Тамъ ѣдятъ золотыхъ рыбокъ? спросила Маша съ удивленіемъ.

— Разумѣется; онѣ въ тѣхъ странахъ рыба совершенно обыкновенная. Мы обращаемъ на нихъ вниманіе потому, что онѣ у насъ рѣдки и достаются съ трудомъ или, по крайней мѣрѣ, очень дороги. Наша форель, напр., съ маленькими, хорошенькими красными пятнышками и великолѣпными цвѣтами чешуи, навѣрное, не уступитъ въ красотѣ золотой рыбкѣ; но такъ какъ мы ее находимъ почти во всѣхъ горныхъ рѣкахъ, то и замѣчаемъ только то, что она очень вкусна.

Я не въ состояніи разсказать вамъ о всѣхъ животныхъ, которыя водятся въ Азіи, потому что въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы, съ немногими исключеніями, прочесть вамъ всю естественную исторію. Назову вамъ еще только самыхъ замѣчательныхъ и, въ особенности, такихъ, которыя не встрѣчаются въ другихъ частяхъ свѣта; между ними первое мѣсто занимаетъ столь похожій на человѣка орангъ-утангъ, котораго малаи называютъ по этому случаю „лѣснымъ человѣкомъ." На малайскомъ языкѣ орангъ значитъ человѣкъ, утангъ — лѣсъ.

Какъ ни гадокъ орангъ-утангъ, но изъ животныхъ земнаго шара онъ болѣе всѣхъ другихъ похожъ на человѣка, — особенно, когда встанетъ, опираясь на палку. Но что значитъ это сходное строеніе тѣла, когда орангъ-утангъ не одаренъ словомъ и человѣческимъ умомъ; онъ всегда останется звѣремъ. Нѣкоторыхъ орангъ-утанговъ, которые, однако, не переносятъ нашего климата и скоро въ немъ умираютъ, пріучали ко всевозможнымъ работамъ и человѣческимъ занятіямъ. Но обученіе столько же приближаетъ этихъ животныхъ къ человѣческой породѣ, сколько люди, предающіеся пьянству, нечистоплотности и лѣности, могутъ служить доказательствомъ тому, что человѣкъ, во-

обще, стоитъ не выше другихъ животныхъ. Это только частныя исключенія изъ общаго правила.

Другое замѣчательное животное Остъ-Индскаго архипелага — казуаръ. Эта птица, похожая на страуса, значительно меньше его: она около четырехъ или пяти футовъ вышиною. Казуаръ покрытъ перьями, совершенно похожими на волоса.

— Птица, покрытая волосами! воскликнулъ Ѳедя, смѣясь.

— Да, дитя мое; это явленіе не удивило бы насъ въ Австраліи, гдѣ мы нашли столько какъ бы противоестественныхъ вещей, не правда ли? Птица эта принадлежитъ къ одному семейству со страусомъ, подобно ему не можетъ летать и покрыта по всему тѣлу, кромѣ головы и ногъ, щетинистой шерстью, которая, вѣроятно, отлично предохраняетъ ее отъ колючихъ растеній тропическихъ лѣсовъ.

Водящіеся въ тропической Азіи змѣи-питоны принадлежатъ также, по видимому, къ остаткамъ древняго царства животныхъ. Они бываютъ длиннѣе 30 футовъ и замѣняютъ въ Азіи и Африкѣ удавовъ Америки. Какъ ни ужасны исторіи, которыя разсказываютъ про питона, но этотъ змѣй постоянно избѣгаетъ человѣка.

Перечисляя хищныхъ животныхъ Азіи, къ которымъ можно отнести и питона, потому что онъ, подобно удаву, глотаетъ животныхъ, я вспомнилъ объ индійскомъ черномъ барсѣ, совершенно черномъ, съ немного свѣтлѣйшими, темно-коричневыми кольцами.

— Есть ли въ Азіи черные тигры? спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, отвѣтилъ отецъ; это басня. За чернаго тигра принимали, вѣроятно, чернаго барса, который, впрочемъ, величиной съ большую собаку и довольно силенъ, чтобы задушить оленя. Знаете ли, что на Остъ-Индскомъ архипелагѣ есть еще олень, не больше кролика?

— Что за прелесть! воскликнула Маша.

— Это такъ-называемый оленекъ; хотя у него нѣтъ роговъ, но по строенію тѣла онъ совершенно схожъ съ нашимъ оленемъ. Вы можете себѣ вообразить, какъ красиво это маленькое животное, не выше фута, соотвѣтственной длины и всѣми движеніями напоминающее оленя. Но, кажется, я вамъ перечислилъ всѣхъ замѣчательнѣйшихъ животныхъ Азіи. Притомъ же, поздно, и я отложу на завтра то, что мнѣ остается еще сказать объ Азіи.

— Ты намъ еще ничего не говорилъ о верблюдѣ, сказала Маша.

— Потому что верблюдъ имѣетъ гораздо большее значеніе въ Африкѣ, и мы тамъ познакомимся съ нимъ поближе.

— А развѣ теперь ты будешь намъ говорить объ Африкѣ? спросилъ живо Өедя.

— Только не сегодня, отвѣтилъ, смѣясь, отецъ; — притомъ же, мы не покончили еще съ Азіей, которую завтра осмотримъ еще разъ.

— А потомъ будешь разсказывать объ Африкѣ, да?

— Съ удовольствіемъ: это единственная часть свѣта, въ которой мы еще не были.

— Чѣмъ же питаются люди тамъ? спросила Маша.

— Вопервыхъ, мы тамъ найдемъ множество финиковъ, а для питья верблюжье молоко; потомъ мы можемъ ѣсть мясо антилопъ, жирафовъ и тому подобныхъ животныхъ, если оно вамъ только понравится.

— Какъ это хорошо! воскликнулъ Өедя: — опять будутъ разсказы про охоту! Въ Африкѣ есть дикари?

— Есть. Но покойной ночи; иначе мы никогда не кончимъ.

ГЛАВА VIII.

ОБРАТНЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА АЗІЮ.

Дѣти желали, чтобы отецъ приступилъ тотчасъ же къ разсказу объ Африкѣ. Но вмѣсто карты этой части свѣта онъ положилъ передъ ними снова карту Азіи и сказалъ:

— Сегодня вечеромъ, дѣти, у меня немного времени заняться съ вами, потому что есть дѣла въ городѣ. Но полчаса, которымъ я могу располагать, мы посвятимъ вторичному обзору Азіи. Хорошо ли ты замѣтилъ ея границы, Ѳедя?

— Да, папаша, отвѣчалъ мальчикъ: на востокѣ Тихій океанъ, на югѣ Индійскій, на западѣ Чермное море, Суэсскій перешеекъ, Средиземное и Черное моря, Европа, Кавказъ, Каспійское море, рѣка Уралъ и Уральскія горы, а на сѣверѣ Полярное море.

— Очень хорошо; какъ я вижу, ты изучилъ карту. Это, однако, общія границы; когда же мы разсмотримъ страну подробнѣе, то увидимъ, что она окружена вѣнкомъ острововъ, образующихъ множество замкнутыхъ морей. Такъ, напр., на сѣверѣ лежитъ ***Камчатское*** море; оно образовано группой острововъ, принадлежащихъ къ Америкѣ. Ниже ***Охотское*** море, замкнутое островами, простирающимися отъ Камчатки до Японіи; потомъ слѣдуетъ ***Японское*** море, а за нимъ ***Китайское***. Оно дѣ-

лится на *Сѣверное* или *Восточное* и *Южное*; наиболѣе вдающаяся въ материкъ часть перваго называется *Желтымъ*, а такая же часть втораго *Тонкинскимъ заливомъ*.

Въ Задней Индіи мы находимъ *Сіамскій* заливъ, изъ котораго, вокругъ полуострова Малакки, черезъ *Малаккскій* проливъ, входимъ въ *Бенгальскій* заливъ. Оттуда проникнемъ въ *Аравійское* или *Персидское* море, которое вдается въ материкъ двумя заливами: *Персидскимъ* и *Аравійскимъ*; послѣдній называется еще *Чермнымъ* или *Краснымъ* моремъ; имъ мы доходимъ до Суэсскаго перешейка.

Изъ этого вы видите, какъ изрѣзанъ и богатъ заливами и островами азіатскій материкъ. Вездѣ представляются защищенные берега и безопасныя гавани, изъ которыхъ произведенія одной страны могутъ быть удобно перевозимы въ другую. Нѣтъ на свѣтѣ произведенія, котораго бы Азія не давала или, по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе своего положенія и климата, не могла давать, равно какъ нѣтъ части свѣта столь населенной, какъ умѣренный и жаркій пояса Азіи, за исключеніемъ пустынныхъ степей, и нѣтъ страны, которая бы, на меньшемъ пространствѣ, могла прокормить болѣе людей.

Европа опередила Азію въ искусствахъ и наукахъ; но вначалѣ азіатскіе народы были нашими учителями; особенно въ Индіи, за много сотенъ, даже тысячъ лѣтъ тому назадъ, жрецы тамошнихъ боговъ принадлежали къ небольшому числу людей, которые всю свою жизнь занимались учеными изслѣдованіями и плоды своихъ трудовъ и думъ вносили въ книги.

Но нигдѣ противоположности не соприкасаются такъ рѣзко, какъ въ Азіи: мы не найдемъ другой страны, гдѣ бы ученость и дикая первобытная жизнь стояли ближе одна къ другой, потому что жители степей и пу-

стынь живутъ только настоящимъ и никогда не думаютъ ни о чемъ другомъ, кромѣ удовлетворенія самымъ грубымъ потребностямъ. Подобно южно-американскому гаучосу, они проводятъ цѣлый день на конѣ, кочуя притомъ съ мѣста на мѣсто.

Торговля азіатскихъ народовъ весьма обширна и дѣятельна, особенно съ тѣхъ поръ, какъ европейцы открываютъ себѣ, бывшія замкнутыми, гавани богатаго Китая и Японіи. Всѣ просвѣщенные народы стараются наперерывъ нетолько привозить на тамошніе рынки свои произведенія, но и вывозить продукты тѣхъ странъ, и такимъ образомъ азіатская торговля еще болѣе расширяется.

Кромѣ того, такимъ путемъ мы знакомимся и со внутренностью странъ, которыя до сихъ поръ были намъ извѣстны только по берегамъ; мы изучаемъ новыя племена, новыхъ животныхъ, новыя растенія и, обогащаясь иностранными произведеніями, обогащаемъ въ то же время и науку.

Но мнѣ, дружочки, пора идти.

— А Африка, папаша? спросили дѣти.

— Объ Африкѣ я разскажу вамъ завтра.

— Намъ даже не нужно садиться на корабль, чтобы переѣхать въ Африку, сказалъ Ѳедя.

— Правда, дружокъ: мы взлѣземъ на верблюда, который, съ быстротою вѣтра, перенесетъ насъ черезъ пески Суэсскаго перешейка прямо въ Египетъ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

АФРИКА.

АФРИКА.
Атлантическій океанъ
Индѣйскій океанъ
Оᵛᵃ Азорскіе
Канарскіе
Ферро
Оᵛᵃ Зеленаго мыса
Оᵛᵃ св. Елены
Поворотный кругъ
Португалія
Испанія
Проливъ Гибралтарскій
Марокко
Алжиръ
Тунисъ
Триполи
Средиземное море
Египетъ
Красное море
Аравія
Азія
Степь Сахара
Каждные лѣса
Сенегалъ
Сенегамбія
Либерія
Берегъ слоновыхъ
Золотой берегъ
Берегъ невольниковъ
Племена негровъ
Нубія
Абиссинія
Племена негровъ
Оз. Ньясси
Замбези
Племена кафровъ
Готтентоты
Бозры
Оранжевая
Капская земля
Портъ-Наталь
Мысъ доброй надежды
Мадагаскаръ
Оᵛᵃ Маскаренскіе
Бурбонъ
Къ западу отъ Ферро
Къ востоку отъ Ферро
Изданіе М.О. Вольфа.

ГЛАВА I.

ОБЗОРЪ АФРИКИ.

Отецъ обѣщалъ дѣтямъ начать въ этотъ вечеръ разсказъ свой объ Африкѣ и уже далъ имъ карту, чтобы они могли немного съ ней ознакомиться. Ѳедя тотчасъ же началъ измѣрять новую часть свѣта, показывая Машѣ, какъ онъ умѣетъ хорошо исчислять величину странъ.

Къ удивленію своему онъ нашелъ, что Африка очень большая и обширная страна, такъ какъ по его исчисленію наибольшая длина ея отъ сѣвера къ югу оказалась свыше 1,000 географическихъ миль, а значительнѣйшая ширина съ востока на западъ немного менѣе.— Какъ онъ это сдѣлалъ?

Отецъ вошелъ въ комнату, когда дѣти обдумывали, во сколько времени они могли бы пройти все это пространство, еслибъ употребляли на то, въ видѣ прогулки, каждый день по одному часу. Оказалось, что путешествіе продолжалось бы слишкомъ долго, а именно шесть лѣтъ, и Маша объявила, что она не пойдетъ ни подъ какимъ условіемъ.

Отецъ вошелъ въ комнату такъ тихо, что дѣти его не замѣтили, разсуждая горячо объ этомъ дальнемъ путешествіи. Наконецъ онъ сказалъ, смѣясь, своей маленькой Машѣ:

— Ты совершенно права, дитя мое: это путеше-

ствіе не для тебя. Африка слишкомъ велика, пустынна и, внутри, мало населена. Когда бы вы окончили вашу часовую прогулку и захотѣли бы покушать или напиться и отдохнуть, то не нашли бы ни пищи, ни питья, ни даже мѣста для того, чтобы прилечь, кромѣ жгучаго песку. Поѣзжайте лучше со мной; посмотримъ, не удастся ли какъ нибудь устроить дѣло удобнѣе. Мамаша приготовитъ намъ чай и хлѣбъ съ масломъ, даже еслибъ мы сегодня очутились гдѣ-нибудь въ пустынѣ Сахарѣ.

— Мы сегодня же туда поѣдемъ, папаша? спросилъ Ѳедя.

— Едвали, отвѣчалъ отецъ: при такомъ путешествіи нельзя впрыгнуть разомъ въ середину неизвѣстной страны, а нужно сперва осмотрѣть ее снаружи. Въ такомъ случаѣ мы увидимъ, что Африка имѣетъ болѣе сходства съ Австраліей, чѣмъ съ которой бы то ни было изъ остальныхъ частей свѣта. Здѣсь материкъ такъ же сомкнутъ, только онъ несравненно больше; отъ него отдѣлилось также лишь нѣсколько острововъ; внутри Африка, подобно Австраліи, представляетъ большую песчаную степь. Даже цвѣтъ тѣла жителей сходный: они черны. Конечно, при этомъ нужно замѣтить, что сѣверные берега Африки заселены племенемъ, проникшимъ изъ Азіи.

Но объ этомъ будемъ говорить послѣ; теперь же разсмотримъ поближе наружный видъ этой огромной страны. Вы уже замѣтили, что наибольшая ширина ея, отъ запада на востокъ, достигаетъ почти 70 градусовъ, а протяженіе съ сѣвера на югъ 73 градусовъ.

Только на сѣверо-западѣ и юго-востокѣ находимъ мы группы острововъ.

Африка, какъ вы видите на картѣ, окружена со всѣхъ сторонъ естественною границей, водою: сре-

ди воды она представляется громаднѣйшимъ островомъ. Только на сѣверо-востокѣ узкій Суэсскій перешеекъ соединяетъ ее съ пустынной и каменистой Аравіей. Да и самый перешеекъ представляетъ плоскую песчаную пустыню, черезъ которую еще недавно проходили только караваны верблюдовъ. Теперь, правда, мѣстность эта сильно оживилась, такъ какъ англичане проложили черезъ перешеекъ желѣзную дорогу, соединили такимъ образомъ Средиземное море съ Чермнымъ и устроили здѣсь торговое сообщеніе Европы съ южной и восточной Азіей.

— Желѣзная дорога въ Африкѣ! воскликнулъ Ѳедя съ удивленіемъ.

— Почему же нѣтъ? Въ Индіи англичане давно построили желѣзныя дороги и, вѣроятно, удивили тамошнихъ жителей и не мало напугали въ лѣсахъ дикихъ звѣрей гремящими поѣздами. Есть даже предположеніе прорыть перешеекъ каналомъ, по которому могли бы ходить корабли; но предпріятіе это должно стоить огромныхъ суммъ, и, притомъ, люди, знающіе дѣло, опасаются, что летучій песокъ пустыни занесетъ каналъ.

Этотъ узкій перешеекъ, имѣющій, однако, отъ восемнадцати до двадцати миль въ ширину, Чермное море и соединяющійся съ нимъ Индійскій океанъ составляютъ восточную границу Африки.

Съ сѣвера берега ея омываетъ Средиземное море, отдѣляющее Африку отъ Европы; съ запада же Атлантическій океанъ.

-- А съ юга? спросилъ Ѳедя, когда отецъ замолчалъ.

— Съ юга? повторилъ тотъ. — Вы хотите знать и южную границу; но на югѣ Африка оканчивается тупымъ угломъ, такъ что представляетъ лишь точку,

противъ которой Атлантическій океанъ сливается съ Индійскимъ.

Берега Африки, точно такъ же, какъ и Австраліи, представляютъ весьма мало заливовъ, а потому и мало безопасныхъ гаваней. Къ юго-востоку мы находимъ архипелагъ или группу острововъ, расположенныхъ вокругъ одного большаго. Этотъ островъ, ***Мадагаскаръ***, простирается въ ширину на 75, а въ длину на 225 нѣмецкихъ миль. Длина его равняется, напримѣръ, разстоянію между Сѣвернымъ моремъ и Сициліей, лежащей почти у берега Африки.

Затѣмъ можно объѣхать почти весь материкъ, не встрѣчая островов, за исключеніемъ весьма незначительныхъ. Только у сѣверо-западнаго конца лежитъ нѣсколько группъ: острова ***Зеленаго Мыса***, находящіеся, дѣйствительно, противъ него; далѣе къ сѣверу ***Канарскіе*** острова, а еще выше ***Азорскіе***, которые принадлежатъ Португаліи и причисляются одними къ Европѣ, а другими къ Африкѣ.

Какъ вы видите на картѣ, экваторъ дѣлитъ Африку почти пополамъ, и потому она принадлежитъ почти исключительно жаркому поясу. Австралія, какъ вы, вѣроятно, помните, дѣлится, подобно этому, южнымъ поворотнымъ кругомъ, такъ что половина ея лежитъ въ умѣренномъ, а другая въ жаркомъ поясѣ; Европа находится вся въ умѣренномъ; Америка простирается черезъ всѣ три пояса обоихъ полушарій, сѣвернаго и южнаго; Азія представляетъ то же явленіе въ одномъ сѣверномъ полушаріи, и только Африка лежитъ почти вся въ жаркомъ поясѣ, вдаваясь на сѣверѣ и на югѣ на 12 или 14 град. широты въ умѣренный. Африку, поэтому, можно считать самою жаркою частью свѣта, а ея сѣверныя пустыни самою знойною страною.

— Что такое собственно пустыня? спросила Маша.

— Пустыня, — безводная и потому безплодная мѣстность, почва которой состоитъ, большею частью, изъ песку, камней и скалъ и представляетъ лишь изрѣдка скудную траву и низкій тернистый кустарникъ. Въ африканскихъ пустыняхъ вѣтеръ поднимаетъ цѣлыя облака легкаго летучаго песку и гонитъ его предъ собою до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ хоть небольшое возвышеніе; на этихъ мѣстахъ песокъ накопляется громадными кучами, почти горами.

Въ Африкѣ пустыни простираются особенно въ сѣверной половинѣ, и вся мѣстность, окрашенная на картѣ въ свѣтложелтый цвѣтъ, есть, можно сказать, ничто иное, какъ одна непрерывная песчаная степь, разстилающаяся съ западной стороны до самаго Атлантическаго океана и даже въ немъ образующая огромныя мели, тогда какъ съ востока она граничитъ съ плодородною частью Египта и рѣкою Ниломъ.

Эта страшная пустыня носитъ названіе *Сахары* и занимаетъ пространство въ 100,000 квадр. миль; слѣдовательно, она болѣе половины всей Европы, въ которой 180,000.

— И въ Сахарѣ нѣтъ людей? спросила Маша.

— Собственно въ пустынѣ, отвѣчалъ отецъ, — никакое существо жить не можетъ, потому что тамъ нѣтъ ничего, кромѣ сухаго песку. Но въ ней встрѣчаются болѣе возвышенныя мѣста, гдѣ есть источники, а гдѣ показывается вода, тамъ немедленно проявляется и растительная жизнь.

Такія мѣста называются *оазами*; они осѣняются великолѣпными группами деревъ, орошаются прохладными ручьями и похожи на острова среди океана. На картѣ они окрашены въ свѣтло-зеленый цвѣтъ и разбросаны по желтому полю пустыни.

Оазы эти иногда бываютъ такъ велики, что заклю-

чаютъ въ себѣ города и деревни, иногда же такъ малы, что едва могутъ дать достаточное количество воды кочующему племени или каравану; въ серединѣ пустыни населены они одни. Если даже причислять къ пустынѣ и ея, обитаемыя кочевыми народами, окраины, то и тогда на всемъ пространствѣ 100,000 квадр. миль насчитывается только $1\frac{1}{2}$ милліона жителей, — то есть, среднимъ числомъ, 15 человѣкъ на одну квадратную милю.

— Развѣ это не много, папаша? спросила Маша.

— Болѣе, чѣмъ бы можно было предполагать, отвѣчалъ отецъ; но въ Германіи приходится свыше $3\frac{1}{2}$ тысячъ человѣкъ на одну квадратную милю, а Германія не самая населенная страна, потому что въ Китаѣ можно считать, насколько извѣстно тамошнее населеніе, отъ шести до осьми тысячъ человѣкъ на квадратную милю. Для сравненія населенія Германіи съ населеніемъ другихъ европейскихъ странъ скажу, что въ самой многолюдной изъ нихъ, именно въ Англіи, приходится на квадратную милю 5 тысячъ жителей, въ наименѣе же населенной, Россіи, 650 человѣкъ, а если присоединить и азіатскія и американскія владѣнія Россіи, то 190.

— Если въ Африкѣ такъ страшно жарко, то тамошніе жители, вѣроятно, не знаютъ ни снѣгу, ни льду, сказалъ Ѳедя.

— Это было бы справедливо, еслибъ вся Африка была равниной; но въ ней, во многихъ мѣстахъ, есть высокія горы, на которыхъ лежитъ вѣчный снѣгъ. Стало быть, въ такомъ жаркомъ климатѣ они должны подыматься высоко за облака.

Высочайшій извѣстный намъ хребетъ горъ въ Африкѣ — *Атласъ*, лежащій въ сѣверо-западномъ углу. Высочайшая его вершина подымается на 15,000 футовъ. Она, какъ и другія, окружающія ее вершины, даже

подъ 33-мъ град. сѣверной широты, покрыта вѣчнымъ снѣгомъ. Въ *Абиссиніи*, странѣ, лежащей на востокѣ, есть горы, возвышающіяся почти на 14 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря; хотя онѣ лежатъ подъ экваторомъ, но рѣдко освобождаются отъ снѣга.

Въ Египтѣ цѣпь утесовъ образуетъ долину рѣки Нила; но она не очень высока. Равнымъ образомъ гориста и *Гвинея*, на западномъ берегу, а южный конецъ Африки возвышается на 9 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря. Поэтому можно сказать, что Африка состоитъ изъ одной обширной сплошной возвышенности на югѣ, достигающей рѣки Нигера и падающей къ обоимъ океанамъ тремя широкими уступами, и одной пространной песчаной низменности съ гористой закраиной. Необыкновенно высоки нѣкоторые маленькіе острова, которые вы найдете близъ сѣверо-западнаго берега. Вы слышали уже, вѣроятно, объ островѣ *Мадерѣ*: тамъ производится отличное, крѣпкое вино, которое во множествѣ вывозится въ Европу и другія части свѣта. Островъ этотъ возвышается на $8^1/_2$ тысячъ футовъ. Въ группѣ *Канарскихъ* острововъ, лежащихъ южнѣе Мадеры, находится небольшой островъ *Тенериффа*, состоящій изъ одной горы, вышиной въ 12 тысячъ футовъ. Вообразите себѣ, какъ онъ долженъ поражать: другія горы, какъ напр. наши Альпы, лежатъ на возвышенной мѣстности и окружены другими сосѣдними горами, отчего вышина ихъ не очень замѣтна; но такъ называемый *Пикъ* на Тенериффѣ подымается прямо изъ моря исполинскимъ конусомъ и при ясной погодѣ можетъ быть виденъ на разстояніи многихъ, многихъ миль.

На одномъ изъ острововъ *Зеленаго Мыса*, именно на *Фого* или *Фуэго* (огонь), есть огнедышащая гора, возвышающаяся на $7^1/_2$ тысячъ футовъ надъ поверхностью моря и извергающая по настоящее время пламя и лаву

И на юго-восточныхъ островахъ есть высокія горы. На островѣ *Бурбонѣ* вершины достигаютъ 11 тысячъ футовъ; Мадагаскаръ прорѣзанъ по длинѣ весьма высокой цѣпью горъ, съ вершинами, не уступающими бурбонскимъ.

Съ древнѣйшихъ временъ предполагаются еще существующими внутри страны, противъ Абиссиніи, такъ-называемыя *Лунныя горы*; но ни одинъ европеецъ ихъ не видѣлъ. Вообще, внутренность этой части свѣта еще совершенно не изслѣдована и, вѣроятно, еще долго не будетъ извѣстна, не смотря на то, что сѣверо-восточный конецъ Африки извѣстенъ азіатцамъ и европейцамъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ и что исторія его восходитъ до древнѣйшихъ временъ.

Такъ же неизвѣстна и внутренность Австраліи, не смотря на то, что Австралія, по величинѣ, не можетъ равняться съ Африкой. Средина Австраліи не изслѣдована, но мы знаемъ почти достовѣрно, что она — по крайней мѣрѣ, ея большая часть — состоитъ изъ песчаныхъ и соляныхъ пустынь, тогда какъ мы имѣемъ достаточныя данныя быть убѣжденными, что внутри Африки есть богатыя, плодородныя и населенныя мѣстности. Но эта часть свѣта слишкомъ велика и не достаточно орошена для путешествій, и пройдетъ еще много лѣтъ до того времени, когда мы будемъ въ состояніи начертить полную карту Африки.

— Однако, папаша, въ Африкѣ должны быть очень большія рѣки, сказалъ Ѳедя. Ты намъ говорилъ прежде, что въ странахъ съ высокими горами и большими равнинами должны быть и большія рѣки.

— Меня очень радуетъ, другъ мой, что ты слушалъ меня со вниманіемъ; но сейчасъ ты увидишь, что для образованія большой рѣки нужны еще и другія условія. Въ Африкѣ, вообще, слишкомъ мало лѣсу, а внутри

слишкомъ много песчаныхъ и пустынныхъ равнинъ, что не благопріятствуетъ образованію большой рѣки.

Не смотря на то, мы все-таки находимъ въ Африкѣ весьма значительныя рѣки, которыхъ источники, однако, по большей части еще неизвѣстны.

— Но вѣдь ихъ легко найти, сказалъ Ѳедя: — стоитъ только плыть противъ теченія, и тогда, навѣрное, достигнешь источника.

— Но въ Африкѣ, дитя мое, рѣки протекаютъ черезъ дикія мѣстности, черезъ пустыни, болота, ущелія и озера; жители же береговъ встрѣчаютъ европейцевъ враждебно. Слѣдовательно, подобная поѣздка сопряжена съ бо́льшими затрудненіями, чѣмъ ты воображаешь: такъ какъ рѣки Африки, по большей части, протекаютъ значительное пространство, но не вездѣ судоходны, то путешественникамъ пришлось бы цѣлые мѣсяцы пробираться, съ чрезвычайными затрудненіями, иногда пѣшкомъ, отбиваясь отъ туземцевъ и дикихъ звѣрей и терпя недостатокъ въ пищѣ и питьѣ, черезъ очень нездоровыя мѣстности.

Но прежде чѣмъ перейти къ африканскимъ рѣкамъ, я хочу вамъ сказать еще о всей части свѣта нѣсколько словъ, необходимыхъ для ознакомленія васъ съ ея положеніемъ и населеніемъ.

Что сѣверъ и востокъ Африки не могли оставаться долгое время неизвѣстными, это вы можете заключить и по картѣ. Средиземное и Чермное моря, какъ внутреннія, не могли, при улучшенной постройкѣ судовъ, представлять препятствій къ переѣзду; кромѣ того, Африка соприкасается съ землей, населенной, по большей части, кочующимъ народомъ, который, вѣроятно, за много тысячъ лѣтъ уже посѣщалъ ее и, оттѣснивъ туземцевъ, заселилъ ея сѣверо-восточный конецъ, Египетъ. Обратите, дѣти, все ваше вниманіе на карту,

чтобы легче понять то, что я вамъ скажу. Ты, Ѳедя, вѣроятно, помнишь, какъ называется тотъ маленькій островъ, съ котораго считаютъ градусы долготы.

— Разумѣется, папаша: это Ферро.

— А знаешь ли, гдѣ онъ лежитъ?

— Ферро?—Кажется, островъ этотъ находится противъ пролива, раздѣляющаго Европу отъ Африки, Гибралтарскаго; его легко найти, потому что онъ лежитъ подъ 0°.

— Погоди искать: вспомни, къ какой группѣ острововъ принадлежитъ Ферро.

— Это я знаю! воскликнула Маша: мы съ этихъ острововъ получаемъ канареекъ.

— Хорошо, сказалъ, улыбаясь, отецъ; ты запомнила названіе острововъ по птичкамъ. Канарскіе острова были давно извѣстны нашимъ предкамъ и уже въ XV столѣтіи принадлежали Испаніи.

Канарскіе острова, именно западнѣйшій изъ нихъ, Ферро, считались въ прежнее время самымъ западнымъ пунктомъ суши; за ними полагали конецъ вселенной, не подозрѣвая существованія какой бы то ни было земли въ неизвѣстномъ, дикомъ океанѣ. На востокѣ смѣлые финикіане, жившіе на сирійскихъ берегахъ и совершавшіе весьма далекія для тогдашняго времени морскія путешествія, доходили до Индіи, и такъ какъ они вездѣ встрѣчали еще далѣе простирающіеся берега, то нельзя было сказать, что тамъ конецъ свѣта, а безъ этой конечной точки нельзя было и начать съ востока счетъ градусовъ. Поэтому приняли островъ Ферро за исходную точку, какъ самую западную часть суши.

— Колумбъ былъ умнѣе другихъ, сказалъ Ѳедя: — онъ не повѣрилъ, что свѣтъ кончается съ островомъ Ферро.

— Можетъ быть, и не одинъ Колумбъ этому не вѣрилъ, отвѣтилъ отецъ. — Въ его время было, пожалуй, много людей одного съ нимъ мнѣнія; но у нихъ не доставало мужества и терпѣнія пуститься на изъисканіе. Сверхъ того, Колумбъ имѣлъ и то преимущество, что Испанія и Португалія представляли ему достойныхъ предшественниковъ, смѣлыхъ и предпріимчивыхъ мореплавателей. Португальцы были въ предшествовавшія столѣтія самыми отважными моряками и, на своихъ, относительно плохихъ, судахъ, совершали почти невозможное. Такъ, они, подвигаясь все дальше и дальше къ югу, изслѣдовали опасные западные берега Африки, чтобы объѣхать эту часть свѣта и найти морской путь въ Индію, куда до того времени они проникали черезъ Суэсскій перешеекъ.

Открытіе этого морскаго пути въ Индію послѣдовало почти въ одно время съ открытіемъ Америки, именно шесть лѣтъ спустя, хотя и въ предъидущіе годы дѣлались многочисленныя попытки обогнуть мысъ Доброй Надежды и объѣхать Африку. Но моряки или не имѣли довольно духа на окончаніе предпріятія, или были останавливаемы бурями и другими несчастными случаями. Въ 1472 г. португальцы дошли до Гвинейскаго залива и думали, что они достигли южной части материка и что могутъ уже идти прямо на востокъ, до самой Индіи. Взглянувъ на карту, вы легко объясните себѣ это заблужденіе, потому что берегъ, поворачивая сперва на югъ и юго-востокъ, идетъ потомъ прямо отъ запада на востокъ и даже на нѣкоторомъ протяженіи поднимается къ сѣверо-востоку.

— Я воображаю, сказалъ Ѳедя, — какъ они сердились, когда были остановлены берегомъ какъ стѣной.

— Они тогда и прекратили свои поиски, продолжалъ отецъ, и только въ 1486 г. — то есть 14 лѣтъ

спустя — португальскій король снова выслалъ корабли, которые должны были плыть на югъ, пока будетъ возможно. Смѣлый морякъ, впервые достигшій южной оконечности Африки, былъ Варѳоломей Діазъ. Онъ назвалъ этотъ мысъ Бурнымъ, потому что противъ него ему пришлось бороться съ страшнымъ ураганомъ. Діазъ возвратился, не достигнувъ восточныхъ береговъ Африки.

— Однако, папаша, прервалъ Ѳедя, — на картѣ мысъ Доброй Надежды не составляетъ крайней южной точки Африки.

— Нѣтъ, другъ мой, но онъ названъ мысомъ Доброй Надежды потому, что, достигнувъ его, можно надѣяться объѣхать Африку. Это совершилъ, наконецъ, португальскій мореходецъ Васко-де-Гама, въ 1498 г. Помните ли вы, въ которомъ году открыта Америка?

— Разумѣется, отвѣтилъ Ѳедя: — въ 1492 г.

— Слѣдовательно, шесть лѣтъ спустя, этотъ смѣлый морякъ, съ эскадрой, состоявшей изъ четырехъ кораблей, объѣхалъ южную оконечность Африки, поднялся на значительное разстояніе вдоль восточнаго ея берега и, въ маѣ 1498 г., достигъ тогдашняго Каликутскаго залива, на западной сторонѣ передней Индіи.

— Вѣроятно, воскликнулъ Ѳедя, — нынѣшняго города Калькутты, который лежитъ при устьи Ганга?

— Не смѣшивай, дружокъ, этихъ двухъ мѣстностей, возразилъ отецъ: — я сказалъ, что Каликутскій заливъ находится на западной сторонѣ Передней Индіи, тогда какъ Калькутта лежитъ въ Бенгальскомъ заливѣ, на восточномъ берегу. Европейцы впервые достигли такимъ образомъ Индіи моремъ, и съ этого времени португальцы овладѣвали разными пунктами на африканскомъ берегу и въ Остъ-Индскомъ архипелагѣ. Изъ этихъ колоній они сохранили за собой очень

немногія. Вообще, голландцы, испанцы и португальцы дѣлали первыя открытія, но бывали обыкновенно вытѣсняемы французами; однако, почти всѣ владѣнія послѣднихъ перешли въ руки англичанъ.

Вблизи Африки лежитъ еще островъ, который, какъ онъ ни малъ, имѣетъ для насъ, европейцевъ, большой интересъ, потому что на немъ содержался, до самой смерти, бывшій императоръ французовъ Наполеонъ I. Можете ли вы мнѣ его назвать?

— Островъ *Св. Елены!* воскликнулъ Ѳедя.

— Да, Св. Елены, продолжалъ отецъ; — поищи его подъ 16-мъ град. южной широты и 13-мъ град. восточной долготы по меридіану Ферро. Островъ былъ открытъ португальцами, послѣ перешелъ во власть голландцевъ и, наконецъ, занятъ англичанами, которые воздвигли на немъ сильную, почти неприступную крѣпость. Островъ самъ по себѣ похожъ на крѣпость, потому что берегъ его обрывистъ и скалистъ и только въ одномъ мѣстѣ позволяетъ судамъ приставать.

— А если, папаша, спросилъ Ѳедя, — враги высадятся именно въ этомъ мѣстѣ?

— Тутъ-то и воздвигнуты сильныя укрѣпленія и толстыя стѣны, съ огромными пушками, и плохо пришлось бы кораблю, который бы вздумалъ къ нимъ приблизиться.

Кажется, я вамъ далъ понятіе о всемъ материкѣ и отдѣльныхъ его странахъ, съ которыми мы познакомимся еще ближе. Африка въ высшей степени интересная страна, представляющая много замѣчательнаго: нетолько неизвѣстные вамъ народы, но и весьма много любопытныхъ растеній и животныхъ. Тутъ, Ѳедя, мы опять пойдемъ съ тобой на охоту, тѣмъ болѣе, что въ Азіи намъ на это не хватило времени.

— Какъ я радъ! воскликнулъ Өедя; — и будемъ бить большихъ животныхъ?

— Кажется, слонъ, носорогъ и исполинскій бегемотъ, а равно крокодилъ, футовъ въ 40 длиною, достаточно велики, отвѣтилъ отецъ, улыбаясь.

— Въ Африкѣ водятся такіе звѣри? спросила Маша.

— Да, дитя мое; но мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ, потому что прежде намъ нужно заняться людьми, то есть туземцами Африки; потомъ уже мы встрѣтимъ, вѣроятно, дикихъ звѣрей, которыхъ здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Для сегоднешняго вечера, однако, довольно; завтра, если будетъ время, мы начнемъ съ Египта, который вы найдете въ сѣверо-восточномъ углу Африки.

ГЛАВА II.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ АФРИКИ.

На слѣдующій день погода была прекрасная, хотя и немного холодная, и отецъ пріятно удивилъ дѣтей предложеніемъ отправиться послѣ обѣда съ мамашей гулять къ рѣкѣ. Ѳедѣ напомнили, чтобъ онъ взялъ съ собой коньки, и Маша знала, что и ей можно будетъ покататься на стулѣ съ полозьями. Дѣти весело бѣжали впереди родителей, прямо къ мѣсту, гдѣ Ѳедя, прошлое лѣто, смотрѣлъ, какъ выгружали кирпичъ.

Онъ удивлялся тогда, какъ могла придти кому-либо мысль строить домъ въ такой глуши, куда только вывозили соръ изъ всего города. Къ этому мѣсту даже не было дороги, и рѣка, на поворотѣ передъ будущимъ домомъ, была дотого засорена, что по ней съ трудомъ могла проѣхать маленькая лодка.

Здѣсь-то, къ величайшему своему удивленію, дѣти увидѣли довольно большое зданіе, которое, впрочемъ, еще не было окончено, потому что зима прервала работы. Но наружная часть была отдѣлана, а равно и двѣ премиленькія комнатки, съ великолѣпными обоями, представлявшими бразильскій ландшафтъ съ тиграми и индіянцами.

Странно поражала противоположность залитаго солнечнымъ свѣтомъ бразильскаго ландшафта и глядѣвшаго

въ окна снѣга и льду. Ѳедя былъ такъ пораженъ изображенными на обояхъ охотой на тигра и сраженіемъ съ туземцами, что забылъ даже катаніе на конькахъ. Здѣсь же были представлены, почти во всю стѣну, кокосовыя пальмы и много другихъ растеній, которыя отецъ долженъ былъ назвать дѣтямъ, дополняя рисунокъ объясненіемъ. Потомъ уже всѣ вмѣстѣ вышли на рѣчку, на замерзшій ледъ, гдѣ Ѳедя встрѣтился съ нѣсколькими школьными товарищами и, вмѣстѣ съ сестрою, присталъ къ катавшимся.

Только подъ-вечеръ, когда дѣти немного прозябли и напились кофе подъ бразильскими пальмами, всѣ двинулись обратно домой. Но Ѳедя не могъ досыта наговориться о чудесныхъ, никогда не виданныхъ имъ обояхъ. Даже вечеромъ, за чаемъ, они были предметомъ разговора, и Ѳедя сказалъ, обращаясь къ отцу:

— Удивительно, какъ измѣнилось это мѣсто. Прежде тамъ лежалъ соръ, да хламъ, и росли старыя ольхи и кривыя ивы, а теперь стоитъ прекрасный домъ, съ такими богатыми обоями. Кто его выстроилъ?

— Человѣкъ, который долго жилъ въ Америкѣ и теперь возвратился въ Германію, чтобы совсѣмъ у насъ поселиться. Наша окрестность ему понравилась; мѣсто продавалось дешево; онъ его купилъ и началъ строиться. Теперь мѣсто возвысили и сравняли, навезли хорошей земли и развели садъ. Стоящія въ саду старыя ольхи будутъ давать, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, тѣнь хозяевамъ и гостямъ, пока не выростутъ посаженныя теперь деревья, а потомъ прежнія, вѣроятно, вырубятъ. Со временемъ начнутъ селиться по близости и другіе люди; по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе мѣсяцы окрестная земля значительно поднялась въ цѣнѣ.

— Стало быть, со временемъ тамъ будетъ предмѣстье, сказалъ Ѳедя.

— Или колонія. Вотъ вамъ, милыя дѣти, примѣръ, какъ возникали въ прежнее время, да являются и теперь, колоніи въ чужихъ странахъ. Мѣста, которыя до того времени никто не умѣлъ или не могъ употребить въ дѣло, привлекаютъ вниманіе иностранцевъ; разсчетъ, прихоть или случай побуждаютъ этихъ людей селиться на такихъ мѣстахъ, и туземцы видятъ съ удивленіемъ, какъ селеніе распространяется и начинаетъ процвѣтать.

— Но мы же не туземцы, сказала Маша.

— Какъ не туземцы? Родившись въ этой странѣ, мы составляемъ здѣшнее, тутошное земство, природное населеніе, а хозяинъ дома, въ которомъ мы были, переселенецъ. Такъ точно, дѣти, происходило въ прежнее время и въ другихъ странахъ. Въ Африкѣ жило первоначально только эѳіопское или черное племя, которое, впрочемъ, раздѣлялось на нѣсколько народовъ. Пришли финикіане, жившіе въ Азіи, на сирійскихъ берегахъ, бывшіе въ древности замѣчательнѣйшими купцами и мореплавателями и совершавшіе путешествія по Средиземному морю на западъ. Они нашли плодороднѣйшіе берега въ Африкѣ и Европѣ, основали въ сѣверной Африкѣ нѣсколько колоній, между прочими столь славный впослѣдствіи городъ Карѳагенъ, въ нынѣшнемъ бействѣ Тунисѣ, и селились также во Франціи и Испаніи, даже на южныхъ берегахъ Британіи.

Но ограничимся Африкой. Эта часть свѣта обязана своимъ сѣвернымъ населеніемъ финикіанамъ и позднѣйшимъ пришельцамъ изъ Аравіи, прибывшимъ черезъ пустыни перешейка, разсѣявшимся по сѣверному и восточному берегу Африки и нашедшимъ здѣсь плодороднѣйшія равнины.

Арабы, какъ вы знаете, по большей части кочующій народъ, который неутомимо переходитъ съ мѣста

на мѣсто со своими стадами, отъискивая удобныхъ пастбищъ. Такъ какъ стада эти состояли изъ верблюдовъ и, можетъ быть, небольшаго числа ословъ и отличнѣйшихъ лошадей, то пустыня не могла воспрепятствовать перекочевкѣ, и Египетъ заселился этимъ смѣлымъ, закаленнымъ племенемъ, которое тѣснило черное населеніе дальше и дальше вовнутрь.

За сколько тысячелѣтій это происходило, трудно опредѣлить съ достовѣрностью, потому что найденныя въ Египтѣ чрезвычайно древнія постройки свидѣтельствуютъ о значительной степени просвѣщенія, котораго образовавшееся населеніе не могло достигнуть быстро.

— Пирамиды находятся въ Египтѣ? спросилъ Ѳедя.

— Да, дитя мое; эти древнія пирамиды возбуждаютъ даже въ европейцахъ полный изумленія вопросъ, какимъ образомъ громадныя глыбы камня, изъ которыхъ состоятъ эти постройки, были сюда доставлены и, еще болѣе, какъ онѣ могли быть подняты на вышину, на которой лежатъ теперь и на которой, вѣроятно, пролежатъ еще много тысячъ лѣтъ.

Въ этой мѣстности, которая, по плодородію своей почвы, подвергалась болѣе всего наплыву новыхъ переселенцевъ монгольскаго племени и нападеніямъ жадныхъ завоевателей, не осталось первобытнаго населенія: оно, вѣроятно, было истреблено или вытѣснено. Тѣмъ не менѣе теперешніе обитатели страны носятъ на себѣ явные признаки смѣшенія племенъ, потому что имѣютъ коричневый цвѣтъ тѣла и толстыя губы. Только далѣе къ истоку Нила, этой большой и замѣчательной рѣки, протекающей черезъ весь Египетъ, мы находимъ вновь черныхъ туземцевъ, которые живутъ совершенно отдѣльно отъ своихъ сосѣдей.

Слѣды подобныхъ же событій вы найдете по всему сѣверному берегу Африки, гдѣ селились арабы и дру-

гія азіатскія племена и вытѣсняли туземцевъ изъ ихъ отечества. Берегъ этотъ, равно какъ и оазы Сахары, населены ими, и только далѣе внутрь страны и на западныхъ берегахъ Африки мы находимъ чистое, несмѣшанное племя этой части свѣта.

— А на восточномъ берегу, южнѣе Египта? спросилъ Ѳедя.

— Южнѣе Египта лежатъ Нубія и Абиссинія. Обѣ страны, въ теченіе вѣковъ, были завоеваны арабами и заселены ими, такъ что здѣсь, какъ и по всему сѣверному берегу Африки, господствуетъ магометанское исповѣданіе. Господствующія въ обѣихъ этихъ земляхъ племена нубійцевъ и абиссинянъ, происходя отъ арабовъ, отличаются, вмѣстѣ съ темнымъ цвѣтомъ, и благородными, выразительными чертами лица и превосходнымъ сложеніемъ. И нѣсколько далѣе, по восточному берегу, жители представляютъ еще черты арабскаго происхожденія. Но какъ внутрь страны, такъ и по южной части восточнаго берега живетъ чистое племя негровъ, котораго отличительныя черты слѣдующія: курчавые, вьющіеся мелкими кудрями волосы, черная, бархатистая кожа, толстыя, вздернутыя губы и сплюснутый носъ.

— Красивы! воскликнула со смѣхомъ Маша.

— Объ ихъ и нашей красотѣ мы уже говорили, дѣти. Кто рѣшитъ, которая красота дѣйствительна?

— А развѣ не было бы лучше, еслибъ всѣ люди считали красивыми однѣ черты лица?

— Ты такъ думаешь, другъ мой? Хорошо, что не въ твоей власти это устроить: такой порядокъ породилъ бы много горя.

— Какое же изъ этого могло бы выйти горе? спросилъ Ѳедя, удивившись.

— При такомъ порядкѣ уродливому человѣку не

было бы спасенія, даже еслибъ онъ былъ въ высшей степени способенъ и благороденъ. Теперь цѣнится въ жизни не красота, а взвѣшиваются способности и дѣла; въ нашемъ семейномъ кругу мы всѣ хороши, потому что привыкли къ чертамъ другъ друга и любимъ ихъ. Самый безобразный ребенокъ точно такъ же нравится родителямъ, какъ и самый красивый, нетолько потому, что онъ можетъ быть добръ и уменъ, но и потому, что ни отецъ ни мать не замѣчаютъ его безобразія. При твоемъ же порядкѣ безобразный человѣкъ рѣдко наживалъ бы себѣ друга, и мы любили бы только красивыхъ. Было ли бы это справедливо?

Подумай также, какъ бы тяжело было неграмъ считать себя уродливѣе другихъ племенъ. Теперь же они думаютъ, что прекрасны собой, и сожалѣютъ о насъ, бѣлыхъ, которые въ ихъ глазахъ крайне безобразны.

— Да можетъ ли это быть? спросилъ Ѳедя.

— Я вамъ разскажу анекдотъ, который вполнѣ подтвердитъ мои слова. Въ одной части Австріи много мужчинъ съ зобами, — то есть, съ очень некрасивымъ болѣзненнымъ наростомъ на шеѣ, достигающимъ иногда величины чуть не кегельнаго шара. Говорятъ, что однажды, въ мѣстечко, всѣ жители котораго имѣли зобы, заѣхалъ иностранецъ, съ совершенно здоровой шеей. Когда онъ шелъ по улицѣ, мальчики и дѣвочки бѣжали за нимъ и кричали съ насмѣшкой: „смотрите, смотрите! у него нѣтъ зоба!“

Ѳедя и Маша долго смѣялись и убѣдились въ томъ, что красота очень спорная вещь. Отецъ продолжалъ:

— Южная часть Африки обозначена на картѣ красной краской: это колонія англичанъ. Страну эту имъ приходилось отнимать не у воинственныхъ туземцевъ, которые на восточномъ берегу называются кафрами, а на

западномъ готтентотами: она была уже во владѣніи бѣлыхъ и принадлежала голландскимъ колонистамъ.

— Какъ же англичане могли ее себѣ присвоить? спросилъ Ѳедя.

— Колонія была захвачена во время войны. Вы знаете, что южную оконечность Африки объѣхали въ первый разъ въ 1498 г.; но тогда мореплаватели хлопотали болѣе объ открытіи морскаго пути въ Индію, чѣмъ о прісканіи удобныхъ мѣстъ для колоній, и такъ случилось, что на это мѣсто, столь важное для торговли Европы съ Индіей, не обратили вниманія. Только въ 1652 г. здѣсь поселились голландцы, вытѣснили или покорили туземцевъ, которые сначала имъ сопротивлялись, и владѣли страной до 1795 г. Въ теченіе этого продолжительнаго времени они не подумали учредить на этой богатой мѣстности настоящую колонію, что и послѣдовало только въ недавнее время. Мысъ Доброй Надежды считали только удобной стоянкой для идущихъ въ Остъ-Индію кораблей.

Войны въ Европѣ дали въ то время англичанамъ возможность напасть на голландцевъ на морѣ и занять Капъ, равно какъ и другія принадлежавшія голландцамъ колоніи. По заключеніи мира англичане все возвратили; но война возгорѣлась снова, и англичане поспѣшно отправили войско въ Капскую Землю, чтобы овладѣть страной, столь важной для ихъ торговли съ Остъ-Индіей.

Англійскія и голландскія войска встрѣтились у подножія высокой горы, гдѣ лежитъ городъ Капштадтъ, и англичане прогнали владѣльцевъ страны далѣе на сѣверъ по восточному берегу земли кафровъ. Голландцы поселились въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ Портъ - Наталь. Но впослѣдствіи времени они должны были очистить и это мѣсто, хотя не безъ храбраго сопротивленія.

Теперь голландскіе поселенцы, которыхъ называютъ боэрами, перебрались еще дальше вовнутрь, на плоскую возвышенность, гдѣ занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Многіе изъ нихъ и по настоящій день не признаютъ надъ собою верховной власти англичанъ.

Между тѣмъ, англичане старались всѣми силами не-только объ утвержденіи своего владычества въ Портъ-Наталѣ, но и о воздѣланіи страны, и селили тамъ какъ можно болѣе трудолюбивыхъ колонистовъ, которые въ то же время были бы въ состояніи носить оружіе. Имъ приходилось уже нѣсколько разъ защищаться отъ кафровъ, дикаго, воинственнаго племени, съумѣвшаго добыть и огнестрѣльное оружіе, и лошадей и идущаго на бой съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти. Но дружное дѣйствіе европейскихъ солдатъ, проистекающее отъ существующей у насъ дисциплины, способствовало англичанамъ постоянно побѣждать дикарей.

Поднимаясь отъ Капской Земли на сѣверъ, вдоль западнаго берега, мы встрѣчаемъ сперва готтентотовъ и бушменовъ, которымъ переселеніе бѣлыхъ не принесло счастія Вытѣсненные съ прежнихъ мѣстъ охоты, испорченные вліяніемъ дурныхъ сосѣдей, развращенные пьянствомъ, разслабленные постоянными битвами, они сошли на послѣднюю ступень человѣческихъ существъ и никогда не будутъ въ состояніи подняться.

Сѣвернѣе ихъ живутъ сильныя племена негровъ, туземцевъ Гвинеи, негры конго и ашанти, а далѣе за ними сильные и ловкіе фуласы, которыхъ земли простираются до самой пустыни Сахары.

Эти береговыя мѣстности можно назвать гнѣздомъ унизительной и отвратительной торговли неграми. Отсюда ежегодно вывозятъ тысячи этихъ несчастныхъ въ отдаленную Америку; ихъ продаютъ на тамошнихъ рынкахъ подобно скоту, и потомъ всю жизнь принуждаютъ къ тяжкой работѣ.

— Развѣ и теперь еще продаютъ черныхъ въ неволю? спросилъ Ѳедя.

— Я уже говорилъ вамъ, дѣти, что эта торговля ведется, хотя и тайно, до настоящаго времени, потому что и въ наше время есть подлые люди, которые изъ жадности къ деньгамъ не стыдятся торговать себѣ подобными; но мы объ этомъ поговоримъ завтра: съ этимъ предметомъ нельзя покончить въ нѣсколько минутъ.

ГЛАВА III.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ АФРИКИ.

(Продолженіе.)

Ѳедя весь день вспоминалъ о невольничествѣ и продажѣ людей: онъ никакъ не могъ понять, почему сами негры допускали эту торговлю. Страна, какъ имъ говорилъ отецъ, была населена многочисленными племенами, притомъ же сильными и воинственными, и Ѳедѣ казалось, что еслибъ весь народъ воспротивился торговлѣ, то европейцы вынуждены бы были отъ нея отказаться. Лишь-только отецъ воротился вечеромъ домой, Ѳедя тотчасъ приступилъ къ нему съ разспросами.

— Да, другъ мой, отвѣчалъ отецъ;— ты разсуждалъ совершенно правильно. Когда бы часть негровъ не помогала бѣлымъ, то послѣдніе не могли бы ничего сдѣлать.

— Развѣ черные сами имъ помогаютъ? спросилъ съ удивленіемъ Ѳедя.

— Къ несчастью, это такъ. Вы видите въ этомъ, друзья мои, новый примѣръ гибельнаго вліянія раздора; онъ губитъ нетолько отдѣльныя семейства, но и цѣлые народы.

Вспомните басню о стрѣлахъ: цѣлаго пучка никто сломить не можетъ, а поодиначкѣ ихъ всѣ легко из-

мельчать; точно то же происходитъ и съ племенами черныхъ на западномъ берегу Африки, живущими въ богатой и благословенной странѣ: они могли бы быть счастливы, еслибъ между ними не господствовали ненависть и раздоръ. Въ этой странѣ множество князьковъ и королей; каждый изъ нихъ содержитъ большой дворъ и хочетъ жить роскошно. Чрезвычайно плодородная почва, будучи хорошо обработана, могла бы удовлетворять всевозможнымъ потребностямъ; но посѣщавшіе эти страны бѣлые люди открыли тамошнимъ государямъ источникъ дохода гораздо простѣйшій, именно продажу подданныхъ въ неволю.

— Какъ же князьки смѣютъ это дѣлать? воскликнули дѣти съ удивленіемъ.

— Кто же имъ запретитъ? Они сзываютъ своихъ солдатъ, которыхъ держатъ будто для защиты края, и принуждаютъ несчастныхъ повиноваться. Сначала продавали только военноплѣнныхъ, и очень правдоподобно, что первымъ поводомъ къ торгу невольниками была одержанная побѣда. Можетъ быть, взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ непріятелей и первое время не знали, что съ ними дѣлать. Случайно открывшаяся возможность сбыть ихъ на руки иностранцамъ и получить еще за это стеклянныя бусы и зеркальца была какъ нельзя болѣе кстати: все лучше, чѣмъ даровать врагамъ свободу.

Когда не было военноплѣнныхъ, а бѣлые вновь спрашивали невольниковъ и предлагали въ обмѣнъ такія же красивыя вещицы, приходилось искать случая къ новой войнѣ. Племена нападали другъ на друга только съ цѣлью добыть плѣнныхъ, и этотъ страшный торгъ болѣе и болѣе распространялся. Испанцы, португальцы и французы, къ которымъ впослѣдствіи присоединились и американцы, высылали корабли свои для этой торговли. Англичане, которые въ ней сначала также участвовали,

признали наконецъ нечеловѣческимъ и нехристіанскимъ дѣломъ насильно увозить людей, хотя и черножихъ, изъ отечества и отъ семействъ и торговать этими людьми какъ скотомъ.

Какъ я вамъ уже разсказывалъ, англичане начали съ того, что освободили негровъ во всѣхъ своихъ колоніяхъ; они не довольствовались строжайшимъ воспрещеніемъ своимъ кораблямъ вывозить изъ Африки невольниковъ, но даже высылали военные корабли разъѣзжать взадъ и впередъ вдоль береговъ Африки, что называется крейсировать, и захватывать тѣ суда, на которыхъ окажутся несчастные черные.

— Это прекрасно со стороны англичанъ, воскликнулъ Ѳедя; послѣ этого имъ можно простить, что они завладѣли столькими колоніями.

— Не говори такъ: людямъ, которыхъ они поработили въ этихъ колоніяхъ, не легко. Какъ бы то ни было, это хорошій и человѣческій поступокъ и многія тысячи негровъ были спасены имъ отъ невольничества. Но испанцы, португальцы, и, особенно, американцы, не могли воздержаться, чтобы хотя тайнымъ образомъ не добывать и не продавать невольниковъ. Вслѣдствіе воспрещенія ввоза невольниковъ въ Бразилію, Гаванну и Южные Соединенные Штаты сѣверной Америки цѣна на этотъ товаръ, разумѣется, возвысилась, а всегда найдутся безсовѣстные люди, которые изъ-за большихъ барышей рѣшатся на самое преступное дѣло.

— Неужели нѣтъ возможности воспрепятствовать торговцамъ? спросилъ Ѳедя.

— Когда словятъ подобныхъ людей, имъ бываетъ плохо: корабль отнимаютъ, негры дѣлаются свободными, а капитанъ судна подвергается обыкновенно строгому наказанію; но многимъ кораблямъ удается пробраться, и они украдкой пристаютъ съ своимъ человѣческимъ грузомъ къ берегамъ Бразиліи или сѣверной Америки.

Еслибы пріохотить черное населеніе къ обрабатыванію земли и къ продажѣ ея произведеній бѣлымъ, то князьки гвинейскихъ береговъ замѣтили бы, что они могутъ извлечь изъ своихъ подданныхъ болѣе пользы, заставляя ихъ работать, чѣмъ продавая ихъ въ неволю. Притомъ же, съ возвышеніемъ цѣны работника торговцы невольниками не получали бы прежнихъ барышей, и торговля эта прекратилась бы сама собой. Но пройдетъ еще много, много времени, пока по всему гвинейскому берегу начнутъ воздѣлывать землю. Въ настоящее время можно еще, какъ я вамъ также говорилъ, ожидать освобожденія негровъ отъ войны, возникшей между свободными и невольничьими штатами сѣверной Америки.

Торговля невольниками ограничивается западными берегами Африки, на какихъ-нибудь 20 градусовъ къ югу и къ сѣверу отъ экватора. Далѣе къ сѣверу живетъ народъ арабскаго происхожденія, рѣзко отличающійся отъ негровъ, какъ лицомъ, такъ и цвѣтомъ тѣла, а къ югу обитаютъ племена готтентотовъ, неспособныя къ тяжелымъ полевымъ работамъ. Туземцы восточныхъ береговъ происходятъ, какъ вы знаете, по большей части отъ иноплеменныхъ пришельцевъ и также не знаютъ невольничества, такъ что несчастныхъ рабовъ поставляютъ одни западные берега и середина Африки, откуда добываютъ военноплѣнныхъ тѣ же прибрежные жители.

Подымаясь выше по западному берегу, мы доходимъ снова до большой пустыни Сахары и встрѣчаемъ въ ней мавровъ, храбрый народъ, который, живя въ оазахъ, кочуетъ на верблюдахъ и лошадяхъ по обширной пустынѣ и иногда посѣщаетъ берегъ, — напримѣръ, когда по окраинѣ пустыни разнесется вѣсть, что на

прибрежную мель сѣлъ какой-нибудь несчастный корабль.

— Они ему помогаютъ? спросила Маша.

— Конечно, они помогаютъ людямъ, если тѣ находятся еще на кораблѣ, добраться до берега, но съ тѣмъ, чтобы увести ихъ въ неволю.

— Какъ? бѣлыхъ людей! воскликнулъ Ѳедя съ удивленіемъ.

— Да, бѣлыхъ, отвѣчалъ отецъ, — и не одинъ торговецъ невольниками, шедшій къ берегу за несчастными черными, подвергся здѣсь заслуженному наказанію: участи, которую готовилъ другимъ.

— Не рой другому ямы, — самъ ввалишься, замѣтилъ Ѳедя.

— Ты правъ. Но подобнымъ случаемъ нельзя извинить эти хищные народы, потому что они точно такъ же присваиваютъ себѣ собственность и купеческихъ кораблей, которымъ случится попасть на здѣшнія опасныя мели. Что только мавры могутъ взять съ корабля и перенести на берегъ, то они нагружаютъ на своихъ верблюдовъ или даже на плѣнный экипажъ корабля и уносятъ въ известныя имъ однимъ убѣжища пустыни.

Въ прежніе годы, и очень недавно, потому что я самъ еще это помню, племена, обитающія сѣверный берегъ Африки, были смѣлыми пиратами, то есть морскими разбойниками. Дерзость ихъ доходила до того, что они высаживались на берега Италіи и Франціи, грабили дома, а жителей уводили въ плѣнъ. Названія этихъ прославившихся разбоемъ земель, по направленію отъ запада на востокъ, слѣдующія: ***Марокко***, ***Алжиръ***, ***Тунисъ*** и ***Триполи;*** въ совокупности ихъ называютъ ***Вар-***

варійскими владѣніями или, правильнѣе, ***Берберіей***, по первобытнымъ жителямъ, берберамъ. Морской разбой былъ прекращенъ въ 1830 году силой.

Въ то время было ограблено нѣсколько французскихъ кораблей, и множество христіанъ томилось и страдало въ плѣну. Тогдашній французскій король отправилъ противъ причинявшихъ наиболѣе вреда алжирцевъ эскадру военныхъ кораблей и войско. Дей хотѣлъ было защищаться, но высадившіяся войска подступили къ столицѣ, заняли ея крѣпость, и онъ долженъ былъ сдаться. Съ тѣхъ поръ Алжиръ остается во власти французовъ.

Должно сознаться, что трудно найти болѣе основательный предлогъ для завоеванія какой-нибудь страны. Наказаніе постигло только Алжиръ; но примѣръ подѣйствовалъ и на сосѣднія страны, и государи ихъ обязались не позволять своимъ подданнымъ разбоевъ. Съ того времени грабежъ прекратился, и европейскіе корабли пользуются, по крайней мѣрѣ, безопасностью.

— Скажи, папаша, — спросилъ Ѳедя, заинтересовавшійся пиратами, — жителей сѣвернаго берега Африки называютъ варварами?

— Варварами, другъ мой, называютъ обыкновенно злыхъ, кровожадныхъ людей. Слово это было впервые употребляемо жившими въ древности въ Италіи римлянами: они называли варварами всѣ остальные народы, большею частью погруженные въ дикое невѣжество. Очень можетъ быть, что названіе обязано своимъ существованіемъ именно берберамъ, которые и въ то время считали морской разбой совершенно законнымъ и честнымъ ремесломъ. Понятно, что они не могли пользоваться въ Европѣ доброю славой; поэтому и слово варвары получило дурной смыслъ.

Овладѣвъ Алжиромъ, французы основали въ немъ обширную колонію, съ значительными военными силами. Войско было необходимо, потому что кочевые бедуины, то есть аравитяне и происходящіе отъ нихъ мавры, а также берберы или кабилы постоянно дѣлали набѣги на пограничныя поселенія и оспаривали владѣніе страной. Въ послѣднее время французы умѣли, правда, внушить къ себѣ уваженіе, покорили этотъ безпокойный народъ и прогнали въ пустыню сопротивлявшіяся орды; но и теперь они каждую минуту могутъ ожидать нападенія.

Воинственные и смѣлые аравитяне и потомки ихъ, мавры, распространились по всему сѣверному берегу Африки и частью покорили, частью вытѣснили жившіе тамъ народы. Мавры перебрались, въ восьмомъ вѣкѣ, даже въ Испанію и поработили почти весь полуостровъ, до самыхъ Астурійскихъ горъ. Испанцы засѣли здѣсь и защищались нѣсколько столѣтій противъ этихъ мусульманскихъ завоевателей.

— Мавры черные? спросила Маша.

— Нѣтъ, отвѣтилъ отецъ: вы знаете, что они происходятъ отъ аравитянъ. Помнишь ли, Ѳедя, въ которомъ году они были изгнаны изъ Испаніи?

— Нѣтъ, папаша; ты намъ этого не говорилъ.

— А я такъ думаю, что говорилъ, возразилъ съ улыбкою отецъ. — Вспомни, какому счастливому обстоятельству былъ обязанъ одинъ знаменитый человѣкъ тѣмъ, что получилъ отъ тогдашняго испанскаго короля корабли.

— Ахъ, да, папаша, помню! воскликнулъ Ѳедя, — это Колумбъ.

— Да. Что же дальше?

— Испанцы именно въ то время побѣдили мавровъ.

— Да... и прогнали ихъ за Средиземное море. Слѣдовательно, въ одинъ годъ совпали два наиболѣе важ-

ныя для испанцевъ событія: освобожденіе Испаніи отъ владычества мавровъ и открытіе Америки. А въ которомъ это было году?

Въ 1492, поспѣшно отвѣтилъ Ѳедя.

— Вѣрно. Изгнанные изъ Испаніи мавры возвратились въ Африку и основали тамъ государства, о которыхъ я уже упоминалъ.

Большая часть мѣстныхъ жителей принадлежитъ къ мусульманскому исповѣданію. Паша Триполи и бей Туниса признаютъ верховную власть турецкаго султана. Но зависимость ихъ чрезвычайно слаба. Марокко, самое западное государство, въ которомъ лежитъ высочайшая въ Африкѣ цѣпь горъ, Атласъ, самостоятельно и управляется султаномъ. Не можетъ ли онъ или не хочетъ удерживать своихъ подданныхъ отъ непріязненныхъ дѣйствій, — только они безпрестанно заводятъ ссоры съ сосѣдями и безпокоятъ купеческія суда. Въ послѣднее время они не разъ испытали, что подобныя дѣйствія не остаются безнаказанными. Они потерпѣли сильныя пораженія отъ одного прусскаго корабля, на который напали, отъ французовъ, вторгшись въ Алжиръ, и, наконецъ, отъ испанцевъ, которые владѣютъ въ ихъ государствѣ нѣсколькими укрѣпленными мѣстами, послали противъ марокскаго императора войско и доказали ему, что прошли уже тѣ времена, когда онъ могъ считать себя повелителемъ всей Африки.

Теперь вамъ извѣстны почти всѣ племена, обитающія по берегамъ Африки. Мнѣ остается еще познакомить васъ съ огромнымъ пространствомъ, занимаемымъ серединой этой части свѣта. Недавно еще о центральной Африкѣ знали очень мало и повторяли самые странные разсказы. Въ послѣдніе годы нѣкоторымъ предпріимчивымъ людямъ удалось пробраться внутрь Африки и изслѣдовать значительныя пространства, такъ что мы уже имѣемъ объ этой странѣ кое-какое понятіе.

Вездѣ разбросаны различныя по численности племена негровъ, подъ управленіемъ княжескихъ семействъ, въ которыхъ старшій сынъ наслѣдуетъ власть отца. Племена эти занимаются нетолько скотоводствомъ, но и земледѣліемъ и воздѣлываютъ особенно много хлопчатой бумаги, изъ которой приготовляютъ съ искусствомъ ткани на платье. Кажется, они живутъ другъ съ другомъ въ мирѣ, и въ то время, какъ на западномъ берету безпрестанно проливается кровь и каждое племя постоянно страшится нападенія сосѣдей, жители центральной Африки пользуются безопасностью. Это внушаетъ намъ мысль, что въ усобицахъ негровъ западнаго берега виновны бѣлые. Тамъ, гдѣ негры не имѣютъ возможности продавать своихъ плѣнныхъ, они живутъ мирно, а гдѣ представляется подобный случай, тамъ они, изъ корыстныхъ цѣлей, ведутъ самыя жестокія войны.

Португальцы, владѣющіе многими мѣстами на западномъ берегу Африки, самые алчные торговцы невольниками; они снаряжаютъ цѣлые караваны, отправляющіеся внутрь материка для обмѣна стеклянныхъ бусъ, зеркальцъ и другихъ игрушекъ, а также пестрыхъ матерій и драгоцѣнностей, преимущественно на невольниковъ. Сверхъ того, они вывозятъ изъ внутренней Африки и прибрежныхъ мѣстностей слоновую кость, золото, камедь, звѣриныя шкуры, хлопчатую бумагу и много другихъ предметовъ торговли, о которыхъ мы еще будемъ имѣть случай поговорить.

Внутри этой обширной части свѣта есть тысячи и тысячи людей, которые, по всей вѣроятности, еще никогда не видѣли бѣлыхъ, не слышали выстрѣла и вполнѣ убѣждены, что окружающая ихъ дикая пустыня составляетъ конецъ міра.

— Какъ они должны удивиться бѣлымъ, замѣтилъ Ѳедя.

— Но едвали должны радоваться: до настоящаго времени европейцы и, вообще, кавказское племя не приносили счастья другимъ народамъ. Мы это видѣли въ Америкѣ, въ Австраліи и на островахъ Тихаго океана то же самое подтверждается и въ Африкѣ. Правда, кавказское племя извлекаетъ наибольшую пользу изъ земли и лучше ее воздѣлываетъ, доводитъ торговлю и ремесла до цвѣтущаго состоянія, совершенствуетъ искусства и науки; но вездѣ оно истребляетъ природныхъ жителей, и если туземцы держатся еще нѣкоторое время, то только тамъ, гдѣ или почва, или огромныя разстоянія не дозволяютъ селиться бѣлымъ, какъ напр. въ песчаныхъ пустыняхъ Австраліи и Африки. Но гдѣ туземцы не могли бѣжать, тамъ они были истреблены, напр. почти на всѣхъ американскихъ островахъ и, къ сожалѣнію, на многихъ африканскихъ.

Канарскіе острова были открыты и присвоены испанцами; разумѣется, туземцевъ не спрашивали, согласны ли они на это. Но когда тѣ возстали и не хотѣли принять христіанства, — что, вѣроятно, сдѣлали бы, еслибъ знали ученіе Христа и оно было имъ принесено лучшими людьми, — тогда противъ нихъ начали истребительную войну, которая, разумѣется, на маленькихъ островахъ вскорѣ кончилась совершеннымъ истребленіемъ туземцевъ.

Должно предполагать, что это былъ сильный, красивый народъ, не принадлежавшій къ африканскому племени негровъ. Эти жители могли быть занесены сюда на корабляхъ и заселить островъ или смѣшаться съ еще древнѣйшими обитателями; найденныя здѣсь муміи, доказываютъ, что цвѣтъ тѣла этого народа былъ довольно свѣтлый, волосы же длинные и вившіеся большими кольцами.

— Что такое *муміи?* спросили дѣти, не слышавшія этого слова.

— Муміями, дѣти, называются тѣла умершихъ, которыя найдены преимущественно въ египетскихъ гробницахъ и такъ искусно были набальзамированы или высушены, что пролежали тысячи лѣтъ и не подверглись гніенію. Бальзамированіе состояло въ томъ, что изъ трупа выпускали кровь и вынимали внутренности, наполняли тѣло смолистыми веществами, не подверженными гніенію, и потомъ клали трупъ въ сухое мѣсто, гдѣ онъ медленно высыхалъ. Такія муміи найдены на одномъ изъ Канарскихъ островоъ, въ пещерѣ, которая, вѣроятно, служила мѣстомъ погребенія умершихъ. Такимъ образомъ сохранились, по крайней мѣрѣ, останки сильнаго племени, которое подчинилось только превосходнымъ силамъ испанцевъ.

Обычай бальзамировать тѣла, существовавшій у древнихъ египтянъ, а также гробницы, воздвигнутыя, по ихъ примѣру, въ видѣ пирамидъ, даютъ право думать, что прежніе жители Канарскихъ острововъ происходили изъ Египта.

Теперь Канарскіе острова принадлежатъ испанцамъ, исключая сѣверной группы съ Мадерой, которая, равно какъ острова Зеленаго Мыса и Азорскіе, находятся подъ владычествомъ Португаліи. Азорскіе острова должно собственно причислить къ Европѣ, потому что они не только лежатъ ближе къ ней, чѣмъ къ Африкѣ, но даже подъ одной широтой съ первой.

Зато исключительно къ Африкѣ принадлежитъ большой и замѣчательный островъ *Мадагаскаръ*, находящійся близъ ея юго-восточнаго берега; горы, прорѣзающія островъ, по направленію отъ сѣвера къ югу, дѣлятъ и населеніе его на два различныя племени.

Жители западной половины принадлежатъ къ эѳіопскому племени, тогда какъ на восточной, очевидно, малаи смѣшались съ первобытными обитателями. Они

овладѣли этимъ берегомъ, какъ и остальными островами архипелага. Поэтому-то жители восточнаго берега Мадагаскара гораздо свѣтлѣе тѣломъ, дѣятельнѣе и способнѣе, такъ что европейцамъ, не смотря на многократныя нападенія, не удалось тамъ утвердиться. Французы и англичане неразъ пытались овладѣть островомъ, однажды даже совокупными силами; но туземцы храбро отбивали ихъ нападенія и составляютъ по настоящее время независимое государство, которымъ управляетъ королева.

Группа, лежащая къ востоку отъ Мадагаскара, по положенію своему принадлежитъ еще къ Африкѣ, но по растительности и жителямъ скорѣе къ Остъ-Индскому архипелагу, такъ какъ на ней въ особенности воздѣлываютъ сахаръ и кофе, а равно и пряности, произрастающія только на Молуккскихъ островахъ. ***Маскаренскіе*** острова, какъ ихъ называютъ, были открыты португальцами, а теперь принадлежатъ Французамъ.

— Однако, одинъ островъ выкрашенъ въ красный цвѣтъ, замѣтилъ Ѳедя.

— Потому что англичане, во время войны съ Наполеономъ I, отправили сюда флотъ и завладѣли островомъ, который французы называли ***Иль-де-Франсъ.*** По заключеніи мира, они оставили его за собой и возвратили ему прежнее названіе острова ***Св. Маврикія,*** данное голландцами.

Такимъ образомъ, дѣти, мы осмотрѣли всю Африку и познакомились немного съ ея жителями. Но до какой степени Африка важна для насъ, вы поймете, узнавъ ея произведенія.

— Оттуда мы получаемъ слоновую кость, сказала Маша.

— По крайней мѣрѣ, бòльшую часть, продолжалъ отецъ; — остальное количество доставляетъ Азія. Впро-

чемъ, я бы желалъ убѣдиться, что вы знаете, какіе предметы нашего незатѣйливаго хозяйства привезены изъ чужихъ странъ.

— Вопервыхъ, сказалъ Ѳедя, — слоновая кость.

— Не спѣши, прервалъ его отецъ. — Подумайте объ этомъ и, лучше всего, запишите то, что вспомните; завтра я увижу, обращаете ли вы вниманіе на окружающіе васъ предметы.

— А сегодня? спросила Маша.

— Сегодня пойдемъ спать, потому что уже позже, чѣмъ я предполагалъ, а Африка слишкомъ богата произведеніями, чтобы можно было ограничиться нѣсколькими словами.

ГЛАВА IV.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ АФРИКИ.

На слѣдующій вечеръ дѣти едва могли дождаться прихода отца, потому что они долго соображали всѣ чужеземныя произведенія, употреблявшіяся въ ихъ хозяйствѣ, и имъ казалось, что они сдѣлали замѣчательныя открытія. Они встрѣтили отца увѣреніями, что все хорошо знаютъ.

— Вотъ какъ! сказалъ отецъ и, пока мать приготовляла чай, — продолжалъ: Посмотримъ, что вы знаете. Начни ты, Ѳедя.

— Вопервыхъ, слоновая кость, проговорилъ Ѳедя, немного задумываясь.

— Это вовсе не новое открытіе, потому что слоновую кость мы вспомнили еще вчера вечеромъ. Впрочемъ, пожалуй, начнемъ съ нея. Слоновая кость, обыкновенная у насъ до такой степени, что мы употребляемъ ее даже на ручки для ножей и вилокъ, происходитъ изъ Азіи и Африки. Кстати я долженъ вамъ сказать, что въ Африкѣ есть дерево, котораго сѣменныя коробочки содержатъ въ себѣ растительную слоновую кость. Она столь же тверда, какъ настоящая слоновая кость, но не такъ прочна. Что же ты нашла, Маша?

— Корицу и ваниль, воскликнула дѣвочка.

— Хорошо. Гдѣ же произрастаютъ корица и ваниль? вы должны и это знать.

— Корица на Молуккскихъ островахъ, отвѣчала Маша; — а ваниль, — да и ваниль также.

— Нѣтъ, воскликнулъ Ѳедя, — ваниль въ южной Америкѣ.

— Правда. Дальше.

— Перецъ и мускатный орѣхъ на Молуккскихъ островахъ, сказалъ Ѳедя.

— Хорошо; но вы могли бы сказать это, вообще, о всѣхъ пряностяхъ, потому что ихъ очень много.

— Чай растетъ въ Китаѣ! воскликнула Маша.

— Кофе въ Бразиліи и Азіи, продолжалъ Ѳедя.

— Хорошо. А сахаръ? потому что мы не употребляемъ свекловичнаго.

— Сахаръ привозится изъ Америки, Азіи и Африки.

— Вы можете сказать вообще „изъ жаркихъ странъ,“ потому что сахаръ добываютъ въ каждомъ даже тепломъ климатѣ, такъ какъ сахарный тростникъ, спѣлый, переноситъ небольшой морозъ. Это, однако, не все.

— Откуда мы получаемъ рисъ? спросила мать.

— Изъ Азіи, живо отвѣтилъ Ѳедя.

— Или изъ сѣверной Америки, прибавилъ отецъ, — потому что въ южныхъ Соединенныхъ Штатахъ воздѣлываютъ, между прочимъ и для вывоза, очень много отличнаго рису.

— Мы еще не называли шеколадъ, продолжала Маша: онъ растетъ въ Америкѣ, въ жаркихъ странахъ.

— Дальше.

— Не знаю, что бы можно было еще назвать, сказалъ Ѳедя; — да остальное добывается у насъ.

— И саго? спросила мать.

— Нѣтъ, саго добывается изъ саговой пальмы, въ Азіи; но болѣе я ничего не знаю.

— Не знаешь ли ты, Маша? Взгляни на клавиши рояля.

— Клавиши, сказала Маша, сдѣланы изъ слоновой кости, про которую мы уже говорили.

— Да, но не всѣ; черные клавиши сдѣланы изъ чернаго дерева, весьма твердаго, происходящаго изъ Африки; маленькая дощечка надъ клавишами сдѣлана изъ перламутра; онъ, вѣроятно, привезенъ изъ Тихаго океана, откуда мы получаемъ множество перламутровыхъ раковинъ. А гдѣ выросло дерево наружной части рояля.

— Ахъ, правда! воскликнулъ Ѳедя, — это красное дерево; оно привозится изъ средней и южной Америки.

— Вотъ видите, дѣти, продолжалъ отецъ: — на этомъ инструментѣ вы играете ежедневно, а еще ни разу не подумали, что для приготовленія его пять частей свѣта доставляли сырой матеріалъ.

— Пять, — повторила Маша съ удивленіемъ.

— Да, другъ мой: если мы примемъ, что слоновая кость привезена изъ Азіи, а перламутръ съ острововъ Тихаго океана, — что очень вѣроятно, — черное дерево изъ Африки, красное изъ Америки, а струны и остальное дерево доставила Европа, то и оказывается, что я правъ.

Но мы далеко не перечислили всѣхъ потребляемыхъ нами иностранныхъ произведеній: шелкъ, который мы носимъ въ тканяхъ или употребляемъ для шитья и вышиванья, добывается въ Китаѣ, южной Франціи и Италіи; кожу, изъ которой шьются наши сапоги, — мы получаемъ частью изъ Америки, частью изъ Африки, откуда вывозится огромное количество шкуръ. Оттуда же мы получаемъ рогъ, изъ котораго приготовляются наши

гребни и роговыя издѣлія, — такъ какъ роговъ здѣшняго скота не хватаетъ для нашего потребленія; вещество, изъ котораго приготовлена мамина гребенка, составляло — можетъ быть, нѣсколько лѣтъ тому назадъ — спинной покровъ черепахи; камедь, которой приклеиваются почтовыя марки, вывозится изъ Аравіи или съ западныхъ береговъ Африки. Почти каждое медицинское средство аптекаря получаютъ изъ южныхъ странъ. Краски привозятся изъ разныхъ частей свѣта: красильныя деревья, большею частію, изъ Америки, индиго изъ Азіи, Африки и Америки, кошениль изъ Америки и Азіи. Даже предметъ, продаваемый у насъ по самой ничтожной цѣнѣ, пробка, привозится изъ Италіи, Испаніи или съ Азорскихъ острововъ и совершаетъ продолжительное путешествіе, прежде чѣмъ прибудетъ къ намъ.

Такимъ образомъ, дѣти, мы, часто не замѣчая этого, находимся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ отдаленными частями свѣта, въ сношеніяхъ, которыя поддерживаются купцами. Купецъ, слѣдовательно, звено между всѣми странами, потому что еслибы Европа не нуждалась въ Америкѣ, Америка въ Европѣ, то обѣ части свѣта не входили бы во взаимныя сношенія и, наконецъ, стали бы чужды другъ другу. То же замѣчаемъ и между отдѣльными личностями. Каждый человѣкъ, какъ онъ ни независимъ, какъ онъ ни богатъ, не можетъ существовать безъ помощи ближняго. Но, нуждаясь въ другихъ, мы дорожимъ ихъ обществомъ и учимся ихъ любить. Обмѣниваясь собственностью, мы поддерживаемъ сношенія, которыя никогда не могутъ быть прерваны.

— Однако, папаша, сказалъ Ѳедя, — мы не обмѣниваемся собственностью: это дѣлаютъ только дикія племена.

— Если такъ, то мы дикіе, отвѣчалъ отецъ, — потому что мы ведемъ и у себя постоянную мѣновую торговлю.

— Мѣновую торговлю? воскликнули дѣти, — да чѣмъ же и съ кѣмъ?

— Чѣмъ? — всѣмъ, что намъ нужно; съ кѣмъ? — съ купцами.

— Мы же платимъ имъ наличными деньгами.

— Согласенъ; но что такое деньги, какъ не обыкновенный предметъ торговли, имѣющій только опредѣленную и неизмѣнную стоимость? Наконецъ, и самымъ бумажнымъ деньгамъ, въ случаѣ увеличенія ихъ количества, случается падать въ цѣнѣ, точно такъ же, какъ, напримѣръ, хлѣбу послѣ богатаго урожая. Такимъ образомъ, мы обмѣниваемъ деньги на товары, въ которыхъ нуждаемся.

— А я думалъ, что мѣновая торговля....

— Ты совершенно правъ, прервалъ его, улыбаясь, отецъ. Собственно подъ словами „мѣновая торговля“ мы понимаемъ взаимный обмѣнъ товаровъ, причемъ приблизительно опредѣляется ихъ стоимость. Но, собственно, и плата деньгами ничто иное, какъ мѣновая торговля, и во многихъ мѣстностяхъ Африки платятъ, вмѣсто монетъ, стеклянными красными бусами извѣстной формы, въ Америкѣ раковинами, а въ горахъ Остъ-Индскаго архипелага красными, твердыми сѣменами одного вида акаціи. Собственно, даже и наши купцы, если мы ближе разсмотримъ дѣло, производятъ тоже мѣновую торговлю, потому что даютъ товары за товары: такъ напр., если продавецъ сукна хочетъ купить диванъ, а мебельщикъ не нуждается въ сукнѣ, но, можетъ быть, желаетъ пріобрѣсти сапоги, тогда какъ сапожнику не нужно дивана, то фабрикантъ сукна продаетъ кому-нибудь сукно за деньги, отдаетъ ихъ мебельщику за диванъ, а тотъ относитъ ихъ сапожнику и получаетъ сапоги. Такимъ образомъ деньги служатъ посредникомъ

въ мѣновой торговлѣ и сами сдѣлались какъ-бы товаромъ.

Мы, однако, уклонились отъ предмета, о которомъ я хотѣлъ съ вами говорить: именно о томъ, какія въ Африкѣ воздѣлываются или собираются произведенія, для торговли съ другими народами.

Вы знаете уже изъ описанія другихъ частей свѣта, что мало образованныя страны даютъ только сырыя произведенія, тогда какъ образованныя, напр. Европа, получаютъ произведенія сырыми, а вывозятъ обработанными. Такимъ образомъ мы получаемъ хлопчатую бумагу, металлы, шелкъ, рогъ, слоновую кость, шкуры, красильныя деревья и проч.; наши ремесленники приготовляютъ изъ этихъ сырыхъ произведеній разныя издѣлія и высылаютъ ихъ во всѣ страны свѣта.

Африка даетъ исключительно сырыя произведенія, изъ коихъ главнѣйшія: золото, слоновая кость, рогъ, шкуры, хлопчатая бумага, страусовыя перья, камедь, черное дерево и плоды. Къ сожалѣнію, еще важнѣйшимъ предметомъ вывозной торговли служатъ невольники.

Однако, въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ странахъ уже обрабатываютъ сырыя произведенія; напр. изъ Берберіи мы получаемъ тонкій и красивый сафьянъ, отлично выдѣланный и окрашенный.

— Но самыми образованными странами Африки должно признать Египетъ и Капландскую землю. Англичане всячески стараются поощрить на южной оконечности Африки трудъ и промышленность, такъ какъ успѣхъ въ этомъ дѣлѣ долженъ привлечь новыхъ поселенцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ распространить и усилить колонію.

Изъ всѣхъ африканскихъ странъ Египетъ пользуется самымъ счастливымъ положеніемъ, потому что орошается прорѣзающею его судоходною рѣкою Ниломъ,

отъ которой проведены по всей странѣ каналы, и обладаетъ чрезвычайно плодородною почвой. Въ немъ воздѣлываютъ рисъ, пшеницу и хлопчатую бумагу, нетолько для собственнаго употребленія, но и для вывозной торговли. Въ прежнее время Египетъ служилъ центромъ торговли между Африкой, Азіей и Европой и превосходилъ просвѣщеніемъ всѣ другія страны. При плодородіи почвы, поддерживаемомъ ежегодными разливами Нила, и трудолюбивомъ населеніи, Египетъ считался житницею древняго міра. Страна находится подъ управленіемъ паши, состоящаго во внѣшней зависимости отъ константинопольскаго султана. Нынѣшній паша и его предшественникъ всячески старались о введеніи въ Египетъ европейскаго образованія, оживили промышленность и торговлю, завели разныя фабрики. Отъ Каира въ Суэцъ, какъ я вамъ уже говорилъ, проложена даже желѣзная дорога.

Еще большія надежды на развитіе просвѣщенія подаетъ, конечно, заселенная европейцами южная оконечность Африки, Капская земля, которой климатъ подходитъ болѣе всего къ климату южной Европы, Италіи и Испаніи.

Главный промыселъ этой страны составляетъ скотоводство, а потому и главный предметъ вывоза состоитъ въ рогахъ и кожѣ. Кромѣ того, отсюда вывозится превосходное вино. Изъ другихъ странъ Африки важнѣйшими по торговлѣ должно признать западный берегъ, именно такъ-называемую Гвіану, части которой называются, по предметамъ вывоза, перцовымъ берегомъ, слоновой кости, золотымъ и невольничьимъ.

По этому берегу селились европейцы, не смотря на то, что климатъ его очень нездоровый и для европейцевъ часто смертеленъ. Англичане, голландцы, испанцы, французы и португальцы заводили здѣсь колоніи, пре-

имущественно для обмѣна европейскихъ товаровъ на произведенія внутреннихъ странъ Африки.

Съ этою же цѣлью европейцы, особенно англичане и нѣмцы, старались проникнуть внутрь страны, гдѣ золото, слоновая кость и другія африканскія произведенія могутъ быть добыты гораздо дешевле. Въ послѣднее время открыты новыя рѣки, а прежде извѣстныя подробнѣе изслѣдованы, и завязаны торговыя сношенія со многими племенами. Но, вообще, въ самое сердце страны никто еще не могъ проникнуть, и даже источники главнѣйшихъ рѣкъ остаются неизвѣстными.

Такъ напр., еще ни одинъ бѣлый не видѣлъ источниковъ Нила; неизвѣстно даже, вытекаетъ ли эта рѣка изъ горъ или изъ озера. Точно такъ же не изслѣдованы еще источники и часть теченія Нигера, впадающаго въ Гвинейскій заливъ. Въ новѣйшее время отправлены на Нигеръ, для изъисканій, плоскодонные пароходы.

Рѣки весьма важны въ столь обширной странѣ, потому что ими легче было бы доставлять къ берегамъ произведенія внутреннихъ мѣстностей. Гдѣ нѣтъ воднаго сообщенія, тамъ все должно везти на колесахъ и вьючныхъ животныхъ, и легко понять, что это сильно возвышаетъ цѣну товаровъ, тѣмъ болѣе, что въ Африкѣ дорога почти не существуетъ и торговцамъ приходится по цѣлымъ недѣлямъ ѣхать по пустынямъ и степямъ, подниматься на горы и спускаться съ нихъ, пробираться черезъ болота и лѣса. Служащія предметомъ торговли произведенія до сихъ поръ не очень разнообразны.

Еслибы вся страна была воздѣлана, то она производила бы все, что можетъ производить жаркій и умѣренно-теплый климатъ. Но пройдетъ еще много сотенъ лѣтъ, пока земледѣліе вытѣснитъ торговлю невольниками, а до того времени европейцы должны доволь-

ствоваться дарами самой природы, которые сами по себѣ довольно богаты.

— Скажи, папаша, перебилъ Ѳедя, — камедь, которую мы получаемъ изъ Африки, вытекаетъ изъ сверленыхъ деревьевъ, какъ резина.

— Нѣтъ, дитя мое, аравійская камедь вытекаетъ сама собой изъ трещинъ коры, подобно тому, какъ у насъ выдѣляется вишневый клей. Камедное дерево принадлежитъ къ акаціямъ и растетъ на западномъ берегу Африки, внутри страны, преимущественно по Сенегалу и въ оазахъ южнаго края Сахары. Акаціевые лѣса очень не красивы. Дерево это искривленное, съ иглистыми вѣтвями и грязно-зеленаго цвѣта листвой. Въ извѣстное время года кора его трескается, смола выдѣляется прозрачными, свѣтлыми каплями, которыя на воздухѣ твердѣютъ; это происходитъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, и тогда сосѣдніе мавры спѣшатъ въ камедные лѣса, гдѣ каждая община имѣетъ опредѣленный участокъ. Камедь укладываютъ въ кожаные мѣшки и перевозятъ на верблюдахъ къ берегамъ, въ особенности же къ гавани Портендикъ, принадлежащей французамъ.

Другой весьма важный предметъ вывозной торговли получается съ острововъ Зеленаго Мыса. Почва ихъ производитъ весьма мало, такъ что даже мука доставляется жителямъ съ Канарскихъ острововъ и даже изъ Бразиліи. Но именно меньшіе острова Зеленаго Мыса и самые безплодные, на которыхъ человѣку даже трудно существовать, даютъ лучшее мѣстное произведеніе.

— Что же это можетъ быть? спросила съ удивленіемъ Маша.

— Соль, отвѣчалъ отецъ. — Положеніе этихъ острововъ позволяетъ добывать соль, содержащуюся въ морской водѣ. Берега ихъ плоски и голы, и вдоль ихъ вы-

рыты пространныя плоскія ямы. Вливаемая приливами въ эти ямы морская вода испаряется, оставляя соль.

— Куда же потомъ везутъ эту соль, спросилъ Ѳедя; вѣдь морская вода, а слѣдовательно и соль есть во всемъ мірѣ.

— Дѣйствительно; но вопервыхъ вода испаряется скоро только въ жаркихъ странахъ, а вовторыхъ не вездѣ берега позволяютъ проводить воду въ подобныя хранилища, чтобы потомъ дать ей испариться. Такъ напр., добытая на этихъ островахъ соль вывозится, большею частью, въ Буэносъ-Айресъ, въ Ла-Плату, въ южную Америку, гдѣ, какъ вы помните, занимаются скотоводствомъ. Правда, и Ла-Плата омывается океаномъ, но тамъ не такъ жарко, берега не такъ удобны для добыванія соли и почва позволяетъ заниматься болѣе прибыльнымъ ремесломъ, такъ что жителямъ выгодно получать соль съ острововъ Зеленаго Мыса. Ею солятъ говядину, которую высылаютъ потомъ въ Бразилію и другія части свѣта, даже кожи, чтобы онѣ лучше сохранялись.

Но я и не замѣтилъ, что стало уже поздно, тогда какъ я надѣялся покончить сегодня съ произведеніями Африки. Нечего дѣлать, разсказъ объ остальныхъ произведеніяхъ придется отложить до завтра, когда я вамъ опишу замѣчательнѣйшія растенія; послѣ мы отправимся на охоту, чтобы ближе познакомиться съ дикими звѣрями Африки.

— Мы убьемъ, воскликнулъ Ѳедя, — льва и слона.

— Хорошо, продолжалъ отецъ; — слона мы велимъ набить и поставимъ на комодъ.

— Да онъ, папаша, слишкомъ великъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ, смѣясь, отецъ; ну, такъ мы оставимъ мясо коршунамъ и гіенамъ, а себѣ возьмемъ только драгоцѣнные бивни. Но довольно; зав-

тра прежде всего познакомимся съ деревомъ, которое— по крайней мѣрѣ, для сѣверной Африки — есть дерево жизни, такъ какъ его чудные сахаристые плоды составляютъ главную пищу обитателей пустыни.

— Какое же это дерево? спросила Маша.

— Догадайся, дитя мое, отвѣчалъ отецъ. Вы знаете это дерево, — по крайней мѣрѣ, ѣли его плоды.

— Изъ Африки? воскликнули дѣти съ удивленіемъ.

— Да, изъ Африки, подтвердилъ отецъ.

ГЛАВА V.

РАСТЕНІЯ АФРИКИ.

— Что же, дѣти, спросилъ на слѣдующій вечеръ отецъ, — догадались вы, о какомъ деревѣ я хочу говорить?

— О финикѣ, живо воскликнули Ѳедя и Маша.

— Такъ; но почему же вы не могли догадаться вчера?

— Право не знаю, отвѣчалъ Ѳедя, смѣясь; — вы говорили объ африканскомъ деревѣ, а когда мнѣ случалось ѣсть финики, я никогда не думалъ объ Африкѣ; поэтому я и сталъ втупикъ.

— Впредь тебѣ наука, продолжалъ отецъ, — не оставлять ничто безъ вниманія, въ особенности предметы, происхожденія которыхъ ты не знаешь. Увидѣвъ новый предметъ, разспросите объ немъ. Имѣя предметъ передъ глазами, вы изъ нѣсколькихъ короткихъ отвѣтовъ узнаете болѣе, чѣмъ при чтеніи обширныхъ сочиненій.

Финиковая пальма, плоды которой вы найдете во всякой овошеннной лавкѣ, произрастаетъ преимущественно на сѣверѣ Африки и въ сосѣдней Остъ-Индіи, но встрѣчается также, въ дикомъ состояніи, и южнѣе экватора, — именно, какъ и въ сѣверномъ полушаріи, подъ тропикомъ.

Финиковая пальма представляетъ сходство съ коко-

совой: только она не такъ высока, и листья ея расположены не такой правильной кроной, какъ у кокосовой, а, скорѣе, пучкомъ. Но уступая первенство въ красотѣ, финиковая пальма соперничаетъ съ кокосовой пальмой по приносимой пользѣ: молоко кокосовыхъ орѣховъ утоляетъ жажду; плоды финиковой пальмы, ея цвѣты, молодые листья и даже сердцевина употребляются въ пищу.

Это благороднѣйшее дерево Африки, хотя и принадлежитъ къ пальмамъ, но не растетъ подъ экваторомъ, а является во всей красѣ только подъ тропиками. Для арабовъ пустыни финиковая пальма то же, что хлѣбное дерево для жителей острововъ Тихаго океана, что рисъ для индусовъ, что рожь и пшеница для европейцевъ, что маисъ для американцевъ, что рыбы для жителей полярныхъ странъ, что мясо для гаучоса. Арабъ пустыни питается исключительно верблюжьимъ молокомъ и финиками и совершенно доволенъ.

Финики растутъ не поодиначкѣ, на стебляхъ, но большими кистями фунтовъ въ 30, содержащими до 100 финиковъ; свѣжіе и спѣлые, они представляютъ великолѣпнѣйшій плодъ, какой только можно себѣ вообразить.

Въ Африкѣ произрастаютъ и другія пальмы, именно въ экваторіальной полосѣ. Но съ ними мы познакомились уже въ другихъ частяхъ свѣта, а здѣсь я хочу вамъ указать только на растенія, свойственныя преимущественно Африкѣ.

Африка страна, въ которой природа, кажется, пыталась произвести на деревьяхъ все, что можетъ быть полезно человѣку. Тамъ существуютъ деревья, дающія мыло, масло, похожее на коровье, сало, слоновую кость и много другихъ произведеній, которыя человѣкъ можетъ употреблять самымъ различнымъ образомъ. Къ числу особенно полезныхъ деревъ принадлежитъ масля-

ная пальма, дающая нетолько масло, но и вино. Масло добывается вывариваніемъ мясистыхъ плодовъ, похожихъ на сливы, и также сходно съ коровьимъ; на верхушкѣ дерева растетъ превкусная капуста, а изъ луба его дѣлаютъ удочки, шляпы и корзины.

— Какъ же дерево можетъ давать коровье масло? съ недовѣріемъ спросила Маша.

— Природа, другъ мой, дѣлаетъ много такого, что намъ кажется невозможнымъ. Но жидкое растительное масло, напр. прованское и ламповое, тебя уже не удивляетъ: оно слишкомъ обыкновенно. Масло же упомянутой пальмы и другаго растенія, бассіи, представляетъ лишь ту особенность, что, вываренное, твердѣетъ и имѣетъ вкусъ коровьяго.

На части африканскихъ береговъ растутъ въ дикомъ состояніи кофе, хлопчатникъ, индиго и сахарный тростникъ. Но самое замѣчательное дерево Африки, именно западнаго ея берега, — это баобабъ, приносящій объемистые, продолговатые, наполненные сѣменами плоды. Вкусъ ихъ пріятно-кисловатый. Туземцы ѣдятъ этотъ плодъ очень охотно, и утверждаютъ, что онъ предохраняетъ ихъ отъ многихъ болѣзней.

До открытія исполинскихъ деревьевъ Калифорніи, баобабъ считали величайшимъ деревомъ въ свѣтѣ, — по крайней мѣрѣ, онъ превосходитъ другія своею окружностью. Вышина его не очень значительна: онъ достигаетъ едва 70 футовъ, тогда какъ въ поперечникѣ бываетъ до 30, — слѣдовательно, въ окружности до 90. Есть баобабы, возрастъ которыхъ исчисляютъ въ 5,000 лѣтъ. Древесина ихъ не имѣетъ значенія: она губчата и легко гніетъ.

Тѣмъ драгоцѣннѣе эбеновое дерево, черное какъ воронье крыло, тяжелое и крѣпкое, служащее для отличнѣйшихъ столярныхъ и токарныхъ работъ. Африка,

собственно, родина эбеноваго дерева, весьма обыкновеннаго у насъ въ торговлѣ.

Само собою разумѣется, что въ Африкѣ растительность не одинакова, а измѣняется сообразно почвѣ и климату. Въ пустынѣ, напр., ничего не растетъ: ни деревья, ни кусты, ни трава; тамъ глазъ встрѣчаетъ только небо и песокъ. По берегамъ же рѣкъ встрѣчаемъ растительность самую богатую, какую едва представляютъ тропическая Америка и низменности Индіи. Пальмы, бамбукъ, вьющіяся растенія и акаціи во многихъ мѣстахъ образуютъ гущи, черезъ которыя не можетъ пробраться даже дикій звѣрь. Но двинемся къ югу, въ умѣренный поясъ, и видъ перемѣнится.

Тутъ растительность принимаетъ почти европейскій характеръ: вездѣ видны лимоны, апельсины, персики, вишни, дыни, виноградъ и другія европейскія произрастенія. На склонахъ горъ, вблизи Капштата, растутъ деревья, вовсе не кажущіяся тропическими и придающія мѣстности совершенно особенный видъ. Это такъ-называемые серебряки, не очень высокіе, съ весьма красивыми, продолговатыми, блестящими, какъ серебро, листьями. Ихъ покрываетъ мягкій, бархатистый пухъ, который, особенно на солнцѣ, отливаетъ металлическимъ блескомъ.

Далѣе вглубь страны большія пространства покрыты верблюжьимъ кустомъ, изъ породы акацій, листья котораго составляютъ любимую пищу многихъ животныхъ.

Вообще, въ растительности отдѣльныхъ мѣстностей Африки есть однообразіе: такъ, въ сѣверной Африкѣ преобладаютъ финиковыя пальмы, въ западной, именно около Сенегала, камедныя акаціи, внутри другіе виды акацій, на югѣ верески и серебролистые протеи, хотя мы не можемъ сказать, почему эти растенія не встрѣчаются подъ одной и той же широтой во всемъ мірѣ

или почему въ Африкѣ нѣтъ иныхъ растеній, производимыхъ во множествѣ другими частями свѣта.

Такъ, финикъ не встрѣчается ни въ Америкѣ, ни въ Австраліи; баобабъ принадлежитъ исключительно Африкѣ. Съ другой стороны, въ Африкѣ нѣтъ ни хлѣбнаго дерева, ни корня таро, которыми на Тихомъ океанѣ живутъ исключительно сотни тысячъ людей, хотя въ Африкѣ, по берегамъ океана и рѣкъ, эти растенія, казалось бы, могли существовать.

Теперь, ознакомившись съ растительностью Африки, вы, вѣроятно, охотно послушаете и разсказъ объ ея звѣряхъ.

— Разумѣется, папаша, воскликнули дѣти, — о слонахъ, верблюдахъ, львахъ.

— Не спѣшите, прервалъ отецъ, смѣясь; — дайте перевести духъ.

ГЛАВА VI.

ЦАРСТВО ЖИВОТНЫХЪ ВЪ АФРИКѢ.

— Ни одна страна въ свѣтѣ, продолжалъ отецъ,— не представляетъ такого множества дикихъ звѣрей, какъ Африка и, развѣ, нѣкоторыя части Индіи и Индійскаго архипелага. Но и тамъ царство животныхъ далеко не такъ разнообразно: въ Африкѣ встрѣчаемъ хищныхъ звѣрей, отъ самыхъ малыхъ до самыхъ большихъ, и между ними нѣкоторыхъ, свойственныхъ ей одной.

Но самое важное для Африки животное, какъ я уже сказалъ, верблюдъ; безъ него безконечная пустыня Сахары была бы непроходима.

Есть два вида верблюдовъ: двугорбый, который водится преимущественно въ Азіи и, кажется, происходитъ изъ Туркестана, и африканскій, одногорбый или дромадеръ.

Къ одному семейству съ верблюдами принадлежитъ и лама, которую мы видѣли въ Америкѣ.

Верблюдъ созданъ, повидимому, для обширныхъ песчаныхъ и безводныхъ степей, и безъ этого полезнаго животнаго громадныя пространства были бы человѣку совершенно недоступны. Самое тѣло верблюда какъ бы приспособлено къ ходьбѣ по песку: животное ступаетъ не на твердыя копыта, а на жесткую, мозолистую подошву.

Двугорбый верблюдъ имѣетъ, какъ сказано, два горба: одинъ на плечахъ, другой на крестцѣ; между ними человѣкъ можетъ сидѣть очень удобно. Эта порода легче переноситъ холодъ, чѣмъ дромадеръ, и встрѣчается далеко на сѣверъ отъ поворотныхъ круговъ, напр. въ пустыняхъ Независимаго Туркестана; ее даже хотятъ перевезти въ Австралію, для изслѣдованія огромнѣйшихъ внутреннихъ пустынь.

Дромадеръ, напротивъ того, любитъ жаркій климатъ, и отечество его Африка. У него только одинъ горбъ, и потому на немъ далеко не такъ удобно сидѣть; но арабы умѣютъ прикрѣплять къ его спинѣ родъ сѣделъ. Дромадеръ бѣжитъ чрезвычайно быстро, но очень тряской рысью. Если на немъ нѣтъ ноши, то онъ, въ теченіе дня, переноситъ ѣздока на градусъ широты; притомъ онъ довольствуется самой ничтожной пищей, напримѣръ финиковыми косточками, и переноситъ жажду по нѣскольку дней.

— Правда ли, папаша, спросилъ Ѳедя, — что у верблюда въ животѣ есть мѣшокъ съ водой?

— Дитя мое, отвѣчалъ отецъ, — это сказка, какихъ вы найдете немало въ старыхъ книгахъ. Точно такъ же разсказываютъ, будто гремучая змѣя, взглядомъ, околдовываетъ птицъ, будто левъ побѣждается взглядомъ человѣка, а альпійскіе охотники, гоняясь по ледникамъ за сернами, надрѣзываютъ пятки, чтобы окровавленныя подошвы не скользили по льду. Точно такую же небылицу разсказывали и о верблюдѣ, будто онъ носитъ въ своемъ тѣлѣ, про запасъ, мѣшокъ со свѣжей, чистой водой и будто путешественники, изнемогая отъ жажды, убиваютъ верблюда и спасаются его водой.

Достаточно внимательнаго обсужденія предмета, чтобы, и безъ ученыхъ изслѣдованій, признать этотъ раз-

сказъ вымысломъ. Путешественники, вѣроятно, рѣшились бы убить, среди песчаной степи, животное, которое одно въ состояніи вынести ихъ оттуда, только въ отчаянной крайности, — слѣдовательно, тогда, когда уже нѣсколько дней терпѣли жажду. А въ подобномъ случаѣ и верблюдъ не сохранилъ бы своего запаса воды: она пошла бы на утоленіе его собственной жажды. Правда, верблюдъ пьетъ столько, сколько могутъ выпить развѣ шесть быковъ; правда, что въ желудкѣ его жидкость сохраняется довольно долго; этому-то обстоятельству онъ и обязанъ способностью переносить жажду; но вода обращается въ отвратительную слизь, которая едва ли можетъ утолить жажду человѣка. Все это достаточно убѣждаетъ въ ложности разсказа.

Арабъ считаетъ верблюда своимъ лучшимъ другомъ. И не мудрено: какъ сѣверный олень удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ лапландца, такъ точно для араба полезенъ дромадеръ, и по величинѣ верблюжьихъ стадъ опредѣляется богатство хозяина. Мясо животнаго ѣдятъ; говорятъ даже, что мясо молодыхъ верблюжатъ очень вкусно; молоко, хотя оно имѣетъ нѣсколько солоно-горькій вкусъ, считается прекрасной и здоровой пищей; изъ него дѣлаютъ также масло и сыръ. Изъ шерсти приготовляютъ грубую, но крѣпкую ткань, а кожи служатъ для постели и палатокъ; даже высушенный пометъ верблюда употребляется какъ горючій матеріалъ, въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни деревьевъ, ни кустовъ.

Арабъ обходится со своимъ верблюдомъ ласково и никогда не подвергаетъ его побоямъ, тѣмъ болѣе, что это животное отличается удивительною послушливостью. Ему достаточно услышать слово своего вожака, чтобы исполнить его желаніе. Часто цѣлый караванъ верблюдовъ управляется маленькимъ мальчикомъ. Во время странствованія арабъ постоянно разговариваетъ съ вер-

блюдомъ, шутитъ съ нимъ, разсказываетъ ему похожденія своихъ предковъ, называетъ другомъ и братомъ, поетъ ему пѣсни, — и, прислушиваясь къ нимъ, животное, кажется, забываетъ свою усталость, скрипитъ отъ удовольствія зубами, поворачиваетъ голову къ пѣвцу и весело продолжаетъ далекій путь. Если и случится верблюду не слушать своего хозяина, то и тогда арабъ не рѣшается ударить животное, а только осыпаетъ его бранью, какъ человѣка, или укоряетъ въ неблагодарности. Въ темную ночь верблюдъ самъ отъискиваетъ дорогу и на далекомъ разстояніи чуетъ уже станцію или источникъ и даетъ объ этомъ знать своему вожаку громкимъ крикомъ. Эта способность верблюда часто спасаетъ отъ смерти цѣлые караваны. Верблюдъ весьма разумное животное. Если наложатъ на него лишнюю тяжесть, то онъ издаетъ жалобный крикъ, и никакая угроза, никакіе удары не заставятъ его подняться до тѣхъ поръ, пока не снимутъ съ него лишняго груза. Слѣдовательно, верблюдъ способенъ измѣрять собственныя силы. По прибытіи на станцію вожакъ наклоняетъ голову верблюда и восклицаніемъ: „кри! кри!“ велитъ ему лечь. Верблюдъ сгибаетъ сперва переднія ноги, одну за другою, потомъ заднія и такимъ образомъ опускается на землю. Снятые тюки, бочки ставятся по бокамъ; освобожденный отъ ноши, онъ поднимается и идетъ на скудное пастбище или принимается грызть финиковыя косточки. Горсть такихъ косточекъ и нѣсколько сухихъ листьевъ, сорванныхъ на пути, достаточно насыщаютъ верблюда. Когда нужно снова отправиться въ путь, верблюдъ приходитъ на то самое мѣсто, гдѣ его развьючили, и самъ опускается на землю; его опять вьючатъ, и онъ снова пускается въ далекое странствіе, въ которомъ проводитъ всю жизнь.

Верблюдъ единственное ручное животное, которое нигдѣ не встрѣчается въ дикомъ состояніи.

Въ противоположность обитающему сѣверъ Африки верблюду на югѣ водится принадлежащая къ той же группѣ млекопитающихъ — жираффа, изъ которой человѣкъ не могъ извлечь еще никакой пользы, исключая развѣ мяса, употребляемаго въ пищу; это, если не самое большое, то, навѣрное, самое высокое изъ всѣхъ извѣстныхъ животныхъ. Рослая жираффа достигаетъ осьмнадцати футовъ; одна шея, кончающаяся красивой головой, до семи футовъ длиною. Вы можете себѣ вообразить, какъ страненъ видъ четвероногаго животнаго съ такой длинной шеей.

Жираффа называется еще камелеопардомъ. Слово это составлено изъ латинскихъ названій верблюда, camelus, и барса, pardus, а служитъ для означенія жираффы потому, что въ своемъ образѣ жизни и питанія она представляетъ много сходства съ верблюдомъ, тогда какъ желтой, пятнастой кожею походитъ на хищнаго барса; но послѣднее сходство этимъ и ограничивается, такъ какъ жираффа добродушное и безвредное животное. Она встрѣчается внутри южной половины Африки, вплоть до Капской колоніи.

Цвѣтъ жираффы желтоватый, съ темно-сѣрыми, коричневыми и даже черными неровными угловатыми пятнами; шерсть короткая, образующая на шеѣ щетинистую гриву; на красивой головѣ, съ добрыми и умными глазами, короткіе, покрытые кожей, прямые рога.

Жираффа питается только растеніями, любитъ болѣе всего вѣтки такъ-называемаго верблюжьяго куста, но ѣстъ листья и другихъ деревьевъ, траву же очень неохотно. Видъ ея, во время быстраго бѣга, чрезвычайно неуклюжій. Она двигаетъ длинную шею взадъ и впередъ и при этомъ покачивается съ боку на бокъ, какъ будто поминутно угрожаетъ паденіемъ. Это колебаніе изъ стороны въ сторону происходитъ оттого, что жираффа всегда бѣгаетъ иноходью, переста-

вляя одновременно обѣ ноги одной стороны, тогда какъ другія животныя переставляютъ одновременно, напр., переднюю лѣвую и заднюю правую. Къ бѣгу иноходью жираффа вынуждается незначительностью разстоянія между ея передними ногами и задними: только при иноходи ноги ея не задѣваютъ одна за другую. Впрочемъ, бѣгъ иноходью встрѣчается и у нѣкоторыхъ лошадей, которыя и называются иноходцами. Такія лошади употребляются преимущественно дамами для верховой ѣзды, потому что при самомъ быстромъ бѣгѣ двигаются равномѣрно и плавно. Только иноходь жираффъ, при ихъ длинной шеѣ, чрезвычайно забавна. Онѣ очень пугливы, и такъ какъ вышина позволяетъ имъ видѣть на далекомъ разстояніи, то въ открытомъ мѣстѣ къ нимъ очень трудно подойти. Животное это, кромѣ неравенства ногъ (заднія короче) представляетъ еще одну особенность: оно можетъ закрывать ноздри, почему убійственные степные африканскіе вѣтры для него безвредны.

Жираффа, слонъ, носорогъ, бегемотъ, китъ, страусъ, крокодилъ и боа напоминаютъ намъ допотопныхъ животныхъ. Они какъ будто не подъ-стать настоящей природѣ, особенно человѣку, который считаетъ себя властелиномъ земли, тогда какъ въ сравненіи съ этими исполинами онъ кажется ничтожнымъ. Между тѣмъ, человѣкъ покоряетъ ихъ всѣхъ, потому что его разумъ, развивающійся даромъ слова, влагаетъ въ его беззащитныя руки оружіе. Какъ ни сильны и велики эти животныя, человѣкъ можетъ или принудить ихъ служить ему, или убить, когда они становятся для него опасными или когда ему нужно ихъ мясо.

Человѣку самою природою предназначено замѣнять умомъ и искусствомъ естественныя средства защиты. Младенецъ не въ состояніи защититься даже отъ малѣйшаго хищнаго звѣря. Нѣтъ болѣе безпомощной тва-

ри: ребенокъ требуетъ многолѣтнихъ заботъ о сохраненіи его жизни. Но, выросши, человѣкъ защищается отъ климата и угрожающихъ ему опасностей успѣшнѣе всѣхъ другихъ животныхъ, приготовляетъ себѣ оружіе изъ дерева и металловъ, употребляетъ звѣриную шерсть и кожи на платье, а мясо животныхъ въ пищу, и даже пользуется ихъ силой.

Онъ дошелъ даже до того, что другія животныя служатъ ему на охотѣ, и пока человѣкъ сидитъ на спинѣ слона, верблюда или лошади, чтобы быстрѣе преслѣдовать дичь, нѣкоторыя животныя сами ловятъ для него добычу. Напр. въ Европѣ онъ пріучилъ къ тому собаку, въ Персіи и Индіи гривистую кошку или гепарда; китайцы ловятъ рыбъ при помощи большой птицы — баклана. Вы знаете также, что въ прежнее время пріучали къ охотѣ сокола; татары и теперь пріучаютъ къ ней ястреба.

Въ Африкѣ избытокъ дичи обезпечиваетъ существованіе множества хищныхъ звѣрей. Но нерѣдко они нападаютъ и другъ на друга. Замѣчательно, что левъ и тигръ, самые большіе хищные звѣри кошачьей породы, какъ бы подѣлились двумя частями свѣта: тигръ, неоспоримо, царь азіатскихъ лѣсовъ, тогда какъ левъ считаетъ африканскія пустыни своимъ владѣніемъ, а ихъ животныхъ своею законной добычей.

Тигръ превосходитъ льва проворствомъ; но левъ, кажется, сильнѣе его и упорнѣе; во всякомъ случаѣ это опасные враги, которые не могутъ даже встрѣтиться, чтобы не броситься другъ на друга.

— Слѣдовательно, неправда, замѣтилъ Ѳедя, — что левъ убѣгаетъ отъ пристальнаго взгляда.

— Я бы, по крайней мѣрѣ, не хотѣлъ дѣлать подобнаго опыта, не имѣя оружія въ рукахъ, отвѣчалъ отецъ. — Достовѣрно только, что каждый звѣрь, безъ

исключенія, боится человѣка и очень рѣдко нападаетъ на него, не будучи раздраженъ или побуждаемъ голодомъ. Тигръ, хотя очень кровожаденъ, но, заслышавъ приближеніе человѣка, бѣжитъ отъ него точно такъ же, какъ и слонъ, и страхъ, который мы внушаемъ дикимъ звѣрямъ, лучшая наша защита. Но раздраженные, раненные, голодные, нетолько левъ, тигръ и барсъ бросаются на человѣка, но и медвѣдь, кабанъ, волкъ, даже дикая кошка.

Послѣ одногорбаго верблюда, левъ почитается до такой степени свойственнымъ Африкѣ животнымъ, что обыкновенно дикій африканскій ландшафтъ безъ него не обходится. Однако, въ настоящее время левъ встрѣчается очень рѣдко.

Левъ, подобно другимъ животнымъ кошачьей породы, изъ которыхъ въ Африкѣ водятся еще барсъ и леопардъ, питается исключительно мясомъ и, если не отваживается напасть на слона, страшась его клыковъ, зато истребляетъ слабѣйшихъ, хотя и бо̀льшихъ его животныхъ, напримѣръ рогатый скотъ, жираффъ и другихъ, которымъ перегрызаетъ горло. По окраинамъ пустыни водятся еще цѣлыми стадами гіены и шакалы; послѣдніе принадлежатъ къ одной группѣ съ волкомъ. О шакалѣ говорятъ, что онъ часто слѣдуетъ за львомъ, даже охотится для него, чтобы воспользоваться впослѣдствіи частью добычи. Это вещь не невозможная: въ гористыхъ мѣстахъ Европы вороны спѣшатъ иногда на слышанный выстрѣлъ, къ мѣстамъ, гдѣ находятся охотники; такъ и шакалъ, вѣроятно, узналъ по опыту, что левъ охотится очень счастливо, давитъ часто крупныхъ животныхъ, каковы жираффы, гну и другія, и не въ состояніи ихъ пожрать,—слѣдовательно, бросаетъ часть добычи, а это какъ нельзя болѣе кстати выжидающему вблизи шакалу.

Въ высшей степени замѣчательное животное — гну

или конебыкъ, который, какъ и жираффа, встрѣчается только въ Африкѣ. Гну, какъ показываетъ и другое его названіе, дѣйствительно, нѣчто среднее между быкомъ и лошадью: съ первымъ оно сходно дикимъ и злобнымъ взглядомъ и рогами, съ лошадью — сложеніемъ, цвѣтомъ шерсти, быстротою бѣга и гривой.

Другое интересное африканское животное — зебра, принадлежащая къ одному роду животныхъ съ лошадью и осломъ; она похожа на маленькую лошадь, бѣлую или сѣрую, съ частыми темными поперечными полосами. Она дика, зла и едвали когда-нибудь была приручена.

Антилопъ и козловъ въ Африкѣ множество и самыхъ разнообразныхъ породъ: съ загнутыми, прямыми и витыми рогами; одни избѣгаютъ опасности огромными прыжками, другіе ползаютъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ такъ-называемая ползающая антилопа, одно изъ пугливѣйшихъ животныхъ въ мірѣ. Когда она почуетъ опасность, то въ высокой травѣ, гдѣ обыкновенно водится, подымается на заднія ноги, какъ это дѣлаютъ зайцы, осматривается и, если увидитъ что-нибудь подозрительное, быстро ложится на животъ, проползаетъ такъ нѣкоторое пространство и потомъ опять подымается и смотритъ, не преслѣдуетъ ли ее кто-нибудь.

— Скажи, папаша, существуетъ ли, дѣйствительно, единорогъ? спросилъ Ѳедя. — Я гдѣ-то читалъ, что животное это водится внутри Африки.

— Едвали, другъ мой, отвѣчалъ отецъ, — хотя еще не вся внутренность Африки изслѣдована. Трудно предположить, чтобы животное водилось только въ неизслѣдованной части Африки; да и тогда объ немъ узнали бы достовѣрные путешественники; а этого не было. Однорогій козелъ изображенъ на нѣкоторыхъ египетскихъ памятникахъ. Но рисунки эти очень просты и

представляютъ только очертаніе животныхъ въ профиль, т. е. съ боку, такъ что водящаяся вблизи Египта порода антилопъ, съ двумя длинными, спиральными, прямыми рогами, могла быть изображаема единорогомъ, какъ она и представляется съ боку.

Эта порода антилопъ (ориксъ), величиною съ осла, въ высшей степени замѣчательна, потому что еще болѣе, чѣмъ гну, соединяетъ въ себѣ внѣшніе признаки другихъ животныхъ. Такъ, у нея грива и хвостъ лошадиные, голова и цвѣтъ шерсти осла, ноги и копыта антилопы. Рога орикса около трехъ футовъ длиною, почти прямые, только немного загнутые назадъ и блестящаго чернаго цвѣта.

Странно, что голландцы въ Капской землѣ назвали это животное сернобыкомъ, полагая, что оно походитъ на серну. Но, должно быть, тотъ, кто первый далъ это названіе, не видалъ никогда серны, даже и на картинкѣ.

До сихъ поръ извѣстно отъ восемнадцати до двадцати породъ антилопъ, изъ которыхъ самая большая называется оленебыкомъ: величиною она превышаетъ нашихъ быковъ. Замѣчательно, что при такомъ множествѣ животныхъ, которыя почти всѣ принадлежатъ къ травояднымъ и жующимъ жвачку, во многихъ мѣстностяхъ нельзя держать домашняго рогатаго скота, потому что на него нападаютъ большія ядовитыя мухи.

Муху эту, на туземномъ нарѣчіи, называютъ цеце; она водится не по всей Африкѣ, а мѣстами, преимущественно къ сѣверо-сѣверо-востоку отъ Капской земли. Гдѣ она встрѣчается, тамъ ни туземцы, ни европейцы не могутъ держать скота, даже не могутъ совершать путешествій на лошадяхъ и быкахъ.

Ядъ этой мухи особенно замѣчателенъ тѣмъ, что губитъ домашнихъ животныхъ, лошадей, быковъ и даже собакъ, выкормленныхъ молокомъ, вовсе не вредя

родственнымъ съ ними дикимъ животнымъ, какъ-то: зебрѣ, буйволу и шакалу; даже на человѣка онъ не дѣйствуетъ.

Многіе испытатели природы старались изслѣдовать причину подобнаго дѣйствія этого яда, но безъ всякаго успѣха. Какъ силенъ ядъ, вы можете заключить изъ того, что четыре или пять подобныхъ насѣкомыхъ могутъ убить быка. Животное околѣваетъ не вслѣдъ за ужаленіемъ, но тотчасъ заболѣваетъ, худѣетъ и нѣсколько недѣль спустя издыхаетъ.

Муха цеце не единственное ядовитое животное Африки: въ этой загадочной странѣ много ядовитыхъ и опасныхъ для человѣка змѣй; въ ней есть даже ядовитые источники и ядовитый медъ.

— А какъ же пчелы, приготовляющія этотъ медъ, не околѣваютъ? спросилъ Ѳедя.

— Повидимому, этого не бываетъ, возразилъ отецъ.— Яды различно дѣйствуютъ на людей, звѣрей и, въ особенности, на насѣкомыхъ. Такъ напр., есть дерево квассія, чрезвычайно быстро отравляющее мухъ и насѣкомыхъ, тогда какъ человѣку оно совершенно безвредно. Вѣроятно, пчелы высасываютъ изъ цвѣтовъ сокъ, который имъ не вредитъ, но опасно дѣйствуетъ на людей.

Африканскихъ ядовитыхъ змѣй нѣкоторые тамошніе фигляры или фокусники съ большимъ искусствомъ приручаютъ. По данному знаку змѣи вползаютъ на своихъ хозяевъ, вьются кольцами вокругъ ихъ шеи и плечъ и позволяютъ дѣлать съ собою, что угодно.

Человѣкъ, вообще, подчинилъ себѣ животныхъ: почти всѣхъ ихъ, съ немногими исключеніями, ему удавалось даже дѣлать ручными и дрессировать. Отъ слона до блохи, которую держатъ въ стеклянной трубкѣ, чтобы

отъучить отъ скачковъ, все царство животныхъ подвластно человѣку: онъ умѣетъ обуздывать ихъ волю, принуждая животныхъ работать на него, или, по крайней мѣрѣ, располагаетъ ихъ жизнью. Но человѣкъ не долженъ употреблять во зло своего духовнаго перевѣса, а лишь пользоваться животными для удовлетворенія своимъ потребностямъ.

На сегодня, дѣти, кажется, довольно. Но мы еще не покончили съ царствомъ животныхъ въ Африкѣ; завтра, познакомивъ васъ еще съ нѣкоторыми, болѣе замѣчательными, родами, я разскажу вамъ кое-что и объ африканскихъ охотахъ, доставляющихъ жителямъ ежегодно множество дичи.

ГЛАВА VII.

ОХОТА ВЪ АФРИКѢ.

— Кажется, я вамъ назвалъ всѣхъ замѣчательнѣйшихъ млекопитающихъ животныхъ Африки, началъ на слѣдующій вечеръ отецъ, — по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыя водятся на сушѣ. Но въ этой, съ избыткомъ надѣленной животными, части свѣта есть исполинскія млекопитающія, водящіяся и въ водѣ.

Прежде, однако, скажу вамъ нѣсколько словъ о птицахъ. Какъ въ Африкѣ мы встрѣчаемъ самое высокое четвероногое — жираффу, такъ точно въ этой части свѣта водится и самая высокая птица — страусъ, который гораздо больше своей родни: азіатскаго казуара и австралійской и американской реи.

Рослый страусъ отъ семи до осьми футовъ вышиною; въ рѣдкихъ случаяхъ самцы достигаютъ, говорятъ, десяти футовъ. Самка немного меньше; кладетъ до шестнадцати яицъ, обыкновенно въ горячій песокъ, стоймя. Но разсказъ, будто дѣтеныши выводятся одною солнечною теплотою, несправедливъ: страусъ высиживаетъ ихъ подобно всѣмъ нашимъ птицамъ и встаетъ съ нихъ только въ полдень, въ самый сильный жаръ, для прісканія себѣ пищи и утоленія жажды. Гнѣздо свое страусъ окружаетъ небольшимъ углубленіемъ, въ которое кладетъ яйца, не помѣстившіяся въ гнѣздѣ. Говорятъ, что

эти яйца назначены въ пищу будущимъ птенцамъ. Если это правда, то нельзя не удивляться уму птицы. Другое замѣчательное дѣйствіе страуса состоитъ въ томъ, что онъ оставляетъ яйца, кѣмъ-либо тронутыя; поэтому туземцы выгребаютъ ихъ изъ гнѣзда особыми палками. Высиживаніе продолжается недѣль шесть. Дѣтеныши, по выходѣ изъ скорлупы, не больше рослаго цыпленка и покрыты не перьями, а чѣмъ-то въ родѣ щетинки сѣраго цвѣта, точно молодые ежи. Такой покровъ кожи весьма кстати дѣтенышамъ, потому что защищаетъ отъ поврежденій, которымъ они могли бы подвергнуться на песчаной и каменистой почвѣ и между колючими кустами. Черезъ два мѣсяца щетина опадаетъ и появляются сѣрыя перья, а на второмъ году ихъ смѣняютъ черныя. Страусовыя яйца весьма вкусны, но мясо птицы, особенно немолодой, жестко. Страусъ очень силенъ: однимъ ударомъ лапы онъ нетолько опрокидываетъ и ошеломляетъ, но часто убиваетъ шакала и дикую собаку. Быстротою бѣга онъ превосходитъ англійскую скаковую лошадь: въ полминуты можетъ пробѣжать около двухъ верстъ; тогда его ноги едва касаются земли и шагъ имѣетъ до двухъ саженъ. Впрочемъ, страусъ устаетъ скорѣе, чѣмъ лошадь, и, преслѣдуемый, бѣжитъ не по прямой линіи, а потому всадникъ всегда можетъ его заморить и догнать. На страуса охотятся изъ-за его мягкихъ перьевъ, которыя въ крыльяхъ и хвостѣ очень длинны и употребляются для разныхъ украшеній. Замѣчателенъ звукъ, издаваемый страусомъ: онъ похожъ на рыканіе льва. Путешественники увѣряютъ, что рыкъ страуса можно отличить отъ рыка льва только по одной примѣтѣ: страусъ рычитъ только днемъ, левъ — только ночью.

Цесарскія куры водятся въ Африкѣ стаями отъ двухъ до трехъ-сотъ штукъ; бывши перевезены въ

Европу, онѣ совершенно привыкли къ нашему климату; теперь онѣ успѣшно разводятся и въ Америкѣ, и въ Австраліи.

Вы знаете, что наши скворцы часто провожаютъ стада коровъ, овецъ и свиней, около которыхъ собирается много насѣкомыхъ, и даже садятся на спину скоту, для отъисканія клещей и личинокъ оводовъ. Въ Африкѣ есть птица, представляющая ту же черту нравовъ: она почти живетъ на спинѣ дикаго буйвола и носорога и очищаетъ ихъ отъ насѣкомыхъ. Въ то же время она какъ бы служитъ этимъ животнымъ стражей, потому что, едва замѣтитъ охотника, тотчасъ улетаетъ, издавая особенный крикъ. Буйволъ и носорогъ понимаютъ, что это значитъ, и убѣгаютъ отъ опасности. Знаете ли, какая изъ нашихъ птицъ такимъ же образомъ предостерегаетъ своимъ крикомъ отъ опасности?

— Воронъ?

— Воронъ, дѣйствительно, очень осторожная птица и часто ставитъ часовыхъ; но птица кедровка часто досаждаетъ охотникамъ, предостерегая дичь о ихъ приближеніи.

Въ Африкѣ есть еще птица, которая, по разсказамъ туземцевъ, очень любитъ людей. Это медовая кукушка, крикомъ своимъ будто бы помогающая путешественнику отъискивать медъ. Негры утверждаютъ, что если пойти за ней, то она приводитъ прямо къ дереву съ ульемъ.

— Можетъ ли птица имѣть столько сметливости? спросилъ Ѳедя; — это, вѣроятно, басня.

— Какъ знать: можетъ быть, медовая кукушка привыкла точно такъ же пользоваться трудомъ человѣка, какъ шакалъ пользуется услугою льва. Она, вѣроятно, понимаетъ, что если человѣкъ взлѣзетъ на дерево съ

ульемъ, то и ей достанется частица добычи, и потому не мудрено, что, завидя человѣка, медовая кукушка начинаетъ съ крикомъ виться около улья. Это такое же выпрашиванiе подачки, къ какому прiучаются собака и кошка, и напрасно человѣкъ считаетъ крикъ медовой кукушки признакомъ ея услужливости и расположенiя къ нему.

Но намъ пора перейти къ животнымъ воднымъ, именно крокодилу и бегемоту. Они такъ же поражаютъ насъ своею величиною, какъ живущiе на сушѣ слонъ, носорогъ, жираффа и страусъ.

Вы помните, вѣроятно, что, говоря объ Америкѣ, я описывалъ вамъ аллигатора или каймана. Къ одному съ нимъ отряду животныхъ принадлежитъ и африканскiй или такъ-называемый нильскiй крокодилъ. И того, и другого можно назвать водною ящерицою, потому что они имѣютъ видъ и строенiе ящерицъ и живутъ преимущественно въ водѣ, въ которой движутся легко и проворно. Но и по землѣ они могутъ проходить значительныя пространства и часто по цѣлымъ днямъ остаются на прибрежномъ пескѣ, грѣясь на солнцѣ.

Крокодилъ принадлежитъ къ тѣмъ исполинамъ, которые были бы опасны для человѣка уже по одной своей величинѣ, еслибъ онъ могъ защищаться только руками. Тогда какъ аллигаторы Америки едва достигаютъ 16 и 17 футовъ, нильскiй крокодилъ бываетъ иногда — конечно, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, — 40 футовъ длиною и, какъ утверждаютъ нѣкоторые путешественники, даже еще больше. Обыкновенный же ростъ его отъ 18 до 20 футовъ. Огромной пастью, вооруженной острыми и длинными зубами, крокодилъ хватаетъ съ суши все живое, что можетъ достать: людей, лошадей, верблюдовъ, воловъ, коровъ, антилопъ и собакъ, и уноситъ въ воду, съ цѣлью утопить и потомъ, вечеромъ,

пожрать на берегу. Главную же пищу его составляютъ рыбы.

Другое исполинское водное животное Африки гиппопотамъ, четвероногое млекопитающее, водящееся въ рѣкахъ и озерахъ Африки, въ особенности отъ границы Капланда до 20-го или 23-го град. сѣверной широты.

Наружность гиппопотама замѣчательна: онъ имѣетъ видъ откормленной свиньи или жирнаго безрогаго быка, на очень короткихъ ногахъ. Голова его неимовѣрно велика; каждая челюсть вооружена двумя страшными клыками, изъ которыхъ нижніе достигаютъ иногда двухъ футовъ. Силой онъ немного уступитъ слону. Кожа его около вершка толщиной, изъ-синя-бураго цвѣта, безшерстая. Рослый бегемотъ, самецъ, достигаетъ въ длину одиннадцати, даже двѣнадцати футовъ; обхватъ его живота почти такъ же великъ; вышина бегемота рѣдко превосходитъ четыре съ половиною фута.

Гиппопотамъ чрезвычайно смирное животное, которое, не будучи раздражено, никогда не нападаетъ на человѣка; оно питается травою, тростникомъ и сочными луковицами; въ водѣ гораздо проворнѣе, чѣмъ на землѣ, гдѣ его движеніямъ на короткихъ ногахъ препятствуетъ страшная тяжесть.

Тамъ, гдѣ люди охотятся на гиппопотама, онъ выходитъ за пищею преимущественно ночью. Но это не спасаетъ его отъ человѣка. Охотникъ привѣшиваетъ къ дереву большой и тяжелый гарпунъ, то есть острое желѣзо съ зазубриной, на подвижномъ крюкѣ, отъ котораго книзу протянута веревка. Когда гиппопотамъ выходитъ на свою любимую вечернюю прогулку и проходитъ подъ деревомъ, то задѣваетъ веревку; гарпунъ падаетъ и глубоко вонзается въ спину животнаго, которое должно умереть отъ страшной раны.

— Зачѣмъ же люди убиваютъ это животное? спросила Маша; — развѣ они ѣдятъ его мясо?

— Да, дитя мое; говорятъ, мясо его нѣжно и жирно. Сверхъ того, толстую кожу гиппопотама употребляютъ на разные предметы; въ прежнее время воинственные народы, посѣщавшіе Африку, дѣлали изъ этой кожи щиты и шлемы, хорошо защищавшіе отъ удара копья и меча. Пока она свѣжа, ее можно пробить желѣзнымъ остріемъ, но когда высохнетъ, дѣлается твердою какъ камень. Наиболѣе же цѣнятся зубы гиппопотама, которые, говорятъ, крѣпче и лучше слоновыхъ бивней и идутъ на разныя подѣлки.

Жизнь огромнѣйшаго царства животныхъ, обитающаго безконечныя пустыни Африки, поистинѣ достойна изученія, и посѣщавшіе ихъ охотники сообщаютъ объ этомъ предметѣ самыя интересныя подробности.

Африка, относительно, очень бѣдна водой, и хотя въ ней есть большія рѣки и озера, но онѣ разбросаны на столь обширномъ пространствѣ, что можно иногда ѣхать нѣсколько дней, не находя ни капли воды. Многія изъ дикихъ животныхъ, особенно обитающихъ песчаныя пустыни, могутъ, по природѣ, долгое время обходиться безъ воды. Большинство же должно утолять жажду по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ теченіе сутокъ и является къ водѣ обыкновенно ночью, когда воздухъ прохладнѣе и движеніе не такъ обременительно.

Гдѣ на значительномъ разстояніи — а это бываетъ нерѣдко — есть только одна рѣка или одно маленькое озеро, тамъ, ночью, на ихъ берегъ сбирается множество животныхъ.

Здѣсь обыкновенно лежитъ въ засадѣ левъ, чтобы бросаться на приходящихъ къ водѣ антилопъ, а что остается отъ его добычи, то пожираютъ жадные шакалы и гіены, пробирающіеся всегда украдкой и опасающіеся, въ свою очередь, сдѣлаться добычей сильнѣйшихъ хищныхъ звѣрей.

— Гіены, сказалъ Ѳедя, — это тѣ отвратительныя

животныя, о которыхъ намъ говорилъ содержатель звѣринца, что они на кладбищахъ отрываютъ и пожираютъ трупы.

— Можетъ случаться, продолжалъ отецъ, — что гіены, вблизи деревень, побуждаемыя голодомъ, и отрываютъ трупы, потому что многіе хищные звѣри, даже наша лисица, за недостаткомъ свѣжей пищи, питаются падалью. Но въ пустыняхъ нѣтъ кладбищъ, и потому гіены только случайно могутъ пожирать трупы людей, а должны искать другой падали. Эта пища внушаетъ намъ отвращеніе и къ самому животному. Но мы едва-ли правы. Быстрое гніеніе животныхъ тѣлъ въ жаркомъ климатѣ заражаетъ воздухъ, и потому животныя, уничтожающія падаль, приносятъ тѣмъ огромную пользу.

Мы находимъ такихъ животныхъ во всѣхъ частяхъ свѣта: напр. у насъ питаются падалью лисицы, вороны, мухи. Въ Африкѣ, при громадномъ царствѣ животныхъ, котораго исполины заселяютъ пустыни цѣлыми стадами, нужны были, для очищенія страны, гораздо бо̀льшія животныя: если, напр., слонъ или гиппопотамъ падетъ отъ старости или въ бою съ другимъ животнымъ, то сколько тысячъ воронъ было бы необходимо для уничтоженія его мяса и предотвращенія заразы? Для этой цѣли служатъ въ Африкѣ цѣлыя стаи алчныхъ шакаловъ и, въ особенности, гіенъ, которые въ одну ночь пожираютъ трупъ такого исполина. На слѣдующее утро остатки мяса привлекаютъ безчисленныя стаи коршуновъ и вороновъ, и наконецъ кости обгладываются еще муравьями и осами.

— Осами? воскликнула Маша; — развѣ онѣ ѣдятъ мясо.

— Да, и очень любопытно смотрѣть, какъ онѣ носятъ съ собой запасъ мяса. Своими острыми челюстями осы отгрызаютъ или соскабливаютъ маленькія частички мяса; потомъ онѣ скатываютъ ихъ въ шарики,

величиной въ маленькую горошину, и съ ними улетаютъ.

Но я опять удалился отъ предмета, потому что хотѣлъ собственно описать вамъ ночную жизнь звѣрей, когда они, для утоленія жажды, сходятся къ водѣ. Одинъ извѣстный охотникъ, который перебилъ много хищныхъ и другихъ животныхъ, а потому часто проводилъ лунныя ночи въ засадѣ, у воды, говоритъ, что это великолѣпнѣйшая картина, какую только можно себѣ вообразить.

Съ сумерками, когда у насъ показываются летучія мыши и выходитъ за пищей лисица, появляются въ такихъ мѣстахъ шакалы и гіены, объискивающіе окрестность съ цѣлью поживиться остатками чужой добычи. Утоливъ жажду, они шныряютъ по берегу, встрѣчая другъ друга ворчаніемъ, подобно злымъ собакамъ.

Вскорѣ затѣмъ тяжелые шаги возвѣщаютъ приближеніе носорога. У африканскаго носорога не одинъ рогъ, какъ у азіатскаго, а два, изъ которыхъ передній длиннѣе. Это злое, легко свирѣпѣющее животное, не уступающее даже льву, который его боится: левъ едва можетъ своими острыми зубами прокусить толстую кожу носорога, тогда какъ послѣдній, не смотря на свою тяжесть и неповоротливость, однимъ ударомъ передняго рога распарываетъ ему животъ.

Гіены пугливо отступаютъ передъ носорогомъ, но остаются неподвижны и ворчатъ, когда появляется стадо зебръ. Въ темнотѣ ночи, при мерцающемъ свѣтѣ луны, движется также стадо жираффъ, подобно кучѣ колыхающихся башенъ. Лишь только оно достигнетъ берега, жираффы дѣлаются невидимыми; это онѣ ложатся пить. Между ними ходитъ легконогій гну; онъ знаетъ, что можетъ положиться на свою силу и бы-

строту бѣга, но ненавидитъ гіенъ и, пока пьетъ, не спускаетъ съ нихъ глазъ.

Вдругъ всѣ животныя, до этого времени наслаждавшіяся прохладой ночи и свѣжестью воды, приходятъ въ безпокойство: жираффы вскакиваютъ и, размахивая длинными шеями, отступаютъ; зебры издаютъ плачевные звуки и приготовляются бѣжать; гну, тихо и озираясь, удаляется съ мѣста, гдѣ только-что пилъ; даже носорогъ, охотно вступающій въ борьбу, прислушивается, поворачиваетъ голову, снова прислушивается и, злобно сопя, отступаетъ. Въ отдаленіи раздается страшный шумъ, земля дрожитъ подъ тяжелыми шагами, и на ближайшемъ, освѣщенномъ луной склонѣ появляется стадо слоновъ. Справа и слѣва выдвигаются толстыя, уродливыя головы и высоко поднимаютъ хоботы. Слоны ни на минуту не останавливаются, зная, что все должно имъ уступить. Пока эти исполины не утолятъ жажды и не оставятъ берега, къ нему не подходитъ ни одно другое животное.

— Это должно быть чудное мѣсто для охоты! воскликнулъ Ѳедя.

— Къ сожалѣнію, гдѣ такъ много дичи, тамъ ее обыкновенно уничтожаютъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ могутъ потребить. Многія племена туземцевъ въ Африкѣ, живя исключительно дикими плодами и охотой, въ мѣстностяхъ, гдѣ пасутся безчисленныя стада антилопъ, буйволовъ, зебръ, гну, жираффъ, прибѣгаютъ къ способамъ охоты, уничтожающимъ этихъ животныхъ заразъ въ огромномъ числѣ.

Миссіонеръ Ливингстонъ разсказываетъ, между прочимъ, объ одномъ изъ этихъ способовъ. Племя негровъ, живущихъ внутри страны, вырываетъ обыкновенно для охоты яму, называемую *попо*; къ ней ведутъ двѣ изгороди, поставленныя одна къ другой подъ угломъ V и продол-

женныя отъ вершины угла шаговъ на пятнадцать, такъ что онѣ образуютъ какъ-будто огороженную улицу, упирающуюся въ яму отъ шести до осьми футовъ глубиною и отъ двѣнадцати до пятнадцати футовъ шириною и длиною. По краямъ ямы уложены деревья, и она покрыта легкимъ ситовникомъ, чтобы животныя ея не замѣтили.

Въ такую-то яму цѣлое племя загоняетъ изъ окрестной мѣстности дичь, и вы можете себѣ вообразить, дѣти, какія разнородныя животныя туда попадаются. Иногда ихъ наберется въ ямѣ столько, что падающія послѣдними проходятъ по тѣламъ внизу лежащихъ, какъ по землѣ, и снова выскакиваютъ.

Нѣкоторыя племена убиваютъ такимъ образомъ, въ теченіе одной недѣли, отъ шестидесяти до семидесяти штукъ крупныхъ звѣрей, и будьте увѣрены, что въ это время гіены съ избыткомъ утоляютъ свой голодъ.

Кромѣ того туземцы убиваютъ много звѣрей метательными копьями, и даже слонъ не можетъ имъ противостоять, если дикари нападаютъ въ значительномъ числѣ. Они вонзаютъ въ него копье за копьемъ, пока онъ не падетъ отъ потери крови.

— Я бы желалъ когда-нибудь видѣть, сказалъ Ѳедя,— какъ сражаются какіе-нибудь два большіе звѣря. Это, должно быть, очень занимательно.

— Въ Африкѣ, продолжалъ отецъ, — ты бы могъ часто доставить себѣ это удовольствіе.

Напримѣръ, тамъ случаются иногда—правда, очень рѣдко—битвы слона съ носорогомъ, и хотя послѣдній обыкновенно уступаетъ дорогу слону, но бывали примѣры, что онъ его побѣждалъ, распоровъ ему рогомъ животъ. Левъ также никогда не нападаетъ ни на слона, ни на носорога; отъ носорога онъ даже спасается бѣгствомъ. На буйвола львы рѣшаются нападать только вдвоемъ

или втроемъ. Разсказываютъ примѣры, что левъ нападалъ на буйволовьяго теленка, что въ это время возвращалась мать послѣдняго, и, одаренная страшной силой въ затылкѣ, поднимала льва на рога и убивала его. Часто также находили трупы львовъ, которые, повидимому, нападали на буйволовъ и платились за это жизнью.

Взаключеніе я опишу вамъ занимательную охоту г. Вардена, изъ которой вы увидите, что левъ вовсе не такой страшный и опасный звѣрь, какимъ его многіе описываютъ, и потому едвали можетъ быть названъ царемъ звѣрей.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1846 г. Варденъ, съ однимъ изъ своихъ друзей, ѣхалъ верхомъ по берегу небольшой рѣки. Замѣтивъ трехъ буйволовъ, они слѣдили за ними нѣкоторое время и наконецъ выстрѣлили въ одного изъ нихъ. Пуля попала въ плечо; не смотря на это, раненый буйволъ пробѣжалъ еще значительное пространство съ двумя остальными, пока не ослабъ отъ потери крови. Охотники снова зарядили ружья и пустились въ погоню за отставшимъ; но въ это время на него бросились три льва. Сначала онъ смѣло защищался, но, разумѣется, они вскорѣ съ нимъ совладали и повалили его на землю. Стоя на заднихъ лапахъ, они начали рвать буйвола когтями и зубами. Охотники подползли къ нимъ на разстояніе тридцати шаговъ, стали на колѣни и выстрѣлили. Одинъ изъ львовъ упалъ замертво на буйвола; второй обратился въ бѣгство, а третій поднялъ голову, посмотрѣлъ вокругъ и продолжалъ рвать буйвола. Охотники должны были на нѣкоторое время отступить, чтобы зарядить ружья, потомъ воротились, выстрѣлили снова и ранили этого льва такъ тяжело, что онъ не могъ бѣжать и они его потомъ легко убили.

Кажется, дѣти, я вамъ представилъ, насколько могъ, картину охоты въ Африкѣ, и этимъ мы закончимъ вечеръ. Завтра мы возьмемъ снова карту полушарій, и я постараюсь дать вамъ общій обзоръ странъ, которыя описывалъ въ частности. Изъ него вы легко поймете, какъ всѣ народы находятся въ зависимости одинъ отъ другаго.

— А потомъ? спросила Маша.

— Потомъ? повторилъ отецъ, смѣясь: потомъ мы выѣдемъ изъ Африки и Средиземнымъ моремъ вернемся домой, совершивъ кругосвѣтное путешествіе. Оставимъ это, однако, на завтра. Сегодня поздно и пора ложиться спать. Притомъ же, охота на льва васъ, вѣроятно, немного утомила.

ГЛАВА VIII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

На слѣдующій вечеръ отецъ, по обѣщанію, принесъ дѣтямъ карту двухъ полушарій. — Въ дѣйствительности, началъ онъ, полушарія, разумѣется, не лежатъ такъ одно возлѣ другаго; но если мы вообразимъ ихъ себѣ облегающими шаръ, то будемъ имѣть понятіе о наружной формѣ земли. Наклоняя полюсы, попеременно, къ солнцу, земля движется вокругъ него, совершая въ то же время, въ теченіе 24 часовъ, оборотъ вокругъ своей оси.

— Ну, милыя дѣти, продолжалъ отецъ, когда Ѳедя и Маша разсмотрѣли со вниманіемъ карту, указывая другъ другу то одну, то другую страну, — вы можете теперь прослѣдить дорогу, которою мы ѣхали. Изъ Европы мы отправились, по слѣдамъ Колумба, въ Америку, осмотрѣли всю эту часть свѣта, потомъ побывали на островахъ Тихаго океана, которыхъ удобно достигли при помощи пассатнаго вѣтра, и снова воротились на наше полушаріе. Тамъ мы сперва посѣтили Австралію; изъ нея переѣхали въ Азію и окончили наше путешествіе Африкой.

— У южнаго полюса, папаша, также есть земля, замѣтилъ Ѳедя; — про нее ты намъ ничего не говорилъ.

— Объ ней и нечего говорить, дитя мое, отвѣчалъ

отецъ. Дѣйствительно, тамъ есть земля; многіе мореплаватели находили, не доѣзжая полюса, ясные слѣды почвы, камни и землю; но тамъ такъ холодно, и каждый клочекъ земли окруженъ такими ледяными полянами и горами, что даже приближеніе къ ней очень опасно и ни одинъ человѣкъ тамъ существовать не можетъ. Поэтому, такъ-называемыя антарктическія страны имѣютъ только научное значеніе и могутъ принести такъ же мало пользы, какъ и лежащія близъ сѣвернаго полюса, хотя между послѣдними уже открытъ проходъ изъ Тихаго океана въ Антлантическій. Какъ я вамъ уже говорилъ, проходъ этотъ почти постоянно замкнутъ пловучими ледяными горами. Корабли, желающіе пройти имъ, подвергаются величайшей опасности: они ежеминутно могутъ быть замкнуты или стерты льдами.

— Да незачѣмъ туда и ѣхать, замѣтилъ Ѳедя:—къ югу отъ Америки есть большая, открытая дорога.

— Теперь, когда свойство этого прохода извѣстно, ты правъ, другъ мой, отвѣчалъ отецъ; — но не должно забывать, что открывшіе его мореходцы расширили наши свѣдѣнія о землѣ и что, притомъ, цѣль ихъ была весьма важная: отъисканіе кратчайшаго торговаго пути. Если мы ближе разсмотримъ дѣло, то увидимъ, что всѣ страны свѣта связаны торговлей или, вѣрнѣе, разнородными нуждами людей. Для удовлетворенія этимъ нуждамъ доставляющимъ выгоды, купцы и разсылаютъ корабли во всѣ страны свѣта. Кто, скорѣе и дешевле доставитъ въ Европу необходимые намъ предметы, тотъ зарабатываетъ болѣе денегъ, то есть средствъ удовлетворить и собственнымъ нуждамъ. А корабль сберегъ бы много времени, еслибъ, отправляясь, напрмѣръ, въ Калифорнію, на западномъ берегу сѣверной Америки, могъ проѣхать прямо къ югу отъ Исландіи и Гренландіи, тогда какъ теперь онъ долженъ совершить путешествіе

вокругъ цѣлаго американскаго материка. Для этой поѣздки ему нужно отъ четырехъ до пяти мѣсяцевъ, тогда какъ въ первомъ случаѣ довольно было бы и двухъ. Слѣдовательно, корабль могъ бы проѣхать туда и обратно въ такой же промежутокъ времени, въ какой онъ теперь совершаетъ только одно путешествіе, и избѣгнуть многихъ издержекъ, которыя теперь необходимы.

— Зачѣмъ же ѣздить въ Калифорнію? спросилъ Ѳедя: — что добывается тамъ, то можно получить и въ другихъ, ближайшихъ странахъ.

— Конечно. Золото и другіе металлы мы можемъ получить съ западныхъ береговъ Африки и восточныхъ береговъ Америки, кожи изъ южной Россіи и изъ Ла-Платы, сало изъ Россіи, и т. д. Но жители Калифорніи нуждаются въ товарахъ, которые приготовляетъ Европа, и хорошо за нихъ платятъ; поэтому корабли идутъ въ Калифорнію съ нашими произведеніями. Кромѣ того, они не возвращаются тотчасъ же въ Европу: напротивъ, вымѣненныя произведенія Калифорніи они доставляютъ въ страны, гдѣ за нихъ лучше платятъ, чѣмъ у насъ.

Многіе владѣльцы кораблей отправляются на своихъ судахъ и по прибытіи въ различныя страны опредѣляютъ дальнѣйшій ходъ своихъ предпріятій; или они даютъ довѣренность капитанамъ не придерживаться извѣстнаго пути, но брать такой товаръ, который имъ покажется лучшимъ. Подобный капитанъ отправится, напримѣръ съ переселенцами или товарами, къ Мысу Доброй Надежды. Накупивъ слоновой кости, звѣриныхъ кожъ и капскаго вина, онъ везетъ этотъ грузъ въ одну изъ открытыхъ китайскихъ гаваней. Въ Китаѣ онъ выгодно продаетъ слоновую кость и кожи; но вина, положимъ, онъ не можетъ сбыть; поэтому онъ оставляетъ вино на кораблѣ; на деньги же, полученныя за слоновую кость и кожи, покупаетъ чай и шелкъ и от-

правляется съ ними въ поселеніе Аделаиду, въ Австралію. Тамъ капитанъ легко сбываетъ свой грузъ; онъ грузитъ на корабль мѣдную руду, дойныхъ коровъ, собакъ и лошадей и ѣдетъ въ Остъ-Индскій архипелагъ, въ Батавію на Явѣ, гдѣ продаетъ свои товары. Взамѣнъ ихъ, онъ беретъ: кофе, рисъ, пряности, кошениль и другія мѣстныя произведенія и возвращается съ ними домой, заработавъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, нѣсколько тысячъ талеровъ.

Такимъ образомъ, дѣти, весь міръ связанъ торговлей, и мы сами высылаемъ изъ Европы корабли во всѣ страны свѣта, ко всѣмъ поясамъ. Они отправляются преимущественно весной, когда гавани очистятся ото льду, и пока одни ѣдутъ на сѣверъ для ловли китовъ и добыванія жиру, дешеваго освѣтительнаго матеріала, другіе отправляются, частью съ переселенцами, частью съ товарами, во всѣ страны свѣта, во всѣ гавани и привозятъ намъ все необходимое, не заставляя насъ самихъ переѣзжать за море. Намъ стоитъ только перейти улицу, чтобы получить желаемое: кофе — изъ Бразиліи, Явы или Мокки, рисъ — изъ сѣверной Америки или Остъ-Индскаго архипелага, слоновую кость изъ Африки и Азіи, хлопчатую бумагу изъ Соединенныхъ Штатовъ, шелкъ изъ Китая, шеколатъ изъ Перу, вино съ Мыса Доброй Надежды и съ Мадеры, пряности съ Молуккскихъ островоъ, красильныя деревья изъ средней Америки, перламутръ съ островоъ Тихаго океана. Въ обмѣнъ этихъ товаровъ везутся европейскія издѣлія, такъ что мы находимъ ихъ нетолько во всѣхъ частяхъ Америки, но и въ Австраліи, Китаѣ и Африкѣ.

И какая работа, какая дѣятельность происходитъ на обоихъ полушаріяхъ; и какъ мы были бы удивлены, еслибъ могли видѣть заразъ всю эту суматоху!

— Еслибъ мы, папаша, сидѣли, напримѣръ, на лунѣ,

сказалъ Ѳедя, — и держали въ рукахъ хорошую зрительную трубу.

— Пожалуй; только намъ понадобились бы трубы гораздо лучше нынѣшнихъ, въ которыя мы не можемъ разсмотрѣть поверхности луны.

— Какъ бы это было великолѣпно, воскликнули дѣти, — еслибъ можно было оглянуть земной шаръ.

— Сначала, продолжалъ отецъ, — опредѣлились бы три пояса, пятью кольцами, изъ которыхъ среднее — то есть, жаркій поясъ, самый широкій, — ясно отличался бы своею вѣчно-зеленою и притомъ темною растительностью, вездѣ, гдѣ есть земля. Только въ Африкѣ въ него врѣзывается желтая полоса пустыни, простирающейся черезъ весь африканскій материкъ вглубь Азіи.

Умѣренный поясъ обозначался бы свѣтлѣйшею растительностью, потому что темно-зеленый цвѣтъ тропическихъ лѣсовъ не свойственъ нашимъ лиственнымъ породамъ; хвойный представлялся бы почти черными пятнами и полосками.

Ледовитые океаны замѣтны были бы по ослѣпительно-бѣлому снѣгу и игрѣ свѣта во льду. Блестящее на солнцѣ море дополняло бы картину. Только лежащіе въ немъ острова выдавались бы отдѣльными точками.

Еслибы мы могли, наконецъ, различить людей и звѣрей, то что за чудная смѣсь представилась бы нашимъ глазамъ, въ особенности на обитаемомъ нами полушаріи, съ его огромнѣйшимъ материкомъ.

Въ Европѣ мы увидѣли бы сплошное населеніе, тѣснящееся въ городахъ и селеніяхъ, и прорѣзающія эту часть свѣта во всѣхъ направленіяхъ желѣзныя дороги и другіе пути сообщенія. Здѣсь ни одинъ футъ земли не остается безъ употребленія, ни одинъ клочекъ ея не можетъ быть выжженъ или затопленъ безъ причи-

ненія кому-либо убытка. Каждое поле воздѣлываютъ, о каждомъ деревѣ заботятся. Тысячи людей живутъ другъ возлѣ друга, въ теплыхъ и удобныхъ домахъ, семья возлѣ семьи: въ городахъ даже много семействъ въ одномъ домѣ. Въ то же время въ сосѣдней Африкѣ мы видимъ одинокаго араба, проѣзжающаго на своемъ верблюдѣ сотни миль пустынею, не встрѣчая ни одного человѣческаго существа; видимъ животныхъ: слона, жираффу, льва, гіену, носорога и буйвола, пробирающихся ночью къ далекому источнику для утоленія жажды; видимъ племена негровъ, которымъ слѣдовало бы жить въ дружбѣ и которыя, напротивъ, ведутъ одно съ другимъ постоянныя свирѣпыя войны, съ цѣлью захватить плѣнныхъ и продать ихъ въ неволю чужому бѣлому народу.

Здѣсь видимъ истомленный караванъ, отдыхающій на горячемъ пескѣ пустыни и жаждущій хоть одного глотка воды, тогда какъ, можетъ быть, въ то же самое время въ сосѣдней Европѣ рѣки и горные потоки выступаютъ изъ своихъ береговъ и уносятъ съ собой все, чего достигнутъ ихъ стремительныя воды. Здѣсь, корабль, съ распущенными парусами и богатымъ грузомъ, возвращается въ отечество; тамъ, въ отдаленномъ морѣ, такое же судно борется съ бурей и крушится о скалистые берега. Въ таинственныхъ полярныхъ странахъ видимъ вѣчный ледъ, вѣчный снѣгъ, на который не ступаетъ и никогда не будетъ ступать ни одна человѣческая нога, тогда какъ между тропиками колеблются раскошные вѣнцы стройныхъ пальмъ и въ лѣсахъ созрѣваютъ сладкіе сочные плоды. Здѣсь холодъ бури и безплодная почва, вознаграждающая самый усиленный трудъ лишь самымъ необходимымъ; тамъ — цѣлымъ племенамъ, какъ на островахъ Тихаго океана, стоитъ, для добыванія пищи, только протянуть руку

къ своему хлѣбному дереву; имъ не надо ни платья, ни топлива, но недоступны наслажденія знанія. И всѣ эти народы разныхъ обликовъ и цвѣтовъ, говорящіе различными языками, исповѣдующіе различныя религіи и различно управляемые, — стремятся къ увеличенію своего благосостоянія. И у каждаго изъ принадлежащихъ къ этимъ народамъ людей есть связанныя съ этимъ благосостояніемъ радости и горе. Я желалъ бы, чтобъ это горе и эти радости не были вамъ чужды, чтобы на нихъ всегда откликалось ваше сердце и чтобы оно, до послѣдняго біенія, было полно любви къ людямъ, близкимъ и дальнимъ, и побуждало васъ къ дѣятельности честной и полезной.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЮЖНАЯ АМЕРИКА.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ОКЕАНІЯ И АВСТРАЛІЯ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. АЗІЯ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. АФРИКА.

Опечатка.

Въ описаніи Америки, слѣдуетъ слово *индіянцы* — замѣнить словомъ *индѣйцы*.

